

НОВЫЕ МИФЫ МЕГАПОЛИСА

Специально для этой книги — новая повесть о мире Дозоров Сергея Лукьяненко!

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Владимир БЕРЕЗИН

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Александр ГРОМОВ

Олег ДИВОВ

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО

Леонид КАГАНОВ

Дмитрий КОЛОДАН

Святослав ЛОГИНОВ

и другие...

НОВЫЕ МИФЫ МЕГАПОЛИСА

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

Сергей
ЛУКЬЯНЕНКО

Владимир
БЕРЕЗИН

Владимир
ВАСИЛЬЕВ

Александр
ГРОМОВ

Олег
ДИВОВ

Марина и Сергей
ДЯЧЕНКО

Леонид
КАГАНОВ

Дмитрий
КОЛОДАН

Святослав
ЛОГИНОВ

и другие...

НОВЫЕ МИФЫ МЕГАПОЛИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ АСТРЕЛЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Н76

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Составитель: Андрей Синицын

Новые мифы мегаполиса : [сб.] — М.: АСТ: Астрель,
Н76 2011. — 700, [4] с.

ISBN 978-5-17-075186-0 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: ЗЛ-2)
ISBN 978-5-271-37023-6 (ООО «Изд-во Астрель»)

ISBN 978-5-17-074888-4 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: (У)Теле-1)
ISBN 978-5-271-37024-3 (ООО «Изд-во Астрель»)

Перед вами новая книга «Мифов мегаполиса» — самого успешного тематического сборника в истории современной отечественной фантастики!

Специально для этой книги отечественный фантаст номер один Сергей Лукьяненко написал новую повесть о мире Дозоров — «Пророк и Сумрак».

Но это — далеко не единственное, что делает «Новые мифы мегаполиса» уникальными.

Каждое произведение этого сборника основано на какой-то из современных мифологем больших городов — мистических или социальных, технотронных или даже экономических.

Многообразие сюжетов и жанров, стилей и направлений...

«Темная фэнтези» — и классический «ужастик».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© ООО «Издательство Астрель», 2011

СБОРНИК СИСТЕМЫ СОЛЕРА

От составителя

Этот сборник готовился долго, более трех лет. За это время состав его претерпел три итерации. Хотя поначалу ничто подобного развития событий не предвещало. «Мифы мегаполиса», выпущенные в 2007 году, оказались сверхуспешными — их совокупный тираж добрался до гроссмейстерского рубежа в сто тысяч. Честно говоря, не припомню подобного результата у какого-нибудь еще тематического сборника в новейшей истории российской фантастики.

Естественно, у издателей возникла идея развить успех. Первоначально планировалось, что каждый из участников первых «Мифов» напишет продолжение своей истории. Простенько и со вкусом. Легко сказать — трудно осуществить: попробуйте попросить два десятка человек вырыть по второй яме, после того как они только-только вытерли пот со лба, выкопав первую. К тому же в этот момент вступила в решающую стадию подготовка к Еврокону-2008, к которому был приурочен проект «Убить Чужого»/«Спасти чужого», и «Новые мифы» на некоторое время оказались в зоне лишь периферического внимания. В общем, от первоначального варианта, словно кадры бурлящего болота Рерберга в окончательной версии «Сталкера» (без разделительных точек), в нынешнем сборнике остался лишь рассказ Олега Овчинникова «Операторы всех стран», сиквел прозвучавших в свое время «Операторов односторонней связи».

18 мая 2008 года отгремели залпы финального фейерверка Еврокона, а 19-го российские фондовые индексы перестали расти, и началось падение экономики. К осени выяснилось, что фантастику, за исключением романов десятка всем известных авторов, перестали активно покупать. Пер-

спективы выхода сборника стали весьма туманны. В сложившихся условиях было совершенно неверным узурпировать уже присланные для «Новых мифов» рассказы, и постепенно они разбрелись по журналам и авторским сборникам, направив тем самым вторую итерацию в Лету, как смытый проявочной машиной «Мосфильма» отснятый изначально материал уже упоминавшегося выше «Сталкера» (без точек, без точек). Некоторые из этих текстов сохранили свое место в итоговом сборнике, как, например, рассказ Александра Громова «Фора» или повесть Анны Китаевой «По ту сторону джера», но в конце концов их пришлось дорабатывать в соответствии с изменяющимися в бешеном темпе жизненными реалиями.

И тут пришел «С.Т.А.Л.К.Е.Р.» (самый что ни на есть с точками) и показал, кто в доме хозяин. То есть проект к тому моменту вполне благополучно существовал уже больше года и даже в 2008 году получил приз конференции «Роскон» как лучший мультимедийный проект, но весной 2009-го, в условиях жесточайшего издательского кризиса, он катком прошелся по сложившейся к тому моменту системе ценностей. Как человек, отдавший более двух лет своей жизни служению этому Молоху в качестве ответственного редактора, позволю себе высказаться.

Бытует мнение, что проект «С.Т.А.Л.К.Е.Р.» нанес огромный вред развитию российской фантастики, ее самобытности и своеобычию. Разрешите с этим не согласиться. В самый разгар кризиса, когда издатели начали делить тексты на «явные» и «неявные», фантастика, с ее средним тиражом в три тысячи, очевидно попадала в разряд вторых и рисковала потерпеть полное фиаско. И только «С.Т.А.Л.К.Е.Р.» и иже с ним «Этногенез» и «Метро» своими громадными тиражами переломили ситуацию, и издательства продолжили выпуск «оригинальных» текстов, покрывая убытки от них прибылью от проектов. Из этого следует элементарный вывод: «С.Т.А.Л.К.Е.Р.» в 2009–2010 годах просто спас отечественную фантастику, и если бы этого проекта не было, его следовало бы придумать. Что же касается своеобычия, то все без исключения издательские серии укладывают

своих авторов на прокрустово ложе формата, что ничем не лучше требований по соответствию сеттингу игры. Автор, участвующий в проекте, имеет достаточно возможностей для демонстрации самобытности, и все зависит только от того, насколько он сам внутренне свободен. Это, если хотите, вызов — написать достойный текст, имея серьезные граничные условия (практически back in ussr).

К концу 2010 года ажиотаж вокруг проектов постепенно начал стихать (на мой взгляд, они уже выполнили свое историческое предназначение), и появилась возможность выяснить, есть ли жизнь после «С.Т.А.Л.К.Е.Р.А.». Оказалось, что очень даже. Менее чем за год портфель сборника пополнился текстами третьей итерации, при этом такого качества и в таком количестве, о которых можно было только мечтать. В отличие от первых «Мифов», посвященных в основном мистическим аспектам жизни мегаполисов, новый сборник получился гораздо разнообразнее: в его содержании между экзистенциальной притчей Дмитрия Колодана и политической сатирой Олега Дивова можно встретить произведения, основанные на самых разнообразных мифологемах, рожденных в последние годы в недрах современных городов: от психоделических и социальных до технотронных и финансово-экономических. Ну и, конечно, следует отметить, что специально для «Новых мифов» Сергей Лукьяненко написал новую повесть из мира Дозоров «Пророк и Сумрак».

Этот сборник готовился долго, более трех лет. За это время состав его претерпел три итерации. Хорошо ли это? По мне, чем выдержка дольше, тем лучше.

В Испании для производства знаменитого хересного бренди применяют систему солера. Дубовые бочки заливают виноматериалами и устанавливают в три яруса, образуя подобие пирамиды. Самый нижний ярус называется солера, в нем находится наиболее старое бренди, которое по мере готовности отбирают для потребления. Бочки соседних ярусов соединены между собой. Когда бренди разливается в бутылки, извлекается часть содержимого каждой бочки. Количество напитка, которое было изъято из бочек солеры,

замещается таким же количеством бренди из бочек верхних ярусов. Таким образом «молодые спирты делятся со старыми своей энергией и силой, а старые оставляют отпечаток своей мудрости и опыта на молодых».

Три итерации словно три яруса, и вот уже солера заполнена выдержанными в суровых условиях издательского кризиса повестями и рассказами. Осталось лишь повернуть кран и наполнить бокал.

Андрей Синицын

Дмитрий Колодан

ПОД МОСТОМ

1

Огонек самокрутки вспыхнул, осветив морщинистое лицо старого Юстаса. Дрожащий язычок пламени отразился в выпученном левом глазу, пустом и бледно-сером, как сваренное вкрутую яйцо.

— Ах ты зараза! — Юстас дунул на цигарку.

Обрывок тлеющей бумаги оторвался и, подхваченный ветром, закружился над маслянисто-черной водой реки. В ответ на противоположном берегу мигнул кормовой фонарь угольной баржи.

— За это я и ненавижу Кьеркегора, — сказал Юстас. — Не горит — не теплится, только махорку зря переводим.

— Отсырела книженция, — отозвался Глухой Боб. — Когда Аристотеля курили, тогда да — бумага была хорошая, сухая, а сейчас...

Он сплюнул в сердцах и вырвал страницу из лежащей на коленях книги — «Большого Философского Словаря». Подогнув неровный край, Боб принялся его слюнявить, готовя самокрутку.

В тот вечер, как и в любой другой, Философское Общество собралось у автомобильного моста на окраине города. Место не самое уютное — от реки тянуло влажной стылостью, а проносящиеся по мосту грузовики прерывали беседу бессмысленным ревом и грохотом. Однако массивные каменные быки защищали от ветра, а вздумай пойти дождь, было где укрыться. Очень давно они — Юстас, Глухой Боб и Андреас — работали на строительстве этого моста. Никто не думал, что тот станет их последним пристанищем.

В ржавой бочке шипел костер из пластиковых бутылок, пенопласта и гнилых досок, собранных на берегу. Пламя было

© Д. Колодан, 2011.

слабым, тепла едва хватало отогреть руки. Зато чадило так, что у Юстаса, человека привычного, безостановочно слезился здоровый, правый, глаз. Потому, хотя Юстас и продрог до костей, к костру он приближаться не спешил. Клубы и петли черного дыма переваливались через край бочки и отползали к реке.

— Ну, — подал голос Андреас, в прошлой жизни — статный моряк, теперь же одноногий старик в надвинутой по самые уши красной шапочке. — Дальше что было с этими шведами?

Андреас протянул руки над бочкой. От вязаных рукавиц с обрезанными пальцами повалил пар.

— Датчанами, а не шведами, — поправил Юстас. Моряк отмахнулся: мол, без разницы.

— Умерли, — вздохнул Юстас. — Все.

Для пущей убедительности он чиркнул себя пальцем по горлу.

— Вот те на! — Глухой Боб оторвался от ритуала изготовления философской самокрутки и уставился на Юстаса. — Прям все?

— А то! — сказал Юстас. — Королева ихняя яду выпила... А принц, сынок ее, дядю-братоубийцу мечом зарубил, а потом и сам штиблеты отбросил — порезали клинком отравленным. Ну, девчонка раньше утопилась — тронулась с горя умом и бросилась с моста в реку... В общем, никого в живых не осталось.

Он глубоко затянулся и оглядел притихшую публику. На грубых и грязных лицах застыло сосредоточенное выражение — каждый в меру сил пытался осмыслить рассказанную историю. Глухой Боб хлюпнул носом — из всей компании он был самым впечатлительным.

— Был я в Дании этой, — наконец сказал Андреас. — Салаку грузили. Но про такие ужасы не слышал.

— Дурень, — сказал Глухой Боб. — То ж давно было! Сейчас оно, ясное дело, по-другому. Сейчас их бы в дурной дом отправили — от греха подальше.

Он передал моряку готовую самокрутку и вырвал из книги следующую страницу. Повернув ее к свету, он прочитал, по-детски растягивая слова:

— Скончался в восемнадцать пятьдесят пять, в Копенгагене, Дания... Что ж за страна такая! Мрут как мухи.

Юстас рассмеялся — точно ворона закаркала.

— Я что думаю, — сказал Андреас. — Эти королипринцессы, они ж не в своем уме. Режут друг друга направо и налево... Надо их всех в дурной дом, тогда порядок будет.

— Прям всех? — сказал Глухой Боб. — Ты сам хоть одного видел?

— Нет, — сказал моряк. — И что с того? Я слышал историю про одну королеву, которая уснуть не могла, если кому голову не отрубит. Проснется, сразу в крик — голову с плеч!

— Брешешь! — сказал Глухой Боб. В поисках поддержки он посмотрел на Юстаса. Тот потер щеку.

— Ну, я тоже слышал... Или в книжке читал.

— Вот ведь! — Глухой Боб схватил стоящую у ног пластиковую бутылку и приложился к горлышку, поморщился от гадкого вкуса. Юстас забрал у него бутылку — костер совсем не грел, зато брага внутри устроила настоящий пожар. Самое то холодной ночью.

— А еще историю? — попросил Андреас. — Только с хорошим концом давай.

— С хорошим? — Юстас сжал подбородок. — Не припоминается...

В поисках вдохновения он повернулся к мосту и прищурился. С хорошим... Значит, история про негра, который жену задушил, не подходит? Получается — зря читал?

Автомобильный мост освещали редкие фонари вдоль балюстрады. Пятна маслянисто-желтого света покрывали его как оспины, расплываясь во влажном воздухе мутными гало. В промежутках тени казались особенно густыми и плотными. Привычная картина, но на сей раз в симфонию тьмы и света вкралась лишняя нота. Юстас нахмурился, присматриваясь, и вдруг подпрыгнул, вытягивая руку.

— Самоубийца! Там, на мосту!

— Что? — Глухой Боб захлопал ресницами. — Где!

Юстас пнул его по ноге.

— Вон там, глаза протри!

На перилах моста кто-то стоял. Тонкий темный силуэт, четко очерченный желтым светом фонаря, слегка покачивался,

словно треплемый ветром. Так и есть — самоубийца. Во всей красе. Хотя их мост и не пользовался бешеной популярностью среди любителей сводить счеты с жизнью, Философское Общество успело вдоволь на них насмотреться.

— Эй! — заорал Глухой Боб. — Ты что делаешь-то? Эй!

— Не услышит он, — одернул приятеля Юстас.

— Эй! — Глухой Боб не унимался. — Вот идиот!

Он запрыгал на месте, крича и размахивая руками. Без толку — сколько ни дери глотку, там, наверху, их крики звучат не громче комариного писка. Меж тем Юстас заметил, что они не одиноки в попытках остановить самоубийцу. Вдоль перил к тому приближалась смазанная фигура. Юстас разглядел протянутую руку.

— Ух ты! — сказал Андреас. — Еще один!

Он вцепился в свою шапочку и поглубже натянул на уши. Верный признак сильного волнения. Один самоубийца понятно, но двое сразу — такого на их мосту отродясь не случалось. Глухой Боб прекратил скакать и тяжело дышал, опершись ладонями в колени. Его трясло, острый кадык дрожал мелко и часто.

— Не похож он на самоубийцу... — начал Юстас. И его слова получили неожиданное подтверждение. В протянутой руке что-то сверкнуло — холодный блеск стали. Нож? Какого черта...

Фигуры на мосту разделяло не более пары шагов. Человек с ножом метнулся вперед, занося руку для удара. Лезвие сверкнуло в свете фонаря. В тот же самый момент самоубийца прыгнул с моста. Мелькнул темной рыбкой на фоне городских огней и с тихим всплеском ушел под воду.

— Ни хрена себе, — прошептал Андреас. Глаза готовы были выкатиться из орбит.

Человек с ножом забрался на перила. Пару секунд он балансировал на краю, широко расставив руки. Лезвие ножа дрожало и переливалось — задорно-весело, будто человек намеренно игрался с ним, любовался игрой света. А потом он шагнул вперед, к маслянисто черным водам реки.

Однако до воды он не долетел. В полете его тело съежилось, как проколотый воздушный шар. Осталась трепыхающаяся тряпка, из которой в стороны прыснула стайка черных

птичек. Они замерли на мгновение и разлетелись, пискляво чирикая. Исчезли в ночи, словно их и не было. В реку упала смятая комом одежда. Волны подхватили ее и потащили под мост.

Философское Общество застыло в гробовом молчании.

— Черт! — наконец сказал Глухой Боб. — Что это было?

— Да будь я проклят! — Андреас принялся шарить по траве в поисках бутылки. — Вы видели? Он...

Поскольку моряк нашел выпивку, он не договорил. Заканчивать пришлось Юстасу.

— Он превратился в стаю воробьев и разлетелся! Нет, вы тоже видели?

— Выпей, — сказал Андреас, передавая ему бутыль.

Юстас протянул руку, но остановился, прислушиваясь к звукам реки. Заметив озадаченный взгляд, Андреас поспешил его успокоить.

— Видели. Не один ты такой...

— Тихо, — цыкнул Юстас.

Он сделал пару шагов к берегу, всматриваясь в ночную темноту. Плеск... Второй. Кто-то плыл в их сторону, ориентируясь на свет костра. В желудке шевельнулся холодный ком.

Самоубийца. Выплыл все-таки... И теперь барахтается в волнах, борясь с течением. Ком в желудке разрастался, у Юстаса задрожали руки, и отнюдь не от холода. Он заставил себя собраться. Чего ему бояться здесь? Тем более он не один... И все равно на душе скребли кошки, а Юстас привык доверять своим чувствам.

Самоубийца добрался до мелководья и поднялся на ноги. Постоял, раскачиваясь, затем выпрямился и, загребая воду, побрел к костру. Несколько раз он спотыкался и падал, но снова вставал и упрямо двигался к цели. Юстасу как раз хватило времени его рассмотреть.

Это оказалась девушка. Невысокая, тоненькая и гибкая, как ящерка. Лицо с мелкими и острыми чертами, короткие волосы и большие глаза... К волосам прилипла то ли водоросль, то ли грязный обрывок целлофана. Выбравшись на берег, девушка остановилась напротив Юстаса. Не сказала ни слова, смотрела, не моргая. В глазах плясали рыжие огоньки костра.

Юстас сглотнул.

— Э... Кто вы?

— Я? — Девушка закашлялась. — Я принцесса Калифорнии.

Она развернулась, посмотрела на мост и без чувств упала на пожухлую траву.

Философское Общество застыло в полном недоумении. Прошло не меньше минуты, прежде чем они решились заговорить. Все разом.

— Она сказала: принцесса Калифорнии? Но ведь...

— Что я и говорил. — В голосе Андреаса прозвучали торжествующие нотки. — Всех их надо в дурной дом!

— Но в Калифорнии...

— Знаете, — сказал Глухой Боб. — Может, мы это... Не будем больше курить Кьеркегора?

2

Когда тебя хотят убить, вырезать глаза и съесть их, первонаперво нужно научиться трем вещам. Сначала — прятаться, потом — убегать и, напоследок, — драться. Именно в таком порядке и никак иначе. Наука несложная, и Санди Гайде, случайная принцесса Другой Калифорнии, овладела ею почти в совершенстве. Но как бы хорошо ты ни знал свое дело, рано или поздно случаются осечки.

Господин Воробей выследил ее на Рамбла Алмандо. Сама виновата. Не стоило появляться на столь людном бульваре, даже ранним утром. Никогда нельзя забывать, что у братцев везде есть глаза и уши.

Впрочем, у Санди не было выбора. Если в карманах гуляет ветер, долго не попрячешься. Рано или поздно пустой желудок выгонит из любого укрытия. А Рамбла Алмандо — прекрасное место для охоты. Особенно с утра, после того как всю ночь гуляли туристы, а уборщики не успели навести порядок.

Потерянные монеты встречаются куда чаще, чем можно подумать. Обычно никто не обращает на них внимания — кому интересен затертый никель в грязной луже? Такие деньги даже в фонтан бросать стыдно. Однако Санди давно усвоила

простой урок: большое складывается из малого, монетка тянется к монетке. Один никель, может, ничего и не стоит, зато десять — и хватит на порцию лапши быстрого приготовления или чашку дешевого кофе. Заработок не большой, но кто сказал, что легко быть принцессой? К тому же денег всегда оказывалось ровно столько, сколько нужно.

В то утро, прогулявшись по Рамбла Алмандо, Санди собрала без малого три марки. По-хорошему, на том бы и остановиться, но Санди пошла дальше, к площади Святого Себастьяна.

Город просыпался лениво. На бульвар по одной выползали ярко-красные поливальные машинки, похожие на большеглазых жуков с искрящимися водяными усами. Искать что-то после них бессмысленно — если и завалялась монетка, ее старательно смоют в канализацию. Но едва Санди собралась уходить, она увидела новенькую купюру в пять марок прямо посреди тротуара.

Санди остановилась, не веря своим глазам. Вместе с тем, что звенело в карманах ветровки, это складывалось не только в хороший обед, но еще и в ужин. Сонный прохожий прошел мимо денег, не заметив. Здесь и стоило задуматься, но урчание в животе заглушило осторожность. Так ее и поймал господин Воробей. Подкрался сзади и, когда Санди нагнулась за купюрой, схватил за руку.

Санди резко повернулась. На губах господина Воробья играла торжествующая усмешка, кривая как изгиб лезвия ножа. Господин Воробей сильнее сжал ее руку.

— Попалась... — прошипел он в ухо. Блеснули маленькие черные глазки.

Пришлось сломать ему запястье.

Конечно, для господина Воробья это не имело значения — у него даже кости были не всегда. Однако Санди выиграла пару секунд, чтобы вырваться и броситься наутек. Ей сильно повезло, что ее нашел господин Воробей — окажись на его месте господин Сойка, господин Грач или кто другой из братцев, так легко было бы не улизнуть.

Но вырваться — одно, а сбежать от господина Воробья оказалось куда сложнее. До ночи они играли в кошки-мышки по всему городу. Санди пряталась, а господин Воробей вы-

слеживал ее, как заправская гончая. Она опять бежала, опять пряталась. До последней встречи на мосту... Последней?

Санди открыла глаза.

Первое, что она увидела: тяжелые ржавые балки высоко над головой — гнутые, похожие на огромные ребра. Зрелище не самое приятное, но всяко лучше птичьей физиономии господина Воробья. И отвратительно яркого блеска ножа у него в руке. Но в тот же момент Санди почувствовала, что на нее смотрят — внимательно и с интересом. Неприятное ощущение.

Санди повернула голову. На груде растрескавшихся каменных блоков устроилась троица странного вида — Санди не сразу поняла, люди ли это вообще. Грязные, заросшие, с опухшими морщинистыми лицами и вырядившиеся в жуткие обноски. Они передавали по кругу длинную самокрутку. То один, то другой исчезал за густым облаком дыма.

— Проснулась, — сказал первый, в натянутой на глаза красной шапочке. Вместо левой ноги у него оказалась деревянная культя; штанина ниже колена перехвачена обрывком веревки.

— Точно, — подтвердил другой. У него не было левого глаза — выпученное бельмо, словно в глазницу вставили сваренное вкрутую яйцо.

— Пфф... — сказал третий, глубоко затягиваясь. Его левое ухо скрывала грязная тряпка, как на знаменитом автопортрете Ван Гога.

Опираясь на руки, Санди приподнялась. Она лежала на груде тряпья — невозможно понять, какого именно, но пахло оно кислым. За спиной возвышалась опора моста, сложенная из темных плит. В то же мгновение над головой послышался дребезжащий грохот — по мосту промчался тяжелый грузовик.

Санди снова повернулась к троице, сидящей на блоках. Горло пересохло, но она нашла в себе силы:

— Кто вы? И где...

— Под мостом, красавица, — прищурившись, сказал одноногий. — Под тем самым мостом, с которого ты фьють и сиганула вчера ночью.

— ...И где господин Воробей? — договорила Санди.

Троица переглянулась.

— Она про того, который за ней прыгнул, — пояснил одноглазый. — Ну, тот...

— Господин Воробей? Надо же!

— Улетел он, красавица. — Одноногий замахал руками, изображая птицу. — В воробьев превратился и разлетелся во все стороны. Ты не думай — мы тут в своем уме и все видели.

— Ага, — сказал тот, у кого было перевязано ухо. — Прямо во все стороны.

И троица снова уставилась на Санди.

Улетел... Санди села, привалившись спиной к холодной каменной стене. Совсем не верилось, что господин Воробей отказался от погони. Слишком высоки ставки. Она ведь была у него в руках, оставался последний шаг, а вместо этого господин Воробей *разлетелся*... Санди сняла с головы нечто склизкое и брезгливо отбросила.

— Ты вообще в порядке, красавица? — участливо спросил одноглазый.

— Да ты посмотри на нее. — Тип с перевязанным ухом протянул руку. — В каком она порядке? Она ж сиганула с моста, как та девица из Дании, ты рассказывал. Сам бы так бамкнулся о воду... Ты, красавица, не из Дании случаем?

— Что?

Одноногий толкнул приятеля кулаком в плечо.

— Из какой Дании, дурень? Она ж сама сказала — принцесса Калифорнии.

Санди вздрогнула. Последнее, что она помнила, — стремительно приближающаяся черная гладь реки. Дальше в памяти был провал. Как она выплыла, как добралась до берега и что говорила — все тонуло в липком черном тумане. Но, черт возьми, неужели она сказала?

— Ага, — сказал одноглазый. — Я слышал. Не знал, что в Калифорнии есть принцессы. Я за океаном и не был...

— Я тоже, — сказала Санди. — Эта Другая Калифорния.

— А я был, — радостно заметил одноногий. — Не в Калифорнии, в Панаме, но это рядом. Мы там салаку грузили.

— Точно! — Тип с перевязанным ухом хлопнул себя по коленям. — Красавица, ты есть хочешь? Ты извини, что не догадались сразу — у нас редко гости бывают.

Он ловко соскочил с плит и поспешил к закопченной железной бочке.

— У нас есть рыба, — сказал он. — Утром поймали, уже запеклась. Принцессы едят рыбу?

— Ишь закопошился. — Одноглазый показал ему язык. Повернулся к девушке. — Как зовут-то тебя?

— Санди...

— А меня Юстас, — представился одноглазый. — Это Андреас, а это Глухой Боб...

Его приятели по очереди помахали. Глухой Боб вытащил из бочки железный лист, на котором лежало нечто, что, возможно, и в самом деле было раньше рыбой. Он перевел взгляд на девушку и обратно. Что-то явно не сочеталось.

— Это наш мост, — продолжил одноглазый Юстас. — Мы его строили, а теперь здесь живем. У нас тут Философское Общество... Вот и вся история. Ну а у тебя? Что за *Другая Калифорния*?

— Просто другая. — Санди дернула плечом. Говорить она не хотела, но единственный глаз Юстаса сверлил как буравчик. — На самом деле ее нет. Здесь. Сейчас.

— Выходит, ты принцесса страны, которой нет?

— Я...

— Юс, — строго сказал Глухой Боб. — Что ты к ней пристал? Не видишь — девчонка сама не в себе? На вот, поешь...

Он протянул Санди лист с тем, что, возможно, было рыбой. Ни вилки, ни других приборов не предполагалось. Юстас, хмурясь, продолжал на нее смотреть. И на долю секунды Санди почудилось, что в его лице промелькнуло что-то не совсем человеческое. И очень старое.

— Тот тип... Он хотел тебя убить, да? — сказал Юстас. — Я видел у него нож. Он ведь вернется за тобой?

3

Что бы там ни говорили, но Дуг Каннибал не был людоедом. Прозвище перешло ему по наследству от старшего брата. Тот действительно не брезговал человечиной, как, впрочем, и любым другим мясом — хоть говядиной, хоть крысяти-

ной. Мясо и свело его в могилу: бедолага подавился плохо пережеванным куском. Дуг же был вегетарианцем. Убийцей, садистом, однако — вегетарианцем.

Дуг не ел ничего, кроме капусты, разваренной до состояния жидкого пюре. Таким не подавишься. Именно от этого блюда его худое скуластое лицо и приобрело тот землисто-зеленоватый оттенок, бросавший в дрожь заказчиков. Хуже был только стеклянный глаз, на котором никто не потрудился нарисовать зрачок и радужку. Когда Дуг Каннибал наклонялся, глядя на людей с высоты двухметрового роста, казалось, глаз вот-вот вывалится — прямо на собеседника. И добром это не кончится.

Дуг держал крошечную лавку на углу Монте-Порто и Рамбла Боска — торговал овощными консервами и подержанной мебелью. Непыльная работенка, позволявшая сводить концы с концами до тех пор, пока не подворачивалось дело поинтереснее.

На этот раз «дело поинтереснее» явилось в виде невысокого, в меру упитанного человека самого неприметного вида, в невзрачном коричневом костюме. Разве что голова его была чересчур круглой, а нос — тонким и острым, придавая гостю неприятное сходство с птицей. Когда он вошел, все помещение наполнилось густым запахом перебродивших ягод. В руке он держал упругий саквояж из коричневой кожи с блестящими застежками.

— Зовите меня господин Воробей, — сказал он, едва закрылась дверь лавки.

— Я социалист, — сказал Дуг. — Я никого не зову господином.

Господин Воробей пожал плечами.

— Если вам от этого легче, зовите меня товарищ Воробей.

Дуг Каннибал обдумал предложение.

— И чем я могу вам быть полезен, *товарищ*?

Господин Воробей прошел к прилавку и, водрузив на него саквояж, щелкнул застежками.

— Полагаю, — сказал он. — У меня есть то, что вас заинтересует.

Дуг заглянул в саквояж. Тонкие бесцветные брови приподнялись.

— Я понимаю, — сказал господин Воробей. — Как социалиста вас не волнуют деньги. Но мы живем в капиталистическом мире, приходится мириться с неизбежным злом.

Господин Воробей улыбнулся — кривая линия тонких губ словно изгиб лезвия ножа. Дуг молча вытащил из саквояжа плотную пачку банкнот по пятьдесят марок. Настолько новых, что они пахли типографской краской. Саквояж был битком набит подобными пачками.

— Ровно два миллиона, — сказал господин Воробей. — Хорошая сумма?

Сумма оказалась не просто хорошей — она была ровно в сто раз больше той, что Дуг обычно брал за свои услуги. Однако Каннибал не позволил эмоциям отразиться на лице.

— Чем я могу быть полезен, *товарищ* Воробей? — сказал он, убирая деньги.

Господин Воробей быстро огляделся. Облизнул губы.

— Мне нужно, чтобы вы нашли одного человека, — сказал он. Дуг кивнул.

— И?

Господин Воробей вытащил высокий сосуд из зеленого стекла, похожий на старую лабораторную колбу. Сверху сосуд закрывался стеклянной же пробкой.

— Я хочу, чтобы вы принесли мне его глаза.

Если Дуг Каннибал и удивился, то вида не подал. К нему обращались с заказами и посложнее.

— А остальное?

— На ваше усмотрение, — сказал господин Воробей. — Меня интересуют только глаза. Есть, правда, одно важное условие... Глаза должно быть вырезаны и помещены в сосуд, пока их хозяин еще жив.

— Ясно, — сказал Дуг. Условие как условие. — Что за человек? И где я должен его искать?

Господин Воробей расплылся в фальшивой острой улыбке.

— Мне нравится ваш подход, *товарищ*. Сразу к делу, без лишних слов?

Он вытащил из кармана пачку полароидных снимков и положил на прилавок, к саквояжу. Дуг лишь покосился на них — у него будет время все основательно изучить. Пока же... С верхнего снимка на него смотрела рыжая девушка с

короткой стрижкой и большими серыми глазами. Симпатичная мордашка...

— Ее зовут Санди Гайде, — сказал господин Воробей. — Последний раз я видел ее на автомобильном мосту на въезде в город. Вернее — она спрыгнула с моста.

Дуг приподнял бровь.

— Спрыгнула? И она еще жива?

Лицо господина Воробья неожиданно стало резким и жестким.

— Поверьте, — сказал он. — Если бы с ней что случилось, я бы знал.

— Хм... — сказал Дуг. Он взял верхний снимок двумя пальцами, за самый краешек, повертел то так, то эдак. Изображение получилось несколько смазанным, словно девушка, сознательно или нет, пыталась выскользнуть из кадра.

— Кто она такая? — сказал Дуг, переводя взгляд на господина Воробья.

Черные глазки стеклянно блеснули. Господин Воробей кивком указал на саквояж с деньгами.

— Вас не должно это беспокоить, *товарищ*.

4

— Мы должны ей помочь, — сказал Глухой Боб.

Философское Общество в полном составе собралось у опоры моста. Сидели на корточках, склонившись друг к другу, и перешептывались. То один, то другой косился на девушку, но быстро отворачивался.

Санди стояла на берегу и с задумчивым видом «пекла блинчики» по темно-коричневым волнам реки. Вполне удачно: некоторые из брошенных камешков доскакивали аж до третьей опоры моста — в дюжину прыжков, не меньше.

— С чего мы должны ей помогать? — прищурился Андреас. — Мы ее не знаем. Кто она, чтобы мы ей помогали?

Глухой Боб насупился.

— Она — принцесса Калифорнии.

Андреас хихикнул.

— Ну да. *Принцесса Калифорнии*, — передразнил он. — Правда, Калифорния ненастоящая... Знаешь, чем мы можем ей помочь?

— Ну?!

— В дурной дом ее сдать, вот. — Андреас хлопнул себя по деревянной ноге. — Там ей расскажут и про Калифорнию, и про то, как с мостов прыгать.

— Ее хотели убить, — напомнил Глухой Боб.

Андреас фыркнул.

— Помочь... — Юстас поскреб щеку. — А как, по-твоему, мы должны это сделать?

— Не знаю, — пожал плечами Глухой Боб. — Спрятать, может, или защитить...

— Тут такое, — протянул Андреас. — Мы ведь не знаем, *кто* хотел ее убить и почему. С чего ты взял, что это наше дело? Почему бы ей не обратиться в полицию?

— Но она пришла к нам, а не в полицию, — сказал Глухой Боб. — Значит, нам ей и помогать.

— Да он, поди, влюбился. — Андреас подмигнул Юстасу. — Ты погляди, на старости лет!

Юстас прищурил единственный глаз и хмыкнул.

— Ничего я не влюбился, — обиделся Глухой Боб. — Хватит чепуху молоть.

— Ну-ну. — Андреас продолжал ухмыляться. Глухой Боб сжал кулаки.

— Эй! Не ссорьтесь, — примиряюще сказал Юстас. — Вот что, Роберт... Она не просила нас о помощи. Кто мы такие, чтобы вмешиваться?

Глухой Боб облизнул губы.

— Юс, я прекрасно знаю, кто мы такие. И ты знаешь.

— Что это за мост? — неожиданно сказала девушка, поворачиваясь.

Философское Общество переглянулось. По лицу Андреаса тенью скользнуло беспокойство. Он хотел ответить, но Юстас поднял руку.

— Просто мост, — сказал он. — Юго-Западный автомобильный мост второго объездного шоссе. А что?

— Не знаю. — Девушка бросила последний камешек, и тот запрыгал ко второй опоре. Громко щелкнул о камен-

ную стену. Санди отвернулась от реки. — Давно он здесь стоит?

— Дай вспомнить. — Юстас почесал затылок. — Да лет тридцать уже.

— Тридцать пять, — поправил его Глухой Боб.

— Ну, где-то так, — кивнул Андреас.

— Всего? — изумилась Санди. — Опоры выглядят много старше.

Юстас откашлялся в рукав.

— Ты про это. Ну да, есть такое... Раньше был другой мост, средневековый. Но в войну все разбомбили, ничегошеньки не осталось. После, когда строили второе объездное, собрали, что уцелело, и поверх новый мост поставили.

— Ясно, — сказала Санди. Подняв голову, она рассматривала тяжелые гнутые балки. Толстые железные ребра дрожали всякий раз, когда по мосту проезжала очередная машина. Хлопья ржавчины осыпались темными снежинками.

— У нас в бригаде говорили, что под одной из опор похоронили древнего короля, — сказал Хромой Боб. — Со всеми сокровищами, золотом там, драгоценными камнями, женами и лошадьми.

— Правда?!

Что-что, а удивляться Санди умела — Глухой Боб засиял, глядя на ее растерянно-изумленное лицо.

— Так говорили. Мол, перегородили реку, все закопали, ну и чудовище сторожить приставили, как положено. Вот они и лежат на дне, под камнями.

— И никто до сих пор не нашел?

— То ж проклятые сокровища, — усмехнулся Глухой Боб. — Кто то золото нашел, тот до дома не дошел.

— Да сказки это, — сказал Юстас. — Слушай больше. У нас в бригаде один парень наслушался — каждый вечер после смены нырял и нырял... Потом его опухшего ниже по течению выловили.

— Но это же грустно!

— Я и говорю — проклятые сокровища, — сказал Глухой Боб, и его приятели дружно закивали.

Подхватив с земли плоский камешек, Санди бросила его так, что он доскакал до середины третьего пролета.

— Расскажешь, что это за тип был? — спросил Юстас. — Который хотел тебя порешить?

— Господин Воробей? — Санди вздрогнула, вспомнив холодную сухую ладонь, вцепившуюся в запястье. — Очень плохой человек.

По правде говоря, определение было не совсем верным. Очень плохой — да. Но ни господин Воробей, ни остальные братцы людьми не были — носили подходящие костюмы, не более того.

Юстас зацокал языком.

— И потому он хотел тебя убить? Потому что он *очень плохой*?

— Иногда этого достаточно, — сказала Санди. И, сама не понимая почему, добавила: — Он хочет вырезать мои глаза. Он и остальные братцы.

Философское Общество уставилось на нее, открыв рты. Глухой Боб схватился за ворот.

— Вырезать глаза?!

— Однажды, — сказала Санди, — им почти удалось...

Она обхватила руками плечи. Воспоминания о жуткой ночи в Красном Замке были еще слишком яркими.

— Ну, ты не бойся, — сказал Глухой Боб. — Мы в обиду тебя не дадим. Где ж это видано — у живых людей глаза вырезать? А?

Он оглядел приятелей.

— Э... Ну да, — сказал Андреас. — Нехорошо. Прям датчане какие-то.

Санди вздохнула. Знали бы они, о чем говорят. Три увечных старика и — братцы. Как-то господин Иволга в одиночку разделался с пятью вооруженными полицейскими — Санди собственными глазами видела, что с теми стало. А если дело дойдет до господина Ворона... Нет уж. Это ее война, ее жизнь и ее королевство. У нее нет права впутывать в эту историю кого-то еще.

Санди расправила плечи. Нужно уходить, пока братцы снова не вышли на след. Господин Воробей разлетелся, но можно не сомневаться — он вернется. И скорее всего не один. А эти люди были слишком добры к ней, чтобы подвергать их такой опасности.

— Я, наверное, пойду, — сказала Санди. — Мне уже пора, и спасибо...

Одноглазый Юстас поднял руку.

— Погоди, — сказал он. По морщинистому лицу скользнула тень. Юстас вытянул шею. И вновь в выражении его лица Санди почудилось что-то нечеловеческое.

— Сюда кто-то идет, — сказал Юстас. — Собирается спуститься по насыпи.

Санди сжалась точно пружина. Сама она ничего не услышала, но... Вспомни о братцах, и они тут как тут.

— С какой стороны моста?

Пока невидимый гость спускается, она успеет подняться по другой стороне. Обычная рокировка.

— Не спеши, — сказал Юстас. — Уйти всегда успеешь. Но сейчас, поверь, тебе лучше остаться здесь.

— Здесь?! — Санди едва не рассмеялась, но замолчала, наткнувшись на взгляд Юстаса. Сверлящий, как буравчик.

— Да, — сказал Юстас. — Пока стоит этот мост, здесь с тобой ничего не случится. Обещаю.

5

— А потом, — сказал Юстас, — он схватил ее за шею и давай душить...

— Да ты что! Хуже, чем в Дании!

По насыпи со стуком скатилось несколько камней. Спустя секунду послышались шаги — тяжелый скрип гравия под ботинками. Вся троица повернулась на звук.

По правде говоря, Юстас ожидал увидеть того невысокого типа, господина Воробья или как его там? Однако гость оказался настоящим великаном, ростом куда выше двух метров. Худой и нескладный, словно собранный сплошь из острых углов и прямых отрезков. Не человек, а ходячее пособие по геометрии — вздумай кто-нибудь написать его портрет, как ни старайся, получился бы чертеж. Свет падал так, что худое лицо великана выглядело совсем зеленым. Но противнее всего был стеклянный глаз, который почти вываливался из глазницы.

Юстас засопел. У него и самого был один глаз, но ему полагалось. Великан же явно гордился увечьем, чуть ли не

хвастался им. И Юстас прекрасно видел почему — гость хотел, чтобы его боялись, ему это нравилось.

— Добрый день, товарищи.

— И тебе всего хорошего.

Великан спустился к реке. Присев на корточки, он коснулся воды, понюхал пальцы и поморщился.

— Давно сидите? — спросил великан.

— Ну, давно, — сказал Юстас. — Тебе-то чего?

— Вчера ночью здесь были?

— Сказали же — давно сидим, — сказал Глухой Боб. — И вчера, и на прошлой неделе, и в прошлом году. Живем мы тут.

— Хм... — сказал великан. Задрав голову, он уставился на гнутые балки. — Ничего странного не видели?

Философское Общество озадаченно переглянулось.

— Нет, — сказал Андреас. — А должны были?

— Девушка прыгнула с моста. Около полуночи.

— Тьфу, ты про это, — сказал Юстас. — Что ж здесь странного? Каждую неделю кто-нибудь с моста прыгает. Сам или сбрасывает кто.

— Чего здесь искать? — сказал Глухой Боб. — Спустись по течению, там будет песчаная отмель. Туда утопленников и выносит.

— Утопленники меня не интересуют, — сказал великан.

— Ты ж сам сказал — с моста прыгнула. — Андреас сплюнул.

Было слышно, как скрипнули суставы великана, точно несмазанные дверные петли.

— По моей информации, она жива.

Бледные губы скривились в усмешке — излом прямых линий.

— Что, если подумать? — сказал он, шагнув к бочке. — Вы видели, как она выплыла?

Рука с длинными костлявыми пальцами исчезла в кармане плаща. Юстас напрягся — он очень живо представил, как великан вынимает из кармана нож или чего похуже. Вместо этого великан вытащил фотокарточку.

— Посмотрите, — сказал он, передавая снимок. Взял Андреас. — И у меня есть кое-что, чтобы освежить память...

Он достал новенькую банкноту в пятьдесят марок, расправил, держа за уголки. Купюра хрустнула. Юстас не помнил, когда в последний раз держал в руках такие деньги.

Андреас вертел в руках снимок, то смотря издалека, то поднося к самому носу. Юстас толкнул его локтем.

— Ты другим дай посмотреть.

Он отобрал у Андеаса фотокарточку. Громко присвистнул. Фотография получилась расплывчатой, но это была Санди, вне всяких сомнений.

— Ишь какая, — сказал Глухой Боб, заглядывая через плечо.

— Ну? — спросил великан. — Вы ее видели?

Нищие выпучили глаза.

— Не-а, — сказал Андреас. — Откуда? Думаешь, такие фифы к нам заходят?

— Я б был не против, — хихикнул Глухой Боб.

Великан сложил купюру пополам и бросил в костер. Рыжие язычки пламени жадно набросились на деньги.

— Эй! — вскрикнул Андреас. — Ты что делаешь?!

Усмешка великана переломилась.

— Я не люблю, когда мне врут.

Он выкинул руку и схватил Юстаса за шею. Сжал так, что у того лицо пошло красными пятнами.

— Давайте попробуем снова, — сказал великан, цедя каждую букву. — Вы видели эту девушку?

— Пусти... — прохрипел Юстас. — Никого мы не видели...

Еще чуть-чуть, и сильные, очень сильные пальцы сломают ему гортань. Юстас забрыкался, вырываясь.

— Ты! — нервно сказал Глухой Боб. — Пусти его!

Краем глаза Юстас заметил в руке Глухого Боба ржавый обрезок водопроводной трубы. И откуда только взял...

— Хочешь, чтобы я свернул ему шею? — спросил великан. — Мне не сложно.

— Пусти его, — повторил Глухой Боб, опуская оружие. — Мы же ничего тебе не сделали.

— Отпущу, — пообещал великан. — Когда вы мне расскажете, как все было.

— Что рассказывать? Ну, прыгнул кто-то с моста, нам что с того?

Великан оттолкнул Юстаса, тот упал, хрипя и хватаясь за горло. Не удостоив его взглядом, великан прошел к опоре моста — туда, где у каменной стены грудой лежало грязное тряпье. Ноздри великана затрепыхались; он шумно втянул воздух, принюхиваясь. Усмешка вновь переломилась.

— Врете, — протянул он. — Здесь была женщина. Пахнет духами с мятой...

И он с силой пнул груду тряпок. Потом еще раз и еще, расшвыривая их по берегу. Юстас постучал пальцем по виску — быстро, но чтобы великан успел заметить. Едва тот повернулся, старик зашелся в громком кашле.

Великан оглядел всю троицу — внимательно, словно не хотел упустить даже самую маленькую деталь.

— Меня зовут Дуг, — сказал он. — Некоторые зовут меня Дуг Каннибал.

— Зачем нам знать, как тебя зовут? — прищурился Глухой Боб.

— Пригодится, — сказал великан. — Когда я вернусь.

Пнув напоследок разбросанные тряпки, он направился к насыпи. В полном молчании Философское Общество слушало скрип гравия под его ботинками.

— Псих, — сказал Андреас спустя какое-то время.

— Вот кого надо в дурной дом отправить, — подтвердил Глухой Боб. — Пусть знает.

— Сильный, зараза, — сказал Юстас, разминая шею. — Дайте выпить, что ли...

— Как? — сказала Санди, отходя от стены. Она вытерла выступившие на лбу капельки пота. — Он смотрел прямо на меня... Не мог не заметить.

Она замотала головой. Странные вещи случаются, Санди это знала, как никто другой. Но все же... Всякий раз у Санди появлялось чувство, словно у нее выдернули землю из-под ног. Или как на американских горках, когда тележка взобралась на самый высокий гребень, и ты вдруг понимаешь, что у нее напрочь сорвало тормоза.

— Ну, — улыбнулся Юстас. — Я обещал, что с тобой здесь ничего не случится?

— Это наш мост, — сказал Глухой Боб. — Мы держим обещания.

6

Ломая пыльные стебли чертополоха, Дуг Каннибал выбрался на берег. Та самая хваленая отмель, куда выносит утопленников. Должно выносить... Река делала крутой изгиб, и течение намыло длинную песчаную косу. Пляж усеивали мелкие цепочки птичьих следов. Следов много, но человеческих — ни одного. Да и заросли чертополоха и тростника по краю песчаной косы стояли нетронутыми. Единственную тропинку, которая вела сюда и отсюда, протоптал он сам.

Дуг заметил темное пятно. Он присмотрелся. Кошка. Дохлая.

— Добрый день, товарищ Дуг, — послышалось за спиной.

Дуг выхватил нож. Лезвие застыло в считаных миллиметрах от кривой усмешки господина Воробья. Солнце тусклым пятном сверкнуло на темной стали, отразилось в блестящих черных глазках.

Проклятие... Этот-то откуда взялся? Следил за ним? Заранее знал, что Дуг сюда явится? По спине пробежал неприятный холодок. Чувство было Дугу в новинку.

Нажав кончиком пальца на острие, господин Воробей отвел нож.

— Погляжу, товарищ Дуг, успехами похвастаться вы не можете. Как неприятно разочаровываться.

— Я ищу, — сказал Дуг. — И я найду. От меня еще никто не уходил, товарищ Воробей.

Нож исчез в кармане плаща. Господин Воробей дернул головой.

— Да, да. Мне говорили. Но я не могу понять, почему вы ищете ее здесь? Я сказал, что делать это нужно под мостом? Надеюсь, у вас все в порядке со слухом? Или вас подводит память?

С песчаной косы мост был едва различим — темная полоска на фоне желто-серой дымки. Дрожит в зыбком мареве и того и гляди исчезнет.

— Я был под мостом, — сказал Дуг. — Ее там нет и не было. Всех, кто падает с моста, выносит сюда.

На лице господина Воробья отразилось искреннее изумление.

— Боюсь, вы невнимательно смотрели. Я ожидал от вас большего усердия. Вот здесь — ее нет, могу вам гарантировать.

Он пнул торчащую из земли черную веточку, выбив фонтанчик песка.

— Нет, товарищ Дуг, искать ее стоит там. Под мостом.

Дуг Каннибал осклабился.

— Что ж вы сами ее там не ищете, *товарищ Воробей?*

— Есть места, — сказал господин Воробей, — путь куда мне заказан. Не всякое правило можно нарушить, как бы того ни хотелось.

— И все-таки ее там нет, — упрямо повторил Дуг. — Я свое дело знаю. Никого там нет, кроме компании бездомных калек.

— Почему ж бездомных? — сказал господин Воробей. — Дом у них есть — тот самый мост. Для таких, как они, лучшего дома и не придумаешь.

Дуг коротко хохотнул.

— Так что, товарищ Дуг, постарайтесь вспомнить, что вы там видели.

— Да ничего. Мост как мост, балки всякие, камни. Ну и эта троица — жгут костер да байки травят... про негра-маньяка.

— А еще?

И Дуг Каннибал вспомнил.

— Вот зараза!

7

— Ты уверена, что хочешь уйти? — спросил Глухой Боб, изучая свои ботинки.

— Да, — сказала Санди. Она посмотрела вверх по насыпи. — Так надо.

— Но он где-то рядом, — сказал Юстас. — Ищет тебя. Знаешь, какие у него руки? Чуть шею мне не свернул — ходил бы потом с головой набок. Неудобно.

— Может, переждешь? — предложил Андреас. — Оставайся — мы тебя в обиду не дадим.

Философское Общество согласно закивало. Вид у всех был донельзя боевой.

— Спасибо, — сказала Санди. — Но мне и вправду надо идти. Честно-честно.

Санди замялась, а затем подошла и обняла их по очереди. Старики остались стоять в крайнем смущении.

— Ну, если что, — сказал Юстас. — Ты...

— Да, — сказал Глухой Боб.

Андреас глубже натянул свою нелепую шапочку.

— Еще раз — спасибо. Огроменное.

Санди стала взбираться по насыпи. Обернулась на полдороге. Задрав головы, старики смотрели ей вслед, не обращая внимания на то, что из бочки-костра густо повалил черный дым.

— Мы еще увидимся. Обещаю.

Санди перелезла через помятое ограждение и выбралась на шоссе. Впереди виднелся город, укутанный желто-лиловой дымкой смога. Пора возвращаться домой. Мимо проехал тяжелый грузовик с рекламой растворимого кофе на грязном тенте. Мост задрожал под ногами. Грузовик притормозил и призывно погудел, но Санди махнула — езжай дальше. Засунув руки в карманы, она зашагала по обочине. Потрескавшийся асфальт слегка пружинил под теннисными туфлями.

Что-то не клеилось в этой истории. Великан явно был не из братцев. Любого из них Санди бы узнала сразу. Этого же типа она видела впервые — хотелось надеяться, что и в последний раз, но Санди не обольщалась. Хуже того, она совершенно не представляла, кто он. Великан знал, где ее искать... Значит ли это, что он связан с господином Воробьем? До сих пор братцы предпочитали действовать самостоятельно, не впутывая посторонних в свои делишки. Тогда ведь придется *делиться*. Но если великан действовал самостоятельно, вопросов становилось больше. Не хватало, чтобы за ней начал охотиться кто-то еще. Когда речь шла о братцах, Санди знала, чего ждать, а здесь... Если тот тип пожаловал из Другой Калифорнии, то вообразить невозможно, на что он способен. Санди поежилась. Одно хорошо — он выглядел как человек. Хотя, глядя на вываливающийся стеклянный глаз, можно было предположить обратное.

Санди сбавила шаг, присматриваясь. Впереди, у обочины, стоял потрепанный черный седан — ничем не примечательная

машина с заляпанными грязью номерами. По тонированным стеклам расползлись желтые пятна. Перед машиной поблескивал треугольный стоп-сигнал, но рядом никого не было.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, откуда взялась эта машина. Без причины здесь никто останавливаться не станет. Братцы, как ни крути, техникой пользоваться не могли — променяли одно на другое. Седан, без сомнения, принадлежал давешнему великану. Простенькая машина для человека, который запросто бросает в костер пятьдесят марок.

И что теперь? За темными стеклами не разглядеть, есть ли кто в машине. Но Санди чуть ли не кожей чувствовала взгляд. Она прикусила губу. Бежать? Возможно, это был лучший вариант, но Санди пошла дальше.

Долго ждать подтверждения догадкам не пришлось. Когда до седана оставалось не более пяти метров, дверь распахнулась. Мелькнуло бледно-зеленое лицо. Великан скалился, точно пес над костью.

— Ух ты, — сказал он, выбираясь из машины. — Птичка летит прямо в руки!

Великан шагнул навстречу, стеклянный глаз сверкнул, поймав солнечный блик. Пока у нее все шансы сбежать... Санди осталась стоять. Она должна знать.

— Кто вы?

Губы великана сломались в усмешке.

— Меня зовут Дуг. Кое-кто зовет меня Дуг Каннибал. Хочешь, можешь звать меня Дуглас.

— Не хочу. Что вам от меня нужно?

— Мне? Да, собственно, ничего...

— Вы меня искали.

— Есть такое, — кивнул великан.

— И?

Великан посмотрел себе под ноги, потом на небо и метнулся навстречу Санди, одним прыжком преодолев разделявшее их расстояние. Крепко вцепился в плечо и в руку и дернул к себе. Санди споткнулась.

— Кому-то ты *очень* нужна, — выдохнул великан, заламывая Санди руку. — И он заплатил *очень* хорошие деньги. За часть тебя... Как думаешь, что мне делать с остальным?

Санди чуть не вывернуло от плотного запаха вареной капусты.

Но, похоже, тот, кому она *очень нужна*, не озаботился предупредить великана, с кем предстоит иметь дело. Иначе он бы не распинался.

Санди расслабилась. Когда тебя хотят убить, первонаперво учишься трем вещам. И в итоге дело всегда доходит до последнего пункта.

Удар — короткий и сильный, чуть левее грудины. Не отклонись великан самую малость, Санди сломала бы ему ребра. Одновременно она крутанулась, выворачивая руку. Хватка ослабла. Санди выскользнула из рук великана и отскочила к перилам моста.

— Ах, ты... — Великан попятился, глотая воздух.

Санди со всех ног бросилась бежать. Великан замешкался на долю секунды и припустил следом. До Санди долетел обрывок грязного ругательства.

Справа, за оградкой моста, темнела коричневая гладь реки. Но повторять вчерашний прыжок Санди не рискнула. Да и без толку, так или иначе она все равно окажется под мостом. Юстас обещал, что здесь с ней ничего не случится...

На мост вскарабкался очередной грузовик. Радостно загудел, едва водитель заметил девушку. А вот и кавалерия... Санди выскочила на шоссе.

Из приоткрытого окна высунулся тощий мужчина в красной кепке. Что-то прокричал — Санди не разобрала ни слова. И тут же за спиной сухо громыхнул выстрел, словно сломали толстую ветку. Санди обернулась: великан стоял широко расставив ноги, в вытянутой руке чернел пистолет.

Пуля попала в боковое зеркало. Брызнули осколки — сверкающая россыпь драгоценных камней. Водитель мигом спал с лица. Юркнул в машину так быстро, что уронил кепку — она палым листом закружилась в потоках воздуха.

— Стойте! — крикнула Санди, но водитель уже прибавил скорости. Мотор взревел, из трубы вырвалось сизое облако выхлопных газов. Санди еле успела отскочить к перилам. Кавалерия позорно бежала с поля боя.

От досады Санди выругалась. Но времени на обиды не осталось. Внизу уже была насыпь, хотя и довольно далеко. Но

ведь бывало и хуже? Санди схватилась за перила и перепрыгнула на другую сторону.

Прыжок вышел совсем неудачным. Санди не сгруппировалась и приземлилась грубо и неряшливо. Не смогла даже удержаться на склоне и, кувыркаясь, покатилась вниз. Успела только зажмуриться.

Налетев на бочку, Санди ее опрокинула. Горящие угли рассыпались по берегу. От удара из легких выбило воздух. В ногу словно вонзили раскаленный гвоздь — прямо до кости.

Опираясь на руки, Санди приподнялась, кашляя и отплевываясь. В ушах стоял звон, глаза наполнились слезами. И, кажется, она вывихнула лодыжку.

Старики уставились на нее в полном изумлении.

— Ух ты! — сказал Юстас. — Наша принцесса вернулась!

8

— Красавица, — спросил Глухой Боб, шагнув к девушке. — Что случилось?

Ответить Санди не успела. Наверху громыхнул выстрел. Пуля попала в опрокинутую бочку — звук вышел одновременно гулкий и звонкий. Взвизгнув, Глухой Боб отскочил.

Дуг Каннибал не спешил. Наоборот — спускался медленно, растягивая удовольствие. С каждым шагом походка становилась все более упругой. Как у хищного зверя, приближающегося к обреченной жертве. Будто давал еще один шанс — ну давай, попробуй сбеги, — хотя уже ясно, что шансов никаких.

— Опять этот, — сказал Юстас, хватаясь за шею.

— Явился, — сказал Андреас.

Санди провела рукой по лбу, чувствуя под пальцами что-то влажное. Кровь... Вся ладонь в крови. Санди усмехнулась. Рассеченная бровь была меньшей из ее проблем.

— Так-так, — сказал Дуг Каннибал. — И снова — добрый день, товарищи.

— Мы тебе не товарищи, — подал голос Глухой Боб.

Великан отмахнулся пистолетом.

— Получается, я был прав, — сказал он. — Я к вам со всей душой, а вы меня обманули. Знаете, мне не нравится, когда мне врут.

— Со всей душой? — сказал Юстас. — Да ты мне чуть шею не сломал!

Дуг Каннибал кивнул.

— Мы это исправим. И шею, и кости переломаю — по одной. Знаешь сколько в человеческом теле костей?

Юстас не ответил.

— И я не знаю, — вздохнул великан. — Зато у нас появляется потрясающая возможность узнать, товарищ.

Санди всхлипнула. Опираясь на бочку, она поднялась. Нога пульсировала, каждый удар сердца отдавался тупой болью. Но Санди заставила себя выпрямиться.

— Оставь их в покое, — сказала она. Голос прозвучал совсем тихо.

— Что-что? — Дуг приставил ладонь к уху. — Тебя ждет *особый* разговор. Ты меня ударила.

Санди сжала кулаки. Андреас подхватил с земли крупный камень и швырнул в великана.

— Проваливай отсюда, — выкрикнул он. — Это наш мост!

Бросок никудышный — камень стукнулся о насыпь шагах в пяти от Дуга. Великан опустил взгляд. Излом губ дрогнул. Дуг поднял пистолет и выстрелил в старика.

Схватившись за плечо, Андреас завалился на бок, громко скуля. Глухой Боб с криком бросился к нему. Кое-как подхватил на руки, приподнимая голову. По грязной одежде старика расползлось темное пятно.

— Больно! — простонал Андреас. Глаза заблестели от слез.

— И будет больнее, — пообещал Дуг Каннибал.

— Тихо, — сказал приятелю Глухой Боб. — Это наш мост. Здесь с нами ничего не случится.

— Думаешь, мне от этого легче? — хрипло ответил Андреас.

Санди сглотнула.

— Оставь их в покое, — повторила она.

Подволакивая ногу, Санди шагнула навстречу великану. Голова кружилась. Ее повело, и стоило огромных трудов не упасть. Из горла Дуга вырвался сухой смешок.

— Надо же, какая смелая!

— Погоди. — Юстас схватил ее за руку. — Мы обещали тебя защитить. Мы *всегда* держим обещания.

Санди с грустью посмотрела на старика. Да что они могут против размахивающего оружием бугая? По лицу Юстаса скользнуло то же нечеловеческое выражение — точно отражение в кривом зеркале. Старик повернулся к великану.

— Чего ты хочешь, Дуг Каннибал? — спросил он.

Великан провел языком по стволу пистолета. Дешевый жест, видимо, подсмотренный в каком-то фильме.

— Я? — усмехнулся Дуг. — Многого. Например, переломать твои кости...

— Неправда, — сказал Юстас. — Ты хочешь богатства. Я же вижу.

Дуг прыснул от смеха.

— Да что ты говоришь! Богатства! Да у меня столько денег, сколько тебе в жизни не вообразить...

— Два миллиона фальшивых марок? — спросил Юстас. — По-твоему, это богатство?

— Э... — Усмешка мигом исчезла с лица великана. Губы сложились в прямую линию.

— Я покажу тебе настоящее богатство. Сокровище, — сказал Юстас. — Такое, какое *тебе* в жизни не вообразить.

И, подняв руки над головой, он громко хлопнул в ладоши.

Позже Санди так и не смогла вспомнить, что же случилось на самом деле. Возможно, камни опоры моста раздвинулись, точно волшебные ворота. Или — могло быть и такое — они попросту исчезли. В казавшейся незыблемой каменной стене открылся черный провал. Послышался рокот, сперва тихий, но звучащий все громче и громче. С похожим звуком сходит с гор лавина.

— Что... — начал Дуг Каннибал, но не договорил.

Из образовавшейся дыры с шуршащим перезвоном хлынул сверкающий поток.

Санди в жизни не видела ничего подобного, только в кино про пиратов или Индиану Джонса. Сокровища... Блестящие золотые монеты, переливающиеся драгоценные камни, кольца, диадемы, оружие и ожерелья... И в отличие от кино это богатство ни на гран не выглядело бутафорским.

— Вот это, — сказал Юстас, — настоящее сокровище.

Из дыры выкатилась корона, украшенная крупными рубинами, и упала на самую вершину золотой горы. Санди на-

конец поняла, что это. Тот самый клад древнего короля, схороненный под мостом. Легенда, как часто бывает, оказалась вовсе не легендой. Но у той истории была и оборотная сторона. Проклятое золото...

Дуг Каннибал отступил на полшага. На лице отразилось замешательство, однако он быстро взял себя в руки. И пистолета не опустил. Оглядев сверкающую груду сокровищ, великан перевел взгляд на Юстаса.

— Золото?

— Оно самое, — кивнул Юстас. — Бери, если не боишься.

Дуг хохотнул — коротко и сухо.

— Боюсь? А кого я должен бояться? Вас?

Морщинистые лица растянулись в улыбках. Андреас сел, разминая плечо.

— Почему бы и нет? — сказал Глухой Боб.

— О! Ты мне угрожаешь? — усмехнулся Дуг Каннибал. Блеснули неестественно белые зубы.

Глухой Боб продолжал улыбаться.

— Не угрожаю, — сказал он. — Предупреждаю.

— Очень страшно, — сказал Дуг Каннибал. — Попадись ты моему братцу, он бы вырезал твою печень и съел у тебя на глазах. Но тебе повезло — я вегетарианец. Я не ем мяса.

Юстас цокнул языком.

— Потому и зеленый.

— Ага, — закивали его приятели.

Великан дернулся как от пощечины. Но потом он снова опустил взгляд — в стеклянном глазу заплясали золотые отблески. Дуг Каннибал убрал оружие. Нагнувшись, он зачерпнул целую горсть — монет и украшений без разбора. Меж пальцев, раскачиваясь, повисло ожерелье из крупных жемчужин.

— Ты думаешь, — сказал великан, обращаясь к Юстасу, — это помешает мне вас убить?

Старик развел руками.

— На самом деле, товарищ, — сказал Дуг Каннибал, — ты дал мне еще один повод. Не знаю, как и благодарить... Может, не будем ломать все кости? Ограничимся парочкой?

Он повертел золотую горсть перед глазами, любуясь игрой света, и убрал добычу в карман. Затем нагнулся и поднял следующую горсть.

— Он взял, — сказал Андреас, с пугающей легкостью вскакивая на ноги.

— То, что ему не принадлежит, — сказал Глухой Боб. Тонкий хвост хлестнул по ногам.

— То, что мы должны охранять, — сказал Юстас и оскалился.

Санди попятилась. Оборотная сторона истории... Кто то золото найдет, тот до дома не дойдет. Потому что это проклятое золото. Потому что его охраняет чудовище. Черт!

Можно было догадаться с самого начала — кто еще мог жить под мостом? Санди так привыкла к тому, что вещи часто оказываются не тем, чем кажутся, что упустила главное — еще чаще они оказываются именно тем, чем кажутся.

В «Популярном Путеводителе по Другой Калифорнии» Эштона и Кларка про Волшебную Страну написано немного. Граничит далеко на севере и то раз в сто лет... Теперь понятно, почему господин Воробей не мог прийти за ней сам, а нанял этого типа. Одно волшебство вытесняет другое — слишком разные законы и правила.

Еще меньше в Путеводителе написано об обитателях Волшебной Страны. Но тролли все же удостоились отдельного упоминания: *«Опасны. Очень. Не будить!»*

Санди закрыла глаза и заткнула уши.

Но хруст все равно услышала.

9

— Расскажи еще, — попросил Андреас. — Про эту свою Калифорнию.

— Еще? — Подхватив мелкий камешек, Санди пустила его скакать по волнам, распугивая стайки водомерок. Одиннадцать прыжков — не самый плохой результат.

Солнце клонилось к закату — пылающий багровый шар над далекими крышами города. Облака над горизонтом окрасились густыми темно-лиловыми мазками. По реке ползла длинная баржа — сухопарый тип на корме, завидев Санди, помахал рукой. Все было тихо и мирно. И все же...

Когда Санди открыла глаза, ничего уже не было. Ни сверкающей горы сокровищ, ни Дуга Каннибала, ни троллей. Ос-

тались трое стариков, которые как ни в чем не бывало пытались снова развести костер в бочке. Нет, они не прикидывались людьми подобно братцам — они были и теми, и другими. У Волшебной Страны свои правила.

Санди не стала спрашивать, что случилось с великаном. Меньше всего на свете она хотела это знать.

Сейчас Философское Общество сидело у стены, передавая друг другу самокрутку. Радостно улыбались в ожидании продолжения историй. Санди вздохнула. Что ж... Придется побыть здесь — по крайней мере до тех пор, пока не заживет нога. Хорошее убежище, и братцы сюда не доберутся. Но все-таки — это не ее королевство.

— Там есть Фабрика Грез, на ней делают сны, самые настоящие. Их продают в бутылках — обязательно из зеленого стекла, иначе сны могут испортиться. Когда сны свежие, они пахнут мятой, дурные — кислым вином... Если плохо закрутить пробку, сны могут сбежать. Они прячутся по темным углам, потому что не выносят солнечного света. Иногда они сбиваются в стаи и по ночам нападают на прохожих. Только Поэты-Карлики и Гончие Франкенштейна могут с ними справиться... Если идти на северо-запад от Города Танцующих Грибов, то в четверг выйдешь на Ничтожные Равнины. Там кочуют Дикие Президенты — они охотятся на голоса и поклоняются деревянным идолам. Там живет Оборотная Ведьма, она предсказывает прошлое...

— И ты все это видела? — с восхищением спросил Глухой Боб. — Ангелов там, летающих китов, танцующие грибы и Долину Смерти?

Санди покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Но когда-нибудь увижу. Обязательно.

— Ну надо же. — Глухой Боб глубоко затянулся самокруткой со Спинозой. — Это тебе не Дания!

Александр Громов

ФОРА

— Смотрите! Струйка воды отклоняется. Всем видно?

Дождавшись одобрительного мычания класса, Геннадий Родионович спрятал расческу во внутренний карман пиджака, закрутил кран и с торжествующим видом обратился к оболтусам:

— А почему она отклоняется, когда я подношу к ней расческу? Кто мне скажет? Почему бумажки только что притягивались к натертой сукном эбонитовой палочке? А? Губайдуллина, ты? Нет? Садись, Губайдуллина. Может, ты, Панасенко? Что «не-а»? Ты встань, встань. Не переломишься ведь?

Кто-то тихо заржал. Переломиться толстому Панасенко никак не грозило, разве что сплющиться под собственным весом. Сегодня класс был настроен весело: физик не свирепствовал, а показывал забавные фокусы. К числу последних, по мнению класса, относился аттракцион с извлечением Панасенко из-за парты. Сложная эта операция никогда не получалась с первой попытки.

— Ну-с? Мы внимательно слушаем.

Панасенко только сопел сквозь нос-пуговку, утонувший в необъятных щеках.

— И это все? Грачев, прекрати подсказывать. Если не терпится — скажи всем нам, а не одному Панасенко. А ты, Панасенко, садись. Подвиньтесь там, дайте ему сесть... Ну, Грачев?

— Электричество! — немедленно ответствовал щуплый и вертлявый всезнайка Грачев. — Это понятно, это примитив. Такое же электричество, как в сети, подумаешь!

— Такое, да не такое, — возразил Геннадий Родионович, отчасти довольный. — В случае с расческой и эбонитовой палочкой мы имеем дело с силами электростатического взаимодействия. Электроток — это одно, а электростатика — совсем

© А. Громов, 2011.

другое. Почему, к примеру, вода, являющаяся соединением двух газов, существует на нашей планете в жидком виде? Из-за водородных связей, которые вы будете проходить на уроках химии и которые суть не что иное, как силы электростатического притяжения. Так уж устроены молекулы воды, что имеют плюс и минус... — Кое-как изобразив на доске пару сцепленных связями молекул воды и не услышав за спиной смешков, какие обязательно сопровождали этот рисунок, если кружок, обозначавший атом кислорода, выходил хотя бы слегка продолговатым, Геннадий Родионович приободрился и продолжал: — Теперь возьмем хоть сельхозавров. Какая причина заставляет их так называемые «тела» удерживать форму? Проще говоря, почему ветер не может растрепать сельхозавра, как облако?

— Это же нанороботы, а не вода, — презрительно скривился Грачев. — У них программа.

— Чушь. Причина та же — электростатика, только у нанороботов, образующих тело сельхозавра, не два полюса, а минимум четыре... вообще-то бывает и больше... Тихо! Тарелкина, я к тебе обращаюсь! В чем ошибается Грачев? В том, что заданная извне программа заставляет сельхозавра двигаться и выполнять те или иные работы, но не отвечает за само существование сельхозавра. Понятно? Программа заставляет нанороботов изменять электростатические свойства, благодаря чему они могут выстраиваться в цепочки, а цепочки образуют жгуты, известные под названием псевдоскелета и псевдомышц... но никакая программа не заставит нанороботов перестать быть электрически полярными и, следовательно, не приведет к разрушению или, вернее, рассеянию сельхозавра. Уничтожить дефектного сельхозавра, забравшегося, к примеру, в город, не самая простая задача...

Класс загалдел. С некоторых пор сюжеты о полоумных сельхозаврах полюбились редакторам блоков теленовостей, поэтому различные способы уничтожения макронаномеханизмов видели на экране все. Многие видели это и воочию, а придурок и враль Шишов утверждал даже, что побывал внутри сельхозавра.

Провоцировать учителя на дискуссии, не имеющие никакого отношения к теме урока, эти семиклашки еще не научились. Геннадий Родионович постучал указкой о стол.

— Продолжаем. Электрический заряд может приобрести любое тело, не связанное проводником с землей. Например, ваше тело. Сейчас мы это продемонстрируем... Добровольцы есть? Панасенко? Нет, его слишком долго заряжать... А кто предложил — ты, Грачев? Ну-с, Грачев, милости прошу... вот сюда, на стеклянный изолятор...

Наслаждаясь общим вниманием, Грачев лицедействовал: дрожал всем телом и осенял себя крестным знамением. Пришлось поторопить кривляку, да заодно приструнить и остальных. Со старшеклассниками такое уже не проходило — на этих окрики пока еще действовали.

— Держись за шар и ни за что другое...

Отодвинув второй блестящий шар электрофорной машины от греха подальше, Геннадий Родионович завертел рукоятку — сперва небыстро, потом все скорее, потом бешено. Минуты через две немытые рыжие волосы на голове лицедея зашевелились и сделали первое поползновение встать дыбом.

— Что наблюдаем? — крикнул слегка запыхавшийся Геннадий Родионович. — Электростатическое отталкивание одноименно заряженных тел! Вот что получается, когда... Что там?! Назад! Панасенко, сидеть!..

Но Панасенко уже воздвигся на свои тумбы, о чем сразу же сообщил грохот упавшего стула. Повскакивали все. Половина класса прилипла носами к окнам, а вторая половина стремглав неслась туда же, забыв о назидательном физическом опыте. Грузно топоча, Панасенко задел Грачева, и оба, взвизгнув, подпрыгнули от электрического удара. Кабинет сотрясся. Сейсмический вклад Грачева был пренебрежимо мал, зато от приземления Панасенко жалобно задребезжали окна, лейденские банки и лабораторный гальванометр.

— Куда? — фальцетом надрывался учитель. — Да что там у вас?

— Идите сюда, Геннадий Родионович, смотрите! Во какой!..

По улице, отделенной от школьного здания спортплощадкой и редкой шеренгой золотушных деревцев, двигался сельхозавр.

Серый, как слон, но гораздо крупнее слона, смахивающий не то на вымершего зверя индрикотерия, не то на зауропода с

купированным хвостом, сельхозавр неспешно переступал четырьмя конечностями. Был он непрозрачен, но словно бы не шел, как всякое порядочное четвероногое, а скорее перетекал — впрочем, Геннадий Родионович не был вполне уверен в применимости данного глагола к походке сельхозавра. У всякого крупного живого существа при движении под кожей перекатываются мышцы, а на сгибах конечностей обозначаются жилы, а если ничего подобного не наблюдается, то какая же это, к черту, ходьба? Даже у самого тупого экскаватора есть гидравлические поршни, а у этих что?.. Движущийся сельхозавр всегда производил на Геннадия Родионовича самое неприятное впечатление.

Зато электростатика торжествовала триумф — встречный и довольно сильный ветер, несущий вдоль улицы сухие осенние листья, по-видимому, не причинял слепленной из нанороботов зверюге ни малейших неудобств.

— Гля, а троллейбус-то, троллейбус!..

За сельхозавром и впрямь пробирался троллейбус — боязливо, по-черепашьи. Сельхозавр перекрывал ему путь. Водитель трусил, не решаясь подтолкнуть в корму тихоходную зверюгу, и почем зря подавал звуковые сигналы. Из окон торчали головы пассажиров.

Только сейчас Геннадий Родионович заметил, что нарост, заменяющий сельхозавру голову, касается троллейбусных проводов. Иногда зверь задирал башку выше, и тогда провода свободно скользили сквозь нее. Просто удивительно. До сих пор приходилось полагать, что сельхозавры кормятся солнечной энергией, а если и употребляют электричество, то исключительно атмосферное...

Н-да. Невнятное это существо — сельхозавр. Полезное, что есть, то есть, но невнятное до мигрени. И даже не существо и не механизм, а конгломерат какой-то. Колония простейших. Эту дрянь даже кибернетическим организмом не назовешь — ну не вписывается она в понятие «организм»!

Отпустив наконец провода, сельхозавр резко свернул в сторону, протек сквозь дерево, не повредив ни веточки, варварски погнул уличный фонарь и удалился в сторону пустыря, доведя до поросячьего визга ветхую бабульку на тротуаре.

Школьники веселились.

Геннадий Родионович заколотил указкой по столу. Урок был испорчен, оставалось только не дать ему пропасть окончательно. Впрочем, и пропадет — невелика беда. Геннадий Родионович был реалистом. Не то беда, что эти придурки охально гыгыкают при слове «эбонит», а то беда, что даже отличники, коих раз-два и обчелся, повзрослев, все равно будут верить в сглаз, порчу, хиромантию, магию всех цветов радуги и положительную энергетику, сообщаемую стакану с водой посредством телеэкрана. На худой конец, и то если шибко умные, — в торсионные поля. Геннадий Родионович не без оснований считал Сизифа коллегой.

И еще вопрос, кому досталась работенка тяжелее.

Впрочем, хныкать было не с чего. К работе в школе бывший мэнээс давно привык, тянул полторы ставки, чем вполне обеспечивал скромные свои потребности, алиментов бывшей жене не платил за нерождением ею детей, а именно эту школу, а не какую-нибудь другую, избрал по двум причинам: директор редкого для педагогики пола, мужик хитрый, но не сволочь, и оптимальное удаление от дома.

Живешь далеко — устанешь мотаться в транспорте. Живешь близко — как под надзором. Либо знакомые школьники, либо, что еще хуже, их родители. Ни пройти, чтобы тебя не остановили языки почесать, ни пива выпить во дворе, а уж если несешь домой портфель, то гляди в оба, чтобы в нем не звякнуло. Облико морале! Для родителей нет занятия увлекательнее, чем блюсти чужую добродетель.

В плохую погоду Геннадий Родионович все-таки ездил домой на метро и двух автобусах, в хорошую — добирался пешком за полчаса. Как раз посередине маршрута располагался железнодорожный узел со станцией, сортировочной горкой, пакгаузами и заводом по ремонту чего-то бегающего по рельсам. Обыкновенный путь через эту полосу препятствий пролегал по высоченному, в пять лестничных пролетов, и длиннющему пешеходному мосту, но рабочие с ремонтного завода издавна ходили по путям и через горку, сразу сокращая маршрут вдвое. Если бы всех, кого здесь подавило вагонами, захоронить на месте, то на рельсы, стрелки, пакгаузы, да и на завод не оста-

лось бы ни клочка земли. Но народ русский, как хорошо известно всем битым супостатам, неимоверно стоек и упорен в достижении заветного. В давние времена из забора, окружившего узел радением железнодорожной администрации, выламывали доски. Позднее стали выпиливать железные прутья. А когда опасное место оградилось от города забором из бетонных плит, проблему беспрепятственного прохода стал решать трос, принайтовленный одним концом к плите, а другим — к формирующемуся составу. Любопытные сбегались посмотреть, как выдранная с корнем плита долго скачет по шпалам за составом, сокрушая семафоры и прочую железнодорожную утварь, и грохот ее постепенно затихает в неизвестной дали...

Обычно Геннадий Родионович не ленился подняться на мост, но сегодня остановился озадаченный. В заборе, буквально на днях восстановленном и укрепленном приваренными поверху стальными уголками, не хватало не одной, а целых двух плит!

«Мощны у нас локомотивы», — успел с ноткой гордости подумать Геннадий Родионович, прежде чем его внимание было привлечено кучкой людей по ту сторону ограждения.

Любопытство пересилило.

— Тут он прошел, значит, — донеслось до слуха.

— Простите, кто прошел? — задал Геннадий Родионович вопрос раньше, чем рассмотрел вестника происшествия.

— Кто, кто... — На отвратно небритой харе из-под кепчонки неожиданно ярко блеснули восторженные глаза. — Сельхозавр, ясен пень! Гля, чего на путях делается! Во, блин! Не, ты гля!..

Геннадий Родионович споткнулся. Сказавши «а, ч-черт!», поглядел под ноги. Тут же выяснилось, что обе недостающие плиты лишь немного изменили дислокацию — лежали себе рядышком на земной поверхности, а не скакали на привязи куда-то в сторону Воронежа.

Неужели и вправду сельхозавр?

На путях было неладно. Не лязгали капканы стрелок, не катились с горки вагоны. Вагоны — три штуки — лежали на боку, и нечто белое, бесформенными кучами вывалившееся из них, было залито мазутом из притулившейся рядышком — тоже на боку — черной цистерны.

— Унитазы, — жизнерадостно сообщил небритый весельчак. — Охренеть. Все вдребезги. Это цистерна в них въехала, я видел. Кто-то стрелку не туда перевел, может, сам сельхозавр...

— Цистерны нельзя пускать с горки, — блеснул эрудицией Геннадий Родионович.

Небритая харя обиделась.

— А сельхозаврам можно по городу шляться? А по путям им можно? Выдумали, блин, заразу на нашу голову! Прикинь, а? Людям, значит, нельзя, а этой нечисти можно?..

— Точно, — легкомысленно подначил Геннадий Родионович. — Чужим можно, а нам нельзя. Понаехали тут из деревни, понимаешь...

Харя обиделась всерьез.

— Сам ты понаехал! А ну, вали отсюда!

Рассудив, что ответная колкость была бы сейчас не к месту, Геннадий Родионович счел за благо прикинуться, будто как ни в чем не бывало продолжает путь, и свернул к мосту. Сверху последствия аварии были видны даже лучше. Вокруг черного и белого брезгливо суетились какие-то люди — не то путевые рабочие, не то охотники до бесплатной сантехники. А может, и то, и другое.

Распоясались сельхозавры, осуждающе подумал Геннадий Родионович. В блоках городских новостей редкая неделя обходилась без сообщений о визите бродячего сельхозавра в городские кварталы и о мерах по вытеснению его за городскую черту, а то и об уничтожении.

И чего сельхозавров в город понесло?.. Загадка века. До сих пор, вон, пишут, что перепрограммирование их — дело самое простое. Может, вирус гуляет?..

В воображении немедленно возникла картина: толпа, с гиканьем бьющая хакера. Картинку Геннадий Родионович прогнал, но остался в недоумении. Ну, допустим, вирус. Такой, что за полгода (или когда там за сельхозаврами была замечена тяга к городам?) не выявлен и не укрощен? Быть того не может. Может, все-таки дефект конструкции?

Слово «конструкция» применительно к сельхозавру Геннадий Родионович даже мысленно произносил с отвращением. Конструкция бывает у механизмов, а у этого конгломерата

нанороботов что? Структура? Недостаточное слово. Что вносит порядок в хаос монад? Конституция какая-нибудь, что ли?.. Ага. Спросить бы у колонии вольвокса — есть ли у нее конституция или она живет в добропорядочной анархии по Кропоткину?

Мысль развеселила. Геннадий Родионович зашагал бодрее. По ту сторону желдорузла стало совсем легко — и в первую очередь потому, что здесь не жил никто из учеников. Отсюда начиналась свобода. Здесь можно было выругаться или звучно, чтобы прохожие обернулись, плюнуть на асфальт. Не хочется — не делай, но не дорожить свободой странно.

Миновав забор с табличкой «Строительство ведет СМУ такое-то, прораб Я.Я. Обсценный-Табуиров», Геннадий Родионович вновь увидел сельхозавра. Тварь находилась в конце улочки, занимая всю проезжую часть, и двигалась, по-видимому, к проспекту. Ага. Стало быть, жди ликвидаторов. Поспешить бы, не то как раз улицу оцепят...

С другой стороны — черт тянул лично посмотреть на ликвидацию. Телевизионщикам доверия не было. Поучаствовав однажды в несанкционированном митинге и не приметив на телеэкране своей физиономии в вечернем блоке новостей, а обнаружив вместо нее всякие отвратные рожи, Геннадий Родионович испытал одновременно радость от того, что не придется назавтра объясняться с директором, и горькое разочарование: хоть часть правды да обязательно скроют от народа!

Сельхозавр, надо полагать, был тот самый, что недавно прошествовал мимо школы. Крупный экземпляр, ему бы плуг тянуть по целине. Еще недавно пресса взахлеб писала о сельхозаврах — гениальное, мол, творение нанотехнологов. Побочных эффектов никаких, а пользы целый вагон: надежны, послушны радиокомандам, могучи, неприхотливы, не нуждаются в заправке, обладают достаточным интеллектом, чтобы не пахать асфальт, не сажать в грядки цыплят вместо лука и не обмолачивать фермеров... А сколько людей и ресурсов удастся высвободить для более разумного применения, чем производство тракторов и комбайнов!

Рабочих тракторных гигантов, понятно, никто не спрашивал, понравится ли им оказаться за воротами, но и движения новых луддитов не возникло. Нефтепродукты упали в цене,

продовольствие тоже. Взрывообразно появилось множество анекдотов про сельхозавров. Эстрадные комики растерялись. И без них, причем вполне серьезно, сообщалось о работах по созданию сверхэкономичных тундровых сельхозавров — оленьих пастухов, сельхозавров болотных ради поимки лягушек для ресторанов и сельхозавров-пасечников, неуязвимых для укусов пчел и доставляющих нектар с цветов прямо в улей.

Как всегда, японцы успели раньше. Правда, их опытная модель сельхозавра-пчеловода, натренированная убивать колоссальных японских шершней, идентифицируя последних по их величине, перебила немало воробьев и других мелких птах, но кто сказал, что в новом деле всегда обходится без накладок? Сообщалось также, что будто бы в Австралии сельхозавр-стригаль оголил не только овечью отару, но и наблюдавшую за его работой группу туристов. Иск подали все: женщины — из-за утраты красоты, мужчины — оскорбившись тем, что их приняли за баранов.

Мир хихикал.

Но и восхищался тоже. Брезжила новая эра. «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!» — проклинали недругов древние китайцы. Вышло, что прокляли все человечество. Хотя можно предположить, что наиболее прозорливыми из них, догадывавшимися, что когда-нибудь людям уже не придется горбатиться на рисовых полях, просто-напросто двигала низкая зависть к потомкам.

Ровно ничего не сообщалось о конгломератах нанороботов военного назначения. «Секретят», — пожимал плечами любой, кто слыл информированным. Вообще-то Геннадию Родионовичу было не вполне понятно, почему научить боевого сельхозавра (боезавра? дракоида?) отличать своих солдат от солдат противника труднее, чем брюкву от морковки. Помехоустойчивость у них, что ли, ни к черту? Или коварный супостат может не только поставить глушилку, но и вообще перехватить управление? Тогда, конечно, да...

В промышленности сельхозавры тоже не привились. Какое-то время говорили о пожирающих бокситы дюралезаврах для цветной металлургии — потом перестали. С транспортными мотоцерапторами тоже дело не пошло. Ареалом нанотехнологических чудищ оставалась сельская местность.

За исключением ненормальных экземпляров, для чего-то лезущих в город. И тем активнее, чем город крупнее.

Зачем, интересно? В городе обычно нет нужды опахивать канализационные люки, удобрять дома и окучивать фонари.

Загадка.

Одно ясно: массовый сбой какой-то. Разлад.

Вразумить психа перепрограммированием удавалось не всегда. Поначалу на улицах появились специальные машины с кипящими котлами, мигом окрещенные скороварками, — гнать сельхозавров вон из города струями перегретого пара. Сатирики приободрились. Послушать их, так выходило, что сельхозаврам в городе надо вставать на учет. Миграционная служба стойко терпела издевательства.

Обогнать сельхозавра по тротуару и раньше него выскочить на проспект не получилось — Геннадий Родионович уперся в оцепление. Омоновцы преграждали путь на манер фаланги. Впрочем, десятка полтора прохожих, кучкующихся возле стены пластиковых щитов, были настроены скорее иронически, нежели решительно. Поглядеть воочию на ликвидацию сельхозавра — ну кто откажется? А что с галерки, так это ничего. В партер все равно не пустят, да и рисковым надо быть человеком, чтобы туда полезть.

— Привет, физик! — раздалось над ухом.

Это был сосед по подъезду и приятель. Приятеля звали Рыбаба. Каким именем наградили его родители, помнили немногие, зато всем была широко известна его страсть к двум предметам: рыбалке и женщинам. О том, с какими трудами и приключениями ему доводилось вываживать либо то, либо другое, Рыбаба мог рассказывать часами.

Разговоры эти Геннадий Родионович пресекал, и быть бы ему у Рыбабы в опале, если бы не владевшая тем страсть: хоть разок обыграть «физика» в шахматы.

На худой конец — свести партию к ничьей.

— Из школы своей топаешь? — спросил Рыбаба.

— А ты с работы?

— Не, я завтра дежурю. — Рыбаба служил где-то охранником. — Сейчас с дачи еду. Карась в озере не берет, одно расстройство... Вышел из электрички, гляжу — сельхозавр. Я — за ним... Вечерком сыграем партийку, нет?

— Можно, — благосклонно согласился Геннадий Родионович.

— Часиков в шесть, а? Где всегда?

— Идет.

— А фору дашь?

— Бог подаст. Впрочем, можешь играть белыми.

— А...

Слитный вой сирен заглушил реплику Рыбабы. Из-за поворота вынеслись машины МЧС, закамуфлированные по-городскому под бетон и зелень, и затормозили с визгом. Из одних горохом посыпались служивые в касках и асбесте, другие же — огнеметные — навели стволы. На улице сразу стало тотно и тесно. Движения пластиковых щитов не потребовалось — зрители схлынули сами. Кончились те времена, когда зеваки скандалили, изо всех сил стараясь подобраться поближе к месту ликвидации. Кое-кто из тех, кому это удалось, мог и сейчас рассказать, как это приятно — попасть ненароком под брызги огненного плевка. А кое-кто уже ничего не мог рассказать.

Отчаянно хлопая крыльями, уносились прочь голуби. Более догадливые вороны удрали еще раньше.

Геннадий Родионович и Рыбаба тоже подались назад, но уходить не спешили. Во-первых, проще было подождать конца ликвидации, чем обходить ее место, давая кругаля по соседним улочкам либо плутая во дворах, а во-вторых — зрелище.

Со стороны проспекта тоже было все готово, даже пожарные. Огнеметчики с металлическими ранцами — отважные ребята — рысили у самых стен домов. Проскользнув впритирку к сельхозавру — оттянулись во дворы. Маневр окружения был завершен.

— Сейчас начнут, — плотоядно облизнувшись, сказал Рыбаба. — А пойдем-ка вон туда встанем...

Указанное Рыбабой место — пьедестал рекламного щита — оказалось удачным. Отсюда Геннадий Родионович видел и эмчеэсовцев, и пожарных, и даже пригнанную на всякий случай машину «скорой помощи». Но главное — он видел серую тушу сельхозавра. Почти всю.

Туша не шла вперед — топталась на месте, встретив преграду. Возможно, сельхозавра стегали радиокомандами, пыта-

ясь силком загнать в русло программы — в последний раз. А может быть, он просто чувствовал опасность.

Голос из мегафона проорал, что жителям прилегающих к месту ликвидации домов надлежит плотно закрыть форточки и не подходить к окнам. Ага! — расплющенные об оконные стекла носы любопытных были видны даже Геннадию Родионовичу.

— Начали! — завопил Рыбаба.

С ревом ударили огненные струи. Четыре штуки. На зрителей дохнуло жаром. Выплюнув по дымному сгустку пламени, машины, казалось, призадумались на секунду, после чего решили: мало. И выплюнули еще.

Сельхозавр удивился — так, во всяком случае, это выглядело со стороны. Замотал подобием башки, попятился. Сообразил, что сзади тоже припекает, и быстро крутнулся на месте, совершив полный оборот. Будто решал, кого сокрушить сначала — передних обидчиков или задних.

Огнеметы выплюнули еще по струе.

— Сейчас его проймет, — тоном знатока сообщил Рыбаба. — А помнишь, как скороварки по улицам ездили?

Геннадий Родионович помнил. Еще с полгода назад наивные городские власти воображали, будто можно обратить в бегство сельхозавра, направив на него струю перегретого пара. Пробовали также электроразряды и вонючие аэрозоли. Без толку.

— А сколько ему нужно — градусов небось с тысячу? — спросил любознательный Рыбаба.

— Меньше. Для деструкции хватит и восьмисот.

Сельхозавр корчился. Сельхозавр бурлил. Клубился. Бывало, Геннадия Родионовича охватывала жалость к несчастным нанороботам, что из последних сил пытались уцелеть, нырнув в толпу себе подобных. А с другой стороны — не очень-то они и отличались от примитивных живых существ вроде планктона. Ну кто, скажите, проникнется сочувствием к стае саранчи, состоящей из значительно более высокоорганизованных особей? Саранчу — жалеть?! Дустом ее, дустом!

Пожалуй, жальче было не каждую особь в отдельности, а весь организм, если только это слово могло быть применено к сельхозавру. Хотя сей организм находился явно не

там, где следовало, и уже натворил дел на железнодорожных путях...

— Гля, дерево загорелось! — ликовал Рыбаба.

— Этак мы всей зелени в городе лишимся, — брюзгливо предрек Геннадий Родионович. — И без того дышать нечем.

Сельхозавр внезапно завопил, и резкий вопль его, перекрывший рев огня, был похож на крик киношного Годзиллы. Чем может кричать эта туша, оставалось неясным, да Геннадий Родионович и не думал об этом сейчас. Ему чудились стенания живого, страдающего существа, захотелось даже заткнуть уши и стремглав бежать прочь. Нервы, подумал он, стараясь привести сердцебиение в норму. Всякая дрянь нам живой представляется, да еще и одушевленной... А что есть сельхозавр? Конгломерат, структурируемый заданной извне программой. Он дурак дураком, как компьютер, а уж каждый нанобот в отдельности и вовсе немногим умнее пылинки. Чего жалеть такого? Только из-за того, что эта туша умеет целенаправленно двигаться и вопить? Так тепловоз это еще лучше умеет...

Пылающий сельхозавр быстро уменьшался в объеме. Он пробовал метаться, норовил скрыться от пламени во дворах, но сбоку его встречали длинные плевки из ранцевых огнеметов, и он, вздрогнув, пятился. Он уже не напоминал четвероногое существо — он был амебой, и амебой гибнущей. В крутящемся столбе раскаленного воздуха реяли над ним черные хлопья. Неприятный, ни на что не похожий запах достиг зрительских носов.

Рыбаба попятился.

— Мало того что этих тварей на нас напустили, так еще и отравой дышать заставляют...

— Кто напустил-то? — спросил Геннадий Родионович.

— Кто-нибудь да напустил. Кому-нибудь это надо. Скажешь, не так?

В ответ на это оставалось лишь пожать плечами и сменить тему:

— И никакой особенной отравы... Основа нанороботов — углеродная. Скандий в них еще есть, иттрий, фтор... в общем, половина таблицы Менделеева. Но ни ртути, ни свинца, ни кадмия, ни бериллия нет, за это я ручаюсь.

— А мышьяк? — покрутив носом, вопросил Рыбаба.

— В гомеопатических дозах. Дыши смело.

— Откуда знаешь?

— Читал.

— А! — понимающе покивал Рыбаба. — Читай больше. Тебе напишут, а ты читай. Всему верь, главное. Гадом буду, мы небось и живы только потому, что этот твой скандий — редкий металл...

Нет, все-таки школьный учитель — это диагноз неизлечимой болезни. Как ни кривишься от фатальной бестолковости окружающих, в какую черную меланхолию ни впадаешь от всеобщего нежелания ничего знать, а главный симптом болезни, проявляющийся в неудержимом желании делиться сведениями, — вот он. Выскакивает неожиданно, как чертик из табакерки.

Геннадий Родионович даже руками всплеснул.

— Он не мой скандий, он сам по себе скандий! И не редкий он вовсе, а рассеянный. Везде присутствует. Ты ешь, пьешь — глотаешь сколько-то скандия. Ну и что — помер?

— Не помер, так помру, — огрызнулся Рыбаба. — И даже не узнаю, что от скандия.

— Ну да, — съязвил Геннадий Родионович. — А погоду спутники испортили.

— А что, не они, что ли?

Пришлось прервать диалог. Огнеметчики добивали сельхозавра. Привставший на цыпочки Рыбаба заявил, что недожженные остатки утекли сквозь канализационную решетку, и сейчас же высказал уверенность в том, что этот студень из нанороботов копится где-нибудь в городских коллекторах, пока не вырастет настолько, что даст всем прикурить. «Все подземные пустоты захватит, метро захватит, а потом ка-ак полезет изо всех щелей — тут-то нам и каюк». Напрягшись, Геннадий Родионович поборолся с педагогическим симптомом — и одолел.

Черные хлопья рассеялись, вонь улетучилась, машины ликвидаторов разъехались, оцепление сняли. Шагая к дому, Геннадий Родионович подумал, что сегодня, пожалуй, надо будет позволить себе не одну банку пива, а две.

* * *

Под акацией, высокой, развесистой и, наверное, удивленной тем, что добилась таких успехов в климате средней полосы, лет двадцать гнил, но все еще держался изрезанный надписями столик с двумя скамьями, стойко противостоя оглушительным ударам доминошников. Сегодня их, к счастью, не было. Геннадий Родионович не любил тех, кто слишком громко оповещает мир о своем существовании.

В сентябре в шесть вечера еще светло. До холостяцкого ужина — двух котлет фабричной выработки — время есть, и чем заняться, спрашивается, если препирательства с супругой невозможны за отсутствием последней? Кто одинок, тот ценит роскошь человеческого общения — даже с Рыбабой.

Откупорив пивную банку — все-таки единственную, — Геннадий Родионович двинул черную пешку на с6.

— Опять таракан, — скривился Рыбаба. Так он называл защиту Каро-Канн.

— Играй черными и выбирай любую защиту, — предложил Геннадий Родионович.

— Тогда с форой, а? Туру, а?

— Во-первых, ладью, а не туру, а во-вторых, обойдешься. Как договорились, так и играем.

Рыбаба покорился. Делать ему было все равно нечего. Поблизости слонялся всего один знакомый — пенсионер, известный под прозвищем Гулкий Пень. Он ждал себе подобных и к шахматистам не лез — знал, что отошьют. Всецело сосредоточившись на доске, Рыбаба повел атаку и возликовал, помешав противнику рокироваться в короткую сторону.

Что ж, можно и в длинную...

В миттельшпиле назревал грандиозный размен фигур.

— Ха! — возликовал было Рыбаба. — А ведь ты без ферзя!

— Еще чего, — бросил Геннадий Родионович. — Я отдам качество. Вот так. Если ты не берешь мою ладью, тебе мат в три хода. Ты ее возьмешь. Далее размен, я без качества, а ты без пешки. Ну и много ты выиграл?

Рыбаба надолго задумался, и видно было, что он мучительно размышляет: откуда здесь взяться мату в три хода? Потом вздохнул, взял ладью и присосался к пивной банке.

— Слышь, физик, — сказал он, зашуршав пакетиком с орешками. — А ведь это олигархи, падлы, виноваты. Они и натравили.

— Кого и на кого? — поинтересовался Геннадий Родионович, уже подозревая ответ.

— Да сельхозавров же, ёшкин кот! На нас! Ну на хрен им сдался простой народ, ты сам прикинь. Работать — гастарбайтеры есть да те же сельхозавры. Рынок сбыта? За бугром у них рынки сбыта. Не, народ не нужен. Одна морока с ним, не так, что ли? Зарплату ему хоть какую, а дай. Пенсии ему плати. Учи, лечи. По ящику зомбируй, а не то забунтует...

«Много ты бунтуешь», — подумал Геннадий Родионович, но сказал иное:

— Извести народ, значит... Ну допустим...

— И допускать нечего!

— Постой. Они по сравнению с нами кто?

— Олигархи!

— Они элита, — сказал Геннадий Родионович, наставительно подняв указательный палец. — Вон Гулкий Пень ходит, бутылки собирает — для него мы с тобой элита. А они, — тут палец устремился выше, — и для нас элита, и для него. Предположим, извели они народ. Ну и для кого они тогда элита? Сам подумай.

— Кого-нибудь оставят, — неуверенно предположил Рыбаба.

— А остальных на удобрения? — Улыбка так и кривила рот. — Ну-ну. Убери фундамент — рухнет дом. А фундамент — это мы с тобой, консументы первого-второго порядка...

— Кто? — переспросил Рыбаба.

— Консументы. Э, ты второй раз подряд пошел! А ну, верни пешку на место!

— Какую?

— Вот эту! Думаешь, я не понял, зачем ты мне зубы заговариваешь? Не можешь выиграть честно — так и скажи. А будешь жульничать — перестану с тобой играть.

— Ну что, ну подумаешь, ну машинально двинул, — оправдывался Рыбаба, поспорив сколько нужно и пряча хитринку в глазах.

Перебранка ровным счетом ничего не значила. Если бы Рыбаба никогда не пытался жульничать, играть с ним было бы попросту неинтересно. Вот и сейчас его позиция, на первый взгляд крепкая, должна была затрещать по швам под натиском черных фигур. Досрочного мата не ожидалось, но проходная пешка черным была обеспечена. Если только...

Неожиданно Рыбаба набросился на черные пешки, с легкостью жертвуя фигуры. Предложил невыгодный для себя ладейный размен. И только хитренько улыбнулся в ответ на недоуменное: «В поддавки играешь?»

Только сейчас Геннадий Родионович понял злодейский замысел Рыбабы. Если идти на ладейный размен, то последняя пешка летит, и придется ставить мат конем и слоном. Как это делается, Геннадий Родионович забыл. Вспомнить по ходу игры — нереально. Да и правило пятидесяти ходов никто еще не отменял.

— Э! Э! Тронул — ходи! — всполошился Рыбаба.

— Мало я тебе разрешал перехаживать? — возмутился Геннадий Родионович.

— В этой партии ни разу. Ты давай, давай, ходи турой...

— Ладьей, — злобно поправил Геннадий Родионович и, крякнув с досады, пошел на размен. Чертов Рыбаба! Чертово пиво! Если бы не оно... Он всерьез верил, что сумел бы исхитриться, напрячь мозги и сообразить, как ставится этот мат.

— Ой, ёшкин кот! — сказал вдруг Рыбаба. Глаза у него сделались круглые и неподвижные, как у карася, и так же по-рыбьи раскрылся рот.

Неслышно вывернув из-за угла дома, прямо к скамейке под акацией двигался сельхозавр. Еще один.

Впоследствии Геннадий Родионович так и не смог объяснить, что заставило его оцепенеть. Быть может, он вообразил, что уничтоженный сегодня на его глазах сельхозавр сумел возродиться аки Феникс и теперь пришел наказать зевак, ничего не сделавших для его спасения? Вряд ли. Такую мысль ни один здравомыслящий человек и близко к себе не подпустил бы. Сельхозавр не Феникс, это первое. Сельхозаврам чужды мысли о возмездии, это второе. Им вообще чужды мысли. Они им без надобности. Инстинкт — еще может быть, если

можно возвести в ранг инстинкта дефекты программы. Но бывает ли инстинкт возмездия?

Если да, то исключительно у людей.

Стало быть... чего дергаться-то?

Ах, какие хорошие мысли приходят задним числом! Мудрые и утешительные. Ну разве можно признаться, что оцепенел от ужаса, увидев надвигающееся ЭТО?.. Что испугался — пожалуйста! Над тобой будут пошучивать, но никто не осудит. Пугаться разрешается. Иное дело — сознаться в том, что не смог от страха шевельнуться, как загипнотизированный удавом кролик! Это уж чересчур. В этом и сам себе не всякий признается.

Геннадий Родионович лишь заметил краем глаза, что Рыбаба тоже оцепенел — как протянул руку, чтобы увести короля от шаха, так и превратился в монолит. Челюсть отпала до предела, в глазах — ужас и покорность. Подходи любой хищник и ешь бедолагу без соли.

Сельхозавр надвинулся на них, на ветхий столик, на акацию, надвинулся и поглотил. Геннадий Родионович зажмурился и задержал дыхание. Ему показалось, что его окунули в теплое желе, шевелящееся, жадно ощупывающее... Не липкое — и на том спасибо. Какие-то жгуты, хрящеобразные на ощупь, касались Геннадия Родионовича, задевали лицо, но не ощупывали с жадным вниманием, а скользили равнодушно, без труда огибая препятствие. Они могли бы схватить человека; схватили бы — и готов инфаркт. Но они не схватили, они текли мимо, эти гибкие детали псевдоскелета, и бесконечно долго текло по лицу теплое желе...

И вдруг все кончилось. Геннадий Родионович поморгал, слепо поводил перед собой руками, решился вдохнуть и понял, что жив. Напротив шумно дышал Рыбаба — вид обалделый, глаза набекрень. А сельхозавр — сельхозавр уходил прочь, и трусливо прятался от него за урной старикашка по кличке Гулкий Пень. Уф-ф, обошлось!

На всякий случай Геннадий Родионович ощупал себя и никаких изменений в организме не обнаружил, исключая испарину и сердцебиение. Расческа и мобильник во внутреннем кармане пиджака оказались на месте, мелочь и ключи в брючных карманах — тоже. Похоже, сельхозавр, хоть и чокнутый, не страдал клептоманией.

Шумно, с облегчением, выдохнуть и заулыбаться было самое время. Геннадий Родионович так и сделал. Оставалось еще решить, кем считать себя — храбрецом или трусом?

Наверное, все-таки храбрецом. Побывать внутри сельхозавра — надо же! Нет, точно герой. Кто там будет разбираться, отчего не сбежал, хотя время на это было! Постепенно и сам забудешь кроличье свое поведение. Память — хорошая штука, избирательная и щадящая.

Геннадий Родионович издал смешок.

— В носу щекотно, — пожаловался Рыбаба. — Вдохнул этой дряни, что ли?

И оглушительно чихнул на шахматную доску. Да так, что качнулся зажатый в угол белый король.

Геннадий Родионович поморгал, не веря глазам. На доске стояла матовая позиция — тот самый мат конем и слоном, редкое и потому мало кем знаемое наизусть окончание.

— Мат, — упавшим голосом проговорил Геннадий Родионович.

— Где мат, почему мат? — заволновался Рыбаба. — Не так же стояло... А! Это ты фигуры переставил!

— Когда?

— Когда сельхозавр на нас наполз! Когда я зажмурившись сидел!

— А я что, по-твоему, делал?

— Фигуры двигал!

— В этом киселе?

— Вот-вот! Воспользовался тем, что ничего не видно, и переставил! Бендер! Химик ты, а не физик! Жулик!

Рыбаба плевался и махал руками. «Ничья была!» — кричал он, по-видимому, напрочь позабыв о пережитом ужасе.

Оправдываться перед Рыбабой было бессмысленно, а орать в ответ — терять лицо. Геннадий Родионович стал молча сгребать фигуры. Так и расстались — каждый при своем мнении и сильно недовольные друг другом. Хотя Рыбаба, пожалуй, симулировал недовольство, а на самом деле ликовал. Как же — добился ничьей. Да еще уличил «физика» в мухлеже!

Где-то неподалеку, кварталах, пожалуй, в двух, дурным воплем завыла сирена — подоспевшие на чей-то вызов ликвидаторы брали сельхозавра в кольцо по всем ликвидаторским правилам.

* * *

— Зайди ко мне, — бросил на ходу директор школы.

За окнами директорского кабинета все еще держалась осень, мало-помалу теряя золото, отбиваясь от зимы последними погожими деньками и делая вид, будто не собирается сдаваться.

А придется. Куда она денется.

— Слушай, — сказал директор, изгнав из кабинета секретаршу, — ты что из себя шута корчишь?

— Виноват, не понял. — Геннадий Родионович поморгал.

— В сельхозавре он был! — буркнул директор. — Вся школа знает. Оно нам надо?

— Но я действительно...

— А хоть бы и так! Допускаю, что не врешь. Верю, был ты внутри сельхозавра, с тебя станется, а болтать-то об этом зачем? Теперь в школе только и разговоров, что о тебе. Мне донесли: кое-кто из учеников мечтает повторить твой подвиг. А если с придурком что случится — кто будет виноват?

— Министерство сельского хозяйства, — угрюмо пробубнил Геннадий Родионович.

— Я буду виноват! — взрыкнул директор. — Я и классный руководитель. И если придурок будет из твоего класса, я тебя покрывать не стану, даже не надейся. Кому хоть разболтал-то?

— Да так... двоим-троим.

— А конкретнее? Колись, не тяни.

— Зое Леонидовне, — раскололся Геннадий Родионович, чувствуя себя негодяем. Миниатюрная биологичка Зоя Леонидовна ему нравилась. Не настолько, чтобы вновь надеть на шею супружеский аркан, но все же...

— Нашел кому! В общем, так. Скажешь, что разыграл ее. Не ей скажешь, а кому-нибудь из педколлектива, у кого язык тоже вроде помела. Клин клином. С хиханьками скажешь. Зоя Леонидовна на тебя обидится, но ты сам виноват. На вопросы остальных отвечай серьезно и с честными глазами: выдумки, мол, не было ничего такого. Это первое. Чтобы сегодня же провел со своим классом разъяснительную беседу об опасности бродячих сельхозавров, а с остальными классами — в те-

чение недели. Проведи и сделай об этом запись в классном журнале, чтобы документ был. Уяснил задачу?

Пришлось кивнуть.

— Это второе. А вот третье: тебя еще куда следует не вызывали?

— Н-нет...

— Вызовут, — посулил директор. — Думаешь, сельхозавры зачастили в город спроста? Как бы не так. Это глобальным терроризмом попахивает... А ты что... раньше не по этой части работал?

— По террористической? — дерзнул съязвить Геннадий Родионович.

— По сельхозавровой! По нано... ну, по этим самым.

— Никоим боком. Я по прежней специальности оптик-расчетчик.

— Тогда очки надень, оптик! Живешь, как ничего не видя...

Это Геннадий-то Родионович ничего не видел? Три раза ха-ха. Побывав внутри коллоидной туши, умеющей вдобавок ко всему играть в шахматы, Геннадий Родионович крепко насторожился. Чувствовал: что-то будет. Всякий российский человек нутром чует близость перемен к худшему, но не всякий цепенел от ужаса в движущемся киселе, и не всякий видел поставленный киселем мат на шахматной доске. Геннадий Родионович чувствовал, что имеет фору перед остальными. Это скорее тревожило, чем радовало. Тот, кто с детства привык считать себя лохом и неудачником, всегда подозревает, что, как бы далеко он ни вырвался, на финише его все равно обойдут. И заранее мирится с этим.

Кроме данного случая.

Ибо на кону не деньги и не карьера. На сей раз на кону стояло нечто большее. Геннадий Родионович понял это сразу, как только увидел не им поставленный мат конем и слоном.

Он отказался от вечерней банки пива и перестал играть в шахматы с Рыбабой. Больше не развлекал оболтусов физическими опытами. На переменах был рассеян, а на уроках свирепствовал с холодно-отстраненным видом, как Аракчеев.

Дома листал журналы. Искал тематические сайты и просматривал их досконально, вплоть до форумного бреда. Пол-

зал по блогам знатоков проблемы, впитывая сведения, консервированные в соплях и желчи, и дивился на блогеров, языкастых, как хамелеоны, сентиментальных, как тургеневские барышни, и ядовитых, как гремучие змеи. Звонил прежним коллегам по НИИ, прося маяков в информационном поиске. Морщил лоб и тихо ругался, тщетно пытаясь разобраться в управляющих программах для сельхозавров. Перерыл в кладовке старые книжно-журнальные завалы, обросшие пылью, словно мхом. Попадались перлы вроде «Ветеринарного устава СССР» и «Правил складирования жидких и сыпучих материалов». Откуда сие взялось, Геннадий Родионович не помнил, хоть убей, но и в этот раз не понес на помойку ненужное. Одинокий мужчина вовсе не неряха — ему просто некогда заняться приборкой.

Попадались и материалы по теме — большей частью старые и наивные, но и в них могла крыться подсказка к разгадке. Геннадий Родионович решал проблему.

Откуда сельхозавр мог знать правила игры в шахматы? Зачем они ему, предназначенному для банальных сельскохозяйственных работ — таскать плуг и борону, убирать с поля камни, сеять, выпалывать сорняки, связывать атмосферный азот в удобрения, убирать урожай и все в таком роде? Конечно, он не совсем глуп и не спутает овес с овсюгом, но для этого не нужен интеллект. Псевдоинтеллекта — и того многовато.

Может, кто-то из программистов вложил в него ненужное умение просто как тест?

Спустя две недели информационного поиска Геннадий Родионович ответил на этот вопрос отрицательно. Тогда что? Атака хакеров? Участившиеся визиты сельхозавров в города по всему миру еще можно было с грехом пополам объяснить вирусом, но только не шахматную игру. Разве что какой-нибудь совсем уж сумасшедший хакер-шутник-извращенец?..

Еще две недели Геннадий Родионович работал над этой версией и в конце концов отверг ее.

Теперь он жадно смотрел выпуски теленовостей. Подписался еще на семнадцать российских и восемь иностранных каналов. Перестал ходить с работы и на работу пешком, а в

транспорте читал английские журналы, чтобы освежить в памяти язык Фарадея и Дарвина и впитывать иностранные теленовости без перевода. Повсюду выходило примерно одно и то же: словно обезумев, сельхозавры перли в города, и тем настырнее, чем больше город. По состоянию на середину октября примерно каждый сотый сельхозавр покинул своего хозяина и двинулся в город. Даже муниципалитет Киншасы был вынужден нанять команду ликвидаторов в составе шести огнеметчиков и одного колдуна для уничтожения сумасшедших макронаномеханизмов, хотя вообще-то сельхозавров в Африке было немного — не больше, чем диких слонов, например. И как раз кадры нападения разъяренного слона на бредущего куда-то сельхозавра обошли весь мир: макронаномеханизм поначалу не обращал никакого внимания на трубные крики и атаки животного и дважды пропустил его сквозь себя, после чего вырастил щупальце с набалдашником на конце и нанес им сокрушительный удар, опрокинувший слона на бок. Был ли то законопослушный сельхозавр или безумный, в комментариях к сюжету не сообщалось.

Сообщалось другое. Во-первых, слон сдох. Во-вторых, вызванные пред светлые очи телеобъективов специалисты кивали то на дефекты программного обеспечения, то на несоблюдение нанотехнологии наносборки нанороботов, и от бесчисленных «нано» вяли уши. Объяснение годилось для простаков. Поведение «дефектных» сельхозавров было чересчур осмысленным и дефектами не объяснялось.

В свое время Геннадия Родионовича действительно вызвали «куда надо». Молодой человек, представившийся Петром Петровичем, попросил его припомнить в деталях все, что произошло в тот достопамятный вечер. Пришлось рассказать. Хотелось умолчать об истории с матом конем и слоном, но Геннадий Родионович сообразил, что тут уже могли успеть побеседовать с Рыбабой.

Похоже, угадал — никакого видимого удивления сообщение не вызвало.

— Ну и как же вы это оцениваете, Геннадий Родионович? — спросил Петр Петрович, глядя на учителя спокойными светлыми глазами.

— Простите... что именно?

— Интерес — будем называть это так — сельхозавра к вашей шахматной партии.

— Да как оцениваю... — Геннадий Родионович сделал частичную уступку желанию поежиться — пожал плечами. — Собственно, никак я это не оцениваю. Теперь я уж и не уверен, что это мне не показалось...

— Ну-ну. Не принижайте себя. Скажите вот что: границы тела сельхозавра были резкими или нет?

— М-м... пожалуй, обыкновенными. То есть не то чтобы очень уж резкими...

— Никаких шлейфов, струй, туманных образований?

— Никаких.

— Вы твердо в этом убеждены или вам показалось?

— Я... пожалуй, мне так показалоеь. На все сто не уверен.

— Ясно. — Петр Петрович сделал короткую запись в прошнурованной тетради. — И еще. Вы упомянули, что вместе с вашим партнером по игре сидели, не сделав попытки уклониться от встречи с сельхозавром. С чем это связано?

— Испугался, — честно сознался Геннадий Родионович. — Просто до полусмерти испугался. Ноги отнялись.

Угодил таким ответом или нет — сам не понял.

Больше ничего интересного не произошло, и свидетель был отпущен с миром. Зачем вызывали — сам не понял. Похоже, собирали некую статистику...

Какое-то время Геннадий Родионович пребывал в смятении, после чего включилась интуиция. Его опережали. Его, возможно, уже опередили. Фора таяла.

Затем включилась мысль. Оптик-расчетчик мыслит рационально, и если учитывает в расчетах аберрации высших порядков, то лишь тогда, когда без этого нельзя обойтись. Похоже, наступил именно такой случай.

Не все ли равно, откуда коллоидные туши черпают информацию и что знают помимо вложенной программы? Главное — черпают и знают. И почему Петр Петрович спросил, не наблюдались ли вокруг сельхозавра некие туманные струи? Думай, оптик, думай.

А интересно бы выяснить: определяют существующие анализаторы воздуха наличие взвешенных в нем нанороботов или нет?..

* * *

Прошел еще месяц, и на землю лег снег. Таять не собирался, устраивался надолго. За этот месяц многое изменилось.

Сельхозавры повалили в город целыми стадами.

На помощь ликвидаторам были вызваны войска. Скопления сельхозавров на подступах к городской черте рассеивались «точечными ударами» с воздуха, хотя всем было хорошо видно, что горящий напалм в точке не удержишь. Экземпляры, все-таки проникшие в город, уничтожались огнеметчиками. Сообщалось, что жертв среди населения нет, если не считать нескольких ротозеев, получивших ожоги, да некоего полоумного камикадзе, бросившегося на сельхозавра с балкона с десятилитровой бутылью бензина в обнимку и бенгальским огнем в зубах.

Повсюду творилось то же самое с разницей во времени не более нескольких дней, как будто сельхозавры, находящиеся в разных регионах и даже на разных материках, поддерживали между собой связь. Геннадий Родионович умыкнул у георгафички набор контурных карт и вычерчивал диаграммы, соотнося атаки сельхозавровых полчищ на города с направлением воздушных потоков, взятых с метеосайтов.

Российские владельцы сельхозавров наконец-то последовали примеру заокеанских коллег и объединились в Ассоциацию, от имени которой начали вчинять иски на колоссальные суммы фирмам-производителям. Репортажи с мест ликвидации теперь соседствовали в блоках новостей с репортажами из зала суда.

Важный телефонный звонок раздался в тот день, когда Геннадий Родионович осознал: до полного понимания ему остался лишь один шажок. Может быть, даже полшага.

Звонил родной брат. Егор Родионович был фермером и жил в забытой цивилизацией деревне на самой границе области. Мобильная связь в тех краях действовала, только если забраться на крышу дома и сидеть там наподобие декоративной фигуры.

— Привет, учитель! — проорал Егор, пробивая криком мертвые зоны в эфире. — Долго еще будешь учительствовать?

— А что?

— А то! Сельхозавр-то мой от меня ушел. Прямо средь бела дня. Я уж и так его, и эдак, и в пульте батарейки сменил — все одно ни хрена не вышло. Ушел, скотина. Поди останови такого. Небось в город подался.

Геннадий Родионович пробормотал слова сочувствия. Сельхозавром брат обзавелся в позапрошлом году, здраво рассудив, что сэкономит на топливе и техобслуживании. Законсервировал старую технику. Рассчитал гастарбайтеров, решив, что теперь справится сам. Взял для покупки кредит под свирепые проценты и, конечно, еще не погасил.

— Я говорю, он к вам в город попер! — проорал брат.

— Так ты что, — оторопел Геннадий Родионович, — хочешь, чтобы я тебе его поймал, что ли?

— Дурень! Как ты его поймаешь? — заорал с невидимой отсюда крыши Егор, и на душе у Геннадия Родионовича стало легче: брат не сошел с ума. — Я о другом. У меня восемнадцать гектаров под озимыми, да еще... — Последовало перечисление, что где посеяно и что надо засеять весной. — Слушай, приезжай, а? Насовсем. Бросай ты свою лабудень. Поможешь. Техника на ходу, горючки полна цистерна, хорошо, что не продал. Чем сезонников нанимать, уж лучше с братом... Что? Ничего, научишься. Что?.. Ты кричи громче, не слышно... Зима? И зимой тебе дело найдется, учительствовать пойдешь. Школа в соседнем селе есть, ха-ха, в классах по три ученика... Что?.. Ну да, закроют, это как пить дать, да ведь не завтра же... Что скажешь? А? Ну, думай, думай...

Вечером того же дня Геннадий Родионович сам снял трубку и начал напористо:

— Володя? Привет. Как это кто говорит? Гена говорит. Давно не виделись, да. Угу. Да я и сам бы не прочь... Как семья? Слушай, ты вроде говорил, что у тебя тетка работает в Метрострое? Нет? В Водоканале? А кем? Диспетчером? Ну, тоже годится... Да нет, ничего. Как бы нам встретиться, а? У тебя нельзя? Ладно. У меня можно, но незачем. Встретимся у твоей тетки. Нет, не сошел с ума. Есть дело. Это важно. Потом объясню. Когда твоя тетка дежурит? Сегодня? Прямо сейчас? Тогда прыгай в ботинки и вперед. Коньяк с меня. Ну, двигай...

В полночь мозаичные куски сложились в картину.

Наутро Геннадий Родионович не пошел в школу. Он собирал барахлишко — деловито, без торопливости, но быстро.

Оделся потеплее. Покряхтев, навьючил на себя рюкзак. В каждую руку взял по тяжелой сумке.

Запер квартиру. Вздохнул.

Доведется ли когда-нибудь вернуться?.. Бог весть.

У подъезда встретился Рыбаба, собиравшийся, судя по снаряжению, на зимнюю рыбалку.

— О, сосед! Куда это ты собрался?

— В деревню к брату.

— Погостить, что ли?

— Как получится. Может, и насовсем.

Оба проводили взглядом очередного бродячего сельхозавра. Еще не уничтоженный доблестными войсками, тот пересекал двор, и сейчас Геннадий Родионович заметил туманную струю, вьющуюся вокруг туши макронаномеханизма, являющуюся, по-видимому, его частью, но в то же время живущую как бы отдельно. Заметил он и то, как струя отделилась от сельхозавра и тонкой змейкой скользнула в канализационный люк.

— Видал? — спросил Геннадий Родионович.

— Ну, видал... И чего?

— А того, что прав ты был тогда. Ну, насчет того, что наностудень этот захватит подземные пустоты под городом и тогда нам крышка. Можешь поздравить себя: ты пророк.

Было очевидно, что ничегошеньки Рыбаба не помнит, но кому не лестно оказаться пророком? Рыбаба осклабился:

— Да уж...

Но сейчас же принял вид недоуменный и озабоченный.

— И чего? — вновь вопросил он тревожно.

Геннадий Родионович посмотрел на часы. Немного времени в запасе еще имелось. Если только электричка не придет раньше расписания... Хотя с какой стати? Не пришла бы позже на час или два... А если вообще не придет, если движение замрет повсюду — значит уже началось... Тогда влип, пожалуй. Пешком уходить?..

Но несколько минут еще оставалось в запасе, и не предупредить по-соседски Рыбабу было бы свинством.

— Зачем сельхозавры лезут в город? — спросил Геннадий Родионович и сам же ответил: — По двум причинам. Обе элементарны. Первая: города удобны как сборные пункты для всего, что желает собраться воедино из рассеянных частиц-монад. Дороги сходятся к городам. Было бы желание — а точка сборки найдется. Вот она. Город. Второе: здесь для сельхозавров нет проблем с питанием. Одни электромагнитные поля чего стоят, а не хватит их — подкормятся от сети. Особый вопрос: как сельхозавры осуществляют связь между собой? Отвечаю: через отдельных нанороботов, переносимых ветром. Точнее, это не отдельные элементарные нанороботы, а полуавтономные агрегаты из сотен нанороботов, способные к длительному существованию. Еще десять лет назад умные люди писали, что это возможно, да никто не верил. Идиоты. Остается последний вопрос — о мотивации. Зачем сельхозаврам объединяться, а? Тебе интересно?

— Да, — внезапно охрипнув, вымолвил Рыбаба.

— Тогда слушай. — Геннадий Родионович оглянулся и понизил голос. — Еще толком ничего не известно, но... понимаешь, есть гипотеза, что они как-то эволюционируют — по-своему, не так, как животные. У них ведь нет тканевой несовместимости, они могут объединяться. Ты спросишь: чего ради? А я тебя спрошу: чего ради из безмозглых комочков слизи произошли высшие животные и мы с тобой? Зачем нам мозг, если комочку слизи и без него жилось неплохо?

— А...

— Погоди. Я тут поговорил вчера кое с кем... неофициально. И вот что получается... Под городом в коллекторах — масса этого студня. Каждый сельхозавр внес туда свою долю. Даже сожженные успели что-то внести. Самое-то главное, что у них есть и зачем они в город пришли, они берегут до последнего. А мы, дураки, и рады: ура, сожгли еще одного! А он всего-навсего носитель чего-то большего, квинтэссенции своей какой-то. И вот теперь она — под нами. Выжечь ее уже пробовали, да под землей не очень-то это получается. Притом и ведет она себя совсем по-другому — отвечает на агрессию. Это новый и совсем особый организм, точнее — новый мозг. Он занял свое место. Думаю, еще немного — и он осознает себя. А пищи ему хватит. Под землей, конечно, нет солнечно-

го света, зато электричества полным-полно, одно метро чего стоит...

Геннадий Родионович вновь взглянул на часы. Пора. Не опоздать бы.

Ухватился за ручки сумок. Крякнул, приподнял.

— Э, ты погоди! — заволновался Рыбаба. — Тормози, говорю! Я что-то не въехал... Мозг, говоришь? Из нанороботов? Ха! Нам-то что? Да может, это к лучшему, что мозг? У наших городских властей мозги, что ли? Этот хоть сообразит, в чем его выгода: мы ему — электричество, чтоб жрал от пуза, он нам — разумное управление. А откажется — отрубим ему электричество, и всего делов...

Ага, подумал Геннадий Родионович. Отрубишь ты ему. Весь город обесточить придется, а ты представляешь себе, что это такое? Нет, не представляешь. А можно не сомневаться: идеи оставить подземный нечеловеческий супермозг без питания уже обсуждаются и на городском уровне, и «где надо». Только бы хватило ума не делать этого! С супермозгом шутки опасны, даже если этот супермозг еще не осознал себя. Не нужно ведь сознания, чтобы определить, кто враг, а кто нет, — достаточно выработать условный рефлекс...

Впрочем, приходилось признать, что Рыбаба способен соображать довольно быстро: до первого, убаюкивающего, умозаключения дошел в два счета.

Но не дошел до второго.

— Большой будет мозг, электронный, беспристрастный, — мечтал Рыбаба. — Может, даже и неподкупный... Порядок наведет... Чего бежать?

«Очень тебе нужен порядок», — подумал Геннадий Родионович, но вслух сказал иное:

— А ты не понял? Мозг-то большой, но несмышленый, детский. Он тут такого наворотит... «Велика фигура, да дура», — знаешь такую поговорку? Что он пока смог — склеиться воедино? Великое достижение!..

— Научится же когда-нибудь, — не очень уверенно возразил Рыбаба.

— Лет через десять? — прищурился Геннадий Родионович. — Ну-ну. А может, через сто? Это тебе не мат слоном и конем поставить — его и обезьяна поставит, если дрессиров-

щик хороший... И чему еще он научится? Тут, прежде чем управлять, думать надо научиться! Думать! За нас, раз уж мы не можем! А как, по-твоему, эта протоплазма будет учиться? Да на своих же ошибках! Хочешь остаться поблизости от нее, когда она начнет действовать, — валяй, а мне страшно. Уезжаю я. К брату в деревню, пока еще электрички ходят. Ну, пока!

И, обогнув остолбеневшего Рыбабу, Геннадий Родионович заспешил к станции. Его провожал ехидный взгляд пенсионера по прозвищу Гулкий Пень, вышедшего то ли на поиск пустых бутылок, то ли просто так. Уж кто-кто, а Гулкий Пень явно не собирался бежать из города. Он твердо знал, что никаких сельхозавров на свете не бывает, а бывает лишь обман народа, когда народ видит то, что ему хотят показать и чего на самом деле нет и быть не может.

Бесполезно было втолковывать ему, что фора тает. Форы уже почти нет. Володя знает. Рыбаба теперь тоже знает. Петр Петрович из «откуда надо» давно знает. Никогда не полагая себя самым умным, Геннадий Родионович не сомневался: знают или вот-вот догадаются еще многие, а изустная информация распространяется по экспоненте. Очень скоро начнется исход. Если нельзя остановить катаклизм, то лучше быть в числе первых, убежавших от него. Это не трусость, а неприятие идиотского фатализма. В раскопанных Помпеях масса гипсовых слепков с таких вот фаталистов...

Прочь, прочь из гиблого места! Пока электрички еще ходят.

Слишком тесные лямки рюкзака пренеприятно врезались в плечи, а неподъемные сумки тяжелели с каждым шагом. Но Геннадий Родионович шел, стиснув зубы, и знал, что позволит себе передохнуть только на платформе.

Подошла электричка. Народу было не очень много, удалось даже сесть, и беглец возликовал. В кои-то веки он, интеллигентская размазня и неудачник, не упустил свой шанс. Массовый исход начнется позднее. Прочь, прочь из города! На волю, в пампасы, к брату в глухомань, куда угодно, лишь бы подальше от новорожденного мозга! Младенцы милы именно потому, что беспомощны, но жутко оказаться во власти младенца-титана.

Народ в вагоне ехал разный. Наметанный глаз Геннадия Родионовича сразу заприметил нескольких таких же, как он, — особо тепло одетых и с грузом. Один из них по-свойски подмигнул экс-учителю: молодец, мол, вовремя. Геннадий Родионович отвернулся.

Скоро замелькали корявые пригороды, за ними пошли перелески. А вдоль железной дороги по полосе отчуждения, разумно избегая путей с проносящимися поездами, шли и шли навстречу сельхозавры, шли в город, и каждый нес в себе частичку того, с чем людям отныне предстояло свыкнуться и как-то ужиться.

Ужиться — как-то?

Как придется? Как получится?

Вот именно.

Вдруг стало стыдно. Как будто не радовался еще минуту назад. Нахлынула волна и смыла радость. Геннадий Родионович даже зажмурился. Подумал: откуда, черт возьми, откуда порой лезет из нас наружу это ни на чем разумном не основанное желание сделать хоть что-то, и если не одолеть врага, то хотя бы взглянуть ему прямо в глаза и попытаться замахнуться? Почему ощущаешь себя последним подонком и ничтожнейшей из тварей, если не сделал этого?

Он больше не смотрел в окно. Не смотрел и на попутчиков — просто сидел, сгорбившись, неподвижно глядя в одну точку перед собой и ничего не видя.

С сельхозаврами ужиться, наверное, можно. Но как ужиться с теми, кто готов примириться с любой дрянью, только чтобы хоть как-то продолжать жить? С теми, кто всегда был готов действовать именно так — и выжить, и, несмотря ни на что, сохранить себя, любимого, по принципу личной ничтожности и незаметности, как мезозойский таракан?

Можно и это. Только стыдно до судорог. Гулкий Пень, и тот в большей степени человек, чем беглецы, радующиеся своей сообразительности и невеликой форе.

На конечной станции Геннадий Родионович постоял с минуту на платформе под сеющимся с неба мелким снежком, затем вздохнул, ухватил за уши обе сумки, крякнул и потопал к кассе, где, отсчитав должное количество купюр, взял обратный билет. Как в воду с обрыва прыгал, а когда электричка с

воем тронулась — ощутил злость и азарт. Фора? Вот вам — фора! Дарю желающим. Нет, не дарю — меняю. На первый в жизни смелый поступок...

Черта с два — смелый! Глупости. Просто единственно возможный для человека.

Он думал, что, наверное, вскоре распространятся сплетни о том, что городские власти нарочно заманили сельхозавров в мегаполис, чтобы вызвать отток из него части населения, освободив недвижимость. И о том, конечно, что все работы по созданию нанороботов с самого начала велись исключительно ради этой цели. Не менее вероятно и то, что будут усиленно обсуждать гипотезу: нашествие устроили нефтяные компании, дабы повысить цены на свою продукцию, необходимую для уничтожения сдуревших сельхозавров. А может быть, обе гипотезы не верны — бывает же в жизни просто-напросто дурная случайность, помноженная на инженерные недоработки!

Наплевать на первопричину. Наплевать и на то, возглавит ли власть борьбу за главенство человека в меняющемся мире, или бороться предстоит без ее участия. Второй вариант, пожалуй, в чем-то лучше, а как оно будет на самом деле — увидим. Но так или иначе, центры сопротивления возникнут обязательно. Кто не хочет драться, пусть подвинется. Кто хочет — возьмется за огнемет, за компьютер, за карандаш и, конечно, за ум, если он есть. Надо найти людей с головами и примкнуть к ним. Начать с Володи — он-то, наверное, не уехал... Какие специалисты понадобятся прежде всего? Ну ясно — химики. И физики некоторых специальностей. Впрочем, и оптику-расчетчику, возможно, найдется, работа...

Вагон был почти пуст, зато катящие навстречу электрички только что не лопались по сварным швам. Начинался массовый исход. Геннадий Родионович начал тихонько насвистывать. Фора исчезла; он не думал о ней. Он думал о том, как это радостно — быть человеком. Не задумываясь о родстве с тараканами и более не держа Сизифа в числе своих коллег.

2008, 2011 гг.

Анна Китаева

ПО ТУ СТОРОНУ ДЖЕРА

А все, что было, зачтется однажды,
Каждый получит свои —
Все семь миллиардов растерянных граждан
Эпохи большой нелюбви.

Андрей Макаревич

— Деточка, — сказал Таракан и сделал картинную паузу. Народ внимал. — Судьба уже сложила пасьянс моей жизни. И тебя в нем нет. Андерстенд?

Вика жалко захлопала ресницами.

Игорек заржал. Питер тоже заржал. Вика переводила искательный взгляд с одного лица на другое. Глаза ее неудержимо заплывали слезами.

— Иди-иди, — покровительственно сказал Таракан. — Не маячь.

Вика всхлипнула, повернулась и выбежала вон. Даже попыталась хлопнуть дверью, но дверь в баре была стильная, из тяжелого дерева. Пока она закрывалась — вальяжно и невозмутимо, — порывистая Вика была уже на полпути к остановке. Андрей залюбовался, как она бежала.

— Газель, — самодовольно сказал Таракан. — Лань быстроногая.

— Не жалко? — тихо спросил Андрей.

— Травоядное, — поморщился Таракан. — Не мой вольер.

«Дать ему в морду или не дать?» — подумал Андрей. Таракан подобрался. Он очень тонко чувствовал такие моменты. «Не дать, — решил Андрей. — Мне-то что?»

— Ну что, мужики, еще по пивку? — заулыбался Таракан. — Или водочки?

— Хватит и пива, — решительно сказал Андрей. — Завтра понедельник, день тяжелый.

© А. Китаева, 2011.

— Да... ёмть, — сумрачно согласился Питер.

Игорек молча встал и пошел к барной стойке — звонить в звоночек, иначе бармена хрен дождешься. Где-то внутри квасит втихую, гад... Хотя почему гад? Бармены тоже люди, тоже выпить хотят...

Вдруг, без перехода, Андрею стало невыразимо тоскливо. Только что был интерес к жизни, был кураж — чуть Таракану в морду не засветил, блин! — и тут навалилось, подмяло, заплющило... Он закрыл глаза.

— Что, колбасит? — сочувственно спросил Таракан.

Не было сил отрицать. Развивать тему — тоже. Андрей вяло кивнул.

— Есть средство, — сказал Таракан. — Пиво, водка — это всё так. Для детишек. Первый класс, вторая четверть. Вставлять вставляет, а лечить — не лечит. Ликвидирует симптомы, и то — на время.

— От чего лечить? — заинтересовался Игорек.

Вернулся, видать, от стойки. Андрей слушал их с закрытыми глазами.

— От жизни, — сказал Таракан. — От невыносимой тягости бытия. От недетских траблов нашей ёханной экзистенции.

— Загну-ул, — уважительно протянул Игорек.

— Знаю, про что он, — вдруг пробурчал молчаливый Питер. — Про джер.

— Ну?! — встрепыхнулся Игорек. — А ты... пробовал, да? Пробовал?

— Я не псих, — уронил Питер.

По плотности молчания стало понятно, что Питер больше ничего не скажет. Андрей открыл глаза.

Таракан смотрел прямо на него. Словно бы стерёг этот момент: глаза в глаза, зрачки в зрачки, ты и я, только правда и ничего больше.

— А я — пробовал, — сказал он с небрежной ленцой. — Это...

И тут нарочитость сломалась, треснула как лёд на реке — разбежались зигзаги трещин, и дрожащим шепотом, не заботясь о впечатлении, Таракан закончил:

— ...это лучшее в моей жизни.

Питер тихо зашипел, выпуская воздух сквозь зубы. «Ну ты, твою...» — пробормотал Игорек.

И Андрей поверил.

У Таракана в квартире был дивный срач. Сколько Андрей его помнил, у Таракана всегда был срач. Он и погоняло свое отхватил за бытовые привычки и ничуть им не обиновался.

— Садись, — махнул рукой Таракан.

— Куда? — ехидно спросил Андрей.

— Куда хочешь, — щедро разрешил Таракан.

Андрей подошел к тахте, долго примеривался, но так и не нашел адекватного алгоритма расчистки территории без жертв и разрушений. Особенно мешало большое блюдо с засохшими остатками чего-то разноцветного и... точно! Андрей отодвинулся. Таракан перехватил его взгляд.

— Это мои тотемные насекомые! — гордо сообщил он. — Миллион лет эволюции.

— И почему у тебя всегда... — брезгливо начал Андрей, но Таракан привычно перебил его:

— Это не срач, это инсталляция!

Андрей хмыкнул. При всех неприятных свойствах Таракана было в нем что-то эдакое. Нерядовое. Андрей вспомнил Вику, хотел промолчать и все-таки не удержался:

— Слушай, как ты сюда баб водишь?

— Баб? А... было дело, — невпопад сказал Таракан.

Он выволок из щели между столом и шкафом практически чистый стул, явно стыренный из какого-то кафе, хромой и без спинки, и остался стоять, положив ладони на железные арматурины. И Андрей остался стоять.

— Передумал? — без выражения спросил Таракан. — Ну и перди отсюда. Чистоплюй.

— Да погоди ты! — запротестовал Андрей.

Как-то странно это все было. Как-то...

— Может, водки выпьем? — предложил Андрей. — Зря, что ли, брали?

Таракан молча кивнул, отпустил стул наконец, полез куда-то в недра шкафа за посудой. Андрей авансом ужаснулся... впрочем, водка стерилизует, успокоил он себя.

— Ну и что такое этот джер? — спросил он Таракана в спину.

— Психомаска.

Таракан обернулся. В руках у него были стопки, на удивление чистые. Видать, тотемные насекомые в отличие от него водку не жаловали.

— Ну чё уставился? — раздраженно сказал Таракан. — Психомаска, она же психоматрица. Волновой слепок личности. Никогда не слышал, что ли? Или, пока тебе умняков не навешать, не дотюхаешь, об чем речь?

— Злой ты, — укоризненно сказал Андрей. — Чего ты такой злой?

— Ладно, проехали, — буркнул Таракан. — Наливай.

Андрей вытащил из-за пазухи флягу. «Эх, надо было сразу в холодильник, — пожалел он. — Хотя... у Таракана тот еще холодильник». Впрочем, водка не успела нагреться.

— Что тебе еще рассказать? — недружелюбно спросил Таракан.

Андрей вздохнул. Слышал он, конечно, про психомаски. А кто не слышал? Сначала было много шума — мол, передовые технологии, прорыв в будущее, почувствуйте себя гением, средство стимуляции личности... Потом выяснилось, что наведенные способности угасают очень быстро, хоть какой-то прок от них бывает лишь тогда, когда у личности есть свои собственные таланты в той же сфере. Образно говоря, если б была психомаска Эйнштейна, экзамен по физике с ней можно было бы сдать, а новую теорию придумать — только если ты сам нобелевский лауреат.

Потом опять была шумиха, но уже наоборот, чернушная — новый наркотик, типа, гибель личности и закат цивилизации... Это когда научились снимать проекцию эмоций. Но и тут оказалось, что ничего выдающегося психомаски собой не представляют. Ну, чувствуешь ты там что-то такое не вполне свое, непривычное, потом проходит. И привыкания вроде нет... Вроде?

— А чем он, этот джер, такой особенный? — спросил Андрей.

— Попробуй — узнаешь, — отрезал Таракан. — Ну что, пьем?

Чокнулись, выпили. Водка припахивала рыбьим жиром. Едва уловимо, но... Андрей поморщился. Надо было уходить. Встать — и уйти. Что-то Таракан не в духе совсем. Что-то неладно в Датском королевстве...

— Две сотни, — буднично сказал Таракан.

— Что?

Андрей спросил по инерции. На самом деле он понял сразу.

— Джер, говорю, две сотни зеленью, — уточнил Таракан. — А ты думал, я тебя бесплатно джерну? Щазз!

— Почему так много? — глупо спросил Андрей.

Деньги были. Как назло, именно сейчас у него при себе были деньги. До того, как зайти в бар, он встретился с Мартином и забрал у него долг. А как просто было бы сказать — нет у меня денег, извини, Таракан, и вообще это слишком дорого и на фиг мне не надо...

— Ой дурак ты, Андрюха, — ласково сказал Таракан. — Ой дурак... Слушай, может, ты тоже травоядное? Вроде этой... как ее зовут, забыл. Может, вам с ней спариться? Дети будут... с добрыми глазами и врожденным чувством гражданской ответственности.

— А пошел ты! — сказал Андрей, поднимаясь. — Козел ты, Таракан. Сука неприятная.

— Ну и вали, — огрызнулся Таракан. — Водку можешь забрать.

— Чего-о?!

Андрей не поверил своим ушам.

— Нах мне ваша водка! — ощерился Таракан. — Не веришь?

Он схватил флягу, не прерывая движения размахнулся — и... Фляга, пробив оконное стекло, вылетела наружу. Забренчали осколки, высыпаясь из рамы, затем раздался звучный удар фляги о землю под окном и заполошный мат вспугнутого бомжа.

— Опаньки, — севшим голосом сказал Андрей. — Ну чего ты, Толик? Ну ты ваще... Ты что, напился?

— Короче, — без выражения сказал Таракан. — Две сотни. Берешь, не берешь?

«Нет», — хотел сказать Андрей.

— Беру, — услышал он свой голос.

* * *

Психомаска оказалась капсулой размером с куриное яйцо, да и формы похожей. С одного конца яйцо было срезано примерно на сантиметр. Андрей взвесил капсулу на ладони — тяжелая. Небрежно повертел в пальцах. Плоский срез переливался радужными цветами, остальная поверхность была серой. «Вот этой стороной к виску, — наставлял Таракан. — Прижми и держи, понял? Когда прилипнет, можешь отпускать». — «А потом?» — «Разрядится и отвалится». — «Нет, я хотел сказать, когда подействует?» «Ну, первый джер долго не берется... Если перед сном — к утру возьмется, наверное». — «В смысле — первый?»

Таракан молча отнял капсулу, развернул, сунул Андрею под нос. На выпуклом боку была надпись, буковки маленькие, от руки, вкривь и вкось — просто беда, хоть и не читай, но Андрей постарался, рассмотрел-таки написанное...

Джер-первый

Джер проснулся легко, будто колокольчик над ухом прозвенел — пора вставать. Он вскочил с кровати, влез в джинсы, не глядя обулся, набросил на плечи первую попавшуюся куртку — ему не терпелось наружу.

Хлопнула за спиной дверь квартиры. «Ключи, ключи забыл! — завопил внутри него кто-то нервный. — Как обратно попадешь?» «Как-нибудь», — успокоил его Джер, и тот заткнулся.

Глупый... Зачем Джеру обратно в клетку? Жить нужно под небом!

Лестница пела под его ногами — потому что пел он сам. Весь, внутри и снаружи.

Джер вырвался из гулкой пасти подъезда, а вслед ему неслось эхо шагов. Он пробежал еще немного, резко остановился и вскинул руки, как танцор фламенко. Запрокинул голову...

Небо!

Синее, синее, синее!

Солнце!

Слепящее, яркое, сильное!

Облачко...

Одно-единственное на всё небо, крохотное, круглое, как моток сахарной ваты... Даже сладость на губах... Ах!

Джер закрыл глаза, помотал головой, медленно возвращая равновесие. На изнанке век таял жгучий след солнца. Джер тихо засмеялся и открыл глаза, чтобы смотреть на мир, потому что мир прекрасен.

Счастье!

И он пошел туда, куда его звал этот день.

А день решил поиграть с Джером в прятки, не иначе. Сначала он заманил Джера в метро, но денег в карманах куртки и джинсов не нашлось, и Джера туда не пустили. Потом Джер заплутал в подземном магазине, еле выбрался наверх и решил больше под землю не соваться. Он засмотрелся на воробьев, прыгающих по газону и клюющих какую-то дребедень, и понял, что голоден. С лотка уличной торговки Джер стянул булку с сахаром. Ха! Это было весело! Толстая тетка гналась за ним два квартала, Джер оборачивался на бегу и корчил ей рожи, а потом вдохнул поглубже, нырнул в проходной двор — и вынырнул по ту сторону уже без тетки.

Остатки булки он скормил воробьям — не тем, другим, но таким же беззаботным. Он и сам чувствовал себя воробьем. Чирик! Жизнь полна удивительных радостей!

Захотелось летать.

Короткая улица вывела его на набережную. Джер не полез в переход, перешел полное машин набережное шоссе поверху. Машины стояли в пробке и сделать ему ничего не могли, только сердито гудели. Замечательно!

Что-то большое, цветное, яркое росло внутри него, словно кто-то надувал там воздушный шарик. Джер почувствовал, что, если сейчас расхохочется, изо рта станут вылетать радужные пузыри, подобно мыльным пузырям, какие он пускал в детстве, но без противного мыльного вкуса. Он пошел вдоль набережной, поглядывая на реку и тихо смеясь, но старался не размыкать губ — пусть то, что внутри, созреет, и тогда он выпустит его целиком.

Вода в тени парапета была темной, от случайного волнения собиралась мелкими складочками, от нее отскакивали

зеркальные зайчики. Джер дошел почти до моста и тут вдруг увидел бабочку. Первую бабочку этой весны! Пронзительно желтая лимонница порхала, купаясь в солнечных струях. Джер вытянул руку ладонью вверх, и бабочка на мгновение опустилась ему на ладонь, легкая и сказочная, и тотчас вспорхнула, полетела прочь.

Джер засмеялся от счастья.

Под опорой моста кто-то оставил цветные мелки. Джер жадно схватил их. Это была удача... нет, больше! Это был знак! Покрытый пятнами сырости бетон манил к себе, взывал, требовал.

Джер щедрыми штрихами разметил полотно. Он рисовал все, что с ним было сегодня, — улицу, переход с буквой «М», тетку-лоточницу, воробьев, подворотню, — но все это оказалось маленьким, дома валились в перспективу улиц, река загибалась вокруг упаковочной лентой, а поверх всего сияла желтизной бабочка... БАБОЧКА!.. то ли изломанная восьмерка, то ли угловатый амперсанд... то, что весь день копилось внутри Джера, выплеснулось на серый бетон, превращая его в картину жизни, умопомрачительно яркую...

Мелки кончились. Последним движением, привычно стирая пальцы о шершавость стены, он поставил внизу свой тэг — «GeR»...

И заметил кое-что странное.

Кое-что...

На бетоне опоры, гораздо правее и ниже рисунка, куда не добрались его мелки, виднелось полустертое, но еще различимое...

«GeR» — было выведено там единым росчерком. Большая «G», большая «R», а между ними, словно петля на связующей ниточке, — маленькая «е». И смешная закорючка апострофа наверху, в точке, куда сходятся условные лучи надписи, — словно гвоздь, на который повешена картина. Этот тэг он узнал бы и в аду. А рядом проступал эскиз бабочки. То ли изломанная восьмерка, то ли угловатый амперсанд...

Разве он был здесь раньше?! Он? Был?!!

— Стоять, — лениво сказали у него за спиной. — Руки! Без глупостей. Документы.

Джер медленно обернулся.

Двое в форме. С дубинками. Не очень злые, но отнюдь не добрые. Ох, недобрые... Патруль. Вон и третий из машины вылазит...

Джер покорно предъявил измазанные мелками руки.

— Как зовут? — без интереса спросил подошедший.

— Джер, — улыбнулся Джер тающей тенью улыбки этого дня.

— Чё-то я так и думал, — сказал полицай.

Двое других заухмылялись.

День кончился.

— Что же вы так, Андрей Матвеевич?

Голос инспекторши сочился сочувствием — фальшивым, как три доллара одной бумажкой. Нет, хуже — как три с половиной.

Зато Андрею было стыдно по-настоящему.

«Сволочь Таракан, — думал он, морщась от неловкости. — Тоже мне приятель. Мог бы предупредить... Нет, это специально он, специально меня. Обиделся? Из-за Вики, что ли? Чушь! Хотя Таракан мог, он мстительный... Две сотни ему отдал, в участок попал из-за него, работу прогулял...»

— По месту работы мы уже сообщили...

Теперь в голосе инспекторши слышалось удовлетворение. Неподдельное. «По месту работы...» Андрей представил себе реакцию начальства на звонок. А особенно — замначальства. Ох, мать... Его бросило в пот.

— Зачем? — спросил он.

Хотел спросить деловито, получилось жалобно. Инспекторша наслаждалась. Она даже спину прогнула по-кошачьи, а пальчиками с ярко-красным лаком на ногтях так впилась в край стола, что Андрею показалось — проткнет столешницу насквозь. «У-у, садюга! — обреченно подумал он. — Щас с ней будет оргазм на рабочем месте... Ну, может, потом отпустит меня».

— Согласно инструкции, — томно мурлыкнула стерва, — вам обязаны выплатить выходное пособие в размере трехмесячной зарплаты. Если возникнут проблемы — обращайтесь, вы теперь у нас на учете, будем содействовать.

— Что? — растерялся Андрей. — Какое пособие?

— М-м-м. — Инспекторша закатила глаза. — Ну, мы же не можем настаивать, чтобы наших подучетных продолжали держать на их прежней работе. Нет, увольнять надо решительно и без проволочек. Вы же знаете, Андрей Матвеевич, времена нынче сложные, хорошая работа ценится, желающих много... Ммм... Никто не захочет иметь в штате сотрудника, не способного выполнять свои функциональные... ах!.. обязанности.

Стерва откинулась на спинку стула. Пальцы ее расслабились, соскользнули со столешницы. Прощально мелькнули будто окровавленные ногти.

— Я... — У Андрея перехватило дыхание от ярости. — Я, поверьте, в состоянии выполнять! Как вы говорите, свои функциональные обязанности. Да! В состоянии!

Инспекторша открыла глаза, вперилась в него немигающим взглядом, абсолютно стальным. Так мог бы смотреть сейф. Несгораемый шкаф.

— Уверяю вас, — сухо сказала она, — это уже ненадолго.

Квартиру вскрыли, как консервную банку. Раз-два, резанули чем-то... чем положено, выгрызли замок и даже денег не взяли — сказали, вычтут из его пособия. Андрей машинально поблагодарил, зашел в опоганенное взломом жилище, упал на кровать прямо в одежде — в той самой, в которой ночевал в обезьяннике... Плевать.

Было страшно.

Нет, если вдуматься, страшно не было. Было как-то... пусто. И жутко от ощущения вакуума. Словно очнулся — а ты висишь в пустоте, и ничего вокруг, ничегошеньки. Даже воздуха, кажется, нет. Хотя ты еще живой... пока...

Но это уже ненадолго.

Голос инспекторши металлически лязгнул в мозгах.

Ничего не хотелось. Больше всего не хотелось думать, что же теперь делать и как жить. Еще сильнее не хотелось выяснять что бы то ни было.

И все-таки...

За что?

Джер был совершенно безобидным. Ну, булочку у лоточницы стыбзил, подумаешь. Ну, стенку разрисовал... так она гораздо лучше стала, честно!

За что его выставили с работы? Ладно, он, по большому счету, давно хотел ее сменить, но разве так? Слова не дали сказать в оправдание. Один звонок — и нет сотрудника. Сделали изгоем. Вычеркнули из жизни. Поставили на учет... ха! Клеймо позорное на него поставили! С тем же успехом могли выжечь на лбу «джер» — и порядковый номер...

Андрей нахмурился. О чем это он? Какой еще номер?

«Первый, — подсказала память. — Надпись на маске: первый».

Значит, есть и еще какой-нибудь? Второй там. Или пятнадцатый.

— Надо поговорить с Тараканом, — сказал Андрей вслух.

Но сначала он заставил себя позвонить дяде Вите. Тело было деревянное, Андрей не был уверен, что тому причиной — джер или ночевка в камере, практически на полу. Негнущиеся пальцы с трудом набрали номер.

— Дядя Витя? Это Андрей из восьмидесятой квартиры. Вы у меня батарею ставили, помните? И шкаф встроенный делали... Ага, точно, с выемкой. Слушайте, у меня проблема, я вчера ключ забыл... в общем, надо дверь менять, а пока поставить старую, она у меня на балконе...

— Сто пятьдесят, — сориентировался дядя Витя.

«Есть люди, — подумал Андрей, — кому словарный запас без надобности. Все равно цифрами объясняются».

Сговорились за стольник. Андрей проверил — столько в бумажнике еще оставалось. Дальше, видимо, придется пойти за пособием. Ну... Джер сказал бы: «Как-нибудь» — и выбросил бы проблему из головы. Андрей тихо засмеялся.

Было здорово быть Джером. Андрей помнил все, что с ним происходило вчера, помнил так ярко, как никогда не запоминал события своей жизни — разве что давным-давно, в детстве. И ведь ничего особенного-то и не было, но ощущение осталось — как будто он совершил что-то настоящее, значительное.

«День, равный целой жизни» — вспомнил Андрей из какой-то книжки. Кажется, детской.

Джер и есть ребенок. Беззаботный. Исполненный радости.

Взрослый ребенок-художник... Видеть мир так, как он, — счастье. Что тут плохого? В чем подвох? Мысль сидела занозой, маяла душу. «К Таракану», — напомнил себе Андрей.

Пришел дядя Витя, получил деньги. Поволок, кряхтя, дверь с балкона.

— Ключ под половиком оставьте, — сказал Андрей на прощание и ушел, беззаботный, словно Джер.

Кто сейчас оставляет ключи под половиком? Никто, наверное. Не те времена. Значит, вряд ли вор полезет под половик искать ключи от квартиры... А дядя Витя побоится что-то взять. Но даже если вынесут из квартиры всё до последнего носка — ну и что? Тут бы с жизнью в целом разобраться...

Андрей вышел из подъезда, огляделся — не смотрит ли кто, остановился на том же месте, что вчера Джер. Расставил руки, запрокинул голову...

Небо имело умеренно синий цвет.

В нем наблюдалось солнце, а также несколько тучек.

Счастья не было.

Как в анекдоте про бракованные воздушные шарики. «Что, дырявые?» — «Нет, целые. Но не радуют».

Андрей опустил голову, вздохнул, проморгался от пятен на сетчатке. Он предполагал, что так и будет, но... попытаться стоило, правда? Задумчиво обвел взглядом двор. Замызганное убожество, если в двух словах. А он помнил, помнил ощущение, которое настигло его вчера на этом самом месте, на заплеванном асфальтовом пятачке перед подъездом. То было словно полет... Он чувствовал радость и смысл бытия. Не знал, не верил — а именно чувствовал, всем существом своим... то есть Джера.

— Счастливчик Джер! — иронически сказал Андрей.

Но ирония не получилась. Было грустно.

И зябко. Вчера было гораздо теплее... было или казалось? Но возвращаться за свитером не было проку. Сунув руки в карманы куртки и ссутулившись, Андрей побрел куда глаза глядят. Лишь затормозив перед турникетом метро, он понял, что повторяет вчерашний маршрут Джера.

Почему бы и нет? Был в этом некий мазохизм, конечно, но было и правильное чувство. Светлая горечь истины.

Вот только лоточницу лучше бы обойти стороной...

И набережное шоссе Андрей не рискнул пересекать поверху.

Ну что поделать, если он не Джер? Обычный гражданин, который переходит улицу в положенном месте. Не дитя-художник, а взрослый человек, дизайнер в солидной фирме... Хотя нет, уже не в фирме и не дизайнер вовсе, а неизвестно кто. «Джернутый» — вдруг вспомнил Андрей услышанное краем уха в участке. Вот кто он. Не Джер, но джернутый. Подделка.

Ему стало худо. Пробрал озноб — да так, что затряслись руки. Пытаясь справиться с собой, он так сосредоточился на своих ощущениях, что не заметил девушку издалека. Он увидел ее только вблизи, едва не споткнувшись о пестрый рюкзак.

— Хай! — сказала девушка. — Салют! Красиво вот, ты видеть?

Она стояла с фотоаппаратом перед опорой моста, которую вчера разрисовали Андрей с Джером. Или Джер с Андреем... Неважно. Или важно?

— Это Джер, — сказал Андрей.

Девушка рассмеялась. Звонко, весело и по-доброму.

— Я видеть, — сказала она. — Джер — мой хобби. Увлечение. Я хочу скоро стать Джер, но пока еще нет. А ты?

— Это я рисовал, — хрипло сказал Андрей. — Познакомимся?

— Красиво, — повторила девушка. — Меня звать Сью. Сьюзанна. Мама англичанка, папа поляк. Учу рисование.

— Андрей, — сказал Андрей.

Ему перестало быть холодно и взамен стало жарко. Жар исходил от Сью — всепобеждающий, первичный, как от вулкана. Странно, что с виду она оставалась девушкой из плоти и крови, хрупкой и невысокой, с неопределенно-светлыми волосами и такой нежной кожей, что акварельно синели жилки на висках...

Андрей поймал себя на том, что стоит молча и разглядывает Сью в упор. Разве только челюсть не отвесил.

— Извини, — сказал он. — Засмотрелся. Ты... Извини. Пойдем куда-нибудь?

— Куда-нибудь, — повторила Сью и засмеялась. — Пойдем.

Они бродили по парку — кругами, не глядя по сторонам, — и говорили. Говорили обо всем, перебивали друг друга в нетерпении, смеялись над собой — и говорили еще и еще. Так, как будто ждали встречи всю жизнь, а теперь торопились эту самую жизнь рассказать за полчаса. Словно самым важным сейчас было — поведать себя другому целиком, без остатка, без малейшего зазора в понимании.

Через полчаса Сью сказала:

— Ветер. Я замерзлый. Пойдем к тебе гостить?

— У меня там ремонт, — с досадой признался Андрей. — Дверь пришлось менять. Я ж тебе не досказал про вчера...

— Тогда ко мне, — решила Сью.

В подвернувшемся на пути магазинчике взяли печенье, мандарины и бутылку кагора. У Андрея горели щеки и останавливалось дыхание, когда они со Сью соприкасались локтями. «Почти как джер», — подумал он и мучительно устыдился этого «почти».

Двухкомнатная съемная квартирка Сью была крошечной. Меньше его однушки. Сью повелительным жестом указала Андрею на кресло, и он, не желая ослушаться, ввинтился в прокрустову мебель, был награжден улыбкой, получил в руки альбом с фотографиями и обещание скорого чая.

Сью исчезла в направлении ванной, Андрей механически открыл альбом.

Он думал, там какая-нибудь семейная дребедень. Ну или туристическая обязаловка — «это я на Красной площади», «а это мы с Эйфелевой башней, я справа»...

Там был Джер.

Были фото картин, сделанных красками по холсту, углем по картону, карандашом по обычной бумаге. Очень много было снимков граффити: мелки, аэрозоль, проступающая факту-

ра стен... Эту манеру он узнал бы и без подписи. Но, не давая ему шанса на сомнение, на каждом рисунке красовалась подпись — одним замысловатым движением начертанное «GeR» и нарочито небрежный мазок в жестко выверенной точке над буквами. И еще один мотив повторялся так часто, что становился почти навязчивым, — бабочка. Всегда яркая. Желтая, красная, оранжевая, лимонная. Такая, как они с Джером рисовали вчера.

Андрею стало неуютно. Ему захотелось то ли рассмотреть каждую картину, ревниво впиваясь взглядом в подробности, то ли шваркнуть альбом об стенку, чтобы разлетелся переплет и посыпались страницы. Он пересилил себя, аккуратно закрыл альбом. «Ger I» — значилось на обложке.

Вошла Сью, в халатике, с подносом.

— Я иметь только две чашки, — озабоченно сказала она, пристраивая поднос на столик. — Что пить вперед, чай или вино?

— Вино, — торопливо сказал Андрей. — Или чай, не важно. Скажи — почему первый?

— Первый? — Сью забавно подняла брови. — Не понимаю.

— Джер, — уточнил Андрей и для наглядности потряс альбомом. — Почему Джер-первый?

— Все другие есть. — Сью кивнула на стеллаж в углу. Там громоздились неровной стопкой такие же альбомы, лежали какие-то бумаги, фотографии большего формата.

— Другие? — переспросил Андрей.

Сью нахмурилась. Они явно не понимали друг друга. Волшебная связующая нить между ними натянулась, грозя порваться.

— Ладно, ладно, я сам. — Андрей выкорчевался из кресла, в полшага добрался до стеллажа.

«Ger II», «Ger III»... всего подписанных и нумерованных альбомов было пять. Остальные никак не обозначались.

— Почему пять? — раздраженно спросил Андрей. Он сознавал, что этот вопрос не умнее предыдущего, но как-то перестал понимать, что же надо спросить. Словно не Сью, а он был иностранцем, плохо владеющим языком.

— Почему Джеров пять? — сделал Андрей новую попытку.

Как ни странно, Сью наконец поняла его. Рябь морщинок на ее лбу разгладилась.

— Всего пять, больше Джер нет, — сказала она. — Потом умирать... Или умереть? Не знаю. Как лучше сказать?

— Скажи как есть, — пробормотал Андрей. — И вообще...

До него вдруг дошло, как спросить обо всем сразу.

— Расскажи мне про Джера, — предложил он. — А я пока вином займусь. Штопор есть? Вот и ладненько...

«Джер» — так он подписывался, это было сокращение то ли от «Джеральд», то ли от «Джерард», Сью не знала точно. Родился он где-то в Европе — возможно, в Бельгии. Бродяжил от Амстердама до Марселя, а вот покидал ли пределы Старого Света — выяснить не удалось.

Если Джер и был известен при жизни, то лишь внутри замкнутого, как любая тусовка, коммьюнити графферов — или, как тогда еще говорили, райтеров. И то не факт — потому что в командах он не работал, в скандальных акциях вроде разрисовывания Кремлевской стены в Москве или тэгтерства на боках пилотируемого аппарата «Орион», не участвовал. Он просто рисовал граффити.

Большую часть того, что он сотворил на грунтованных смогом бетонных стенах городов Евросоюза, затерли и закрасили муниципальные власти. Кой-какие оставшиеся после Джера рисунки и скетчи разобрали знакомые — и что-то, возможно, до сих пор валяется на чердаках и в запасниках.

В общем, Джер разделил судьбу многих художников — умереть в безвестности и стать знаменитыми после смерти. Но в отличие от гениев и талантов прошлых веков Джеру не хватило обычной жизни и простой смерти, чтобы обрести популярность.

Кто и когда сделал пять психомасок Джера — неизвестно.

Уверенно датируется только одна из них — пятая, последняя. Потому что после нее Джер покончил с собой.

Джер был уже давно мертв, оплакан друзьями — или не оплакан, кто знает? — и прочно забыт, когда пять слепков его личности поступили на полулегальный рынок психоматриц.

Тогда и пришла к Джеру посмертная слава.

Оказалось: кто испытал на себе первую маску из пяти, неизбежно возьмет вторую... и так далее, вплоть до пятой, последней.

Оказалось: всем джернутым вместе с невероятно яркой эйдетикой восприятия передается творческая манера прототипа, вплоть до характерных мотивов — так, что по рисункам не отличишь; словно бы все их сделал сам Джер.

Оказалось: пятая маска приводит к самоубийству.

Без исключения.

Всех.

«Джер всегда убивать себя», — сказала Сью тихим, спокойным голоском отличницы. Словно доклад на семинаре читала.

Андрей пролил кагор на джинсы.

Сью не шутила.

Он был приговорен.

Мысли метались под черепом, как крысы в трюмах «Титаника».

Аллес капут, амиго. Всё, приплыли. Трындец котенку...

Как же это, как?!

Нет, но почему...

Ой, мама, как умирать-то не хочется!

Сью тихонько засмеялась. Андрей опешил.

— Ты сумасшедшая, — пробормотал он. — Что тут смешного?

— Сумасшедшая, нет, — покачала головой Сью. — Джернутая, да. Как ты.

— Ты тоже?!

Андрей вскочил. Зацепил, опрокинул бутылку, успел поймать, машинально поставил.

— Ты же все знала! Знала, что смерть! Зачем?!

— Андрей.

Она впервые назвала его по имени, и это было так странно, что Андрей замолчал. Вот человек встречает девушку, влюбляется, девушка говорит, что он скоро умрет, что она тоже скоро умрет, и называет его по имени. Что это за бредовая цепь событий, неужели жизнь? Где тут логика? Какой в этом смысл?

— Андрей. — Сью тоже встала и взяла его за руку маленькой крепкой ладошкой. — Мы иметь мало времени. Практически нет. Я сейчас стать Джер. Хочу делать любовь с тобой — до того как. Хочу, чтобы ты любить — меня, не Джер... Не только Джер.

— Я тебя люблю, — прошептал Андрей, вглядываясь в ее лицо. — Ну почему? Почему мы не встретились раньше?!

— Мы не уметь сами, — бледно улыбнулась Сью. — Ты ходил свой дорога, я — свой. Джер нас встречать.

— Да. — Андрей нахмурился. — Правда. Я бы сидел теперь на работе, точно. Мы бы не встретились под мостом... Погоди! Ты сказала там... я вспомню!.. ты сказала «хочу стать Джером». Ты не сказала, что уже!

— Я взять джер утром. — В шепоте Сью было извинение. — Первый раз долго, ты помнить, нет? Но сейчас чувство, что вот-вот. Полчаса...

Они стояли так близко, что до объятия оставался миллиметр, не больше. Но все-таки промежуток был. Скорее психологический, чем физический. Расстояние, делящее двух людей.

Андрей шевельнул рукой — и двое слились в одно. Сью прильнула к нему с тихим вздохом, положила голову ему на грудь. Он сомкнул руки, прижимая ее к себе. Оглушительно застучало сердце. Или сердца.

— А второй джер, — сказал Андрей непослушным языком. — Второй действует быстро?

— Да, — кивнула Сью.

Андрей больше ощутил ее ответ, чем услышал. Он легонько отодвинул девушку от себя.

— Мне нужен второй джер, — сказал он решительно. — Мы будем любить друг друга, ты и я. А потом... потом мы тоже будем вместе. Понимаешь?

Сью ответила быстрой легкой улыбкой. Наклонилась, выдвинула ящик тумбочки. В пластиковой кассете на пять отделений — одно пустое — лежали психомаски.

— Я взять сразу все, — серьезно пояснила Сью. — Чтобы не думать потом.

— Господи... — Андрей зажмурился на мгновение. — Хорошо, я верну. То есть... Глупышка моя... Ладно, к черту, давай сюда!

Он выхватил из руки Сью капсулу — быстро, почти грубо. Прижал к виску, почувствовал, как она присосалась... или примагнитилась? Прилипла.

— Ну вот... — начал он деланно легким тоном и вдруг заметил, что Сью плачет.

Она плакала совершенно беззвучно. Слезы возникали как по волшебству, сразу огромные, круглые, повисали на ресницах и дождинками срывались вниз.

— Из-за меня, — прошептала Сью. — Ты взять уже второй джер — из-за меня.

С легким чмокающим звуком отпала от виска психомаска.

— Не плачь, — сказал Андрей. — У нас мало времени. Практически нет.

Он как мог скопировал ее интонацию — и Сью улыбнулась сквозь слезы. Андрей взял бутылку, твердой рукой налил вина в чашки. Протянул Сью ту, что с медвежонком, поймал еще одну несмелую улыбку — угадал, значит.

— Я люблю тебя, — сказал Андрей.

— Я люблью тебья, — старательным эхом откликнулась Сью.

Глухо стукнули чашки.

Терпкой сладостью обжег губы кагор.

Но поцелуй оказался слаще и крепче.

Они целовались взахлеб, самоотверженно и отчаянно, неумело и жадно, как будто первый раз в жизни. Или нет — в последний.

Или — в первый и последний одновременно.

«Навсегда» и «никогда» сплелись и перепутались, как сплелись и перепутались пальцы, волосы, дыхание...

Никогда Андрей так не хотел женщину.

Маленький топчан храбро подставил им жесткую плоскость, и они рухнули туда, как горящий самолет на тайный аэродром.

Одежда облетела с них как шелуха — и вот они обнимают друг друга нагие, и дыхание прерывается стоном, и тела ищут способ слиться воедино, словно две реки — в одну.

И — находят.

Сью, тоненькая и гибкая. Андрей, сильный и жесткий.

Сью, порывистая и ласковая. Андрей, терпеливый и непреклонный.

Без слов, только движения, танец тел, слияние душ.

Снова поцелуй — как рождение, как агония, как вся длинная короткая жизнь, уместившаяся между тем и этим.

Вокруг могла взрываться Вселенная, распадаться на атомы — они бы не ощутили, не заметили.

...Они взорвались сами.

Андрей закричал, и ослеп от эха своего крика, и оглох от вспышек в глазах, а Сью что-то беззвучно шептала на выдохе и всхлипывала на вздохе, и слабые эти звуки были слышней его крика. Андрей чувствовал себя ракетой фейерверка, бабахнувшей в черном небе и неудержимо рассыпающей цветные огни. Он хотел удержать, продлить, сделать вечностью этот миг — и был не властен. Вспышка! Еще! Последняя...

— Оooy, — тихо сказала Сью, как-то удивительно не по-русски.

— Милая... — прошептал Андрей... или ему показалось, что прошептал, потому что он уже плыл, ускользал, покачивался лепестком-лодочкой на невидимых волнах.

Последнее, что он почувствовал, было жёстко-колючее, странно знакомое слово, сказанное будто у самого уха чужим мужским голосом. Слово и порядковый номер.

Джер-второй

Джер просыпался долго. Долго-долго-долго. Минуты три, наверное. Или вечность. Впрочем, какая разница?

Сначала пришли звуки. Чье-то тихое, едва слышное дыхание совсем близко. Звуки капающей воды неподалеку. Вода капала с высоты на металлическую поверхность — то часто-часто, то совсем редко. Дыхание человека рядом с Джером было равномерным.

Затем Джер ощутил тело. Свое тело.

Тело было счастливо жить. Оно словно мурлыкало изнутри, довольное. Сытое? Нет, по-другому довольное. Телу было томно и хотелось размяться — но только не вставать, нет пока.

Джер потянулся, с наслаждением и неким любопытством. Наслаждение шло от тела, любопытство — от разума. Чувства

сказали, что он лежит на шершавом, умеренно мягком. Прогибаясь, Джер закинул руки за голову, уперся в стенку, съехал спиной по шершавому — и ощутил пустоту, сначала под пятками, а потом и под коленками. Несущая плоскость была короткой, ему не по росту. Ноги согнулись, Джер почувствовал ступнями холодный пол, напряг пресс — и вот уже оказалось, что он сидит, и глаза как-то незаметно сами собой открылись и смотрят вокруг.

Мир встретил его сумерками.

Крошечная, как шкатулка, комната была наполнена особым сумеречным светом, словно инопланетной водой. Это был час призраков и духов, струящихся вокруг и вне, невидимых, но странным образом бросающих блики на стены, кресло, стеллаж, топчан... Открытая дверь казалась порталом в иной мир, белая краска слабо флюоресцировала, ловя нездешний отсвет.

Джер затаил дыхание, чтобы не спугнуть себя.

Еще чуть-чуть, и он будет знать, как рисовать это ощущение. Свет ниоткуда, тени невидимок... прозрачная густота воздуха... Сияние — белое, но лиловое... Слова не имели смысла, смысл был в его глазах, на дне колодцев его зрачков. Джер видел смысл, его не получалось назвать вслух, но можно было попытаться... попробовать...

Джер вскочил. Здесь! Должно быть! Что-то, на чем... Неважно что!

Ведомый инстинктом, как охотничий пес, он отодвинул кресло — и там, в потемках под стеллажом, почти на ощупь нашел стопку листов а-третьего формата... бумага была темно-кремовая, плотная, шероховатая... ооо, богатство! У Джера защекотало на языке, такая была бумага... И уже веря в свое счастье, он безошибочно сунул руку еще глубже, в неизвестность и пыль, и — ликующий — вынул коробку с пастельными мелками! Экстаз!!!

Теперь он не торопился. То, что пришло, никуда не уйдет. Понимание вечно. Он закрывал глаза — и видел, он открывал их — и продолжал видеть.

Бережно и не спеша Джер положил мелки на полку, бумагу — на кресло. Поднялся с колен.

Сумерки тем временем стали гуще, зачернилились.

Надо было включить свет, но он медлил, прислушиваясь к себе.

И вдруг — внезапно, в единый миг — еще одно зрение открылось у Джера. Как приходит к бегущему второе дыхание, так у Джера словно второй раз открылись уже открытые глаза. Или — как ныряльщик без маски размыкает веки, и ему является непривычный мир.

Кто-то лежал на топчане. Вот что увидел Джер.

Прежде не было важным — сейчас вдруг прорезалось.

Комната стала другой. Обрела новый центр.

Человек был посредине ее.

Джер — сбоку, наблюдал, вынесен за скобки.

Человек пошевелился. Откинул покрывало. Сел.

Девушка.

Светилось в полумраке нежно-фарфоровое тело.

— Ты... — прошептал Джер.

Он был уже рядом, хотя не помнил, чтоб двигался. Впрочем, это очень маленькая комната. Два шага — и он совсем близко.

Девушка подняла взгляд, посмотрела на него.

Посмотрела...

В него.

— Ты! — сказала она утверждающе.

Она была Джер.

Она узнала его.

Он узнал ее.

Джер узнали себя.

— Я, — сказали Джер.

Вселенная вздохнула и отвернулась, ненужная.

Джер был наг, и Джер была нага, и нагота их не имела значения, но несла смысл. Они вошли друг в друга как в теплую реку, и волны любви подхватили их и повлекли, раскачивая, вниз, вниз, вниз по течению и вынесли в океан, и шумный прибой швырнул их на берег и накатился еще, и еще, и схлынул...

Шершавый топчан был знакомым, родным, уютным. Джер потянулся, уперся ладонями в стенку... это уже было с ним, сегодня, недавно, давно, в предыдущей жизни, мгновение назад. Пол холодил ступни.

На сей раз Джер точно знал, где мелки и бумага.

Слова окончательно стали лишними. Даже слово «я», даже слово «ты» — неуклюжие, громоздкие как динозавры, безнадежно вымершие за ненадобностью.

Джер шагнул сквозь портал двери в прихожую. Она-Джер скользнула мимо него, зажгла свет в кухне, смахнула со стола крошки. Джер опустил на стол стопку бумаги, потянул к себе верхний темно-кремовый шероховатый лист.

Мимолетно отметил, что она-Джер взяла красный мелок, это хорошо, потому что ему нужен лиловый...

Понимание в нем окрепло и обрело статус сообщения.

«Я хочу сказать», — подумал Джер — и провел первую линию.

Штрихи ложились с безошибочной неровностью.

Он был бог рисуемого мира. Он был всё. Он не мог ошибиться.

Джер сотворил сиреневые сумерки, заключенные в сложный объем комнаты — замкнутый и распахнутый одновременно. Плоскость топчана перечеркивала комнату, являя свой истинный смысл в мире вещей — служить опорой. Два силуэта, мужской и женский, держась за руки, повисли над плоскостью, под углом к ней. Ну разумеется, они могли летать. Они всплывали к потолку в воздухе, напитанном цветом...

Джер взял другой лист.

Сегодня он легко рисовал воздух, разноцветный, любой — наверное, потому, что времени не существовало здесь и сейчас, и воздух перестал быть мимолетен, позволил себя рассмотреть. В нем недвижно танцевали призраки, сверкающие с изнанки, матовые на поверхности. Теперь Джер понял, как они отбрасывают блики, будучи невидимы и не будучи вовсе... Понял — и наполнил воздух искрящимися гранями. Он мог всё.

Только пространство не давалось рисовать себя — бумага не вмещала больше четырех измерений, а Джер видел больше.

Он взял еще лист. И нарисовал дверь.

Пространство физики распахнулось в пространство символа.

Джер нарисовал дверь закрытую: неизвестность, тайна.

Нарисовал дверь приоткрытую: возможность, обещание.

И дверь распахнутую, из которой струится сияние: постижение, переход.

Джер задохнулся, потому что забыл дышать. Закружилась голова. Он выронил мелок, откинулся на табуретке, прислонился спиной к стене. Открытая ДВЕРЬ! Ему казалось, что он постиг смысл всего на свете, вобрал мудрость всех религий, в единой вспышке озарения нашел символ символов, способный объяснить каждому... каждому!.. как жить и зачем.

Краем глаза Джер заметил движение.

Девушка придвинула к себе его рисунок с приоткрытой дверью. Занесла мелок... Джер хотел крикнуть — не мог издать звука, хотел вырвать у нее лист — не мог шевельнуться. Ужас объял его. Заколдованный и немой Джер смотрел, как девушка рисует бабочку — яркую, оранжевую. Стилизованный контур напоминал амперсанд или искаженную восьмерку. Бабочка получилась чуть правее и выше двери, непонятно — то ли она прилетела оттуда, с той стороны, то ли хочет влететь...

«GeR», — расписалась девушка в углу рисунка.

Джер почувствовал... Он не мог понять, что почувствовал. Джер не знал, счастлив он или умирает. А может быть — умирает и счастлив.

Безумие подмигнуло ему.

Бабочка... так давно это было и так по-детски. Теперь, когда Джеру открылась суть символа двери, смешно рисовать бабочку. И все же она несет смысл, добавляет рисунку иную трактовку. Разве так может быть? Разве способен он, Джер, мыслить одновременно по-разному? Противоречить себе? Дополнять себя?

Джер шевельнулся, ломая оцепенение. Взял чистый кремовый лист.

Рисунок уже был там, ясно видимый, осталось лишь навести контур.

Силуэты мужчины и женщины перед дверью.

Дверь открывается.

Сияние.

Джер отдал лист девушке.

Она держала наготове лимонно-желтый мелок...

...На рассвете у них кончилась бумага. Джер оставил девушку-себя спящей на топчане и ушел, прихватив пару баллончиков краски из обнаруженного запаса.

Он знал одну стену, где непременно нужна была дверь.

Андрей спал сутки и еще полсуток — насильно, с трудом. Снов он не видел. Или не запоминал. Оставалась лишь тягучая тяжесть в висках. Он просыпался, пил воду из крана, шел в туалет, падал обратно в постель и заставлял себя заснуть. «Вот бы мне не проснуться», — мелькнуло однажды. Андрей хотел испугаться, но не сумел.

Он понимал, что происходит, и спасался, уходил вглубь, зарывался в сон без сновидений, как в ватное тяжелое одеяло...

Ломка.

Хуже тысячи похмелий.

Страшнее всего, что он испытал в жизни.

Андрея ломало быть собой.

Когда он проснулся в очередной раз и понял, что больше не сможет заставить себя заснуть, и встал перед зеркалом — опухший, лохматый, с помятой небритой рожей, — ему захотелось взреветь диким зверем, ударить по зеркалу кулаками, чтобы стекло вдрызг, а кулаки в кровь! Чтобы почувствовать себя живым, а Джера — всего лишь тенью сна, воспоминанием, фальшивкой, бредом...

Не стал.

Не помогло бы.

Джер был в нем, он пустил корни, там, внутри, где всегда должно было что-то быть, но прежде было пусто.

Джер!!!

Тысячу раз Джер... И тысячу тысяч раз.

— Мразь Таракан! — прошипел Андрей. — Убью тебя!

Он отвернулся от зеркала. Искаженное злобой лицо показалось ему отвратительным. Но что-то ведь надо было делать...

Что-то.

Хоть что-нибудь.

Попытаться выжить. Преодолеть. Вернуться к нормальной жизни...

Сью!!!

Андрей запретил себе думать о ней.

Наваждение, обман, галлюцинация...

Единственная женщина в его жизни. Единственная настоящая. Все, кто были до нее, не в счет.

Обреченная. Безумная. Джернутая.

Андрей обнаружил себя на балконе, вцепившимся в перила с такой силой, что заболели пальцы.

Сью и Джер — вот все, что у него есть. Больше ничего. И не было ничего...

Где же он сам?

Нет его.

Звук, который уже некоторое время терзал его уши, дошел до сознания. Дверной звонок. Тили-бом-бом-бом... тили-бом...

— Никого нет дома, — вслух сказал Андрей.

Подошел к двери. Не глянул в глазок. Открыл.

Вика улыбалась так отчаянно, что с одного взгляда было ясно — сейчас разревется. Она была в рискованном мини, на высоченных каблуках. Пакет из ближнего супермаркета Вика держала на отлете, подальше от ажурных колготок. Имидж довершали черная тушь, которой Вика нещадно обмазала карие глаза, и настырно-алая помада — ни то, ни другое не шло ей абсолютно.

«Ого, — подумал Андрей. — У девушки трагедия».

Он не испытал сочувствия, ничего не испытал, хотя, признаться честно, Вика ему нравилась... Раньше, в прежней жизни, до джера. Но парадоксальным образом чужая едва сдерживаемая истерика погасила его собственный психоз. Девушке надо помочь? Вот и ладно. Андрей знал, что делать.

— Вика, солнышко!

Он схватил ее за руку, втащил через порог, отнял тяжелый пакет — внутри недвусмысленно звякнуло, повлек за собой в комнату, очень натурально смутился — прости, неубрано, сейчас я порядок наведу, поставь пока музыку, какая тебе... И все это — не умолкая ни на минуту, так что получалось, что Андрей ужасно рад ее приходу, и страшно смущен ее появлением, и хочет свою смущение спрятать за многословием, а

того, что Вика вся на нервах, не замечает по вечной мужской нечуткости. И Вика уже отвлеклась, слезы не просятся из-под туши, ей даже слегка неловко от того, что Андрей, как видно, давно ею заинтересован — а она о нем вспомнила лишь в кризисный момент, и теперь уже Вика начинает говорить громче, чем надо, и...

— Ой, Андрей! Почти забыла... Там же в пакете!..

Ну да, конечно. Ситуация требует выпить.

Андрей послал Вике очередную кривую ухмылку, долженствующую обозначать улыбку смущения, и выскочил в коридор. Взял пакет, заглянул — ого, коньяк, ноль семь коньяка, не сухарик какой-нибудь для изнеженных дам-с...

Он замер на пороге, как перед прыжком в ледяную воду. Больше всего Андрею хотелось сейчас развернуться, выбежать из квартиры и...

И что?

Куда бежать?

«Я должен помочь двум людям, — твердо сказал себе Андрей. — Ей помочь. И себе. Я же понимаю, зачем она пришла... Ей это нужно. И мне — нужно».

Лучше ему не стало. Наоборот, сделалось окончательно тошно.

«Ладно, — сдался Андрей. — Но если я уйду сейчас, она же с ума сойдет... Пусть я козел, но не настолько. Надо поговорить хотя бы».

Ему стоило заметного усилия переступить порог.

Вкрадчиво-эротически пела Милен Фармер, еще молодая, в записи прошлого века.

Вика сидела на диване, поджав ноги, и так-таки ревела.

Андрей разозлился.

Оставил, блин, на минуточку...

Он молча взял стаканы, налил коньяк, уселся рядом с Викой, протянул один стакан ей. Девушка подняла на него страдальческий взгляд. Опухшие глаза под расплывшейся тушью показались Андрею странно красивыми. Может быть, потому, что страдание там, внутри, было искренним.

— Спасибо, Андрюша, — шепнула Вика. — Ты такой... Ты все понимаешь...

Андрей ощутил себя настоящей сволочью.

Причем замечательно было то, что каждый следующий шаг — хоть влево, хоть вправо, хоть прямо, хоть назад... особенно назад! — делал его сволочью еще большей. Оставалось расслабиться и пить коньяк.

Коньяк был хороший.

Комплекс упражнений в постели тоже прошел неплохо.

Но сначала Андрей выслушал то, о чем и так догадался. Таракан... то есть Толик... в общем, они ссорились несколько раз, а потом так сильно поссорились, что она уже думала — всё между ними кончено. Но он позвонил и вроде бы стал извиняться, а потом замолчал на полуслове и бросил трубку. Она наступила на гордость, приехала к нему — ну дура, конечно, дура, но ей показалось... мало ли что, вдруг ему стало плохо, он так странно говорил — и нашла дверь открытой, а его спящим! Он просто заснул посреди разговора! Уже этого хватило бы, но она еще на что-то надеялась, они договорились на завтра встретиться в метро, она прождала его два часа, сквозняк, толпа равнодушных чужаков вокруг, у нее разболелась голова, а трубку он не брал... Она больше не хотела ехать к нему домой — никогда, но поехала — и он не открыл ей дверь! Он через дверь сказал ей, что она... и вообще... и может идти...

Вика разревелась окончательно и безвозвратно. Андрей потащил ее умываться. Потом они оказались вдвоем под душем. Оттуда перебрались в постель.

Все было нормально.

«Славная девчонка, — думал Андрей, исполняя положенные телодвижения. — Нормальная. Несчастная. Красивая. Толик — гад, придурок полный. Влюбиться бы мне в нее. Или просто так жениться. Работу новую найти или хоть на старую вернуться. Жить как прежде...»

Мысли, слова, действия — не помогали.

Сью стояла у него перед глазами, как мадонна.

Глубоко внутри, в средоточии его существа, сиял божественный младенец Джер.

* * *

К вечеру оказалось, что Вика никак не может остаться на ночь, ну никак. Семейные проблемы. Андрей сокрушался сдержанно, боялся переиграть, но Вика ни в чем его не заподозрила. Андрей вызвал такси, Вика на прощание улыбалась ему и целовала так благодарно, что он перестал заморачиваться и с легким сердцем выбросил из головы и все, что между ними было, и саму Вику.

Следующее такси отвезло его к Сью.

Ехать пришлось кружным путем, центр был наглухо перекрыт — то ли праздник очередной, то ли демонстрация, тоже очередная... таксист сказал ему, Андрей среагировал дежурной, к случаю, репликой и тотчас забыл. Водила был явно не прочь поговорить — чего Андрею сейчас ничуть не хотелось. Пресекая попытки общения, он отвернулся в окно.

Город показался ему незнакомым.

Вечер вползал на улицы нехотя, словно знал — ему не дадут реальной власти, он не более чем консорт при правящей королеве-рекламе. Повод зажечь огни вывесок и подсветку билбордов.

Вертикали домов словно теряли четкость, уходили в тень, на задний план, а на переднем бушевал электрический хаос рекламы. Этот город был Андрею чужд.

Совсем недавно — неужто дни прошли, а не годы? — он, мотылек в числе других мотыльков, летел на призывный свет кафе или бара запивать вечерним пивом бездарно прожитый день.

Нет, город был прежним. Это Андрей смотрел на него чужим взглядом.

Но чьим?

Он был собой сейчас, собой, не Джером, и он не собирался больше превращаться в этого...

Андрей не закончил мысль. Не знал — как.

И если он не хочет иметь ничего общего с джером... так чёрта ли он едет к Сью?!

Точнее — уже приехал.

Андрей вылез из машины злой, растерянный, напрочь в себе запутавшийся и первым делом обрел убеждение, что

это — не тот адрес. Дом выглядел нежилым. Подъезд заколочен был в доску еще при социализме, если не при самодержавии. Второй этаж, где он помнил квартиру Сью, нес следы пожара, три окна были окантованы копотью. Руины какие-то... Может быть, не второй этаж? Но уж точно не третий, третий последний, он бы запомнил. И не первый, потому что шли тогда вверх не один пролет, и на поворотах оказывались тревожно близко — а он всё не решался обнять Сью.

Во дворе было совсем темно. Ни одно окно не светилось.

— Бред какой! — громко сказал Андрей.

Что теперь?

Он повернулся и медленно пошел к подворотне. В тот момент, когда он оказался под сводом, на улице зажегся фонарь.

Андрей остановился.

Здесь был Джер.

Белой аэрозолью на отсыревшем бетоне была нарисована дверь. Приоткрытая. Как обещание, как возможность.

Что-то запищало внизу, буквально под ногами Андрея. Он глянул. Крошка-котенок, такой тощий, что был бы прозрачным, не будь он совершенно черным, смотрел на него, задрав голову, и мяучил. Огромные глаза его светились. Андрей наклонился, подхватил невесомое тельце, усадил котенка на сгиб локтя.

— Ну и зачем ты мне? — спросил Андрей с укоризной.

Котенок не знал.

— Черный кот, белая дверь, — сказал Андрей. — Стильный сюр. А разговаривать вслух с самим собой — это, знаете, нехороший признак...

Вдруг он все понял.

Адрес был верный.

Просто вход был не со двора, а с улицы. С другой, не с этой, куда вела подворотня.

Котенок заякорился когтями за куртку и, кажется, заснул. Хотя Андрей шел быстро, и пассажира должно было качать.

С правильной улицы в доме оказалось четыре этажа — крутой склон. Окна были освещены. Подъезд открыт. Андрей взлетел на второй этаж. Позвонил с легким сердцем, не задумываясь. Дверь распахнулась тотчас же. Сью стояла в дверях.

— Он мой соседний, — сказала она, отцепляя крючочки когтей от Андрея. — Зовут Мяу-Мяу. Потерялся.

Андрей почувствовал, что улыбается.

— А я нашелся, — сказал он.

— Да, — серьезно кивнула Сью. — Теперь мы пойдем вместе. Хочу показать тебе Джер. Здесь недалеко.

Легкое раздражение мелькнуло внутри Андрея. Что-то сродни невозможной, парадоксальной ревности. «Когда я с тобой, мне не нужен джер. А ты — ты опять ищешь Джера...» Мелькнуло и растворилось.

— Пойдем, — улыбнулся он.

Действительно, было недалеко. Но запутанно. Если не знать в точности, куда идти, то в этих узких трехмерных лабиринтах можно и нужно было заблудиться. Особенно в темноте. Старые кварталы старого города... не просто старые — дряхлые.

Часть дома была, кажется, нежилой. Нет, не часть дома, а — крыло особняка. Левое. В правом еще обитали.

В подъезде пахло книжной пылью: забытый запах библиотеки. Ступеньки вдвое выше привычных. А потолки... метра четыре или больше, прикинул Андрей. Свет слабой лампочки оттуда, из горних высей, доходил как академическая абстракция.

На площадке первого этажа было всего две двери, Сью выбрала левую. Андрей уже вдавил кнопку звонка, но Сью отрицательно покачала головой, взялась за ручку двери, с усилием потянула на себя.

Было не заперто. А звонок все равно не работал.

Однако, когда дверь отворялась, звякнул колокольчик. Андрей и Сью оказались в узком коридоре, освещенном не лучше, чем лестничная клетка. Кто-то уже спешил издалека на зов колокольчика, шаркал старческими туфлями.

— Не спрашивай, — быстро сказала Сью. — Я буду говорить.

Андрей пожал плечами, соглашаясь.

Походка обманула его. Хозяин квартиры не был стариком. Это оказался средних лет мужчина — очень высокий,

худой до истощения, и ноги он приволакивал как после инсульта или тяжелой травмы, а не от возраста. Пока Андрей осознавал свою ошибку, Сью сказала:

— Мы здесь посмотреть Джер. Пожалуйста.

— Да сколько угодно, — сказал мужчина с непонятной горечью. — Вам какой зал?

— Первый, — вежливо сказала Сью.

— Второй, — вырвалось у Андрея.

Он не собирался встревать, честно. Просто сорвалось с языка.

Хозяин смерил их взглядом — с глубочайшим осуждением.

— Извините, — покаянно сказал Андрей.

Сью схватила его за руку, сжала ладонь — молчи, молчи.

— Второй, пожалуйста, второй, — попросила она. — Простите!

— Да сколько угодно, — печально повторил мужчина.

Интонация его была чуточку преувеличенной и существовала как-то отдельно от слов, как у плохого актера. Или так полагалось в этой пьесе, которой Андрей не знал.

Хозяин повернулся и заковылял по коридору. И снова Андрей обманулся в ожиданиях — он решил, что идти придется в самую глубь, но всего через несколько метров мужчина остановился, щелкнул выключателем и распахнул перед ними дверь.

Зала — опять-таки, не комната, а именно зала — оказалась освещена ослепительно ярко. Свет резанул глаза так, что впору заорать от удара по нервам. Андрей невольно вскинул руку, с опозданием заслоняя глаза.

— Спасибо большое, — сказала Сью.

Андрей проглотил то, что просилось на язык, шагнул вслед за ней через порог, и хозяин закрыл за ними дверь.

— Чудак какой-то, — раздраженно сказал Андрей. — На букву...

Сью поднялась на цыпочки, накрыла его губы ладонью.

— Его жена ушла в джер, — быстро сказала она. — Давно. Год назад, больше? Он странный теперь, да. Сделал музей Джер. Картинная галерея. Он один, сам. Надо осторожно говорить, чтобы не сделать больно.

— Жена... умерла? — глупо спросил Андрей.

— Ее картины есть тут. — Сью повела рукой. — И подлинник Джер есть, Джер-оригинал. И много другие Джер. Но никто не знать, какие где.

Андрей прикусил губу. Сью не первый раз сбивала его с толку, сообщая обыденным тоном о самых ужасных вещах. Может, она всего лишь ошибалась в интонациях неродного языка. А может, ей казалось нормальным то, что шокировало Андрея? Мысль его огорчила.

Он медленно пошел вдоль стен, обходя комнату по часовой стрелке.

Большинство картин было в металлических рамах, застекленные. Но были и взятые в рамы без стекол, и даже вовсе без рам, вульгарно прикнопленные к стене.

Джер редко выбирал холст. Или холст редко доставался Джеру?

Джер рисовал на бумаге, предпочитая плотную, частенько цветную. Он любил пастельные мелки и маркеры, но не отказывался от карандашей, красок... да что там, он рисовал чем угодно, чем под руку подвернется. Андрей опознал губную помаду и — с меньшей достоверностью — кетчуп. В общем, средства исполнения рисунков были разнообразны.

Зато мотив всех картин был один и тот же.

Двери.

Открытые, закрытые, приоткрытые — чуть-чуть, на четверть, наполовину. Двери, из которых струился свет, и двери, за которыми была ночь.

Некоторые рисунки изображали одну лишь дверь, на других было еще много деталей, но дверь являла собой смысловой фокус каждой картины, ее содержание и цель.

Манера Джера была узнаваемой до боли, до судороги сжатых губ, до крошек зубной эмали во рту. Все собранные здесь картины рисовал один художник. Более того, в каком-то смысле это всё была одна и та же картина. Повторенная в сотне вариаций, исполненная то старательнее, то небрежно, с деталями и без...

Одна и та же.

— Но это чудовищно! — громко сказал Андрей.

Внезапно закружилась голова. Картины слились в полосу, как на карусели. Он закрыл глаза — не помогло, полыхали цветные пятна, аварийной сигнализацией звенело в ушах. Андрей ухватился за стену. Его качало, как пьяного. Сью повисла у него на локте, тянула вниз, Андрей сопротивлялся...

Он пришел в себя, сидя спиной к стене. Что-то было со зрением, казалось, что стена напротив то приближается рывком, то удаляется. Лоб был покрыт неприятной испариной, и гулко колотилось сердце.

— Андрей?

Сью стояла над ним.

— Андрей? — повторила она жалобно.

— Нормально, — хрипло сказал Андрей. — Все в порядке. Сядь, посидим немножко. Да сядь же, ну!

Сью осторожно опустилась на корточки.

— Что плохо? — деловито спросила она. — Где?

Андрей через силу рассмеялся.

— А где хорошо? Всё плохо, девочка. Хуже некуда. И это вот...

Он повел рукой.

— Это Джер, — серьезно сказала Сью, и Андрея вдруг взбесила ее серьезность, и констатация очевидного факта, и больше всего — все эти картины, бессмысленно одинаковые...

— Джер, Джер! — заорал он. — Вроде я не знаю! Это подделка, понимаешь! Фальшивка! Тот Джер, первый, — он был настоящий, а мы... Мы рисуем копии! Фуфло это всё, а не Джер!

Сью покачала головой и ответила спокойно, как будто Андрей не срывался на крик.

— Ты рисовать сам. Это твоя жизнь.

— О нет, — пробормотал Андрей. — Это его жизнь, не моя. Понимаешь... Пойми! Мне казалось, что я нашел истину! — Он увлекся, заговорил опять громче. — Я помню, я был счастлив, мне казалось, что надо лишь нарисовать так, чтобы все поняли, и... Ну так вот — эту истину, была она таковой или нет, не это важно сейчас, постиг не я, а Джер! Давным-давно, когда с него снимали эту долбаную матрицу. А я, вот сейчас, здесь, посмотрел вокруг — и понял, что моя истина — это копия, дубликат! Это уже кто-то кушал, понимаешь? Секонд-хенд, понимаешь?!

— Не кричи, — тихо сказала Сью.

Андрей осекся.

— Мало того что это подделка, — сказал он упрямо, — она еще и не истина вдобавок. Джер нашел ее бог весть когда — ну и? Много ему это помогло? Или нам...

— Истина? — гневно сказала Сью. — Пфи! Ты художник или ты пророк? Ты идиот просто, да!

— Я идиот... — потрясенно пробормотал Андрей. Он впервые видел, как Сью сердится по-настоящему. У нее даже волосы встали дыбом от внутреннего электричества. Андрей залюбовался и чуть не потерял нить спора. Сью решительно ткнула его кулаком под ребро.

— Ёрш! — сказал Андрей. — За что?

— Настоящий Джер не тот, первый, — медленно сказала Сью. — Мы все — настоящий Джер. Коллективный художник. Я так думать. Оригинал Джер — только стартер. Мы... нынешний человек жить в мегаполисах. Мегаполис ужасная вещь, жестокая, злая... как сказать? Не-человеческая?

— Бесчеловечная, — подсказал Андрей.

Сью поблагодарила его быстрой улыбкой.

— Да, — кивнула она. — Бесчеловеческая. Андрей? Ты уже слушать теперь, пожалуйста. Я хочу объяснить как по-моему.

Суть гипотезы Сью — а это была гипотеза, продуманная и логически выстроенная, — заключалась в том, что новое время должно породить новый тип творца и искусства. Мегаполис — это муравейник. Новое искусство — искусство муравейника, новый творец — коллективный.

Первой волну подхватила музыка, и родилось искусство караоке. Да, можно назвать его жанром, а можно — лишь развлечением, но если вдуматься... Что заставляет разных людей, более или менее сносно поющих, не просто петь, а пытаться встроиться в одну и ту же фонограмму? Изо всех сил — и в меру способностей — копировать манеру и даже голос певца? Это не что иное, как инстинкт муравейника. Коллективный исполнитель хочет явиться в мир мегаполиса.

Следующей стала литература, и помог тому интернет. На просторах всемирной паутины родилось новое литературное явление — сетевой конкурс.

Андрей честно сказал, что представления не имеет о сетевых конкурсах. Сью объяснила.

Разные люди одновременно, в краткие сроки, пишут рассказы на одну и ту же тему. Спектр участников — самый широкий, от признанных творцов до безвестных графоманов. Формально цель конкурса заключается в выборе рассказа-победителя. Но результатом действа в целом становится коллективное произведение коллективного же автора. А единичные рассказы, вырванные из контекста конкурса, кажутся несамостоятельными и однобокими. Даже мастерски написанным вещам, если взять их отдельно, чего-то не хватает. Чего? Видимо, других граней этой темы, рассмотренных коллективным писателем.

Впрочем, еще до интернета в литературе — или около нее? — появился такой специфический жанр, как фанфик. Произведения, написанные в уже созданном кем-то мире, сиквелы и приквелы, версии и варианты. Однако с фанфиками вопрос коллективного и индивидуального творческого начала был довольно запутанным, о чем Сью поведала с нехорошим азартом кладоискателя, и требовал отдельной разработки. Андрей про фанфики знал ровным счетом ноль, к внутренним коллизиям современной литературы был равнодушен — так что он нетерпеливо закивал в знак понимания, чтобы Сью не отвлекалась от основной линии.

Согласно ее гипотезе, в процессе становления нового типа творца особая роль отводилась технологии.

Чем дальше наша цивилизация идет по пути развития технологии, тем менее человеко-ориентированной становится среда обитания человека. Город окончательно превращается в муравейник. Отдельная личность не значит ничего. Совсем ничего. Индивид незаметен.

Психоматрица — это средство воспроизведения личности в таких масштабах, когда она опять становится заметной.

Технология, уводя человека от привычной человечности, дает средства для новых типов самовыражения. Только выражает себя уже не прежний индивидуальный индивид, а коллективный индивид, как бы ужасно это ни звучало.

Джер стал первым настоящим творцом в эпоху нового искусства. Что-то в первом из Джеров, том самом, с которого

сняли матрицу, вызвало резонанс и породило коллективного Джера. То, что первый творец оказался художником, граффером, — случайность, конечно. Мог бы оказаться танцором, и тысячи людей на площадях и улицах мегаполисов истово исполняли бы одни и те же фигуры танца, копируя пластику оригинала и повторяя его взлет души...

— Флэш-моб, — сказал Андрей. — Договариваются люди в одно и то же время... Ой, прости, я тебя перебил.

— Нет, — сказала Сью. — Я договорила уже. Вот так я думаю. Понимаешь?

— Понимаю, — медленно сказал Андрей. — Но...

Сью излагала убежденно и оттого убедительно. Однако описанная ею ситуация Андрею ничуть не понравилась. Отнюдь ему не стремилось быть муравьишкой, запчастью коллективного творца. Напротив, сегодня он особенно остро ощутил свою отдельность от толпы.

— Я думаю иначе, — сказал Андрей. — Человек мало менялся на протяжении своей истории. Внешнее менялось, да, а вот внутреннее, глубинное всегда оставалось прежним. Мы по сути такие же, как наши пещерные предки. Каждый из нас — одиночка в огромном и страшном мире...

Догадка вдруг пробрала его морозом по хребту. В миг озарения он понял, как выглядит всё на самом деле.

— Мегаполис — не дом родной для муравьишек, — отчеканил Андрей. — Это враждебные каменные джунгли. Бетонные скалы. А граффити — наскальная живопись наших дней!

Он перевел дыхание. Отчаянно захотелось хлебнуть чего-то крепкого. Андрей пожалел, что не захватил из дома недопитый коньяк.

— Наскальные рисунки — это магия, — хрипло сказал он. — Попытка затерянного одиночки защититься от мира... или договориться с ним? Джер всегда одинок...

— Мы были вместе, — сказала Сью, и голос ее странно дрогнул. — Ты так придумал, помнишь? Мы были вместе мы, и вместе — Джер, и мы рисовали вместе.

«Нечестно!» — захотелось крикнуть Андрею. Зачем она приводит как аргумент то, что относится только к ним двоим?

— Но это же мы! — сказал он с мягким нажимом.

— Может быть, другие тоже, — сердито сказала Сью. — Зачем ты злиться?

— Я?!

Андрей обнаружил себя на ногах, руки в карманах. Сью тоже вскочила, стояла перед ним, вытянувшись в струнку.

— Значит, ты предлагаешь, — сказал он с недоброй растяжкой, — собрать вместе толпу джернутых, устроить групповой секс и групповое творчество?! Не получится! А если получится, то это будет нечто вовсе уж отвратительное!

— Андрей.

Сью вздохнула, отвернулась, опустила голову.

— Всё неправильно, — сказала она глухо. — Ты зачем-то не хочешь понять. Джер ищет что-то. Какое-то постижение, которого не умеет один человек. Я верю — он ищет путь. И если Джер много, то он найдет.

— Путь к смерти, — со злостью сказал Андрей. — Ведь так? Ты мне сама сказала. Всегда! Без исключения.

— Да, — вздохнула Сью. — Может быть, там ошибка. Но если не ошибка и этот путь всегда к смерти — его нужно пройти, чтобы знать смысл.

— Да какой в этом смысл?! — заорал Андрей.

Дверь распахнулась.

Хозяин музея возник в дверном проеме. Глаза на изможденном лице горели непонятной страстью.

— Может быть, вы посетите следующий зал, — без выражения сказал он.

— Да, пожалуйста, — прошептала Сью.

— Нет уж, — прошипел Андрей. — Хватит с меня этого... массового некрополя!

Он ринулся в дверь, и хозяин квартиры посторонился, а Сью что-то сказала ему вслед, или ему показалось, но Андрей не оглянулся, в два шага был у входной двери. Жалобно тренькнул звоночек.

От злости он сразу нашел дорогу. Точнее, когда он остыл, то обнаружил себя на вполне знакомой улице.

Время было за полночь.

Еще пару кварталов он шел пешком, выдыхая остатки гнева. Потом почувствовал, что мерзнет. А еще — голоден и

устал. И захотелось курить, хотя он не курил уже полгода и очень тем гордился.

Андрей пошарил по карманам. Денег было мало, но оказалось, что он сунул в куртку карточку с пособием, которую поутру обнаружил в почтовом ящике. «Ну, на сигареты в случае чего и мелочи хватит», — рассудил Андрей, огляделся и нырнул в первый же магазин по дороге.

Магазин застенчиво звался «мини-маркетом», а по сути был жалкой лавчонкой. Молодой продавец, он же охранник, тосковал на кассе с мужским журналом в руках. Красотка на обложке тосковала еще откровеннее.

— Карточки принимаете? — осведомился Андрей.

— А то! — оживился парень. Даже журнал отложил.

Андрей прошелся вдоль стеллажей, взял было пельмени, передумал, взял взамен готовые котлеты, которые всего-то нужно сунуть в микроволновку. Еще взял сыр, хлеб, селедочное масло. Подумал — и прихватил нарезку ветчины. Жрать захотелось сильнее. Что у него там в холодильнике? Под угрозой пытки не ответил бы... Вот коньяк есть точно, полбутылки еще. Андрей взял лимон, сахар, кофе. Продукты перестали умещаться под мышкой. Он выгрузил всё на кассе, вовремя вспомнил про сигареты, отдал карточку.

Продавец копался. Электроника у него барахлила, что ли. По два раза возил считывающей трубкой по кодам, сопел.

— И пакет мне, — напомнил Андрей.

Парень нагнулся, полез за пакетом под стол, выставляя на обозрение шею и затылок. Поддавшись какому-то дикому импульсу, Андрей схватил со стола оставленный без присмотра маркер, сунул в карман. Ну и зачем? От дурацкой выходки заколотилось сердце.

«Был бы я настоящий грабитель, приложил бы тебя сейчас аккуратно по черепу...» — сердито подумал он.

— А джер вам не нужен? — спросил продавец из-под стола.

— Что? — опешил Андрей.

— Ну, джер.

Продавец вылез из-под стола, смотрел на Андрея честными глазами.

— Я смотрю, карточка у вас — с серой полосой... Распоряжение вышло, нас ознакомили всех. В общем, если нужно,

есть полный комплект, цены умеренные, работаем круглосуточно.

Андрей засмеялся. Смех был горький. От него сразу заболело горло.

— Ты-то хоть знаешь, что это? — спросил он.

Парень заморгал.

— Психомаска? Ну, вроде видео. А что?

— Ничего, — усмехнулся Андрей. — Полный сервис у вас, да? Ну, давай мне третий джер. Третий. Не перепутай! И давай еще леденцы с медом, вон те, от горла.

На выходе его вдруг будто толкнуло. Андрей обернулся. Он чувствовал себя безмерно старым, тысячелетним, отягощенным опасной мудростью.

— Только сам не пробуй, пацан, — сказал он веско. — Поверь, тебе не надо.

— Леденцы? — обалдело спросил продавец.

На упаковке с котлетами было написано «С заботой о вас». Андрей со злостью разорвал пленку, сунул упаковку в мусорный кулек, едва сдержался, чтобы не вытряхнуть туда же котлеты. Ханжество какое! Заботятся, видите ли. С-суки! Обо мне персонально. Дрянная ложь повсюду, а мы делаем вид, что... ну, не то чтобы верим, но — приятно. Хочешь жрать? На вот котлетку, только для тебя, всего-навсего миллион штук таких произведено. Обкакался от счастья? На тебе памперс, самый лучший, индивидуальный — весь цивилизованный мир в такие же точно памперсы гадит. Хочешь быть Джером? Правильно, умничка, все хотят быть Джером... Вот тебе джер. Можешь сдохнуть в свое удовольствие. И попробуй только сказать, что о тебе не заботились!

Наверное, Сью права.

Эпоха муравейника. И коллективный пророк ее Джер...

До чего же всё бездарно и тошно, вокруг и внутри.

И не сбежать никуда.

Андрей включил микроволновку.

И зачем, зачем, во имя всего святого, он купил психомаску с третьим джером?

Решил ведь, бесповоротно и твердо, что остановится на втором. Говорите, никто не сумел спрыгнуть? Ну и пусть, а он сумеет. Да и ерунда это — не бывает такого, чтоб никто не смог. Статистика. Законы больших чисел здесь на его стороне. Хоть кто-то, да вывернется. Он уж точно сможет.

Андрей вдруг проникся уверенностью, что продавец перепутал и дал ему другой джер. Надо было еще в магазине глянуть, а не понты гонять.

Капсула психомаски лежала в пакете вместе с другими покупками. Как мило! Ужин одинокого джентльмена — котлеты, сигареты, сыр и джер. Ах да, еще коньяк надо из комнаты принести. Ну и какой же по номеру джер ему втюхали?

Джер-третий

Ему было неуютно. Может, все же не стоило мазать котлеты селедочным маслом? Джер прислушался к себе. Неуют гнездился не в желудке, но где-то по соседству. Что-то ворочалось там, в животе, — тяжелое, липкое, смутное.

Тревога? Страх? Тоска?

Чувство, которому он не мог подобрать названия, усиливалось.

Джер встал с табуретки. Захотелось движения, мышечного действия. Кухня была два шага в длину, полтора в ширину. Прочь отсюда, вон из квартиры! Он шагнул к двери.

Застыл.

Что-то мешало ему, не пускало на улицу.

Что?

Джер обернулся. Ничего. Только шевельнулась занавеска — там, где открыта форточка.

Мучительная тяжесть в животе нарастала. Горло сдавил спазм.

Джер взял со стола бутылку с остатками коньяка на донышке, сделал глоточек, облизнул горящие губы. Что-то висело в воздухе, нехорошее, тревожное, и это напряжение было родственно той недоброй твари, которая завелась внутри него. Джер снова обернулся. Ничего... Или что-то промелькнуло за дверью, в неосвещенном коридоре?

Он подошел к двери, остановился на пороге, вгляделся...

За спиной!

Джер отпрыгнул в сторону, разворачиваясь в прыжке. Прижался спиной к стене...

Никого. Он был один в кухне — убогой, тесной, словно клетка.

Джер прижался затылком к стене, пытаясь убрать ощущение чужого взгляда. Раздавить прилипший к затылку взгляд, как насекомое.

В животе у него громко забурчало. Тотчас, словно откликнувшись, что-то огромное заворчало вдали. Джер ощутил себя непрочным и тонким, как лист бумаги. Сейчас эти звери — тот, что внутри, и тот, что снаружи, — договорятся, внутренний вырвется вовне, и он станет ненужной, покинутой, пустой оболочкой, его сомнут, как пустую упаковку, и...

За окном громыхнуло — отчетливо и гораздо ближе.

Гроза?

Гроза!!!

Джер рассмеялся, не глядя хлопнул по выключателю, танцуя пересек кухню, отдернул занавеску. Ночь над домами была плотной, как сукно, без единой прорехи.

Вдруг небо на севере полыхнуло мертвенным ртутным серебром, и с запозданием пришел басовый рокот. Гроза приближалась.

Джер изваянием застыл у окна. Электрическое напряжение в атмосфере достигло максимума. Казалось, взмахни рукой — и услышишь треск. Но бесполезно было пытаться взмахнуть, оцепенение сковало мир. Строгими призраками замерли деревья под окном — ветки, еще не одетые листвой, были неподвижны. У Джера заколотилось в висках. Воздух, душный и густой, был непригоден для дыхания.

Вспышки следовали теперь одна за другой, рычание грома стало непрерывным.

Кто-то неслышно вошел в кухню.

У Джера волосы встали дыбом. Он хотел бежать отсюда, из тупика, клетки, ловушки. Он не мог обернуться. Если б окно было открыто, он бы, наверное, бросился вниз... Он замер, бездвижный, бездыханный, устремив отчаянный взгляд на север, откуда наползала гроза. Там, в отдалении, на фасаде

скрытого мраком дома, горели два близко посаженных окна — словно глаза равнодушного хищника. Взгляд их уперся в Джера и не отпускал. И тот неведомый некто у Джера за спиной неотрывно смотрел ему в затылок.

Или они смотрели друг на друга? А Джер оказался нанизан на их взгляды, как сушеная рыбешка на леску, был прошит ими насквозь, словно лазерным лучом. Еще немного — и мозг его вскипит в скороварке черепа...

Порыв ветра ударил в окно. Взметнулись, затрещали ветки деревьев. Молния разорвала мир надвое — неровно, как мокрый картон. Долю мгновения в разрыв была видна слепящая изнанка реальности — и тотчас гром металлическим молотом обрушился Джеру на темечко, стремясь расплющить кощунственного свидетеля. Яростный дождь загрохотал по карнизу.

Джер закричал.

Он кричал и бил кулаком по подоконнику — а с той стороны бесилась гроза и швыряла в окно потоки воды, и слепила молниями, и громыхала, и деревья гнулись под ураганом.

Освобождение!

Джер рванулся прочь — из кухни, из квартиры; ткнул в кнопку лифта и, не дожидаясь железной коробки, слетел вниз по лестнице, сматывая с себя пролет за пролетом, как бинт с внезапно здорового тела.

Он остался под козырьком подъезда, и жадно нюхал дождь, и жадно смотрел, как рушатся сверху косые полотнища воды. Мгновенно возникшие лужи словно кипели, прошитые пулеметными очередями дождя. Почти нехотя Джер вынул из кармана маркер и провел на двери наискось несколько параллельных пунктирных линий — как пару строк в блокноте, просто чтоб не забыть. Его не влекло рисовать: непривычное чувство, но Джер принял его как данность. Почти не глядя, он поставил свой тэг — «G», «e», «R», звездочка-запятая в зените...

ДОЖДЬ!

Джер хотел видеть его, воспринимать, понимать; раствориться в понимании. Он мог бы говорить с дождем — но предпочел слушать.

И он услышал все, что хотел сказать ему дождь. А потом дождь попрощался — и Джер услышал, как он уходит. Уви-

дел, как редеет водяной занавес, как струи превращаются в отдельные капли. Вспышки молний стали реже. Грохот грома превратился в ворчание. Гроза уползла дальше.

Холодок шевельнул волосы Джера. Кто-то следил за ним из подъезда.

Но дождь выпустил его из ловушки, вывел под небо!

Под прицелом недоброго взгляда Джер медленно вышел из-под козырька, постоял минутку как ни в чем не бывало — и бросился бежать, расплескивая лужи.

Джер замерз.

Кроссовки его промокли насквозь, куртка отсырела. Он не хотел возвращаться в клетку квартиры, но вернулся бы — если бы помнил как. Но убегал он не разбирая дороги и теперь понятия не имел, где находится.

Нет, не так.

Он сам, разумеется, пребывал в центре мира — как всегда.

Но вот где по отношению к центру мира находится покинутый им дом, Джер не знал.

Он свернул наудачу в кривую узкую улочку, и она вывела его на нелепую пятиугольную площадь, причем пятый угол был вогнутым. Оказалось, правда, что площадь родилась на свет нормальной, худо-бедно прямоугольной, и лишь потом злая судьба в лице городских властей отгородила ее кусок громоздким бетонным забором. Видимо, там крылись от глаз и особенно ног граждан долгосрочные раскопки. В нескольких местах забор был расписан граффити. Шлепая по лужам, Джер подошел поближе.

И даже топнул кроссовкой с досады, что обманулся. Тот, кто здесь пачкал бетон, не умел ничего. У него просто был баллончик с краской и свободное время. Кривенькие буквы складывались в убогие тэги и не украшали забор, а делали его еще хуже — хотя, казалось бы, некуда.

Мир был несправедлив и отвратителен. У Джера даже защипало в носу и навернулись слезы. Но он зачем-то медленно двинулся вдоль забора, исчерканного и запачканного без зазрения смысла, — словно исполнял тяжкий долг.

Забор сворачивал. Обогнув непрямой угол, Джер замер.

Здесь побывал совсем другой граффер.

Уверенная, умелая рука расчертила бетон красными и серебристыми линиями так, что плоскость не только обрела перспективу — если смотреть в нужную точку, казалось, ты летишь в четвертое измерение. А Джер умел смотреть! Он замер, впитывая всё — головоломное построение пространства, обдуманную скупость цветов, особую плавность кривых. Стиль рисунка настолько походил на его собственный, что Джер на мгновение поверил... но нет, невозможно, не бывает!

Незнакомый художник знал что-то, о чем Джер пока не задумывался, он был на шаг впереди... и Джер остро, мучительно захотел увидеть его — встретиться взглядами, и тогда...

Он поискал глазами тэг — но там, где он сам поставил бы подпись, было лишь густо замазанное пятно. Странное совпадение. Кодекс граффера не велит рисовать поверх чужого, а уж замазать чей-то тэг — худшее из оскорблений. Значит, мастер сам пожелал остаться без имени? Сначала он подписался, потом передумал... Странно вдвойне.

Кто-то оттолкнул Джера, решительно и грубо — он едва удержался на ногах.

Человек с бледным безумным лицом шагнул к забору, держа в вытянутой руке баллончик. Черная краска, шипя, вырвалась из нажатого кэпа, бичом хлестнула по красно-серебряному лабиринту, оставила черный след — словно рубец, осквернивший его совершенство. Следующий рубец лег на первый крест-накрест. Джер зарычал и бросился на врага. Маньяк, тщедушный и хлипкий на вид, оказался упорным. Джер врезался в него — но не сбил, попытался выкрутить руки — но тот вывернулся и продолжал расчетливо полосовать рисунок черным. Джер повис у него на плечах, замкнул захват под подбородком, рванул. Баллончик в руке безумца наконец захлебнулся. Противники упали.

Они дрались молча, ожесточенно, неумело — катались по лужам, и каждый пытался прижать противника к асфальту, взять верх. Вдруг незнакомец прекратил сопротивляться, стал как ватная кукла. Джер тотчас оказался сверху, придавил коленом живот врага, глянул на него сверху вниз, хрипло дыша.

Человек лежал, со спокойной улыбкой глядя в ночное небо. Только дыхание его тоже было тяжелым после возни.

— Послушай, — хрипло сказал Джер. — Зачем...

Незнакомец посмотрел на него. Просто перевел взгляд.

И перестал быть незнакомцем.

На Джера смотрел Джер.

В глазах лежащего навзничь Джера отражалась чернота неба. Пустота вселенной. Отражалось ничто.

— Уходи, — сказал он спокойным безжизненным голосом.

Джер встал. Машинально вытер руки о мокрые, грязные джинсы. Попятился от лежащего.

— Нет ничего, — сказал тот, не делая попытки встать. — Ничего нет, пойми. И пусть будет ничто.

Джер прижал грязные кулаки к вискам. Там нарастала боль.

— Уходи, — тихо повторил лежащий. — Или убей меня. Сначала убей, потом уходи.

Держась за забор, Джер сделал несколько шагов назад, не сводя глаз с безумца. С себя. Остановился и с трудом оторвал взгляд — как будто струна лопнула.

— Нет! — громко сказал он, сам не зная, чему возражает. — Нет!

Волосы на затылке его стояли дыбом.

Джер пошел прочь, сначала медленно, затем все быстрее; спотыкаясь на негнущихся чужих ногах — потому что силы уходили на то, чтобы не обернуться, ни в коем случае не обернуться...

Теперь он знал, кто смотрит ему в спину из темноты.

Он сам.

Андрей съел остатки леденцов, но черта с два это помогло. Горло болело всерьез. Однако заходить в аптеку за чем-то посущественней было некогда.

Его познабливало, скулы неприятно горели, голова была тяжелой и пустой одновременно. Кашляя, Андрей натянул теплый колючий свитер. Вольно же Джеру по лужам шляться, злобно подумал он. А я теперь должен лечить его простуду. Или это от аэрозоля, которым Джер надышался во время нелепой драки, першит теперь в горле? Бред, как ни поверни.

Ночные события казались ему невозможно далекими, как будто он, переплыв реку, смотрел на прежний, оставленный берег поверх широкой полосы темных вод.

Андрей с трудом дождался лифта. Покачивающая мочой коробка ползла вниз еле-еле, болезненно дергаясь и словно цепляясь за этажи. Почему он не спустился пешком? Андрей не знал.

Он чувствовал себя странно чужим самому себе, как будто потерял связь между собственными причинами и следствиями — и теперь не знал, чего от себя ждать. Простуда, какой-нибудь вирус были тому виной? Или джер? Андрей упрямо надеялся, что простуда. Но в душе инородным телом, как косточка в горле, застрял царапучий страх.

Третий джер оказался совсем не таким, как первые два. Что-то с Джером, как видно, произошло между той точкой времени, когда была снята вторая маска, и той, когда снимали третью. Что? Теперь никто не узнает. Но художник-дитя, беззаботный творец, превратился в пугливого параноика.

Ну, еще не вполне. Это лишь шаг на край того водоворота безумия, куда, видимо, затянет Джера, а четвертая-пятая маски зафиксируют его уход. И растиражируют. Андрей вспомнил жуткий, пустой взгляд того джернутого, с которым он дрался в ночи. Встреча с самим собой, кошмар из кошмаров. Изначального Джера хотя бы он сам во плоти не подстерегал на улицах.

Но отчего-то ведь он...

Андрей запретил себе додумывать мысль. Запретил вспоминать. Запретил себе думать вообще.

Надо было спешить. Надо было предупредить Сью, удержать, не пустить в третий джер. Запереть в квартире, отобрать капсулы, выбросить их вон... Остаться с ней, обнять, не уходить никуда и никогда, пережить ломку вместе. Уйти в себя, друг в друга, загородить ее собой — от джера, от мира, потеряться в ней самому...

Андрей споткнулся на ровном месте. Размахивая руками, пробежал несколько шагов, впечатался пятернями в капот незнакомой поставленной посреди двора машины. Нечеловечески взвыла сигнализация. Охая и прихрамывая, Андрей заспешил прочь. Электронные бесы выли и улюлюкали ему вдогонку, словно подгоняли.

А он опаздывал.

Чувство опоздания появилось внутри, ничем не оправданное, и крепло с каждым шагом. Андрей все убыстрял шаг и наконец сорвался на бег, тяжелую трусцу нездорового человека. Он завернул за угол — и одновременно с ним из-за другого угла вывернула идущая в нужную сторону маршрутка, притормозила. Андрей влез внутрь, плюхнулся на неудобное сиденье, передал за проезд — и запоздало сообразил, что маршрутка ему не нужна, а нужно было ловить машину... но выходить было уже как-то нескладно. Маршрутка везла его в сторону дома Сью, тормозя на остановках и по требованию, задерживаясь подолгу перед светофорами, а Андрею, впавшему в оцепенение, казалось, что он не приближается к цели, а удаляется — словно бежит вниз по везущему вверх эскалатору, а поезд внизу на платформе уже закрыл двери и вот-вот тронется...

Парадоксально, но он едва не заснул от напряжения и тревоги. Вывалился на своей, названной кем-то другим остановке и первую сотню метров одолевал с трудом, как после болезни, — ныли суставы, ноги не хотели идти. Потом опять побежал. «О-поз-дал», — билось болью в висках.

День был какой-то никакой, как стертый рисунок, — серый, бессолнечный, лишенный красок, звуков, запахов и смысла. Дом Сью тоже был никакой, серый и словно заброшенный. Перед подъездом Андрей чуть не наступил на растерзанные кошками останки голубя. Окровавленные крылья распластались в пыли как символ непонятно чего. Андрею стало противно-горько во рту. Хрипло дыша, он взбежал по ступенькам, позвонил в дверь Сью. Подождал, потом позвонил еще.

Квартира молчала.

Андрей оперся спиной о стену, закашлялся. Действия его с самого пробуждения вдруг предстали ему бессвязным бредом. Почему он был так уверен, что Сью дома? Они поссорились и расстались в ссоре — почему же он думал, что она его ждет?

Слабый ритмичный шорох послышался за дверью, словно трепыхание ночной бабочки о стекло. Андрей вздрогнул.

— Сью, — позвал он почему-то шепотом. — Это я здесь. Ты... Открой, ладно? Я хочу объяснить...

Он закашлялся снова.

Дверь приоткрылась. Андрей шагнул вперед — и замер, встретив взгляд Сью.

Дверь была закрыта на цепочку, так встречают чужака. Сью смотрела на него в узкую щель, как в бойницу, пустым взглядом сомнамбулы и молчала.

— Милая, — неловко сказал Андрей. — Любимая... Я... Ну, ты не думай, что мы... Сью! Можно я войду? Мне нужно тебе сказать очень много.

— Ты умер, — тихо сказала Сью.

— Что? — Андрей опешил. — Ну, прости меня, я... Не надо так! Сью!

— Она умерла, — так же тихо сказала Сью. — Все умерли. Это мир мертвых. Теперь уходи.

— Сью! — простонал Андрей. — Да нет же! Мы...

Страшная догадка осенила его. Он замолчал и всмотрелся в лицо девушки по ту сторону двери.

— Джер, — горько сказал Андрей. — Ты — Джер. И уже даже не третий... Четвертый, да? Зачем, Сью? Так быстро... Зачем?

— Джер пока еще жив, — сказала девушка и отступила на шаг вглубь, не делая попытки закрыть дверь.

Светлые волосы ее казались пепельными, почти седыми. Краски лица выцвели. На Андрея смотрел призрак Сью с чужим выражением глаз.

— Не надо!!! — Андрей рванулся, просунул в щель руку, попытался схватить девушку. Она отступила еще на шаг.

— Нет смысла, — сказала она. — Прощай. Уходи. Все умерли — это правда. Остальное ложь.

Девушка повернулась к двери спиной.

— Сью!!! — закричал Андрей и бросился всем телом на дверь. Цепочка выдержала.

Он застонал от отчаяния, попятился, чтобы взять разбег.

Порыв сквозняка захлопнул дверь. Андрей ударился о нее и отскочил как футбольный мяч. Кто-то всезнающий скучно сказал внутри него: «Всё. Вот теперь действительно — всё».

Андрей позвонил. Потом позвонил еще и звонил так долго, что звонок захлебнулся, охрип и умолк насовсем. Дом

словно вымер. Склеп, а не дом. Андрей забарабанил в дверь кулаками, но обивка глушила звук, получались дурацкие шлепки.

— Нет, — сказал Андрей тихо и еще раз, громко, отчаянно: — Нет!

Через полчаса или через час он ушел.

Андрей ощущал себя именно так, как назвала его Джер, — мертвым. Не было чувств в душе, не было мыслей, не было ничего. Опустошение. Он бездумно сел на троллейбус и поехал к Таракану.

— Привет, — неприветливо сказал Таракан. — Ну, заходи уже, раз ты здесь.

Он посторонился, пропуская Андрея в квартиру.

Андрей вошел.

Он чувствовал муторную ирреальность происходящего, как это бывает при высокой температуре. Предметы казались непропорциональными, цвета ядовитыми, и вообще все было неправильным, а каким оно должно быть — Андрей забыл. И еще он забыл, зачем сюда пришел.

Таракан, игнорируя гостя, лег наискосок на тахту, на развороченную постель со скомканным пледом, и уставился в потолок.

Андрей опустился на первый попавшийся стул.

— Я, знаешь, простыл, наверное, — сказал он.

— Чайком с малиной напоить? — неприятно осклабился Таракан, не поворачивая головы. — Аспиринчику тебе дать и по головке погладить? Или ты за джером пришел, умник?

Часть реальности вернулась к Андрею. Он вспомнил.

— Зачем ты Вику обидел? — спросил он негромко. — И... и вообще — зачем?

Таракан медленно сел.

— Ага, — сказал он с непонятным удовлетворением. — Значит, ты ко мне за смыслом жизни явился. А нету его! Не завезли.

— Не ёрничай, Толик, — устало попросил Андрей. — Я, знаешь, на тебя злился очень. Даже хуже, чем злился. Я бы тебя убил, наверное, если бы встретил тогда. И если бы смог.

Ну, сейчас это уже неважно. Ты только скажи, ты ведь знал, что джер — это смерть? Знал?

— А жизнь — это вообще болезнь с летальным исходом, — сказал Таракан с вызовом. — Хоть с джером, хоть без джера.

— Знал, — утвердительно сказал Андрей. — Ну, я так и думал в общем-то. Так зачем ты меня, а? За что?

Таракан посмотрел ему в глаза тяжелым взглядом хищника за решеткой.

— Ты всегда был такой... — он помотал головой, — ...правильный. Катался себе по своим правильным рельсам, соблюдал расписание и правила движения и всегда знал, что делать. Добропорядочный винтик цивилизации.

— И ты меня за это возненавидел? — с недоверием спросил Андрей.

— Я тебя пожалел, — хрипло рассмеялся Таракан. — Ты же внутри художник, Андрюха. Ты бунтарь. Только успешно кастрированный во младенчестве.

— А ты все-таки псих, — горько сказал Андрей. — Твое счастье, что мне теперь все равно. И Вику ты зря...

— Да что ты всё — Вику, Вику? — взорвался Таракан. — Пусть думает, что я сволочь обыкновенная! Я ж подохну послезавтра, чего ей убиваться? Лучше пусть козлом считает — быстрей забудет...

— А ты ее любишь, — потрясенно сказал Андрей. — Любишь ведь?

— Пошел ты! — буркнул Таракан и отвернулся, но тотчас вскочил. — А ну-ка, — неожиданно деловито сказал он, — поднимайся, съездим кой-куда. Покажу тебе напоследок, пока я не сдох — да и ты еще живой. Тебе будет полезно посмотреть. Может, поймешь.

— Куда? — вяло спросил Андрей, продолжая сидеть.

Таракан внимательно посмотрел на него, выдвинул ящик тумбочки, порылся там, нашел какие-то таблетки, сунул пару штук Андрею в ладонь:

— Выпей.

— Что за дрянь? — без интереса спросил Андрей.

— Парацетамол, — хмыкнул Таракан. — Не хочешь — не пей. Береги здоровье смолоду. И вообще — не ходи в зоопарк без гондона. Кстати, тебе какой джер нужен?

— Четвертый, — внезапно осипшим голосом сказал Андрей.

— На!

Таракан полез в другой ящик, вынул капсулу психомаски, вложил Андрею в руку тем же жестом, что и лекарство.

— Тебе же денег надо, — сказал Андрей. — У меня наличными нет, возьми карточку.

Таракан засмеялся. Он смеялся долго и невесело. Андрей проглотил таблетки, оцарапав больное горло; сунул джер в карман и дождался, когда Таракан замолчит.

— Мне теперь мало что надо, — твердо сказал Таракан. — После четвертого, знаешь, очень становится понятно...

Он оборвал фразу и долго молчал.

— Пошли, что ли, — сказал он наконец с прежней брезгливой ленцой. — Вечер уже, скоро стемнеет, фиг что разглядим. Хотя, пока доедем, все равно стемнеет. Ну и барабашка с ним.

Стемнело и вправду быстро. День куда-то делся. Провалился, как мелочь за драную подкладку. Они ехали в разбитом старом автобусе, за грязными окнами мелькали незнакомые темные улицы, автобус заносило на поворотах и трясло на ухабах. Андрей то задремывал, то просыпался от толчков и тряски.

— Приехали, — сказал Таракан, и водитель гнусаво подтвердил: «Пассажиры, конечная».

Единственный в округе фонарь скупо освещал бетонный дот остановки. В автобусе, кроме них, было человека четыре. Пока Андрей стряхивал гадкую дорожную дрему, а Таракан закуривал, прочие пассажиры торопливо канули во тьму. Автобус закрыл двери, погасил огни и остался так стоять — словно умер.

— Нам туда.

Таракан потянул Андрея в сторону железнодорожного полотна. За переездом начинался хилый пыльный лесок. Против ожидания, в нем было достаточно светло — луна взошла, что ли. Временами спотыкаясь, они пересекли лесополосу и вышли на пустырь — неровный, покрытый какими-то кочка-

ми. Через долгие несколько минут до Андрея дошло, что это могилы.

— Так это же кладбище! — Он остановился.

Таракан остановился тоже, снова полез за сигаретами, закурил. Андрей молча взял у Таракана пачку, вытряс себе сигарету.

— Возьми. — Таракан протягивал ему фонарик. — Я тебя тут подожду. Что-то расхотелось мне... Я это уже видел.

Андрей затянулся, бросил сигарету, включил фонарик, поймал ближайшую могильную плиту в круг белого дрожащего света.

«Джер» — было там. И даты жизни.

Сердце Андрея ударило в последний раз и замолчало. Он понял, что увидит на следующей могиле. И на следующей.

Медленно, водя фонариком влево и вправо, словно отдавая салют, он пошел по утоптанной тропинке между рядами могил. На одних могилах были каменные плиты, на других металлические, на третьих временные дощатые таблички, но «Джер» — значилось справа, и «Джер» — слева, только даты рождения были проставлены разные, и даты смерти отличались, а год везде был нынешний — видно, Таракан привел его в свежую часть кладбища. Мысли Андрея смешались, чувства замерли, и он все шел и шел вперед, а потом свернул наугад, это было все равно, потому что со всех сторон лежали джеры — те, кто был кем-то другим, но стал Джером и умер как Джер... Фонарик стал светить слабее, а потом мигнул и погас, тогда Андрей остановился и опустился на колени — почему-то это показалось ему уместным.

Он подумал, что Сью будет скоро лежать здесь, и на плите будет написано «Джер». И Таракан скоро будет лежать здесь под той же надписью. И он сам скоро будет...

На этом мысли кончились.

Ущербная луна освещала живого человека среди мертвых джеров.

Человек плакал.

Джер-четвертый

Он стоял на балконе и смотрел туда, где должно было взойти поддельное солнце.

Небо было нежно-жемчужным, чуть перламутровым, таким девственным, таким готовым принять свет и цвет, пропитаться им, засиять чистыми красками, что у Джера наворачивались слезы на глаза. Скажи ему кто, что этот цвет называется «серый», он бы не понял.

Мир был невозможно, почти нестерпимо прекрасен.

Вот легкие тени облачков, еще мгновение назад бывшие одного цвета с фоном, обрели нежнейший розовый оттенок и засветились изнутри. И тотчас бледно-алый тон, первый намек на рождение зари, подкрасил небо на востоке.

И все это было зря.

Джер опустил взгляд на свои руки, лежащие на перилах балкона бессильно и безвольно. В сплетенных, онемевших от бездвижности пальцах неуклюже торчал сухой цветок.

Мертвая роза.

Он сразу увидел ее, хотя ваза с цветком стояла на шкафу да еще была задвинута поглубже, к стенке. Ссохшаяся головка цветка чуть склонилась вниз, будто соглашаясь с неизбежностью. Почерневшие лепестки сохранили изысканную четкость линий.

Джер встал на стул, снял розу со шкафа. Укололся о шип, но не сильно, и высохший шип обломился под пальцем. Траурно зашуршали сухие листья.

Он смотрел на мумию цветка и видел, какой была эта роза прежде, представлял ее свежие, упругие, бархатные лепестки. Джер не думал словами, но, будучи облечена в слова, его мысль звучала бы так: «Она была красивой — а значит, не должна была умереть. Но она умерла».

С бессмысленной лаской трогая шипы мертвой розы, он вышел на балкон.

В мир, где красота умирает — и, следовательно, умирает всё.

В мир смерти.

Мир ждал восхода солнца, мир замер, готовясь встретить дневное светило. Но если под солнцем возможна смерть — это ненастоящее солнце.

И если красота мимолетна и смертна — красота ли это на самом деле?

И что мертвым до красоты?

— Все умрут? — сказал Джер вслух.

Получилось так, будто он спрашивает; будто он еще надеется на какой-то другой ответ — вот придет кто-то сильный и старший и утешит: «Нет, малыш. Ну что ты? Совсем нет».

— Совсем да, — ответил себе Джер.

Все умрут. А это всё равно что уже умерли.

Он больше не смотрел на небо, где расцветал всеми красками рассвет. Лишь мельком отметил, что громче защебетали, запели птицы. Мертвые птицы, еще не знающие о своей смерти. Джер отломил сухой лепесток, растер в пальцах. Поднес розу к лицу — она пахла слабо и приятно, тенью того запаха, который источала при жизни.

— Все умерли, — сказал Джер, и ему вдруг стало легко.

Он оторвал еще один лепесток, другой, третий. Сломал стебель. Протянул руку, разжал пальцы и уронил остатки розы вниз.

Если этот мир — мир смерти, то единственная истинная красота в нем — это красота смерти, так?

Джер снова не подумал словами. Просто вернулся в комнату, вытащил стопку белых листов и только один мелок — черный, и принялся за работу.

Он рисовал улицы города, полные суетливой, фальшивой жизни, над которыми в вечном зените стояла МЕРТВАЯ РОЗА. Рисовал лицо странно знакомой, хоть никогда не виденной им женщины в обрамлении черных сухих лепестков. Рисовал многоликую ложь жизни — и проступающую сквозь нее единую правду смерти.

Кто-то положил руку ему на плечо. Джер вздрогнул, обернулся.

Мужчин было двое.

Джер сразу понял, что они принесли весть от умершего.

— Ну вот, ёмть, — медленно сказал тот, что крупнее и выше, темноволосый. — Ты, Андрюха, это...

Второй, белобрысый и бледный, суетливо достал из большой сумки бутылку водки, из кармана куртки — три пластиковых стаканчика.

— Таракан умер, — морщась от неловкости, сказал он. — Ну, ты знаешь, наверное, вы же с ним...

Он уронил стаканчик, с сопением полез под стол.

— На кухне, — сказал Джер. — Стаканы там возьми, понял?

Раньше ему было трудно с людьми, потому что он не понимал их. Теперь он понял про них самое главное — и стало легко. Это только с живыми людьми сложности, а с мертвыми — ничего, нормально. Раньше он всегда мучился, как сказать, чтобы донести смысл. А теперь оказалось, что слова — не более чем утилитарные звуки, удобные в быту и невкусные, как вода из водопровода.

— Так, — припечатал темноволосый, разглядывая последний рисунок Джера поверх его плеча. — Значит, так оно вот.

— Как он умер-то? — спросил Джер, потому что спросилось.

— С моста он прыгнул, — сглотнув, ответил вернувшийся из кухни белобрысый. — Ну, с этого, знаешь... Короче, над шоссе. Разбился сначала, а потом уж его машиной...

— Помолчи, Игорек, — хмуро велел первый. — Выпьем.

Выпили. Белобрысый Игорек сморщился, темноволосый длинно выдохнул, а Джер — так просто, выпил и выпил. Ему хотелось вернуться к рисункам, но он чувствовал, что — еще не всё.

Игорек полез по карманам, выругался, спросил:

— Пит, ты не видел, где я сигареты оставил?

Молчаливый Пит махнул рукой — типа, отвали.

— Андрей, у тебя нету? — не унимался Игорь.

— В куртке глянь, — легко сказал Джер. — В коридоре.

Белобрысый ушел шуршать и спотыкаться в коридор.

— Ты, значит, тоже, — с непонятным выражением сказал Пит, разглядывая мертвую розу на верхнем из листов.

— Да, — согласился Джер.

— Ну, твоя жизнь, — сумрачно сказал Пит. — Держи вот. Толик тебе оставил.

Он протянул Джеру конверт. Джер взял.

— Игорь сумку забыл, — сказал он.

— Сумка тоже тебе, — еще больше нахмурился Пит. — Там баллончики эти. Которыми вы стены пачкаете. Толик в записке... Короче, тебе пригодятся. Наверное.

— Да, — кивнул Джер.

— Ну — прощай тогда, — тяжело сказал Пит.

— Прощай, — улыбнулся Джер.

Андрей перевернул фотографии. С оборота они были подписаны лохматым яростным почерком Таракана, в котором каждая буква, казалось, спорила с соседней, отличаясь от нее наклоном, величиной, жирностью линий.

«Ger alive», — было выведено на одной.

«Так выглядит бессмертие», — гласила другая надпись.

«Я с вами», — была подписана третья.

«Джернутые умрут — Джер пребудет вечно», — значилось на четвертой.

Дальше Андрей читать не стал.

На всех фотографиях было кладбище Джера. То самое, куда Таракан привозил Андрея.

— Бес-смер-тие, — сказал Андрей вслух, словно пробуя слово на вкус. Оно неприятно зашелестело на губах. Змеиное было слово. Или насекомое. Но не человеческое точно.

Вот, значит, что хотел ему сказать Таракан... И сказал. Только начал здесь, а договорил уже оттуда, с той стороны.

С той стороны джера.

Андрей откинулся на спинку стула. Он чувствовал одновременно слабость и решимость. Может быть, просто впервые в жизни он был свободным, ничто его не сковывало, не держало... и не поддерживало. Он встал, пошел в кладовку, взял ломик, большую стамеску и молоток, бросил на дно своей самой вместительной сумки. Андрею казалось, что он движется в среде, отличной от воздуха, которая становилась то плотнее, то разреженнее. И еще все предметы имели неожиданный вес — непредсказуемо, больший или меньший, но не такой, как обычно. А может, просто мир вокруг Андрея стал неус-

тойчив и менял характеристики. Всё могло случиться. Абсолютно всё.

Больше не было правил и законов.

Была потребность действия.

Он снова, в который уже раз за последние дни, поднимался по лестнице на второй этаж к квартире Сью. Словно паломничество совершал.

На сей раз он замышлял паломничество со взломом.

«Петя плюс Катя, — было выцарапано на стене перед площадкой второго этажа, — любовь до гроба». Ниже кто-то умудренный добавил: «Дураки оба».

Тоже в некотором роде граффити.

Андрей опустил сумку перед дверью. Вжикнул молнией, достал ломик, взвесил его в руке, примерился. Положил обратно, вдавил кнопку звонка. Звонок не отозвался. Андрей постучал кулаком по притолоке, вслушался в глухую тишину за дверью. Вздохнул. Взял из сумки стамеску, пристроил ее к дверной щели на уровне замка.

Дверь от легкого нажатия открылась.

Андрей чертыхнулся от неожиданности. Помедлил мгновение на пороге. Вошел. Прикрыл дверь за собой. Прислушался. Услыхал какие-то звуки — не то шорох, не то лепет.

— Кто тут? — окликнул он негромко.

Не дождался ответа. Покрутил головой, пытаясь определить, откуда звук. Заглянул на кухоньку. Протекающий кран был повернут так, чтобы вода не капала в раковину, а стекала по ее стенке с тихим шелестом. Рядом с мойкой стояла любимая чашка Сью — та самая, с медвежонком. Андрей зачем-то приподнял ее — и чашка развалилась, дно осталось стоять, пустой цилиндр с ручкой оказался у него в руке, фаянс на сколе белел, как мертвая кость. Чашка лишь выглядела целой, пока Андрей не прикоснулся. Он осторожно соединил обломки, поставил чашку на стол — сделал как было.

«Ну зачем ты, — хотел он сказать нарисованному медвежонку, — я ведь и так знаю...»

Не сказал.

И не потому, что глупо разговаривать с вещами. Люди делают это чаще, чем согласны себе признаться.

Потому что Сью больше не было среди живых. Андрей знал. Действительно знал. И это знание делало слова ненужными.

Он методично заглянул в санузел и в совсем крошечную комнатку, которую Сью использовала как шкаф, и только потом открыл дверь в другую комнату, жилую. То есть — бывшую прежде жилой.

И не смог удержать возгласа.

Сью превратила комнату в студию. Бог весть каким образом и куда ей удалось вытащить всю мебель. Комната была пуста... то есть лишена предметов быта — и заполнена рисунками Джера.

Стены были сплошь завешаны листами плотной кремовой бумаги. Андрей помнил эту бумагу. Он рисовал на ней — когда был Джером.

Нет, не так.

Они вместе со Сью рисовали на ней. Когда были Джером.

Они — им. Единственным и единым...

Снова при столкновении с рисунками Джера Андрей испытал щемяще-двойственное чувство. Вот приоткрытая дверь, а рядом с ней бабочка, и непонятно, хочет она влететь или только что вылетела оттуда, с той стороны... Андрей помнил, как его рука выводила эти линии, — помнил одновременно смутно и горячечно-ярко, как гриппозный сон, и от мучительной остроты ощущения ему хотелось сорвать рисунок со стены, разорвать его, растоптать — и в то же время хотелось рассматривать его бесконечно, впитывая очертания и цвет, вживаясь в картину, проходя сквозь нее... туда...

Андрей поймал себя на том, что обводит пальцем контур бабочки, и засунул руки в карманы, поглубже.

Сью сделала из комнаты святилище Джера — крошечную часовенку в отличие от того помпезного храма, где они с Андреем поссорились в первый и последний раз. Но и там, и здесь Андрей чувствовал себя одновременно приверженцем этой безумной веры — и еретиком; инквизитором — и его жертвой. Он задыхался от любви и ненависти к Джеру, и в один бредовый миг у него мелькнула мысль поджечь квартиру

Сью, а затем и музей Джера, убить долговязого психа-хранителя, а Сью...

Он опомнился.

Сью мертва.

Ее больше нет и не будет. Ее не вернешь. Она растворилась в джере.

Надо совершить то, зачем он сюда пришел.

Медленно и методично Андрей стал снимать со стен листы с рисунками и складывать в сумку. Некоторые он рассматривал подробно, на другие бросал лишь беглый взгляд. Он приказал себе смотреть и видеть — но не чувствовать, и у него почти получалось.

Сью расположила картины по часовой стрелке, от первого джера ко второму и так дальше. Бабочки, лимонные и оранжевые, порхали по листам на левой от входа стене. Стену напротив занимали двери, с бабочками и без, дверей было много — в отличие от следующего за ними дождя. Но и дождь, косой и пунктирный, фиолетовый и багровый, был здесь тоже, а справа от него царила мертвая роза... Андрей чуть не закричал, когда увидел собственное лицо, обрамленное черными лепестками и сухими колкими шипами в нечаянном подобии тернового венца.

Сью была талантлива. Из нее получился хороший джер.

Андрей прикрыл глаза.

Слабость то была или, напротив, мудрость — но он не хотел видеть то, что рисовала Джер в свой последний период. Мертвую розу он постиг и сам, а дальше... не надо дразнить грядущее. Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Андрей лишь мельком глянул на правую от входа стену и получил впечатление мелких рисунков, объединенных размашистым росчерком в единое целое, в некое панно, где детали сливались и уходили... падали... взлетали?.. в удивительную перспективу. Заслонив глаза правой рукой, как от света, Андрей упрямо отковыривал кнопки одной левой, и листы с шорохом ложились к его ногам.

...На сколько-то времени он потерялся.

Потом оказалось, что все рисунки сложены в сумку, сумка застегнута и похожа на бегемота, который проглотил шкаф, да и весит соответствующе.

Пустая — опустошенная — комната снова стала маленькой и обрела вид давно заброшенной, как склеп или каморка в пирамиде.

Андрей вышел из квартиры, захлопнул дверь и спохватился, что не попрощался с медвежонком на разбитой чашке. Медвежонку, конечно, было все равно, но логика безумия, в котором нынче жил Андрей, диктовала необходимость сказать «Прощай».

— Прощай, — глухо сказал Андрей, глядя на вновь закрытую дверь.

Из-за соседней двери отозвался котенок, мяукнул тоскливо и звонко.

Андрей кивнул.

Сью...

Сумка тяжело оттянула плечо, облегчая душевный груз. Непривычно, подумал Андрей, уходить вот так — точно зная, что навсегда. Но теперь это с ним будет все чаще и чаще. Пока не останется лишь последний шаг — за грань.

Музей Джера он нашел безошибочно. А может, ему просто повезло выйти на нужный дом, не плутая. Что-то здесь было иначе в сравнении с прошлым разом. Минуту Андрей стоял перед подъездом, не понимая, что изменилось, — и наконец догадался. Куст рядом с подъездом весь покрылся крошечными зелеными листочками — блестящими, лакированными, — стал объемным, плотным, заслонил собой стену.

Надо же! Весна.

Весна пришла в город, а Андрей был занят джером и ее не встретил.

Что ж, раз она здесь — значит ее встретил кто-то другой.

Андрей кивнул — то ли зеленеющему кусту, то ли своим мыслям — и поднялся на крыльцо. Вошел в подъезд, одолел темный пролет, аккуратно и решительно открыл дверь. Зазвенел колокольчик в темных высях над головой. Зашаркали из глубин коридора шаги хранителя.

«Оставить сумку и уйти», — мелькнула мысль. Андрей поморщился и остался.

Хозяин музея всмотрелся в его лицо, узнал — дрогнули губы, и вразрез всему, чего ждал Андрей, протянул посетителю руку:

— Вениамин.

— Андрей. — И Андрей пожал жесткую сухую ладонь, скрепляя знакомство.

— Заносите, — буднично сказал хранитель Джера, повернулся и зашаркал по коридору туда, откуда пришел.

Андрей молча поволок за ним сумку, что делалась тяжелей с каждым шагом.

Комната в самом конце коридора оказалась жилой. Точнее, населенной старинной мебелью — похоже, ровесницей дома. Раскорячился на львиных лапах трехъярусный буфет, вокруг круглого стола водили чопорный хоровод венские стулья... то есть Андрей понятия не имел почему — но ему захотелось назвать эти стулья венскими, а столик — почему-то ломберным, хотя черт его пойми, что это слово значит на самом деле. Наваждение какое-то. И не мебель в привычном смысле, а реквизит, что ли. Снова Андрей ощутил себя в этом доме не то зрителем, не то участником нелепой, тягостной пьесы. Но в этот раз он пришел сам, это обязывало... или нет?

— Хотите чаю, Андрей? — подал реплику хозяин.

— Нет, — сердито сказал Андрей.

Хозяин кивнул и, ничуть не смущаясь, выставил на стол фарфоровый чайничек и две родственные чашки.

— Не беспокойтесь, ваши картины будут в полной сохранности, — сказал он.

— Это не мои картины. — Андрей заметил, что до сих пор держит в руке ремень сумки, как поводок собаки. Выпустил ремень, отошел на шаг, присел на краешек стула.

— Разумеется, — кивнул хозяин без удивления. — Вы как пьете чай, с сахаром или без?

— Я не хочу чаю, — возмущенно сказал Андрей.

Вениамин посмотрел на него внимательно и строго.

— Разумеется, — повторил он. — А как вам приятнее его не хотеть, с сахаром или без?

Андрей вспомнил, что Сью просила поберечь чувства хранителя. «Он странный, да», — прозвучал ее голосок словно бы рядом. Андрей задержал дыхание и медленно выдохнул.

— Мне неясна ваша игра, — осторожно сказал он, — и я, простите, не намерен в ней участвовать. Но если вы настаиваете — что ж, мне будет приятно не выпить чаю с двумя ложечками сахара.

— Спасибо, — серьезно сказал хранитель. — Я вам обязан.

— Не стоит, — махнул рукой Андрей и поднялся. — Ну... Всего доброго, Вениамин.

— Всего доброго, — ровным тоном отозвался хозяин.

Андрей шагнул к двери, обернулся. Хранитель помешивал ложечкой в фарфоровой чашке с васильками.

— Она больше не придет, — сдавленно сказал Андрей. — Вы понимаете?

Вениамин встал из-за стола.

— Я хочу вам... кое-что показать, — произнес он спокойно, и только пауза посреди фразы выдала его волнение.

Андрей ощутил вдруг повисшее в воздухе напряжение такой силы, что у него заколотилось сердце, и он мельком удивился, что еще способен сопереживать, что вообще способен что-то ощутить — хотя Сью уже по ту сторону, а он сам на грани.

Зальчик был маленький. И всего десяток акварелей на стенах. Низенький столик с альбомами и два глубоких кресла, поставленных так, чтобы, сидя в них, видеть все картины.

Хозяин опустился в одно из кресел, сложил молитвенно руки, застыл — словно установил недоступную внешнему наблюдателю связь с изображением.

На картине, куда он смотрел, был тихий пруд. Тишина казалась ощутимой, разлитой в воздухе, как густой аромат. Тишина и спокойствие. В темно-зеленой воде отражалось бледное небо с невесомыми облачками, и легкая дымка над водой безошибочно указывала на час раннего утра. Картина была невозможно, непредставимо мирной — настолько мирной, что... Андрей вдруг покрылся мурашками от понимания. Это была абсолютная противоположность городу, его суете и агрессии, это был вызов — тихий, упрямый и непобедимый, как непротивление злу насилием.

Пруд со своей стоячей водой, отражением и утренним туманом, существующий сам по себе, не являл собой ничего

особенного. Но будучи соотнесен с городом, он превращался в символ, в оплот партизанского сопротивления...

Андрей моргнул, стряхивая наваждение. Вправду ли картина несла тот смысл, что почудился ему? Или это лишь его домыслы?

Он медленно обвел взглядом остальные акварели. Большей частью то были пейзажи — весенний лес, берег реки, одинокое дерево, заброшенная церковь, проселочная дорога. Снова лес, теперь поздней осенью... Настроение картин было разным, однако в сумме они сливались в ощущение, которое Андрей не утерпел, выразил вслух:

— В этом мире хочется жить.

— Да, — тихо отозвался Вениамин. — Да.

Он с трудом оторвался от созерцания, перевел взгляд на Андрея, скривился в болезненной улыбке:

— Спрашивайте. Я буду откровенен с вами.

— Вот как, — медленно сказал Андрей. Он так и оставался стоять все это время и теперь прошелся по комнате, поглядывая на хозяина, спокойно сидящего в кресле. — Откровенность за откровенность, да?

— Нет, — сказал хранитель. — У меня нет вопросов. Разве что вам захочется рассказать.

— Вы уверены, что хотите разговора со мной? — перебил его Андрей. — Уверены?

Вениамин вздохнул.

— Спрашивайте, — повторил он. — Вам нужно, я понимаю.

Андрей выругался, поймал взгляд хозяина, осекся.

— Простите, — пробормотал он. — Ладно, вы правы. Мне нужно. Если бы я еще знал, что именно... Но скажите мне — зачем? Как они могли... Сью... и ваша...

— Лариса, — торжественно сказал хранитель Джера. — Ее мирское имя было Лариса, и так она осталась в памяти моей.

Андрей чуть не выругался снова. Его сводил с ума этот театральный стиль и слог, который и его тоже — втихаря, исподволь — загонял в некие несвойственные ему рамки поведения.

— Ваша жена была, без сомнения, талантлива, — намеренно сухо, почти грубо сказал Андрей. — Не понимаю, как

она могла перечеркнуть свой талант, отказаться от себя самой, стать джернутой. Зачем?

— Уйти в джер, — мягко поправил Вениамин. — Мы формулируем это так.

Андрей развернул второе кресло так, чтобы оказаться лицом к лицу с хозяином. Сел.

— Мы? — переспросил он, но тотчас перебил себя: — Впрочем, не это важно. Ответьте — зачем?

Хранитель страдальчески улыбнулся.

— Вы задаете правильный вопрос, — сказал он. — Я тоже задавал его... Себе, уже после всего. Она хотела, чтобы ее заметили. Ей было что сказать. Я считаю, Лариса талантливее Джера... была. Но ее не замечали. Нет, разумеется, у нее были выставки, о ней знали коллеги, но я не об этом...

Вениамин сцепил длинные пальцы, обхватив ими колено. Откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза — и заговорил, это был давний, многократно говоренный монолог, — и вдруг Андрей понял, или ему показалось, что он понял, в чем суть этой навязчивой пьесы: это был бесконечный разговор, в котором лишь один участник находился по эту сторону, а два других — по ту, ушедшая художница и еще кто-то. Джер... или сам Создатель?..

— Она рисовала лучше, чем Джер, — повторил Вениамин. — Я так считаю. Но ее не могли разглядеть. Сколько людей приходит на выставку? А сколько из них забывает увиденное тут же, покинув галерею? Людей слишком много, толпа — это качественно иная сущность, нежели индивид. Лариса... Она говорила — ее слишком мало. После выставок она плакала, у нее было чувство, что ее раздавили, затоптали... ей снились кошмары. Одиночка не может докричаться до толпы, никак. Она пыталась...

Хранитель вдруг открыл глаза, глянул на Андрея зорко и требовательно:

— Вы видели «Лунную ночь» Куинджи?

— Оригинал? — растерялся Андрей. — Ммм... как-то... нет. Репродукции...

— Это ее любимая картина, — глухо сказал Вениамин. — Лариса ездила специально в Петербург, чтобы... На свидание, она говорила. Даже среди художников — сколько поступит

так, как она? Понимаете... Это искусство другой эпохи, оно индивидуально, шедевр, по сути своей, не подлежит тиражированию, копии не несут того смысла, что подлинник. И оно, индивидуальное искусство, теряется в столкновении с толпой, не доходит до адресата. Дойдет лишь то, что повторится многократно. Толпа запомнит оскал фотомодели, которая тычет в лицо пачку сигарет с каждого второго билборда — не одному покупателю, а всему миру. Должно родиться новое искусство времени толп и мегаполисов. Лариса была одна. Джера — много. Джер — повсюду, как эта реклама. Он неистребим, он на своей территории и в своем праве. Джер — это партизанская война искусства...

— Против чего? — хмуро спросил Андрей.

— Не знаю, — развел руками Вениамин. — Вам виднее. Я сопричастен — но я не часть джера, у меня иная миссия.

— Миссия?! — резко сказал Андрей. — Вы безумец — простите, Вениамин. Причем опасный. Вы как наркоторговец... нет, хуже, как переносчик смертельной болезни. Все эти россказни — вы просто придумали себе смысл жизни после гибели жены, я могу вас понять — но вы же подталкиваете к пропасти других! Если ваша любимая там погибла, это не повод, чтобы водить на обрыв экскурсии! И помогать желающим спрыгнуть!

— Говорите, — мягко кивнул хранитель, и Андрей замолчал.

— Боюсь, мы на разных сторонах в этой войне, — пробормотал он через минуту и встал.

Хранитель молча покачал головой — непонятно, возражая или соглашаясь, — и тоже поднялся с кресла.

— Я могу вам чем-то помочь? — спросил он без выражения.

— Нет, — сухо сказал Андрей. — Хотя... у вас есть пятый джер? Нет смысла тянуть. Это не моя дорога, но меня убедили, что ее нужно пройти до конца. Ваши аргументы я тоже учел.

Хозяин вздохнул.

— Я понимаю вас лучше, чем вы можете представить, — тихо сказал он. — Да, у меня есть все матрицы. Я надеюсь когда-нибудь... Впрочем, простите, вам это неинтересно.

— Нет, — подтвердил Андрей.

Вениамин вздохнул еще раз, нагнулся, пошарил на полочке журнального столика, выпрямился. Андрей молча взял с его раскрытой ладони капсулу психомаски и шагнул к двери. Глупо было говорить «Прощайте», но еще глупее было бы сказать «До свидания».

— Спасибо, — нехотя обернулся Андрей на пороге.

Хранитель шевельнул губами. Видимо, тоже искал уместные слова — и не находил.

Андрей усмехнулся. И шагнул через порог, небрежным жестом прикладывая капсулу к виску.

Как револьвер с последним патроном.

Нахватался театральщины, брезгливо подумал он.

Джер-пятый

Закат растекся пылающей лужей в облачных берегах. Завтра, возможно, прольется дождь — но кто знает свое завтра?

А ночь обещала быть теплой.

Джер шел по бульвару, безлюдному в этот час. Ни одного прохожего — только он сам. Приятно оттягивал плечи рюкзак с баллончиками. Слева пыхтели, поднимаясь в горку, машины. Справа урчали, спускаясь под горку, другие машины. Два потока автомобилей — бампер в бампер, след в след, грея воздух моторами, злобно гудя от бессилия прибавить скорость. Тех, что справа, Джер обгонял.

Прямо перед ним был закат. Джер спускался в закат — но солнце проваливалось под землю быстрее.

Когда бульвар оборвался, распахнув перед Джером площадь, настали сумерки. Джер перешел на левую сторону площади, оставил позади освещенные и охраняемые места, свернул во дворы. Поворот наугад, второй, третий... Джер остановился и огляделся.

Чахлый фонарь освещал проезд между домом и гаражами — не двор, не улица, нечто промежуточное. Глухая стена, стык домов — с одной стороны. Крашенная в помоечно-бурый цвет стенка ближайшего гаража — с другой; а дальше — какой-то ангар, а за ним бетонный забор, уходящий в унылую перспективу.

То, что надо.

Поперек проулка, блокируя движение вглубь, к ангару, сгрудились три мусорных бака. Два были наполнены и переполнены, свидетельствуя, что в районе налажено производство и бесперебойные поставки мусора — но не его экспорт. Третий бак жалобно лежал на боку, обнажив пробитое днище.

С него-то Джер и начал.

По правде, ему было безразлично, с чего начать.

Джер опустил рюк на тротуар, вынул баллончики и мелки.

На сине-ржавом боку изувеченного бака, внизу, он мелками нарисовал кустики травы и несколько одуванчиков. Одуванчики были большие и желтые, а один уже отцвел, запушистился — и от легкого ветерка от него оторвались, поплыли по синему фону парашютики семян. По ребру бака вверх вскарабкался плющ, заплел угол затейливыми побегами, разбросал листья в форме сердечка.

Ну и хватит. Быстрым движением, одновременно небрежным и точным от сотен повторений, он вывел маркером «GeR», в один штрих добавил щегольской апостроф вверху — и перешел к гаражу.

Около самой стенки росло хилое одинокое деревце. Не раздумывая, Джер взялся за баллончики с нитроэмалью. Выбрал зеленую краску, привычно встряхнул баллончик. Брызнул на землю — проверить, не перекошен ли кэп и равномерно ли спрэит. И перестал замечать, что у него в руках.

Средства и техника исполнения рисунка — нечто сродни умению держать ложку и вилку и не пытаться хлебать суп ножом. Да, нужен навык, чтобы сделать ровной заливку. Но когда ремесло освоено, граффер думает не о баллончиках, а о смысле рисунка.

Джер превратил пустую плоскость в заполненное пространство. В нарисованной глубине открылся вид на аллею, усаженную деревьями. Кто-то прогуливался там, вдалеке — взрослый с ребенком вроде бы, но точно не разобрать. На передний план выбежала дворняга — хвост вверх, нос к земле, деловитая целеустремленность. Молодые деревца зеленели дружно, охваченные порывом весны, — и дерево перед гаражом словно встряхнулось, почувствовав поддержку, расправило свежие листочки.

Джер оценил придирчиво, как выглядит деревце на фоне аллеи — уже не жалкий прутик-одиночка, а полномочный посол в трехмерность. Кивнул, соглашаясь с результатом.

Закашлялся. Снова он позабыл закрыть нос и рот хоть чем-нибудь, надышался отравы... Плевать. Джер забросил пустые баллончики на верх кучи мусора в баке и перешел к дому напротив.

Эта задачка была посерьезнее. Но не так, чтобы слишком.

Примерившись, Джер расчертил стену косыми линиями. И снова плоскость послушно обернулась пространством — будто давно была готова к этому и лишь ждала касания его мелка. В новорожденную перспективу устремилась улица. Прямая и широкая, она вела за горизонт, и светлое голубое небо распростерлось над ней, а над крышами дальних домов выгнулся небесный мост радуги. На этой улице не было одинаковых скучных домов, каждый отличался от соседнего — своим, наособицу, крылечком, или башенками на крыше, или затейливым эркером.

Два ближних дома были видны в подробностях, двухэтажный справа, трехэтажный слева. В правом на балкон второго этажа карабкались потешные каменные обезьянки; левый отличала застекленная веранда-оранжерея, створки высоких окон были распахнуты по причине ясной погоды, и хозяйка дома протирала стекла, улыбаясь своим мыслям...

Здесь жили хорошие люди.

Парой штрихов Джер добавил на стену дома с обезьянками детский рисунок — человечка и солнце. Граффити внутри граффити, легкая шалость творца. Вздохнул, отступил на два шага. Бывшая глухая стена теперь вела в другой мир — пусть нереальный, зато счастливый.

Джер перешел к стенке ангара. Некрашеный металл — трудная поверхность. Тем и заманчивая. Он вытащил из кармана тряпку, из рюкзака — флакон с растворителем, щедро смочил ткань и быстро протер участок поверхности. Стремительно испаряясь, ацетон холодил пальцы.

Минуту Джер стоял, глядя на металлический, выпуклый, огромный бок и ощущая, как поднимается внутри волна сопричастности. Выпуклость, чуждая привычно плоским поверхностям и прямым углам нашей цивилизации, представилась ему

гранью иного пространства, стыком миров. Кто-то явно хотел заглянуть к нам оттуда, давил всем весом, прогибал стенку...

Джер нарисовал дыру. Черную большую дырищу с отогнутыми краями — металл был разодран, как жесть консервной банки, и с той стороны вырвалась в наш мир огромная когтистая лапа. Вырвалась, проскребла борозды в металле и замерла. А повыше — насколько хватило роста — и подальше от первой дыры Джер нарисовал вторую. Из нее смотрел огромный, желтый, с горизонтальным зрачком, неожиданно не страшный, а любопытствующий глаз.

А на заборе Джеру рисовать расхотелось. Лишь на одной из бетонных секций он задумчиво изобразил переплетение букв и цифр в стиле техноджангл. Суставчатые стебли бамбука плавно переходили в серые трубы с заклепками на стыках, одна труба протекала — и капли воды орошали остренькие листья бамбука, а в самом низу рисунка набежала лужица... Буквенно-цифровая комбинация была случайной — рандомно сгенерированный пароль в другую реальность.

Новое понимание неотвратимо рождалось в Джере, рвало сознание изнутри — как та, не враждебная, но безжалостная лапа дракона.

Еще немного...

Закусив губу, Джер привалился спиной к забору.

Он увидел...

Он увидел ГОРОД.

В единой нестерпимой вспышке озарения ему предстали острые шпили, устремленные в небо, и широкие улицы, полные света, бесшумных машин и смеющихся людей. Джер увидел город на перекрестке времен и пространств, живущий в мире с собой, со своими обитателями — и с внешними соседями. Мегаполис, полный любви, а не ненависти. Город, каким он должен быть.

Слезы навернулись Джеру на глаза. Сквозь их дрожащую пелену он по-новому глянул на преображенный им кусочек старого города, на рисованные окна в другой, прекрасный мир.

Все, что делал и сделал он до сих пор, явилось Джеру в ином освещении, в правильной проекции.

Что может он — не финансист, не политик? Граффер — и то без команды. Художник-одиночка.

Только лишь рисовать.

Рисовать!

Заполнить своими граффити грязные, тусклые стены тоскливого обиталища мертвых людей. Показать им жизнь — такой, какой она должна быть. И тогда, возможно...

Время обернется вспять. Дождь напоит мертвую розу, и она оживет, и бабочка прилетит из-за двери, и люди поймут, как надо быть.

Подхватив рюк, Джер заспешил прочь, дальше. Ночь коротка — а он хотел, чтобы утром они увидели... повсюду... и не смогли не заметить...

Пересохло во рту. Горело в горле. Безжалостно стучало в висках.

Задуманное тобой — одному не под силу, трезво подумал кто-то внутри Джера. Для этого нужно много, слишком много тебя. Одиночка — ты надорвешься. Сойдешь с ума.

Ну и пусть, упрямо ответил Джер.

Он бежал.

В этом городе было довольно глухих стен и заборов. Глухих, немых и незрячих. Даже много. Даже чересчур.

На серой стене казенного учреждения Джер нарисовал фонтан, весело разбрызгивающий воду, и воробьев, прилетевших ее пить.

По забору трамвайного парка Джер отправил гулять чинную цепочку розовых слонов. Каждый слон держался хоботом за хвост предыдущего. Вслед за ними ехал маленький трамвай того же цвета.

На глухой стенке кирпичного дома Джер изобразил балкон. На протянутых бельевых веревках сохли детские вещи. Крошка черный котенок сидел на пороге балконной двери.

Джер спешил.

Он дорисовывал продолжения улиц в тупиках, оставлял быстрый росчерк «GeR» и бежал дальше.

Он делал двери и окна, где их не хватало. За эту ночь он сделал множество дверей и окон — распахнутых настежь, ведущих в город, который увидел Джер.

Но их продолжало не хватать.

Джер прекратил обращать внимание на детали, он рисовал скетч, контур, намек — и рвался вперед, к следующей пустой плоскости. Два ощущения боролись в нем. Первое, подлое и тоскливое, казалось отчего-то привычным, словно Джер уже испытывал его совсем недавно. Это было ощущение, что он опаздывает, не успевает... и не успеет. Второе, восторженно-жуткое, было новым и неизведанным. Если пытаться определить, оно являло собой что-то вроде инстинкта пространства — как окружающего, реально трехмерного, так и рисованного, иллюзорно-многомерного.

Когда это понимание пришло к Джеру, он даже остановился. И, осмотревшись в поисках подходящих средств, нашел.

Уродливая туша кинотеатра доминировала над окрестностями. Ее бетонные бока воззвали к Джеру с настоятельностью чистого листа. Ртутные фонари освещали пустую улицу, скверик с тремя деревцами и скамейкой. На скамейке спал бомж, сакраментально прикрывшись газетой. Кинотеатр был закрыт на ремонт. Профессионально растяпистые строители оставили под лестницей козлы, большие и поменьше. Джер бросил пустой рюкзак и, не успев задуматься, в три прыжка оказался наверху, с двумя последними баллончиками белой краски в руках.

На миг прикрыв глаза, он ощутил суть пространства — как лабиринт с непостоянным числом измерений, где возможность переходит в реализацию сразу несколькими путями — или не переходит вовсе, оставляя события в точке потенциала. Размашистыми, уверенными линиями Джер начертил на плоскости бетона визуальное уравнение вселенной, интуитивную аналоговую модель запредельно точных расчетов творения.

Засипел, выдыхая пустоту, второй из баллончиков. Краска закончилась. Совсем.

У Джера поплыло перед глазами. Огненной волной подступила тошнота. Джер закашлялся — и от кашля согнулся пополам, прижал забрызганные краской руки к груди. Легкие жгло невыносимо. Джер понял, что упадет. Продолжая кашлять, он опустился на колени и кое-как угомонил приступ. Затем осторожно спустился вниз.

Руки повисли безвольно. Ноги подкашивались. Джер чувствовал неимоверное опустошение — словно выплеснул наружу все, что составляло его суть. И новое понимание, и прежние надежды. Всё до капельки. Ничего не осталось внутри.

Он был пуст, как баллончик из-под краски.

Совсем.

Не было ни мыслей, ни желаний, ни чувств.

Джер поднял голову. Белый лабиринт на стене показался ему невыразимо странным и совершенно чужим — словно не он сам только что создал эти линии.

...Использовал себя, как баллончик, чтобы создать эти линии.

До остатка выжал свою душу. Насухо.

Джер отвернулся.

Перед ним был город. Опять город. Прежний, равнодушный.

И ночь еще не истекла.

На деревянных ногах Джер двинулся прочь.

Он шел без цели и направления. Просто шагал вперед, как механизм. Неодушевленный — и оттого упорный.

Почему он шел? Почему не упал, не сел, не лег прямо на тротуар? Что двигало им? Джер не знал. Возможно, что-то все же осталось внутри него.

Или появилось.

Да, именно так. Когда кончилось все то, что было в нем раньше, взамен пришло что-то новое.

Имя ему было пустота.

Не «нет ничего внутри» — а «внутри есть ничто».

Он отдал наружу все, что имел, и получил извне то, что было там. А там было ничего. Нормальный бартер для горожанина.

Джер шел, выдыхая пустоту и вдыхая ее, как аэрозоль. Он стал находить это забавным. Ничто представлялось ему серым облачком нитроэмали, клубящимся, как пар, близ его губ и ноздрей...

Кривая страшная улица, поблескивая трамвайными рельсами, вела под уклон. Уродливые дома следили за Джером с

усталой нехотью присяжных. Вердикт был вынесен в позапрошлой жизни, но исполнители приговора медлили. Почему?

Джер понял вдруг, что он еще недостаточно пуст. Оставалась память, и ее шевеления уже стали порождать новые мысли и чувства. А Джер не хотел снова чувствовать боль. Пустота комфортнее. Значит, надо стереть память, чтобы окончательно стать ничем.

С каждым шагом Джер старательно забывал себя.

Это оказалось несложно.

Ночь — подходящее время, чтобы забыть все. А большой город — нужное место.

Дома — и те кончились. Мертвый, лунный, безвоздушный пейзаж расстилался вокруг. Забор производственного предприятия — с одной стороны. Забор недостройки, обернувшейся свалкой — с другой. Люди здесь не ходили, боялись. А нелюди брезговали.

Звук собственных шагов поразил Джера, как аплодисменты в пустом метро.

Он остановился.

Кто — он?

Никто.

Стало совсем спокойно. Дальше можно не идти. Он медленно сел на уютный асфальт.

Взгляд его, угасая, скользнул по бетонной панели забора, зацепился за чей-то рисунок, сполз ниже... «GeR»!!!

Тэг — как тавро — раскаленным металлом прожег его душу. Он вскочил с криком боли.

Кто он?

Джер!!!

Джер разразился бессвязной руганью, подскочил к забору, заметался вдоль него в поисках чего-то, чем можно было бы уничтожить...

Что?

Рисунок. Подпись. Забор. Себя! Всё!!!

Так хорошо было быть никем... Так покойно.

Но нет — он, прежний, в самонадеянности и гордыне оставил знак, осквернил пустоту ложью смысла. И вот — наказан. Выдернут из нирваны забвения. Чтобы вернуться, нужно стереть свою ложь.

Ведь истина в том, что нет ничего.

Джер схватил кусок кирпича и стал наносить рисунку удары, кроша кирпич о бетон. Он бил, как живого противника, он ненавидел — и оттого дрался нерасчетливо и слепо, он черкал косыми линиями, и кирпичная крошка летела из-под пальцев. Он рассадил и поцарапал руки, кровь пятнала рисунок наравне с кирпичом...

Пусть будет ничто!

Кирпич кончился.

Джер отпрыгнул и замер, тяжело дыша, как боксер, вырвавшийся из клинча.

Он уничтожил свой тэг. Но белый контур рисунка, исчерканный и замазанный, по-прежнему проступал, был виден слишком отчетливо.

Джер тяжело задышал, готовясь к новой схватке. Он готов был сломать забор голыми руками, расколоть бетон на куски — если это единственный способ вернуть граффити в небытие.

И себя.

Главное — себя.

Позади вкрадчиво зашуршали шины. Он не слышал, как машина подъехала, услышал лишь, как она притормаживает... Остановилась.

Джер все понял, не оборачиваясь. Втянул голову в плечи в ожидании удара. И вдруг, неожиданно для себя самого, рванулся вбок, косыми прыжками пересек пустую улицу, нырнул в подворотню, прошил навылет захламленный дворик, вывалился в тихий переулочек, остановился, отдышался.

Ночь серела, стремительно оборачиваясь утром.

За ним не гнались.

От реки тянуло могильным холодом.

Зазывало туда, вглубь. Прорвать неуклюжим телом маслянистую пленку поверхности, ввинтиться торпедой в неподатливую упругость воды, упрямо уйти на глубину, вдохнуть стылую жидкость, смыть наконец жжение в горле и в легких, позволить вискам разорваться от боли, потерять себя в последней, бесцельной вспышке отчаяния — зная, что тело уже не успеет наверх.

Перестать быть.

Джер шел по набережной, засунув руки глубоко в карманы джинсов — иначе очередной приступ кашля сгибал его пополам. Разбитые, порезанные ладони и пальцы саднили. Тело ощущалось избитым, в груди резало и горело — казалось, что легкие слиплись. Ноги ныли от чугунной усталости.

Серость неба над рекой мерцала предчувствием рассвета. Немногочисленные пока машины проносились по шоссе, странным образом не нарушая тишины. Наверное, тишина была у Джера внутри.

Безмолвие и бессмыслие.

Покой.

Или лучше забраться куда-нибудь наверх и спрыгнуть, тихо крутилось в голове у Джера. Только повыше, чтобы наверняка. В сущности, способ неважен. Так или иначе, это его последний рассвет. Торопиться некуда, но и медлить незачем.

Погруженный во внутреннее оцепенение, что-то вроде тумана души — как бывает аэрозольный туман, если рисовать в помещении, — Джер не сразу осознал, что остановился. Просто ноги перестали идти дальше.

Перед ним была опора моста. На грязном, покрытом разводами от сырости бетоне когда-то были рисунки. Кто-то закрасил их, по-казенному нерадиво, бурой масляной краской. Уродливые пятна смотрелись на бегемотовом боку опоры как лишаи.

Джер испытал странное чувство — словно закрашенный рисунок и это место что-то для него значили. Или не для него... Фантомная боль посторонней души.

Протяжно и горестно закричала чайка, планируя над водой.

Туман внутри Джера сгустился.

Я уже умер, мелькнуло в нем слабой зарницей.

Уже.

Розовел рассвет за рекой, как грунтовка для будущего граффити дня.

Скоро на улицах станет людно. Суета неприятна покойникам.

Ноги понесли его куда-то.

* * *

Он шел — и, может быть, улыбался. Кто знает?

Он ехал в дребезжащем старом автобусе, к горлу подкатывала тошнота.

Он шел, спотыкаясь и чуть не падая, тени плавали перед глазами.

Он добрался.

Подсохшая корочка сукровицы на ладонях ободралась мгновенно. Под ногти сразу набилась земля. Рукам было больно, но вскоре они онемели. Затем ему подвернулся плоский камень, и стало намного удобнее.

Он ничего не видел, но это ничуть не мешало. Всё важное в жизни можно сделать на ощупь.

Он лег навзничь и ощутил затылком холодную сырость разрытой земли. Он наконец-то был дома.

Он — кто?

Рука шевельнулась, неловкая, как крабья клешня. Вывела там, куда дотянулась, привычные буквы: G... e... R...

На то, чтобы поставить над буквами закорючку апострофа, его не хватило.

Джер прекратил быть.

Андрей очнулся от ломоты в затылке. Нестерпимо затекла шея, болели плечи, а правой руки он вообще не чувствовал. Давило грудь. Андрей попытался пошевелиться, и тут резким прострелом схватило поясницу.

Он даже застонал от удивления и тотчас закашлялся.

Что это с ним? Пил? Дрался? Попал в аварию?

Андрей заворочался, превозмогая боль.

Вдруг дал о себе знать мочевой пузырь.

Надо сползти с кровати, подумал Андрей. Добраться до туалета. Он попытался согнуть колени. Давление на грудь усилилось.

Андрей рванулся, тело не слушалось, словно в дурном сне. Не ощущалось целостно, а лишь как участки боли, не связанные между собой. Неимоверным усилием он все-таки сел.

Открылись глаза — до сих пор, как оказалось, закрытые.

Перед глазами качалась ветка. Молодые клейкие листочки. Какая-нибудь ольха или осина, горожанину не разобрать. И деревья на заднем плане, и разбросанный под деревьями пестрый мусор — то ли неухоженный парк, то ли пригородный лес.

Да где ж это он?

В памяти зиял провал.

Андрей повернул голову вправо, охнул от боли, повернул влево, попытался выпрямить спину, попытался опереться руками и встать. В правую руку впились тысячи иголочек — нормально, рука в порядке, просто затекла. Борясь с онемением, Андрей согнул руки в локтях, свел их перед грудью, попытался сжать-разжать пальцы и увидел свои ладони, покрытые коркой из грязи и крови. Опустил взгляд — колени были засыпаны глинистой, комковатой землей.

Ему стало жутко. Да что с ним?

Память молчала.

Правая рука уже повиновалась. Морщась от боли, Андрей подтянул ноги, с трудом встал на колени. Упираясь руками в землю, поднялся с колен. Ухватился за ближнее деревце — выручай, насаждение. Дай человеку опору.

Память пришла рывком, как только он выпрямил позвоночник. Разворачиваясь к лесу задом и ощущая себя именно что избушкой на курьих ножках, а никак не добрым молодцем, Андрей уже знал, что увидит.

Кладбище Джера с тех пор, как он здесь побывал с Тараканом, расширилось, подступило к самой опушке. Деревья простирали ветви над свеженькими могилами. Андрея вдруг разобрало нехорошее веселье. Могилы последнего ряда были как на подбор одинаковыми, аккуратными, как кроватки в детском саду, застеленные воспитательницей. И только самая крайняя из них, без загородки, без таблички, с едва угадывающимися буквами «GeR», крупно выведенными рядом прямо на земле, выбивалась из общего порядка. Глядя на эту могилу... да что там!.. просто яму, полузасыпанную и пустую, Андрей тихо засмеялся.

Мысли вскружились в голове, как черные хлопья пепла от сожженных рисунков.

Я — Джер, думал Андрей, я — не Джер, я жив, Джер умер, я воскрес, да здравствует джер!

Он смеялся все громче, в горле хрипело, он смеялся навзрыд, пока не начал икать и кашлять. Состояние было слегка эйфорическим, слегка идиотским — что-то вроде несильного опьянения. И, как при опьянении, какая-то часть Андрея следила за всем из отстраненного далека, отмечала события, но не вмешивалась. Икота и кашель напомнили, что тело давно уже хочет по малой нужде. Минуту Андрей колебался, оросить ли ему свой кенотаф или, напротив, удалиться поглубже в лес, и выбрал второй вариант.

Все еще непослушными пальцами он с трудом расстегнул молнию. Земляная корка крошилась и осыпалась с ладоней. Опять проступила кровь.

— Стой! — два голоса слились в один окрик.

— Идиоты, — беззлобно усмехнулся Андрей. — Ну куда я в таком виде... Подождите теперь уж.

Они подождали. Позволили застегнуться. И только потом надели наручники. А он не сопротивлялся.

Его вывели из лесочка, усадили в «опель», не боясь запачкать могильной землей светлую обивку кресел. Машина шла мягко, за окнами мелькал городской пейзаж. Тот из двоих, который сел с Андреем на заднее сиденье, не сводил с него напряженного взгляда. Под этим взглядом Андрей и задремал. Кажется, любые страхи отлетели от него навсегда. Чего бояться воскресшему покойнику? Теперь он свой по обе стороны. Он задремал бы и на электрическом стуле.

Впрочем, когда его вынули из машины, просунули сквозь вертушку двери и затолкали в лифт, Андрей проснулся.

С бархатистым гудением лифт взмыл на какой-то надцатый этаж. Андрея повлекли по длинному коридору под локотки. Ковровая дорожка пружинила под ногами, как в дорогом отеле, но впечатление портили светильники на стенах — квадратные плафоны, исходящие синим, абсолютно неестественным светом. Вдобавок не все из них горели. Каждый третий был темным. Нет, каждый четвертый. Или нет, зависимость была не такой простой...

Показавшийся поначалу неярким свет резал глаза. Каким-то уголком сознания Андрей отметил, что конвоиры его — в темных очках; вернее даже, в масках из защитного пластика, закрывающих верхнюю половину лица. Он попытался зажмуриться — и не смог. Слезы текли ручьями. Стали ватными ноги, в ушах то гудело, то звонко щелкало, как при смене давления. Андрей обвис на руках сопровождающих, из последних сил перебирая ногами. Коридор почти закончился, в конце его была металлическая дверь, она приближалась рывками. Почему-то Андрей захотел войти в нее и захотел войти на своих ногах. Кажется, это ему удалось.

Дальше он помнил вразброс. Было огромное кресло, в котором его устроили полусидя-полулежа. Была огромная, в полпотолка, люстра, похожая на летающую тарелку, она мигала посадочными огнями и выпускала яркие неземные лучи, а он будто бы поднимался к ней вместе с креслом, вращаясь при этом.

Было женское лицо, искаженное чувствами до неузнаваемости, но Андрей почему-то сразу узнал инспекторшу из социальной службы — ту самую стерву, несгораемый шкаф с кровавым маникюром. Зато гримасу на ее лице он распознать не смог. Ненависть то была? Или восторг? Или еще что-нибудь?

Было внезапное головокружение и потеря себя. А потом словно кто-то бросал с разных сторон золотистый и бронзовый серпантин, а Андрей пребывал посредине, недвижный и невесомый, и ленты серпантина проходили сквозь него, разворачиваясь с легким шелестом, и это было щекотно и даже приятно, но он откуда-то знал, что в любую секунду может опять умереть, и пытался от лент увернуться, и не мог шевелиться, и металлический карнавал длился вечно...

Потом он лежал во тьме и слушал голоса. Голоса плавали, отдаляясь и приближаясь.

— Под суд! — орал издалека хриплый мужской голос. — Как вам пришло!.. Служебное преступление!

— У меня сын! — истерически верещал женский голос вблизи Андрея. — Я мать! Вы не можете!

— Вместе с сыном! — хрипел, приближаясь, мужчина. — И вы! Вы тоже! Как вы могли?

— Госпожа квартальный инспектор, — шептал другой мужчина и отступал, голос его удалялся. — Я... Меня... Вы-

шестоящая... Я думал, санкционировано... Приказ... Предписание...

— В два счета! — орал первый, надсаживаясь. — Ясно? Злоупотре... — он задохнулся. — ...блять!

— Сын! — взвизгнула женщина и шарахнулась прочь. — Четырнадцать лет! Третий джер! Войдите в положение...

Она зарыдала.

И тут возник еще один голос — спокойный, вроде бы даже скучающий баритон.

— Ну полно вам, товарищ полицейский, — сказал он с начальственной ленцой. — Лишите преступницу занимаемой должности, но орать-то зачем? Главное, вы обратите внимание, запись прошла успешно.

— Где? — недоверчиво пробурчал полицейский чин совсем близко от Андрея.

— Да вот же, вот, — протянул баритон. — Видите индикаторы? Желтый и желтый. Кстати, и донор в порядке, невзирая на варварство примененной методики. О, взгляните! Да он в сознании, он нас слышит..

— Что-о?! — страшным шепотом взревел полицейский.

И голосов не стало.

— Распишитесь вот здесь, — сказал полковник полиции.

У него оказалось багровое лицо, мясистые щеки и волевой подбородок. Вероятно, в комплекте полагался еще суровый взгляд, но взгляд полицейский прятал. Его разъедали противоречия. Буква закона велела отнести Андрея к потерпевшим, а чутье — к нарушителям.

Андрей честно попробовал расписаться, но заклеенные пластырем пальцы не гнулись и к тому же тряслись, как у запойного пьяницы. Полковник пожал плечами.

— Думаю, вы понимаете, — сказал он, — что снятый с вас шестой джер поступает в собственность государства. Попытки доказать ваше право на данную психоматрицу ни к чему хорошему не приведут.

— Вы уверены? — спросил Андрей. — То есть я не о доказательствах и правах, я... Вы знаете, к чему это все приведет? Знаете?

— Нет, — хмуро сказал полковник. — Но вы живы. Вы прошли через джер — и живы. Это может помочь нам решить социальную проблему огромного масштаба.

— Творчество не может быть социальной проблемой, — возразил Андрей. — Оно лишь высвечивает проблему. Ничего, не переживайте. Человечество научилось жить в городах — научится и в мегаполисах.

— Вы не понимаете, — сильнее нахмурился полицейский.

Андрей безмятежно улыбнулся:

— Это вы не понимаете.

Полковник сплюнул.

— Компенсация за отказ от прав поступит на вашу карточку, как только юристы определят ее размер, — сказал он, глядя в сторону. Видно было, как ему противно. — Позвольте мне как представителю государственных органов извиниться за насильственное снятие психоматрицы. Виновная в должностном преступлении сотрудница социальной службы понесла наказание. Поскольку вы согласились считать, что снятие матрицы было добровольным, позвольте выразить вам благодарность за добровольное участие в процедуре... Чему вы улыбаетесь?!

— Вы все равно не поймете, — вздохнул Андрей. — Разве что... Если решитесь на джер.

— Еще не хватало! — резко сказал полицейский. — Мне это всё вот где!..

Он рубанул воздух решительным жестом.

— А если джер сделают безопасным? — усмехнулся Андрей. — Вы никогда не хотели увидеть мир, как его видит художник? Кстати, вы что — полагаете пятый джер заменить шестым? Ведь, знаете, если умереть в пятом, шестой уже не поможет.

— Будут эксперименты, — отрезал полковник. — Так, что еще... В интересах науки за вами некоторое время будут наблюдать... Ну, в общих чертах всё. Вопросы есть? Хорошо. Куда вас отвезти?

Андрей назвал адрес.

Ступенька за ступенькой взбираясь на высокое крыльцо, он пестовал внутри себя веселую злость.

«Не думали, сударь, что я вернусь? Удивлены?»

Сумрак подъезда был странно приятен глазам.

«Вы полагали наш спор законченным. Никто никого не убедил. Но я принес новые аргументы».

Знакомо звякнул колокольчик над дверью.

«Вы служите мертвому Джеру! И мертвечиной пропахла ваша коллекция. А я живой!»

Зашаркали шаги хранителя.

«Живой! Я прошел через джер, я был им, но стал — собой. И я заставлю вас понять...»

— Я ждал вас. — Хранитель Джера отступил на шаг, склонил голову. — Я очень, очень долго вас ждал. Пойдемте.

Он развернулся, захромал по коридору.

Андрей опешил. Затоптался у порога — и молча двинулся за ним. Хранитель свернул вправо, здесь Андрей прежде не был. Нарочитая злость улеглась. Спорить, кажется, было не о чем. И зачем он пришел сюда? Разве что в память о Сью, которая растворилась в джере...

Хозяин галереи распахнул дверь.

— Вот, — тихо сказал он. — Входите.

Дверь вела на веранду — просторную, светлую. Там стоял стол, на обширной столешнице громоздились стопки бумаги, лежали карандаши, мелки, краски. Выстроились неровной шеренгой баллончики на книжной полке.

Андрей вдохнул поглубже и перешагнул порог.

— Две ложечки сахара в чай? — сказал хранитель ему в спину.

Голос его звучал так, словно он улыбается. Но когда Андрей обернулся, хозяин был серьезен.

— Да, — сказал Андрей. — Пожалуйста.

И забыл обо всем, кроме линий и красок, что рвались на бумагу.

2007, 2011 гг.

Владимир Васильев

НЕБО-ТФ

1

Поплавок вместо того, чтобы уйти под воду, неожиданно приподнялся и завалился набок, словно у мостика непостижимым образом возникла мель. Семен даже не подсек толком — просто потянул удилище, а вместе с ним и леску, и сразу почувствовал, что крючок определенно не пуст.

— Хы! — сказал он, перехватывая удилище поудобнее.

Клюнуло что-то немаленькое, никак не тараночка, на которую только и можно было рассчитывать у берега. И не мелкий бычок, которые под мостиком тоже шныряли в изобилии.

Секунд через пять Семен вынул из воды здоровенного бычка, чуть не в локоть длиной. Бычок раздул жабры и растопырил плавники, от чего голова его казалась не меньше кулака взрослого мужчины.

— Вот это бык! — изумился удивший по соседству дедуля-пенсионер. — Старше меня, поди!

Рыбина и впрямь была почтенного возраста, с мутноватыми глазами и чешуей, едва видной из-под мучнистого налета.

— И не клевал почти, — сообщил Семен пенсионеру. — Тихушник, тля!

— Здоровый, — умеренно порадовался за Семена пенсионер и добавил: — Одно жаль, невкусный, поди. Ни пожарить, ни завялить... И в ухе весь смак перебьет. Больно стар. Ты его, сынку, сфотографируй на память, да чучел набей!

— Можно и чучел, — согласился Семен, особо не расстраиваясь.

По поводу бычка у него не возникло никаких опасений: кудлатый обормот Шуля (пес-дворняга) даже этим реликтом не побрезгует, заглотит и не поморщится.

© В. Васильев, 2011.

Престарелая рыбина канула в узкий зев садка, а Семен принялся перезаряжать крючок.

Прежде чем клев окончательно прекратился, он поймал еще несколько тараночек и небольших бычков.

— Не клюет, холера! — пожаловался дед, заметив, что Семен принялся сворачивать нехитрую рыбацкую снасть.

— Не клюет, — подтвердил Семен. — Пойду я...

— Я посижу еще. — Дед отличался завидным упорством. А может быть, ему просто нечем было заняться с тех пор, как вышел на пенсию.

Вынув садок из воды, Семен вытряхнул улов в полиэтиленовый пакет. Бычок-ветеран весил примерно столько же, сколько все остальные рыбки, выглядящие на его фоне мальками.

— Динозавр, — Семен покачал головой и криво усмехнулся.

До дома было недалеко, минут двадцать пешком. По дороге, обдавая удушливым выхлопом, проносились грузовики и редкие легковушки, и даже обильная зелень частных дворов по обеим сторонам улицы от выхлопа не спасала.

Шуля радостно залаял, когда Семен подходил к воротам, а едва вошел во двор — принялся неистово скакать вокруг, норовя лизнуть в лицо.

— Ну тебя, черт кудлатый! — отмахнулся Семен удочкой.

Скакать Шуля перестал, но настроение его изменилось мало. Теперь основное внимание пса переключилось на пакет с рыбой.

Из дома выглянула хозяйка, Вера Остаповна.

— О! — сказала она. — Рыбак! Чего наловил?

— Да мелочь, — вздохнул Семен, отпихивая настырного Шулю.

— Давай, я как раз свою дочистила, поджарю и тебе заодно, — великодушно предложила хозяйка, и Семен с готовностью протянул пакет: возиться с рыбой ему совершенно не хотелось.

Муж хозяйки вечно гонял на стареньком «Москвиче» куда-то аж под Каховку и по пути часто покупал свежую рыбу, но не такую мелюзгу, какую обыкновенно удил Семен, а здоровенных карпов, толстолобиков, лещей. Вера Остаповна, со-

ответственно, все купленное чистила и готовила, не забывая и Семена угостить.

Удочку и коробку с рыбацким скарбом Семен отнес в сарай и направился к флигелю, в котором квартировал. Шуля вертелся под ногами, периодически плюхаясь на задницу и принимаясь самозабвенно чесать за ухом. Потом снова догонял Семена, хулигански прихватывал за лодыжки — баловался, короче. Он вообще был существом неунывающим и развеселым, невзирая на далеко не щенячий возраст.

Минут через десять от хозяйского крыльца донесся голос Веры Остаповны:

— Семен! Поди-ка сюда!

Семен выглянул из флигеля.

Вера Остаповна стояла с ножом в руке у входа в дом.

— Гляди! — сказала она, протягивая квартиранту на ладони что-то пока неразличимое.

Семен рысцой пересек двор. Вблизи стало видно, что к рукам Веры Остаповны и ножу кое-где прилипла рыбья чешуя.

— Что такое, Вера Остаповна? — настороженно осведомился Семен.

— Здорового ты бычка поймал, — сообщила та. — Я таких и не видела. Чистила, гляди что в кишках нашла! Сначала думала — ракушка...

Семен взглянул. На испачканной ладони хозяйки лежало что-то прямоугольное и плоское. Лишь рассмотрев скошенный угол, Семен наконец сообразил:

— Да это симка от мобильника!

Мобильником Вера Остаповна пользовалась, но Семен сильно сомневался, что она представляет, для чего нужна симкарта. Мобильник был для нее не более чем обычным телефоном, который можно носить с собой, а потому гораздо более удобным, нежели домашний. Кроме как «снять трубку», набрать номер и «положить трубку», Вера Остаповна и функций-то больше не знала, хотя однажды Семен попытался научить ее пользоваться встроенной записной книжкой. Особых педагогических успехов, честно говоря, Семен не снискал.

Осторожно взяв сим-карту с ладони хозяйки, Семен всмотрелся повнимательнее. Первоначальный цвет ее теперь мудрено было угадать, симка казалась просто грязно-серой.

Вера Остаповна скрылась в доме, а Семен, изучая неожиданную добычу, побрел к водяной колонке. Кое-как отмыл сим-карту от слизи и грязи, с опаской полирнул рукавом — желтенькие контакты даже заблестели, хоть и не сразу. Пластик, похоже когда-то имел синий или темно-синий цвет, но, вроде бы, другого оттенка, чем сим-карты «Киевстара». Это не был также чип от «Голден Телеком», «Билайна» или «Лайфа».

Основные российские операторы мобильной связи тоже отпадали: у «МТС» симки красные, у «Мегафона» — зеленые.

«У «Билайна» вроде раньше синие были, — подумал Семен, вспоминая последний вояж в Россию. — Но теперь-то полосатые, как и у нас...»

Но что-то еще было в симке неправильное, он никак не мог уловить, что именно. Пришлось вынуть сим-карту из своего мобильника и сравнить.

Семен быстро понял — что. Форма контактов и их рисунок немного отличались, по крайней мере от контактов на его киевстаровском чипе. Хотя основная, так сказать, конфигурация совпадала.

Совать подсохшую находку в свой дежурный телефон Семен поостерегся. Пошарил в столе, выудил древнюю 33-ю «Нокию». Батарея, конечно же, признаков жизни не подавала, пришлось сначала воткнуть на подзарядку.

«Ща включусь, — мечтательно подумал Семен. — А там гривен сто на счету! А то и больше! Хоть обболтайся!»

В сто гривен на счету он, конечно же, всерьез не верил. Вообще не верил, что чип остался работоспособным после визита на дно и тем более в желудок к рыбине.

К его великому изумлению, «Нокия» включилась и на сим-карту не заругалась. И даже код не потребовала, аппарат сразу же принялся искать сеть.

Тут Семена снова отвлекла Вера Остаповна — принесла тарелку свеженажаренной мелюзги, еще недавно шнырявшей в реке под мостиком, плюс несколько кусочков рыбы покрупнее, из мужниного автоулова. Бычок-гигант торжественно лежал на самом верху, поперек тарелки.

— Этот крокодил скорее всего невкусный, — предупредила хозяйка. — Стар больно. Если что — Шуле скорми.

— Спасибо, Вера Остаповна! — искренне поблагодарил Семен. — Разберусь!

Хозяйка благосклонно кивнула и ушла. Она вообще хорошо относилась к Семену — как квартирант он вел себя тихо, платил исправно, девок не водил. Да и Шуля успел себя проявить с лучшей стороны: дважды гонял со двора жуликов. А прежние обитатели флигеля, похоже, были другой породы — при вселении Семен выгреб больше мешка разнообразных неформатных бутылок из-под спиртного, а потом весь день отмывал и отскребывал от застарелой грязи свое будущее жилище.

Когда Семен вновь взял в руки старенькую «Нокию», она уже нашла сеть.

«Небо-ТФ», — было написано на квадратном дисплее меж двух столбиков-индикаторов. Индикатор заряда, естественно, мигал, шевелился. Сеть виделась отменно, на все четыре столбика.

— Ишь ты! — удивился Семен. — «Небо-ТФ»!

Такого оператора Семен не знал. Естественно, не знал он и служебных телефонов или кодов быстрого доступа. Например, состояние счета проверить.

С некоторой опаской Семен набрал свой собственный мобильный номер, заранее приготовившись услышать в трубке что-нибудь вроде: «Исходящие звонки заблокированы оператором».

Не тут-то было: дежурный телефон исторг радостную трель.

Семен хмыкнул. И взял трезвонящую трубку в левую руку. На дисплее было просто написано: «Звонок», значит, номер не определился. Пришлось нажать отбой.

Так и есть, «номер не определен». Но получается, что симка живая и деньги на счету есть. Забавно!

«Ну и ладно, — подумал Семен с легким воодушевлением. — Хозяина симки мне в жизни не найти. Если не озаботился заблокировать счет и перевести деньги на новый — его проблемы. Буду звонить, пока можно, да и все».

С этими мыслями Семен пообедал собственным уловом (кусочки хозяйского судака оставил на вечер). Большой бычок таки оказался невкусным, и Семен без колебаний скормил его

обормоту Шуле, который, разумеется, заглотил все в один присест и лишь благодарно облизнулся. Усмехнувшись, Семен соскреб с тарелки остатки собственной трапезы — Шуля заглотил и это. Кто б сомневался...

Таскать с собой два мобильника Семен поленился, поэтому в ближайшие две недели звонил со старой «Нокии» всего несколько раз, когда находился дома. По первости он даже не следил, чтобы старый аппарат был все время заряжен — впервые обратил на это внимание только когда возникла нужда срочно позвонить маме на городской, а «Нокия» оказалась разряженной в ноль. Пришлось откапывать в столе старую зарядку с толстым штырьком, потому что за несколько дней она благополучно погрузилась в то, что Семен обтекаемо именовал «культурным слоем».

Содержимому его письменного стола это определение подходило вполне — в верхнем ящике как попало были навалены всевозможные кабеля, шнуры, провода, переходники, блоки питания, компьютерные железяки, электрические тройники и удлинители, миниатюрный ноутбучный принтер, паяльник на подставке из гнутой проволоки... Что-нибудь из этого периодически извлекалось по надобности, пользовалось и вновь возвращалось в «культурный слой», конечно же — поверх того, что извлекалось вчера. Неудивительно, что старый блок питания от мобильника (новый обычно жил просто на столе, около «пилота»-разветвителя) успел погрузиться на самое дно, и его реально пришлось откапывать, подключать к «Нокии» и несколько минут ждать, пока аппарат-ветеран соизволит включиться. И разговаривать пришлось не прекращая зарядки, словно по обычному телефону, прикованному к розетке коротким проводом.

С этого момента зарядка с толстым штырьком поселилась на столешнице, рядом с более новой; старая «Нокия» обычно лежала тут же, но теперь Семен периодически поглядывал на нее и при надобности подзаряжал, даже если не собирался никуда звонить.

Тем не менее эффект Семен почувствовал незамедлительно: обычный режим звонков в среднем съедал двадцать — двадцать пять гривен в неделю. Как раз перед рыбалкой Семен в очередной раз пополнился на тридцаточку и рассчиты-

вал, что вместе с небольшим остатком этого хватит на две недели.

По прошествии двух недель (точнее — шестнадцати дней, раньше не вспомнил, поскольку исходящие не заблокировались, как обычно бывало) Семен решил проверить — сколько на счету осталось денег. Осталось больше, чем он ожидал, — двадцать четыре гривны. Получалось, что за шестнадцать дней Семен потратил на звонки гривен восемь, не больше. То есть звонить с халявной симки «Неба-ТФ» имелся прямой резон.

С этого момента Семен начал таскать старую «Нокию» с собой, но и в этом случае не всегда удавалось позвонить с нее — чаще всего неловко было на людях вынимать это старье из кармана. Поколебавшись еще какое-то время, Семен разорился на китайское двухсимочное чудо — более всего подкупило наличие стандартного разъема под нокиевскую зарядку (новую, тонкую). Китайцы были люди то ли совершенно беспардонные, то ли обладали своеобразным чувством юмора — на крышке батарейного отсека нового аппарата красовались сразу две узнаваемые надписи — одна, как и ожидалось «Nokia», а вторая ни много ни мало — «Vaio». Нативным соньковским шрифтом, что характерно. Всех знакомых гаджетоманов подобное сочетание оч-чень веселило и служило дежурной шуткой вплоть до выхода мегадевайса под названием «i-Пож» и с логотипом в виде надкусанной груши.

Так или иначе, теперь Семен мог без проблем пользовать «Небо-ТФ» при исходящих звонках, прежнюю «Нокию» с легким сердцем отдал сестренке, а древняя 33-я вместе с зарядкой снова канула на дно «культурного слоя».

Киевстаровский счет Семен не пополнял с начала месяц, потом второй, потом полгода; «Небо-ТФ» продолжало и продолжало беспроблемно соединять, словно симка имела неисчерпаемый лимит. По какому-то странному наитию Семен ни словом не обмолвился о ней никому из приятелей, а единственный человек, кто знал — Вера Остаповна, — от мобильных дел была далека и наверняка давно забыла о странной находке в рыбьих потрохах.

Всего раз Семен попробовал набрать в интернетовском поисковике «Небо-ТФ», узнал о существовании в России од-

ноименного ООО по торговле алкогольными напитками, но оператора мобильной связи с таким названием обнаружить не сумел.

Первое беспокойство, пока слабое и неясное, Семен ощутил после Нового года. Можно безбоязненно болтать по найденному телефону с сотней баксов на счету — ну, в крайнем случае сдерет с тебя внезапно обнаружившийся хозяин ту же сотку. А вот знай Семен, что на счету такого мобильника, скажем, миллион, побоялся бы ввязываться. Бесплатный сыр известно где бывает. Подспудные надежды на то, что через месяц-два деньги закончатся и звонить станет невозможно, не оправдались ни через месяц, ни через два, ни через полгода. Как на людей вешают просроченные кредиты, Семен паруройку раз читал и боялся влипнуть в подобную историю панически. Правда, ни в одной из этих историй не фигурировали мобильные телефоны — кроме единственной байки, как некий не в меру продвинутый карапуз где-то в Норвегии накачал на папочкин ай-фон музыки из интернета аж на двадцать две тысячи долларов.

В общем, беспокойство Семена касательно «Неба-ТФ» медленно нарастало, и звонить с этой симки он стал все реже, пока к весне, будучи слегка в подпитии и довольно меланхоличном настроении, он не дал себе слово прекратить ею пользоваться.

На следующее утро симка «Неба-ТФ» приняла первый входящий звонок.

Семен этого сначала и не понял — китайская «Nokia-Vaio» исторгла обычную мелодию веселой группы «Pogues», установленную в качестве вызова. Номер звонящего не определился, но такое периодически бывает. Семен машинально ткнул ногтем в зеленую трубочку первой симки и приложил мобильник к уху, а мгновением позже сообразил, что мелодия продолжает играть.

Он отнял телефон от уха и поглядел на экран внимательнее.

Вызов шел на sim-2. На номер неведомого абонента сети «Небо-ТФ».

Несколько секунд Семен оцепенело глядел на экранчик. Мигающая надпись гипнотизировала, а звонок все не пре-

кращался. Ладонь ощущала периодическую вибрацию, Pogues наяривали, а в голове у Семена сделалось гулко и пусто. Но потом он (неожиданно для себя) встрепенулся, подумал: «А что я теряю?» и решительно нажал на правую кнопку с зеленым телефончиком, ответственную за вызовы sim-2.

— Слушаю, — сказал Семен как мог ровно.

— Наконец-то, — прозвучал в ответ голос. Мужской. Разумеется, незнакомый. — Я уже и ждать перестал.

Семен не знал, как ответить, поэтому молчал.

— Почему не отписал, как вернулся? — спросил незнакомец с нажимом.

— Вы номером не ошиблись? — в свою очередь поинтересовался Семен, стараясь говорить вежливо, но твердо.

Собеседник несколько секунд размышлял.

— Надо понимать, ты не Ринат? — предположил голюс.

— Надо понимать, — подтвердил Семен.

— И ты, конечно же, не в Москве?

— Даже не в России, — обтекаемо ответил Семен, заранее решив, что точнее сообщать, где он находится, ни за какие коврижки не станет.

— Плохо, — вздохнул незнакомец.

— Я могу вернуть сим-карту, если это необходимо, — на всякий случай пообещал Семен.

— Нет смысла. Мне нужен Ринат. Но раз на звонок ответил ты, значит, Рината больше нет.

Несколько секунд собеседник молчал, а потом вызов неожиданно прервался.

Семен, еле дыша, уставился в экранчик мобильника. Рука с телефоном предательски подрагивала. Довольно долго Семен боролся с соблазном вынуть странную симку из мобильника, но что-то его удержало.

В целом услышанное крайне не понравилось: Москва, Ринат, которого больше нет... Поневоле заподозришь худое. Минимум — простых бандитов, максимум — террористов из какой-нибудь «Аль-Кайды». Семен к контактам ни по минимуму, ни тем более по максимуму был явно не готов.

Но симку из мобильника так и не вынул.

Когда спустя полтора часа неизвестный позвонил на «Небо-ТФ» вторично, Семен каким-то образом заранее по-

чувствовал: для ответа придется нажать на зеленую трубку с двойкой.

Так и есть — вызов шел на sim-2.

— Слушаю.

— Здравствуй, Семен, — поздоровался все тот же голос. — Как там в Николаеве погода?

В следующие несколько мгновений Семен пережил целую гамму противоречивых чувств. Во-первых — страх. Во-вторых — изумление. Как быстро сработали! И имя, и местонахождение...

Но если два первых чувства были понятны и естественны, то третьему Семен чуть позднее изумился едва ли не больше, нежели скорости, с которой его вычислили. Потому что третьим чувством стало жгучее, немыслимое любопытство — к какой жутковатой тайне ему удалось прикоснуться?

— Плюс девять, переменная облачность, — сообщил Семен деревянным голосом, зачем-то решив исчерпывающе ответить на вопрос о погоде.

— Это хорошо, — удовлетворенно произнес незнакомец. — Не придется куковать в аэропорту.

— В каком... — Семен запнулся, сглатывая слюну, — аэропорту?

— В николаевском, разумеется, — хмыкнул незнакомец. — Не тащиться же тебе в Одессу?

— Мне? — Семен продолжал глупо переспрашивать, потому что вообразил было, будто за ним уже выслали плечистых парней в черных костюмах и черных очках.

— Тебе, — подтвердил незнакомец. — Ты нужен мне в Москве, а Украина в последнее время становится все менее и менее интересной. Впрочем, об этом позже. Ты просто еще не знаешь, насколько тебе повезло. Главное, что ты сейчас должен уяснить, — не произошло ничего страшного лично для тебя. Я не шпион, не бандит, не террорист и вообще никак не связан с нарушением никаких писаных законов. Приедешь — узнаешь все подробнее.

— Но, — промямлил Семен, — я не хочу никуда ехать! Да и не могу, на работу завтра...

— Работа не проблема, — бодро заверил незнакомец. — С прежнего места ты уже уволен.

— Как уволен? — похолодел Семен.

— Очень просто. Приказом по фирме номер девяносто шесть семнадцать, по собственному желанию. Зараев подписал.

Семен несколько секунд тупо молчал. Что-то подсказывало — ему не врут. Уволен. Но не ехать же в самом деле в Москву?

Потом внезапно нашелся весомый, как показалось Семену, аргумент.

— У меня нет загранпаспорта!

— Для въезда в Россию не нужен загранпаспорт, — хладнокровно разбил его надежды незнакомец. — Достаточно внутреннего. А даже если и был бы нужен — тебе осталось бы только подъехать куда следует и забрать его. Нашел, тоже мне, проблему! В общем, собирайся, вылет послезавтра днем. Я перезвоню еще.

И — короткие гудки.

Семен медленно-медленно отнял трубку от уха и так взглянул на нее, будто китайская «Нокия-Вайо» вдруг превратилась в гремучую змею.

Назавтра он с опаской заявился в контору и прямо на пороге столкнулся с шефом.

— А, Семен, — дружелюбно сказал Зараев и протянул руку. — Привет! Отходную пришел ставить?

Семен пожал шефу руку во второй раз в жизни и пробормотал:

— Ну... вроде того.

— Меня позовешь, надеюсь? Охотно опрокину рюмашку за твой успех в Москве!

«Да что же это делается! — мысленно взвыл Семен. — Все вокруг знают больше меня о моей же собственной судьбе!»

В магазин тем не менее пришлось сбегать, и с ребятами выпить, и Зараева позвать, и даже вредную тетку-бухгалтершу тоже пригласить за стол. К полудню Семен, несколько размякший от выпитого, бесцельно прошелся по Соборной, периодически прикасаясь к карману куртки с трудовой книжкой и выходным пособием, зачем-то купил флэшку пообъемистее в китайское чудо и, уже вполне сознательно, приличную дорожную сумку взамен своей, старой и драной. И только дома наконец сумел сформулировать одолевавшую смутную мысль.

«Поплыл по течению, — подумал Семен мрачно. — Вот ведь!»

Удивительно, но даже легкая тревога за будущее не повлияла на невесть как сформировавшуюся решимость действительно съездить в Москву. Семен даже осознавал, что решимость его скорее всего не внутренняя, а сторонняя — внушенная голосом человека, звонившего на «Небо-ТФ».

Странно было чувствовать и осознавать все это.

Разбудил его звонок на «Небо-ТФ».

— Привет.

— Здравствуйте.

— Вылет в 12:45, регистрация за час. За билетом зайдешь в агентство и назовешься. Как прилетишь, я тебя опять наберу.

— А как в аэропорт? — обреченно поинтересовался Семен. — Туда ж не ходит ничего.

— Такси вызови, маленький, что ли? Кстати, денег с собой можешь особо не брать, не твоя это забота. Раз уж выдергиваю тебя, то и о жизни позабочусь: и кров у тебя будет, и стол.

— Спасибо, — буркнул Семен и сдавленно зевнул.

— Не вздумай опоздать. И счастливого полета.

Трубка разразилась короткими гудками, а через пару секунд умолкла, перейдя в режим ожидания.

Вещи Семен собрал еще вчера.

На Соборной он вышел из маршрутки, миновал сотый магазин и с некоторой опаской сунулся в агентство воздушных сообщений.

Женщина офисного вида взглянула на него поверх компьютерного монитора. Семен замялся в дверях, лихорадочно соображая — куда девать сумку?

— Вы, наверное, Немоляев? — предположила женщина.

— Да, — с облегчением признался Семен.

— Давайте паспорт.

Семен с постыдной торопливостью зашарил по карманам, вынул паспорт и подал женщине. Та в паспорт всего лишь заглянула — удостоверилась, что он действительно Семен Немоляев, взяла с краешка стола билет в цветастом конверте, вложила между страниц паспорта и протянула Семену:

— Держите. Счастливого полета!

— Спасибо! — У Семена неожиданно возникло желание поклониться, но он решил, что это будет чересчур, поэтому неловко развернулся и поскорее ретировался из агентства на улицу.

Свернув на Лягина, где было потише, он полез в конверт и вынул билет. Все чин чином: до Москвы, вылет в 12:45, компания «ЮТэйр», рейс UT-770, тариф тысяча восемьсот сорок гривен.

Семен взглянул на часы. Без пяти одиннадцать. Пора вызывать такси.

Позвонил он с «Киевстара» — с «Неба-ТФ» такси звать было бессмысленно — номер-то не определялся. А звонки с засекреченных номеров диспетчерши почему-то игнорировали — может, было им какое-то тайное указание на этот счет.

Машина подошла мгновенно — небось, дежурила напротив сотки, полста метров вперед и направо, на Лягина.

Семен забросил сумку на заднее сиденье темно-зеленой «Дэу», а сам уселся рядом с водителем.

— В аэропорт, — вздохнув, объявил он.

«Дэу» тронулся.

— Далеко собрался? — без особого интереса полюбопытствовал таксист, пожилой дядька с желтоватой фиксой напоказ.

— В Москву, — грустно сообщил Семен.

— К москалям, значит, — констатировал таксист.

— Да я и сам москаль, если разобраться, — пожал плечами Семен. — Даже родился в России.

— В Москве?

— Нет, в Краснодаре. Родителей сюда распределили, еще в восьмидесятые, вот и переехали. Сестра уже здесь родилась, в незалежной...

— Понятно, — кивнул таксист и умолк.

Семен сначала решил, что таксист любитель поболтать в дороге, но после стартовых расспросов тот до самого аэропорта не проронил больше ни слова. Собственно, единственное, что Семен еще от него услышал, это была сумма за проезд.

«Странный какой-то таксист», — подумал Семен, задумчиво глядя вослед удаляющейся темно-зеленой «Дэу».

В здании аэропорта он не бывал лет пятнадцать, если не больше. Некогда симпатичное, хоть и в совковом стиле, оно

страшно обветшало и производило впечатление наспех отмытого коровника. Внутри было почти пусто — а ведь Семен помнил этот зал людным и красивым. На посадку теперь приходилось тащиться через второй этаж и предварительно проходить сначала таможенный досмотр вместе с обычным, авиационным, потом пограничный контроль, а потом довольно долго сидеть в тесном зале ожидания с крохотным магазинчиком «дьюти-фри». Магазинчик выглядел под стать аэропорту, но водку в нем продавали. Семен решил, что надо, и взял плоскую бутылочку «Немирова» плюс банку «пепсухи» на запивку.

В большое, во всю стену, окно виднелся самолет, на котором предстояло лететь — сначала Семен решил, что это «Ан-24», но смущал непонятный конический вырост в корме. У настоящего «Ана» там косой срез — это Семен прекрасно помнил еще по перелету из Краснодара. Позже выяснилось, что сегодня предстояло лететь на более новом французском аналоге именем ATR-42.

«Француз — так француз, — с непонятным безразличием подумал Семен. — Авось долетит».

Кресла в этом французе, во всяком случае, были просторнее, чем в «Ане» — даже коленками Семен ни во что не упирался. Полет прошел скучно и уныло — сначала Семен глядел в окно, потом задремал даже, а потом разбудили чаем с печенькой. После он вдумчиво заполнил миграционную карту, а оставшиеся полтора часа просто сидел, глядя на редкие облака и на землю далеко внизу, затянутую белесой дымкой.

Ближе к Москве облаков стало больше. Семен порадовался, что помимо любимой куртки прихватил и любимый свитер — в последний момент сунул в сумку. И правильно сделал: едва выйдя на трап, он сразу почувствовал, что Москва находится много севернее. Хорошо, что модерновый низкопольный автобус ждал совсем рядом — Семен шмыгнул в него, словно мышь в укрытие, и сразу же полез в сумку за свитером.

Утеплившись, он почувствовал себя увереннее и веселее. Автобус, прошипев пневматикой дверей, тронулся и поехал, сначала по необъятному полю, мимо разрисованных логотипами авиакомпаний самолетов, потом мимо обнесенной забором стройки. Наконец прибыли к стеклянному подъезду, где, ежась на ветру, поджидала девушка в пограничной форме.

Эскалатор (новенький!). Зал с несколькими очередями к стеклянным будочкам.

— Цель прибытия в Российскую Федерацию?

— По делам... — пожал плечами Семен, глядя пограничнику прямо в глаза.

Тот вздохнул, и — шлеп! — штампом в уполовиненную миграционку.

Российские таможенники отнеслись к зарубежным гостям столицы с величайшим равнодушием — не только не трясли, но даже и вопросов никаких не задали, хотя Семен уже приготовился доложить, что валюты, предметов старины, искусства, оружия и наркотиков при себе не имеет.

А едва он совершенно официально вывалился из зоны прибытия в зал, на обычную российскую землю, в кармане куртки грянули Pogyes.

Звонок шел, разумеется, на номер «Неба-ТФ».

— Слушаю? — настороженно отозвался Семен, стараясь не выпускать из поля зрения сумку.

— Welcome to Russia! — произнес хорошо знакомый голос; как показалось Семену — очень чисто и естественно, совершенно по-американски, без всякого акцента. А затем уже по-русски: — Как долетел?

— Спасибо, нормально, — сухо отозвался Семен.

Наверное, ему не следовало говорить так сухо — в сущности, все дальнейшие действия напрямую зависели от звонившего, потому что идти Семену в Москве было совершенно некуда. Денег с собой он, конечно же, взял, но немного, всего пятьсот долларов. Семен прекрасно представлял, что по московским меркам это ничто. Но, собственно, Семен и брал их как аварийный запас на случай, если все это окажется каким-нибудь нелепым розыгрышем — чтобы купить обратный билет и вернуться. Не сразу, конечно: раз уж прилетел, денек-другой следует поглазеть на столицу бывшей Родины, дохнуть воздуха предков. Удушливая атмосфера хохляцкой брехни и ненависти за последние лет десять приелась по самое не могу.

Семен не был наивным человеком — он не надеялся, что в России много лучше. Просто не мог больше видеть откормленные рожи украинских политиков и слушать оче-

редные лживые обещания, которые никто не собирался выполнять.

— Значит, так, — голос из мобильника вернул Семена к реальности. — Внимательно слушай объявления по залу. Экспресс в Москву через двадцать минут. Найти его просто: выйдешь из здания аэропорта и все время налево. Там указатели, не собьешься. Где взять денег — поймешь через пару минут. Пин-код — два, три, девять, семь. Запомни: два, три, девять, семь. Успехов.

Семен не успел ничего переспросить — его странный собеседник отключился.

«Чем дальше, тем веселее, — подумал Семен, убирая мобильник в карман и подхватывая с пола сумку. — Объявления, значит, слушать. Ладно, послушаем...»

Дикторша как раз вещала что-то о регистрации на рейс до Стамбула. Вскоре она ненадолго умолкла, а потом заговорила снова:

— Внимание! Семен Немоляев, прилетевший из Николаева рейсом «ЮТэйр» семьсот семьдесят, пройдите, пожалуйста, к справочному бюро, вас ожидают.

Пока Семен шарил взглядом по залу ожидания, дикторша повторила объявление еще дважды.

Ага, вон и нужное окошко. Правда, рядом никого нет — а сказали, что ожидают.

Семен пересек зал, поозирался — людей вокруг было в общем-то достаточно, но никого нельзя было заподозрить в ожидании около справочной. Наоборот, все были поглощены чем-нибудь своим: кто внимательно изучал табло вылетов, кто уставился на экран телевизора, по которому транслировали хоккейный матч, кто просто шел по своим делам. Семен для порядку повертел головой еще с полминуты, а потом все же обратился в окошко:

— Здравствуйте! Тут объявили, что меня ждут, а я никого не вижу!

— Вы Немоляев? — уточнила немолодая женщина в модных очках-паутинках.

Окошко было таким крохотным, что, кроме лица женщины и очков, Семен ничего больше не видел.

— Да, Немоляев.

— Будьте добры, паспорт, — попросила женщина.

Семен предъявил — на этот раз без ненужной суеты и спешки.

Женщина взглянула на страницу с именем-фамилией, на фотографию и вернула паспорт на стойку. А рядом выложила кредитную карточку.

— Банкомат напротив и еще один у «Шоколадницы».

— Спасибо... — пробормотал Семен, сгребая паспорт и кредитку со стойки.

«Вот, значит, что за пин-код, — сообразил он через пару секунд. — Ну, да, логично — за экспресс в Москву надо будет заплатить, причем рублями».

Вторично пересекая зал, Семен подглядел в обменнике курсы доллара и евро к рублю — считать было удобно, доллар почти ровно тридцать рублей, евро — почти сорок. Наверное, стоило снять с карточки тысячи три-четыре. Так, на всякий случай, чтобы было. Москва все-таки.

Манипуляции с банкоматом он производил с некоторой опаской, но все прошло без малейших заминок, пин-код подошел, и меньше чем за минуту Семен стал счастливым обладателем трех российских тысячных купюр. Проверять остаток средств на карте Семен постеснялся. Мало ли, вдруг нужно будет ее потом вернуть.

Не случилось проблем и с поиском места, откуда уходили обещанные экспрессы. К некоторому удивлению Семена, они отправлялись из-под земли — пришлось спускаться по эскалатору на платформу, очень похожую на станцию метро. Как раз подошел поезд, и в него принялись грузиться пассажиры. Погрузился и Семен. В отличие от прокопченных пригородных дизелей Николаева этот смотрелся запредельно модерновым и удобным.

Полчаса Семен глазел в окно, а на выходе в город у Киевского вокзала его настиг очередной звонок.

— На Киевском уже?

— На Киевском.

— Садись в метро. Проездной можешь сразу месячный брать, потому что ездить тебе придется много. Синяя радиальная ветка, станция «Первомайская». Найдешь? Не заплутаешь?

— Разберусь, — заверил Семен.

Он и впрямь не сомневался, что разберется.

Вход в метро обнаружился прямо в туше вокзала. Некоторое время Семен постоял в очереди, хотя некие темные личности кавказской наружности предлагали проездные из-под полы со скидкой. Семен решил не рисковать и, несомненно, правильно сделал — около турникетов, как раз когда он прикладывал проездной к желтому кругляшу валидатора, полицейский при посильной помощи дежурной кого-то сосредоточенно винтил под беспрерывные тревожные трели свистка. Окружающие на это не обращали ни малейшего внимания, из чего Семен заключил, что Москва осталась, как и прежде, равнодушной и холодной к человеческим существам.

Воспоминания детства о визите в Москву с отцом подсказывали, что в метро главное — внимательно глядеть на указатели. Семен глядел. Внимательно. И ни малейших проблем с попаданием на нужную ветку и выбором поезда в нужную сторону не испытал. Он помнил станцию «Киевская» конечной, но эти времена безвозвратно прошли — теперь Арбатско-Покровская линия простиралась далеко на запад и северо-запад, если топология карты метро хоть сколько-нибудь соответствовала действительности. Впрочем, Семену все равно было не туда, а на восток: станция «Первомайская» оказалась предпоследней на этой ветке. Семен забился в угол нового, прежде невиданного состава и отправился в путь по московской подземке.

Смотреть было особенно не на что, пассажиры-попутчики оставались по-московски безучастными к окружающим; Семен под мерное покачивание вагона стал даже задремывать, но тут очень удачно поезд на некоторое время выбрался из-под земли на поверхность, а после расположенной под открытым небом станции как раз объявили «Первомайскую».

В метро Семен провел около получаса.

Неведомый телефонный поводырь на удивление точно прогнозировал его перемещения: едва Семен вышел из подземного перехода на улицу, последовал звонок на «Небо-ТФ».

— Ты куда вышел из метро — по ходу поезда вперед или назад?

— Вперед.

— Отлично! Сюда и надо. Ты находишься на Девятой Парковой улице. Чуть впереди — Измайловский бульвар. Тебе налево по бульвару, до Седьмой Парковой. И даже чуть дальше. Давай выходи на бульвар, тут идти минут пять, не больше.

— Хорошо.

В любом случае неведомый собеседник был неплохим штурманом. Семен ни мгновения не колебался в выборе пути.

На бульваре было слякотно, но влажные скамеечки все равно не пустовали — на их спинках там и сям восседала галдящая молодежь с разнообразным алкоголем. Семен с интересом прислушивался к местной манере говорить, растягивая одни гласные и глотая другие.

И снова звонок.

— Да?

— Посмотри направо. Школу видишь?

— Вижу.

— Чуть левее ее — шестнадцатиэтажный дом-свечка. Видишь?

— Вижу.

— Тебе туда. Можешь прямо через школьный двор. На подъезде замок, наберешь код: девяносто пять, ключ, сорок два, двенадцать. Запомнил?

— Запомнил.

— Верхний этаж. Девяносто пятая квартира. Дверь будет открыта, и первая, и вторая, просто входи, и все.

— Хорошо.

— Тогда до связи...

Семен уверенно добрался до указанного дома, без помех вошел в единственный подъезд и поднялся в здоровенном грузовом лифте на верхний этаж. Тут он понял, что значит «и первая дверь, и вторая», — коридорчик на три квартиры, в одну из которых его направили, был забран металлической перегородкой с дверью. Это была первая, и была она действительно не заперта, хотя, когда Семен вошел в тесный аппендикс с окрашенными в темно-зеленый цвет панелями, дверь захлопнулась сама собой.

Вторая дверь вела собственно в квартиру. Семен толкнул — дверь, негромко лязгнув, открылась. Семен вошел.

Квартирка оказалась пустой — ни в комнатах, коих насчитывалось две, ни на кухне, ни в санузле никто не прятался, Семен проверил. Никого не нашлось и на балконе. Тишину нарушало только тихое урчание холодильника на просторной кухне.

— Как бы там ни было, — сказал Семен вслух, — здравствуй, новый дом.

И уронил сумку на пол, в изголовье заманчиво выглядящего диванчика.

Снова звонок!

— Слушаю.

— Ну, как тебе апартаменты?

— Жить можно, — пожал плечами Семен, словно собеседник мог его видеть.

— Ничо, — собеседник сказал именно так, на московский манер, не «ничего», а «ничо», — освоишься — подберем тебе жилье попригляднее. Это, считай, гостиница для новичков. Ты где сейчас? В комнате?

— Да. В дальней.

— Сервант видишь? У окна.

— Вижу.

— Подойди к нему.

Семен послушно переместился к указанному предмету меблировки.

— Открывай левое отделение.

— Открыл.

— На полочке лежит паспорт. Он твой. А украинский спрячь подальше, с ним в Москве не очень комфортно.

Семен протянул руку и взял обернутую кожей книжицу в руки.

Надо же! Паспорт. Российский. Его, Семена Немоляева, паспорт! Выданный Измайловским ОВД шесть лет назад... и последние два с лишком года зарегистрированный по адресу: город Москва, улица 5-я Парковая, дом 40, корпус 1, квартира 95.

— Ну, как, нравится?

— Не очень, — честно признался Семен.

— Почему? — изумился собеседник.

— По-моему, это незаконно, — хмуро сообщил Семен. — Не станете ведь вы утверждать, что он подлинный?

— Паспорт самый что ни на есть подлинный! — сердито заявил незнакомец. — Хотя бы потому, что его выдавала та самая структура, которая выдает подлинные паспорта. И на совершенно законных основаниях.

— Но я ведь не гражданин России! — продолжал гнуть свое Семен.

— Кто сказал? — хмыкнул собеседник. — С сегодняшнего дня — гражданин. Политики пусть там что хотят, то и делают. Они оторвались от реальности настолько далеко, что большую часть издаваемых ими законов невозможно реально соблюдать. А строгость российских законов, как известно, компенсируется необязательностью их выполнения. В общем, не дури, парень, с украинским паспортом ты не сможешь стать в этом городе своим. А что до сроков выдачи и времени прописки... Запомни: прошлого не существует. Существует только настоящее, в котором конструируется будущее. Именно этим, дружище Семен, мы и занимаемся.

— Конструированием будущего?

— В точку.

Собеседник ненадолго умолк, словно отвлекся на какую-нибудь мелочь — взглянуть на часы, например.

— Сегодня я тебя трогать не буду, — сообщил он вскоре. — Отдыхай. А завтра приступим. Поесть и попить ищи в холодильнике или в магазин сходи. Не маленький, найдешь. Все. Будь здоров.

— И вам, — проворчал Семен, нажимая на кнопку с красной трубочкой, — не кашлять.

«Интересно, — подумал он. — Что там за будущее эти типы конструируют?»

Как-то незаметно он стал думать о незнакомом собеседнике во множественном числе, словно тот представлял какую-то мощную и многолюдную организацию. Так оно скорее всего и было. Уж слишком лихо орудовали — билет в соседнюю страну, квартира, паспорт российский... Паспорт, честно говоря, жжет руки, беспокоит. Не готов был Семен ни к каким конфликтам с законом. Что бы там ни утверждал неведомый дядька-телефонист — все преступления начинаются с уверений в честности. Может, следует поскорей ноги в руки, сумку за спину и рвать с этой квартиры куда глаза

глядят? А симку вынуть и выбросить? Да еще сломать для верности?

Однако в глубине души Семен знал, что этого не сделает. Что-то мешало. Но что именно — он пока еще не понимал.

Дверь Семен запер — на замок и на цепочку — и пошел исследовать содержимое холодильника.

Было около девяти вечера. Первого вечера в чужой и незнакомой Москве.

2

Чего у Семена было не отнять — это умения быстро приспосабливаться к новому, будь то место работы, новое жилье или внешнеполитический курс очередного президента. Вот и к Москве он привык очень быстро, словно жил тут все предыдущие годы. Даже бабушки у подъезда здоровались с ним так, будто помнили Семена еще бегающим в школу. Это было странно и не очень правдоподобно, но Семен смирился.

Особенно в свете того, чем он теперь занимался.

Он очень хорошо запомнил первое свое задание.

На следующий день после прилета в Москву позвонил шеф (надо же было как-то называть обладателя телефонного голоса?) и выдал первую инструкцию. Семену было велено купить в ближайшем супермаркете обыкновеннейшее пластиковое ведро, подъехать по указанному адресу, на ближайшей стройке наполнить ведро песком и потом рассыпать песок около трансформаторной будки, ведро оставить здесь же и отправляться восвояси.

Семен выполнил все, как было сказано, хотя ежесекундно ждал строгого оклика, особенно когда набирал на стройке песок. Однако обошлось. Почти час Семен просидел на лавочке в противоположной стороне двора, но все-таки дождался событий.

Сначала у трансформаторной будки запарковался здоровенный бензовоз с логотипами ТНК на округлых боках цистерны. Водила выскочил и метнулся в ближайший подъезд — видать, заехал домой перекусить, время-то дневное, обеденное.

Через семь минут во двор влетел какой-то идиот на белой «Субару», а следом — два полицейских «мерседеса». Семен не очень понял, что произошло, но один из «мерседесов» едва не протаранил бензовоз с кормы, затормозив как раз на рассыпанном Семеном песочке. «Субару» с ходу врубился в дерево у трансформаторной будки, да так, что обломившаяся ветка оборвала электрические провода. Когда они мазнули по металлу бензовоза, шарахнула такая неслабая искра, что Семен непроизвольно вздрогнул. Легко было представить последствия, воткнись «мерседес» с ходу в цистерну, — искра, разлитое топливо...

Рядом с трансформаторной будкой, за сетчатым заборчиком, располагалась игровая площадка детского сада. И в момент, когда все происходило, на ней играли дети.

Когда Семен сопоставил все факты, внутри у него все похолодело. Нет, он вполне допускал, что полицейская машина вовремя затормозила бы и без песочка. Но воображение ведь не отключишь?

Семен как раз шел к метро, когда позвонил шеф и просто сказал:

— Молодец. Плюс сто на карточке. Будь всегда на связи.

И отключился, потому что Семен долго молчал в трубку, впав в странный мыслительный ступор.

Дома, в девяносто пятой квартире, он не выдержал и дернул стакан водки.

И пошло. Шеф звонил в самое непредсказуемое время — днем, ночью, безотносительно ко времени суток. Иногда раз в неделю, иногда дважды в день. Как-то даже три раза за день пришлось мотаться. Семен выполнял, на первый взгляд, мелкие и незначительные поручения — убирал с края крыши забытые кем-то кирпичи, закрывал распахнутые двери подъездов, пару раз вбивал на место костыли, крепящие железнодорожные рельсы, красил фосфоресцирующей краской бетонные плиты, уложенные поперек закрытой на ремонт улицы, выламывал и уносил подальше расшатанные металлические прутья заборов, подпиливал и валил указанные деревья накануне сильных штормов... Чего только ему не приходилось делать! Странно, но даже когда он совершал, на первый взгляд, хулиганские и асоциальные вещи (например, разбивал булыжни-

ком витрину в магазине), ему как-то удавалось разминуться с охраной или полицией. Видимо, шеф идеально вычислял время очередной акции, так, чтобы у Семена всегда был безопасный вариант отхода. Семен вообще не был склонен к завышенной самооценке и не питал иллюзий относительно собственной значимости, но обычная логика то и дело подсказывала ему неизбежно печальный и зачастую трагичный сценарий дальнейшего развития событий, если исключить его, Семена, вмешательство. Ну, кирпичи на крыше или перекрытая бетонными плитами улица — понятно. Чья-то сбереженная голова и уцелевшая машина. Однако то и дело приходилось выполнять и достаточно абстрактные и с виду совершенно невинные поручения — например, задержать у входа в метро некоего человека и выяснить у него дорогу к месту, окрестности которого Семен на самом деле прекрасно знал. Семен честно забалтывал этого человека — по-спортивному одетого молодого парня — минуты полторы. И гадал потом: кого и от чего уберегла эта задержка? От падения под поезд? От ножа в боку после нелепой драки?

В любом случае Семен отчетливо понимал, что на самом деле является лишь орудием, инструментом в руках истинного вершителя чьих-то судеб. Был ли этим вершителем шеф, чей голос он постоянно слышал посредством загадочной сети «Небо-ТФ», или же этот неведомый человек, которого Семен никогда не видел, и сам был схожим орудием высшей силы — неизвестно. Но так или иначе у Семена постепенно вызрело твердое намерение увидеть человека, с которым он разговаривает, и понять — кто он? Если такой же исполнитель, как и сам Семен, только рангом повыше, то кто сидит еще выше него?

Понимал Семен и то, что его изыскания вряд ли будут одобрены теми, кто сидит выше. Да и вообще будут небезопасными. Но извечный страх перед властью, перед бандитами и вообще перед людьми, способными на необратимые поступки, который всегда жил в нем, маленьком человеке из маленького города, волшебным образом испарился. Возможно, именно потому, что в последнее время ему самому пришлось совершить немало странных поступков, сильно изменяющих кое-что в окружающем мире.

Можно думать что угодно, но спасенная человеческая жизнь — это в чистом виде изменение окружающего мира. Возможно, что весьма сильное — все мы читали «И грянул гром» Рэя Брэдбери. И если, черт возьми, судьба (или кто там стоит за шефом?) назначила его, Семена Немоляева, этой самой бабочкой, то лучше уж быть разумной бабочкой, а не безмозглой. Не слепым орудием в чьих-то раскладах, а существом мыслящим, наделенным, как Семен смел надеяться, совестью и здравым смыслом.

Злодеяний он, во всяком случае, совершать не хотел категорически — и без него в Москве то и дело что-нибудь взрывали.

Со взрывами он как в воду смотрел.

Очередной звонок на «Небо-ТФ» застал его в очереди перед кассой продуктового мини-маркета.

«Хорошо, что не минутой позже, — подумал Семен мимолетно. — А то рук не хватило бы, и покупки по пакетам распихивать, и сдачу от кассирши принимать, и на звонок отвечать...»

— Слушаю! — сказал он буднично.

— Метро «Проспект Вернадского». — Шеф, как всегда, был краток. — Выход назад. Как доедешь, жди звонка.

— Еду, — так же буднично отозвался Семен, поставил корзинку с продуктами на пол и протиснулся мимо расплачивающихся покупателей к выходу.

Очередь таращилась на него с немым уважением: вот так вот просто поставить корзинку и уйти — есть в этом нечто театральное. Охранник у выхода, напротив, глядел с подозрением. Но Семен прошел между рамок, и ничего не зазвенело, поэтому охранник всего лишь проводил его взглядом и направился к оставленной корзинке. Но Семен этого, конечно же, видеть не мог.

Он быстрым шагом достиг «Первомайской», спустился на платформу, скользнул в подоспевший «Русич» и сел на одиночное место в самом углу вагона. Ехать ему предстояло минут сорок пять минимум. Под равномерный гул и убаюкивающее покачивание совершенно не думалось, и Семен впал в странное оцепенение. Совершенно механически вышел на

«Арбатской», перешел на «Библиотеку» и втиснулся в поезд, следующий на юго-запад.

На «Проспекте Вернадского» он вышел из метро под навес очередного торгового центра и вынул из кармана мобильник. Через секунду он дрогнул в руке и зазвонил.

— Слушаю!

— Справа от тебя вход, там «Ион», должно быть видно.

— Вижу, — подтвердил Семен.

— Входи.

— Вхожу.

Не отнимая телефона от уха, Семен миновал стеклянные двери, придержал локтем, чтобы не ударили в спину, и вошел в салон электроники, которых в последнее время расплодилось на каждом углу без счета. В салоне было тесновато, запыхавшиеся менеджеры явно разрывались на части между покупателями.

— Терминал оплаты в углу, — сообщил шеф.

— Вижу.

— Между ним и стеной стоит пакет. Подбери его.

Перед терминалом стояла худющая, как цапля, девица в сером и сосредоточенно тыкала в сенсорный экран. Рядом ожидали своей очереди двое парней.

— Простите, — спокойно обратился Семен ко всем сразу. — Я там пакет забыл. Можно забрать?

Парни молча посторонились, пропуская его, а девица продолжала отрешенно касаться экрана.

Семен тронул ее за плечо.

— А?

— Пакет, — терпеливо пояснил Семен. — Вон там. Забыл.

Девица глянула между терминалом и стеной, затем сложилась чуть не пополам взяла пакет. По всей видимости, он оказался неожиданно тяжелым, потому что отчетливо было видно, как девушка напряглась.

— Спасибо, — поблагодарил Семен, принимая пакет. Действительно, очень тяжелый.

— Кирпичи у вас там, что ли? — недовольно проскрипела девица и снова уткнулась в экран.

— Нет, бомба! — ляпнул один из парней, и оба с готовностью заржали.

Семен молча протиснулся между ними и свернул к выходу. В проходе у салона он вспомнил о телефоне и поднес его к уху.

— Забрал, — сообщил он шефу.

— Отлично! Выходи наружу, направо, к проспекту.

Семен подчинился. Основное его внимание было поглощено тем, чтобы тяжелый пакет не бил по ноге.

— Пройди чуть вперед, мимо маршруток. Там должна стоять древняя темно-синяя «копейка». Открой правую заднюю дверь и оставь пакет на полу за водительским сиденьем.

— А что водителю сказать?

— Поздоровайся, — буркнул шеф с внезапным раздражением и отключился.

— Ладно, — пробормотал Семен, убирая телефон в карман и перехватывая пакет освободившейся правой рукой, потому что левая уже ныла от тяжести и напряжения.

Чуть впереди неизбежных приметрошных таксистов к тротуару действительно примостилась потрепанная «копейка», грязная и неухоженная. Внутри и рядом с ней никого не было, так что обмен приветствиями с водителем как минимум откладывался.

«Вот будет номер, если она закрыта», — подумал Семен, берясь за дверную ручку.

Однако его опасения были напрасными — машина оказалась незапертой, и дверь без труда открылась. Семен, не оглядываясь, по-хозяйски сунулся внутрь, примостил пакет за водительским сиденьем и завернул свободный верх так, чтобы не торчал. В таком положении темный пакет заметить было очень трудно.

Семен со второй попытки захлопнул разболтанную дверцу и отошел в сторону. Боковым зрением он видел, что болтавшие у своих драндулетов таксисты прервали разговор и смотрят в его сторону.

Стараясь выглядеть непринужденно, Семен неторопливо пошел к метро. Обернулся он всего раз, на полпути. Обернулся и вздрогнул.

В старую «копейку» как раз садились двое мужчин. Семен отошел довольно далеко, поэтому рассмотреть их особенно не мог, но одеты они были примерно так же, как

таксисты — темные брюки, темные куртки, вязаные шапочки.

Семен отвернулся и ускорил шаг.

По проспекту машины неслись сплошным потоком, но периодически, когда светофоры переключались и позволяли пешеходам перейти на противоположную сторону дороги, в этом сплошном потоке ненадолго возникала прореха.

Именно в такой момент старая «копейка», даже не успевшая отъехать от тротуара, взорвалась. Таксистов и две передние машины просто смело. Ограждение на разделительной линии смело тоже, и его обломками сильно побило машины на встречке. Наверняка пострадали и оказавшиеся рядом пешеходы — у метро всегда многолюдно.

Но если бы бомба взорвалась в торговом центре...

Семен представил и похолодел.

В тот же миг ожил телефон — снова шеф.

— В метро не суйся, — предупредил он. — Уходи по проспекту против движения, к улице Кравченко, там перейди и садись на троллейбус до Киевского вокзала.

Семен, до этого глядевший себе под ноги, поднял взгляд и увидел белую табличку-указатель около дороги: «Улица Кравченко 250 м».

Он сделал все так, как велел шеф, — прошел вперед, пересек проспект и улицу Кравченко и сел на троллейбус, который даже не пришлось ждать — тут была конечная остановка и троллейбус с открытыми дверьми просто стоял у диспетчерской. Вскоре он отправился, а Семен сидел, безучастно глядел за окно и размышлял. В основном о том, что надо бы поплотнее поговорить с шефом. Террористом-подрывником Семен себя не видел ни при каких раскладах.

У Киевского вокзала он покинул троллейбус, спустился в метро и вернулся домой через тот же супермаркет, в котором его застал звонок шефа. На этот раз Семен купил все, что хотел, и полную корзинку не пришлось бросать, так и не оплатив покупки.

Дома Семен сварил пельмени, клацнул выключателем чайника и задумчиво застыл у окна. Мысль, занимавшая его уже довольно давно, сегодня наконец выкристаллизовалась и обрела вербальное воплощение.

«Надо найти способ звонить шефу, — думал Семен. — Когда это МНЕ нужно, а не только когда шеф сам соизволит позвонить. Но как? Номер у него не определяется...»

Семен вздохнул, выловил пельмени из кастрюли в тарелку, вымыл вилку, потому что чистой традиционно не нашлось, и присел к столу. Поглощая нехитрый холостяцкий ужин, он не прекращал размышлять. Да и потом, уже валяясь на диване перед телевизором и прихлебывая чай из большой чашки, мысли продолжали вертеться вокруг одного и того же — в телефонной книге мобильника, увы, нет номера шефа...

Примерно через час, когда положительный герой изводил на экране очередную пачку злодеев, Семена вдруг посетила дельная идея. Он даже сел на диване, опустив ступни на холодный пол.

«Стоп! — сказал он сам себе, удивленный, что такая простая мысль не пришла в голову раньше. — В записной книге телефона, конечно же, нет номера шефа. Там только телефоны знакомых. Но контакты могут храниться и на симке!»

Семен уже много лет целенаправленно включал только телефонную книгу аппарата, а на симках никаких номеров старался не хранить. Был неприятный опыт при перетыкании сим-карт в чужие мобильники.

Метнувшись в коридор, Семен добыл из кармана куртки свое китайское чудо, вернулся в комнату с телевизором и принялся листать настройки.

— Та-а-ак, — протянул он, добравшись до свойств телефонной книги. — Только телефон, телефон и сим, только сим! Вот это и выберем!

Он нажал на кнопочку под надписью «сохранить настройки» и вышел из меню. Потом, затаив дыхание, коснулся кнопки под надписью «имена».

Открылась телефонная книга. Семен боялся, что она окажется совершенно пустой, но одна запись там все же была.

Только странная.

«Имя недоступно».

Тем не менее Семен навел на нее курсор и вошел в опции, где выбрал «просмотр».

Странная запись, определенно странная! В графе «имя» — значится «имя недоступно». В графе «номер» — «номер недоступен». Но запись тем не менее существует!

Семен вздохнул, зачем-то переместил курсор на строку, где полагалось находиться номеру, а затем нажал на вызов — разумеется, с симки «Неба-ТФ».

Он был практически уверен, что механический голос сейчас сообщит: номер набран неверно, или такого абонента не существует, или он находится вне зоны действия сети, или еще какую-нибудь дежурную отговорку сотовых операторов.

Однако ничего подобного не произошло — раздались обычные длинные гудки вызова. А несколькими секундами спустя трубку сняли, и голос шефа спокойно произнес:

— Слушаю!

— Здравствуйте! — поздоровался Семен, чувствуя, что в горле некстати пересохло.

— Догадался заглянуть в телефонную книгу? — чуточку сварливо поинтересовался шеф.

— Да.

— Молодец! Долго собирался, но некоторые вообще не додумываются. Ну, что скажешь?

Семен немного поколебался, однако все же набрался храбрости и выпалил:

— А обязательно было взрывать ту машину?

Шеф тоже помедлил с ответом.

— Обязательно, — сказал он без тени сомнения. — Это была машина террористов. Они и подорвались.

— А прохожие?

— А что прохожие?

— Погибли несколько человек. И несколько в больнице, я в новостях слышал, пока ехал.

— Взорвись бомба в торговом центре, цифры были бы совершенно иные. Совершенно. Ты это понимаешь?

— А что, нельзя было бомбу обезвредить? — почти закричал Семен.

— Нельзя, — вздохнул шеф. — Если бы было можно, я бы сказал как, и ты бы это сделал. Привыкай, парень. Тебе часто придется совершать зло, но это будет меньшее зло, гораздо меньшее, чем то, которое ты своими поступками пре-

дотвратишь. Сегодняшнее задание считай боевым крещением, за него положена особая премия. Теперь я знаю, что ты готов и для более серьезных дел. Между прочим, рекомендую скачать и прочесть руководство по саперному делу, а заодно и методики ухода от уличной слежки. Пригодится.

Еще в середине тирады шефа Семен придумал, что возразить ему: мол, меньшее зло — все равно зло. Убивая пятерых вместо пятисот, так или иначе делаешься убийцей. Однако дальнейшие предложения шефа сбили с толку, и Семен попросту растерялся. Какое саперное дело? Какая слежка? Кажется, его не за того принимают.

— А вы не боитесь, что вас найдут? — тоскливо спросил он у шефа.

Тот неожиданно рассмеялся, а потом уточнил:

— Кто найдет?

— Ну, — протянул Семен, — ФСБ какое-нибудь...

— ФСБ слишком сложная и неповоротливая структура, — не задумываясь ответил шеф. — Она была более-менее эффективна до семидесятых, даже до середины восьмидесятых годов, даром, что называлась иначе. А потом — финиш, техника и электроника сделали свое дело. Сегодня нет организаций, способных эффективно противостоять терроризму и техногенным катастрофам. На это способны только хорошо информированные «кроты»-одиночки вроде тебя. При эффективном управлении, разумеется. Ты мне сразу понравился, действуешь точно, четко и быстро, так, как и подобает «кроту». А до недавнего времени еще и вопросов лишних не задавал. Не то чтобы вопросы в нашем деле исключены, просто на определенном этапе начинаешь осознавать их избыточность и ненужность. Я думаю, ты дорастешь и до этого.

— В нашем деле? — переспросил Семен, оживляясь. — А можно ли поинтересоваться — в чем оно, собственно, заключается, наше дело?

— Наше дело, Семен, — доверительно сообщил шеф, — хранить город. Пока город жив, хорошо будет и людям, его населяющим.

— Угу, — пробурчал Семен. — Особенно тем, кто сегодня погиб, стало хорошо.

— Еще раз повторю, выживших больше. В разы. В десятки раз. В таких случаях нельзя колебаться: всегда выбирай вариант с минимумом жертв. В идеале, конечно, лучше бы вовсе без жертв, да только идеал потому и зовется идеалом, что на практике обычно недостижим. Не казни себя и не забивай голову этикой: главное, чтобы город жил. Если погибнет город — умрут все.

— Да как можно убить целый город? — с легкой досадой произнес Семен в трубку, убрав ее от уха и поднеся почти вплотную к губам.

— Проще, чем кажется, — сухо ответил шеф. — Все, хватит разговоров. Отдыхай, набирайся сил, в основном моральных. И жди новых звонков. Пока.

Не дожидаясь, пока Семен ответит, он отключился — в трубке загудело коротко и часто.

Честно говоря, разговор с шефом получился сумбурным, но неожиданным. Нетривиальным даже. Семен вернулся к телевизору — там главный герой как раз докромсал полчища злодеев и ушел на закат с какой-то голозадой девицей, а поверх финальных кадров побежали титры.

После фильма начался выпуск новостей. Сюжет о взрыве на проспекте Вернадского пошел в самом начале.

По версии фээсбэшников, которую они скормили репортерам, в последний момент террористы изменили первоначальный план — взорвать бомбу в торговом центре, — забрали ее из «Иона» и вернулись в машину, где «по неосторожности привели взрывное устройство в действие». Далее мельком показали свидетелей — Семен легко узнал тощую девицу, виденную у терминала, и двух парней, о которых сказать ему было нечего: может, они торчали тогда же у того же терминала, а может, и не они, лиц Семен совершенно не запомнил. Дикторша проникновенно сообщила, что по показаниям свидетелей составлен фоторобот террориста, от чего Семен сильно напрягся, однако секундой позже показали этот фоторобот, и у него слегка отлегло от сердца: лицо на экране до такой степени отличалось от лица Семена, что беспокоиться совершенно не стоило.

«Ерунда какая-то, — подумал Семен растерянно. — Неужели контора так грубо и беспардонно врет? Или свидетели

насочиняли? Разве у меня такой нос? И глаза не так близко посажены. И прическа совсем другая... А челюсть?»

Он даже встал и сходил в коридор к зеркалу. Не такая челюсть, совершенно не квадратная! Лицо с фоторобота легко может принадлежать какому-нибудь провинциальному бандюгану, а Семен больше похож на вечного студента или на абстрактного ай-тишника, особенно когда в очках.

Однако против фактов не попрешь: обнародован фоторобот, ничего общего не имеющий с ним, человеком, реально вынесшим бомбу из торгового центра в машину террористов. Как-то страшновато жить в стране, где люди и организации, ответственные за безопасность людей, работают таким вот образом!

В эту ночь Семен плохо спал и несколько раз просыпался. Снилось, что шеф велел ему положить бомбу в камеру хранения почему-то на Рижском вокзале, но Семен заблудился в метро и непонятно как все время приезжал на Савеловский, а когда время, отведенное шефом, вышло, просто оставил бомбу в вагоне метро, вышел на «Менделеевской» и как мог резво припустил по платформе. Взрыва он не дождался — проснулся весь в поту.

Потом приснилось, что шеф велел взорвать Останкинскую башню и Крымский мост. Во сне они располагались рядом, поэтому Семен решил действовать хитро́ — так установить заряды, чтобы башня просто упала на мост и разрушила его. Однако до взрыва снова не дошло — проснувшись, Семен чертыхнулся и побрел на кухню хлебнуть чаю.

В итоге он совершенно не выспался, а наутро действительно позвонил шеф. Правда, задание выпало тривиальное и со взрывами никак не связанное. Нужно было всего лишь проколоть покрышку автомобилю на стоянке в Строгино. Единственное, что пришлось предварительно сделать, — заскочить в спортивный магазин и купить в рыболовном отделе взрослый нож, поскольку за исключением кухонных других ножей в квартире не нашлось, а шила не имелось вовсе. Можно было, конечно, купить шило напротив, в строймаге, но нож показался как-то притягательнее, не в смысле сегодняшнего дела, а вообще, в целом.

Выполнив задание, Семен немного поразмышлял — куда сегодня должна была вляпаться несчастная вишневая «Лада»?

Ничего особенного, увы, не придумал. Оставил ее, болезненно припавшую на правое переднее колесо, и покинул автостоянку незамеченным, потому что точно знал: сторож отлучился из будочки в ближайший магазин. Скорее всего за чекушкой на опохмел, судя по его внешнему виду.

Вернувшись домой, Семен прилег на диванчик перед телевизором и не заметил, как крепко уснул. Проспал он остаток дня и всю ночь, а когда проснулся — мучившие вопросы както сами собой отступили на второй план.

В следующие две недели Семен выполнил еще с десяток умеренно безобидных заданий шефа, а еще убедился, что в Москве иногда тоже может отключиться свет. Как ни странно, это обыденное для провинциальных городов и тем более деревень-поселков событие в столице было воспринято с тревогой и даже неоднократно отражено в теленовостях, которые Семен с некоторых пор стал регулярно смотреть. Дикторы в один голос твердили о каких-то веерных отключениях, а послушав еще немного, Семен понял, что энергосистема Москвы попросту перестала справляться с возросшей нагрузкой. Ну, да, мощности всякой бытовой техники выросли в разы, даже в десятки раз. Одних киловаттных электрочайников не счесть, а магистрали-то остаются древними, еще советскими. Какой же чиновник в своем уме станет тратить деньги на новые магистрали, если деньги можно просто украсть? Вот никто и не тратился. А город тем временем рос, китайцы в немыслимых количествах штамповали электрочайники и везли их в Россию...

Это событие отложилось в памяти Семена, но первоначально он не придал ему особого значения. Подумаешь, свет пропал!

В конце лета, когда по всей стране дружно чадили торфяники, а в Москве было серо от дыма, в очередной раз позвонил шеф. Начало разговора сразу напомнило Семену подзабытые уже события на проспекте Вернадского.

— Привет, — поздоровался шеф. Голос шефа Семену сразу не понравился — показался то ли раздраженным, то ли встревоженным. — Ты руководство по взрывотехнике проштудировал?

Семен нахмурился, хотя шеф этого увидеть, конечно же, не мог.

— Нет, — ответил он честно.

— А чего хмуришься? — поинтересовался шеф.

Семен оторопело замер — до этого он просто шел по тротуару мимо какого-то модного магазина на Алексеевской. На него тут же налетел ближайший прохожий — высокий парень, тоже треплющийся по мобильнику. Налетел, коротко извинился и исчез, но Семен этого практически не заметил.

— Откуда вы знаете, что я хмурюсь? — осторожно спросил он у шефа.

— Вижу, — коротко объяснил шеф.

Семен невольно принялся озираться, и вдруг взгляд его зацепился за камеру видеонаблюдения, установленную над входом в магазин. Камера целилась объективом прямо в Семена.

— Да-да, — подтвердил шеф. — Через нее и вижу.

— А вы что, тут, в магазине? Или в охранной фирме? — с чрезвычайно глупым видом спросил Семен, прекрасно сознавая неуместность вопроса.

Шеф вздохнул.

— Семен, я везде. Правда, в основном в пределах МКАД, но кое-где уже и за него выбрался. Ты совершенно напрасно относишься ко мне как к человеку, хотя это и неизбежно. Я везде, где работает роуминг «Неба-ТФ».

Семен ничего не понял, но решил глупые расспросы пока прекратить.

— Ладно, к делу. Опять возникла проблема с подрывниками, будь они неладны. Готовят большой бум в Сокольниках. Не хочу никого пугать, но может лечь энергоснабжение всего востока Москвы.

Шеф умолк; Семен многозначительно молчал, поскольку не знал — что можно сказать в ответ на это сообщение.

— Бомба у них готова. Надо ее... того...

Шеф снова умолк, но теперь хотя бы стало понятно, куда клонится разговор.

— ...обезвредить? — Семен закончил фразу за шефа.

— Можно сказать и так. Ты сам признался, что ничего не читал на эту тему. Поэтому обезвреживать придется громко. Но зато не там, где может пострадать подстанция.

— Понимаю. Что делать?

— Езжай на Преображенку, доедешь — перезвоню.

— Понял. — Семен кивнул в камеру, спрятал мобильник в карман и решительно зашагал к метро.

На эскалаторе, когда сказанное слегка улеглось в сознании, Семен в полной мере прочувствовал: ему все меньше нравится то, что обезвреживание будет громким. Он долго не решался признаться себе, чего на самом деле хочет. Но в конце концов сформулировал, уже на переходе с «Тургеневской» на «Чистые пруды».

«Если велит взрывать в людном месте, — подумал Семен со всей решимостью, на какую был способен, — откажусь!»

Едва он вынырнул из-под земли на Преображенской площади, позвонил шеф. Объяснил, как найти дом, сообщил, что дверь подъезда, дверь тамбура на этаже и даже дверь в нужную квартиру открыты. Семену это сразу не понравилось, однако в тот момент он смолчал.

По словам шефа, у Семена имелось окно минут в десять-пятнадцать, после чего неведомые террористы вернутся. На вопрос — что ж это за террористы такие, которые двери в квартиру с бомбой не запирают, шеф хмыкнул и многозначительно сообщил:

— Они-то как раз заперли...

В общем, через какое-то время Семен, напряженный и потный от страха, стоял в чужой квартире перед загадочным устройством, помещенным в коробку из-под обуви. Квартира была явно съемная, из мебели только стол на кухне, пара табуретов да вешалка в прихожей. Плюс несколько матрасов на полу в комнате, и тут же клетчатые рыночные сумки с какими-то вещами.

Бомба в коробке покоилась на табурете, Семен стоял перед ней на коленях.

— Там должен быть мобильник выпотрошенный, скорее всего без корпуса, только дисплейчик и кнопки. А может, и кнопок нет.

— Есть дисплейчик! — подтвердил Семен.

— Что на нем?

— «Билайн», индикатор батареи... — пробормотал Семен.

— Ага, значит, в сети, отлично. Проводки к нему идут?

— Идут.

— Сколько?

— Четыре. Синий, зеленый, еще зеленый и коричневый.

— Должны быть три примерно в одно место и один отдельно. Так?

— Да, один зеленый отдельно.

— Перекуси его! — велел шеф.

Семен, вынимая из кармана «Викторинокс», опасливо поинтересовался:

— А оно того... Не бабахнет?

— Сейчас нет, — заверил шеф спокойно. — У тебя будет время уйти, а потом я ее по эсэмэске взорву вместе с террористами, да и все.

Семен, уже откинувший ножнички швейцарского ножа и наладившийся было перерезать одиночный зеленый провод, невольно замер.

— То есть как взорвете? Где?

— Да прямо там, где оно лежит, — ответил шеф. — Давай, не тяни время, хозяева вот-вот вернутся!

— То есть я эту бомбу не буду никуда выносить? Вы хотите взорвать квартиру?

— Времени нет выносить! — нетерпеливо сказал шеф. — Не успеем! Перекусывай давай, иначе эсэмэска не пройдет!

Семен решительно убрал руку с ножничками от перемотанной изоляционной лентой адской машинки.

— Я не буду взрывать жилой дом, — твердо сказал он.

— Семен! — разозлился шеф. — Эта долбаная хрущоба стоит на снос, жильцы почти все отселены! Дом практически пустой!!!

— Почти? — переспросил Семен, вставая с корточек. — Практически? Да пусть эти уроды хоть десять подстанций взорвут! В подстанциях люди не живут.

— Ты не понимаешь! — заорал шеф. — Если они взорвут подстанцию, это будет начало самой страшной техногенной катастрофы за время существования человечества!!!

— Я не буду взрывать жилой дом, — упрямо повторил Семен и решительно сбросил вызов.

Со всей возможной поспешностью он покинул квартиру, потом дом и отошел к соседней хрущобе. Обернулся, приглядеался.

Дом и вправду выглядел покинутым, но на одном из балконов все же сушилось белье, около дальнего подъезда жалась к бордюру «Газель»-фургон, куда грузили хозяйский скарб рабочие в линялых синих комбинезонах, а рядом мирно беседовали две бабульки.

Это лишь укрепило Семена в принятом решении. Он отключил телефон и вынул симку «Неба-ТФ» из гнезда. Хотел размахнуться и зашвырнуть ее в сторону мусорника, но в последний момент передумал и сунул во внутренний карман ветровки.

Он уже знал, что сделает дальше: снимет с карты все деньги, заскочит домой за вещами и прямиком в аэропорт. Рейс на Николаев улетел утром, но это не важно, стартанет куда получится — в Симферополь, в Одессу, в Киев. Куда-нибудь, главное — поближе к дому.

Вынырнув из дворов на Большую Черкизовскую, Семен поспешил в сторону метро, на площадь. По дороге он без всякого умысла глянул на витрину «М-Видео», полную всяческой электроники.

В витрине помимо всего прочего было выставлено три телевизора. Именно в тот момент, когда Семен на них поглядел, изображение с экранов всех трех синхронно исчезло и сменилось одинокой строкой с текстом: «Семен! Вернись!»

Он вздрогнул, втянул голову в плечи и ускорил шаг.

«Чертовщина какая-то, — думал Семен, приближаясь к остановке. — Вся моя жизнь в последние месяцы — сплошная техногенная чертовщина!»

Юркнув в подходящую маршрутку, Семен с некоторым облегчением умостился в кресле. Однако в следующее мгновение от облегчения не осталось и следа: на экранчике «Маршрут-ТВ» после очередного рекламного ролика возникла надпись: «Семен! Не убивай меня!»

И подпись: «Небо-ТФ».

У Семена внутри все замерло.

Из маршрутки он пулей выскочил на ближайшей же остановке и дальше решил добираться пешком, избегая вездесущих экранов. Едва он свернул на Сиреневый бульвар, зазвонил мобильник. Обычный, московский, первая симка.

«Номер не определен», — прочел Семен на экранчике и подрагивающими руками утопил кнопку питания. Утопил и удержал.

Трель прервалась, экранчик погас. Телефон выключился.

Минут пятнадцать Семен шагал по Сиреневому, ежесекундно ожидая какого-нибудь подвоха и с подозрением косясь на витрины магазинов. Он специально вышел в центр бульвара, подальше от возможных видеокамер.

Идея зайти за вещами уже казалась ему плохой, но в девяносто пятую квартиру стандартной шестнадцатиэтажки-свечки между Седьмой и Пятой Парковыми попасть все равно было нужно: там остался украинский паспорт.

Пробираясь туда, Семен чувствовал себя Бучем из «Криминального чтива», вернувшимся за отцовскими часами. Тем не менее ни Винса Веги, ни его пушки с огроменным глушителем дома не обнаружилось, даже в туалете. Семен наскоро похватал вещи, ключи повесил в коридоре на гвоздик, вышел и захлопнул двери.

Теперь он мог вернуться, только взломав замок. Эдакий маленький Рубикон.

На бульваре Семен поймал машину, потому что втайне побаивался новых текстовых посланий от шефа — например, в вагоне метро, бегущей строкой.

Неразговорчивый кавказец гнал «жигуль»-универсал чуть ли не дворами — на основных улицах уже начали формироваться добротные вечерние пробки. Тем более что в правом ряду то и дело попадались стоящие троллейбусы. Даже МКАД, как выяснилось чуть позже, еле полз.

На юге, примерно в районе Битцы и Варшавки, водитель в очередной раз свернул на заправку — но эта, как и несколько предыдущих, не работала.

— Нет света, — флегматично сообщил рабочий у бензоколонок.

«Нет света, — эхом отдалось в голове у Семена. — Рванули-таки подстанцию? Или просто совпадение?»

Семен еще не знал, что примерно в эти же минуты обрушились Останкинская башня и Крымский мост, а в подвалах высотного дома на Котельнической набережной впервые с момента постройки отключились криогенные установки, за-

мораживающие грунт под фундаментом. Вопрос сползания дома в реку стал просто вопросом времени. И это было далеко не все, что произошло в этот день в Москве.

Но Семен пока верил, что еще до полуночи куда-нибудь улетит.

— Слюшай, и мобила не работаит! — с сильным акцентом сообщил водитель. — Я брату хотел пазванить, а мобила гаварыт — нэт сэти! И бэнзын нэт савсэм! Сыды, я тыбе сыйчас сам машина поймаю, раз до Внуково нэ довез!

3

Сеть начала ловиться ближе к Туле. В Москве, налаженная жизнь которой рухнула в мгновение ока, вряд ли что-либо восстановят во внятные сроки, там творятся форменные ужасы, и Семен правильно сделал, когда решил уходить на юг пешком. Хорошо, что он догадался захватить на разгромленной бензозаправке карту автодорог — GPS подзарядить было попросту негде, а на тех же бензоколонках мародеры забирали в первую очередь батарейки — валюту нового времени. В первый день он даже пытался голосовать, но, во-первых, на дороге почти не было движения, а те редкие автомобили, которые все-таки встречались, ехали как раз к Москве. Надо думать, народ из провинции тоже решил помародерствовать в павшей столице. В общем, заслышав шум двигателя Семен теперь благоразумно сходил с дороги на обочину и старался укрыться за деревьями.

Ну его...

Батарейки в найденном китайском приемничке Семен экономил как мог — приемничек был единственной нитью, связывавшей его с остальным миром. Он нашел станцию, которая передавала только новости штаба по преодолению катастрофы, и слушал ее по несколько минут в день, цепенея от растерянности и страха. Случившееся не умещалось в голове — теракт на обыкновенной энергетической подстанции, превышение нагрузки на соседних, веерное отключение сначала на востоке, потом на севере и юго-востоке Москвы, потом вообще во всей Москве и области и даже кое-где в прилегающих областях.

Останкинскую башню и еще много что взорвали просто в силу того, что легла электроника и террористов с самодельными бомбами просто не смогли вовремя переловить, да и вообще потому что воцарился форменный хаос. Отключилось все, от мобильных сетей до обыкновенного освещения. И тогда выяснилось, что без электричества невозможно сделать ничего. Вообще ничего. Люди становятся бессильными.

Нет, разумеется, кое-где добросовестно включились и некоторое время исправно тарахтели автономные генераторы. Но топливо к ним имеет весьма неприятное свойство иссякать, а подвоз нового быстро стал невозможен.

Семен точно не знал, что сейчас творится в Москве, однако воображение услужливо подсовывало ему множество очень красочных картин в духе киношной постъядерной апокалиптики.

И скорее всего эти картины были недалеки от истины.

Заряд в батарее мобильника Семен тоже экономил. До сих пор сеть виделась дважды, и это не была сеть «Небо-ТФ». Дважды ловился «МТС» и однажды «Мегафон».

Сейчас «Nokia-VAIO» поймала слабенький сигнал тульского «Билайна».

Ни на что особо не надеясь, Семен влез в записную книжку симки «Неба-ТФ» и попробовал набрать единственный номер, который даже не отображался.

Одинокий человек на обочине пустынной дороги, жмущий на кнопку с нарисованным зеленым телефончиком.

2010–2011
Николаев — Москва

Александр и Надежда Навара

ВОЛОСОВ ОВРАГ

К точке высадки подошли в предрассветных сумерках. Убрали обороты и, не глуша мотор, пустили катер сползать по течению. Двое с кормы перебрались в «уфимку», третий остался на борту. Быстро и умело выгребли на траверз протоки. Под мостик уходить не стали — загнали лодку прямо на булыжники пологой насыпи. Тенями метнулись на набережную, пересекли открытый участок и скрылись за деревьями. Меж тем катер сплыл ниже. Линь между судёнышками натянулся и выволок резинку на воду. Через минуту-другую она снова болталась за кормой. Спарка прибавила ход и убралась восвояси. Как будто ничего и не было.

Вариант сухопутного вторжения Неупокоев зарубил почти сразу. Сказал как отрезал:

— Через изгородь не полезу. Хлопотно и несолидно. — Помолчал немного и уже мягче добавил: — На проспекте светло, как днём. Если нас застукают, представляете, что начнётся?

Положим, насчет хлопот Валерий Митрофанович преувеличил. В свои пятьдесят с гаком ни силы жилистой, ни сноровки многолетней не растерял, любой барьер возьмёт на раз. По второму пункту — в точку. Патрули, как мухи, на свет летят. Конфликт с «органами» застарелый принципиальный. Верх глупости дарить противнику шанс поиздеваться: «Глядите-ка, господа, какой улов мы поутру с ограды сняли». И пошло-поехало, газетным троллям только повод дай.

Радзиховский не нашёлся, что возразить. Пожал плечами и надулся, отчего ещё больше стал походить на унылого городского сизаря на морозе.

Странный человек. Взялся обеспечить пропуска на территорию, всячески тянул резину и только в последний момент

© А. Навара, Н. Навара, 2011.

объявил — не срослось. Теперь, видишь, обиделся. Хотя в группе-то он давно, и если Неупокоев до сих пор терпит его фортели, значит, причина есть.

Впрочем, третьего участника оперативки сейчас меньше всего интересовали внутренние тёрки шефа и Радзиховского. Вот-вот прозвучит — будем переносить. Такой вариант Алексея решительно не устраивал. Кому сказать, каких усилий ему стоило попасть в команду. Сколько он ждал и готовился к первой вылазке. И что, облом? Нет уж!

Он заставил себя собраться. Выбрал из вороха бумаг на столе распечатку с Гугл-мап, ту, на которой вид со спутника, и принялся вертеть и так, и эдак.

Неупокоев изогнул бровь, чего это парень засуетился. Спрашивать не стал, не имел привычки торопить с мыслями. Щёлкнул зажигалкой, прикурил сигарету, пустил дым тонкой струйкой.

— Можно зайти с реки, — наконец объявил Алексей, положил лист поверх других и упёр палец в нужную точку. — Вот здесь.

Радзиховский посмотрел на карту и забубнил:

— Мелководье. Катер застрянет... Набережная хорошо просматривается...

— Молодой человек дело говорит, — перебил его шеф и тут же развил идею: — Высаживаться будем с надувной лодки. Открытая набережная не минус, а плюс. Они видят нас, мы — их. Так что, коллега, готовьте плавсредства.

Опасный участок проскочили, теперь можно не суетиться и спокойно выбрать удобный путь.

— Что это у вас позвякивает? — тихо осведомился Неупокоев, пользуясь краткой остановкой.

Алексей мысленно посетовал и на собственную нерадивость, и на обострённый слух шефа — брякнуло-то всего раз-другой. Тем не менее ответил честно:

— Гайки.

— Гайки... — озадачился тот, потом сообразил: — Ну, конечно. Гайки!

Темнота скрывала выражение его лица, но парень готов был поклясться — шеф улыбается, причем ехидно.

— Переложите получше, чтоб не гремели. Я подожду вас.

Вот так. Кто другой мог и отчитать за увлечение кустарными антинаучными методами. Выходит, недаром Алексей стремился попасть именно в эту команду. Валерий Митрофанович — мужик с понятием.

Для него визит в Коломенское — всего лишь рабочий эпизод, да, видно, не позабылось, как сам начинал. Это теперь он — Неупокоев Валерий Митрофанович — авторитетнейший специалист по изучению аномальных явлений. Это сегодня за его плечами штурм урочища Шайтан-Мазар, экспедиции в район Тунгуски, охота на йети и множество других разгаданных или по-прежнему не поддающихся объяснению феноменов. А тридцать с лишним лет назад был он просто Валеркой, зелёным юнцом, стыдящимся собственной неопытности и страха неизведанного. Потому и не стал унижать молодого коллегу.

В конечном итоге какая разница, что помогает нам обрести уверенность: знание, молитва или мешочек гаек с ленточками. Главное — ни при каких обстоятельствах нельзя разочаровывать человека. Пусть лучше считает рутинный выход в поле опасным предприятием, чем махнёт на всё рукой. Аномалия есть аномалия и пренебрежительного скепсиса не терпит. В середине девяностых во время замеров чуть было не случилась трагедия. Один из сотрудников Института общей физики расслабился и, судя по всему, чем-то спровоцировал лептонный выброс. Образовалась кратковременная левитационная каверна, учёного подкинуло в воздух метра на три и швырнуло оземь. Повезло, не убился.

В последующие годы активности геопатогенная зона почти не проявляла, и тем не менее интерес к ней не пропал. Собственно, на прошлой неделе энтузиасты-любители забомбили Неупокоева сообщениями об электромагнитных флуктуациях, неестественном свечении облаков и появлении шаровых молний в районе аномалии, вот он и решил лично проверить, что да как.

Понятное дело, просить администрацию музея-заповедника в разгар сезона перекрыть народу доступ к популярной

достопримечательности и разрешить исследовательской группе провести хотя бы суточный мониторинг объекта бессмысленно. Ну и ладно, аномальщикам к партизанщине не привыкать. На территорию проникли, остаётся добраться до камней, произвести замеры, установить и замаскировать аппаратуру. А дней через пяток тем же макаром её снять.

От деревьев на склоне спустились в низину к ручью. Тут можно идти открыто. Голосов овраг тянется строго с запада на восток и отделяет цивилизованную часть Коломенского от дикой. Сюда охрана ни по ночам, ни в сумерки не заглядывает. Гоняет непрошеных гостей на дальних подступах. Почему так? Наследственная неприязнь к «нечистому месту», почитай, с тысяча шестьсот двадцать первого года.

Тогда у ворот государева дворца невесть откуда появился потрёпанный отрядишко татарских всадников. Стрельцы не растерялись и повязали лихоимцев. Те плели околесицу, дескать, мы — воины великого хана Давлет-Гирея. Бред! Хан-то помер давным-давно. Воевода князь Воротынский знатно навернул беспокойному бахчисарайцу под Серпуховом почти полсотни лет назад, а опосля тот и не долго прожил. В общем, дело политическое, царь Михаил Фёдорович велел учинить розыск с дознанием. Басурмане как один клялись: хан вёл нас на Москву, не заладился набег, ночью драпанули от Лопасни, спустились в овраг, низом шли всего несколько минут. Почему полвека скакали? Не знаем, дьяк-батюшка, шибкий туман был, зеленоватый такой. Пришлось поверить. Под пытками обычно врут не в унисон, а разноголосицей. Да и оружие с амуницией у крымчаков оказалось шестнадцатого столетия.

Скажете — сказки. Хорошо, а как насчёт архивов полицейского управления Московской губернии? Поройтесь в документах по Коломенской волости, люди исчезали в районе аномалии и в девятнадцатом, и в двадцатом веке. И дела эти расследовались как положено. Один раз даже переусердствовали.

В тысяча восемьсот десятом году мужички из деревни Садовники, Архип Кузьмин и Иван Бочкарев, возвращались домой под градусом. Решили срезать дорогу и свернули в овраг. Срезали. На двадцать один год. Постаревшие родственники признали пропавших мужей-отцов, когда те заявились в

деревню. Полиция озадачилась, что делать: по всему выходит — беглые, но к барину-то вернулись. В своё оправдание твердят: шли прямо, понали в туман зелёный, заблудились, дорогу к деревне нам черти волосатые показали. Почему задержка вышла, не можем знать. Складно врут. Для острастки решили устроить следственный эксперимент, а там уж и вывести прохиндеев на чистую воду. При свидетелях привели мужиков в овраг и заставили одного из них снова войти в туман. Больше его никто не видел. Другой же, потеряв товарища, закручинился, запил и вскоре повесился. «Московские ведомости» раструбили о случае на весь мир, и полиции потом долго икалось.

Кстати о волосатых чертях. В тысяча девятьсот двадцать шестом году у оврага милиционер столкнулся нос к носу со здоровенным покрытым шерстью гуманоидом. С перепуга начал палить в него из нагана, разрядил весь барабан. Без толку, чудище растворилось в тумане. Милиционер доложил о происшествии. Дело, естественно, постарались замять, но пошли слухи. Появилась статья Рязанцева «Пионеры ловят лешего», и понеслось.

В общем, у правоохранителей выработалась стойкая неприязнь к аномалии.

Пока шли вдоль ручья, изрядно посветлело. Алексей дорогой размышлял об этимологии названия оврага. То ли оно ведёт начало от искажённого имени божества (Велес, к слову, был гиперволосат) или всё же от призрачных голосов и звуков, которые здесь частенько слышали. Сам он склонялся к последней версии. Да и Неупокоев любил повторять: за любой мистической завесой скрывается неизученная форма взаимодействия материи и энергии. Вот, к примеру, вода в ручье не замерзает даже в сильнейшие морозы, летом и зимой имеет постоянную температуру в четыре градуса. Исследователи видят причину феномена в уникальных физико-химических условиях комплекса аномалии, а народ утверждает: в овраге Георгий Победоносец со Змеем бился, родники, что ручей питают, суть следы от копыт коня святого.

Парень так увлёкся рассуждениями, что и не заметил, как дошли до места. Неупокоев резко остановился, и Алексей налетел на его спину. Можно считать — единственное приклю-

чение по дороге. Не понадобились гаечки, и туман в овраге обычный. Утренний, серо-молочный.

— Решайте, коллега, — невозмутимо объявил шеф. — Какой вам?

Камни. Доисторические, многотонные, вросшие в землю. Наружу торчат только верхушки. Тот, что рядом и с виду вполне обыденный, если не считать начертанных знаков невыясненного происхождения, — Гусь. Над ним на склоне оврага лежит Девичий — рельефно пластинчатый, словно черепаший панцирь. Вот и выбирай.

В принципе с Гусём работать сложнее. Артефакт почти пассивен, хотя кое-кто и считает: валун усиливает и восстанавливает мужскую потенцию. Снять показания со второго — его ещё называют Перунов — куда проще. Проще и спровоцировать скрытую в камне силу. Да, задал шеф дилемму.

Неупокоев заметил замешательство напарника и предложил:

— Давайте так. Вы идёте наверх. Делаете предварительные замеры и намечаете места под аппаратуру. Я к вам присоединюсь, как только тут закончу. Годится?

Алексей кивнул и начал взбираться по тропке. Достал и загодя включил магнитометр. Ого, даже здесь средняя напряжённость поля раз в шесть превышала стандартную, и сигнатура — дёрганая. Парень притормозил и счёл долгом предупредить шефа:

— Валерий Митрофанович, Гусь пульсирует.

— Спасибо, уже вижу, — откликнулся тот. — Работаем.

Алексей добрался до первой хворостины, унизанной разноцветными лентами.

Культ древнего бога? Да нет, всё куда сложней и деликатней. Если потеряла надежду, иди в Коломенское, повяжи ленту, посиди на камне, и он заберёт бабьи хвори, дарует тебе счастье родить.

На подходе прибор фиксировал постоянно растущую активность, а здесь — провал. Пару шагов в сторону, и показания восстановились. Та же картина повторилась и у следующего символа веры. Алексей осторожно прошёл полукругом и тщательно записал результаты. Для верности продублировал обход со счётчиком Гейгера. Без сюрпризов — норма, если

можно считать нормальным полное отсутствие естественного радиационного фона. Ладно.

Прежде чем снимать показания непосредственно с артефакта, парень расстелил на земле кусок брезента и выложил поверх аппаратуру, что до поры оставалась в рюкзачке. Затем прикинул удобные места для закладок, достал из чехла на поясе сапёрную лопатку и принялся аккуратно подрезать дёрн.

Обычно спокойный Гусь вёл себя более чем странно. Поначалу электромагнитное поле пульсировало короткими рваными пиками, затем генерация упорядочилась и пошла по нарастающей. Похоже, артефакт вошёл в резонанс.

Неожиданно раздался сухой треск, искра статического разряда сбила какое-то насекомое, неосторожно пролетавшее над камнем. Неупокоев невольно попятился. Тревожно запищал индикатор лептонов, и человек почувствовал острый прилив холода к ногам. Опустил взгляд. Оказалось, он по щиколотку стоит в густеющем зеленоватом тумане. Та же субстанция волнами переваливала через невысокий каменный парапет ручья, словно жидкий азот из открытого сосуда Дьюара, и тянулась к валуну.

Всё так же пятясь, аномальщик быстро поднялся выше по склону и обернулся.

Напарник стоял на коленях и увлеченно орудовал лопаткой, а в десятке метров за его спиной проснулся Девичий. Панцирные бугры на поверхности артефакта ожили, задышали, налились багрянцем.

Неупокоев уже и позабыл, когда в последний раз передвигался с такой скоростью. И так орал.

— Лёшка! Уходи от камня! Немедленно!!!

Парень и выпрямиться-то до конца не успел, как он поравнялся с ним, сграбастал за шиворот и поволок за собой.

Выскочили из оврага. Неупокоев резко тормознул и прохрипел:

— Хронометр... механический... включи.

Алексей машинально выполнил команду и только потом сообразил посмотреть, от чего же они бежали.

Девичий искрился коронными разрядами. Бугры на его поверхности вздувались и лопались, рождая шаровые молнии.

Парень перевёл взгляд ниже. Там на дне оврага прямо над Гусём набухал, питаясь туманом, зеленоватый кокон. Заострённая верхушка кокона округлилась, основание сплюснулось и раздалось вширь. В центре ближе к низу образовалось растущее тёмное пятно.

— Валерий Митрофанович, оно меняется, — горячо шепнул Алексей.

— Кто?

— Да вот же, над Гусём. — Парень ткнул в сторону артефакта. — Было веретено, а теперь вроде похоже на арку.

Неупокоев внимательно посмотрел вниз, потом на напарника и мягко, словно больного уговаривая, попросил:

— Алеша, пожалуйста, отойди от обрыва. У тебя начались галлюцинации. Так бывает, поверь моему опыту. Надо посидеть, собраться, и пройдёт.

Убедился, что тот отошёл от края, и продолжил наблюдения.

Алексей схитрил. Садиться не стал и назад шагнул ровно на столько, чтобы не потерять из виду происходящее над камнем. Украдкой надавил пальцем на глазное яблоко. Арка, нет, скорее, уже пещера послушно раздвоилась.

Выходит, глючит кто-то другой. Да разве шефу такое скажешь!

Парень тихо подвинулся чуть вперёд — лучше видно и Неупокоева успеет перехватить, если что.

Из тёмноты пещеры медленно выползло сотканное из тумана отвратительное создание. Сильное чешуйчатое тело на широко поставленных когтистых лапах, ряд гребенчатых пластин вдоль спины, подвижная шея, приплюснутая голова с широченной пастью и длинный заострённый хвост.

Навстречу гаду поплыла шаровая молния. Внутри плазменного сгустка началось какое-то движение. Он раздулся и лопнул. Серебристо-голубой огненный всадник нацелил копьё и ринулся на Змея.

Меж тем Неупокоев невозмутимо достал коммуникатор и принялся водить стилосом по экрану, словно и не заметил происходящего.

Алексей еле удержался от крика: «Какого чёрта вы возитесь?! Фотографировать надо!»

Выхватил собственный мобильник. Аккумулятор — в ноль, а был под завязку. Зараза!

«Ну, почему, почему же он медлит?!»

И тут парня посетила простая и ясная мысль: Неупокоев ничего не видит, артефакт выбрал только его, Алексея.

В овраге кипела яростная битва. Противники сшибались раз за разом.

Всадник никак не мог пробить шкуру чудища. Отступал, уворачивался от ударов хвоста и снова шёл в атаку. Постепенно его скакун начал уставать. Бока животного ходили кузнечными мехами. Он замедлил движения. И тут Змей метнулся вперёд и всей массой впечатался в коня. Тот не выдержал напора и завалился. Молниеносный удар хвоста наискось вспорол ему брюхо. Агонизирующее животное забило копытами.

В падении всадник отчаянно ткнул копьём наугад. Попал рептилии в шею. Хлынула кровь. Монстр судорожно дёрнулся. Древко хрустнуло и переломилось.

Змей отскочил в сторону и, пятясь, встал на дыбы. Взревел и попытался дотянуться передней лапой до застрявшего в чешуйчатых пластинах наконечника. Не вышло. Тогда он стал кататься по земле. Изворачивался, гнул шею из стороны в сторону, тряс уродливой башкой, размахивал лапами и бил хвостом. Наконец ему как-то удалось избавиться от стальной занозы.

Всаднику повезло меньше. Он так и не сумел высвободить придавленную тушей коня ногу. Того хуже — и врага не убил, и единственного оружия лишился.

Змей развалистой крокодильей походкой неторопливо приблизился к беззащитному бойцу. Остановился, навис над жертвой и задрал вверх голову.

Холодный презрительный взгляд рептилии остановился на человеке у края обрыва, и тот явственно прочел в нём приговор.

Пощады не будет. Никому.

Сознание затопила волна безудержного отвращения и гнева, и он ринулся навстречу первобытному ужасу. В битву. За огненного всадника, за себя, за свой мир.

Алексей летел вниз по склону, раскручивая, словно пращу, мешочек с гайками. Оступился и всё же, падая, метнул

снаряд. Покатился кубарем, врезался в Девичий камень и потерял сознание.

Бело-голубое копьё чистейшей энергии пронзило и Змея, и змеиное логово над Гусём.

— Лёша! Очнись. Да очнись же!

Он открыл глаза.

— Наконец-то! — облегчённо выдохнул Неупокоев и тут же строго приказал: — Не вздумай подниматься, лежи и не двигайся. Я сейчас вызову «скорую».

— Не надо «скорой», — тихо попросил Алексей. — Я в порядке.

— В порядке он. С такой кручи штопором навернулся — и в порядке. — Шеф вытащил из пачки сигарету, нервно щёлкнул зажигалкой, прикурил и глубоко затянулся. — Я же тебе говорил, отойди от обрыва. Радуйся, что жив остался. Лётчик, блин. Сильно разбился-то?

— Да нет. Правда. — Алексей улыбнулся. — Всё нормально.

Опёрся о землю руками, сел и привалился спиной к тёплому валуну.

«Теперь всё. Нормально».

Сергей Лукьяненко

ПРОРОК И СУМРАК

Данный текст сомнителен для Дела Света.
Ночной Дозор.

Данный текст сомнителен для Дела Тьмы.
Дневной Дозор.

Пролог

Старший сержант Дима Пастухов был хорошим полицаем.

Случалось, конечно, что он воспитывал обнаглевших пьяниц мерами, не предусмотренными уставом, — к примеру, хорошими зуботычинами или пинками. Но только в том случае, когда пьяница всерьез начинал качать права или отказывался следовать в вытрезвитель. Дима не брезговал пятихаткой, вытрясенной у не имеющего регистрации хохла или чурека, — в конце концов, если зарплата полицейского такая нищенская, пусть нарушители платят штраф ему лично. Он ничего не имел против, когда в забегаловках на подотчетной территории ему вместо стаканчика воды наливали рюмочку коньяка, а с сотни давали тысячу рублей сдачи.

В конце концов, служба есть служба. Она и опасна, и трудна. И на первый взгляд как будто не видна. Должно быть материальное поощрение.

Но зато Дима никогда не выбивал денег с проституток и сутенеров. Принципиально. Было что-то в воспитании, мешающее этим заниматься. Слегка подвыпивших, но сохранивших рассудок граждан Дима зазря в вытрезвитель не тащил. А узнав о реальном преступлении — не раздумывая бросался в погоню за грабителями, честно искал улики, подавал рапорта о мелких кражах (если пострадавшие настаивали, ко-

© С. Лукьяненко, 2011.

нечно), старался запомнить лица тех, кого «разыскивает полиция». У него были на счету задержанные, включая настоящего убийцу — зарезавшего вначале любовника жены, что простительно; потом жену, что понятно; а потом бросившегося с ножом на соседа, который и сообщил ему о неверности супруги. Возмущенный такой неблагодарностью сосед заперся в квартире и позвонил в «ноль-два». Приехавший на вызов Пастухов задержал убийцу, бессильно колотящего в железную дверь хилыми, пусть и перемазанными в крови интеллигентскими кулачками, а потом долго боролся с желанием вытащить на лестницу соседа-провокатора и начистить ему физиономию.

Так что Дима считал себя хорошим полицейским — и был не так уж далек от истины. На фоне некоторых коллег он выглядел прилежным, словно милиционер Свистулькин из старой книжки про Незнайку в Солнечном городе.

Единственное пятно в служебной биографии Димы относилось к январю девяносто восьмого года, когда он, совсем еще молодой и зеленый, патрулировал вместе с сержантом Каминским район ВДНХ. Каминский был вроде как наставником молодого милиционера (тогда еще они назывались милиционерами или попросту «ментами», не было ни модного «полицейского», ни обидного «полицая») и этой своей ролью очень гордился. В основном его советы и назидания сводились к тому, как и где можно легко подзаработать. Вот и в тот вечер, увидев спешащего из метро в переход молодого пьяненького мужика (даже в руке у него была початая чекушка дешевой водки), Каминский радостно присвистнул, и напарники двинулись наперехват. По всему было ясно, что пьяница сейчас расстанется с полтинником, а то и со стольником.

Но что-то не заладилось. Чертовщина какая-то началась. Пьяненький посмотрел на них неожиданно трезвым взглядом (трезвым-то трезвым, только во взгляде было что-то страшноватое, дикое, будто у давно разуверившейся в людях дворовой собаки) и посоветовал напарникам напиться самим.

И они послушались. Пошли к ларькам (последние годы ельцинского бардака истекали, но водку еще продавали прямо на улице) и, хихикая как ненормальные, купили по бутылочке — такой, же как у пьяницы, подавшего дельный совет. Потом еще по одной. И еще.

Через три часа их, веселых и остроумных, забрал с улицы свой же патруль — и это спасло Пастухова и Каминского. Влетело им не по-детски, но из милиции все-таки не выперли. Каминский с тех пор совсем завязал и божился, что встречный пьяница был гипнотизером или даже экстрасенсом. Пастухов напраслину на мужика не возводил и пустых догадок не строил. Но запомнил его крепко.

Исключительно с той целью, чтобы не попадаться на пути.

То ли дурацкая и позорная пьянка так запомнилась, то ли в Пастухове прорезались неожиданные способности, но через какое-то время он стал замечать и других людей со странными глазами. Для себя Пастухов называл их «волками» и «псами».

У первых во взгляде было спокойное равнодушие хищника — не злобное, нет, волк задирает овцу без злобы, а скорее даже с любовью. Таких Пастухов просто сторонился, стараясь при этом не привлечь внимания.

У вторых, больше похожих на давнего молодого пьянчужку, был собачий взгляд. Иногда виноватый, иногда терпеливо-заботливый, иногда грустный. Пастухова смущало только одно: собаки так смотрят не на хозяина, а в лучшем случае на хозяйского детеныша. Поэтому Пастухов сторонился и их тоже.

Довольно долго это ему удавалось.

Если дети — цветы жизни, то этот ребенок был цветущим кактусом.

Орать он начал, едва войдя в разошедшиеся двери «Шереметьево D». Красная от злости и стыда мать (очевидно, крик возобновлялся не в первый раз) тащила его за руку — но мальчишка, откинувшись назад, упирался обеими ногами и вопил:

— Не хочу! Не хочу! Не хочу лететь! Мамочка, не надо! Мамочка, не хочу! Мамочка, самолет упадет!

Мать отпустила руку — и мальчишка грохнулся на пол, где и остался сидеть: толстый, зареванный, некрасивый ребенок лет десяти, одетый чуть легче, чем следовало бы по московской июньской погоде, — явно полет предстоял в теплые края.

Метрах в двадцати от них сидящий за столиком кафе мужчина приподнялся, едва не опрокинув недопитую кружку пива. Несколько мгновений смотрел на мальчика и что-то втолковывающую ему мать. Потом сел и негромко сказал:

— Это ужасно. Это просто кошмар.

— Я тоже так считаю, — поддержала его молодая женщина, сидевшая напротив. Отставила чашку кофе и неприязненно посмотрела на мальчишку. — Я бы даже сказала — омерзительно.

— Ну, омерзительного я тут ничего не вижу, — мягко сказал мужчина. — Но что ужасно... это вне всяких сомнений...

— Лично я... — начала девушка, но умолкла, увидев, что мужчина ее не слушает.

Он достал телефон, набрал номер. Негромко сказал:

— Мне требуется первый уровень. Первый или второй. Нет, не шучу. Поищите...

Прервав связь, он посмотрел на девушку и кивнул:

— Извините, срочный звонок... Что вы говорили?

— Лично я — чайлд-фри, — сказала девушка с вызовом.

— Свободны от детей? Бесплодны, что ли?

Девушка замотала головой:

— Распространенное заблуждение! Мы, чайлд-фри, против детей, потому что они порабощают. Надо выбирать — либо ты свободная гордая личность, либо социальный придаток к механизму воспроизводства населения!

— А, — кивнул мужчина. — А я было подумал... проблемы со здоровьем. Хотел посоветовать хорошего врача... Ну а секс вы признаете?

Девушка заулыбалась:

— Ну разумеется! Что мы, асексуалы какие-то? Секс, супружеская жизнь — все это хорошо и нормально. Просто... связывать себя с этими орущими, бегающими...

— Гадящими, — подсказал мужчина. — Они ведь еще гадят непрерывно. И сами даже задницу подтереть не могут поначалу.

— Гадящими! — согласилась девушка. — Именно так! Провести лучшие годы за обслуживанием нужд неразвитых человеческих особей... Надеюсь, вы не собираетесь читать мне мораль и убеждать, что я одумаюсь и заведу кучу ребятишек?

— Нет, не собираюсь. Я вам верю. Я абсолютно убежден, что вы доживете жизнь бездетной.

Мимо прошел мальчишка с матерью — то ли слегка успокоившийся, то ли, что вероятнее, просто смирившийся с тем, что полет состоится. Мать вполголоса выговаривала сыну — доносилось что-то про теплое море, про хороший отель и корриду.

— О Господи! — воскликнула девушка. — Они еще и в Испанию... похоже, мы одним рейсом. Вы представляете, три часа слышать истерические визги этого маленького жирдяя?

— Полагаю, что не три, — сказал мужчина. — Час десять, час пятнадцать...

На лице девушки появилось легкое презрение. Мужчина выглядел вполне успешным, как можно не знать при этом самых банальных вещей...

— До Барселоны самолет летит три часа.

— Три двадцать. Но допустим...

— А вы куда летите? — Девушка стремительно утрачивала к нему интерес.

— Никуда. Я провожал приятеля. Потом присел выпить кружку пива.

Девушка поколебалась.

— Тамара. Меня зовут Тамара.

— Меня зовут Антон.

— У вас ведь наверняка нет детей, Антон? — спросила Тамара, все никак не желая расставаться с любимой темой.

— Ну почему же? Есть. Дочка. Наденька. Ровесница этого... жирдяя.

— То есть позволить супруге остаться здоровой и свободной женщиной вы не захотели? — усмехнулась Тамара. — Кто она у вас?

— Супруга?

— Ну не дочка же...

— По образованию — врач. А так... волшебница.

— Вот что я в вас, мужиках, не люблю, — вставая, произнесла Тамара, — так это пошлые красивости. «Волшебница!» А сами довольны небось, что она у плиты горбатится, пеленки стирает, ночей не спит...

— Доволен. Хотя пеленки сейчас никто не стирает, подгузники давно в ходу.

При слове «подгузник» лицо девушки перекосилось, будто ей предложили съесть пригоршню тараканов. Она подхватила сумку и не прощаясь пошла к стойке регистрации.

Мужчина пожал плечами. Взял телефон, поднес к уху — и тот немедленно зазвонил.

— Городецкий... Совсем? Нет, третий уровень никак. Полный чартер до Барселоны. Можно принять, что это второй... Нет?

Он помолчал. Потом сказал:

— Тогда мне одно седьмое. Нет, вру. У мальчишки дар предвидения второго-первого уровня. Темные упрутся рогом... Одно вмешательство пятого уровня — изменение судьбы одного человека и одного Иного... Хорошо, запишите на меня.

Он встал, оставив недопитый бокал на столе. Пошел к стойке регистрации, где рядом с матерью, замершей с каменным лицом в очереди, нервно переминался с ноги на ногу толстый мальчишка.

Мужчина прошел мимо контроля (почему-то его никто даже не попробовал остановить), приблизился к женщине. Вежливо кашлянул. Поймал ее взгляд. Кивнул.

— Ольга Юрьевна... Вы забыли выключить утюг, когда утром гладили Кеше шортики...

На лице женщины отразилась паника.

— Вы можете улететь вечерним чартером, — продолжал мужчина. — А сейчас вам лучше съездить домой.

Женщина дернула сына за руку — и рванулась к выходу. Мальчик, про которого она, похоже, напрочь забыла, широко раскрытыми глазами смотрел на мужчину.

— Хочешь спросить, кто я и почему твоя мама мне поверила? — спросил мужчина.

Глаза мальчика затуманились — будто посмотрели не то внутрь, не то куда-то далеко-далеко наружу — куда не стоит заглядывать воспитанным детям (впрочем, и невоспитанным взрослым туда смотреть без нужды не стоит).

— Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг, — сказал мальчик. — Вы отец Надьки. Вы... вы нас всех...

— Ну? — с живым интересом спросил мужчина. — Ну, ну?

— Кеша! — завопила внезапно вспомнившая о сыне женщина. Мальчик вздрогнул, туман в его глазах рассеялся. Он сказал:

— Только я не знаю, что все это значит... Спасибо!

— Я вас всех... — задумчиво сказал мужчина, наблюдая, как женщина с ребенком несется вдоль стеклянной стены аэропорта к стоянке такси. — Я вас всех люблю. Я вас всех убью. Я вас всех достал. Я вас всех... Как же я вас всех...

Он развернулся и неторопливо пошел к выходу. На входе в «Зеленый коридор» остановился и посмотрел на очередь, выстроившуюся к стойке регистрации на Барселону.

Очередь была большая и шумная. Люди летели отдыхать к морю. В очереди было много детей, много женщин, много мужчин и даже одна девушка чайлд-фри.

— Спаси вас бог, — сказал мужчина. — Я не могу.

Дима Пастухов как раз достал зажигалку, чтобы дать прикурить своему напарнику Бисату Искендерову. Своя зажигалка у того была — просто уж так у них повелось. Доставал сигарету Дима — за огоньком лез Бисат. Собирался закурить азербайджанец — зажигалку подносил Дима. Если бы Пастухов был склонен к интеллигентской рефлексии, он мог бы сказать, что таким образом они демонстрируют друг другу взаимное уважение, несмотря на расхождение по очень многим взглядам — начиная от национальных проблем и кончая тем, какая машина круче — «Мерседес-ML» или «БМВ-Х3».

Но Дима к таким размышлениям склонен не был, ездили они с Бисатом на «Фордах», немецкое пиво предпочитали русской водке и азербайджанскому коньяку, а относились друг к другу достаточно дружески. Так что Дима нажал на кнопку, извлекая крошечный язычок пламени, мимолетно глянул на выход из аэропорта — и выронил зажигалку, к которой уже тянулась сигарета приятеля.

Из дверей зала отлета выходил «пёс». Нестрашный, интеллигентного вида мужчина средних лет. К таким Пастухов привык, но это был не просто «пёс» — а тот самый... с ВДНХ... из далекого-далекого прошлого... Сейчас он пьяным не выглядел, скорее — немного похмельным.

Пастухов отвернулся и стал медленно нашаривать на земле зажигалку. Мужчина с глазами сторожевого пса прошел мимо, не обратив на него никакого внимания.

— Пил вчера? — сочувственно спросил Бисат.

— Кто? — пробормотал Пастухов. — А... нет, просто зажигалка скользкая...

— У тебя руки трясутся, и ты белый весь стал, — заметил напарник.

Пастухов наконец-то дал ему прикурить, краем глаза проследил, что мужчина уходит к автостоянке, достал сигарету и закурил сам — не дожидаясь Бисата.

— Чёт ты странный... — сказал Бисат.

— Да, выпил вчера, — пробормотал Пастухов. Снова посмотрел на здание аэропорта.

Теперь оттуда выходил «волк». С уверенным хищным взглядом и твердой походкой. Пастухов отвернулся.

— Хаш надо есть поутру, — наставительно сказал Бисат. — Только правильный хаш, наш. Армянский — отрава!

— Да они у вас одинаковые, — привычно ответил Пастухов.

Бисат презрительно сплюнул и покачал головой:

— Только на вид, да. А по сути — совсем разные!

— По сути они, может, и разные, а на самом деле — одинаковые, — глядя вслед «волку», тоже прошедшему к стоянке, ответил Дима.

Бисат обиделся и замолчал.

Пастухов в несколько затяжек докурил сигарету и снова посмотрел на двери аэропорта.

Первая мысль была злой и даже обиженной: «Они что, тусовку там сегодня устроили?»

А потом пришел страх.

Тот, кто вышел из раздвинувшихся дверей и теперь стоял, задумчиво озираясь, не был «псом», но не был и «волком». Это был кто-то другой. Третий.

Такой, кто ест волков на завтрак, а собак на обед. Оставляя все вкусное на ужин.

«Тигр» — зачем-то классифицировал его Пастухов. И сказал:

— Живот прихватило... я в сортир.

— Иди, я покурю, — все еще обиженно ответил напарник.

Звать Бисата с собой в туалет было бы странно. Что-то объяснять или придумывать — не было времени. Пастухов повернулся и быстро пошел прочь, оставляя Искендерова на пути «тигра». «Да что он ему... пройдет мимо и все...» — успокаивал он себя.

Обернулся Пастухов только входя в зал отлета.

Как раз чтобы увидеть, как Бисат, небрежно козырнув, останавливает «тигра». Напарник, конечно, не различал их, не чувствовал — не было у него в прошлом такого происшествия, как у Пастухова. Но сейчас что-то ощутил даже он — тем милицейским чутьем, которое порой помогает выдернуть из толпы ничем не примечательного внешне человека со стволом в потайной кобуре или ножом в кармане.

Пастухов понял, что у него по-настоящему прихватило живот. И рванулся в безопасное, шумное, наполненное людьми и чемоданами нутро аэропорта.

Поскольку он был хорошим ментом, то ему было очень стыдно. Но еще более ему было страшно.

1

— По утреннему происшествию ситуацию доложит Городецкий, — не отрывая взгляда от бумаг, сказал Гесер.

Я встал. Поймал сочувственный взгляд Семена. Начал:

— Два часа назад я провожал на рейс в Нью-Йорк господина Уорнса. После того, как наш коллега прошел регистрацию и стал покупать водку в дьюти-фри...

— Вы что, прошли с ним за паспортный контроль, Городецкий? — осведомился Гесер, не поднимая глаз.

— Ну да.

— Зачем?

— Убедиться, что с ним все в порядке. — Я откашлялся. — Ну и купить кое-что себе в дьюти-фри...

— Что именно?

— Пару бутылок виски.

— Какого... — Гесер оторвал взгляд от стола.

— Шотландского. Односолодового. «Гленливет» двенадцатилетний и «Гленморанж» восемнадцатилетний... но это на подарок, я лично считаю, что пить восемнадцатилетний вискарь — пижонство...

— Какого хрена! — рявкнул Гесер. — Что за... мелкие корыстные акции...

— Вы извините, Борис Игнатьевич, — сказал я. — Но господин Уорнс пьет как лошадь. И предпочитает не «Белую лошадь», а приличные сингл молты. У меня бар опустел. А завтра приедет еще какой-нибудь гость — и вы мне поручите его принимать. А моя зарплата не позволяет покупать алкоголь в «Азбуке вкуса».

— Дальше, — ледяным голосом сказал Гесер.

— Дальше я сел в баре выпить кружку пива.

— Вы давно пьете пиво по утрам, Городецкий?

— Четвертый день. С момента приезда Уорнса.

Семен хихикнул. Гесер привстал и оглядел всех, сидящих за столом — десять Иных не ниже третьего уровня или, как говорили ветераны, «ранга».

— Особенности приема гостей мы обсудим позже. Итак, вы похмелялись пивком. Что дальше?

— Вошла женщина с ребенком. Толстый мальчишка лет десяти, вопил не переставая. Просил мать не лететь, говорил, что самолет разобьется. Ну... разумеется, я просканировал ауру. Мальчишка оказался неинициированным Иным высокого уровня, первого-второго как минимум. Судя по всему — предсказатель. Возможно, даже пророк.

В зале слегка зашевелились.

— Откуда такие смелые выводы? — спросил Гесер.

— Цвет. Интенсивность. Мерцание... — Я напрягся, посылая в пространство то, что видел. Все сидящие уставились в пустую точку над столом. Разумеется, никакого реального изображения я не создавал, но сознание всегда услужливо подыщет для картинки какую-нибудь точку в воздухе.

— Допустим, — кивнул Гесер. — Но все-таки пророк...

— Предсказатель, как правило, лишен возможности увидеть собственное будущее. А мальчик испугался своей смерти. Это уже довод в пользу пророка... — негромко сказала Ольга.

Гесер неохотно кивнул.

— Я узнал, есть ли у нас право на вмешательство первого-второго уровня — спасти весь самолет. Такого права, увы, не было. Тогда я взял право на пятый уровень и снял с рейса мальчика и его мать.

— Разумно. — Гесер вроде бы чуть успокоился. — Разумно. Мальчик на контроле?

Я пожал плечами. Семен деликатно кашлянул и вставил:

— Работаем, Борис Игнатьевич.

Гесер кивнул и снова посмотрел на меня:

— Что-то еще?

Я поколебался.

— Он сделал еще одно предсказание. Мне лично.

— Иному Высшего уровня? — уточнил зачем-то Гесер.

— Пророк! — почти весело произнесла Ольга. — И впрямь пророк!

Я кивнул.

— Можешь его озвучить, Антон? — уже совершенно мирно и дружелюбно спросил Гесер.

— Легко. «Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг. Вы отец Надьки. Вы... вы нас... вы нас всех...»

— Что дальше?

— А дальше его прервали.

Гесер что-то проворчал и стал постукивать пальцами по столу. Я ждал. И все остальные тоже ждали.

— Антон, я не хотел бы показаться невежливым... но вы уверены, что решили выпить пива по собственной воле?

Я растерялся. Даже не обиделся — а растерялся. Спросить Иного, не попал ли он под чье-то внушение, — довольно серьезное дело. Словно... ну, словно для одного человека поинтересоваться успешностью интимной жизни другого. Но между близкими друзьями, конечно, подобный вопрос возможен. Между начальником и подчиненным... да еще и в присутствии других сотрудников... Нет, ну если неопытный Иной совершает какой-то неадекватный поступок... тут вопрос «Ты своей головой думал?» уместен. Но и то как риторический. А уж обратиться с таким вопросом к Высшему Иному...

— Борис Игнатьевич, — сказал я, с ожесточением сдирая с себя все слои ментальной защиты. — Наверное, я чем-то дал основания вашим словам. Не пойму, правда, чем именно. На

мой взгляд — да, я действовал исключительно по собственной воле. Но если вы сомневаетесь, то просканируйте меня, я не против.

Конечно же, это тоже была риторическая фраза. Абсолютно. Так, человек, оказавшийся под каким-нибудь нелепым подозрением — к примеру, что он будучи в гостях украл со стола серебряные ложечки, — предлагает проверить его карманы...

— Спасибо, Антон, я воспользуюсь твоим предложением, — ответил Гесер, вставая.

В следующее мгновение я отключился.

А потом открыл глаза.

В промежутке, конечно, было какое-то время — минут пять, десять. Вот только я его не запомнил. Я лежал на диванчике, который стоит в кабинете Гесера и который все иронично называют «плацдарм для мозгового штурма». Мою голову придерживала Ольга — и она была очень, очень зла. Напротив меня сидел на стуле Гесер — и он был очень, очень смущен. Больше никого в кабинете не было.

— Ну и как... тварь ли я дрожащая, или право имею? — спросил я.

— Антон, я нижайше приношу свои извинения, — сказал Гесер.

— Перед присутствующими он уже извинился, — добавила Ольга. — Антон, прости старого дурака.

Я сел и потер виски. Голова не то чтобы болела — казалась удивительно пустой и звенела.

— Кто я? Где я? Кто вы такие, я вас не знаю! — пробормотал я.

— Антон, я прошу принять мои извинения... — повторил Гесер.

— Шеф, с чего вы взяли, что я под влиянием? — спросил я.

— Тебе не кажется странным, что, проводив гостя, ты внезапно присел выпить пива в дрянной и дорогой кафешке, хотя знал, что тебе предстоит садиться за руль?

— Кажется. Но так уж тот день сложился.

— А что именно в этот момент, когда ты внезапно решил задержаться в аэропорту, у тебя на глазах устроил истерику мальчик-предсказатель?

— Жизнь вся состоит из совпадений, — философски сказал я.

— Ну а то, что самолет благополучно долетел до Барселоны?

Вот тут он меня уел.

— Как долетел?

— Обычно. Шумя моторами и покачивая крыльями. Долетел, выгрузил людей и час назад вылетел обратно.

Я помотал головой.

— Борис Игнатьевич... Я, конечно, не предсказатель. Но уж когда прицельно начинаю проверять вероятность того или иного события... Мальчик завопил о катастрофе. Я глянул его ауру — Иной, неинициированный, в спонтанном выплеске Силы. Я начал проглядывать линии реальности — самолет падал. С вероятностью в девяносто восемь процентов. Может... ну, нет же абсолютно точных предсказаний... Выплыли те два процента?

— Допустим. А как еще можешь интерпретировать произошедшее?

— Провокация, — неохотно сказал я. — Мальчика накачали Силой, повесили фальшивую ауру. Прием известный, вы сами... Хм... Ну, потом мальчишка истерит, я слышу его вопли, начинаю просчитывать вероятности... допустим, они тоже искажены.

— Какова цель? — спросил Гесер.

— Заставить нас истратить право на вмешательство первого уровня впустую. Самолет и не думал падать, пацан интереса не представляет. А мы, как идиоты, выстрелили впустую.

Гесер назидательно поднял палец.

— Но у нас все равно не было права на вмешательство!

— Было, — буркнул Гесер. — Было и есть. Но зарезервировано за мной лично. Если бы ты обратился ко мне напрямую... я бы разрешил вмешаться.

— Во как... — сказал я. — Ну тогда... тогда и впрямь похоже. А что пацан?

— Пророк... — неохотно сказал Гесер. — Большой силы. И на тебе никаких следов воздействия. Так что ты прав, пожалуй.

— Но самолет не упал, — негромко сказала Ольга.

Мы замолчали.

— У пророков не бывает ошибок. Мальчик — пророк, поскольку выдавал предсказания о своей судьбе и о судьбе Высшего Иного. Но самолет не упал. Ты в события не вмешивался... — негромко произнес Гесер.

И тут до меня дошло.

— А вы ведь проверяли не то, под влиянием я был или нет, — сказал я. — Вы проверяли, не спас ли я самолет без разрешения.

— И это тоже. — Гесер даже не смутился. — Но озвучивать такую причину при коллегах не хотел.

— Спасибо огромное. — Я поднялся и пошел к двери. Гесер дождался, пока я открою дверь, и только после этого сказал:

— Должен сказать, Антон, я очень рад за тебя. Рад и горд.

— Чему же именно?

— Тому, что ты не стал вмешиваться без разрешения. И даже не придумывал никаких человеческих глупостей вроде телефонных звонков о бомбе в самолете...

Я вышел и закрыл за собой дверь.

Мне хотелось заорать или стукнуть кулаком по стене.

Но я держался. Я был невозмутим и холоден.

Я ведь действительно не придумывал «никаких человеческих глупостей»! Мне это даже в голову не пришло. Я убедился, что у нас нет законной возможности спасти двести человек, — и спасал одного Иного и его мать.

Уроки пошли мне на пользу. Я вел себя как правильный Высший Иной.

И от этого на душе было мерзко.

— Антон!

Обернувшись, я увидел поспешно догонявшего меня Семена. Выглядел тот слегка смущенным, как старый друг, ставший невольным свидетелем неловкой и некрасивой сцены. Но мы были дружны достаточно долго и крепко, чтобы Семену не пришлось изображать, будто он задержался случайно.

— Думал, дольше ждать придется, — пояснил Семен. — Ну учудил шеф, учудил...

— Он прав... — неохотно признал я. — Ситуация и впрямь сложилась странная.

— Мне поручили поговорить с мальчишкой, инициировать, обосновать родителям его занятия в нашей школе... в общем — стандартная процедура. Хочешь, поедем?

— А что, уже нашли? — заинтересовался я. — Я только имена считал, дальше возиться не стал...

— Конечно, нашли! Двадцать первый век на дворе, Антоха! Позвонили в наш информационный центр, задали вопрос — кто не явился на рейс такой-то в Барселону. Через минуту Толик перезвонил, выдали имена и адреса. Иннокентий Григорьевич Толков, десять с половиной лет. Живет с мамой... ну, ты же знаешь, что в неполных семьях Иные встречаются статистически чаще.

— Социальная депривация способствует... — буркнул я.

— А я слышал версию, что папаши подсознательно чувствуют, что ребенок — Иной, и уходят из семьи, — сказал Семен. — Боятся, короче... Живут Толковы рядом, на «Водном стадионе»... смотаемся?

— Нет, Семен, не поеду, — покачал я головой. — Ты и сам прекрасно справишься.

Семен вопросительно смотрел на меня.

— Да все в порядке! — твердо сказал я. — Не бойся, я не бьюсь в истерике, не ухожу в запой и не вынашиваю планов покинуть Дозор. Я в аэропорт съезжу, поброжу там. Как-то все неправильно, понимаешь? Мальчик-пророк изрек туманные пророчества, самолет, который должен был упасть, не разбился... все не так!

— Гесер уже послал в Шереметьево инспекцию, — сообщил Семен.

Какой-то у него был голос ехидный...

— Кого он послал?

— Ласа.

— Понятно, — кивнул я, останавливаясь у лифтов и нажимая вызов. — То есть ничего интересного Гесер не ждет.

Лас был нетипичным Иным. Начать с того, что никаких способностей Иного у него не было и не должно было появиться. Но несколько лет назад его угораздило попасть под заклинание древней магической книги «Фуаран». Вампир Костя, бывший когда-то моим соседом и даже приятелем, продемонстрировал на Ласе, что с помощью книги способен превращать людей в Иных...

Самым странным я считал даже не то, что Лас превратился в Иного, а то, что он превратился в Светлого Иного. Злодеем он не был, но вот чувство юмора имел специфическое... да и его взгляды на жизнь соответствовали скорее Темному. Работа в Ночном Дозоре, к которой он относился, похоже, как к очередной шутке, его особо не изменила.

Но Иным он был слабым. Седьмого, самого начального уровня, с неопределенными перспективами дорасти до пятого-шестого (впрочем, Лас к этому не рвался).

— А вот не скажи, — не согласился со мной Семен. — Гесер не ждет ничего интересного в магическом плане. Ты ведь там был, ничего не заметил. Ты и сам Высший...

Я поморщился.

— Высший, Высший, — дружелюбно сказал Семен. — Опыта у тебя мало, но способности-то есть. Так что копать в этом направлении бесполезно. А вот Лас — он по-другому на ситуацию посмотрит. Практически с точки зрения человека. Голова у него работает довольно парадоксально... вдруг что-то заметит?

— Тогда точно нам следует съездить вдвоем, — сказал я. — А ты дерзай, инициируй пророка.

— Восстань, и вижды, и внемли... — Семен первым вошел в наконец-то появившийся лифт, вздохнул: — Ох, не люблю я пророков и предсказателей! Как ляпнут что-нибудь в твой адрес — и ходишь потом как дурак, размышляешь, что же имелось в виду. Порой таких страхов себе напридумываешь, а на деле полная ерунда, тьфу, внимания не стоит!

— Спасибо, — сказал я Семену. — Да не беспокойся ты... я спокойно к этому отношусь. Подумаешь, пророк!

— Помню, был у нас в Петрограде один предсказатель, — с готовностью подхватил Семен. — И вот в году одна тыща девятьсот шестнадцатом, под Новый год, спрашиваем его о перспективах. А он нам и выдает...

Ласа я успел перехватить во дворе, он как раз садился в свою чисто вымытую «мазду». При моем появлении он откровенно обрадовался.

— Антон, а ты не сильно занят?

— Ну...

— Не смотаешься со мной в «Шарик»? Борис Игнатьевич велел по твоим следам пройти, странности всякие поискать. Может, присоединишься?

— Что с тобой поделать, — вздохнул я, забираясь на правое сиденье. — Съезжу. Будешь должен, сам понимаешь.

— О чем речь, — обрадовался Лас, заводя машину. — А то у меня со временем плохо, и так сегодня планы пришлось менять.

— Что за планы? — спросил я, пока мы выезжали со стоянки.

— Да это... — Лас слегка смутился. — Я сегодня креститься собирался.

— Чего? — Мне показалось, что я ослышался.

— Креститься, — повторил Лас, глядя на дорогу. — Ничего? Нам ведь можно креститься?

— Кому «нам»? — уточнил я на всякий случай.

— Иным!

— Можно, конечно, — ответил я. — Это как бы... дела духовные. Магия — магией, а вера...

Ласа будто прорвало:

— Вот и я подумал — черт его знает, как *там* посмотрят на то, что магией занимаюсь... я вообще-то агностик всегда был, ну точнее — экуменист широкого профиля, а тут как-то подумал... лучше уж креститься, для гарантии.

— В «Симпсонах» один персонаж был, так он на всякий случай еще соблюдал день субботний и совершал намаз, — не удержался я.

— Не кощунствуй, — сказал Лас строго. — Я же серьезно... Церковь вот специально нашел в Подмосковье. В Москве, говорят, все попы коррумпированные. А в провинции — ближе к Богу. Вчера созвонился, поговорил... ну, меня там знакомые порекомендовали... сегодня обещали покрестить, а тут Гесер задание выдал...

— Как-то быстро ты, — усомнился я. — Ты вообще готов к таинству крещения?

— Конечно, — усмехнулся Лас. — Крестик купил, Библию на всякий случай, пару иконок...

— Подожди-подожди, — заинтересовался я. Мы как раз выскочили на Ленинградку и понеслись к аэропорту. Лас при-

вычно наложил на машину чары «эскорт», и нам начали торопливо уступать дорогу. Уж не знаю, кто из водителей что видел — кто «скорую помощь», кто милицию с включенной сиреной, кто правительственный эскорт, увешанный мигалками как дурень мобильниками, но дорогу нам освобождали резво. — А символ веры ты выучил?

— Какой символ веры? — удивился Лас.

— Никео-Царьградский!

— А надо? — заволновался Лас.

— Ладно, священник подскажет, — развеселился я. — Рубашку крестильную купил?

— Зачем?

— Ну, когда из купели вылезешь...

— В купель только младенцев окунают, я же в нее не залезу! На взрослых брызгают!

— Дубина, — с чувством сказал я. — Есть специальные купели, для взрослых. Называются баптистерии.

— Это у баптистов?

— Это у всех.

Лас задумался, благо вождение автомобиля под прикрытием «эскорта» позволяло не особо напрягаться.

— А если там бабы будут?

— Они тебе теперь не бабы, а сестры во Христе!

— Ну ты врешь! — возмутился Лас. — Хватит уже, Антон!

Я достал мобильник, подумал секунду и спросил:

— Кому из наших ты веришь?

— В духовном плане? — уточнил Лас. — Ну... Семену поверю...

— Годится, — кивнул я, набрал номер и включил громкую связь.

— Да, Антон? — отозвался Семен.

— Слушай, ты крещеный?

— Ну как в моем возрасте русский человек может быть некрещеным? — ответил Семен. — Я ж при царе родился...

— А сейчас вере православной близок?

— Ну... — Семен явно смутился. — В церковь хожу. Иногда.

— Скажи, взрослых как крестят?

— Если по-нормальному, то как детей. Разделся — и в воду с головой три раза.

— Спасибо. — Я прервал связь. — Понял? Фома... готовящийся к таинству...

— Что еще там будет? — спросил Лас.

— Становишься лицом на запад, трижды плюешь и говоришь: «Отрекаюсь от Сатаны!»

Лас расхохотался.

— Ну, Антон... Хорош гнать! С крещением согласен, это я погорячился! Правильный некоррумпированный поп не будет воду экономить. А вот стать на запад лицом... плюнуть...

Я снова набрал Семена.

— Да? — с любопытством отозвался тот.

— Еще вопрос. Как происходит обряд отречения от Сатаны при крещении?

— Становишься лицом на запад. Батюшка спрашивает, отрекаешься ли ты от Сатаны и от дел его. Трижды вслух отрекаешься, плюешь в сторону запада...

— Спасибо. — Я снова прервал связь.

Лас молчал, вцепившись в руль и глядя перед собой. Мы уже проехали МКАД.

— А еще какие сложные моменты будут? — почти робко спросил он.

— Окунулся, отрекся. — Я начал загибать пальцы. — И третий шаг... ты учти, в церкви все троично, потому что Бог триедин. Третий шаг — выходишь из купели и обегаешь вокруг церкви трижды, строго противосолонь...

— Голым? — ужаснулся Лас. — Без штанов?

— Конечно. Аки Адам ветхозаветный, безгрешный до вкушения плодов с древа познания!

Фраза родилась спонтанно, но звучала очень убедительно.

— Ну... если надо... — тихо сказал Лас.

— Ты б зашел в любую церковь, — посоветовал я. — Даже в коррумпированную. И книжечку купил с пояснениями.

— Мне неудобно в церковь заходить, — признался Лас. — Мало того что некрещеный, так еще и волшебник!.. Блин, может, отложить крещение? Раз надо голым вокруг церкви бегать... в фитнес похожу, подкачаюсь...

— Ладно, насчет бега вокруг церкви — это неправда, — сжалился я. — Но я бы все-таки советовал тебе отнестись к вопросу серьезнее.

— Как все сложно... — вздохнул Лас, выруливая к терминалу. — Нам в «D»?

— Да, в новый, — подтвердил я.

— Что ж, попробуем с Божьей помощью! — сказал Лас.

Я понял, что пыл неофита в нем не угас.

2

В аэропорту мы с Ласом разделились. Он отправился общаться с людьми — его способностей вполне хватало, чтобы ему выкладывали всё начистоту. В первую очередь Ласу предстояло пообщаться с техниками, готовившими злополучный (или правильнее будет сказать — счастливый?) «Боинг» к полету, потом с диспетчерами и, если получится, с экипажем. А я отправился к дежурившим в аэропорту Иным.

Как и положено, двое их было — Темный и Светлый. Нашего я, конечно, знал — Андрей, молодой парень, пятый уровень, в офисе появлялся редко, постоянно работал в аэропорту. Темного видел несколько раз, когда самому приходилось куда-то улетать или возвращаться.

Конечно, они уже были в курсе случившегося. И Андрей, и пожилой Темный по имени Аркадий с удовольствием обсудили со мной историю с самолетом — вот только ничего полезного они не знали и сказать не могли. У Темных мальчик уже получил ироническое прозвище «Мальчик, который не полетел», вот, пожалуй, и все ценное, что я узнал. А еще заметил, что отношения Андрея и Аркадия вполне дружеские, и мысленно отметил: рекомендовать более частую смену дежурных. В принципе ничего запрещенного в дружеских отношениях между Иными нет. Бывают такие случаи... я сам дружил с семьей вампиров, а в Питере даже есть уникальная семья Светлого волшебника и Темной прорицательницы, правда, не работающих в питерских Дозорах... Но в случае с молодым Светлым и опытным Темным возникал риск нежелательного влияния.

Лучше перестраховаться.

С этой мыслью я еще побродил по аэропорту, обнаружил стоящего в очереди на регистрацию вампира, от скуки проверил у него регистрационную печать — все было в порядке. Подмывало снова выпить пива, но это уже было бы чересчур. С другой стороны... за руль мне сейчас не надо... я поймал себя на том, что толкусь все ближе и ближе к бару.

К счастью, появился Лас — бодрый и веселый. Я облегченно отвернулся от ресторанчика и помахал Ласу рукой.

— Девяносто четыре процента! — радостно сообщил он мне.

Я вопросительно приподнял бровь — ну, во всяком случае, попытался изобразить именно это.

— Меня давно занимал вопрос, сколько людей ковыряют пальцем в носу, когда уверены, что их никто не видит. Так вот, я опросил ровно сто человек — из них девяносто четыре сознались!

На секунду мне показалось, что Лас сошел с ума.

— И ты спрашивал людей об этом вместо поиска чего-то странного?

— Почему «вместо»? — обиделся Лас. — Вместе! Сам подумай, как минимальным магическим воздействием заставить людей вначале говорить правду, а потом покрепче забыть о расспросах? Я представился социологом, который с разрешения руководства проводит опрос. Спрашивал о всяких наблюдаемых странностях, о том, как они провели сегодняшнее утро... в общем, все, что положено. Все это под действием «Платон». А в конце задавал вопрос про ковыряние в носу. Сам понимаешь, человек, который сознался, пусть даже в анонимном опросе, что наедине сам с собой выковыривает пальцем козюли из носа, постарается побыстрее забыть всю историю. И для дела полезно, и я получил ответ на вопрос!

— Зачем тебе этот ответ? — спросил я. — Люди наедине сами с собой часто совершают... ну... не самые красивые поступки. Поковырять пальцем в носу — мелочь в общем-то.

— Конечно, — согласился Лас. — Так это ведь и показательно! Подавляющее большинство людей будет насмерть стоять за такую ерундовую ложь. Отрицать не то, что заглядываются на недозрелых нимфеток, не платят налоги или подсиживают коллег на работе, — а банальную, никому вреда не

приносящую, смешную вещь — ковыряние пальцем в носу! Это многое говорит о людях.

— Следующий раз спроси про ковыряние пальцев в другом месте, — мрачно ответил я. — Что по делу?

Лас пожал плечами.

— Самолет был нормальный. Проверяли его как положено, никаких нареканий... кстати, а ты знал, что самолеты можно выпускать в полет, когда у них часть аппаратуры не работает? Так вот, у этого никаких нареканий не было. И самолет новенький, три года назад сделан, не какая-нибудь рухлядь после китайцев.

— То есть упасть он не должен был? — уточнил я.

— Все в руке Божьей, — пожал плечами Лас и блеснул знанием Библии: — И птица с неба не упадет без воли Господа! Тем более — самолет. Ну... он и не упал.

— Но ведь мальчик пророчил... — сказал я. — И линии вероятности указывали на неминуемую катастрофу... Хорошо. Самолет был исправный, экипаж опытный. Хоть какие-то странности были?

— Касательно самолета — или вообще? — уточнил Лас.

— Вообще.

— Ну... один полицай местный поутру обосрался.

— Что?

— До туалета не добежал. Наложил в штаны. Ему в дежурке старую форму нашли, он в душе отмылся...

— Лас, да что тебя так тянет на всякую брутальность? — возмутился я. — Если даже с работником МВД случился приступ дизентерии, это не повод для обсуждения... и уж тем более — иронии! Ты же Светлый! Светлый Иной!

— Так я обоим полицаям сочувствую, — небрежно обронил Лас.

У меня что-то екнуло в груди.

— Обоим? Беляшей в местном кафе поели?

— Да нет, у второго с пищеварением все в порядке, — успокоил Лас. — Второй с ума сошел.

Я ждал. Было понятно, что Лас ждет уточняющих вопросов и что информацию он излагает дозированно вполне сознательно — для пущего драматизма.

— Тебе неинтересно? — спросил Лас.

— Докладывай по форме, — попросил я.

Лас вздохнул и почесал затылок.

— Да в общем-то ничего особенного. Но как-то выбивается из рутины повседневной жизни. Утром, примерно в то время, как ты из аэропорта уехал, случилась неприятность с нарядом патрульно-постовой службы. Один полицай, Дмитрий Пастухов, пошел в сортир, но не добежал. А второй... второй чуть позже зашел в дежурную часть, положил на стол кобуру, документы, рацию. Сказал, что утратил интерес к работе в органах охраны порядка, и ушел. Начальство пока даже сообщать никуда не стало. Надеется, что одумается и вернется.

— Поехали, — сказал я.

— К кому первому?

— К тому, что не добежал.

— А к нему ехать не надо. Я же говорю — он помылся, переоделся и вернулся на рабочее место.

С первого взгляда никак нельзя было сказать, что сегодня утром полицейский Дмитрий Пастухов попал в столь деликатную и, чего уж греха таить, постыдную ситуацию. Разве что форменные брюки, если повнимательнее присмотреться, были ему чуть великоваты, да и тоном чуть отличались от кителя.

Зато выглядел он просто великолепно. Одухотворенно, можно сказать. Как сказочный милиционер, задержавший бандита на месте преступления и получающий из рук генерала наручные часы с гравировкой «За отвагу при исполнении служебного долга». Как летчик-испытатель, дотянувший-таки самолет с отказавшим мотором до аэродрома — и ощутивший, как колеса мягко коснулись земли. Как прохожий, что смотрит на рухнувшую за его спиной, там, где он только что прошел, гигантскую сосульку и с нелепой улыбкой достающий из пачки сигарету...

Как человек, переживший смертельную опасность, уже осознавший, что остался жив, но еще не до конца понявший — зачем.

Дмитрий Пастухов прогуливался перед входом в аэропорт, не по-уставному заложив руки за спину и как-то очень добродушно и дружелюбно поглядывая вокруг.

Но по мере того как мы с Ласом подходили к нему, на лице полицейского проступало совсем другое выражение.

Как у милиционера, которому улыбающийся генерал говорит: «Молодец... молодец... знал же, наверное, чьего племянника арестовываешь, — и не испугался? Герой...»

Как у летчика, в чьем самолете, уже катящемся по бетонке, свирепым жадным пламенем вспыхивает топливный бак.

Как прохожий, что, разминая сигарету и не отрывая взгляда от расколовшейся сосульки, вдруг слышит над головой «Берегись!!!»

Он меня боялся.

Он знал, кто я такой. Ну, может, не точно... но представляться проверяющим, журналистом или санитарным врачом смысла не имело.

Он знал, что я не человек.

— Лас, подожди здесь, — попросил я. — Лучше я сам...

Пастухов ждал, не пытаясь уйти или сделать вид, что не замечает моего приближения. К оружию, чего я слегка опасался (не хотелось начинать разговор так энергично), он не тянулся. А когда я остановился в двух шагах, глубоко вздохнул, неловко улыбнулся и спросил:

— Разрешите закурить?

— Что? — Я растерялся. — Конечно...

Пастухов достал сигареты, жадно закурил. Потом сказал:

— Большая просьба... не надо больше заставлять напиваться. Меня из органов попрут! У нас сейчас очередная кампания, даже за появление на работе с похмелья выгоняют...

Несколько секунд я смотрел на него. А потом что-то сложилось в голове, и я увидел серую московскую зиму, грязный снег на обочине проспекта Мира, бесчисленные ларьки у метро «ВДНХ», двух подходящих ко мне милиционеров — один постарше, другой совсем молодой парень...

— Извините, — сказал я. — Вам тогда сильно досталось?

Полицейский неопределенно пожал плечами. Потом сказал:

— А вы совсем не изменились. Тринадцать лет прошло... а даже не постарели.

— Мы медленно стареем, — сказал я.

— Угу, — кивнул Пастухов и выбросил сигарету. — Я не дурак. Я все понимаю. Так что... говорите сразу, что вам нужно. Или делайте, что вам нужно.

Он меня боялся. Ну а кто бы не испугался человека, который одним словом может заставить вас делать все что угодно?

Я опустил глаза, ловя свою тень. Шагнул в нее — и оказался в Сумраке. В этом не было особой нужды, но все-таки из Сумрака аура сканируется тщательнее.

Полицейский был человеком. Ни малейших признаков Иного. Человек, и не самый плохой.

— Расскажите, что произошло сегодня утром? — спросил я, возвращаясь в обычный мир. Пастухов мигнул — наверное, ощутил дыхание Сумрака. Заметить мое исчезновение на такое короткое время он никак не мог.

— Мы с Бисатом здесь стояли, — сказал он. — Так... трепались. День сегодня был хороший. — По интонации было понятно, что сейчас он уже так не считает. — Тут вы прошли...

— Вы меня узнали, Дмитрий? — спросил я. Накладывать заклинание правды не было никакого смысла — он говорил честно.

— Ну, вначале просто понял, что вы из этих... — Полицейский неопределенно повел рукой. — А потом узнал, да...

— Как поняли?

Пастухов посмотрел на меня с удивлением.

— Ну... я таких, как вы, сразу узнаю...

— Как?

До полицейского дошло.

— А что, это редкость? — спросил он, явно о чем-то размышляя.

— Не то чтобы редкость. — Я решил ничего не скрывать. — Но обычно нас видят такие же Иные, как и мы. Узнают по ауре.

— Аура — это вроде свечение такое вокруг головы, да? — наморщил лоб Пастухов. — Я думал, его психи всякие видят. И жулики.

— Не только вокруг головы, не только психи и жулики. А что видите вы?

— Да я по глазам вас узнаю! Вот с тех пор, как с вами встретился первый раз... — резко сказал Пастухов. — У вас глаза... как у сторожевого пса.

Если бы я только что не сканировал его ауру, то уверился бы, что передо мной какой-то странный слабый Иной, который воспринимает чужие ауры очень своеобразно. В конце концов аура действительно сильнее вокруг головы, а на лице сильнее всего излучают свечение глаза. Может, он так и считывает Иных?

Ну нет же, он не Иной, он человек...

— Любопытно, — признался я. — Значит, как у пса?

— Без обид, — пожал плечами Пастухов. Он потихоньку приходил в себя.

— Да какие уж тут обиды. Я собак люблю.

— А еще есть те, у кого глаза как у волка, — сказал Пастухов.

Я кивнул. Понятно. Значит, так он видит Темных.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Утром вы прошли мимо, — сказал Пастухов. — Ну... я напрягся, конечно. Почему-то думал, дурак, что вы меня тоже запомнили, как и я вас. С чего бы, на самом-то деле? Вы, наверное, такие фокусы с людьми каждый день проделываете.

— Нет, — сказал я. — Нельзя. Тогда ситуация была критическая. Ну и я сам... был очень молод и неопытен. Что придумал, то и сделал... Вы продолжайте.

Пастухов вытер пот со лба. Пожал плечами.

— Потом «волк» один прошел... ну... обычное дело. В аэропорту я каждый день вас вижу. А потом вышел еще один... тут меня страх и пробрал.

— Тоже «волк»? — уточнил я.

— Нет... — Пастухов замялся, затоптался на месте. — Никогда таких не встречал. Я его «тигром» про себя назвал. У него такой взгляд... будто он кого хочет, того и сожрет, прямо на месте... И я... я почему-то подумал, что он меня вычислит. Поймет, что я его вижу. И убьет тут же. Да что я говорю, я не подумал, я и сейчас так думаю! Он бы меня убил. В ту же секунду. Я и решил отойти. Сказал напарнику, что живот схватило, и в туалет. Бисату-то что сделается? Он же

вас не видит! Но я когда отходил, то смотрю — Бисат этого... «тигра»... останавливает!

— Ты можешь его описать? «Тигра»?

Пастухов помотал головой.

— Я только издалека его видел. Мужчина, средних лет, среднего роста, волосы темные...

— Очень не люблю людей с такими приметами, — поморщился я. — Как же ты взгляд его разглядел на расстоянии?

— А я взгляд на любом расстоянии вижу, — серьезно ответил Пастухов. — Сам не знаю почему.

— Национальность?

Дмитрий задумался.

— Обычная, наверное. Уроженец Европейской части.

— То есть не кавказец, не азиат, не скандинав...

— Даже не негр.

— Еще что-нибудь?

Пастухов закрыл глаза и нахмурился. Он искренне старался.

— Багажа у него не было. Когда он стоял рядом с Бисатом, я заметил — у него руки пустые. Вряд ли прилетел так, правда?

— Спасибо, это интересно, — сказал я. Конечно, на самом деле багаж мог быть и невидим. Я как-то сам протащил в самолет невидимый чемодан, чтобы не платить за перегрузку...

Полицейский вздохнул и сказал:

— Наверное, надо было вернуться. Только у меня и впрямь живот свело так, что боялся до туалета не добежать... — Он осекся, потом продолжил: — Я и не добежал. Да вы уже знаете, наверное.

— Знаю, — кивнул я.

— Навалил в штаны, — обреченно сказал Пастухов. — Нет, если бы расстройство какое, дизентерия — так с кем не бывает? А тут... на ровном месте... Пока почистился как смог, пока в дежурку зашел... взял там со старой формы на подмену штаны... Дежурный ржет, понятно, к вечеру все знать будут... Вернулся на пост.

— И? — Это интересовало меня куда больше, чем проблемы со здоровьем и реноме Пастухова.

— Да вроде ничего. Бисат стоит, улыбается. Я его спросил, что было с тем, кого он остановил. Бисат рукой махнул, говорит: «Все в порядке, никакого смысла не было его задерживать». Ну, думаю, пронесло... А тут Бисат вдруг снимает китель, погоны так аккуратненько с него сдирает! Бляху сдирает! Документы достает. Пистолет, рацию, спецсредства... И все вручает мне! Я спрашиваю, что с ним. А он отвечает: «Это все смысла не имеет, нет никакой надобности в моей работе». И к электричке! Я ему кричу вслед, а он рукой машет — и вперед! Сейчас, наверное, уже дома.

— Я слышал, что он сам зашел в дежурную часть, — заметил я.

— Роман небось сказал? — уточнил Пастухов. — Это я его так попросил, когда вещи отнес. Все-таки одно дело, когда человек прямо на улице все бросил, другое — когда в дежурку сдал. Может, одумается, вернется? Ему и так неприятностей светит по полной... хотя, наверное, через дурку пропустят и уволят по состоянию здоровья...

— Ты сам-то веришь, что он вернется? — спросил я.

Пастухов замотал головой:

— Нет. Не верю. Это «тигр». Это он что-то такое с ним сделал. Может, велел так... как вы мне напиться тогда приказали... А может ,что-то другое. Не вернется он.

— Спасибо, — сказал я искренне. — Ты хороший человек, мне кажется. Извини, что тогда так вышло.

Пастухов замялся. Потом все-таки спросил:

— Ну и что теперь со мной будет? Велите все забыть?

Я задумчиво смотрел на него. Не хотелось мне применять к Пастухову даже самые простенькие заклинания. Странный он человек, пускай и хороший.

— Даешь честное слово никому и ничего не рассказывать про наш разговор? — спросил я. — И вообще про нас?

— Да что я, дурак, что ли? — возмутился полицейский. — Кто же мне поверит? Никому я не расскажу!

— Тогда еще вопрос напоследок. Когда ты один и вокруг никого нет — ты ковыряешь пальцем в носу?

Пастухов открыл и закрыл рот. Неожиданно покраснел. А потом сказал:

— Ну... если потребность есть... бывает.

— Я как-нибудь к тебе загляну, надо будет еще поговорить, — сказал я. — Но ты не беспокойся. Только разговор по душам, ничего более.

— Ага... — неловко сказал Пастухов. — Спасибо...

— Не хочешь задать мне никаких вопросов?

Пастухов медленно покачал головой:

— Хочу. Но не буду. Меньше знаешь — крепче спишь.

Я уже шел к Ласу, когда он меня окликнул:

— Вы поможете Бисату?

— А почему ты думаешь, что я стану ему помогать? — спросил я.

— Ну... — Полицейский замялся. А потом вдруг улыбнулся: — Потому что собака — друг человека. Правда?

Я погрозил ему пальцем и подошел к Ласу.

— Чего там? — с любопытством спросил Лас.

— Он тоже ковыряет пальцем в носу, — ехидно сказал я. — Данные полицая, который ушел с поста, записал? Звони в информационный, нам срочно нужен его адрес. Хотя нет, ты за руль, я сам позвоню, пока будем выезжать.

3

Проживал полицейский Бисат Искендеров недалеко, в Куркино. Район хороший, по мнению многих даже элитный. Но Искендеров жил там в муниципальной квартире, так что вряд ли он относился к числу тех удачливых полицейских, что всю жизнь работают в патрульно-постовой службе, но при этом живут в роскошных апартаментах и ездят на работу на «мерседесе» представительского класса.

Пока мы добирались к столь неожиданно и необычно уволившемуся со службы полицейскому, я пересказал Ласу свой диалог с Пастуховым.

— «Собаки», значит, — задумчиво сказал Лас. — Сильно... Слушай, а что ты с ним разговаривал-то? Наложил бы «Платона», он бы все с радостью рассказал. Или просто в голову ему влез... ты-то умеешь...

В последних словах прорезалась зависть. Лас был слабым Иным и без всяких шансов подняться в уровне. Некоторые заклинания ему никогда не будут доступны.

— Лас, ты часто встречал людей, которые видят Иных? — ответил я вопросом.

— Нет.

— Вот и я нет. Вообще о таком не слышал. Похоже, эта способность у него появилась после встречи со мной. Тогда есть какая-то вероятность, что это последствия наложенного мной заклинания.

— И ты боишься, что новое заклинание лишит его этой способности... — кивнул Лас. — Понятно. Ну, ты Высший, тебе решать.

— Решать Гесеру, — признал я. — Но торопиться я не хочу. Пастухов никому ничего не расскажет. А если расскажет — попадет в психбольницу.

— А этот... «тигр»?

— Что «тигр»?

— Как думаешь, кто он? Высший маг?

— Пастухов же не назвал «тигром» меня ...

— Логично... А кто тогда? Инквизитор?

— Нет, — сказал я с сожалением. — Не думаю. Инквизиторы остаются Светлыми или Темными, кем были раньше.

— У них же аура серая делается.

Я вздохнул и прикинул, стоит ли раскрывать детали:

— На самом деле — нет. Аура у них прикрывается серым. Сильный маг может заглянуть под маскировку — там ровно то же самое, что и было. Либо Светлый, либо Темный. Сущности они не меняют.

— О как, — поднял бровь Лас. — Ну так и почему это не может быть инквизитор?

— Иной с серой, невнятной аурой — «тигр»? Как-то не сходится, верно? Учитывая, как метко Пастухов охарактеризовал нас и Темных.

— Кто же тогда? — поразился Лас.

— А это тоже пусть Гесер решает, — ответил я. — У него голова большая, умная. Он на свете пожил долго. Пусть думает.

— Самый правильный подход! — одобрил Лас. — Слушай, а я вот что подумал... полицай этот напарнику соврал, что в сортир хочет...

— Ну, — кивнул я. Мы как раз въехали во двор многоэтажного здания, и теперь Лас искал, где припарковаться.

— Вначале — соврал. А потом — обделался.

— С перепугу, — решил я.

— Все равно какое-то совпадение необычное.

Я промолчал. В словах Ласа было здравое зерно. Если вокруг творятся странные вещи, то любое совпадение следует рассматривать особо тщательно.

— Пошли, — сказал я, вылезая из машины. — Поговорим с этим Бисатом... потом будем думать.

Скорее по привычке, чем ожидая увидеть что-то необычное, в подъезде я вошел в Сумрак. Полицейский жил на втором этаже, служебное жилье редко выделяют на престижных высоких этажах. На первом этаже ничего необычного не было — синий мох, паразит Сумрака, ровным слоем покрывал все стены, особенно сильно разрастаясь в углу, возле батареи, и около дверей лифтов. Все предсказуемо, возле батареи целуются молодые парочки, прежде чем девушка поправит одежду и побежит домой к маме и папе... или мужу и детям. А возле лифтов ругаются, когда обнаруживают, что они сломаны и придется идти пешком на двенадцатый этаж, или тихо радуются, предвкушая возвращение домой... Привычными движениями я бросил во все стороны огонь, сжигая паразита. Его, конечно, до конца не выведешь, но это для любого Иного — как вытереть ноги, входя в дом.

Второй этаж меня озадачил. Синий мох был везде — кроме одной двери. От нее он, похоже, отполз. Причем совсем недавно, несколько часов назад. Тонкие синие нити медленно втягивались в синий ковер — так сокращается амеба, наткнувшись на кристаллик соли.

— Он живет здесь, — сказал я, возвращаясь в реальность.

— Что-то увидел? — заинтересовался Лас.

— Да нет, ерунда.

Я позвонил.

Прошло почти полминуты, прежде чем дверь открылась. Без вопросов и, кажется, даже без взгляда в глазок, совершенно ритуального для любого москвича.

На пороге стояла невысокая полная женщина. Эдакая «типичная немолодая восточная женщина» в представлении

москвича — в молодости явно красивая, сейчас не очень, с каким-то очень тихим лицом, будто погруженная в себя.

— Здравствуйте. — Я чуть выдвинулся вперед. — Мы из управления... Бисат дома?

Управление — это очень удобное слово. Почему-то никто никогда не уточняет, из какого именно управления. Вот и женщина тоже не стала переспрашивать.

— Входите. — Она сдвинулась в сторону. — В спальне он...

Похоже, нас ждали. Ну, не нас, конечно, но кого-то ждали.

Входя, я глянул на ее ауру. Ничего особенного, конечно. Человек.

Квартирка была трехкомнатная, но небольшая, прихожая совсем узкая и неудобная. Из открытой двери в гостиную гремел незнакомый рок.

Я был игрок и сыграть бы мог
С тем, кто придумывал карты.
Мне везло всегда, и я верил, что моя звезда
Не упадет никогда, но случилась беда...
Жизнь дорога, но все же
Слабых волей бьют как моль.
Выбери, что надежней —
Библия или кольт!

Лас, навостривший было уши — он обожал малоизвестные группы, — с сожалением покачал головой и цокнул языком.

Женщина молча подала мне тапочки, взяв пару побольше из целого табунка у входа. Лас разуваться не стал — и на это она никак не отреагировала.

Странно. Обычно такие простые привычки устойчивее всего. Либо попросила бы переобуться обоих, либо, в силу модных европейских традиций, плохо приживающихся в Москве с ее климатом и грязью, не предлагала бы мне.

В гостиной на диване сидел худенький мальчишка с ноутбуком на коленях. От ноутбука змеились провода к стоящим на полу колонкам. На нас паренек посмотрел и звук в колонках убавил, но даже не поздоровался, что для восточного мальчика уж совсем странно. Я просканировал и его ауру. Человек.

— Сюда...

Вслед за женщиной мы прошли к спальне. Она открыла дверь, пропуская нас, и так же молча, ничего не говоря, закрыла ее за нами, оставшись в прихожей.

Ох, что-то неладное тут творится...

Бисат Искендеров лежал на заправленной кровати в одних трусах и майке и смотрел телевизор, висящий на стене напротив кровати. Все тут было какое-то усредненно-московское, практически без национального колорита, без каких-то личных заморочек: мебель из ИКЕИ, ковер в изголовье кровати (я думал, сейчас так уже не вешают, это была традиция из каких-то замшелых, брежневских еще времен), женский журнал на одной тумбочке, сборник детективов на другой. Такая спальня могла быть в любом российском городе. В ней мог валяться на кровати менеджер Ваня или строитель Ринат.

Не люблю квартиры, в которых нет отпечатка хозяина.

— Здравствуйте, Бисат, — сказал я. — Мы из управления. С вами что-то случилось? Вы заболели?

Бисат посмотрел на меня и снова перевел взгляд на экран. Там шла популярная передача, немолодая женщина-врач с добрыми глазами рассказывала народу про парапроктит. «А теперь мы попросим выйти на сцену кого-нибудь из зала, одетого в футболку или рубашку без воротничка...»

— Здравствуйте, — ответил Бисат. — Ничего не случилось. Я здоров.

— Но вы покинули дежурство... — сказал я.

И посмотрел на него сквозь Сумрак.

Вначале я решил, что со мной что-то случилось.

Потом я понял, что это не со мной. Но легче мне от этого не стало.

— Лас, глянь ауру... — тихо сказал я.

Лас наморщил лоб. И ответил:

— Чего-то не вижу...

— Потому что ее нет, — подтвердил я.

Бисат терпеливо ждал, пока мы говорили. Потом ответил:

— Я покинул дежурство, потому что не было смысла дежурить.

— Расскажите про человека, с которым вы говорили перед тем, как уйти, — попросил я.

— Чего-то я не понял, — задумчиво сказал Лас. — А разве бывают люди без ауры?

«Представьте себе, что горловина футболки — это на самом деле...» — сообщила с экрана ведущая.

— Перед тем как уйти, я разговаривал с Димой Пастуховым, — сказал Бисат. — Он неплохой человек...

— Раньше! — попросил я. — Перед Димой!

— Перед Димой я разговаривал с продавщицей в табачном ларьке, — сказал Бисат. — Она симпатичная женщина, но худая очень...

— Нет, постой, — попросил я. — Бисат, когда у Пастухова заболел живот и он ушел в здание аэропорта. Помнишь? Ты остановил человека, выходящего из зала прилета...

— Так это был не человек, — очень спокойно возразил Бисат.

— А кто? — воскликнул я.

— Не знаю. — Бисат оставался столь же невозмутим. — Но не человек. Люди такими не бывают.

— Хорошо, расскажи мне, как выглядел этот «не человек», — попросил я. — И о чем вы говорили.

— Он... — Бисат впервые задумался над ответом. И даже проявил какую-то живость — протянул руку и почесал живот. — Он светловолосый. Высокий очень. У него короткая бородка. Глаза голубые. Я попросил у него документы. Он ответил, что в этом нет необходимости. Положил мне руку на плечо и посмотрел в глаза. Я... я хотел спросить, что он такое себе позволяет. Но не стал.

— Почему?

— А какая разница.

— Ваш напарник Дима описывал этого... не человека... иначе.

— Я не знаю, как он его описывал, — спокойно сказал Бисат.

Вздохнув, я собрал в руке немного Силы и отправил в сторону полицейского заклинание «Сократ» — кратковременное, но непреодолимое желание говорить истину и только истину.

Заклинание туманным сгустком пронеслось через Сумрак, прошло Бисата насквозь и унеслось сквозь стену на улицу. Ох, кому-то достанется...

— «Доминанту» давай, — предложил Лас.

Я покачал головой, глядя на лежащего на кровати человека. Обычного человека, которому теперь было «все равно». У которого не было ауры. И сквозь которого проходили насквозь заклинания.

— Не поможет. Пойдем, Лас.

— Но...

— Пойдем, — сказал я.

Бисат снова повернулся к экрану. Ведущая радостно объясняла: «И вот в эти нежные складки и складочки...»

Жена полицейского ждала нас в прихожей. Музыка по-прежнему играла, только уже потише:

Вой, не вой, а итог такой:
Надо платить за удачу.
Только поздно, брат, поливать давно засохший сад,
Жизнь за деньги не взять мне назад...

— Мы пойдем, — неловко сказал я. — Знаете... вам, наверное, будут еще звонить. И зайдут... с работы.

— Я хочу его увезти, — сказала внезапно женщина.

— Куда?

— Домой. В Азербайджан. Есть такой отачи, Юсуф. Травами лечит. Все лечит. Он не только травник, он гам.

— Колдун? — спросил я.

Женщина кивнула и плотно сжала губы.

— Увозите, — сказал я. — Только покажите вначале нашему знахарю, хорошо?

Женщина с подозрением посмотрела на меня.

— Он сегодня к вам придет, — сказал я. — Хороший знахарь. Поверьте.

— Что с ним? — спросила женщина.

— Не знаю, — признался я.

— У него будто души не стало, — сказала женщина.

— Дождитесь знахаря, — попросил я.

Мы вышли из квартиры. Я посмотрел в Сумрак — синий мох отполз еще дальше от дверей. Ему не нравилось то, что там происходило.

— Пошли, Лас, — сказал я. — Надо к Гесеру, и живо.

Но на улице нам все-таки пришлось на минуту задержаться. Перед подъездом стояла парочка — девушка с одновре-

менно разъяренным и растерянным лицом и парень, который с воодушевлением рассказывал:

— А с твоей сестрой я только целовался, и то по пьяни. С Ленкой мы однажды переспали, она пришла, когда тебя не было...

— Придется подчистить, — решил я. — Займусь девушкой, а ты сними с парня «Сократа» и заставь все забыть.

— Надо ли? — задумчиво произнес Лас. — Сам виноват, пусть сам и расхлебывает...

— Ошибки надо исправлять, — сказал я. — Хотя бы те, которые можно исправить.

Лас, очевидно, думает, что мне уже кое-что понятно, и мы сейчас целеустремленно спешим к Гесеру, потому что уж ему-то точно понятно все. Кто такой этот «тигр», почему у живого человека нет ауры (и заодно еще и полностью утрачен интерес к жизни), почему нацеленные в него заклинания проходят его насквозь. На самом деле я ничего не понимал. И подозревал, что Гесер будет ошарашен не менее.

Что такое аура, если разобраться?

Это Сила. Та самая Сила, которую люди постоянно продуцируют, но использовать не могут. Сила истекает в пространство и покрывает всю Землю. Мы, Иные, продуцируем ее куда слабее — и поэтому можем впитывать из внешней среды (примерно то же самое делает синий мох, только мы куда эффективнее — и еще умеем мыслить). Если нет ауры — значит нет Силы... нет жизненной энергии... человек или Иной — он уже мертв...

Нет, ерунду я думаю! Как это нет ауры? Вампиры мертвы, они находятся в состоянии «послежизни», а вот аура у них есть. Своя, особая, вампирская, но есть. У Надюшки — абсолютной волшебницы, имеющей «нулевую магическую температуру», — аура тоже имеется — и будь здоров какая!

Я потер лоб. Никогда не стремился разобраться во всех этих деталях нашего существования. Считал, пусть научная группа ломает ум... все равно все эти теории бесконечно далеки от жизни.

Итак... почему есть аура у тех, кто мертв? И у тех, кто вообще не излучает «жизненной энергии»? И почему они живы... как ни ужасно мне было ставить в один ряд вампиров и Надю, я сделал над собой усилие и попытался рассмотреть вопрос абстрактно. Без жизненной энергии жить нельзя... а мертвые и «нулевые волшебники» ее не продуцируют...

Стоп! Все элементарно. Они не излучают, но потребляют. Вампирам чужая Сила дает посмертное существование. Получается что... что и Наде она обеспечивает жизнь. Если проводить какую-то аналогию... то моя дочь — она как человек, чей организм не вырабатывает кровь. И живет она на постоянных, непрерывных переливаниях...

Я сморщился и заерзал на сиденье. Даже думать об этом было неприятно. Может быть, поэтому я никогда и не вдавался в детали того, как связаны между собой Сила, аура, жизнь?

Ладно, это все пустое. Пусть Надя живет на чужой жизненной силе. Она живет, и с ней все хорошо. А как можно лишить человека Силы — и при этом оставить его в живых? Не убить, не превратить в вампира — а превратить в какую-то странную разговаривающую куклу?

Не знаю.

— Задумался ты, — сказал Лас.

— Ага, — подтвердил я.

— Слушай, у меня вопрос есть... А Высшие — они видят, как душа отлетает?

— Душа? — не понял я. — Отлетает?

— Ну да. Аура — это же душа, верно? Вот когда человек умирает, видно, куда аура полетела? Я к тому, что можно было бы вычислить положение рая и ада. Если взять двух одновременно умирающих в разных концах земного шара, засечь направление отлета души, то методом триангуляции...

— Лас, аура — не душа! — возразил я. — Аура — жизненная энергия.

— А я думал — душа, — расстроился Лас. — Так душу не видно?

— Нет, — ответил я. — И когда человек умирает, то аура никуда не улетает, она гаснет.

Что-то в этом было. В вопросе Ласа, в моем ответе...

Но понять я не смог или просто не успел — мы проехали под услужливо поднявшимся шлагбаумом на нашу стоянку. И остановились прямо перед Гесером.

Вот чем настоящий Высший маг отличается от неофита вроде меня — опытом. И умением делать кучу дел одновременно. Если бы я послал кого-то по делам и отслеживал потом его действия — я бы, наверное, мог почувствовать, что он спешит обратно с важным докладом. Но мне пришлось бы этим заниматься специально. А Гесер, похоже, ощутил мое приближение так, между делом, и заинтересовался настолько, что вышел навстречу.

— Рассказывай, — коротко велел он, когда я начал выбираться из машины. — И быстро!

Быстро — так быстро. Я посмотрел ему в глаза и прокрутил в голове разговор с Пастуховым и визит к Искендерову.

— Пошли в кабинет. — Гесер развернулся. Провешивать портал на таком расстоянии было бы пижонством. — Звони Светлане.

— Зачем? — доставая мобильник, спросил я.

— Я открою портал в вашу квартиру. Пусть берет Надю и идет сюда.

По спине противным холодком пробежал страх.

— Нет, я не вижу непосредственной угрозы, — сказал Гесер, не оборачиваясь. — Но мне крайне не нравится происходящее. И мне нужны все Высшие Москвы.

На ходу Гесер время от времени словно бы запинался, не совсем уж останавливаясь, но притормаживая на мгновение. Похоже, он связывался с другими Высшими.

Хотя с какими другими? Светлане звоню я... что ж она не берет-то трубку... есть еще Ольга... вот и весь состав «магов вне категории» Ночного Дозора. У Дневного в активе сейчас только Завулон, у них много магов первого-второго уровня, но с Высшими последнее время не складывается...

— А мне что делать? — обиженно крикнул вслед Лас.

— Зайди в научный отдел, Иннокентия ко мне! — велел Гесер. Он любил, когда все вокруг при деле.

Светлана наконец-то ответила.

— Антон?

— Света, сейчас Гесер провесит к нам в квартиру портал...

— Уже висит, — спокойно ответила Светлана.

— Бери Надьку и дуй к нам.

— Спешно? — уточнила Света.

— Пусть возьмут вещи на день-два, — обронил Гесер. — Но особо не копаются.

Эта реплика мне совсем не понравилась. Похоже, Гесер собирался перевести Свету и Надю «на осадное положение». Учитывая, что речь шла о Высшей волшебнице (пусть и специализирующейся на целительстве — но, как известно, любое лечебное заклинание с тем же успехом может служить и атакующим) и волшебнице Абсолютной — то, что ей всего десять лет, не делает Надю беззащитной. Она может поставить самую банальную Сферу Отрицания — но с такой мощностью, что ее из пушки не пробьешь.

— Я слышала, — сказала Света. — Сейчас, покидаю чистого белья в сумку... Тебе чего-нибудь принести?

— А... — запнулся я. — Ну... пару носков, пару трусов...

— Рискну захватить еще и чистую рубашку, — решила Светлана.

Мы уже подходили к кабинету Гесера, когда я все-таки решился заговорить — шеф больше не вздрагивал при ходьбе, видимо, со всеми, с кем нужно, уже связался.

— Борис Игнатьевич, вы, как я вижу, поняли, что происходит...

— Ни черта я не понял, Антон, — ответил Гесер. — Ни черта. Я даже не слышал ни о чем подобном. И это... — Он пожевал губами, подбирая подходящие слова. — Это меня пугает.

Он распахнул дверь, и мы вошли в его кабинет.

4

Первое, на что я обратил внимание, — висящие в воздухе порталы. Вызванные Гесером Высшие очень спешили.

Потом я сосчитал порталы. Один, для моих девчонок, мерцал тонкой белой рамкой, ожидая, пока через него пройдут. Три портала медленно гасли.

Три?

И я уставился на тех, кто уже сидел за столом.

Ольга. Ну, это понятно. Я машинально кивнул ей.

А этот тихий старичок с растрепанными седыми волосами, в потертом костюме и старомодном широком галстуке, похожий на престарелого профессора или врача?

И этот крепкий бородатый мужчина, чье лицо мне почему-то знакомо... не из дозорной жизни, скорее — из человеческой, то ли по телевизору видел, то ли в газетах...

У нас в Дозоре таких нет.

— Спасибо, что не задержались, — сказал Гесер, проходя к своему креслу. — Познакомьтесь. Это Антон Городецкий. Вы о нем наверняка слышали.

— Кто же не знает Антона Городецкого? — с улыбкой сказал старичок.

— Это — Марк Эммануилович Жермензон, — представил его Гесер. — Высший Светлый. Боевой маг.

— Сергей, — представился второй. — Сергей Глыба. Высший Светлый.

— Я вас знаю, — вспомнил я наконец-то. — Вы... вы же этот...

— Прорицатель! — радостно подтвердил он.

Он действительно был прорицателем. Из числа тех, что публикуются в «желтых» газетах и не менее «желтых» журналах, толкутся на телевидении, сидят среди приглашенных гостей «на первом ряду» в бесчисленных ток-шоу. Он предсказывал финансовый кризис, когда тот заканчивался. Укрепление рубля перед тем, как тот падал. Замену долларов в США на неведомые «амеро». Падение астероидов. Прилет инопланетян. Эпидемию козьего гриппа. Неслыханный рост российской экономики. Тайфуны и землетрясения.

Если бы все его прогнозы сбывались с точностью до наоборот, то в них был бы смысл. Но это была обычная предсказательная болтовня по принципу «трех П» — пол, палец и потолок. Иногда в прессе над ним хихикали, но его импозантный облик и бойко подвешенный язык нравились читателям (точнее — читательницам), и без работы он не оставался.

— Вы прорицатель? — сказал я с сомнением.

— Антон, ну что же вы, думаете, я буду всерьез прорицать для людей? — с улыбкой ответил Сергей.

— Никогда не видел вас в Дозоре, — сказал я.

— А они не в Дозоре, — мрачно сказал Гесер. — Марк Эммануилович, можно сказать, на пенсии.

— По ранению, — с веселой улыбкой уточнил Жермензон.

— А Сергей просто не хочет служить, — добавил Гесер.

— Имею право, — ответил Глыба. — Хочу жить как человек.

Из последнего портала вышла Света, держащая за руку Надю. Портал немедленно погас.

— Здравствуйте, — очень вежливо сказала Надя. — Дядя Гесер, тетя Оля, здравствуйте.

Я увидел, с каким нескрываемым любопытством уставились на мою дочь Марк и Сергей, и усмехнулся.

— Все прибыли, прекрасно, — сказал Гесер. — Начинаем работать. Вы все в курсе того, что узнал Антон...

Ого... быстро он. Не только позвал, значит. Еще и проинформировал.

— У нас чрезвычайная ситуация, — продолжал Гесер.

— Полагаю, очень сильно чрезвычайная? — уточнил Марк Эммануилович.

— Крайне, — неожиданно сказал Глыба, запрокидывая голову и закрывая глаза. — Гесер... спасибо, что всех собрал.

— Что видишь? — не глядя на прорицателя, спросил Гесер.

— Ничего.

— Тогда откуда панические настроения?

— Я ничего не вижу, Гесер. — Сергей потер лоб и криво улыбнулся. — Вот откуда и паника. Ты же знаешь, я всегда что-нибудь да вижу...

— Обычно — всякие гадости... — буркнул Гесер.

— Жизнь такая. А сейчас — пусто.

— Ты что, конец света предрекаешь? — заинтересовался Жермензон. — И что, таки потом ничего?

— Да не обязательно. — Глыба поморщился. — Уж с твоим опытом, Эммануилыч, стоило бы знать азы прорицания. «Слепота прорицателя» возникает в ситуации, когда на ближайшее будущее воздействуют силы, превосходящие силы прорицателя как минимум на порядок. То есть для второго ранга это будет маг первого уровня, для первого уровня — Высший маг...

— И в результате мы получаем замечательную картину — в Москве появилась сила, на порядок превосходящая Высшего мага, — подытожил Гесер. — Не знаю, как вам, а мне это кажется близким к апокалипсису...

— Дядя Гесер. — Надя, присевшая рядом со Светланой за дальний конец стола, подняла руку будто в школе. — Силы Высших не могут различаться на порядок, нас так в школе учили...

Гесер поморщился и попросил:

— Надя, давайте, пожалуйста, без «дядя». Ты уже... э...

— Большая девочка, — послушно сказала Надя. — Ну так нас учили, что сила Высших магов практически одинакова, небольшие колебания, замеренные в ходе прямых силовых противостояний вроде «пресса», никакого значения не имеют и не являются стабильными. Сегодня чистая Сила выше у одного Высшего, завтра у другого. Основное значение в противостоянии Высших имеют опыт и тактика ведения поединка.

— Исключение из правила? — спросил Гесер с любопытством.

— Так называемые «нулевые» маги вроде меня, — без лишней скромности ответила Надя. — Мы бесконечно превосходим силой любых магов, включая Высших, поскольку теоретически можем создать заклинание любой мощности.

— Любое, но в рамках существующей на Земле магической энергии, — уточнил Гесер. — Точнее формулируй!

— Да я просто не успела закончить, — сказала Надя.

Выкрутилась!

— Хорошо, пять с минусом, — сказал Гесер. — И что же ты хотела сказать?

— Как может существовать маг, на порядок превосходящий Высшего прорицателя? Это либо «нулевой», либо...

— Ну, ну! — подбодрил Гесер.

— Либо вообще не маг. — Надя внезапно смутилась и подалась к матери. Светлана обняла ее за плечи. Я поймал взгляд дочери и одобрительно кивнул.

— Мы не можем исключить существование другого нулевого мага полностью, — сказал Гесер. — Но и предпосылок к этому нет.

— В том числе не было и никаких предсказаний на этот счет, — заметил Глыба. — А Надя была предсказана.

— Давайте рассматривать другие варианты, — сказал Гесер. — Маг, даже «нулевой», это всего лишь маг.

— Зеркало? — тихо спросила Светлана.

Повисла напряженная тишина.

Зеркало — это плохо. Это очень плохо, потому что с ним практически невозможно бороться. Зеркало порождается Сумраком... то есть никто на самом деле не знает, как и почему обычный неинициированный Иной с неопределенной аурой, одинаково склонный к Свету и Тьме, превращается в зеркального мага. Зато известно, почему он появляется и что потом происходит. Зеркальный маг приходит в то место, где сильно нарушен баланс Света и Тьмы, после чего встает на сторону проигрывающей стороны. Ну и... ликвидирует разрыв. Самым банальным способом — либо убивая магов, либо лишая их силы. Светлана одиннадцать лет назад потеряла большую часть своей силы — и еще счастье, что ей удалось восстановиться так быстро.

— Это не может быть Зеркало, — сказал Гесер и покачал головой. — Зеркальный маг поднимается по уровням лишь в ходе поединка с обычными магами. У нас кто-нибудь из Высших с Зеркалом сражался?

— Темные? — предположил Марк Эммануилович.

— У них в Дозоре один Высший, сам Завулон.

— А Юрий и Николай? — удивленно поднял бровь Жермензон.

— Юрий семь лет назад перебрался в Минск, там у него карьерные перспективы более внятные, — усмехнулся Гесер. — А Николай — как вы. В запасе уже пятый год. По-моему, ничем не занят, кроме рыбалки на Ахтубе...

— Он еще пишет любовные романы под женским псевдонимом, — вставила Ольга.

— Да? — неожиданно заинтересовался Глыба. — И как?

— Читать можно, — оживилась Ольга. — Особенно...

— Тише! — Гесер постучал пальцем по столу. Звук был неожиданно громким. Прикрыл глаза, посидел несколько секунд молча. — Я попросил Завулона проверить его Высших из запаса. Но, полагаю, никто из них ни с кем не сражался. Да и с

какой бы стати Зеркалу убивать Темных? При нынешнем раскладе сил он опять должен убивать нас!

— Тогда кто? — Жермензон развел руками. — Если не Зеркало... кто-то из древних магов? Были же среди них «нулевые»... ну... или близкие к тому...

— Кто и зачем? — ответил вопросом Гесер. — Главное — зачем? Тайком явиться в Москву, проделать невесть что с попавшимся на пути человеком... Нет, давайте рассмотрим альтернативные варианты!

— Не Зеркало и не неизвестный нам Выс... э... «нулевой» маг? — спросил Глыба.

— А какие варианты еще могут существовать? — впервые задала вопрос Светлана. — Вы извините, Борис Игнатьевич, у меня на плите борщ недоваренный остался, Надя сидела уроки делала, тут вы нас выдергиваете... и, как я вижу, сами не понимаете зачем!

Гесер посмотрел на меня. И сказал:

— Давай-ка ты, Антон. Что тебя пугает?

Я подумал минуту, прежде чем начать отвечать.

— Самолет... Самолет, который должен был упасть, но не упал. Мальчик-пророк, который так удачно попался мне на глаза. Его слова... относительно меня в первую очередь. Полицейский, с которым я столкнулся много лет назад и который теперь видит Иных, сам Иным не являясь. Его напарник, у которого исчезла аура и которому теперь все поровну. Неизвестный, которого полицейский назвал «тигром». То, что оба полицейских описали неизвестного совершенно по-разному. Невозможность предвидеть события для Высшего мага-прорицателя.

— Как это все может быть взаимосвязано?

— Не знаю, — честно сказал я.

— И что именно тебя пугает? Неужели слова про «тигра»? Так твой полицейский и нас называет «собаками», и Темных «волками».

— Меня пугает концентрация странностей, — сказал я. — Все началось сегодня утром. Восемь с половиной часов назад! И столько всего сразу!

Гесер кивнул. Кажется, он был удовлетворен моими словами.

— Правильно. Очень много странностей. Совпадением это быть не может, значит, должна быть общая причина. Предлагайте свои варианты.

— Вы прямо как доктор Хаус, Борис Игнатьевич, — с иронией произнесла Светлана.

— Что? — Это был один из тех редких случаев, когда я видел шефа растерянным. Он, по-моему, совсем не интересовался кинематографом, а по телевидению смотрел только новости и фигурное катание — чем-то оно его привлекало.

— Неважно, — сказала Светлана. — Доктор такой... известный. Он тоже предлагал подчиненным выдвигать безумные теории, а сам выбирал из них правильную.

Гесер с легким сомнением смотрел на Светлану. Потом кивнул и сказал:

— Надеюсь, у этого доктора более инициативные подчиненные. Я пока ни одной версии не слышу.

— Божественная сущность, — неожиданно сказал Жермензон. — Нет, я не веду речь о Боге или мессии, но, возможно, мы имеем дело с проявлением какой-либо сакральной, мистической сущности...

— Пенсия на тебе вредно сказывается, Марк, — сказал с раздражением Гесер. — Единственная мистическая сущность в нашем мире — это мы, Иные. Все остальное — человеческий фольклор.

— Ну, некоторые Иные так не считают... — пробормотал Жермензон, впрочем, без особого напора.

— Значит, это фольклор Иных! — отрубил Гесер. — Серьезные версии есть?

— Порождение изначальной Силы, — предположил Глыба. — Света или Тьмы...

— Это та же самая «божественная сущность», только другими словами, — сказал Гесер.

— Но Свет и Тьма существуют, — пожал плечами Глыба. — Когда мы клянемся Светом, он подтверждает наши слова.

Гесер поморщился.

— Софистика. Мы не знаем, как и почему это происходит. Ты знаешь? Я — нет. Возможно, кто-то из Великих магов древности создал заклинание, которое действует до

сих пор. Подозревать Свет и Тьму в осознанной деятельности — это...

— Это все равно как предположить, будто Сумрак создаст Зеркало и пошлет проигрывающей стороне... — мягко сказала Ольга.

Гесер заткнулся.

Именно заткнулся, а не замолчал. Посидел, глядя в столешницу, потом сказал:

— Версия принимается. Она нелепа. Она мне не нравится... потому что я боюсь чего-то подобного. Но как версия — принято. Еще?

Надя снова подняла руку.

— Мне кажется, Борис Игнатьевич, что гадать сейчас вовсе не нужно, — сказала она. — Ну какая нам разница, кто именно появился? Мы ведь уже знаем, что он очень сильный и делает странные вещи. И пусть! Нам надо понять, чего он хочет.

— И? — спросил Гесер.

— Па... Антон... — Надя покраснела.

— Ничего, мы в курсе, что он твой папа, — неожиданно мягко сказал Гесер. — Говори.

— Все началось с того, что папа увидел мальчика-пророка, который боялся лететь на самолете, потому что самолет должен был упасть, — явно смущаясь, начала Надя. — Ну, он мальчика и его маму спас, так? А если кто-то тоже хотел его спасти, только поступил проще, спас сразу весь самолет? Поэтому самолет и не упал. Ну а когда понял, что мальчика там уже нет, то отправился его искать...

— История с полицейскими? Почему он так прокололся? Оставил не просто свидетелей, а свои следы?

— Он не прокололся. Он... он представился, — тихо сказала Надя.

— Оставил визитную карточку! — Ольга щелкнула пальцами. — Верно. Понял, что один из полицейских распознал в нем Иного. Воздействовал на его напарника. Но с чего он решил, что мы выйдем на этих полицейских, да еще так быстро?

— Если тот полицейский обычный человек, но видит Иных, — это может быть последствием общения с папой, — сказала Надя. — Нас учили, что заклинание может оставить побочный эффект, след... И этот след обычно завязан на того

мага, который заклинание накладывал. Вдруг кто-то увидел на полицейском след — и понял, что он с папой связан? Для него это было... ну, как собаку пнуть — чтобы завизжала и хозяин обернулся...

— Ничего себе сравнение, — сухо сказала Ольга.

— Извините, — ответила Надя. — Я же с его точки зрения сужу...

Я обратил внимание, что Гесер уже с полминуты сидит с закрытыми глазами. И медленно багровеет. Потом Гесер открыл глаза и встал:

— Так. Я не слышу Семена. И не могу с ним связаться. Кто-нибудь, попробуйте!

Ольга тоже прикрыла глаза.

Глыба картинно приложил ладонь ко лбу.

Жермензон пожевал губами.

Светлана нахмурилась.

А я достал мобильник и нажал одну из клавиш «горячего вызова».

— Да, Антоха? — жизнерадостно ответил Семен.

— Ты где?

— Я? Я в гостях у Оли и Кеши. Чай пью. Рассказываю, какая у нас замечательная школа для художественно одаренных детей.

— Гесер не может с тобой связаться, — сказал я.

Последовала короткая пауза, после которой Семен сказал.

— А ты знаешь, я тоже не могу. Ни с кем. Как-то глухо... в эфире...

— Скажи, что мы едем, — быстрым шагом направляясь к двери, приказал Гесер. — Антон, Марк, Ольга, вы со мной! Светлана, Сергей, вы за старших по Дозору.

— Я не в штате! — возмутилась Светлана.

— Считай, что тебя призвали, — бросил Гесер, не оглядываясь.

— Света, если мы сейчас будем спорить, — мягко сказала Ольга, поднимаясь вслед за Гесером, — ребенок может погибнуть. И Семен тоже. Понимаешь?

И Светлана, которая на моей памяти уже сотню раз отбивалась от попыток Гесера хоть как-то привлечь ее к делам Дозора, сразу осеклась. Лишь спросила вслед:

— Что именно мне делать?

— Убивай все непонятное, что попробует войти в офис, — ответил Гесер.

— Я врач, а не убийца! — возмутилась Света.

— У каждого врача должно быть свое кладбище, — отрезал Гесер.

Когда мы выбежали во двор, шлагбаум на въезде был уже поднят, а в разъездную машину — потрепанный японский «паркетник», — садились Алишер и Гарик — видимо, они сегодня были дежурными.

— Марк Эммануилович, будь добр, сядь к ребятам, — бросил Гесер..

Похоже, он всерьез считал необходимым присутствие в каждой машине хотя бы одного Высшего.

А мы уселись в старый БМВ, на котором Гесер ездил, сколько я себя помню. Я сел впереди, Ольга — на заднее сиденье, Гесер — за руль. Обычно он так не делал, я даже не был уверен, что Великий умеет водить автомобиль.

Оказалось — умеет, да еще как. Мы вылетели на улицу и сходу рванули по встречке, которая, очевидно, показалась Гесеру более свободной от транспорта. От дружных проклятий водителей и возгласов о распоясавшихся депутатах и чиновниках, которые ездят как хотят, нас спасало только одно.

Машина была невидима.

Причем Гесер использовал не обычное заклинание вроде «сферы отрицания» или его аналогов. Мы были совершенно невидимы. Мы были пустым местом, несущимся по дороге сквозняком, пустотой — с точки зрения любого водителя.

Честно говоря, это напрягает, даже если за рулем сидит Высший маг, чей водительский стаж в принципе может превышать сотню лет.

Но Гесер, оказывается, не собирался играть в салки с московскими автомобилистами. Еще через мгновение машина соскользнула в Сумрак.

Войти в Сумрак может каждый Иной. Привести с собой человека, пронести что-либо — тоже задача чисто техническая.

Но вот протащить в Сумрак машину!

— А помнишь, как мы на боевом слоне в Сумрак въехали? — внезапно спросила Ольга и засмеялась.

Шутит или всерьез? Кто ее знает...

Теперь мы мчались по сумеречной Москве. Первый слой — самый близкий к реальности. Тут даже есть дома, машины, люди. Все сероватое, тусклое, заторможенное — но еще настоящее. Почти настоящее. Только добавился синий мох на дорогах и стенах домов...

И машина радикально изменилась. Старый, но крепкий немецкий автомобиль будто потек, меняя пропорции, салон сделался куда старомоднее, руль в руках Гесера сжался, став тоненьким, с блестящим никелированным ободком внутри и эмблемой в виде горделивого оленя посередине. Такая же фигурка оленя выскользнула из капота. Приборная доска выгнулась горбом, выпятив перед Гесером полукруглый спидометр, под которым прятались четыре крошечных прямоугольных циферблата. Посередине вместо простенького борткомпьютера возник совсем уж примитивный радиоприемник на два диапазона, а прямо передо мной — круглые механические часы.

— Да, — сказал Гесер. — Я предпочитаю отечественные машины. «Волга», вторая серия. Мой верный боевой конь. Прошу никому не рассказывать... знаю я вас, остряков...

Это была не просто видимость — я почувствовал запах кожаной обивки и заелозил на скользком сиденье. Ну надо же... даже не знал, что советский автопром выпускал «Волги» с кожаным салоном и автоматической коробкой... может, тут еще и подушки безопасности есть... не помешали бы!

Нет, ну каков шеф-то! Ездить на старой «Волге», маскируя ее под старенькую, но приличную «бэху»! Честно говоря, не ожидал от него такого стеснительного патриотизма... или это не патриотизм, а консерватизм?

Впрочем, патриотизм и консерватизм, как правило, неразделимы.

Гесер крутанул руль, уворачиваясь от «Рэндж Ровера», стоящего посреди дороги. Странная это была машина — вся разукрашенная какими-то рекламными надписями, прогнившая насквозь, с вывалившимся из капота двигателем. Скорее всего в реальном мире ее уже давно не было, в Сумраке дог-

нивал информационный фантом — такое бывает с предметами, которые по тем или иным причинам долго были объектом человеческого внимания. Последствия какого-то ДТП, что ли?

— Нет, надо поглубже, — внезапно сказал Гесер.

И вот тут он меня удивил по-настоящему. Крякнул — и мир вокруг совсем выцвел.

Мы были на втором слое Сумрака.

Дома стали деревянными. Очень странно выглядят деревянные дома в девять-десять этажей, честное слово. Дорога превратилась в проселок, извилистый и покрытый кочками. Люди почти исчезли, со второго уровня они плохо различимы. Все стало серым. Вместо машин над дорогой висели облачка пара — будто выдохнули полной грудью в холодный день...

Ну и конечно же, стало очень холодно.

И машина опять изменилась.

Очень заметно и в лучшую сторону.

Выгнувшийся в прыжке олень на капоте трансформировался в крылатую девушку.

Некоторое время я смотрел на эмблему в виде двух переплетенных латинских букв «R». Потом спросил:

— Борис Игнатьевич, так вы предпочитаете отечественные автомобили?

Гесер молча гнал «Роллс-Ройс Фантом» по пустым дорогам, беззаботно проносясь сквозь пар и человеческие тени. Большинство ничего не заметит. Некоторые ощутят на секунду холодок на коже и почувствуют глухую, безысходную тоску по чему-то прекрасному, захватывающему... чего им никогда не дано испытать. Американцы в таких случаях говорят «Кто-то прошел по моей могиле».

На самом деле все чуточку страшнее — сквозь тебя в этот миг прошел Иной.

— Все врут, Антон, — неожиданно ответил Гесер. — Все врут.

Похоже, телевизор он все-таки смотрит.

А его консерватизм все-таки не равен патриотизму.

— Хорошая машина, — признал я. — Так... между нами, конечно.

По второму слою мы ехали с той же скоростью, как и в обычном мире. Ну, за исключением того, что у нас на пути не

было пробок. Но Гесера, конечно, интересовало не это. Главное было в том, что время здесь шло куда медленнее, чем в реальности. К Семену мы приедем буквально через минуту после звонка.

Впрочем, тот, кто к нему идет, тоже может двигаться через Сумрак. И даже спуститься на слой-другой ниже.

Конечно, если к нему вообще кто-то идет.

Внезапно Гесер выругался. В принципе языка, на котором он сейчас заговорил, я не знал. Наверное, на этом языке говорили на Тибете во времена его детства. Но интонация сомнений не вызывала — шеф ругался.

— Фи, Гесер, — подтвердила мою догадку Ольга.

— Ничего необычного не замечаете? — спросил Гесер.

Я огляделся. Сказал:

— Сумрак. Синий мох. Все как обычно.

— Мы на втором слое, — задумчиво произнесла Ольга. — Откуда здесь синий мох?

Мха, если честно, было немного. Иногда — пятна на дороге, иногда — на стенах. Бесцветность второго уровня делала их едва заметными, но они и впрямь здесь были.

Синий мох — на втором уровне Сумрака!

— Никогда такого не видел, — признался я.

— Дело в том, что и я такого не видел, — произнес Гесер. — Вот разве что...

Но закончить он не успел — прямо перед лобовым стеклом «роллс-ройса» полыхнул файербол.

5

Если разделить всю существующую магию на две части, то проще всего делить ее на боевую и бытовую. Вопреки расхожим мнениям начинающих Иных бытовой получится раза в два, а то и в три больше. На самым первых занятиях в Ночном Дозоре это старательно вдалбливается в головы новичков — магия предназначена не для зла, не для войны, не для убийства... на любой файербол или Поцелуй Ехидны найдется штук пять мирных заклинаний — «дробилка» для измельчения мусора, «утюг» для глажки белья, «шило» и «сверло» для проде-

лывания дырочек в домашних условиях, «Прометей» для легкого и удобного розжига костра или барбекю...

Довольно быстро, впрочем, новички понимают, что почти все бытовые заклинания прекрасно работают и в боевых условиях. По сути, единственные их недостатки — они либо более медленные, либо затрачивают больше Силы, чем специализированная боевая магия. За то время, пока начинающий Иной создает и настраивает «сверло» или прилаживает к физиономии противника «утюг», можно раз десять шарахнуть «тройным лезвием».

Поэтому после краткого интереса к нестандартным способам применения «дробилки» или «вантуза» большинство Иных перестают экспериментировать и начинают пользоваться бытовой магией в быту, а боевой — в бою.

Кроме некоторых Иных. Тех, кто рано или поздно заслужит уважительное звание боевого мага.

Именно они в конце концов постигают главную истину — очень просто и эффектно получается колотить друг друга файерболами или давить Прессом. А еще — очень долго. Потому что противник от тебя этого ожидает. И закрывается Барьером воли, Сферой отрицания, Щитом мага... Вот и стоят друг против друга Светлый и Темный, молотя друг друга заклинаниями, закрываясь от них, порой еще успевая переругиваться при этом. Может быть, оно и хорошо. Все-таки большинство магических поединков ведутся не насмерть, а пока противник не сдастся или не покинет поле боя. Иначе мы бы уже давно сами себя поубивали.

А вот если в бой вступает настоящий боевой маг — то все происходит совсем иначе. Он применяет старую добрую лечебную «ивовую кору» или его развеселую темную вариацию «аспирин». И не ожидающий этого враг внезапно обнаруживает, что температура его тела упала до температуры окружающей среды. Боевой маг не швыряет «тройное лезвие», он использует простенькую «тёрку», которой Светлана делает для Надюшки витаминный салат из яблока с морковкой, а я отчищаю кастрюли, если что-то пригорит... И противник становится на миллиметр-другой тоньше. Сразу со всех сторон. После этого обычно бой никто продолжить не может.

Я, конечно, до настоящего боевого мага не дорос. Но и файерболами уже давно не кидаюсь.

Впрочем, такой файербол, как летящий сейчас в нас, был достоин всяческого уважения. Это был файербол премиум-класса, выражаясь языком менеджеров торговых компаний. Это был Царь-файербол, говоря поэтически. Это был альфа-файербол, как сказал бы биолог. Это был файербол диаметром около трех метров, мог бы заметить очень хладнокровный математик.

Это был обосраться какой страшный файербол!

— Мать твою! — завопил Гесер, выкручивая руль. В минуту настоящего ужаса только русский язык мог передать все его чувства. Я горжусь великой русской культурой!

«Роллс-ройс» рванул влево — как любой водитель, Гесер непроизвольно поворачивал так, чтобы подставить под удар не себя, а соседа. Ничего личного, просто рефлексы.

У меня они тоже были — я ударил руками в стекло, к своему великому удивлению, выбив его наружу, и направил к летящему в нас огненному шару раскрытые ладони. Что я хотел сделать — Сферу отрицания или Щит мага, — я даже и сам не понял. Потому что оказалось, что я уже непроизвольно делаю Пресс — бью в сгусток пламени чистой Силой.

Инстинктивная реакция оказалась удачной. Выдержал бы Щит удар такого мощного файербола или нет — это еще вопрос. Успел бы Гесер уклониться — тоже непонятно. Хороший файербол самонаводится на цель подобно современной ракете.

А вот удар Силой помог. Файербол расплескало во все стороны, будто горящее масло. Какие-то мелкие сгустки пламени ударили и по машине — но Ольга тоже не зевала, нас накрыло полупрозрачной чешуей какой-то хитрой защиты, да и сама машина, похоже, была от души накачана заклинаниями. Пламя стекло вниз, под колеса, и мы проскочили сквозь ревущий огненный шторм.

Как раз вовремя, чтобы увидеть противника.

Мне он ничуть не показался похожим на то описание, что дали полицейские.

Совсем молодой, чуть больше двадцати.

Стройный, светловолосый.

Приятное лицо, очень доброжелательное, какое-то даже благородное.

Одежда светлых тонов (цвет на втором слое Сумрака не разглядишь) и плащ. Честное слово, плащ! Настоящий, развевающийся за плечами, будто у какого-нибудь комиксового Супермена!

Парень стоял и задумчиво смотрел на машину. Не то чтобы с разочарованием... Но с некоторым удивлением.

— Идем, — сказал Гесер, выключая зажигание и выбираясь из-за руля.

Мы с Ольгой последовали за ним. Вне машины холод Сумрака вцепился в нас мертвой хваткой. Дул ровный стылый ветер, вечный ветер второго слоя.

— Кто ты такой и что тебе нужно? — крикнул Гесер.

Парень не ответил. Похоже, он размышлял.

— Ночной Дозор! Выйти из Сумрака! — сказал я, не переходя на крик, но погромче, поубедительнее.

— Иначе мы применим силу, — поддержала меня Ольга.

Парень начал улыбаться. А Гесер вполголоса произнес:

— Вот это я бы не стал говорить, вдруг он сам...

И он действительно все сделал *сам*. Уж не знаю, что хотел сказать Гесер, но незнакомцу самости было не занимать. Парень развел руками — мне показалось, что он лепит из воздуха новый файербол, чуть поменьше прежнего, но свечения не возникло, хотя какая-то сила в его ладонях мерцала, что-то готовилось...

— «Фриз»! — крикнула Ольга, и я отреагировал на ее слова, как на команду — со всей силы, что была, ударил в незнакомца заклинанием локальной остановки времени.

А что? Если разобраться — гуманно и надежно. Враг обездвижен, беспомощен, но совершенно цел. У нас есть время разобраться и что-то сделать, у него времени нет.

Вот только Ольга вовсе не просила применять «фриз». Она предупреждала о том, что собирается сделать чужак.

Гесер внезапно исчез — похоже, прыгнул вниз или вверх по Сумраку. Ольга гигантским прыжком, которому позавидовал бы не то что Брумель, а даже и голодный вампир, отлетела в сторону метров на десять.

А я остался стоять как дурак прямо под идущим на меня «фризом»...

Но зависнуть посреди Сумрака, мухой в янтаре остановившегося времени, мне было не суждено. Мой собственный «фриз» — куда более слабый, чем у врага, — влетел в несущееся навстречу заклинание. И как это частенько с заклинаниями бывает — они мгновенно взаимодействовали.

Посреди мрачной серой дороги, зажатой между карикатурными деревянными домами, повис сверкающий, будто драгоценный камень, многогранник. Он медленно вращался, оседая вниз, в землю. Силуэт противника за ним дробился на множество крошечных фигурок.

— Старый дурак! — рявкнул Гесер, возникая рядом со мной. Взмахнул руками — за прозрачным кристаллом полыхнуло зеленым пламенем.

— Не стоит так убиваться, шеф, — не удержался я.

И встретил непонимающий взгляд Гесера.

— Рад, что ты способен шутить, но я — о нем. — Гесер кивнул в сторону зеленого огня. — А ты, Антон, на сегодня все запасы удачи явно исчерпал. Сбить «фриз» «фризом» — задачка не из легких.

— О нем? — уточнил я, кивая на парня. Посмотрел на зеленое пламя — оно медленно гасло. — Что это такое?

— Оно его затормозит, — уклончиво, но очень убежденно сказал Гесер.

Зеленый огонь погас.

Парень отряхнул с плаща какие-то липкие зеленые искры и посмотрел на нас. На этот раз — совсем не по-доброму.

— Ого, — сказала Ольга, возвращаясь к нам. — На «Тайгу», значит, мы плюем...

— Что-то страшное грядет, — сообщил Гесер, после чего снял пиджак и бросил его на землю. Он что, на кулачках подраться решил?

Парень, похоже, и против рукопашной ничего не имел — двинулся по дуге, обходя замороженный «фризом» участок пространства. И несмотря на весь его симпатичный, благообразный облик, я как-то очень четко вспомнил слова Пастухова.

«Тигр»...

И в этот момент послышался звук работающего мотора. Боевой маг Жермензон с командой наконец-то нас догнал. Они выскочили из машины, по-моему, даже раньше, чем она

остановилась. Гарик с ходу поставил Щит мага, причем судя по мощности — использовав какой-то служебный амулет. Жермензон выдвинулся вперед, Алишер встал за ним, чуть наклонив голову и прижав ладони к сердцу, — похоже, он собирался работать на подхвате, подкачивая Жермензона энергией.

Парень остановился, оценивая диспозицию. Честно говоря, непонятно, что он собирался в такой ситуации ловить — против него было четыре Высших мага, да еще и пара оперативников, пусть и уступающих в силе, но имеющих неплохой боевой опыт.

Жермензон повел рукой — сверху вниз, будто поднимая невидимый груз. Между ним и незнакомцем вспучилась земля. Выросла трехметровым столбом. Столб подрагивал, потом приобрел очертания гротескной человеческой фигуры, рядом с которой боксер Николай Валуев выглядел бы стройным и красивым, пускай и низкорослым, манекенщиком.

Мне доводилось встречаться с големами. Пожалуй, даже чаще, чем я хотел для общего развития. Но вот сотворение голема, причем настолько быстрое, без всяких там заложенных в глину рун и манускриптов, без явного программирования, я видел впервые.

— Ох уж мне эти еврейские штучки! — сказала Ольга.

Парня голем явно смутил. Он сделал какое-то неуловимое движение — и на голема будто рухнул чудовищный груз, сминая и вдавливая обратно в землю. Вот только голема это не смутило. Он всосался в землю и тут же вынырнул из нее в другом месте, гораздо ближе к незнакомцу. И протянул к нему здоровенную руку.

Опять легкое движение пальцев, шевеление губ — и протянутая к незнакомцу рука стала разваливаться, осыпаться на землю комьями глины, будто невидимая мясорубка шинковала ее на ходу.

Голем на это никакого внимания не обратил — продолжал тянуть руку. Падающая на землю глина шевелилась и всасывалась в его ноги, так что никакой потери массы не происходило.

— Ше илех адони а нэхбад ми а маком а зэ! — крикнул Жермензон.

Парень отступил на шаг. Бросил быстрый взгляд в нашу сторону. Потом на Жермензона.

И в этот момент за его спиной сгустилась тьма. Оформилась в болтающуюся в воздухе чернильную кляксу. Из кляксы выступила шипастая нога, похожая на конечность гигантского богомола. Вслед за ногой появился и ее владелец — не уступающий ростом голему демон.

Увы, кавалерия прибыла к шапочному разбору. Парень бросил быстрый взгляд на демона, развел руками — и исчез. Без всяких вспышек, блесток, искр. Не открывая порталов, не растворяясь в воздухе и не проваливаясь сквозь землю. Просто исчез.

Очень разумно с его стороны. Если против тебя выступают главы Ночного и Дневного Дозоров плюс сопутствующие им Высшие — лучше всего свалить куда-нибудь подальше.

Голем помедлил, а потом всосался в землю. Обычно големы, созданные для выполнения одного конкретного задания, рассыпаются в прах. Но этот не рассыпался... и, похоже, он свое задание выполненным не считал.

— Здравствуй, Завулон, — сказал Гесер.

Демон трансформировался в человека — обычного невысокого человека неопределенного возраста и с незапоминающимся лицом. Меня всегда удивляло, почему Темные ходят сквозь нижние слои Сумрака в устрашающем обличье. Когда-то я думал, что там скрываются неведомые мне опасности, но я уже давно не начинающий неопытный маг. Я проходил сквозь Сумрак насквозь, сквозь все его слои, и знаю, что никаких кровожадных тварей там нет.

Или я все-таки не прав? Может быть, у Темных свои дороги, не похожие на наши?

— И ты здравствуй, Гесер, — кивнул Завулон. — Что это была за мерзкая тварь?

Я рассмеялся. И хохотал до тех пор, пока в лице Гесера не появилось понимание.

— Ты видел отвратительного злобного демона, Завулон? — спросил он.

Темный нахмурился. Кивнул.

— Я видел хитрого немолодого мужчину, — сказал Гесер. — Антон, полагаю, приятного и простого парня. Жермен-

зон — мудрого старого еврея. Ольга — ловкую и коварную женщину.

— Ты забыл добавить, что видел не простого хитрого немолодого мужчину, а еще и очень скромного хитрого немолодого мужчину, — сказала Ольга.

— И очень себя уважающего, — фыркнул Завулон. — Но, между прочим, он исчез, только когда появился я.

— Может быть, у него просто развито эстетическое чувство... — пробормотал Алишер. Но негромко. Не самая лучшая идея для обычного Светлого мага — ссориться с Высшим Темным.

В квартиру, где жила маленькая семья Толковых, мы поднялись втроем — я, Гесер и Завулон. Предварительно Завулон вежливо подтвердил, что Дневной Дозор не претендует на инициацию мальчика-пророка, но ему, Завулону, было бы интересно на ребенка взглянуть. Просто для общего развития. Потому что настоящий пророк попадается раз-другой в поколение, а уж пророков, за которыми бросается в охоту «тигр», ему вообще встречать не доводилось.

— У тебя мысли какие-то по этому поводу есть? — спросил Гесер, когда мы поднимались в лифте.

Завулон кивнул и даже слегка улыбнулся.

— Есть, Гесер. Есть. Как хорошо, что этого мальчика встретили вы и он не наша головная боль.

— Ну надо же, Дневной Дозор отказывается от пророка, — пробормотал Гесер. — Ты, наверное, и воевать бы за него с «тигром» не стал?

— Стал бы, — с сожалением признал Завулон. — Жадность заставила бы. Но мне очень не понравилось, что четыре Высших Светлых не смогли не то, что победить, а хотя бы напугать одного чужака.

— И кто он, этот чужак? — спросил я.

Завулон посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то очень недоброе. Нет, сейчас между нами нет личной вендетты. Но гадостей мы друг другу сделали много. Так уж сложилось, что я, будучи рядовым сотрудником Дозора, ухитрил-

ся напакостить Завулону... и стать его персональным врагом. Сейчас у нас как бы перемирие.

Но Темные становятся Высшими не потому, что умеют забывать или прощать. Они просто умеют ждать.

— Не знаю, Антон, не знаю, — со вздохом произнес Завулон. — Вначале я подумал, что речь все-таки о зеркальном маге. Но Зеркало отражает только чужую силу, а не внешность. Да и вел он себя... — Завулон осекся.

— Договаривай, — дружелюбно сказал Гесер. — Чего уж там.

— Кстати, ты не забыл, что я вам сейчас помог? — спросил Завулон.

Мы вышли из лифта на одиннадцатом этаже.

— Не забыл, — сказал Гесер. — И я готов прийти на помощь тебе...

— Дневному Дозору, — поправил Завулон.

— Дневному Дозору Москвы, — согласился Гесер, — в той ситуации, когда это не будет явно вредить целям и интересам Ночного Дозора или людей.

— Уклончиво, но приемлемо, — кивнул Завулон. — Враг мой любезный, я тебе даже несколько сочувствую. У меня полное ощущение, что ваш «тигр» — не человек.

— Почему наш? — спросил я.

— Почему не человек? — спросил Гесер.

— Готов ответить на один вопрос, — радостно сообщил Завулон. — Выбирайте, на какой.

Гесер презрительно фыркнул и сказал:

— Вообще-то ответы на оба вопроса элементарны. У него не было ауры вообще. Вряд ли он мог замаскировать ее от нескольких Высших. И он выглядел по-разному для каждого из нас. Значит, он вообще не материален, а просто отражается в нашем сознании. А «наш» он по той причине, что его интересует мальчишка, который теперь под нашей защитой.

— О, то есть в ответах вообще нет нужды? — обрадовался Завулон.

Иногда мне кажется, что пикироваться вот так они могут вечно.

— Ответь на вопрос Антона, — сказал Гесер. — Почему «тигр» — наша проблема.

Завулон кивнул:

— Изволь. На мой взгляд, дело не в том, что он охотится за мальчишкой. Возможно, он просто хотел погладить его по головке и пожелать успехов в борьбе за дело Света. Куда интереснее, что «тигр» ушел после моего появления.

— Он не рискнул биться на два фронта, — сказал Гесер, мрачнея с каждой секундой.

Завулон расхохотался:

— И не надейся! Я полагаю, он не хотел повредить мне.

— Родство душ? — спросил я.

— Ну что ты как маленький, Антон! — упрекнул меня Завулон. — Когда это мешало Темным? Дневной Дозор на нынешний момент уступает вам в силе. И если бы он уничтожил всех нас, Ночной Дозор был бы просто обескровлен, а вот Дневной — практически мертв.

— Поддерживать равновесие — работа Инквизиции, — сказал Гесер. — Ты на это намекаешь?

— Нет, Гесер. Я намекаю на то, что равновесие поддерживает еще и сам Сумрак. Это сумеречная тварь. Ты можешь в них не верить, но...

Несколько секунд Гесер и Завулон буравили друг друга взглядами. Мне захотелось сказать «А вот и не подеретесь!», но я не был уверен, что окажусь прав.

Ситуацию разрядила открывшаяся дверь одной из квартир. Из двери медленно, торжественно, будто черепаха из панциря, высунула голову бабка. Вообще-то ей и пятидесяти лет не было, но выглядела она именно старухой, карикатурной русской «babushka» в представлении американца или европейца — одутловато-полная, в замызганном халате, шлепанцах поверх толстых чулок и даже в платочке. Обалдеть! Таких обычно разве что возле церкви увидишь.

— И что встали? — спросила бабка. — С коврика моего сойди, ирод!

Завулон удивленно посмотрел под ноги. Он действительно стоял на уголке коврика, выложенного бабкой перед дверью квартиры. Коврик явно знавал другие, лучшие времена. Когда-то он был частью большого яркого паласа из синтетического волокна, за которыми в советские времена стояли в очередях. Потом, когда даже поливинилхлорид выцвел от

времени, покрылся пятнами, кое-где протерся до основы, а кое-где был прожжен сигаретами, палас отлежал свое на незастекленном балконе. Его поливало дождем. Его пыталась грызть сумасшедшая городская моль. На него опрокинули банку с краской.

А теперь этот полуразложившийся гнильник косо разрезали на куски и выкладывали их перед дверью в качестве коврика.

Подчеркнуто вежливо кивнув, Завулон сошел с коврика.

— Пить сюда пришли? — спросила бабка. — На девятый идите, там алкаши живут! А здесь приличные люди!

Самое удивительное, что Завулон ничуть на бабку не злился. Он изучал ее с живейшим интересом энтомолога, с которым попытался наладить общение таракан. Скорее уж закипал Гесер.

— Мы к вашим соседям в гости, — сказал я. — Все в порядке, не беспокойтесь.

— К Ольке? — обрадовалась старуха. — Приставы, да? Что, кредиты не выплачивает? А я ей говорила — нечего с жиру беситься! Без мужа живет, тефтеля своего растит, а туда же — то ремонт делает, то по заграницам мотается... — Тут в ее словах прорезалась искренняя ненависть человека, никогда и никуда не ездившего, — то телевизор плоский покупает, то по секциям-кружкам тефтеля своего водит...

— Антон, сделай что-нибудь, — попросил Гесер. — Я... боюсь не рассчитать.

— Да, поработай, — кивнул Завулон. — Хочешь — реморализируй. Обещаю не засчитывать это в ваш лимит на вмешательство.

Наверное, можно было попытаться воздействовать на бабку. Не была же она всегда такой, ведь верно? Не бывает таких людей от природы. С ними случается что-то плохое... а может быть, это неизвестный науке вирус скотства...

— Реморализировать не стану, боюсь надорваться... — сказал я. — Идите спать, бабушка!

Мне даже не хотелось считывать ее имя, будто я боялся испачкаться в ее мыслях.

— Спать? — удивилась бабка.

— Вы будете спать ровно десять часов, — сказал я. — А когда проснетесь, то забудете про нас.

Бабка кивнула и закрыла дверь, втянув голову в щель в самый последний момент.

— Все гениальное просто, — сказал Гесер. И позвонил в соседнюю дверь.

Открыла Ольга Юрьевна. Глаза у нее были чуть затуманены, как у любого человека, попавшего под мягкое, но непреодолимое внушение Иного.

— Проходите! — тоном радушной хозяйки произнесла она, отступая в сторону.

Семена я увидел сразу — он стоял посреди комнаты, одной рукой прижимая к себе мальчика Кешу, а другой «держа» на взводе какое-то очень и очень неприятное заклинание. Семен — он очень опытный и умелый. Но увидев «тигра» воочию, я понимал, что никакой опыт и мастерство Семену бы не помогли.

При нашем появлении Семен облегченно выдохнул и взмахнул рукой, разряжая заклинание. Потом сказал:

— Это друзья, Кеша, все хорошо...

А нам, куда с большим чувством:

— Спасибо. Вы бы знали, как я рад вас видеть. Даже тебя... Завулон.

6

В сказочных книгах родителям юных волшебников всегда честно сообщают, что их ребенка берут учиться волшебству. В Дозорах так никогда не делают. Во-первых, никакой специальной школы у нас нет. Иных учат при Дозоре, и детей среди них редко бывает больше трети, ведь способности Иного могут проявиться в любом возрасте. Среди Иных, как среди шахматистов, нет «взрослых» и «детских» разрядов. Во-вторых, родителям этого просто не надо знать. И дело тут не в том, что они могут что-то разболтать, это легко предупредить простыми заклинаниями. Проблема совсем в другом...

За многие века, пока человечество окончательно утратило веру в магию, а колдуны и волшебники создали Дозоры и раз-

делились на Светлых и Темных, у нас появился немалый опыт общения с людьми. Представьте, что вам сообщили, что ваш сын или ваша дочь — волшебники. Вначале скорее всего вы будете просто рады этому факту (или огорчены, если это противоречит вашей пламенной вере или не менее пламенным атеистическим убеждениям). Потом... потом вам станет обидно. Конечно, все родители хотят своим детям самого лучшего будущего. Но настолько лучшего... понимать, что вы проживете короткую жизнь обычного человека, в то время как ваш ребенок сможет совершать чудеса и будет жить сотни лет — это непросто! Очень многие срываются и начинают явно или неявно вымещать свое раздражение на ребенке. А это, кстати, может привести к большим неприятностям — дети контролируют себя куда хуже взрослых.

Но главное даже не в этом.

Пусть человек будет рад, что его ребенок — Иной.

Пусть он будет искренне любить его и не пустит в свое сердце даже капли жалости.

Обычно это означает, что мы имеем дело с хорошей, любящей семьей.

И тут начинается самое тяжелое.

«Доченька, бабушка тяжело болеет... ты ведь сумеешь ей помочь?»

Сумеет. Вмешательство седьмого уровня. Ерунда, конечно... но уже нарушает баланс между Дозорами.

«Сын, что-то совсем тяжеловато жить становится... Не зайдешь ко мне на работу? Там есть такой дядька, от него зависит, повысят ли мне зарплату... сможешь с ним... поговорить?»

Сможет. Вмешательство седьмого или шестого уровня. А еще — расшатывание морали у юного Иного.

«Да что ж они творят, сволочи! Да этот закон все наше образование угробит!»

И даже не надо ничего говорить. Честный хороший ребенок-Иной смотрит на лоснящуюся физиономию чиновника в телеэкране. И невольно желает ему зла.

Вспухает над мудрой чиновничьей головой воронка инферно. И не такая, которые они каждый день накапливают от обычных человеческих проклятий, за эти пусть сами отвеча-

ют — детьми-наркоманами, заминированными автомобилями, видеокамерами в бане, а настоящая, серьезная. От которой шарахнет так, что Инквизиция будет мирить Дозоры, выясняющие, кто виноват и кто теперь кому что должен.

Поэтому лучший и единственный способ — сразу объяснить человеку, неважно, большому или маленькому... «Ты — не человек. Ты — Иной. Это не лучше и не хуже... это иначе. Беды и проблемы людей тебя отныне не касаются, а ты — не касаешься их. Тебе хватит своих бед и своих проблем».

Не всегда сразу, но это понимают все.

А родители... они узнают, что их талантливый ребенок будет теперь учиться помимо обычной школы еще и в особой. Физико-химической. Художественной. Или посещать пять раз в неделю кружок макраме. Совершенно неважно, что они будут думать, потому что они примут любую ложь и никогда не станут допытываться до правды. Когда-то я думал, что это все-таки жестоко. Потом понял, что это не жестокость, а жесткость. Добрая жесткость.

...Вот что действительно жестоко — так это инициировать Иного, влюбленного или влюбленную со всем человеческим пылом. И объяснять, что нет, скорее всего он не сможет омолаживать или продлевать жизнь субъекту своей любви... что никогда и ничего не должен рассказывать... Наверное, это похоже на жизнь разведчика-нелегала, заброшенного в чужую страну. Только Иные не разведчики, и влюбленные, как правило, расстаются. Даже если Иной согласен любить человека, смиряется с необходимостью молчать и видеть, как подкрадывается беспощадная старость, — сама жизнь день за днем, год за годом разводит их все дальше и дальше. Меняются интересы, вкусы, привычки. И любовь умирает.

Поэтому те люди, что отказываются от возможной инициации и остаются людьми, поступают, наверное, мудро. Глупо, но мудро...

— Маме ничего нельзя будет говорить? — спросил Кеша.

— Ничего, — подтвердил Гесер.

— А вот Гермиона... — Кеша исподлобья посмотрел на Гесера, — это подружка Гарри Поттера...

— Я знаю, — ободрительно сказал Гесер.

— Она родителям рассказала.

— Но потом, вспомни, была вынуждена стереть им память, — ласково заметил Гесер. — Поверь, лучше вообще ничего не рассказывать.

Да, после книг Роулинг работать стало гораздо проще. Основную концепцию дети схватывают на лету, только отсутствие Хогвартса их крайне огорчает. Гесер утверждает, что Роулинг написала свои книги по заказу лондонского Дозора, точнее — обоих Дозоров, а разрешение на дозированную выдачу ей информации принимала Инквизиция. Может быть, это правда. А может быть, он просто шутит. Светлым Иным возможность пошутить легко заменяет невозможность соврать.

— Но в обычную школу я ходить буду? — уточнил Кеша с явной надеждой услышать «нет».

— Конечно, — сказал Гесер. — Волшебники-недоучки никому не нужны. Ты будешь ходить в нашу школу после уроков в обычной. Но сейчас... сейчас тебе придется некоторое время пожить у нас, в Ночном Дозоре. Там есть помещения для сотрудников, тебе дадут комнату с большим телевизором, игровой приставкой...

— Интернетом, — добавила Ольга.

Кеша слегка побледнел — в десять лет перспектива оказаться где-то без мамы пугает куда больше, чем радует возможность колдовать. Но довольно твердо спросил:

— А мама разрешит?

— Конечно, — кивнула Ольга. — Мы ее убедим. И это ненадолго. Несколько дней... может быть, неделя. И отправишься домой.

Завулон саркастически улыбнулся, но промолчал. Он что-то пока не спешил уходить, видимо, никак не мог насмотреться на настоящего пророка. Мы с ним стояли в стороне, а Гесер с Ольгой сидели на диване с обеих сторон от Кеши и на два голоса расписывали ему преимущества жизни Иного. Семен, натерпевшийся страху, пока мы не приехали, пил на кухне чай с Ольгой Юрьевной. В принципе ничего ужасного за то время, пока мы добирались, с ним не произошло. Он просто обнаружил, что начисто лишился возможности связаться с кем-либо магическим образом, не способен прощупать пространство вокруг и предугадать будущее хотя бы на минуту вперед. Ну и ощущение надвигающейся опасности нарастало с каждой се-

кундой. Семен про «тигра» ничего не знал, но понял, что дело тут не в обычной разборке между Дозорами, что все куда серьезнее. Вот и стоял с каким-то заклинанием на взводе, ожидая, кто доберется до него раньше...

— Это интересно, что я волшебник, — нерешительно сказал Кеша. — А... я обязательно должен им стать? Не могу остаться человеком?

Гесер и Ольга переглянулись над головой мальчика. Завулон хмыкнул.

— Можешь, — признался Гесер. — Если хочешь. Ты хочешь?

— Нет, — твердо сказал Кеша. — Просто интересно.

Недобрая соседка, обзывающая мальчишку тефтелем, была во многом права. Мальчишка был рыхлый, круглолицый, будто Пончик из книжки про Незнайку, кожа на лице была бугристая, как обычно бывает у немолодых людей и крайне редко у детей. Про таких детей родители говорят слегка извиняющимся тоном: «Знаете, он очень умненький и добрый...»

Насчет доброты — не знаю, хотя аура у мальчика и была хорошая, однозначно светлая, Завулону тут нечего было делать. А вот что умненький — это походило на правду.

— Это все из-за самолета? — продолжал расспрашивать Кеша. — Потому что я испугался?

— Да, — кивнул Гесер. — Самолет и вправду мог упасть, ты предвидел опасность. И Антон, — Гесер кивнул в мою сторону, — понял, что ты — пророк.

— И спас самолет? — уточнил мальчик.

— Как видишь, самолет не упал, — ушел Гесер от ответа.

— Так я могу только предсказывать? Больше ничего? — с явным огорчением спросил Кеша.

— Нет, почему же. Просто это у тебя будет лучше всего получаться, — вступила в разговор Ольга. — Это как с музыкой. Всех учат играть на фортепьяно, даже скрипачей и флейтистов. Для общего развития. Так что ты сможешь бросать файерболы, останавливать время, делаться невидимым...

Мне вдруг резко захотелось курить. Последнее время я курю редко, но с пачкой сигарет в кармане все-таки чувствую себя спокойнее. Я посмотрел на Завулона — тот маялся, раз-

миная в руках длинную темную сигарету. Мы переглянулись и не сговариваясь направились на балкон.

Как и положено маленькому балкону в маленькой квартире, он был изрядно захламлен. Тут стояли санки и старый детский велосипед, коллекция пустых банок из-под джемов и солений, большой картонный ящик со всяким хламом, маленький пластиковый контейнер с инструментами. Контейнер был открыт, и я видел, что и молоток, и плоскогубцы слегка подернулись ржой. Ну кто же хранит инструменты на незастекленном балконе? Эх, женщины...

Или лучше сказать: эх, мужчины? Тяжело быть матерью-одиночкой. Особенно в России.

Мы закурили — Завулон любезно поднес мне язычок пламени, пижонски зажатый между большим и указательным пальцем, я прикурил, не побрезговал. Глубоко затянувшись, я сказал:

— Надо, пожалуй, мамашу отправить на курорт. Что ей здесь торчать, если ребенок будет у нас? А так... может, снимет кого, развлечется...

— Отправь, — согласился Завулон. — Дневной Дозор претензий не имеет.

— Что-то ты добрый сегодня, — сказал я. — И это, прости за дурацкий каламбур, не к добру.

— Я-то могу позволить себе быть добрым, — усмехнулся Завулон. — А вот ты, Антон, стесняешься собственной доброты.

— Почему это?

— А с чего бы иначе эти слова? «Мамаша», «снимет», «развлечется»... Опошляешь собственное доброе предложение. Стесняешься.

Я подумал и согласился:

— Да. Стесняюсь. В наше время даже добрые волшебники стараются выглядеть злыми. Завулон... скажи, а что это такое — сумеречная тварь?

— Чистой воды теория, — усмехнулся Завулон. — Не бери в голову.

— В Сумраке ведь никто не живет, — сказал я.

— Раз не живет, значит — не живет, — легко согласился Темный, и я понял, что больше никакой информации от него не получу.

— Ну ладно, — сказал я, щелчком пальцев отправляя окурок в полет с балкона, а вторым щелчком — испепеляя его на лету. — Спасибо и на том, что помог. И что не стал претендовать на пацана.

— Будь он боевым магом — претендовал бы, еще как, — усмехнулся Завулон. — Мальчик не наш, конечно, но возможности всегда есть... И будь он прорицателем — я бы за него поборолся. А пророк? Нет, спасибо.

— Ты ценишь прорицателя больше пророка? — поразился я.

— Конечно. Прорицатель говорит о том, что может случиться, — и будущее можно изменить. Пророк вещает истину. То, что неизбежно. Зачем знать неизбежное, Антон? Если неизбежное плохо, то не стоит расстраиваться раньше времени. А если хорошо — пусть лучше будет приятная неожиданность. Многие знания — многие печали. — Завулон посмотрел на сигарету в своих руках. — Бывай, Светлый...

Сигарета в его пальцах вспыхнула мрачным багровым пламенем. Огонь перекинулся на пальцы, пробежал по руке, охватил все тело. Завулон улыбнулся мне сквозь пламя — и исчез.

Только догорающая сигарета упала под ноги.

— Позер, — сказал я. — Фигляр... Самовлюбленный урод!

Демонстративный отказ Завулона от борьбы за мальчишку-пророка меня пугал. Быть может, это была всего лишь хорошая мина при плохой игре, но что-то подсказывало мне — Темный говорил то, что думал.

Что же это такое — сумеречная тварь?

Завулон говорил так, словно Гесер должен его прекрасно понимать. Значит, Гесер знает...

Но спрашивать у шефа я, разумеется, ничего не стал. У Бориса Игнатьевича свое мнение о том, что нужно знать подчиненным для успешного выполнения своих обязанностей.

Закончилось наше пребывание в квартире Толковых именно так, как я и предполагал. Мать мальчика была посажена в машину и в сопровождении Игоря, Алишера и Жермензона отправлена в аэропорт — лететь регулярным рейсом в Барселону и отдыхать на курорте. Матерью она явно была хорошей, судя по тому, что Семену потребовалось два внушения шесто-

го уровня, чтобы убедить ее оставить ребенка на наше попечение, а самой отдыхать на каталонских пляжах. Ну а для нас Гесер открыл портал прямо в офис Дозора.

И даже инициировал мальчика лично, прямо во время перехода сквозь Сумрак. Можно было бы сказать, что это большая честь, не будь мальчик настоящим пророком.

Комнаты для проживания расположены в офисе в полуподвале. Выбор оправданный — реально там мало кто живет, обычно в них ночуют дежурные или останавливаются приехавшие в командировку иногородние Иные.

Ниже есть еще несколько этажей — начиная от хранилища артефактов и архивов и кончая камерами предварительного заключения. Но это уже другая история, туда ведет другая лестница, и вообще так просто туда не спуститься.

Кеше выделили комнату, которую обычно занимали некурящие. Приволокли туда огромный плоский телевизор, две игровые приставки, кучу дисков и два мешка игрушек, закупленных в ближайшем «Детском мире». Судя по всему, покупать игрушки послали бездетного сотрудника, иначе в этой горе не соседствовали бы плюшевые зверюшки, конструкторы «Лего», радиоуправляемые машинки и вертолеты, игры-бродилки, в которые можно играть только компанией, и развивающие деревянные игрушки для малышей младшего детсадовского возраста. Кеша, уперев руки в упитанные бока, взирал на эти развалы с легким испугом.

— Семен, ты уж проследи, чтобы кормил его кто-то семейный, имеющий детей, — попросил я. — И желательно, чтобы ребенок у него был моложе ста лет. А то мальчику принесут шашлык, пиво и копченую колбасу.

— Пиво ему рано, это я понимаю, — кивнул Семен. — А колбаса и шашлык чем плохи? Помню, в гражданскую дело было, подобрал я на вокзале беспризорника — Светлый Иной оказался. Ты его знаешь, кстати, это... ну, неважно. Худющий был! Так вот, месяц его колбасой откармливал! На Украине дело было, хорошую там колбаску делают... жареную...

— Понял, проехали, — кивнул я. — Тогда точно попроси кого-то из женщин заняться мальчиком. Ладно?

— Попрошу, — усмехнулся Семен. — Только до ужина ему далеко, шеф пожелал немедленно заняться с мальчиком азами магии.

Я пожал плечами. К чему такая спешка? Ребенок теперь под охраной всего Ночного Дозора. Разберемся помаленьку, на что он способен...

— Пойду, — сказал я Семену. — Заберу своих, и домой. Светлана борщ обещала.

— Борщ — это замечательно! — расплылся в улыбке Семен. — А я, пожалуй, в столовку. И сам поем, и повариху попрошу что-нибудь для мальчонки сварганить.

Поварихой у нас была тетка лет сорока, как Иная — слабенькая, но повариха замечательная. Еда в нашей столовой уступала блюдам из мишленовских ресторанов только ценой.

— Вот это хорошая идея! — одобрил я.

В машине Надька тарахтела без умолку. Во-первых, ее восхитил открытый Гесером портал. Вообще-то она и сама умела открывать порталы, но, во-первых, ей это было строжайше запрещено, а во-вторых, портал Гесера на ее взгляд чем-то отличался. Какой-то «тонкоэнергетической структурой» и «личной избирательностью». В общем, на его открытие Гесер тратил на порядок меньше сил, а пройти через портал мог только тот, кому это было разрешено.

Во-вторых, Наде было очень жалко мальчика-пророка. Жалко, что он живет с мамой, но без папы. Жалко, что не поехал на море. Жалко, что без мамы в скучном офисе... хотя игрушки ему интересные притащили, можно будет вертолетик попросить на поиграться? Жалко, что он толстый и неспортивный, над ним, наверное, все в школе смеются.

В-третьих, Надя очень гордилась, что подала самому Гесеру правильный совет. Нет, прямо она не хвасталась, но то и дело возвращалась к этому моменту...

Светлана едва заметно улыбалась, слушая болтовню с заднего сиденья. Потом негромко сказала:

— Я очень за вас волновалась.

— Нас была целая армия.

— И сильно вам это помогло? Не люблю непонятные волшебные штуки...

— Это человеческие атавизмы, — вздохнул я. — Иным положено любить магию во всех проявлениях. Кстати, ты не знаешь, что такое сумеречная тварь?

— Впервые слышу, — покачала Светлана головой.

— Вот и я...

— А я знаю! — воскликнула сзади Надя. Поразительная детская способность слышать все интересное, даже если собственный рот ни на секунду не закрывается.

— Ну? — насторожился я.

— Если в Сумраке есть растения...

— Какие растения?

— Синий мох! То должны быть те, кто его ест.

— А кто вообще ест мох? — спросила Света.

— Олени, — автоматически ответил я. — Но этот... он никак на оленя не походил. Козел, конечно, но никак не олень...

— Антон!

— Что я такого сказал? — буркнул я. Надя захихикала. — У нас критическая ситуация...

— Нет уже критической! Кто-то охотится за мальчиком-пророком. Ну и что? Против всего Дозора, да еще если и Темные помогут, никому не выстоять. Гесер сейчас свяжется с Инквизицией, если уже не связался. Порыщут в архивах. Найдут, в чем дело. Какая-то секта, возможно. Как с братьями Регина, помнишь? Ты лучше реши, что предпочитаешь — доваривать борщ или позаниматься с Надей математикой.

— Я математику выбираю, — ответил я. — Борщ я варить не умею.

Секта... Может, и впрямь? Сидели себе пару столетий, ждали пророка. Может, хотят, чтобы он им смысл жизни открыл. Сидели, ждали... Накачивали артефакты энергией, тренировали охотника...

Хорошая версия. Экзотическая, но понятная. Хочется надеяться, что так и есть.

7

С математикой у Нади было плохо. С языками — хорошо, причем она принципиально учила сама, а не пользовалась магией. С историей — прекрасно, ей это было очень интересно, причем и человеческая история, и Иная. Читала она очень много.

Математика не давалась.

С грехом пополам мы справились с квадратными уравнениями (можете считать меня садистом и звать на помощь детского омбудсмена, но Надя училась в школе, где программа не соответствовала утвержденной министерством образования). Дочка с облегчением закрыла тетрадку и забралась на кровать с книжкой. Мимолетно глянув на обложку, я решил, что это какой-нибудь клон Гарри Поттера — там был изображен одухотворенный мальчик, творящий заклинания (ну или каким-то удивительным образом обмотавший руки светящимся голубым туманом и мрачно наморщивший лоб). А сам я пошел в гостиную, выбрал книжку Терри Пратчетта и улегся с ней на диван.

Что еще нужно семейному и немолодому волшебнику для счастья после бурно проведенного дня? Почитать про придуманных волшебников, пока жена варит борщ, а дочка занята чем-то тихим и мирным.

— Папа, так, значит, сумеречные твари и впрямь есть?

Я посмотрел на Надю. И чего ей не читается?

— Наверное. Не знаю.

— И они гоняются за пророками?

— Не верь всему, что говорят в сказках, — ответил я, перелистывая страницу. Волшебник Ринсвинд попал в очередную передрягу, из которой, конечно же, выпутается. Герои всегда выпутываются, если автор их любит... и если не устал от них.

— Но это же не сказки!

— Что? — Я взял из рук дочки книгу, открыл на выходных данных. Ага... и впрямь. Издательство «Иное слово». Печатает книги и прочую бумажную продукцию для Иных. Для Светлых и Темных, без разбора. Конечно, ничего особенно серьезное они не выпускают, настоящие заклинания либо

слишком секретны, чтобы их печатать, либо не выдерживают механического переноса текста на бумагу. Кое-что вообще можно передать только на словах и на примерах. Ну а печатают самые основы... тут даже секретность особо не важна, попади такая книга в обычный магазин (как иногда и случается), ее сочтут детской книжкой или не графоманской фантастикой. Книжка называлась «Детство замечательных Иных». — Это что-то учебное?

— Для внеклассного чтения. Истории про детство великих волшебников.

Мне в школе магов учиться не довелось. В те годы находили не так много Иных и открывать ради них школу посчитали нецелесообразным. Так что я учился прямо на работе...

Я пролистал главу про Мерлина, про Карла Цемиуса, про Мишель Лефрой, про Пан Чанга. Наткнулся на статью про Гесера и ухмыльнулся, прочитав первые строчки: «Когда великий Гесер был маленьким, он жил в горах Тибета. В детстве он был некрасивым болезненным ребенком, часто простужался, и его даже обзывали обидным именем Джору — «сопливый». Никто не знал, что на самом деле Гесер — Иной, один из самых сильных магов на Земле. Про это знал только Темный Иной — Сотон, который мечтал сделать Гесера Темным...»

— Дальше... — нетерпеливо попросила Надя. — Про Эразма...

— Разве Эразм Роттердамский был пророком? — удивился я, открывая книгу на заложенной странице. Закладка была розовенькая, с феечками из какого-то диснеевского мультика. — А... Дарвин...

Автор не баловал юных читателей разнообразными началами. Впрочем, это даже придавало повествованию некоторую эпичность.

«Когда великий пророк Эразм Дарвин был маленький, он жил в деревушке Элтон, в Ирландии. С детства он был мечтательным и романтичным ребенком. Часто убегая из дома, он лежал на поле цветущего клевера и разглядывал цветочки. Эразм был убежден, что растения умеют любить, как люди, что у них даже есть своя сексуальная жизнь. Об этом он написал замечательную поэму «Любовь растений». Но это было позже...»

Я закрыл книжку и посмотрел на титул. «Пособие для внеклассного чтения для Иных среднего и старшего школьного возраста». Хмыкнул.

— Папа, ну неужели ты думаешь, что я ничего не знаю про сексуальную жизнь? — спросила Надя.

Я посмотрел на нее.

— Надя, тебе десять лет. Да, я думаю, что ты ничего не знаешь.

Надя слегка покраснела. Пробормотала:

— Я же смотрю телевизор. Я знаю, что взрослые любят целоваться и обниматься...

— Стоп! — запаниковал я. — Стоп. Давай, ты об этом поговоришь с мамой?

— Хорошо, — кивнула Надя.

Я попытался вернуть книжку.

— Так про Сумрак правда? — повторила Надя.

— Про Сумрак? Ах, да... — Я стал проглядывать дальше. Вот Эразм научился входить в Сумрак... вот Иные решили привлечь его в Дозор... ну надо же, в Дневной... Что?

Я сел на диване и уставился в текст.

«...пророков и предсказателей всегда очень ценят в Дозорах, потому что дар их встречается редко — особенно дар настоящего Пророка. И если Пророк становится на службу одной из сил, то это может привести к большим бедам. Поэтому сам Сумрак старается не допустить этого. Если пророк может сказать что-то очень, очень важное, чего Иным знать не следует, то к нему приходит сумеречная тварь. Ее порождают глубины Сумрака, и сила сумеречной твари бесконечна — никто из Иных не способен ее остановить или победить. И либо Дозоры оставляют пророка в покое, либо сумеречная тварь его убивает — чтобы не случилось большей беды... Маленькому Эразму повезло. Когда он понял, что сумеречная тварь идет по его следу, он пришел к своему любимому дереву — старому дуплистому ясеню — и выкрикнул пророчество прямо в дупло. Когда пророк изрекает главное в своей жизни пророчество, он не помнит, что именно он говорил. Сумеречная тварь поняла, что о пророчестве никто не узнает, и оставила Эразма в покое...»

Дальше начиналось повествование о том, как хитроумный Эразм убедил Дозоры оставить его в покое и жил счастливой

жизнью, создавая забавы ради големов и поднимая трупы, частенько выдавая обычные предсказания для Иных — и иногда шокируя окружающих людей, сообщая им в семнадцатом веке то про Большой взрыв, то про реактивные двигатели на кислороде и водороде, или про самозарождение жизни в океанах. Немножко было и про его внука Чарльза, куда более известного среди людей. Со временем Эразм отошел от дел, как это водится у Иных, инсценировал собственную смерть и теперь живет где-то в Великобритании, не желая ни с кем видеться...

Я быстро долистал главу до конца. И чем же, интересно, замечателен этот пророк, про которого я лично никогда не слышал? А... вот...

«Вы, наверное, спросите, а чем же замечателен Эразм Дарвин? А вот чем — он обманул сумеречную тварь. Обычно пророкам удается сделать свое главное пророчество только в том случае, когда они произносят его сразу после инициации, — даже сумеречной твари нужно время, чтобы найти жертву. А Эразм догадался, как избавиться от преследователя, когда зверь уже шел по его пятам и под взглядом его глаз, горящих во тьме, люди становились немногим отличны от любимых Эразмом растений... Никогда не надо отчаиваться, никогда не надо сдаваться, даже непреодолимую силу можно обмануть — вот чему учит нас жизнь замечательного маленького Иного Эразма...»

— Глаз, горящих во тьме... — сказал я и потер переносицу. — Тигр. Тигр...

— Какой-то новый перевод? — спросила Светлана, выглядывая с кухни.

— Чего перевод?

— Тигр, тигр, жгучий страх, ты горишь в ночных лесах. Чей бессмертный взор, любя, создал страшного тебя? В небесах иль средь зыбей вспыхнул блеск твоих очей?.. Блейк. Вильям Блейк. Стихотворение «Тигр».

— А ты не знаешь, случайно, не был ли он знаком с дедушкой Чарльза Дарвина? — спросил я.

— С Эразмом? — уточнила Светлана. — Который был Иным?

Я кивнул и встал с дивана.

— Ну как же «не был ли он знаком»? Блейк даже его книги иллюстрировал. Что-то там про любовь растений.

— А он не только стихи писал?

— Вообще-то он иллюстрировал кучу книг и как художник известен не меньше, чем как поэт. Кстати, он не был Иным в буквальном смысле слова, но при этом обладал редкой способностью... — Светлана вдруг осеклась.

— Ну? — устало спросил я, открывая шкаф, который Наде было трогать строжайше запрещено. Запоры, увы, от нее не помогут, но Надя девочка умная и слово держит.

— Он видел Иных. И Темных, и Светлых.

— Как мой знакомый полицай, — сказал я. — Светлана, мне надо на службу.

— Борщ поешь? — спросила жена.

Я только вздохнул, рассовывая по карманам всякую магическую мелочевку. Я был стопроцентно уверен, что ничего из этих амулетов мне не пригодится, но привычка была сильнее.

— Антон... — позвала Светлана, когда я уже был в дверях.

— Что?

— Когда-то я ушла из Дозора, чтобы мы могли быть вместе.

— Помню.

— Я уже давно хочу тебя попросить...

Я посмотрел на нее. Светлана помолчала секунду, потом опустила глаза:

— Береги себя.

На третий этаж, в кабинет Гесера, я вбежал как сумасшедший. Учитывая, что я размахивал книжкой про детство замечательных Иных, я, наверное, выглядел как человек, обнаруживший в «Буратино» зашифрованные пророчества на двести лет вперед, отчет о встрече с инопланетянами, рецепт средства от насморка и неприличный акростих в начале второй главы.

— Где пожар? — спросил Гесер.

Он сидел на краю стола, а в его кресле развалился мальчишка-пророк. Кресло пацану было, мягко говоря, просторно. Судя по тому, что сидел Кеша в неумелом подобии самой

простой позы для медитации, Гесер пытался научить его контролировать свой дар. Больше тут никого не было.

— Тигр! — выкрикнул я.

— Он еще далеко, — спокойно ответил Гесер. — Полагаю, что у нас есть время до утра.

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?

В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован — такой?

Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх? —

продекламировал я.

— А мне больше нравится перевод Степанова, чем Бальмонта, — ответил Гесер. — Тогда окончание звучит так:

Кто ужасный млат вздымал?
Кто в клещах твой мозг сжимал?
А когда сошел на нет
Предрассветный звездный свет —

Неужели был он рад,
Встретив твой зловещий взгляд?
Неужели это был
Тот, кто Агнца сотворил?

Кеша, открыв глаза, с недоумением смотрел на нас. Нечасто в наши дни увидишь, как двое взрослых мужиков начинают читать стихи. Потом снова закрыл глаза. Какая старательность, потрясающе!

— И в чем разница? — мрачно спросил я.

— Если верить этому переводу, у нас есть время до утра, — пояснил Гесер. — А вот Бальмонт появление Тигра относит к вечеру:

В тот великий час, когда
Воззвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, —

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

— Вы все знаете, — сказал я. — Пророк Эразм Дарвин. Единственный пророк, ускользнувший от сумеречной твари.

— Я не знаю, — просто ответил Гесер. — Есть такая версия. Но я считаю ее поэтической вольностью, отражением каких-то обычных свар между Светлыми и Темными Ирландии.

— Тигр — это кто-то вроде Зеркала? — спросил я.

— Нет. Вовсе не каждого пророка преследуют сумеречные твари. И их вовсе не заботит баланс сил между Дозорами. Если... если верить легендам... они пытаются предотвратить произнесение пророчеств, которые предвещают неслыханные беды и катастрофы. И уничтожают всех, кто стоит у них на пути...

— Вы знали, — сказал я. — Вы все знали, Борис Игнатьевич...

— Да не знал я! — буркнул Гесер. — Что я тебе, компьютер, все помнить? Завулон намекнул про сумеречных тварей. Я ничего подобного не слышал, но сделал хорошую мину при плохой игре... якобы понимаю, о чем речь. Дал команду аналитикам, они прочесали базы данных и полчаса назад выдали мне вот эту же самую книжку... плюс две странички анализа и версий... Это Толик тебе скинул информацию? Я его премии лишу до конца столетия!

— Никто мне ничего не выдавал, — заступился я за приятеля. — Надя читала эту книжку по внеклассному чтению, пришла с вопросом. Я прочитал. Дальше... дальше догадались всей семьей. Про Эразма, про Блейка, про тигра...

— Видимо, к Эразму сумеречная тварь приходила не в образе человека, — усмехнулся Гесер. — А он потом что-то рассказал приятелю, который хоть и не был Иным, но их видел...

— Борис Игнатьевич, надо просить о помощи Инквизицию, — сказал я. — Если это все верно, то мы перед тигром...

Гесер не дал мне закончить.

— Они отказали, Антон.

— Что? — растерялся я.

— Рекомендация Инквизиции — не вступать в конфликт, предоставить Тигру возможность забрать мальчика.

Он первый раз произнес слово «тигр» так, что оно прозвучало как имя.

— Но он же... — Я покосился на Кешу.

— Да, Тигр его убьет, — кивнул Гесер.

— Борис Игнатьевич!

— Мальчик не слышит, — успокоил меня шеф. — Я поставил завесу. Просто ради того, чтобы наши голоса ему не мешали.

— Гесер, так кто он — Тигр?

— Никто не знает, Антон. Уж больно редкая тварь. Либо пророк успевает сказать свое главное пророчество и Тигр от него отступает. Либо... либо он убивает пророка и уходит. Полагаю, потому они так редки, пророки. Он обычно находит их раньше, чем мы.

— Что такое главное пророчество?

Гесер вздохнул. Демонстративно посмотрел на часы. Потом указал мне на одно из кресел, сам сел рядом. Покосился на Кешу, погрозил тому пальцем. Мальчик снова закрыл глаза.

— Самое первое пророчество, которое произносит пророк, вступая в силу, называется главным. Оно может быть очень важным, а может — и совсем пустяковым. Но есть такая... такая версия... тут мы вступаем на очень зыбкую почву, Антон.

— Не тяните.

— Есть версия, что первое пророчество — это не предсказание реальности, а ее изменение. А есть и другая... что изменить будущее, конечно, пророк не способен. Но он выбирает одно из возможных течений реальности, проявляет его и... и фиксирует. Выражаясь языком фотографов.

— Уже и фотографов-то таких нет, кто проявляет и фиксирует, — пробормотал я. — То есть Тигр предотвращает первое пророчество, потому что если оно будет ужасно — то оно и случится?

— Ну да. Вот предскажет мальчик третью мировую — она и произойдет. Предскажет падение астероида размером в пару километров — тот свалится...

— Но то, что он говорил мне в аэропорту...

— Не пророчество. Предвестники. Пророчество он должен сделать теперь, после инициации. Обычно — в первые сутки. Иногда в первые часы.

Я посмотрел на толстого пацана, ерзающего в большом потертом кресле. Спросил:

— Что вы хотите делать, шеф?

— Растормошить парня, чтобы он все-таки произнес свое главное пророчество. Ведь вовсе не факт, что оно будет ужасным. Мне, Антон, очень не хочется уступать какой-то непонятной сумеречной твари, которая даже не желает с нами разговаривать!

— А мальчика вам не жалко?

Гесер пожал плечами.

— Всех не пожалеешь. Если ради слезинки одного ребенка должны пролить свою кровь десятки Иных — пусть ревет. Но отдавать его на заклание, не попытавшись ничего сделать, я не хочу.

— Значит, если Тигр придет...

— Ночной Дозор не станет с ним сражаться.

— Это подло.

— Это честно. Если бы Инквизиция пришла на помощь — был бы какой-то шанс. Возможно. Но они отказались. Теперь все зависит от того, сколько у нас времени, когда явится Тигр. Если к утру — я, наверное, мальчишку раскачаю. Пусть говорит свое пророчество... я и слушать его не стану. Пусть в унитаз бормочет. Или в дупло, как Эразм... могу специально дерево с дуплом вырастить. Но если Тигр придет ночью...

— Борис Игнатьевич, а как там в оригинале говорилось? — спросил я. — У Блейка? Предрассветный звездный свет? Или «в час как небо все зажглось»?

Гесер помолчал несколько секунд. Потом процитировал:

When the stars threw down their spears,
And water'd heaven with their tears...

— Фигово, — сказал я.

— Очень надеюсь, что в российских условиях перевод важнее оригинала, — сказал Гесер.

— Когда звезд лучи упали... — сказал я. — Но, может быть, это именно о рассвете? Не о появлении звезд на небе? Эти поэты... они такие поэты...

— Аналитики говорят, что это вообще аллюзия на «Потерянный рай» Милтона. И речь тут идет о падших ангелах, которые были побеждены, упали с небес и были оплаканы оставшимися ангелами... Поэты, Антон, ты прав, они такие поэты... Попробуй разбери, что имеют в виду.

Я подошел к окну и посмотрел в московское небо. Обычное низкое московское небо. Звезд не видно, хотя уже стемнело и они должны были появиться. Дождь... дождь возможен, вполне...

— Антон, ты ничего не сможешь сделать, — мягко сказал Гесер. — И я не смогу. И весь Дозор вместе. Иди, а я буду работать с мальчиком. Надеюсь, что успею.

Шеф, конечно, прагматик еще тот. И в этом своем прагматизме он без колебаний отдаст пацана хоть существу из Сумрака, хоть настоящему тигру в зоопарке — если решит, что это меньшее зло. Но просто из упрямства он сделает все, что возможно, пытаясь его спасти...

Я это знал.

— Побуду в офисе, — сказал я. — Вы, если что, зовите, Борис Игнатьевич...

Гесер кивнул.

— Наш разговор — тайна? — спросил я на всякий случай, уже подходя к двери.

— Как сочтешь нужным, — неожиданно ответил Гесер.

Я замешкался. Посмотрел на шефа.

И вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

В дежурке сидели трое — Лас, Семен и Алишер. Обсуждали они не мальчишку-пророка и не Тигра. У них был куда более возвышенный разговор.

— И тут я понимаю, — рассказывал Лас, — что на меня снизошли спокойствие и душевный мир. Значит, мое решение прийти к Богу — правильное!

— Еще бы, после бутылки коньяка, — заметил Алишер. — Привет, Антон!

— Привет, — ответил я, усаживаясь за стол. Комната дежурных довольно просторная, но из-за двух диванов, большого круглого стола с креслами вокруг и мини-кухни у одной стены места там не очень много.

— Коньяк тут ни при чем! — возмутился Лас. — Ты в Аллаха веришь?

— Верю, — ответил Алишер. — Так я и не пью.

— А пиво?

— Пиво пью. Но пророк сказал, что первая капля вина убивает человека, он про пиво ничего не говорил.

— Отговорки, — отрезал Лас. — Так что ж ты иронизируешь над моей верой в Бога?

— Я не иронизирую, — спокойно сказал Алишер. — Очень хорошо, что ты веришь. Только не надо состояние опьянения смешивать с божественным прикосновением. Некрасиво получается.

Лас только махнул рукой:

— Легкое опьянение помогает человеку сбросить с плеч цепи условностей и раскрепостить сознание.

— Это вовсе не является условием божественного откровения, — хмыкнул Семен. — Я вот в церковь люблю заходить, там спокойно так, пахнет хорошо, и аура добрая, светлая. Но Бога не чувствую.

— Придет и твой миг! — торжественно сказал Лас. — Ты почувствуешь Бога в себе. Ты ведь хороший человек.

— Я Иной, — ответил Семен. — Надеюсь, что хороший. Но Иной. А для нас, боюсь, Бога нет...

— Ребята, а можно вопрос? — произнес я.

— Ну? — оживился Лас.

— Если ты точно знаешь, что победить невозможно, но если не сражаться — кто-то погибнет... Что ты сделаешь?

— Если невозможно, то зачем гибнуть мне? — спросил Лас.

— Если надо сражаться, то неважно, победишь ли ты, — ответил Алишер.

— Что, с парнишкой совсем все плохо? — нахмурился Семен.

— Ребята, вы слышали про сумеречную тварь? — продолжил я расспросы.

Молчание.

— Вот я тоже только что узнал. Это потому, что мы детских книжек не читаем. Только не знаю, надо ли...

— Раз начал говорить, то говори, — сказал Семен. — Или говори сразу, или не произноси никогда. Все прочее — нечестно.

— Мне кажется, Гесер дал выбирать нам, — сказал я. — Ребята, сегодня ночью офис будут штурмовать. Точнее, будет штурмовать... И победить мы не сможем.

8

Если честно, то мне казалось, что Гесер молчаливо благословил меня набрать добровольцев. Я как-то сразу представил себе, как все будет: я рассказываю ребятам, они рассказывают друзьям, в офисе собирается весь Дозор, и когда является Тигр — его встречают все Светлые Москвы... И дружно дают отпор. В конце концов, кто сказал, что сумеречную тварь невозможно победить? Тоже мне, аналитики... происхождение неизвестно, сила неизвестна, цели малопонятны, победить невозможно...

Победим! Соберемся всей толпой — и победим. Вместе и черта бить веселее. Разве Семен, Алишер, Лас согласятся с тем, что беззащитного ребенка надо отдать неведомой твари?

— Если бы кто-то из наших попал в такую переделку — я бы вмешался, — сказал Семен. — Если бы твоя дочка... тьфу-тьфу... — Семен постучал по столу. — А ради этого мальчишки — нет.

— Он наш! — возмутился я.

— Он Светлый Иной, — кивнул Семен. — Но не наш. Может, через год уже был бы «наш». Через месяц. А пока — нет. Ты же сам говоришь, победить невозможно. Разве лучше будет, если мы все умрем?

— Да откуда мы знаем, что невозможно? — возмутился я.

— Судя по той стычке, что была днем, — невозможно, — спокойно ответил Семен. — Нет у нас шансов. И губить Дозор ради одного Иного — глупо.

— Семен прав, — кивнул Алишер. — Я не боюсь погибнуть в бою, если есть шанс на победу. Но здесь — здесь игра не нашего уровня. Я его видел... он мне не понравился. Будем надеяться, что Гесер научит мальчика пророчествовать.

— Ты же говорил только что — если надо сражаться, то неважно, победишь ли!

— Да. Но здесь сражаться — не надо.

Я посмотрел на Ласа.

— Вот почему пророк — противный жирный мальчишка, а не красивая молодая девушка? — воскликнул Лас. — Нет мотивации жертвовать собой!

— Ты, кажется, креститься собрался... — напомнил я.

— Вот именно. И хочу успеть это сделать. Знаешь, даже тупые рыцари, которым лишь дай возможность подраться, мчались на бой с драконом, когда ты похищал прелестную юную деву, а не мальчишку-подпаска.

— Какая-то у тебя мотивация эгоистическая, — зло сказал я.

— Эстетическая, — поправил Лас. — Уж если жертвовать собой — так ради высокой цели.

— А жизнь пророка — не высокая цель?

— Пророки обычно озвучивают невеселые прогнозы, — пробормотал Семен.

Я смотрел на них, и в голову ко мне закрадывались неприятные предчувствия.

— Вы что, уже обсуждали ситуацию? — спросил я.

— Конечно, — сказал Семен. — С кем мы имеем дело, мы не знали. Но предположить, что нападение повторится, — много ума не надо.

— А если я упрусь и стану защищать парня? — я посмотрел Семену в глаза.

— Тогда я помогу тебе, — кивнул Семен. — И мы погибнем вместе. Так что я прошу тебя этого не делать. Подумай о Светлане. О Наде. И скажи честно — ты готов умереть за незнакомого тебе паренька?

Я посмотрел на друзей.

Подумал несколько мгновений.

Представил себе Свету, Надю...

Потом пацана-пророка.

Сказал:

— Нет, Семен. Не готов.

— И ты прав, — кивнул Семен. — Высокие чувства, благородные порывы, бесшабашная смелость, отчаянная жертвенность — это все прекрасно. Но должна быть причина. Настоящая. Иначе все твои светлые устремления — не больше чем глупость. Летопись Дозоров помнит много Иных, кто был благороден, но глуп. Но они остались только в истории. И, увы, не как примеры, достойные подражания.

— Ты лучше езжай домой, — добавил Алишер. — Ты же не на дежурстве.

И я понял, что Гесер, разрешая мне раскрыть информацию о Тигре, имел в виду совсем другую цель. Вразумить меня.

Что ж, у него получилось.

Домой я, конечно, не уехал. Нет, я больше ни к кому не приставал с вопросами — ввяжутся ли они в безнадежный бой с сумеречной тварью. И не ходил по офису, мысленно расставляя в ключевых точках защитников-Иных. Я пошел к аналитикам, выпросил копию докладной для Гесера (прежде чем ее выдать, ребята связались с шефом и получили его «добро»). Внимательно прочитал, убедился, что Гесер не врет, и, по мнению аналитиков (основанному на нескольких плохо документированных попытках сразиться с Тигром — в пятнадцатом и девятнадцатом веках), победить сумеречную тварь не удастся.

Ночью офис Дозора, как ни странно, пустеет. Пусть мы и называемся «Ночным», и патрулируем улицы большей частью ночью (а что прикажете делать — основной наш контингент это низшие Темные, вампиры и оборотни, которым труднее сдержать себя), но наша работа — как айсберг, большая часть ее незрима. И эта работа как раз и происходит днем — бумажная волокита, обучение, анализ данных, изучение поступившей информации. Мы все-таки живем среди людей, и нам удобнее жить в их ритме. Хорошо хоть недавно удалось про-

давить через человеческое правительство инициативу и сдвинуть время по всей стране — чтобы темное время суток длилось меньше...

Некоторое время я просидел в своем кабинете за компьютером. Залез в почту и написал пару писем. С чего-то вдруг вспомнил песню, которую крутил сын милиционера Искендерова, поискал группу, которая ее исполняла, — к моему удивлению, она оказалась из Казахстана, вот уж не знал, что там не только на домбре играют! Потом нашел пиратский сайт, на котором были выложены и другие песни. Щелкнул по названию «О послушных мальчиках» и, откинувшись в кресле, стал слушать.

Острые астры вонзая в улицы,
Вышла Луна к впечатлительной юности.
Пела она, излучая язычество:
«Дети, убейте в себе электричество!
Дети, пока вы не стали безглазыми,
Я укажу вам спасительный азимут:
Каждый, кто лунной дорогою ходит,
В город волшебный однажды приходит.
Дышат, как воздухом, там вдохновением.
Все архитекторы там — сновидения.
Греет там солнце, а не банкноты.
Будешь влюблен — не сочтут идиотом».
И в эти лживые лунные песенки
Поверил мальчик, сидящий на лесенке.
Но лишь поверил, лесенка стала
Вдруг вырастать... И до неба достала.
Мальчик пошел по ступенькам ребристым,
Но тут сбежались родные и близкие:
«Стой! Не ходи — дуракам такой жребий!
Нечего делать тебе в этом небе».
Мальчик послушался, мальчик вернулся
И лишь с тоской на Луну оглянулся.
После скрывался, всех ненавидел,
Плакал о том, что там, в небе, увидел.

Я невольно поморщился. Неправильный выбор. Хоть мальчик-пророк ничем не напоминал романтического юного героя, но песня меня в чем-то упрекала.

Плакал, в груди пустоту ощущая.
Он ведь карабкался вверх, освещая
Путь своим сердцем, светлым и трепетным.
И второпях обронил его в небе том.
И вот висит оно в космосе звездочкой,
Словно игрушка на праздничной ёлочке
Среди таких же сердечек-игрушек,
Брошенных мальчиками послушными...

Ну что за дела! Нет бы петь, как вся российская попса, нормальные песни о красивых девушках, дорогих курортах и сверкающих машинах, а эти казахи какую-то декадентскую романтику разводят! Я выключил компьютер и вышел из кабинета.

Ноги сами принесли меня в подвальные этажи. Дверь одной из комнат оказалась открыта, я заглянул. Там сидели и преспокойно попивали коньяк «старички» — Жермензон и Глыба. Марк Эммануилович преспокойно закусывал коньяк некошерным копченым угрем, Глыба, как человек советской закалки, употреблял «николашку» — лимон, посыпанный кофе и сахаром. Впрочем, приметой новой эпохи было то, что кофе использовался не растворимый, а натуральный — Глыба крепкими пальцами растирал зерна над лимоном.

Ко мне маги сидели спиной, что им, впрочем, ничуть не помешало.

— Заходи, Антон! — дружелюбно позвал Жермензон.

— Коньяк будешь, — не менее приветливо сказал Глыба. Не спросил, а именно сказал.

Я молча сел к ним за стол, взял бокал. Коньяк, к моему удивлению, оказался не французским, а молдавским — пузатая бутылка с надписью «Сюрпризный».

— За победу сил добра, — сказал Жермензон, отпивая из своего бокала.

— Над силами разума, — поддержал Глыба.

Я выпил залпом и тут же пожалел об этом. Бренди оказался неожиданно хорошим. Можно даже сказать — прекрасным.

— Где такой берете? — удивился я.

— Места надо знать, — усмехнулся Глыба. — Видишь, Эммануилыч? Я же тебе говорил, Антон разумный человек.

— В том-то и дело, что человек... — буркнул Жермензон. Извлек из кармана пиджака длинный кожаный футляр, протя-

нул мне: — Сигару будете, юноша? Очень рекомендую. Не надо профанаций с лимоном, хорошему коньяку соответствует лишь настоящая сигара.

Выглядели Великие вполне мирно и расслабленно. Никак не похоже, что готовятся к схватке с Тигром. Только что ж они тогда в офисе делают?

— Гесер вам уже рассказал? — спросил я.

— Про Тигра? — уточнил Жермензон. — Да, конечно. Позор мне, на самом-то деле. Слышал я про такие дела... давно, впрочем, дело было.

— И что? — спросил я резко.

— Посидим до утра, поболтаем по-стариковски, — пожал плечами Жермензон. — Если придет... что ж, посмотрим. Драться не будем, а вот посмотреть... за спрос морду не бьют.

— Будете смотреть, как Тигр убьет мальчишку?

— Уйти в такой ситуации — еще большая трусость, — хладнокровно ответил Жермензон. — Ты лучше расскажи, что он тебе пророчил в аэропорту? Слово в слово. Может, Гесер ошибается? Может, мальчик уже свое пророчество изрек?

— А с чего бы тогда Тигр за ним продолжал ломиться? — вопросом ответил Глыба. — Нет, ты расскажи, Антон. И в самом деле интересно.

— «Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг. Вы отец Надьки. Вы... вы нас всех...» — Я развел руками. — Годится на пророчество?

— Нет, — покачал головой Глыба. — Прав Джору, это был предвестник, вызванный стрессом.

— Но есть кое-что интересное! — Жермензон поднял вверх палец. — Верно?

— Верно, — расплескивая по бокалам еще немного коньяка, сказал Глыба. — Во-первых, пророчество будет адресное. Завязано на Антона. Быть может, именно потому, что он встретился мальчику?

— Или потому, что Антон его спас... — кивнул Жермензон. — И важно то, что «отец Надьки». Наш маленький друг не похож на детей, которые называют девочек так фамильярно. Значит...

— Значит, пророчество завязано и на Надю, и мальчик-пророк с ней должен подружиться...

— И касается всех Иных — «вы нас всех» тут не зря. Но финальную роль сыграет Антон. — Похоже было, что Жермензон не первый раз так вот играет в «мозговой штурм» с Глыбой.

— Очень интересно, правда! — просиял Глыба. — Хотелось бы услышать. Надеюсь, Джору сумеет объяснить мальчику, как пророчествовать.

— Джору, может, и сумел бы, — сказал Гесер, входя в комнату. — А вот я не смог.

Он присел к нам (странное дело — мне казалось, что у стола раньше стояло только три стула), взял бокал (а вот четвертого бокала на столе точно не было, тем более налитого!). Посмотрел на меня, хмыкнул, глотнул коньяка. Сказал:

— Не идет мяч в ворота. Парень Иной, парень и впрямь пророк. Только мы ошиблись, он не Высший, он первого-второго ранга.

— Для пророка это не критично, — сказал Глыба. — Ну, реже будет пророчества выдавать, вот и все.

— Тут ведь дело не только в инициации, — продолжал Гесер. — И не в понимании технических деталей. Это я объяснил, мальчик-то смышленый. Но нужен еще соответствующий настрой. Готовность пророчить. А ее вызвать труднее. Сколько я ни возился, так ничего и не вышло, блуждает где-то в облаках...

— Маму, наверное, вспоминает, — сочувственно сказал Глыба. — Я ведь тоже ребенком в Дозоры попал, скучал по родным ужасно...

— Борис Игнатьевич, можно я с ним поговорю? — попросил я.

— Попробуй, — легко согласился Гесер. — Не думаю, что это поможет, но попробуй. Только не затягивай, уже почти двенадцать ночи, у мальчишки глаза слипаются...

Вслед мне смотрели сочувственно и одобрительно, но без всякого энтузиазма.

Иннокентий Толков, десяти с половиной лет, пророк первого уровня Силы, еще не спал. Сидел на полу возле горы игрушек от щедрот Ночного Дозора и вертел в руках игрушеч-

ный телефон. При моем появлении он смутился и быстро положил телефон в разноцветную гору — игрушка была для совсем уж малышей, несколько крупных кнопок с цифрами, при нажатии на которые играла какая-то веселая китайская музыка, и кнопка, чтобы записать какую-то свою фразу. У Нади, когда ей было года три, тоже был такой «телефон».

Мне стало совсем нехорошо.

— Привет, Кеша, — сказал я и уселся рядом на полу.

— Добрый вечер, дядя Антон, — сказал Кеша.

— Ну у тебя и сокровища, — неловко сказал я, вытаскивая из горы игрушечный вертолетик. — Моя Надя хотела таким поиграться...

— Вы ей отнесите, — спокойно сказал Кеша. — Мне ведь не надо.

Я посмотрел ему в глаза — и мое «нехорошо» превратилось в «ужасно».

— Ты это к чему? — нарочито бодро спросил я.

— Мне дядя Борис все рассказал. Что за мной охотится зверь из Сумрака. И что вы его не сможете остановить.

— Зачем? — спросил я, обращаясь, конечно, не к мальчишке. — Зачем?

Но Кеша ответил:

— Он сказал, что это последний шанс меня мотивировать. Что я должен собраться с духом и сказать пророчество. Тогда зверь отстанет.

— Ну?

— У меня не получается. — Мальчик виновато опустил глаза. — Я старался, честное слово! Извините...

Он еще и извиняется перед нами...

— И что потом? — спросил я.

— Дядя Борис сказал, что раз не получается, то не стоит зря мучиться. Надо лечь и поспать. Может быть, зверь и не придет. И тогда все будет хорошо, а утром у меня обязательно получится.

— Но ты не лег спать, — сказал я.

— Страшно, — просто ответил мальчик.

— Ты правда старался? — спросил я.

— Да. Что я, дурак, что ли? Но дядя Борис сказал, что если надежды нет, то хватит зря стараться.

Он поднял на меня глаза и попросил:

— Вы идите, правда. Я поиграюсь немного и лягу.

— Если надежды нет... — сказал я. — Если нет надежды... — Похлопал себя по карманам. Достал телефон. — Подожди-ка, Кеша...

Вообще-то звонить десятилетней дочери в полночь — не самое педагогически верное решение. Но я позвонить не успел — телефон звякнул в моих руках, и я поднес его к уху.

— Да?

— Пап, ты мне хотел позвонить? — Голос Нади был абсолютно не сонным и очень, очень заведенным.

— Хотел.

— Вы сражаетесь? С этим зверем?

— Нет, Надя, мы не будем с ним сражаться. Мы не сможем его победить.

— А если...

— И ты не будешь с ним сражаться!

— Но ты ведь хочешь, чтобы я пришла? — уточнила Надя.

— Да, но только вовсе не для того чтобы сражаться, а для... — начал я.

Дохнуло холодом. В воздухе возник овал темного свечения, опоясанный белыми искрами. Из него шагнула Надя — босиком, одетая только в розовую пижаму.

— ...того, чтобы у Кеши появилась надежда, — закончил я, глядя на дочь.

— Папа, у меня получилось, как у Гесера! — радостно сказала Надя. — Ой. Привет!

Нет, Надя не смутилась. А вот Кеша покраснел и опустил глаза.

— Надя, я боюсь, у нас очень мало времени, — сказал я. — Может быть, всего несколько часов. Кеша должен сказать свое первое пророчество. Он знает как. Но у него не получается. Мне кажется, что ты можешь ему как-то помочь.

— Может, мне его поцеловать? — невинным голосом спросила Надя. — Для воодушевления? В мультиках всегда помогает!

Вот ведь маленькая... маленькая... нет, не ведьма, конечно. Но что-то от ведьмы в ней есть. Как в любой женщине.

— Боюсь, дело не в поцелуях, — сказал я. — Надя, поговори с мальчиком. Попытайтесь понять, в чем проблема. Я... я буду рядом. Минут через пять вернусь.

Я вышел, закрыл за собой дверь и подумал, что через пару лет уже остерегусь оставлять дочь с мальчишками наедине. Ну надо же! Поцелую! Телевизор все-таки надо выкинуть...

— Антон!

Я зашел в комнату, где сидели Гесер, Алишер и Жермензон. Коньяка в бутылке, кажется, даже прибыло, что наводило на подозрения. Глыба куда-то делся, но замена московского прорицателя на казахского боевого мага ничуть не повлияла на времяпрепровождение всей компании.

— Было какое-то... движение... — вглядываясь в меня, сказал Гесер. — Скажи, ты не сделал никаких глупостей? Не телепортировал парнишку отсюда?

— Нет, это Надя, — сказал я. — Я ее позвал... поговорить с мальчиком. Она всю жизнь знала, что она — Иная. Может быть, подскажет что-нибудь?

— Самоотверженный отец, — сказал Гесер.

— Ну вы ведь этого хотели? — уточнил я. — Когда говорили мальчику, что если надежды нет, то не стоит стараться.

Гесер медленно покачал головой.

— Нет, Антон. Спасибо, что ты так высоко ценишь каждое мое слово, но это не было намеком. Я просто сказал, что надежды нет. Не имея в виду твою дочь...

— А ведь красиво было бы... — задумчиво произнес Жермензон. — Жаль...

И тут «движение», о котором говорил Гесер, почувствовал я. Будто колыхнулся Сумрак, вздрогнул, выплескивая энергию, и застыл.

— Пойду-ка я надеру Наде уши, — сказал я.

— Девочкам уши драть нехорошо. — Гесер встал. — И это не она.

— Это Тигр, — сказал Жермензон, вставая.

— Антон, бери дочку и уходи. — Алишер достал из кармана браслет из трех переплетенных колец — золотого, серебряного и медного. Продел в него левую руку, поболтал в воздухе, будто примеряясь к незримому грузу.

— Вы чего? — спросил я. — Вы же сказали...

— Мало ли, что мы сказали, — пожал плечами Жермензон. — И вообще... если удастся выгадать час-другой — это может все решить. По Сумраку он не пройдет, Гесер?

— Нет, — твердо сказал Гесер.

— Может, все-таки попросить Инквизицию... или Завулона...

— Я просил. Четверть часа назад. В помощи отказано.

— Тогда своими силами, — бодро произнес Жермензон. — Очень любопытный... как вы, молодежь, это называете, Али?

— Экспириенс, — сказал Алишер и встряхнул рукой с браслетом. Его тело окутало белое свечение. Он тряхнул рукой снова, свечение угасло.

— Точно, — просиял Жермензон. — Экспириенс! Не думал, что меня что-то сможет удивить, но этот Тигр — и впрямь новый жизненный опыт.

И в этот миг наверху грохнуло. Сильно, гулко — будто что-то взорвалось. Маги подняли головы, прислушиваясь.

— Семен, — сказал Гесер. — Я же велел не вмешиваться... Жалко, что в Дозоре не практикуются телесные наказания.

— Можно ввести, — оживился Жермензон.

— Он осторожненько, — сказал Алишер. — Ребята не хотят сдавать офис без боя. Ну... хотя бы символически...

Гесер посмотрел на меня:

— Антон, твоя задача проста. После того, как Тигр спустится по лестнице и появится в том конце коридора, у нас будет от трех до пяти минут. Ты можешь что-то сделать... для очистки совести. Одно-два заклинания, только постарайся его не здить... А потом хватай дочь и уходи. Она сумеет открыть портал.

— Я и сам могу, — без особой убежденности сказал я.

— Вот и хорошо. Уходите. И даже не пробуй прихватить с собой пацана. Не геройствуй понапрасну, тебе еще жить да жить.

— Не стану, — кивнул я, с отвращением понимая, что говорю правду.

— Мы тоже постараемся максимально его задержать, а потом уйдем, — сказал Гесер, то ли для меня, то ли для Жермензона и Алишера. — Вдруг эти минуты чему-то помогут...

Наверху пронзительно засвиристело — будто вырывался под большим давлением пар из маленького отверстия. Что они там творят? Или это Тигр?

— Красивая сцена, — внезапно сказал Жермензон. — И очень позитивная... интернациональная... Тибетец, казах и два еврея пытаются спасти маленького русского мальчика...

— Я не еврей, — поправил я.

— С фамилией Городецкий? — заинтересовался Жермензон.

— Это старинная русская фамилия! От названия городка на Волге, там мои предки жили.

— Тогда еще красивее, — решил Жермензон. — Тибетец, казах, русский и еврей...

Гесер посмотрел на Жермензона и спросил:

— Так ты что, Марк, еврей, что ли?

— Подкалывай, подкалывай, — пробурчал Жермензон.

Наверху часто-часто застучало — будто кто-то включил швейную машинку. Или начал стрелять из автомата, что, пожалуй, было более вероятно — вряд ли Тигр согласился оставить мальчика в покое за пару хорошо пошитых штанов.

— Оптимисты, — фыркнул Гесер.

— Ну почему бы и не попробовать? — пожал плечами Жермензон. — Знаешь, когда придумали порох, я был в восхищении. Против поднятой мертвечины — самое милое дело!

В коридоре вдруг заморгали и погасли лампы. Через мгновение они снова засветились, уже тусклее — сработал аварийный генератор. Но еще через пару секунд погасли насовсем.

Я взмахнул рукой и развесил вдоль всего коридора несколько магических огоньков. Гесер щелкнул пальцами и погасил два ближайших к нам, после чего проворчал:

— Учишь вас, учишь...

По лестнице застучали шаги. Неторопливые, но уверенные. Тигр сошел с лестницы, остановился в конце коридора. Посмотрел в нашу сторону — темнота, похоже, ему не мешала. Улыбнулся и сделал шаг.

Грохнуло — и Тигра окутал белый морозный вихрь. То ли туман, то ли вьюга... На секунду Тигр замер, потом с некоторым напряжением сделал шаг — и направился к нам.

— Я же говорил, что не сработает, — бросил Гесер через плечо.

— Но попробовать-то стоило! — обиженно ответил Жермензон.

Оба Высших чуть выступили вперед, прикрывая нас с Алишером. И в этот миг за спиной хлопнула дверь. Я обернулся и увидел Надю.

Дочка выглядела задумчивой, но, пожалуй, довольной. Подошла ко мне, взяла за руку. Спросила:

— Это он и есть?

Тигр тем временем остановился. На его лице появилось какое-то смущение и растерянность, будто «нулевая», Абсолютная волшебница стала неожиданностью в его планах.

— А кого ты видишь? — спросил я. — Девочку?

— Нет. Тигра. Он большой, полосатый и у него горят глаза.

— Красиво, — вздохнул я.

— Папа, тигров нельзя убивать, они в Красной Книге.

— Этого можно, — сказал я. — Только все не получается.

И вдруг Тигр заговорил. Во время нашей предыдущей встречи он не проронил ни слова, и я, честно говоря, был уверен, что он и не умеет говорить...

— Уйдите. Вы мне не нужны.

— И ты нам не нужен, — ответил Гесер. — Почему бы не уйти тебе?

Тигр покачал головой. (Интересно, как это видит Надя? Говорящего тигра? Шер Хана из мультика про Маугли?)

— Пророчество не должно быть услышано.

— Он всего лишь маленький мальчик, — сказал Гесер. — Оставь его в покое, дай ему время. Пусть пророчество прозвучит в пустоту. Пусть его не услышат.

— Риск, — сказал Тигр. — Прежде всего он пророк. Уже потом он — мальчик. Уйдите.

— Дай ему время, — повторил Гесер.

Вместо ответа Тигр пошел вперед. Видимо, время для разговоров кончилось.

Что именно сделали Великие, я не понял. Коридор будто затянуло разноцветной огненной паутиной. Синие, красные, зеленые, оранжевые нити повисли в воздухе, Тигр напоролся

на них, его лицо исказилось, будто от боли. Но он продолжал идти. Медленно, но верно.

— Антон, уходите! — рявкнул Гесер.

Я посмотрел на Надю. Крепче сжал ее руку. Кивнул.

— Мы должны уйти, папа? — очень спокойно спросила она.

Я кивнул.

— Ему нужно совсем чуть-чуть, — сказала Надя. — Давай я...

— Мы уходим! — выкрикнул я. — Открывай портал! Я приказываю!

— Папа, ты не можешь мне приказывать убежать!

— Я приказываю не как папа, а как работник Дозора!

Надя смотрела на меня, и я не знал, сработает ли это. Мы с детства учили ее уважать Ночной Дозор. Объясняли, что сказанное дозорным — это приказ. Что с магией не шутят. Но она была маленькой девочкой, для которой все сказки всегда заканчивались хорошо, — и я видел, что в ее глазах сейчас бушует энергия, способная затопить всю Москву... вот только поможет ли это против Тигра — не знал никто.

— Надя, я прошу тебя, — повторил я устало.

В глазах у дочки блеснули слезы. Она сжала губы, кивнула — и рядом с нами открылся портал. Я глянул на Тигра — тот уже прошел половину коридора. Он не атаковал, мы не были его врагами... мы были лишь помехой, он шел убивать пророка.

Я взял Надю за руку, потянул к порталу...

И в этот миг Тигр остановился. Поднял руку, совсем по-человечески потер лоб. И улыбнулся.

За нашей спиной открылась дверь, и маленький пророк Кеша вышел в коридор. Он был весь взмокший, словно толстяка заставили заняться физкультурой. Глаза у него были слегка осоловевшие, дурные, смотрел он на нас растерянно, едва узнавая. Из носа текла кровь.

— Все хорошо, — сказал Тигр. — Я ухожу.

Похоже, он собирался просто уйти — по коридору. Но пол под его ногами внезапно проломился, брызнуло в стороны бетонное крошево и доски. Запущенный Жермензоном еще в первую схватку голем все-таки догнал противника.

С выражением крайнего удивления на лице Тигр провалился в яму, где земля клокотала, будто кипящая каша. Мелькнул

нули руки голема, нога Тигра... на секунду мне показалось, что я вижу длинный полосатый хвост, торчащий из земли будто исполинский червяк...

И все исчезло.

— Боюсь, он его не убил, — сказал Жермензон. — Боюсь, он просто не счел нужным сражаться...

Цветная паутина гасла. Гесер и Жермензон смотрели друг на друга, медленно начиная улыбаться.

Я наклонился к Наде и тихо спросил:

— Как ты ему помогла?

Обернувшись на Кешу, Надя привстала на цыпочки и прошептала мне в ухо:

— Я сказала, что, если он сейчас же не скажет свое дурацкое пророчество, я его изобью и всем расскажу, что его побила девчонка.

— И он поверил? — спросил я.

— А я ему дала по носу.

Я достал из кармана носовой платок, подошел к мальчику. Протянул платок и сказал:

— Запрокинь голову и прижми к носу. Сейчас мы позовем... доктора.

И пока он растерянно запрокидывал голову — разжал ему пальцы, забрал крепко стиснутую игрушку и сунул в свой карман.

— Повезло, — сказал Гесер, подходя. — Пророчество не прозвучало, Тигр ушел. Поздравляю тебя, малыш, все беды позади!

— Повезло, — повторил я за Гесером.

Игрушечный телефон, который я забрал у Кеши, жег мне карман. Я не знал, рискну ли нажать на кнопку и проиграть то, что на нем записано. И записано ли там вообще что-то.

Но хорошо хотя бы то, что сумеречная тварь ничего не понимает в современных детских игрушках.

В повести использованы стихи Уильяма Блейка и фрагменты из песен группы «Motor Roller».

Владимир Березин

НОЧЬ ПРИ ПОЛНОЙ ЛУНЕ

Авария случилась на исходе ночи. Машина пробила ограждение, перевернулась и ударилась о дерево.

«Плют-плют-плют», — осуждающе сказала ночная птица, а осторожные ночные звери промолчали. Их манил запах крови и смерти, но звери боялись другого запаха — запаха бензина и металла, шедшего от обломков. Звери боялись шума дороги и наступающего утра. Но главное, они боялись самого этого места.

А семья в машине перестала существовать под тихий звук случайно уцелевшего радио.

Кровь отца мешалась с кровью матери, кровь ребёнка капала на траву отдельно.

Кровь густела, переваливалась через излом искорёженного железа, двигалась по стеблям травы и, впитываясь в землю, совершала свой путь медленно. Чрезвычайно медленно, преодолев плодородный слой, совсем немного этой крови миновало песчаник, и, наконец, просочившись по косому пласту глины вниз, единственная её капля достигла того, кто ждал этого долгие годы.

Знахарь лежал на животе, осиновый кол, которым проткнули его тело, истлел, но не осталось ничего живого в его обескровленных тканях. Сила давно ушла из них.

Но вот единственная капля чужой крови коснулась его затылка. И тут же она начала делиться, множиться, она мешалась с подземными соками и глинистой водой. Новая кровь наполняла тело Знахаря, и он принялся ворочаться, попадая руками в кротовьи ходы и подземные полости. Уже исчезла с поверхности над ним разбитая машина, уже деловитые рабочие с плоскими лицами починили ограждение, а Знахарь всё набирал силу, дышал перегноем и песком, распугивая зазевавшихся червяков.

© В. Березин, 2011.

Он вылез наверх спустя несколько ночей — когда поляна в придорожном парке была залита белым лунным светом.

Ночная птица поглядела на него маленьким глазом-бусинкой, открыла клюв, чтобы сказать своё «плют-плют», но вгляделась тщательнее и раздумала петь.

Знахарь привыкал к новому воздуху вокруг себя — тогда, сто лет назад, когда его, обессиленного, догнали мужики с дрекольем, это место было обычным лесом. Рядом стоял его дом — но вместо несуществующего забора начинался асфальт, по которому катили первые утренние машины. Местность изменила свой облик, большой город сжевал рельеф прошлого, засыпал овраги и возвёл насыпи.

Знахарь знал об этом мире многое (под землёй вести распространяются быстро), но многое было открытием — искусственный свет, запах... И ко всему надо было привыкать.

Он ещё раз посмотрел на осевшую, опустелую землю, провёл по ней руками и зашагал на свет.

Колдун в этот час стоял на балконе своей квартиры. Балкон был велик и обширен — это была часть крыши, открывавшая вид на полгорода. На гладкой поверхности, покрытой итальянским мрамором, было пусто — только ряды папоротников в кадках ждали своего часа.

Раскачиваясь в кресле, Колдун бросал на утренний ветер сор и пыль из маленького мешочка, висевшего на шее. Сор летел прихотливо — ветер нёс его с запада на восток, поворачивал обратно, сор влетал в раскрытые по жаре окна, оседал на уличных скамейках.

Это несчастья и неудачи летели по городу — сейчас Колдун сеял их просто так, для удовольствия. Иногда он развлекался тем, что следил за судьбой каждой соринки и щепочки — но сейчас его пальцы двигались машинально, а губы твердили заклинания сами.

Но этим утром над алой полосой восхода, сразу над тучами, вспыхнула и мигнула зелёная звезда. Через мгновение она погасла, но Колдун сразу понял, что пришёл тот час, которого он так боялся. Проснулся Знахарь и теперь будет искать его, чтобы мстить.

Сам Колдун был похоронен давным-давно, на юге города. Он проснулся на полвека раньше, чем Знахарь. И кровь, разбудившая его, текла реками, а не каплями. Сначала над Колдуном устроили дачи, и он слышал сквозь толщу земли, как пируют новые хозяева жизни, как вертится, постоянно заедая, граммофонная пластинка, а потом он услышал плач и голоса всё тех же дачников, которых расстреливали сноровистые люди в военной форме. Мертвый Колдун купался в крови, от которой набухла земля, и, когда вышел на лунный свет, то понял, что пришло его время.

За годом нового рождения пришла пора войны, и Колдун радовался, что заново появился на свет в правильное время, чтобы не ломать руками выстуженную землю сорок первого года. Когда над этим местом тонко запели в вышине бомбардировщики, он уже давно набрался злой силы из человеческого страха, и этого страха было вдосталь.

А теперь леса исчезли, и окрестные деревни давно стали городом. Город, как людоед, пожрал пашни и избы и переварил людские судьбы.

Дети Колдуна расплодились, и хоть не были так же сильны, как он, не теряли времени даром. Колдун поселился у одного из сыновей — в большом новом доме на бульваре.

Он помнил, как давным-давно поссорился со Знахарем. Веселья ради Колдун затеял в городе чуму, и то-то было веселье.

Но Знахарю это вовсе не понравилось, и он решил наказать Колдуна. Вина по их меркам была невелика, да воевода крут. Знахарь настиг врага в южной дубраве и закопал по всем правилам.

Отчего он пожалел детей — Колдуну было непонятно. Но именно это и сгубило Знахаря, и он сам лёг в землю — только убили его люди, которых он лечил. Сыновья Колдуна смотрели из-за деревьев, как бьют колами по телу старика, и только удивлялись людской сноровке.

Потом они отловили всех детей Знахаря и предали их, связанных, реке. Когда вода сомкнулась над последним в роду Знахаря, Колдун ещё лежал под землёй и бездумно отдыхал от солнца.

Сейчас пространство города было очищено, и Колдун, вернувшись, долгое время жил в нём, как на чистом и вольном лугу, где пахнет травой и свежестью, где неоткуда ждать беды.

Но теперь он чувствовал, что Знахарь не спит и перемещается по улицам города.

Знахарь поселился в своих прежних местах — теперь там чадил завод, бодрый факел горел на высокой трубе, вокруг были болота и странные поселения. Первым делом он встретил вьетнамского колдуна, который долго притворялся глуховатым. Потом они кое-как договорились, и Знахарь некоторое время прожил в огромных корпусах брошенной фабрики, где из каждого угла раздавался стрёкот швейных машинок. Племя подопечных вьетнамского собрата было многочисленно и так же однородно, как лягушки на просёлочной дороге.

Сначала Знахарь думал, что они заполонили весь город, но потом понял, что в этих местах вместе с людьми поселилось слишком много разных вер и суеверий. Восток пришёл на его землю — но это не пугало Знахаря. Он видел слишком много примеров того, как приходил Восток, а потом откатывался назад, как Запад валом прокатывался на Восток, но сразу исчезал, изнемогая.

Он знал, что закон един на всех, и спокойно говорил с колдунами с берегов Каспия и пустынь Азии.

Знахарь быстро узнал судьбу своего врага, но больше его занимало другое. Кроты и землеройки нашептали ему в мёртвое ухо тайну, и эта тайна была сладкой, как месяц, тягучей, как леденец.

Тайна была в том, что его род не пресёкся.

Он и сам чувствовал это — что-то родное существовало на земле. Иногда ему даже казалось, что и дом его цел.

Как-то Знахарь вернулся к изгибу дороги, тому месту, где стояла его изба, и теперь уже ясно увидел, что от места идёт след, будто дом удирал от преследователей, роняя старый мох из брёвен и щепки.

След терялся, но Знахарь продолжал изучать окружающий его мир.

Несколько раз к нему, похожему на нищего, приближались милиционеры, но он легко отводил им глаза. Однажды битком набитый автобус приехал во вьетнамское общежитие с проверкой, но высыпавший из него отряд недоуменно слонялся вокруг фабрики.

Милиционеры покрутили головами, хором помочились на бетонный забор, да так и уехали. Вьетнамский колдун зауважал Знахаря ещё сильнее, но попросил не мешать его делу — он просто покупал милиционеров. Чтобы не обидеть, вьетнамский колдун стал снабжать Знахаря настоящим бальзамом — эти красные баночки с золотой звездой, лежавшие раньше везде, отчего-то пропали.

Вскоре Знахарь переехал — поближе к людской толкотне. Он ни в чём не нуждался, вокруг происходило необычное безумие. Такое он видел накануне войн и революций.

Все что-то продавали и покупали, на улицах было полно пьяных, как яйца на Пасху бились друг о друга дорогие автомобили.

И с ненавистью смотрела на это угрюмая мазутная толпа городских окраин.

Он поселился в квартире выжившего из ума профессора. Квартира была запущена, по стенам весели фальшивые обереги и камни силы. Ни один из них не действовал — и Знахарь с улыбкой касался их, думая, не придать ли им хоть какую-нибудь силу.

В квартире к стенам жались плакаты и противоречивые лозунги, прибитые к деревянным шестам, — профессор таскался с ними на митинги и демонстрации. Мода на это занятие прошла, и часто он стоял под дождём на какой-нибудь площади с двумя-тремя сумасшедшими старухами.

Мимоходом Знахарь вылечил ревматизм, давно поселившийся в худой профессорской спине. В тот день, когда луна пошла на убыль, он пробормотал нехитрые заклинания, и болезнь начала исчезать вместе с худеющей луной, да так и пропала навсегда.

Несколько раз на улице он видел внуков Колдуна — но они прошли сквозь него, как сквозь туман. Можно было бы поймать одного зазевавшегося и прямо где-нибудь за гаражами или у мусорных баков высосать у него всю память — но было рано. Тогда его хватятся и поймут, что он ищет.

Пусть Колдун думает, что его давнишний противник слаб и доволен тем, что ему выпало.

И правда, его не тревожили больше. Двойник Знахаря, сделанный из травы и проволоки, сидел во вьетнамском общежитии, совал кусок ткани под бьющуюся и клекочущую механическую иглу и сам был обряжен в то, что шил, — *версаче* и *прада*.

Двойник послушно подавал паспорт с вложенными в него деньгами проверяющим, и два внука Колдуна, когда заглянули с проверкой, тоже спрятали в свои фальшивые мундиры вполне настоящие американские бумаги с портретами.

Лейтенант пожарной службы жил на краю города. За домом и днём, и ночью грохотала граница города — огромная окружная дорога. Часто лейтенант ночевал в пожарной части, чтобы не трястись в автобусах поутру и чтобы не видеть смутных беспокойных снов под шум ночных машин.

Сослуживцы любили его, хотя и считали заговорённым — многие из них не боялись огня, но только лейтенант избегал ожогов.

Что-то было в этом неестественное, но лейтенант жил со всеми вровень, и о нём не судачили.

Наоборот, его караул считался счастливым — лейтенант знал толк в обращении с огнём. Одного он не любил: когда пожарные тащили вещи из погорелого дома. А время было голодное, огонь списывал всё, зачищал и подчищал любую ценность, как бы входя в сговор с невысоким окладом и нищим пайком пожарного. Но рядом с лейтенантом никакая вещь, взятая с пепелища, не шла впрок.

Все его предки были пожарными — один, странствуя по деревням, усмирял огонь молоком только что отелившейся коровы, другой кидал через пламя пасхальные яйца и весьма преуспел в тушении. Ещё один привёз в Россию трубы конструкции знаменитого механика Ван ден Хейдена и всю долгую морскую дорогу спал на них, чтобы сберечь от лихих людей. От него в роду остался камень, нарицаемый *уакинф*. Уакинф, или яхонт, как казалось лейтенанту, светился в глубине шкафа, отмеряя остатки сна до дежурства.

В лихое время умирания империи ему часто приходилось ездить на поджоги — горели склады и автомобили. Горели киоски и ларьки, они вспыхивали как свечки, и иногда в них колотились, беззвучно крича, запертые продавцы. Следователи тоже любили лейтенанта — потому что он угадывал, как родился огонь и каким путём шёл.

При этом лейтенант не мешал следователям врать в бумагах и оттого нравился им ещё больше.

Однажды его красная машина примчалась на набережную — там чадила взорванная машина. Рядом лежали двое охранников — один почти целый, другой — потерявший голову от работы. Опершись на решётку, за которой катилась мутная вода реки, курил оставшийся в живых пассажир. Он обнимал не то жену, не то дочь — та сидела в весеннем талом снегу, не замечая холода.

Когда лейтенант коснулся её плеча, чтобы помочь забраться в машину с красным крестом, то девушка зашипела, как вода, которую плеснули на сковородку.

Лицо мужчины тоже странно изменилось, когда он увидел лейтенанта.

На следующий день пожарный лейтенант уже забыл об этой встрече — и всё потому, что судьба изменила ему. Они тушили старый дом, наполненный, кроме дыма, запахами кислого и протухшего, кошачьей мочой и людским смрадом.

В первый раз ему стало по-настоящему трудно. Он нес на себе пьяницу, ставшего вдруг неимоверно тяжёлым. Пьяный старик кинул сигарету в ворох газет на кухне и теперь лежал на плече лейтенанта бесчувственным свёртком. И тут огонь, с которым прежде у лейтенанта было мировое соглашение, начал нападать на него и жалить.

Лейтенант всё же сделал своё дело, но понял: что-то в мире изменилось.

Через несколько дней заполыхал крытый рынок. Рвались в контейнерах баллоны с химическими очистителями и поддельными дезодорантами. Весело полыхали ряды с фальшивой водкой. Лейтенант расставил людей и принялся обходить

очаг пожара. И вдруг пламя стало окружать его, и лейтенант еле выбрался из смертельного круга.

В этот раз, впервые за много лет, у него погиб подчинённый.

Сразу же после отпуска, похожего на ссылку, лейтенант попал на странный выезд. Горели гаражи после бандитского боя. Бандиты были людьми воевавшими — воевавшими много и с охотой. Так же самозабвенно они дрались и в центре большого города. Гаражи полыхали, зажжённые армейскими огнемётами, а асфальт был иссечён осколками от противотанковых гранат.

Когда лейтенант ступил в пламя, то оно подалось назад... И за завесой огня двое убитых встали с земли и принялись душить лейтенанта.

Мёртвые пальцы в пороховой копоти перехватили шланг дыхательного аппарата, но лейтенант успел сбросить их — странная сила присутствовала рядом.

Кто-то взял его за руку и вывел из огня — уже по ту сторону пожара.

Лейтенант очнулся от того, что его лоб гладят сухие ладони.

Какой-то старик ласково смотрел ему в глаза.

Внук оказался смышлён и понятлив. В меру недоверчив и умён. Ему не понадобилось долго объяснять — лейтенант давно обо всём догадывался сам. Он видел, что Знахарю нравилось с ним говорить.

Поколение за поколением продолжался род Знахаря, и теперь оба собеседника решили сократить бесчисленные приставки, чтобы заодно сократить расстояние. Лейтенант был просто внуком, а дед был единственным в их роду, кто не был пожарным.

— Мне жаль только одного, — говорил внук, — что я не умею лечить людей.

— Каждому своё, — отвечал дед. — Тебе люди важны, а я устал их любить. Видишь, как мудро всё устроилось: я на равных говорю с землёй, ты укрощаешь огонь, несчастный Колдун запрягает ветер, а его дети бурлят, как пузыри, в подчи-

нённой им воде. Только Колдун думает, что в тебе кипит огонь мести, а я надеюсь, что нет. Ты можешь спасать просто людей, а мне просто люди не интересны — вот эта разница мне нравится.

Теперь лейтенант, окончив дежурство, не ехал через весь город, а сидел со стариком. Он часто задавал себе вопрос — действительно ли всё равно, кого спасать? И бессмысленного пьяницу, из-за которого в огне погибли дети, и бандита, что горит в своём загородном доме. Лейтенант стоял на границе добра и зла, вернее, сам каждый раз определял эту границу.

— Рассматривай это как игру, — повторял ему дед, — как только появляется угрюмая серьёзность, так, значит, дело недоброе. Вот наш Колдун бредит битвами и боится мести — не знаю, может, он начитался сказок и действительно решил, что он посланец Сатаны. А есть ли сам Сатана — он уже и не знает...

В начале апреля старик показал внуку Колдуна. Тогда, на Благовещение, нечистая сила проветривает колдунов над печами — и Колдун висел в дыму и пару над своим домом, прямо над старой трубой, куда курились камины новых богачей.

Колдун не показался внуку Знахаря страшным — лишь неприятным и опасным, как плохо сложенная печь или искрящая проводка.

Апрель уже высыхал, набирался тепла, приближался май, деревья шелестели ещё не выжженной летним жаром зеленью. Лейтенант учился слышать дыхание колдунов на расстоянии и находить помощь не только в огне, но и в силе земли.

Нужно было ещё научиться спасать тех, кто потом мог гнаться за тобой с колами, чтобы уничтожить. Эти люди, как и много лет назад, были наполнены животным страхом — но лейтенант пытался вытравить в себе чувство брезгливости.

Знахарь готовил внука к встрече с Колдуном: «Запомни, мы не зло и не добро. Да и отчего самому добру не сделать шаг первым? Тем более мы не добро, он не зло, мы все часть каких-то сил, но всё в мире запуталось, и связи оборвались. Скоро у Колдуна праздник, фальшивый шабаш толстяков — и это хороший повод понять, шевельнётся ли в тебе жалость к отвратительным, бессмысленным, но всё же людям...»

* * *

Настал последний день апреля. Месяц катился под гору, и люди большого города начали праздники загодя. Те из них, что побогаче, придумали себе двухнедельные каникулы. Те, что попроще, принимались пить с утра. В эти сутки лейтенанту досталось дежурство — вернее, он легко поменялся на это время.

Этот день недавно стал и Днём пожарной охраны, и его сослуживцы торопились по домам и гостям — чтобы в пожарном порядке опрокинуть в себя огненную воду.

Но это был ещё и день Колдуна — и место встречи было невозможно изменить. Это был вечер чужого праздника, ночь волшебного огня и спектакля на древних холмах, что расположились на юге города.

Как только стемнело, лейтенант стал готовиться к выезду.

Он сидел в своём углу под линялым рукописным плакатом «Войны и нашествия бывают редки, пожары неумолимо постоянны, и перемирия с ними невозможны» и пытался представить себе подъезды к ночному празднику Колдуна.

Из шести человек расчёта он оставил троих, считая себя. Собственно, шести и не набралось бы — в пожарной части давно не хватало людей в экипажах.

Сейчас с ним были бурят и молодой татарин — потомственный москвич в пятом или шестом поколении. Все предки татарина мели московский булыжник в одном и том же месте, но новое время взметнуло там небоскрёб, и молодой татарин надел пожарную каску.

Бурят понравился лейтенанту давно — ещё тогда, когда он увидел, что бурят обкуривает тлеющей щепочкой колёса пожарной машины. Они были одной крови — Запад и Восток.

И машина, когда бурят сидел за рулём, шла верно, скоро, никогда не застревая в городских улицах. «Одной крови, точно», — подумал тогда лейтенант.

Колдун сидел на холме на бутафорском троне. Он презирал всех тех, кто собрался перед ним . Это были пустые люди, полые люди. Люди с дыркой в голове, с дырками в сердце,

люди, похожие на половину лошади из немецких врак, у которой выливалось сзади всё, что она успевала выпить спереди. Эти люди до конца не верили, что их деньги — это их деньги, и стремились их тратить. Их детство было скучным, а теперь они, как безумные дети, попавшие в кондитерскую, жрали всё без разбора.

Им не нужно было даже колдовства, их желания были суетливы и приземленны. Лигатуры они боялись больше, чем смерти, а смерти — больше, чем неприятностей с душой. Половину из них привела на холм похоть, вторую — любопытство.

Долго эти люди были для Колдуна дойными коровами, но сейчас ему хотелось забить стадо на мясо. Нет, ему не нужно было свежей крови, Колдуна просто раздражали эти существа.

Он насквозь видел их желеобразные тела, жирные и худые, и эти тела казались ему призрачными: подуй он через сцепленные пальцы — ветер снесёт их туши, как капли воды с ветки. Он видел лаковые машины, похожие на обмылки. Эти автомобили сгрудились у подножия холма, и Колдун думал, что они вряд ли сегодня дождутся хозяев.

В эту ночь жирное, но вечно голодное стадо приехало к нему на священные холмы, где городские археологи раз в год находили две гребёнки и десять черепков. Но слава холмов была сильнее рассказов археологов, всякий в городе знал, что там издревле жили непростые люди.

На холмы приходили разные люди: бритоголовые крепыши в чёрной форме — прежде чем драться на рынках с торговцами, бледные искуренные сектанты, тонкие как бумага, похожие на раковых больных, и любители острых ощущений.

Сейчас любителей острых ощущений собралось много — они смотрели на обряд инициации так же, как смотрели бы на смертельные бои в других тайных местах, где в свете автомобильных фар дрались новые гладиаторы. Даже этот шабаш был вычитан ими из книг — Колдун просто следовал их ожиданиям.

Сейчас он думал о своём — о том, как легко этот мир управляется деньгами. Деньгами разными — лёгкими бумажками, стёртыми кружками, а теперь вот просто намагниченными кусками металла. Даже не брусками магнитного желез-

няка (такое тоже бывало), а тонким слоем магнитной пыли. Крохотные магнитные домены, тайное движение электричества — и миллионы судеб оказываются в кулаке.

Колдовство почти не нужно — только короткий всплеск напряжения; муха, попавшая в аппарат, намагничивающий плёнку или диск. Дефект, ворсинка на оптике, производящей деньги выжиганием, — всё что угодно...

А ком снега уже начал движение с вершины, вызывая лавину, которая задавит всё живое внизу. Шерстинка, пылинка, мошка — вот что занимало Колдуна.

А пока у костра дети Колдуна раздели худого мальчика, с виду банковского клерка.

Мальчик, пошатнувшись, положил снятый с шеи крестик под пятку правой ноги, стал лицом к неразличимому в ночи западу и начал говорить по-заученному:

— Отрекаюсь я, раб Василий, от распятия Христова, и от тридневного Воскресения, и от всех дел Его и заповедей, и не верую в Него, дую и плюю...

Колдун со смехом повторил про себя «Дую и плюю», а в этот момент пожарная машина шла ночным городом на юг без включённых огней и сирены.

— Дую и плюю, — пел мальчик, — на все дела Божии, только прирекаюся к тебе, сатане, и ко всем делам твоим и заповедям твоим, верую в тебя, творца и царя сатану, и во все дела и заповеди твои, и хочу быть сообщником твоим и собеседником...

А бурят уже вёл красную машину на холм, три тонны воды бились в цистерне, как кистень, готовый к драке. Те, что стояли поодаль от костра, рядом со своими машинами, уже слышали рёв мотора, как предчувствие беды, и крутили головами.

Мальчик торопливо отрекался от Богородицы, Церкви, апостолов и храмовых праздников вместе со святыми угодниками.

Он с трудом выучил слова, взятые напрокат из церковной службы, только с отрицанием перед каждым глаголом. К его пальцу приклеилась ватка, будто после визита в поликлинику. Кровь, которой он только что подписал отречение, впрочем, не унималась. «*Аз, раб*, — написал он, — *отрицаюся Бога и*

неба, и земли и святые Божия веры, и соборныя Божия Церкви, и не хощу нарицатися христианином, и предаюся в услужение дьяволу, и должен его волю тварить, в том и письмо свёрнутое дал ему». Колдун принял письмо-отречение, и бумага, распечатанная на цветном принтере, исчезла в складках его плаща.

И в этот момент на лысину, что завершала холм, вылетела пожарная машина. Сдирая травы, она криво встала, и лейтенант не спрыгнул, а сошёл на землю.

Гигантский костёр полыхал, и это было пламя, отбившееся от рук. Заблудшее, сварливое пламя, но с ним ещё можно было договориться. Люди вокруг костра были стадом — трусливым и любопытным. Его лейтенант в расчёт не брал. Но справа и слева стояли дети колуна, поодаль — его внучка, в которой он сразу узнал девушку с набережной. Ну и наконец, сам Колдун, который, казалось, ещё ничего не понял, но по лицу лейтенанта уже ударил первый порыв колдовского ветра. Дети колдуна подняли руки и направили сведённые ладони к лейтенанту.

Язык огня сорвало следующим порывом ветра, и, оторвавшись от костра, он упал пожарным под ноги.

Не обращая внимания ни на что, татарин отматывал шланг брандспойта, а бурят готовил цистерну к бою.

Ветер снова плюнул огнём в лицо лейтенанта, и предупредительно запульсировал в нагрудном кармане камень яхонт, иначе называемый уакинф. Но теперь лейтенант поймал сгусток огня, как вратарь ловит мяч в углу ворот, и начал вращать в ладонях колобок — огонь-огонь, иди со мной, иди от меня, от моего плетня... Лейтенант принялся лепить и катать огонь, как катают и мнут тесто. И вот наконец швырнул его обратно.

Огненный шар полетел между настоящих и фальшивых колдунов, зажигая мантии и пиджаки.

Он попал прямо в лоб сыну Колдуна, а второй его наследник уже бежал в огне, пятная траву пламенем.

Костёр гас под струёй воды, а человечье стадо, визжа и теряя людской облик, неслось в ночь, падало, валилось со склона, подпрыгивая, как картофелины, сыплющиеся из мешка. Каждый спасался как мог.

Колдун понял, что произошло непоправимое. Его внуки, вступившие в давнюю схватку, были убиты, а враг соединился со своим потомком. Внучка бежала, струясь, как ручей по склону, — свойства воды передались ей в час опасности.

Он не стал драться, а взлетел вверх, прямо к равнодушной полной луне, и исчез.

Прошли майские беспокойные праздники, миновал летний Купала, а в воздухе большого города набухало смутное беспокойство. Что-то в равновесии сил было нарушено, и напряжение копилось, как вода в запруде.

Не отвлекаясь на всё это, Знахарь пока шёл по следу своего дома. Внук шелестел архивами, и наконец они нашли одну зацепку, за ней потянулась другая, и вдруг всё стало ясно.

Знахарь залез в жестяную утробу электрического поезда, и электрический поезд повёз его к дому. Чем ближе Знахарь был к этому месту, тем крепче была внутри сила, но что важнее — тем больше было спокойствия.

Он нашёл свой дом вблизи монастыря, на низком берегу реки, что поросла соснами. Там его изба, перевезённая туда лет десять назад, крепко стояла на новом месте — в музее. Её облили какими-то химическими жидкостями для консервации, но Знахарь быстро удалил их из брёвен. Всё это время дом держался воспоминанием о нём, и никакая химия для этого не была нужна. Знахарь поселился в своей избе, и никого не удивляло, что вечерами, когда музей уже закрыт, там горит свет.

Посетители музея принимали его за смотрителя, а сотрудники отчего-то не задавались вопросами, кто живёт внутри экспоната, к кому ходят странные гости и почему среди гостей так частит молодой человек в форме пожарной охраны.

Но не один он навещал старика. Через месяц до него добрался и Колдун. Силы у Колдуна было мало, но для самоутверждения он по дороге, сощурившись на солнце, превратил длинный свадебный поезд в свору волков — оскалив зубы, волки бились за стёклами остановившихся машин, и горькая слюна заливала стёкла изнутри.

Теперь Знахарь и Колдун сидели друг напротив друга. Знахарь поставил чайник на огонь — для себя, он знал, что Колдун не выпьет ни капли в его доме и не съест в нём ни крошки.

— Зачем тебе это? Ты же не любишь людей. Помнишь, как они убивали тебя — глупо, навалившись кучей, содрогаясь от жадности и страха? А помнишь, как тебя хотели повесить ещё раньше, в Новгороде?

— Не люблю, — согласился Знахарь миролюбиво.

— Люди отвратительны. А теперь, когда отменили Бога, они отвратительны вдвойне. Они перестали соблюдать посты, но губы их лоснятся в праздники. На самом деле они отменили не Бога, а страх перед ним. Меня позвали камлать среди стекла и бетона, в денежном месте, и в дверях я столкнулся со священником. Он освящал этот дом, а я пришёл в него камлать — и нас позвали не по ошибке. Нас позвали обоих для верности, как рассовывают яйца в разные корзины. На всех убийцах, что я видел живыми и мёртвыми, были кресты, а вот на сыщиках — отнюдь не на всех. Кого ты будешь лечить?

— Да всё равно кого. Не надо строить из нашей драки битву добра со злом — мы дерёмся, потому что дерёмся. Потому что ты мне не нравишься, а не оттого, что я не могу забыть чумных детей, что стонали в канаве у моего дома. Что нам кресты — тебе и мне? Мы живём в другом мире — он нехорош, да и людской не сахар.

Колдун не выдержал первым — он занёс руку для удара, но с полки сорвался горшок и сам собой наделся на кулак. Старый дом помогал Знахарю, и лёгкой чёрной тенью Колдун скользнул к выходу.

Знахарь вышел за ним следом, в круг света полной луны, на залитую белым дорожку музея-заповедника.

— А может, давай на кулачках, как прежде?

Колдун не ответил и, быстро взмахнув рукой, бросил горсть припасённого песка в лицо противнику. Но песчинки замерли в воздухе, как облако мошек над чистой водой. Каждая из них приплясывала на месте, а Знахарь любовался на этот танец.

— Лучше на кулачках, — повторил Знахарь, — а то ты и так похож на шахматиста, схватившегося за нож. Но лучше оставить всё как было, следующим поколениям. Мы с тобой как тень и свет, не можем друг без друга. Но лучше мы будем ненавидеть на расстоянии.

— Ты же знаешь, что твой внук убил моих детей. Он отомстил за тебя, но я всё равно пришёл.

— Какие глупости, зачем ему мстить? Он был лишь зеркалом, отражением своих врагов. Ты опять всё путаешь, и знаешь отчего? Ты слишком серьёзно к себе относишься — ведь нет битвы добра и зла, а есть тысячи мелких комариных столкновений. Колдуны расплодились как тараканы и оказались так же уязвимы, как люди. Отменённый Бог смотрит на нас из-за туч, восточные знахари смешались с европейскими врачами, началось новое переселение народов — а ты говоришь о нашей вражде, драке двух стариков, что были мертвы много лет... Под небом хватит места всем — а ты всё суетишься. Хороший дом на бульваре, достаток, внучка — что ещё нужно, чтобы встретить старость?.. Хотя, конечно, — он улыбнулся, — спина болит у меня до сих пор.

Вокруг них уже потрескивал от напряжения воздух. Смеркалось, тени от деревьев легли в стороны от двух стариков, как от костра. Кроты залезли обратно в свои норы и, свернувшись, стали ждать исхода.

Удивлённая ночная птица, проснувшись, косила на них глазом-бусинкой. Она возмущённо пропела своё «плют-плют-плют», но жёсткий удар воздуха сбил её с ветки. Замертво, с деревянным стуком, она свалилась на землю.

Пространство вокруг двух стариков вихрилось, трава полегла, и листву рвало с деревьев.

Знахарь был задумчив, Колдун порывист — и тени от их движений пробегали по высоким деревьям.

Начинался ураган, воздух бил Знахаря в грудь, и, чтобы выиграть время, он повторил чужой приём: кинул в Колдуна, тем, что нашлось в кармане, — табаком, крошками и баночкой вьетнамской мази. Она-то и попала Колдуну в глаз.

Колдун оступился и припал на одно колено.

Воронка, сплетённая из вихрей, начала ощупывать ноги Колдуна, его спину, трепать волосы, вот уже её тонкий жгут принялся рвать на нём одежду. Колдун не удержался, и руку его, вывернув, засосало внутрь. Тело выгнулось и скрылось внутри дёргающегося воздушного пузыря.

Огромным шаром поднялось то, что было Колдуном, вверх, шар по пути сломал и всосал в себя дерево и наконец покинул поляну. Первым на его пути пришёлся монастырь. С грохотом промялись купола, и, как птицы, полетели по воздуху кресты. Ураган, ломая деревья и срывая крыши, двинулся на восток, к городу.

Внутри этого шара крутилось всё содержимое тайных карманов Колдуна — щетинки и шерстинки, щепочки и булавки. Колдун заговорил их давным-давно на то, чтобы поражать самое ценное для людей: куски резаной бумаги. Больше всего этой ценной разноцветной бумаги было в этом большом городе к востоку от монастыря. Теперь деньги должны превратиться в прах и пыль, и никто не сможет этому помешать. Заплачут вдовы, порушатся судьбы, повалится из окон обезумевший офисный народ.

Знахарь только улыбался, прочитав всё это на лице исчезнувшего Колдуна. Сколько Знахарь видел смутных времён, сколько гнал ветер по улицам деревень и городов мусор и пыль, да жизнь продолжалась. Ему нисколько не было жаль людей, которых схватит скоро за горло отчаяние, потому что они заслуживали этого не меньше и не больше, чем поломанные деревья.

А кончится эта напасть, придёт другая. Ураган придёт с Запада, поворотится и придёт с Востока, всё вернётся в колдовской круг, потому что жизнь вечна.

Знахарь подобрал мёртвую ночную птицу и поглядел в её глаза, покрытые жёлтой плёнкой. Он быстро дунул ей в клюв и вдохнул обратно суетливую птичью жизнь. Потом он повесил птицу обратно на сук, как влажное полотенце.

Он вздохнул и оглянулся — где-то сейчас несся на пожарной машине его внук, чтобы унять искры из оборванных проводов.

В доме запел свою свистящую песню чайник, и Знахарь пошёл внутрь.

Светлана Прокопчик

ОВЧАРКИ ТОЖЕ ЛЮДИ

Подонков было трое.

А лифчик остался в Чертаново.

Какая глупость, что историю творят народы. Еще большая глупость, будто что-то зависит от личностей. Не-ет. Все в этом мире происходит из-за мелочей.

Например, из-за лифчика.

Жаркое лето, двадцать восемь градусов по прогнозу и тридцать шесть на термометре за окном. Сломанный кондиционер и бесполезные звонки в сервис. Заявок много, очередь, ждите, на той неделе будет мастер. Четыре потные, зевающие от недостатка кислорода тетки, хуже всего — главбуху, у которой климакс и приливы. И насущная необходимость работать до вечера, иначе не дадут отгул в пятницу.

У Кати была чувствительная кожа, и она сообразила, что лифчик вскоре сведет ее с ума. Поэтому она сняла его и спрятала в сейф, решив, что никто и не заметит, надето на ней что под блузкой или нет. Получилось так хорошо, что вскоре она привыкла к жаре, и задержка показалась ей плевой, словом, без пяти десять пришел охранник и сказал, что ему пора ставить офис на сигнализацию. Впопыхах Катя забыла про лифчик и вспомнила лишь в метро, поймав три или четыре откровенно заинтересованных мужских взгляда.

В общем, ничего особенного, она ж не голая была. Правда, блузка полупрозрачная, а грудь — нормальная такая грудь, не два прыщика. Катя обеими руками прижала к груди сумочку, сделав вид, что ее так удобнее держать, и хмуро сдвинула брови, прикинувшись, что погружена в размышления о деньгах. Мужчины нутром распознают, когда женщина думает о деньгах и когда — об одиночестве, и ни за что не пристанут, если думы посвящены финансовым вопросам.

© С. Прокопчик, 2011.

От метро Катя пошла пешком, решив, что километр на шпилечках — чепуха. Пошла дворами. В сущности, это был даже красивый маршрут. И безопасный на всем протяжении, кроме каких-то пятидесяти метров по неосвещенной боковой тропинке. Ее заасфальтировали, но плохо, она покрылась трещинами и выбоинами, и если по темноте провалится каблук — рискуешь сломать ногу. Катя искренне считала, что это единственная опасность. Да как можно, в десяти метрах же окна квартир! Вон, освещенные еще, люди поздно ложатся.

И нате вам.

Трое.

Сначала Катя заметила одного: он стоял в конце дорожки, на границе света и тьмы, и нагло загораживал дорогу. Потом она увидела, как под окнами дома справа скользнула тень, обходя ее, и слева тоже зашуршали кусты. Катя бросила было взгляд на скамейки в сквере, где обычно до глубокой ночи молодежь пила пиво, — и испугалась еще больше. Там сидел один человек. Кате показалось, что он в толстой зимней куртке, хотя ручаться не могла, темно же. Он сидел и курил. Катя подумала, что эти трое и тот, на скамейке, — заодно.

Заметив, что она насторожилась, подонки начали стягивать кольцо. За одно мгновение Катя успела перебрать множество вариантов. Можно закричать; но люди в квартирах, несомненно, привыкли к девичьим воплям, доносящимся со скамеек, и ничего, кроме рабоче-крестьянского флирта, не означающим. А долго или осмысленно Кате кричать не позволят налетчики — просто зажмут рот или по голове врежут. Куда продуктивнее запустить сумочкой в лицо переднему грабителю, отпихнуть его, пока он в замешательстве, и убежать. До подъезда всего-то сто метров. Катя именно так и поступила бы, да вовремя сообразила — она ж без лифчика. Грудь у нее не большая и не маленькая, из разряда «есть что показать», но на бегу будет сильно подпрыгивать. Грабители не слепые, догадаются, что она почти голая. А дальше Катя упрется в подъездную дверь, защищенную домофоном, и будет безуспешно тыкать в кнопки, надеясь подобрать прочно забытый код, — потому что ключи от квартиры останутся в сумочке, которую она бросит в подонка. Этим троим останется только неспешно подойти и взять ее тепленькой.

Поэтому Катя покрепче прижала сумочку к груди, испустила вопль учительницы, которая застукала мальчиков в женском туалете, и кинулась бежать. Прямо на налетчика.

Тот, что слева, оказался ближе, чем ей хотелось бы, но и Катя не растерялась, пнув его в колено. Промахнулась, зато вскользь задела голень каблуком с металлической набойкой. Передний замешкался, и Катя, все еще визжа, налетела на него, вцепилась в волосы, потом нащупала ухо. Он машинально дал ей затрещину, отбрасывая от себя, а Катя, едва сохраняя равновесие, бросилась наутек.

Ключи нашлись мигом, хотя обычно вылавливать их приходилось по всей сумке, и Катя мухой влетела в подъезд. У лифта остановилась. Ноги тряслись, в боку кололо, легкие рвались при каждом вздохе. Тем не менее Катя рассмеялась: надо же, как глупо она поступила! Зато и мобильник, и деньги, и паспорт с ключами от квартиры остались при ней. Ключи — это особенно приятно, поскольку жила Катя у тетки, и та вряд ли обрадовалась бы, если б пришлось менять замки.

В прихожую навстречу Кате выскочил Сэм, принялся прыгать на хозяйку и на дверь, выразительно повизгивать и всячески показывать, что ему позарез нужно на улицу. Катя разулась, заглянула на кухню. Тетка еще не легла, пила кофе, курила и читала книжку.

— Я выводила его, — сказала тетка вместо приветствия, даже не посмотрев на племянницу.

— Хорошо, — кивнула Катя. — А то мне сейчас лучше бы не высовываться. Прикинь, меня только что в торце дома чуть не ограбили.

У тетки было своеобразное чувство юмора; Катя не боялась, что она переволнуется, потом будет просить корвалолу и «скорую». Ее тетка по пустякам не волновалась.

— Правда? — Тетка отвлеклась от книги. — Не мужик в телогрейке?

Катя застыла.

— Я с Сэмом гуляла, сидел такой в сквере, — объяснила тетка. — Жара тридцать градусов, а он в телаге. Серый. И мерзкий, его все за десять метров обходили. Сидел и курил.

— И сейчас, наверное, сидит и курит, — предположила Катя. — Нет, не он. Трое молодых каких-то.

Она коротко рассказала, тетка выслушала, потушила окурок и потянулась за телефоном.

— Джафар? — спросила она в трубку, привычно забыв поздороваться. — Дина. Джаф, я понимаю, что не твоя епархия, у меня на племянницу только что напали. Здесь, прям у дома. Трое каких-то, не местных. Скажи своим, пусть проверят район, а? Не, да какие заявления, ты о чем... у нее ни синяка. Одного пнула, другому наподдала, третий не успел под раздачу. И вот еще: в сквере какой-то серый торчит, не знаю, бомж или нарк, турни его, а? Детей пугает. Спасибо, да.

Джафаром звали местного участкового. С теткой он дружил и сильно уважал за какие-то неясные заслуги, очень тайного, но несексуального характера. Катя нисколько не сомневалась, что он попросит коллег покататься ночью по дворам на патрульной машине.

И никому от этого хуже не сделается.

В шесть утра было прохладно и приятно. Сэм обследовал приподъездные столбики, а затем уверенно потянул в сторону сквера. Кате не хотелось туда, хотя она понимала, что подонки давно ушли, а серый либо ушел с ними, либо его прогнали патрульные.

Серый никуда не делся. Катя сначала обратила внимание на поведение собаки и лишь затем — на происходящее в скверике. Сэм напрягся, вздыбил шерсть и утробно заворчал. Вообще-то он был маленькой собакой — головой по колено, от силы десять кило живого веса. Но зато пасть у него заканчивалась на затылке, и клыки были — кавказская овчарка позавидует. Наверное, унаследовал от матери-фокстерьерши. Катя в шутку называла его «карманной моделью крокодила, адаптированной для проживания в малогабаритной квартире». Скромные размеры Сэм компенсировал неукротимым характером берсерка. Впрочем, до сих пор его злость проявлялась исключительно при встрече с кобелями в три раза крупнее. К людям песик неизменно проявлял дружелюбие.

А теперь он рычал на людей. На компанию, оккупировавшую две скамейки в сквере.

Там было трое. Катя узнала Егора, безобидного алкоголика из пятьдесят девятой квартиры, его приятель тоже пару раз попадался ей на глаза. Похоже, вчера у них случился бурный вечер, и теперь они заливали пивом «горящие трубы». Несмотря на многолетнее пьянство, Егор всегда одевался очень аккуратно и сейчас тоже оставался верен себе: джинсы, белая рубашка, черная кожаная жилетка. Приятель его был в футболке и в брюках. И как же странно смотрелся рядом с ними мужик в телогрейке! Он сидел лицом к Кате и мрачно рассматривал ее, дымя сигаретой. Небритый, с серым помятым лицом, глубоко посаженными глазками, в грязной вязаной шапке. И — в телогрейке, серой и пыльной, застегнутой наглухо и с поднятым воротником. Что у него на ногах, Катя рассмотреть не успела, потому что Сэм сорвался с поводка.

Поводок у него был недлинный, но крепкий, как для овчарки. И карабин надежный. Но они не спасли, поскольку Сэм попросту стянул ошейник через голову. Стянул и теперь мчался в скверик, прыгая, как черный шерстяной мячик. Катя ахнуть не успела, а песик уже перемахнул через спинку скамейки и повис на сером. Тот с перекошенным лицом вскочил, стряхнул собаку и побежал прочь. Сэм прыгнул ему на спину, раздирая телогрейку, упал, догнал, снова прыгнул, выдрав клок ватной подкладки... Егор с приятелем ошеломленно глядели вслед им.

Катя добежала до скамеек, когда серый и Сэм скрылись из виду. Пускаться вдогонку бесполезно, собака бегала значительно быстрее хозяйки. Катя еще несколько раз громко позвала пса — тишина.

— Так вам всем и надо, — с неожиданной злобой сказал Егор. — Собак, которых выгуливают без поводка и намордника, надо отлавливать и усыплять.

Катя остолбенела. Егор отлично знал Сэма, к собаконенавистникам не относился, и с чего бы вдруг его прорвало?

— Угу, — согласился его приятель, — усыплять. Вместе с хозяевами.

Катя потрясла поводком:

— Егор, вы же знаете, что я всегда вывожу собаку на поводке.

— Собаке вообще не место в городе, — отрезал он. — Тут людям жить негде, а вы паразитов разводите.

Катя не знала, что и ответить. Вот она, людская благодарность — неделю назад эти двое «заняли» у нее сто рублей и не отдали, конечно. Они всегда «стреляли» на опохмел по мелочи, весь двор давно привык. А теперь — усыплять, значит, вместе с хозяевами.

— А кто этот серый? — спросила она, чтобы не устраивать скандал из ничего.

— Тебе какое дело?! — взъярился Егор. — Чё пристала? Вали вообще отсюда, прищепка мусорская!

Тут Катя попятилась. Что произошло, она не поняла, но к драке явно не была готова. Егор начал подниматься, Катя поспешно повернулась и пошла домой. Вслед ей полетела пустая бутылка. Ничего себе...

Она еще подумала, что надо бы позвонить участковому — пусть вызовет этим двоим «скорую», у них явная белая горячка, но мысли о соседях-алкашах выскочили из головы: перед подъездом сидел Сэм. Завидя хозяйку, припал на брюхо, заскулил виновато и радостно. Катю даже смех разобрал, такими понятными были собачьи простые эмоции. Сэм и раскаивался в том, что удрал, и обещал, что больше никогда-никогда, и боялся, что его теперь домой не возьмут, а еще пытался соврать, что вовсе он никуда не убегал, так, дом обошел, это Катя непонятно где ходила, а он тут ее ждал. И верил в нее, между прочим! Верил, что она не насовсем ушла!

На работе в первой половине дня Катя была героиней. Еще бы, так смело отбилась от налетчиков! Но в одиннадцать начальник привел мастера по ремонту кондиционеров — добыл по личным каналам, — и все вернулось в привычное русло.

Вечер тоже выдался мирный. Сэм, помня об утреннем промахе, на прогулке вел себя на диво прилично, даже проигнорировал добермана из соседнего подъезда, с которым всегда дрался. Впрочем, ему было чем заняться: овчарку из дома напротив вывели на полчаса раньше, а от овчарок Сэм впадал в экстаз. От овчарок и от кокер-спаниелей. Но последних он явно считал мягкими игрушками, а вот овчарок любил. Завидя немецкую суку, вставал на задние лапы, прикидываясь высоким, и так обнюхивался с ней. А потом отбегал к столбику или

к дереву и поливал их, вставая на передние лапы, как акробат, — чтобы оставить свою метку над потеками других кобелей. И сейчас он сделал то же самое. Катя невольно улыбалась, хотя наблюдала эту картину почти на каждой прогулке. Сэм жестоко страдал от комплекса неполноценности среди рослых собак, которых заводили соседи, и изо всех сил производил впечатление хоть и мелкого, но крутого пса. По этой же причине он игнорировал кобелей своих габаритов, выбирая для склок доберманов, ротвейлеров, овчарок или, на худой конец, боксеров. Шрамов на морде имел предостаточно, но и его противники носили характерные отметины от острых зубов «крокодила». Сегодня достойных соперников не нашлось, и прогулка завершилась без эксцессов.

Тетка поехала к подруге, поэтому Катя рано легла спать.

Кате приснился такой кошмар, что наутро она даже задумалась: не сходить ли к психотерапевту.

Во сне она была дома, причем не у тетки, а в родительской квартире в Загорске. В дверь кто-то ломился. Катя выглянула в глазок и увидела Егора. В руках у него было нечто, напоминающее пушку, только с фрезой на дуле. И рожа такая, что впору спасаться через окна, благо, первый этаж.

Он ломился, а Катя закрыла дверь на задвижку и успокоилась. Только он ухитрился ее открыть. Катя побежала в кухню. Там сидели мать с отцом и притворялись, что ничего не слышат. А в Катиной комнате сидела тетка и болтала по телефону. Тогда Катя схватила самый большой нож и позвала Сэма. Собаку она зачем-то взяла на поводок. И вовремя, потому что дверь распахнулась, и в квартиру с пушкой наперевес ввалился взломщик. Катя тут же сообразила, что это не Егор, а тот серый мужик. С близкого расстояния он выглядел еще более жутко, чем в скверике. Катя, не размышляя, стала бить его ножом — в шею, в живот, в бедра. А он отмахивался и капризным голосом возмущался: «Ты что, мне же бо-ольно!». Крови не было. Катя скомандовала собаке, Сэм послушно вцепился ему в пах, а мужик захихикал, как от щекотки.

Тут появился еще один мужик и сказал: «Что за киберпанк тут происходит?» Выяснилось, что взломщик — гость из

будущего. И вообще ему пообщаться хочется. Второй увидел, что собака грызет пах взломщика, и засмеялся: мол, там все равно ничего нет, отгрызать нечего. Потому что у них, в будущем, пол меняется в зависимости от моды, а от природы никакого нет вообще, как у рабочих муравьев. Кате сделалось дико противно, она заявила, что человек без пола — не человек. Сэм бросил дурацкую затею и ушел в кухню, незаметно избавившись от поводка. Катя уже стала выходить из себя, незваные гости достали ее до печенок, тем более что взломщик упорно рвался пройти поглубже в квартиру, но в этот момент из кухни появился негр.

Негр был роскошный. Совершенно черный, как нефть, в ослепительно-белом костюме, при белом же галстуке и в белых перчатках. Красавец под два метра ростом. Не говоря ни слова, он взял гостей за шкирки — по одному в каждую руку — и просто вышвырнул их вон. И затем снова ушел в кухню, где и исчез бесследно. Ну и сон.

Весь рабочий день Катя тайком лазила по интернету, пытаясь разобраться: имеют ли вещие сны право на существование с точки зрения науки? В магию Катя не верила, может быть, зря, но не верила. А наука сей вопрос старательно игнорировала. Не считать же ответом заявления, мол, это чушь. Не-ет, ребята, настоящий научный ответ должен быть с результатами многолетних исследований, со статистикой, с экспериментами и прочими необходимыми атрибутами. А их не было.

Поэтому Катя решила поговорить с теткой. В принципе тетка никакого отношения к науке не имела, но суждения о жизни имела правильные.

— Сон мне сегодня приснился, — сказала Катя за ужином.

— Сон, — кивнула тетка и встрепенулась. — Ой, погоди. Пока не забыла: нашли тех подонков, которые на тебя напали.

— Правда?

— Ну да. Я Джафара сегодня на улице встретила. Ты ж Егора знаешь? Допился. Пытался убить соседку. Дверь ей перфоратором разнес, а соседка его с топором встретила.

— Насмерть? — охнула Катя.

— Да нет, она его обухом шандарахнула. Ему хватило. Сейчас в больнице. Собственно, поэтому я Джафара и встре-

тила. А я с работы иду, у соседнего подъезда толпа. И Джафар. Надо же, сколько лет его знаю — он не меняется совершенно. Каким был десять лет назад, таким и остался. Заодно он мне и про твоих сказал. Наркоманы. Не местные.

— А про серого мужика ничего не сказал?

— Говорит, такого не видели.

— Да что за чушь, я его на следующее утро видела своими глазами! Сидел на той же скамейке, кстати, с Егором. Я еще тогда подумала: Егор рехнулся. Он в меня пустой бутылкой швырнул.

— Значит, у него уже тогда горячка начиналась, — решила тетка.

Катя вкратце рассказала свой сон, не упоминая негра. Тетка выслушала, не удивилась нисколько и сказала:

— Не обращай внимания. Банальное совпадение. Ну или мигрирующая телепатия.

И Катя почему-то сразу успокоилась.

Кате снилось, что она — девочка лет двенадцати. Мама с папой ушли в театр, а ее оставили, ведь она уже большая и самостоятельная. Катя погуляла с подружкой, потом поужинала и села смотреть телевизор. Вдруг ей стало очень страшно. Она даже позвонила подружке и несколько минут разговаривала с ней, чтобы не чувствовать себя одинокой. Пока говорила, не могла отделаться от ощущения, что за шторой кто-то прячется. И еще оттуда заметно поддувало, хотя Катя закрыла все окна в девять вечера, как наказала мама.

А потом затрещала ткань шторы, с подоконника посыпались цветочные горшки, и в комнату пролез серый мужик. Он походил на «классического» уголовника — в грязной телогрейке и ватных штанах. У него были редкие серые волосы, слипшиеся от пота, серое мятое лицо, недельная щетина. В руке он сжимал нож. Катя пыталась убежать, но, как это часто бывает во сне, ноги ее не слушались. Уголовник настиг ее и ударил ножом между лопаток. Катя почувствовала холод, и тут же страх прошел. Она легко, как перышко, взлетела к потолку. Уголовник не обращал на нее внимания, и Катя спряталась в шкафу.

Когда вернулись родители, уголовника уже не было. Катя покинула свое убежище, но ни папа, ни мама ее не слышали. Они рыдали и кричали над кучей тряпья, лежавшей посреди комнаты. Катя заглянула через мамино плечо и увидала себя. Она засмеялась, но случайно посмотрела на руки. И тут уже испугалась по-настоящему, потому что руки были прозрачными.

Ее не было. То есть была, но умерла. Катя растерялась и от этой растерянности проснулась.

До подъема оставалось полчаса, но Кате казалось, что уснуть уже не удастся. Оделась, вывела собаку. Ясное летнее утро подействовало на нее умиротворяюще. Катя даже сумела убедить себя, что кошмары — из-за нервного истощения. Да, с Егором она попала в точку. Но это случайность. Мигрирующая телепатия, как сказала тетка. Егора Катя знала, к тому же накануне имела с ним стычку. Ничего удивительного. Ровным счетом ничего. А в этом сне просто вылезли ее страхи, детские страхи темноты и одиночества.

От прогулки она получила море удовольствия. Вечером прошел дождь, и во влажном воздухе все запахи казались острее, все краски ярче. И вообще Катя ощутила, как прекрасна жизнь.

Когда она вернулась, тетка уже встала и приготовила завтрак. В углу тихонько бормотал телевизор — тетка, как и многие женщины, не выносила тишины в квартире и включала телек фоном, чтоб болтал и создавал ощущение наполненности пространства. Катя давно привыкла и не обращала внимания.

— Я насчет Егора все думаю, — начала было тетка, но Катя перебила ее жестом, подавшись вперед и уставившись в телевизор.

Она узнала эту комнату.

Сорванная штора, разбитые цветочные горшки на полу. Больше Катя и не разглядела ничего. Трясущейся рукой нащупала пульт, прибавила громкости.

Девочка, двенадцать лет. Убита во время налета на квартиру. Внучка бывшего сотрудника КГБ и дочь мелкого предпринимателя. В качестве мотивов предлагались: ограбление, месть за старое, рэкет. Преступник залез через окно, благо, квартира располагалась на первом этаже.

Дальше Катя ничего не слышала. Она поймала себя на мысли, что воспринимает показанную по телевизору квартиру как родной дом. Она знала каждую трещинку на паркете. Ужасно расстроилась из-за цветочных горшков и погибших растений. Мама так любила эти цветы! Бабушка не разрешала ей хозяйничать на даче, поэтому мама разводила садик на подоконниках. И вдруг Катя осознала — ведь это не ее квартира, это квартира, в которой убили двенадцатилетнюю девочку! Ту самую, которой Катя была во сне.

Она вскочила, зажав рот, и едва успела добежать до туалета. Она блевала и плакала. Ее внутренности конвульсивно сокращались, выбрасывая в унитаз содержимое желудка. Что-то попало в нос, обожгло едким желудочным соком, саднило горло... Потом она сидела на краю ванны, полоща рот, горло и нос. Думала о том, как же это мерзко — блевать. И ведь находятся девушки, которые блюют по собственной воле, чтобы не толстеть! Они запрещают себе есть, но кушать хочется, и тогда они наедаются до отвала, а через пятнадцать минут идут в туалет и суют два пальца в горло. Некоторым очень нравится. Говорят, через какое-то время они начинают испытывать от этого оргазм.

Тетка стояла в дверях ванной.

— Ты не беременна?

— Это все, о чем ты можешь думать? — огрызнулась Катя.

— Это единственное, что требует немедленных мер, — парировала тетка. — Независимо от того, сохраняешь беременность или прерываешь.

— Нет, — проворчала Катя. — Нет.

Почему-то она не смогла рассказать тетке про сон. Но тетка и без рассказов разобралась, что делать, налив племяннице полчашки французского бренди.

В тот день Катя впервые приехала на работу нетрезвой. Шеф спросил, в чем дело, Катя сказала, что у нее родственницу убили — совсем еще девочку, маньяк какой-то убил. Шеф понимающе кивнул и предложил Кате взять отгул на три дня. Катя отказалась.

И весь рабочий день размышляла: имела ли она моральное право назвать погибшую девочку родственницей только потому, что провела несколько минут в ее теле, да и то во сне?

* * *

Катя шла по длинному советскому универмагу. Она была совсем ребенком, когда наступили бурные девяностые, и жила тогда с родителями в Загорске. Может быть, поэтому ей так врезался в память этот поход по магазинам с мамой. Магазин был не только длинным, но и узким, со ступеньками между отделами. В нем толпились пролетарские женщины — все как одна в квадратных пальто серого или коричневого цвета, с большими сумками и начесанными волосами. Катя не видела их, ее вниманием завладели витрины с бижутерией. Ох, там лежали настоящие сокровища, вызывающе сверкая и маня экзотичностью. Катя просто прилипла к столу и не сразу заметила, что ее кто-то толкает. Оглянулась — и рассердилась, увидев серого мужика. Мужик пихал ее животом, вынуждая едва не лечь на витрину, и сверлил взглядом. Катя обиделась и треснула его ладонью. Попала в шею и поморщилась: как будто студень шлепнула.

Мужик не отстал, и Катя быстро пошла к выходу. Преследователь затерялся в толпе, Катя выскочила на улицу. Она была на «Бауманской», точно совершенно, ведь она училась в Бауманке и знала тут каждый квадратный сантиметр. Но почему-то станция называлась «Курской». Катя юркнула в боковой проход между павильончиками и тут увидела лоток. Обычный столик с мелким товаром. Там была бижутерия, и куда более красивая, чем в магазине.

Катя быстро отобрала все, что ей понравилось, получилась немаленькая горка. Самое главное, ей подошел оригинальный браслет с кольцом на цепочке. И тут в затылок кто-то задышал. Она обернулась — ну что за проклятие такое, опять этот серый приперся! Высказав ему все, что думала, в резких выражениях, Катя сгребла купленную бижутерию в сумку и быстро пошла в сторону Ладожской улицы.

Там не было укромных мест. Везде толпа. И белый день. Поэтому Катя очень удивилась, почувствовав, как в шею входит ледяной клинок ножа. Даже не испугалась.

Проснувшись, она рывком села и потрясла головой. Пора что-то делать. Но что?

Новости она смотрела очень внимательно, но не заметила ничего, похожего на ее сон. Может, обычный кошмар? Как ни

странно, отделаться от тягостного воспоминания получилось очень легко, только немного саднила шея — в том месте, куда ударил серый мужик. Катя посмотрела в зеркало и обнаружила длинную царапину. Ну вот вам и ответ, засмеялась она: во сне почесалась, а ногти длинные, оцарапалась, а приснилось убийство.

Но вечером снова смотрела новости, не обращая внимания на подозрительный взгляд тетки.

Оно.

На этот раз Катя не испугалась. Она даже равнодушно смотрела на труп молодой женщины. Убита ударом ножа в шею, недалеко от метро «Бауманская». И вроде белый день, а свидетелей нет. Катя рассматривала не труп, а сумку. Из нее выкатился тот самый браслет — с кольцом на цепочке.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — осведомилась тетка.

— Я это видела, — просто сказала Катя.

— В смысле, ты очевидец?

— Нет. Во сне. Как с Егором было. И девочку эту, внучку кагэбэшника, я видела. И девочку, и эту женщину убил этот серый мужик из нашего сквера.

— Очень интересно, — бесстрастно ответила тетка.

Катя пожала плечами и рассказала все в подробностях. Тетка выслушала и посоветовала:

— Вот что, дорогая, выпей-ка ты на ночь глицинчику. От кошмаров помогает.

— А что делать с тем, что сны вещие?

— Разберемся. Тебе надо нервную систему беречь, она у тебя одна.

Катя подумала и решила, что тетка права. И таблетку съела.

Кошмаров действительно не было. Только страх. Но едва Катя почувствовала знакомый уже ужас, как в ее опущенную ладонь ткнулся чей-то холодный нос. Катя посмотрела и увидела здоровенную, лохматую немецкую овчарку.

— Привет, — сказала ей Катя.

Собака не ответила, конечно. Она дисциплинированно рысила подле ее левой ноги, и встречные расступались, пропуская Катю с этаким зверем. Потом пришлось идти по до-

рожке, так плотно обсаженной кустами, что овчарка отстала. Но Катя чувствовала, что собака рядом, поэтому не боялась. Правда, когда она миновала заросли и обернулась, собаки не было. Вместо нее был знакомый уже негр в белом костюме. Негр проводил Катю до дому. Молча. Наверное, он не говорил по-русски, а Катя забыла английский.

Тетка разобралась с вещими снами просто: позвонила участковому и спросила, не могут ли помочь следствию видения ее племянницы. Следствие вели не здесь, и вообще это было полной чушью, но почему-то участковый перезвонил и попросил Катю зайти. Не в отделение, в его кабинет. Катя после работы пошла, конечно. Она очень хотела, чтобы серого поймали.

Прием ей не понравился. В кабинете было четверо: участковый, почему-то имевший растерянный вид, следователь и двое мужчин, должность которых Кате не сообщили. Один был просто красавец: рослый брюнет с волосами до плеч и синими глазами. Настоящий вырожденец. Эмоции у него отсутствовали в принципе, он говорил как автомат с хорошим произношением — все правильно, но без души. Звали его Дмитрием Святославичем. А четвертый стоял у окна спиной ко всем. Когда Катя вошла, он повернулся, представился Константином Викторовичем Ковалевым и снова отвернулся.

Катя рассказала все, что видела во снах. С максимумом подробностей. Она старалась показать, что не какая-то сумасшедшая, наслушавшаяся новостей. То, что она рассказала, в новости не попало. Например, она вспомнила, как звали подружку убитой девочки, описала и всю бижутерию, купленную убитой женщиной.

Следователю показалось мало. Он принялся расспрашивать Катю, как давно она знакома с Егором, с соседями убитой девочки, какие отношения у нее были с убитой женщиной... И где скрывается серый мужик. Катя безмерно удивилась, потому что Егор — еще туда-сюда, но остальных она в жизни не видела! Следователь ловил ее на противоречиях и чуть не довел до слез.

— Да не знаю я этого! — воскликнула Катя.

— А вот мы тебя сейчас задержим... — со значением произнес следователь. — Как соучастницу. Посидишь в камере недельку — сразу все вспомнишь.

Катя задохнулась от возмущения. Мужчина у окна лениво повернулся:

— Хватит ваньку валять. Там не было никаких соучастников. И уж тем более — соучастниц.

Следователь метнул в его сторону неприязненный взгляд.

— А откуда она знает такие подробности?!

— Да она экстрасенс. Самый обыкновенный, каких по Москве пруд пруди.

— Знаешь, давай без этого, а? — раздраженно буркнул дознаватель. И Кате стало ясно, что мужчина у окна — главный. — Разведешь тут чертовщину...

— Чертовщину я, извини, не развожу, а вывожу. Девчонка ни при чем. Показания с нее снял? Ну и угомонись.

— Да как я их оформлять должен, а? — нешуточно взбесился следователь. — Сны по закону показаниями не считаются! А если она все так и видела...

Дмитрий Святославич медленно встал. Оперся ладонями о стол. Тяжело посмотрел в глаза следователю, и тот разом стушевался. Принялся какие-то бумажки перекладывать, и видно было по лицу: вырожденец раздражает его еще больше, чем Катино ясновидение.

— Ты сам хотел поехать с нами, — очень негромко, но четко, как будто вбивая слова в уши, произнес вырожденец. — Услышал, что хотел? Как ты это оформишь, меня не касается. Ее — тоже. У тебя к ней вопросы есть?

— Нет, — выплюнул следователь.

— Прекрасно. Костя, займись. — Вырожденец показал ему на Катю.

— А ты?

— Я здесь бесполезен. Подтянусь на конечном этапе.

— Отлично, — согласился Ковалев и подмигнул Кате: — Поработаем?

Она неуверенно пожала плечами, и Ковалев предложил ей проехать с ним. Катя вышла. Перед подъездом их ждала машина. Черный «мерседес». С водителем, проблесковым маячком на крыше и правительственными номерами. Номерных

табличек Катя не видела, но отчего-то была уверена, что номера именно правительственные.

— Прошу! — Ее спутник распахнул заднюю дверцу.

Катя залезла, чувствуя себя угловатой и неуклюжей. Некоторые женщины умеют садиться в машину изящно, и чем дороже машина, тем грациозней они занимают свое место. А Катя заползала едва не на четвереньках, вечно пачкая о порожки джинсы и даже короткие платья. А если подол широкий — непременно защемляла его дверцей. Определенно, шикарный транспорт не для нее. Ей бы на автобусах ездить, на метро... Зато она красиво смотрелась за компьютером.

— Можете звать меня просто Костей, — сказал мужчина, усевшись рядом с ней. — Имя у меня длинное и тяжелое, не стоит тратить на него силы, нужные для работы.

Катя хмыкнула.

— Катя, — проникновенно, однако без излишней снисходительности, начал он, — я понимаю, что вы устали, перенервничали, и вам страшно подумать, что придется еще два или три часа провести в заведениях вроде только что покинутого... И завтра рабочий день.

— Да-да, — усмехнулась Катя.

— Я обещаю, что домой вы вернетесь на этой машине. Доставят прямо к входной двери. Могу даже облагодетельствовать вас какой-нибудь запиской к вашему начальству, чтобы вы могли выспаться и прийти на работу с опозданием.

— Это было бы великолепно.

— Кофе хотите?

— Прямо здесь?

— Разумеется. — Ковалев пошарил за Катиной спиной, подтащил какой-то предмет, который при ближнем рассмотрении оказался термосом. — Увы, это не лимузин с баром и телевизором, но кое-какие приятные мелочи найдутся и тут.

— Вы из ФСБ, да? — выпалила Катя.

Он не стал отвечать вопросом на вопрос, мол, почему вы так думаете. Он ответил:

— Нет. Мы представляем МКЦ — Московский Комитет по Цензуре. Дмитрий Святославич — вы его видели — председатель. Поскольку сотрудников у нас не хватает, он исполняет и прежнюю свою должность — начальник отдела

оперативного реагирования. Я его заместитель по биологическим и условно биологическим объектам. Дмитрий Святославич — наш Великий Цензор, кстати, он работал как-то в вашем районе.

— Гм. Не слышала, чтоб у нас работала организация с таким названием.

— Это показатель нашей квалификации. Население не должно быть встревожено.

— Странно, что вы сами выезжаете на место по каждому пустяку.

— Ну, во-первых, пустяков не бывает, а во-вторых, у нас очень мало специалистов. Нам нужны особенные люди.

— Дмитрий Святославич — уж точно особенный. Я таких сухарей в жизни не видела. У него эмоции вообще бывают?

Ковалев засмеялся:

— Бывают, конечно, он же живой. Но редко. Вы правы, он очень особенный. Но, Катя, поймите — он почти гений. Это не преувеличение. И ему, конечно, трудно хотя бы казаться обычным человеком, которого волнуют милые бытовые глупости. К тому же он специализируется по техногенным объектам, это тоже накладывает отпечаток.

— Гм, — сказала Катя.

— Он с самого рождения... немного другой. Видите ли, он родился в лифте.

— И что?

— Ничего, просто при рождении лифт решил, что это его детеныш, и теперь все московские лифты считают Дмитрия Святославича родственником. Это полбеды, но ведь и Дмитрий Святославич получил матрицу лифта, так что... так что ему иногда приходится напоминать себе, что он не механизм.

— Жуть какая, — честно сказала Катя. Подумала и добавила: — Впрочем, чего это я? Ну вот чего я еще ждала, придя к участковому, извините, с вещими снами? Уж точно лучше общаться с людьми, которые считают себя лифтами-полукровками, зато верят мне, чем со следователями, для которых я априори соучастница.

— Здравая мысль, — похвалил Ковалев.

— А вы тоже родились где-нибудь в электричке?

Он засмеялся.

— Нет, я с самого детства тяготел к различным загадкам, много учился и — выучился. Я биофизик по первому образованию, в Цензуру пришел пять лет назад и нашел там прекрасный коллектив, не отягощенный предрассудками академической науки. То, чего мне всю жизнь не хватало.

— И вы верите в вещие сны?

— М-м... — протянул Ковалев. — Сказать по правде, я ни разу не сталкивался с подлинно вещими снами. В частности, ваш случай — это не вещий сон. Вы связаны с объектом «Серый Мужик» и поэтому можете видеть его действия.

— Но я вижу раньше, чем он их делает!

— Это нормально, особенности существования таких объектов. Вы кофе-то пейте, а то остынет, станет совсем бурдой.

В управлении Кате даже понравилось. Здесь царила атмосфера современного офиса, из которого удалили планктон и оставили только работников, люди были дружелюбными и искренними. Катя рассказала все-все, с самого начала. Ковалев ничему не удивлялся, только заинтересовался собакой.

— А ваша собака — немецкая овчарка, верно?

— Нет. Бракованный фокстерьер. Это, скажем так, приукрашенная версия, потому что у него мама — фокс, а папа неизвестно кто.

— Но точно не овчарка?

— Вряд ли, — усомнилась Катя. — У Сэма только масть и размер не соответствуют породе. Уж скорей какой-нибудь миттельшнауцер.

— Странно, — сказал Ковалев.

— Почему?

Ковалев откинулся на стуле, помолчал, подбирая слова.

— У нас есть рабочая версия относительно объекта «Серый Мужик». Мы предположительно вычислили, к какому типу он принадлежит. Он склоняет людей к убийствам и убивает сам. Убивает ножом, с удара, стоя позади жертвы. Люди, никак не попадающие в орбиту его действий, не замечают его, но избегают, как избегали бы кучи вонючего тряпья. Сотрудники правоохранительных органов не видят вообще. Видят Серого Мужика только его жертвы — будущие убийцы и будущие убитые. И еще его замечают те, рядом с кем идет не-

мецкая овчарка. Немецкая овчарка — это единственное существо, которого Серый Мужик панически боится.

— Интересно. Но его видела моя тетя. А она не убийца и не убитая.

— Насколько я понял, ваша тетя в тот момент выгуливала собаку. Сэма.

— Ага...

— Поэтому я и решил, что у вас — овчарка. Потому что Серый Мужик отреагировал как на овчарку, и Сэм отреагировал как овчарка. И даже условие видимости в присутствии овчарки выполнено.

Катя покивала. Потом до нее дошло.

— Костя, так я не поняла — как это Серый ухитряется быть невидимым? Он не человек, что ли?

— Нет. Условно-биологический объект класса «разрушитель» типа «серийный убийца».

Катя аж закашлялась.

— Костя, а если серьезно: насколько это все реально? Звучит же как полный бред.

Ковалев не смутился.

— Отвечу так: радиоволны тоже невидимы и неощутимы человеком. Но они существуют и оказывают влияние на нашу жизнь. А электрический ток, например, можно почувствовать.

Катя согласилась.

Домой ее, как и обещали, отвезли на черном «мерседесе». На прощание Ковалев дал свою визитку, попросив звонить, если вспомнится какая деталь или приснится новый сон.

Тетка не ложилась, ждала Катю.

— Ну как? — спросила она, хитро улыбаясь.

— Меня возили в какой-то Московский Комитет по Цензуре, — ответила Катя, доставая бутерброды для легкого ужина.

— Я на это и надеялась, когда звонила Джафару.

— А-а, ты знаешь, что это за контора.

Тетка промолчала. Достала сигареты, закурила.

— Святославича не видела?

Катя чуть не подавилась бутербродом.

— У меня с ним роман был, представляешь? — продолжала тетка.

— А ничего, что он выглядит чуть постарше меня?

— Он только выглядит так. Он старше меня, ему сорок пять... Или уже сорок шесть?

— Слушай, а он хотя бы в молодости был похож на человека?

Тетка звонко рассмеялась:

— Не-а! Всегда такой робот.

— Ну и как ты с ним?

Тетка глубоко затянулась.

— Да как тебе сказать... Он в чем-то — совершеннейший лифт. На какую кнопку нажмешь, на тот этаж и привезет. Но я так и не нашла у него кнопку этажа для нормальных человеческих отношений.

— Понятно, — сказала Катя. — Я так и думала.

Ночью в Катину комнату пришел Сэм и улегся спать на коврике перед ее кроватью.

Личная жизнь у Кати не ладилась. Вроде все, что надо, на месте — красивая грудь, хорошие ножки, упругая попа, ровный характер и мозги вполне развитые. А с мужчинами не получалось. Единственного более-менее перспективного кавалера отбила лучшая подруга Настька. Катя даже на сайтах знакомств оставляла анкеты, но попадалось ей такое, от чего явно отказались все остальные девушки.

В двадцать пять она поняла, что пора успокоиться и завести домашнего любимца, который заменит ей семью. Что с того, что она превратится в типичную старую деву с болонкой на руках, тявкающую не менее противно, чем ее собачонка? Главное, ей-то будет хорошо, потому что рядом появится живое существо.

Катя позвонила Настьке, той самой, которая некогда увела у нее мужика. Старая подруга разводила фокстерьеров.

— Отлично, — сказала Настька. — Атри через две недели ощенится, еще шесть недель щенки у нас побудут... Давай ориентируйся на новогодние каникулы. Так мы собак за двадцатник отдаем, тебе по старой дружбе будет полтораста уёв за кобеля, триста за суку. Ну, я еще позвоню.

Катя согласилась. В середине января Настька позвонила и пригласила на смотрины.

— Тапочки домашние прихвати, — посоветовала подруга.

Катя приехала с деньгами и тапочками — смешными шлепанцами, увенчанными свалявшимися в тряпочные иглы помпонами.

— Ты, главное, сядь на стуле и сиди. Какой к тебе сам приползет, тот и твой, — деловито объяснила подруга, пропуская Катю в специальную «собачью» комнату.

За дверью пахло псиной и мокрым паркетом. Пол чистый, коврики убраны — кроме матрасика, на котором лежала счастливая мать. При виде чужого человека Атри зарычала, но для виду: она уже до смерти устала от собственных отпрысков и защищала их для проформы. Да и знала, что в присутствии хозяйки никто ее детей не тронет.

Настька опустила перегородку у специального ящика-манежика, куда незадолго до прихода подруги сунула щенков. Семь бело-рыже-черных клубков выкатились на пол. Катя присела на стул, Настька развалилась на стареньком диване, которому не место было в собачьей комнате, но переставить его некуда.

Она обстоятельно и со вкусом хвасталась родословной, выставочными перспективами, хаяла соперников и объясняла тонкости собаководческого бизнеса. Катя рассеянно следила за собачками.

Один из щенков был черным. Все — характерного для фоксов белого окраса с черными и рыжими яркими пятнами, а этот — черный. В белых носочках и с белым же клоком шерсти на груди. И крупный — раза в два больше братьев и сестер.

Черныш дополз до Кати и наткнулся на помпон. Настька встала и посадила щенка обратно в манеж.

— Чтоб под ногами не путался.

— Да вроде бы... — пробормотала Катя. — Он же первый, как ты говорила...

— Он бракованный, — авторитетным тоном изрекла Настька. — По масти. Я его, когда помет осматривали, вообще соседке отнесла. Чтобы картину не портил. На него нет родословной, считай, он вообще не рождался.

— И что ты с ним дальше будешь делать? Себе оставишь?

— Сдурела?! На кой хрен мне кобель, да еще и бракованный?! Я ж не охотник, я щенков продаю. Мало ли, Атри поте-

чет, он раньше планового кобеля успеет — и пиши пропало. А у нас строго, вязки отслеживаются. Это мне суку прятать придется, чтоб ублюдочный помет показатели не испортил. Не, я его усыплю.

— Может, лучше все-таки мне отдашь?

Настька тяжело вздохнула.

— Пойдем.

На кухне Катя втиснулась между столом и кухонным уголком. Ужасная мебель — вроде мягкая, но спина и ягодицы на ней затекают, ноги ставить некуда, а места он занимает побольше стульев с табуретками. И что за мещанство такое — мягкая мебель на кухне?

— Значит, а теперь правда. Он вообще не от Атри. У меня еще две суки, они на даче, мы там питомник устроили, там моя мать постоянно живет, присматривает. Так вот, одну из сук я еще три года назад должна была стерилизовать, она из разведения исключалась. Ну это чтобы с щенками махинаций не было. Если не стерилизовать, то владельца штрафуют. Я, естественно, решила сэкономить, да и закрутилась... Короче говоря, летом она у меня убежала. Где, с кем повязалась — я без понятия. Вернулась уже готовенькая. Если об этом пронюхают в клубе, моей репутации конец. В общем, когда она щенная попала под машину, я даже с облегчением вздохнула: сдохнет, думаю, и ладно, меньше проблем. А ее ничего, краем только зацепило и отбросило. В начале ноября она ощенилась. Щенок один, вот этот, черный. Надо было его сразу утопить, конечно, я сама не знаю, что на меня нашло. Оставила. Потом у меня была идея через третьи руки впарить его под видом баварского терьера или еще какой-нибудь экзотики, с поддельной родословной, само собой, я ему даже хвост под это дело купировала. Катъ, не гляди на меня так. Я, конечно, всем говорю, типа я заводчица, у меня питомник, но ты ж понимаешь — есть питомник, а есть «питомник». Каждый крутится как может. Проверенным людям я бракованного щенка не продам, конечно, но если есть возможность безопасно впарить бракованного за элиту — моя совесть молчит как партизан на допросе. Но тут не срослось. Так-то он здоровый, прикус у него правильный, экстерьер в принципе неплохой. Но это — дворняга. Через две недели придет знакомый ветеринар и тихо его усыпит.

Катя чуть не заплакала от жалости. Настька не сдавалась. И полтора часа объясняла Кате, как и в чем та неправа.

— Ты, извини, собаку выбираешь по тому же принципу, как и мужиков, — из жалости. Ты всю жизнь так — подбираешь убогеньких, жалеешь их, тратишь на них силы. А они тебе что? Что они тебе могут дать? Думаешь, хоть кто-то из твоих козлов оценил твою жертву? Да хрен! Ты, блин, о себе думай, а не о них.

— Насть, послушай, но я и свою проблему решала...

— Как?! Лишь бы кто постель согревал?! Кать, послушай умную бабу: не дури. Чем большим ты для мужика жертвуешь, тем охотней он об тебя ноги вытрет. Он привыкает, что ты в нем нуждаешься, и думает, это потому, что он такой весь из себя. А надо — чем больше с мужика требуешь, тем больше получаешь. Ты знаешь, я на рынке работала. Мой хозяин, когда у нас товар застревал, всегда цену поднимал. Потому что покупатели как видят солидную цифру на ярлыке, так сразу уважением проникаются. Им, понимаешь, для самолюбия важно — потом перед знакомыми хвастаться, что дорогую тряпку купили. Так и с мужиками. Ты готова платить за то, чтобы они на тебя внимание обратили. Пусть не деньгами пока, любовью, но помяни мое слово — через пять лет и деньгами будешь. Значит, ты ничего не стоишь, даже в минус — из тех, кого даром не надо, только с доплатой. А кому нужен бросовый товар?

Катя покраснела.

— Не все ценой определяется, — возразила она.

— Правильно. Есть спецы, которые на рыночную тряпку посмотрят, и хоть за нее три штуки отдали, а все равно они дешевку вычислят. Мужики есть такие, да. Которые издали качество секут. Только где они, а? Ты пока вот таких подбирала, которые в качестве не секут, они его по цене на ярлыке определяют. Чем дороже, типа, тем лучше.

Катя вздохнула.

— Тебе надо избавляться от этого, — продолжала Настька. — Тебе что, трудно себя вести как дорогая шлюха? Ну хотя бы. Нос задрала, взгляд презрительный, на морде написано «вы все мне ногти на ногах грызть недостойны» и все такое. Да за тобой стаи этих козлов бегать будут! Выбери из них кого поприличней...

— А любить его как?

— Ну... Тебе что, замуж надо выйти? Вот и выходи. Детей надо рожать. А для любви найдешь себе потом жеребца. Который уже будет знать, что ты с ним просто развлекаешься, и у него это тоже в подкорке отпечается, что ты ни хрена собой не жертвуешь, а им просто пользуешься. Избавляться, короче, тебе надо от этой твоей склонности всех жалеть. Себя пожалей. И начни прямо сейчас. Хочешь, я тебе лучшую суку выберу? Суку лучше, потом щенков продавать будешь. Собачка будет высший класс. Верная, преданная, но при этом — элитная. А?

— Ну выбери, — сдалась Катя.

В одиннадцать часов вечера она ловила такси. За пазухой ее зимней куртки копошился и дышал теплом черный щенок.

Дома у нее уже все было готово: собачьи миски и запас собачьей еды, собачья подстилка, собачьи игрушки и даже специальные собачьи тряпки, чтоб лужи подтирать. Песик первым делом надул на пол, наступил в лужу и пошел дальше, обживаться. Катя вытерла насухо, села на кухне на табуретку. Черному каракулевому комочку как будто все нравилось. Купированный по стандарту хвостик весело торчал вверх.

— Настька права, — сказала Катя приобретению. — Я всегда и всем жертвую ради того, чтобы угодить другим. Жертвую своими интересами, временем, а главное — я подчиняюсь. Пора меняться. И если бы я взяла ее суку, я бы тоже пожертвовала. Потому что я не хотела. Я бы жертвовала ради того, что другие обо мне подумают. А не пошли бы они все, а, Сэм?

Щенок самозабвенно трепал помпон на левом шлепанце, игнорируя собственные собачьи игрушки.

Снаружи гостиница казалась маленькой — восемь этажей, метров сто в длину. Но стоило в нее войти, как Катя обнаружила, что внутри прячется целый город. Она бегала по бесконечным коридорам и никак не могла найти нужный номер. Почему-то все было неправильно. Ей нужен четыреста восемнадцатый. Там остался Ковалев. Они остановились в том номере вдвоем, потом поссорились, Катя обиделась и ушла, но проинтуичила, что внизу в холле ее подстерегает следователь.

Она решила вернуться к Ковалеву — не тут-то было! Номер потерялся!

Она нашла четыреста шестнадцатый. Следующий, по идее, должен быть четыреста восемнадцатым. А вот фиг вам — восемьсот первый. Катя заметалась, побежала в другое крыло, обнаружила, что там вообще какая-то чертовщина, и сказала себе: «Мне нужен лифт. Честный лифт, который отвезет меня на нужный этаж». Лифты над ней издевались. Они возили Катю по горизонтали, диагонали, по внешней стороне здания и даже в соседний корпус. Они не хотели выпускать ее, а когда выпустили, Катя приступила к укрощению лестниц. Они тоже спятили. Начинались ниоткуда, упирались в стену, пролеты пересекались под немыслимыми углами и обрывались в воздухе, словно предлагая ей перепрыгнуть пустоту. Чтобы спуститься или подняться по такой лестнице, надо уметь летать. Выбравшись наконец на какой-то этаж, Катя увидела лифт. Этот вроде был честный с виду.

Двери раскрылись, в кабине было трое молодых людей, и Катя не сразу поняла, что знает их: это же те трое наркоманов, которые пытались ее ограбить. У них не было лиц. К сожалению, лифт успел закрыться, и Катя притворилась, что ничего не подозревает. Иногда это помогает. Известно же, что чем больше жертва боится, тем сильнее над ней издеваются. А когда жертва не понимает, что вот тут надо бояться, у злодеев случается когнитивный диссонанс. Они издеваются ради удовольствия видеть чужой страх, а когда его нет — то нет и удовольствия. И к чему тогда лишние телодвижения?

Лифт ехал чертовски медленно и долго. Троица посмеивалась и перемигивалась, глядя на Катю, но не приставала. Затем центральный подонок подвинулся в сторону. За его спиной висело зеркало. И Катя увидела в нем себя... и Серого Мужика за своим плечом. Серый ухмылялся, он уже занес нож. Занес и ударил, но Катя уклонилась. Полилась кровь, но она даже боли не ощутила, сообразив только, что рана не смертельная. Она попыталась повернуться лицом к убийце, решив дорого продать свою жизнь, а то и убить гада, но в кабине было ужасно тесно. Тут-то трое подонков и навалились на нее, схватили, удерживая. Катя закричала, но изо рта не вырвалось ни звука, хотя она очень старалась. Она открыла

рот пошире, может, так получится, и с изумлением уставилась на кулак Серого, выскочивший из ее рта...

Она проснулась так резко, что не сразу восстановила дыхание. Проснулась уже сидя, держась за горло. Сердце отчаянно колотилось, в глаза как песка насыпали. На коврике у кровати топтался Сэм, не понимая, что произошло.

Сон. Какое счастье. Всего лишь сон. Катя упала на подушку, но тут же вскочила и полезла в сумочку за телефоном и визиткой Ковалева.

— Костя? Доброе утро... то есть доброй ночи, извините, я не посмотрела, сколько времени... Мне опять приснился Серый, вы просили сказать, если такое случится...

— Да, конечно, — без малейшего раздражения отозвался Ковалев, хотя Катя его разбудила. — И что?

— Гостиница. Не знаю какая. Все ужасно запутанно, лестницы-лифты... В лифте. Лифт с зеркалом на стене напротив дверей. Удар в шею.

— А поподробнее? Не стесняйтесь, рассказывайте, что вам приснилось, а не что показалось важной деталью.

Катя сбивчиво пересказала. Ковалев выслушал, поблагодарил.

— Вы примете меры? — с надеждой спросила Катя.

— Постараемся.

— Извините, я действительно не знаю, какая гостиница... — Тут Катя вспомнила: — А как бы не «Космос»!

— Очень хорошо, — нейтрально отозвался Ковалев.

Он добавил еще несколько ободряющих слов, и Катя после разговора даже смогла уснуть.

А утром начался кошмар наяву.

Катю арестовали — они это называли «задержанием», — когда она уже запирала входную дверь, уходя на работу. Не слушая никаких возражений, сунули в патрульную машину и повезли. Сумочку у нее отобрали, не позволили позвонить на работу. Привезли на ВДНХ, и тут Катя догадалась: Ковалев опоздал, убийство совершилось. И именно в «Космосе».

Потом был допрос. Два следователя, как в плохом детективе. Один хамил и пугал, другой — знакомый уже по визиту

к участковому — «утешал», но в голосе слышались равнодушие и скука. Они требовали от Кати «помощи следствию», обещали снисхождение на суде. Они пропускали мимо ушей все, что не укладывалось в их схему. Они уже решили, кто виновен, и в упор не понимали, что Катя ни при чем. Они наотрез отказались сообщить хоть что-то конкретное, чтобы Катя могла оправдаться, например, сказав, что у нее алиби. По их мнению, Катя врала, врала и врала. Когда Катя заплакала, они обрадовались, решив, что она сломалась и сейчас признается.

Трудно сказать, чем все закончилось бы, но приехал Ковалев.

Он вошел в кабинет вместе с кем-то главным. Катя не разбиралась в погонах и нашивках, поэтому определить должность не смогла и мысленно окрестила просто «начальником». Ковалев незаметно подмигнул ей, отступил в угол, пропуская спутника. А тот протопал к столу, сгреб бумаги, презрительно просмотрел и спросил:

— Н-ну?!

Спросил не Катю, а «доброго» следователя.

— Соучастница, — ответил тот лаконично.

— Кретин, — сказал начальник и изрек длинную цветистую фразу, которая служила доказательством той теоремы, что все его подчиненные — умственно отсталые. — Ты откуда ее взял вообще, а?!

— Уже сталкивался. Она знает все эпизоды во всех подробностях.

— В каких подробностях?! — Начальник повысил голос и добавил еще несколько цветистых фраз. — Ты, недоносок! Кто ее в этой долбаной гостинице видел?! Она там была?!

— Раз знает, то была.

— Что она знает?! Она пальцем в небо ткнула и случайно угадала! Она знает убитую? Ну?! Пусть опишет, как та была одета! На каком этаже стоял лифт? И тех троих подельников пусть назовет!

— Извините, — вмешалась Катя. — Я понимаю, что вызову еще большие подозрения, но я действительно хочу помочь. Мне приснился сон. Вещий. Думайте что хотите, только три раза уже совпадало. В моем сне эти три подельника — нарко-

маны, которых на той неделе задержали в нашем отделении. Насколько я понимаю, их отпустили, но перед этим наверняка установили личности. Я могу для проверки описать внешность одного из них, потому что видела их как-то, они меня ограбить пытались. Двух других не разглядела, не до того было.

Следователи переглянулись, глазки хищно заблестели. «Злой» тут же ушел — звонить коллегам, а «добрый» уже другим тоном стал расспрашивать Катю. Начальник еще разок окинул помещение грозным взором и удалился. А Ковалев скромно присел на свободный стул.

— Я тут посижу, — ласково сказал он следователю. — Девушка все-таки «наша».

— Ах уже ваша.

— Да, уже наша.

Через полчаса приехал охранник, дежуривший ночью. Следователь ему сказал:

— У нас тут ясновидящая завелась... — Он кивнул на Катю. — Но нужны основания посерьезней ее видений.

— Мне наплевать, каким образом найдут убийц, — мрачно буркнул охранник.

— Подождете в коридоре? — елейным голоском осведомился следователь у Ковалева. — Вместе с вашей девушкой?

Пришлось выйти — тайна следствия как-никак. Впрочем, в коридоре Ковалев рассказал Кате, что произошло.

В половине третьего ночи горничная на одиннадцатом этаже увидела в холле троих незнакомых молодых людей. Она была уверена, что они не постояльцы, и спросила, что они делают в гостинице. Один из них ответил, что они с шестого этажа, у них в номере проходит встреча с конкурентами, и они поднялись сюда, чтобы обсудить тактику беседы. Ну, чтоб их не подслушали. Тут же встали, извинились за беспокойство и направились к лестнице. Горничная сразу поняла, что они наркоманы, у женщин этой профессии глаз наметанный. Она не уходила, следя, чтобы они покинули ее этаж. И сама не поняла, откуда появился четвертый — еще более странный. Ну откуда в «Космосе» летней ночью может взяться серый мужик с внешностью беглого зэка, в рваной телогрейке и ватных штанах?! Она с мобильного позвонила охраннику, сообщила, что на территории посторонние.

Охрана обследовала ее этаж, никого не обнаружила. Горничной позвонили — она не отвечала ни по служебному, ни по мобильному. Охрана пошла проверять все этажи и на последнем нашла лифт с заклиненными дверями, а на полу кабины — труп несчастной женщины. Судя по внешнему виду, в рану на ее шее действительно совали кулак.

Через полчаса Катю отпустили. То есть ее хотели еще поспрашивать, надеясь, что она проясновидит какие-нибудь дополнительные подробности, но Ковалев заявил непререкаемым тоном, что девушка нужна ему.

— Вы прямо рыцарь, — усмехнулась Катя, когда они вышли на улицу. — На белом коне.

— На черном «мерседесе», причем служебном, — уточнил Ковалев, распахивая перед ней дверцу машины.

— Все равно неплохо. Рыцарское поведение от масти и породы коня не зависит. Это состояние души.

— На самом деле неплохое воспитание и, в определенной степени, призвание. Давайте лучше про что-нибудь другое поговорим. Например, про ваши вещие сны.

— Вы уже все слышали, — удивилась Катя.

— Я бы хотел вместе с вами проанализировать кое-какие детали. Не возражаете?

— Нисколько.

— Как вы смотрите на то, что я подброшу вас домой?

— Вообще-то мне на работу надо, хотя бы из вежливости.

— Я туда уже позвонил и уладил вопрос с вашим шефом. Он не возражает, если вы появитесь только завтра.

— Вы гений. Но...

— Я буду откровенен. Мне очень хочется увидеть вашу собаку.

— Сэма? Да нет проблем.

— Он пускает посторонних в квартиру?

— Если вместе с хозяевами, то да, не рычит и не кидается. А без хозяев пока никто проникнуть не пытался. У меня, если честно, не было случая проверить его телохранительские качества. И это к лучшему, потому что, если на хозяина нападают, собака — одноразовое оружие. Как правило, она погибает. А для меня Сэм уже член семьи.

— Понимаю. А вы как-то упоминали еще про негра. Вроде бы он вам тоже снился.

— О да!

— Действительно, всамделишный негр?

— Самый что ни на есть. Лиловый, курчавый, моим телохранителем работает.

— То есть он в черных очках, строгом костюме и с непременной рацией?

Катя задумалась. Ковалев вроде бы не иронизировал, расспрашивал с искренним интересом. И вообще, может, ему кажется, что негр как-то связан со всей этой кошмарной историей? А может, и не кажется, может, и в самом деле связан...

— Интересно, — с явным уважением сказал Ковалев, выслушав максимум подробностей про негра и странную овчарку-перевертыша. — Смешная вы девушка. Сны вещие смотрите, бракованных щенков для души заводите, хотя другой хозяин усыпил бы пса, на котором нельзя заработать.

А Катя поймала себя на мысли — на редкость привлекательный мужчина. Не модельный красавец, для подиума или фотостудии слишком квадратный, основательный. Но обаятелен — чертовски. Наверное, женат, грустно вздохнула она. Кольца нет, и телефонную трубку ночью снял сам, но это еще ни о чем не говорит. Такие мужчины холостяками не бывают, этих стараются присвоить в первую очередь.

— А вам не приходило в голову, что этот ваш негр из сна — не человек?

Катя нахмурилась:

— В каком смысле?

— Ну, не в расовом, само собой. В смысле, что это собака. — Не дождавшись реакции, пояснил: — Вот есть вервольф — человек, укушенный волком и превращающийся в зверя. А вам снится собака, очень любящая человека и оттого перекидывающаяся в него.

— Забавная версия. Та овчарка и негр — один и тот же оборотень?

— Именно.

— А вы упоминали, что Серый Мужик боится овчарок.

— Да-да.

— Но при чем тут Сэм?

— Вот и мне важно это выяснить.

Катя отвернулась и посмотрела в окно. «Мерседес» стоял на перекрестке, ожидая зеленого света, по тротуарам шли ярко одетые люди, кто-то вел на поводке амстаффа...

— Знаете, Сэм по собачьим меркам ужасно глупый, — зачем-то сказала Катя. — Я пыталась дрессировать его — бесполезно. Он не запомнил ни одной команды. Но при этом он прекрасно понимает русский язык. Его можно попросить о чем-то — он сделает. И знаете, ужасно смешно он выглядит, когда пытается понять просьбу! Просто видно, как он старательно думает! И сны ему снятся... И вообще. Тетка один раз на него разозлилась, сказала — сейчас отведу подальше, чтоб обратно дорогу не нашел, и брошу. Так Сэм потом две недели на прогулке ходил за нами, а не как обычно — срываясь с поводка в разные стороны! Следил, значит, чтоб мы его не бросили, пока он по своим делам отвлекается. Лужи и грязь обходит, брезгливый. На даче у него конура есть, он перед ней вырыл себе ямку, чтоб лежать на прохладной земле. Тут ливень пошел, и в ямку налило воды. Он смотрел-смотрел, потом сходил за сарай, а у нас там на верстаке — несколько листов фанеры. Так он встал на задние лапы, ухватил передними зубами самый толстый лист, аккуратно его вытащил из стопки, притащил к конуре, положил поверх ямки и только потом улегся.

— А кто-нибудь видел, как он это делал?

— Ну да! Мы с теткой у окна стояли и смотрели! Голубей на лету ловит... Прыгает с места и хватает. И дроздов ловит. Никогда не ест, только ловит. Еще ему обновки нравятся. Как в новом ошейнике на прогулку выйдет — не идет, а выступает, горделиво так. И компанию любит. Человеческую, я имею в виду. На даче когда собираемся, обязательно придет, сядет рядом и улыбается. Как все, так и он. Он даже смеяться пробовал!

— Думаете, шутки понимает?

— Я думаю, он смотрит, что все смеются, — значит, и ему надо. Иногда мне кажется, что он то ли людей считает собаками другой породы, то ли себя — человеком другого вида. Но по крайней мере подражает он людям, а не собакам.

— Это бывает... — философски заметил Ковалев. — Собаки понимают примерно двести пятьдесят слов, причем мо-

гут «выучить» несколько языков. Мимику человека они распознают и по мере сил подражают ей. И фокус с фанерой для опытного собаковода не покажется чем-то сверхъестественным. У вас замечательный хитрый песик, ни капельки не глупый, но, похоже, очень упрямый.

— Это да, — вздохнула Катя. — Костя, а можно дурацкий вопрос? Возможно, об этом знают все, кроме меня... А чем занимается ваш Комитет?

— Цензурой и занимается. Вычеркиванием, — сказал Ковалев благодушно. — И запрещением. Только не произведений искусства, а некоторых научных открытий и отдельно взятых объектов.

— Но Серый Мужик... Что вы с ним сделаете?

— Сначала запретим, а потом вычеркнем. — Ковалев говорил серьезно. — Наши термины кажутся издевательскими, но они наиболее точно описывают суть нашей работы. Видите ли... О, мы, кажется, приехали.

Катя даже зубами скрипнула от разочарования. Но подчинилась. Вышла из машины, пропустила Ковалева в подъезд вперед себя.

— Я не пользуюсь лифтом, но вы, если хотите, поднимайтесь. Четвертый этаж.

— Нет уж, я с вами.

— Боитесь, что обману и удеру?

Ковалев расхохотался.

— Нет, Катя. Просто я работаю под началом человека-лифта и, как всякий натуролог, побаиваюсь его родственников.

Сэм, конечно, выбежал встречать в прихожую. Увидав незнакомца, насторожился, но Ковалев быстро с ним поладил. Впрочем, погладить себя Сэм не позволил, и это было непривычно: обычно песик спокойно относился к человеческим ласкам.

— Вы ему не понравились.

— Да нет, просто мы оба самцы, а он слишком хорошо воспитан, чтобы проявлять свои территориальные замашки. Это все людское влияние — он видит, что люди, вторгаясь на территорию друг друга, гостям радуются. Он тоже изо всех сил изображает радость, хотя хочется ему меня прогнать.

Катя прошла в кухню, включила кофеварку. Ковалев и не думал отказываться от угощения. Он удобно уселся за столом, поглядев, куда пошла собака — а собака, конечно, пошла под стол, откуда ей было удобно следить за гостем, — и сказал:

— На чем мы остановились? На сути Цензуры. Суть в том, что мы вычеркиваем вновь возникающие мифы. А старые — ограничиваем в проявлении. Речь о таких мифах, как привидения, упыри, оборотни, псевдоживые вещи и полуразумные механизмы... Понимаете?

— А инопланетянами вы не занимаетесь? — с легкой иронией спросила Катя.

— Бывает. А что, они такой же объект, даром что не всегда земного происхождения... Но я хочу подчеркнуть: мы не запрещаем людям говорить об этих мифах. Мы делаем так, что говорить не о чем.

— То есть уничтожаете сам миф.

— Можно и так, хотя это довольно грубое приближение.

— А откуда они берутся, эти новые мифы?

— Как откуда? От людей, конечно. Люди порождают мифы, мифы меняют людей. Человеческая деятельность оставляет множество следов — сброшенная в воздух агрессия, обрывки мыслей, мечты, нерешенные проблемы, да и неупокоенные души тоже. Пока люди жили небольшими общинами, с этим не было проблем: весь этот мусор утилизировался растениями и грибами. И лишь там, где растений мало, но в достатке веществ, склонных сохранять информацию, этот мусор мог задержаться в мире. Мусор притягивал мусор, слипшаяся куча, поскольку произошла от людей, обретала псевдоличность — так и появлялись мифические существа. Жизнь их была недолгой. Как только разрушалось хранилище их информации, они погибали. Хранилищем может выступать камень, особенно большой, и металл. В наши дни люди живут ужасающе скученно, в окружении бетона и металла, и чтобы утилизировать их мусор, не хватит никаких зеленых насаждений. Каждый день в Москве образуется один-два объекта — так мы называем псевдоживые существа, рожденные из людского мусора.

— А оборотни — тоже объекты?

— Да, хотя они — старые мифы. И они образовались другим путем. Фактически на сегодняшний день оборотни —

один из немногих уцелевших видов истинно биологических объектов. Мы не вычеркиваем, а только ограничиваем их.

Катя скосила глаза и заметила, что Сэм вылез из-под стола и внимательно слушает Ковалева. Ковалев тоже увидел и усмехнулся:

— Подслушивает.

— Да он всегда подслушивает. А что значит — ограничиваете?

— Оборотни делятся на дееспособных и недееспособных. Дееспособные — это люди, перекидывающиеся в животных. Они не очень любят городской шум, но даже в Москве их несколько сотен семей. Они стоят у нас на учете, но в целом мы стараемся не мешать им жить. Чаще помогаем. Проводим инструктажи, психотерапию в детстве, поддерживаем при социализации, если необходимо. Это, в сущности, такие же люди, как мы с вами, только немного особенные. Полнолуние на них не влияет, это детские сказки и к тому же не про них изначально, большинство московских особей ни разу в жизни не перекидывалось, и родители их не перекидывались. А недееспособные — это животные, перекидывающиеся в людей. Такие, как овчарка и негр из ваших снов. Они чрезвычайно умны в животном облике, но немы и социально беззащитны в человеческом. Без хозяина-человека прожить не могут. Увы, несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев такие оборотни, безусловно, лояльны к людям, обычному человеку не разрешается держать их дома.

До Кати внезапно дошло. Она осела на табуретку, уронила руки на колени. Сэм, почуяв угрозу, подобрался к ней поближе.

— И Сэм...

— Оборотень.

— Вы обманули меня. Вы втерлись в доверие. Если бы я знала, на километр не подпустила бы вас. И я не отдам собаку. Идите в прокуратуру доказывайте, что это оборотень, я посмотрю, как вы станете объяснять судье, что существуют оборотни, — очень спокойно сказала Катя, а Сэм вызывающе тявкнул. — И вообще этот негр мне только снился. А в жизни у меня самая обычная беспородная собака со всеми сделанными прививками, и налоги я плачу исправно.

Ковалев нисколько не обиделся.

— Тем не менее ваш песик — оборотень, и любая экспертиза это покажет. Овчарка и негр — это он. Я долго не понимал, как беспородная собака могла спугнуть Серого Мужика, а ларчик просто открывался: ваш Сэм считает себя овчаркой.

Катя невольно вспомнила, как песик вел себя именно с овчарками, и не нашла, что возразить.

— Знаете, как у нас некоторые — родословные дворянские придумывают, кровные связи с известными фамилиями ищут? Вот так и ваш песик. Уверен, что он овчарка, только маленькая. Ну, потому что родители старые или болел часто.

— А почему негр?

— Не знаю. Может быть, потому, что корни его семьи — африканские, от фараоновых собак. А может, потому, что масть черная. Так ли это важно?

— Нисколько не важно.

Ковалев помолчал.

— У меня в детстве была лайка-оборотень. Мы двадцать лет прятали ее от цензоров. Оборотни живут в среднем дольше, чем обычные собаки. Она умерла у меня на руках. От старости. Я не согласен с тем, что оборотней надо непременно изымать из семей. Они ведь как приемные дети. И чувствуют себя членами семьи. Да, у нас прекрасный питомник, но это — детский дом. Вот, — он достал визитку, протянул ее Кате, — на всякий случай. У оборотней крепкое здоровье, но всякое бывает. Это ветклиника, где их лечат. Директор там понимающий. А заодно вас проинструктируют, как правильно обращаться с оборотнем, если вас угораздило взять его в свой дом. Частным порядком проинструктируют. Там, в той клинике, — наша официальная оппозиция.

Он поднялся и, не прощаясь, ушел.

Катя задумчиво потрепала собаку по ушам, потом засмеялась и тут же умолкла: в пустой квартире смех показался ей больным.

Господи, ну и бред...

Очередной кошмар уже не удивил Катю. На этот раз все произошло прямо во дворе ее дома, около подъезда. Серый Мужик выскочил из кустов и кинулся на нее, но Катя была с

негром — и негр немедленно включился в борьбу. Он получил несколько ран, но сломал Серому хребет.

Проснувшись, Катя решила не звонить Ковалеву. После вчерашнего разговора остался неприятный осадок, и к тому же погиб Серый, а не жертва.

На работе ее не расспрашивали, и Катя молчала почти целый день. Подспудно она готовилась к очередному звонку от очередного следователя — но никто ее не побеспокоил. И Ковалев тоже. Значит, делала вывод Катя, никто не погиб. Вот и славно.

И только подъезжая к своей станции метро, она увидела подозрительного мужика. Нет, не Серого. Вполне обычного, грузинской наружности, немолодого. Просто он старался не упустить ее из виду и, когда она для проверки пошла в супермаркет, поперся за ней. Ничего не купил, но повторял все ее движения. Держался в пяти метрах, не дальше и не ближе. Проклятие, подумала Катя. Попыталась от него отделаться — какое там!

В подъезд она влетела бегом. И уже поднимаясь на второй этаж, услыхала, как открывается дверь и шумно сопит грузин, торопясь догнать Катю. А сверху доносился истошный собачий лай — в квартире бесновался Сэм. Катя, не помня себя, влетела в прихожую, отпихнула Сэма, чтоб не выскочил, и быстро заперлась на все замки. Сэм замолчал, но смотрел на дверь, и шерсть на загривке стояла дыбом.

От внезапного телефонного звонка Катя чуть не вскрикнула. Но это был Ковалев.

— Катя, — деловито сказал он, — не пугайтесь так, это наш оперативник.

— Кто?

— Да грузин, которого вы заставили побегать.

— А почему у меня собака с ума сходит?

— Ну уж не из-за него. Почему вы не позвонили и не сказали, что был еще один сон? Или не было?

— Не было, — соврала Катя.

— Хорошо. — Ковалев явно не поверил ей, но спорить не стал. — Постарайтесь до вечера не выходить из квартиры. Хотя бы до моего звонка.

— Не могу. У меня собака не выгуляна. А у собаки, знаете ли, насущные потребности.

Ковалев очень тяжело вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Через полчаса. Сейчас подъедет еще одна бригада, проверит ваш подъезд.

Конечно, пока шла проверка, набежала тучка и закапал дождик. Катя накинула ветровку, взяла Сэма на поводок и после разрешающего звонка открыла дверь. Не спеша спустилась на первый этаж, проверила почтовый ящик. До выхода оставался шаг, когда Катя поняла, что в руке у нее — пустой поводок. Сэм вывернулся из ошейника и исчез. Катя растерянно тряхнула кожаным ремешком, оглянулась — и едва успела отшатнуться.

Боль опалила щеку. Катя смотрела в глаза Серого Мужика, а он занес нож для второго удара. Катя сама не поняла, как ей удалось нащупать кнопку домофона и вывалиться наружу ровно за миг до того, как клинок ударил в лицо. Нож со скрежетом проехал по железной двери. Катя неслась без оглядки, зато с криком. Серый наступал ей на пятки. И где-то позади отчаянно визжала собака.

Как-то отстраненно Катя заметила, что улица совершенно пустая. Нет бабушек, молодняка с пивом и мамаш с колясками. И обещанных оперов нет. Дождик, да. Но почему нет совсем никого, как в фильме ужасов?! Нога поскользнулась, и Катя со всего разгону грохнулась, хорошо на газон, а не на асфальт. Грохнулась и перекатилась на спину, готовая отбиваться до последнего.

А Серый на самом деле был далеко. Кате в затылок дышал страх, а не убийца. Их разделяло два подъезда самое малое. Катя успела даже встать... и застыть.

Дверь ее подъезда распахнулась рывком, с грохотом ударилась об ограничительный столбик, и на улицу вылетел... негр.

Двухметровый, лиловый до черноты, мускулистый и совершенно голый негр.

Впрочем, нет. Не совершенно. На нем были щегольский белый галстук-бабочка и белые перчатки.

В пять гигантских прыжков негр настиг Серого и прыгнул ему на спину. Оба упали и покатились по асфальту. Негр скалил крупные зубы и душил Серого, а Серый бил и бил его ножом. Хлестала кровь, но движения Серого слабели, слабели...

Серый еще дергался, когда во двор с двух сторон влетели черные «мерседесы» с сиренами и проблесковыми маячками. Негр, услыхав их, бросил врага, вскочил, затравленно озираясь, — и рыбкой нырнул в ближайшие кусты. А «мерседесы» не обратили на него внимания. Из них высыпали люди в штатском, обвешанные аппаратурой, Катя издали узнала Дмитрия Святославича и Ковалева — и попятилась.

И пока цензоры занимались Серым, она тихонечко пробралась в кусты.

Негра не было.

На траве свернулся мокрым от крови комочком ее маленький песик. Он жалобно заскулил, увидев Катю, и лизнул ей руки. Катя несколько секунд потрясенно смотрела на него, пока не поняла, что Сэм умирает. И тогда она содрала с себя ветровку, переложила на нее собаку, завернула — и кинулась за дом.

Она с разбегу чуть не свалилась на проезжую часть, прямо под колеса вишневой иномарке, которую даже не разглядела. Катя увидела только, что за рулем женщина, и эта женщина открывает ей пассажирскую дверь. Катя нырнула в салон и сквозь рыдания выдавила:

— Мне в ветклинику. Собака умирает. Сейчас... — Она нащупала в кармане джинсов визитку, протянула водительнице: — Вот в эту. Если можно. Господи, у меня же с собой денег нет, — спохватилась она.

Женщина молча взяла визитку, на которой остались красные пятна собачьей крови, и произнесла одно-единственное слово:

— Пристегнись.

А в следующее мгновение она резко развернулась прямо под носом выезжавшего со двора цензорского «мерседеса», рванулась к перекрестку, проскочила на красный свет и влупила по газам.

Катя молчала. Только сейчас она поняла, что в машине — светлый велюровый салон, и придется платить за химчистку, потому что кровь попадет всюду. Но на коленях дрожал и плакал Сэм.

Сэм очень не хотел умирать.

— Что с собакой? — спросила женщина.

— Ножевое ранение. На меня напали, он защищал.

— Понятно.

— Извините, что я тут все испачкала, химчистка за мой счет, конечно, я оставлю паспорт в залог...

— Ай, заткнись, — попросила женщина. — Откуда у тебя визитка?

— Мне в Цензуре дали. Это... то есть это такой комитет...

— Я знаю, — перебила женщина. — Маш, отсигналь Петьке, чтоб приготовил операционную. Собака, небольшая, ножевые ранения. Да ты слышала.

— Что? — встрепенулась Катя.

— Я не тебе.

— А... кому?

— Машине. Чтоб эсэмэску в клинику отправила.

Катя замолчала.

— Что? — ехидно засмеялась женщина. — У тебя ж собака не простая. Простым не дают Петькины визитки, да еще и в Цензуре. Оборотень у тебя, верно? Верно. Оборотень тебе не странно, а живая машина — странно?

Катя закрыла глаза и взяла себя в руки.

— Нет. Мне уже ничего не странно. Меня только что чуть не убило привидение. Я видела человека-лифт. Машина-человек меня ни капельки не удивляет.

— Она не человек. Она бывшая собака.

— Но все, чего я действительно хочу, — чтобы моя собака не стала бывшей.

— Даст Бог, успеем довезти, — согласилась женщина. — А Петька сам оборотень, разберется.

— Если нас еще не догонят эти, из Цензуры.

Женщина желчно рассмеялась:

— Кого они догонят — Машку?! — и отрезала: — Нереально. За нами едут люди, управляющие грудой железа. Хорошо организованной, да, но грудой железа. А нас везет живое существо, организованное не хуже, но избавленное от ошибок водителя-человека. У Машки все реакции быстрее. И она-то знает, как надо ехать, чтобы приехать первой.

Сэм еще дрожал, но почти не скулил. Катя беззвучно плакала.

Потом Сэм перестал и дрожать.

Машина выехала на встречку и понеслась как в «Формуле-1».

В дверь позвонили. Сэм выбежал встречать гостей, стуча по паркету отросшими когтями.

Катя открыла. На лестничной площадке стояли двое — Ковалев и Дмитрий Святославич. Оба с букетами роз. Человек-лифт явно чувствовал себя не в своей тарелке. Сэм для порядка гавкнул на них, чтоб знали свое место, но не возражал, чтобы они зашли.

— Что-то он, как мне показалось, раньше был побольше, — пробормотал Дмитрий Святославич, пока Катя искала им тапочки.

— Не побольше, а попушистее. Его просто постригли в клинике. Сначала перед операцией, уж как получилось, а потом довели до ума, сделали настоящую терьерскую прическу. Завтра я еще свожу его на маникюр, а то когти отрастил чудовищные, и будет первый парень на районе, — пошутила Катя. — И в боевых шрамах. Но мужчину шрамы украшают.

Шрамы остались устрашающие. Вдоль обоих боков, на животе, плечах тянулись розовые линии швов. Но это чепуха, главное, живой и даже не калека. Подумаешь, шерсть на этих местах будет уже не черной, а серой. Главное — карие глаза смотрели весело, и хвостик задорно торчал вверх.

— У нас два вопроса, — прямо в коридоре деловито сообщил Дмитрий Святославич.

— Три, — с непонятной иронией поправил Ковалев.

— Но два — касаются всех.

— Может, вы на кухню пройдете? — предложила Катя.

На кухне была тетка. Сидела и меланхолично курила. Она знала, что сегодня приедут, и кто приедет, тоже знала. Сказала Кате, что встречать не пойдет принципиально.

— Дима! — ахнула она. — Ты — и с цветами?!

Человек-лифт, держа спину прямо, положил ей на колени розы. Тетка потеряла дар речи. А Дмитрий Святославич уже отошел и уже выкладывал на стол бумаги.

— Я не отдам собаку, — на всякий случай повторила Катя.

— Инструктаж с вами в клинике провели? — спросил Дмитрий Святославич и уселся. — Паспорт ваш давайте. И документы собаки.

Он стал заполнять бесконечные бланки, пока Катя искала вазы для цветов, тетка курила очередную сигарету, а Ковалев с красноречивой ухмылкой рассматривал потолок.

— Мы, — не поднимая глаз и не прекращая писать, сказал Дмитрий Святославич, — решили пойти на эксперимент. Учитывая все обстоятельства, учитывая согласие всех членов семьи, словом, — он прокашлялся, — если вы в течение года не будете иметь нареканий, мы оставим собаку здесь. В противном случае мы переведем ее в наш питомник. Конечно, вы можете навещать Сэма. Допускается взять его на выходные на дачу. Но Константин Викторович полагает, и я склонен согласиться с ним, что вы справитесь. Ничего сложного. Вам необходимо раз в год отмечаться, показывать собаку нашим контролирующим специалистам, а также пройти с ней вместе школу социализации оборотней. Это познавательно и полезно. Вполне возможно, вас обучат охотничьим приемам, это позволит вашему подопечному выпускать агрессию безопасно. Ну и разумеется, не должно быть замечаний со стороны населения и правоохранительных органов — по поводу того, что ваш питомец перекинулся в голого негра и в таком виде ходит по городу. Вам объяснят, что делать, если собаке захотелось перекинуться.

— Так, — сказала Катя, соглашаясь с этими условиями.

— В следующий визит в клинику скажите Петру, чтобы вшил вашему питомцу контрольный чип. Это для учета. Все оборотни стоят на учете, в том числе и дееспособные, и ваш питомец не должен считать унижением правила, которым подчиняются люди. Чип и наши отметки в паспорте позволят вам брать его с собой за границу, разумеется, с соблюдением правил перевозки животных. Это вы сами с ним обговорите, но думается, он вряд ли захочет путешествовать на поезде или в самолете — в клетке, которая стоит в багажном отсеке. Научитесь водить машину, и тогда вы сможете перевозить вашего оборотня не только безопасно, но и комфортно для него.

— Да, спасибо, я уже думала об этом.

Дмитрий Святославич вынул печати и принялся ставить оттиски на бумагах. Через минуту он вернул Кате ее паспорт и проштемпелеванную метрику Сэма, а также выдал пачку бумаг:

— Храните. Это копии справок, разрешений и прочих бюрократических документов. Второй вопрос. — Он упорно не глядел в сторону тетки. — Мы подумали, что оборотни такого типа могли бы стать серьезным подспорьем в нашей работе. Возможно, нам бы даже удалось обучить их речи, если бы мы занимались их воспитанием с рождения. В связи с чем... — Он сглотнул. — Мы подобрали замечательную молодую суку. Некрупная немецкая овчарка. Чистопородная, но бракованная по росту. В сущности, она немного выше Сэма. Как вы смотрите на то, чтобы познакомить их — эту овчарку и Сэма?

Катя хихикнула.

— А вы полагаете, что-нибудь получится?

— Мы надеемся, что самое малое половина щенков в помете окажется оборотнями. Это наследуемый признак. Об остальных щенках мы тоже позаботимся, ведь ген может всплыть в последующих поколениях. Словом, это научный эксперимент.

— Не знаю, — сказала Катя. — Правда не знаю. Конечно, Сэм будет только рад знакомству, он общительный. Но за результат не ручаюсь.

— Это наша забота, — утешил ее Дмитрий Святославич.

Катя покачала головой:

— Ну, если так... Сэм, что скажешь?

Сэм завилял хвостом и изобразил улыбку.

— Кстати, — наигранно оживился Ковалев, — ему гулять не пора?

Услыхав слово «гулять», Сэм, конечно, побежал к двери. Катя распознала замысел Ковалева, поэтому не возражала.

На улице моросил мелкий дождик, совсем не холодный.

— Представляешь, — хохотнул Ковалев, — Святославич впервые в жизни подарил женщине цветы!

Катя понимающе улыбнулась.

А Ковалев обнял ее за плечи.

Марина и Сергей Дяченко

СЛОВО ПОГИБЕЛИ № 5

На часах десять ноль девять. Я сижу на бульваре Равелина, на влажной скамейке, лицом к магазину музыкальных инструментов. Правее — шоколадная лавочка «Дым». Левее — «Мыло как искусство», тоже магазин. Выше по бульвару подпирает хмурое небо свечка гостиницы «Интеркорона».

Что-то случилось.

Я помню, как вышел сегодня из дома, твердо решив не брать машину, потому что прогноз обещал пробки в центре. Помню, что в последний момент не удержался и от станции подземки свернул к гаражу. Помню, как застрял на перекрестке Иволгина Моста и Машиностроительной...

С этого момента не помню ничего: я заново осознал себя через пару часов, сидя на влажной скамейке напротив музыкального магазина, где на рекламном плакате у входа изображен кот, играющий на валторне.

Начинается дождь.

Паниковать, конечно же, поздно. Все, что могло случиться, уже произошло.

Открываю мобильный телефон. Информация о звонках, входящих и выходящих, уничтожена. Автоответчик пуст. Время — десять десять, двадцать девятое августа. Сегодня с утра тоже было двадцать девятое, я вышел из дома в восемь ноль шесть или что-то около того.

Нажимаю «один». Илона почти сразу берет трубку.

— Привет, — голос спокойный, светлый. — Нет, никто не звонил... Что случилось, Алистан?

— Пока не знаю. Может быть, ничего.

Дождь висит между небом и землей, будто не решаясь пролиться — и не в силах сдержать себя. Морось. Тепло. Движение плотное, но пробок на бульваре нет. В девять мы должны были встретиться с Певцом, в десять тридцать — с

© М. Дяченко, С. Дяченко, 2008.

шефом, насчет адвокатского запроса по делу Болотной Карги... Интересно, где моя машина?

Телефон у меня в руках играет марш, на экране высвечивается номер Певца.

— Да?

— Алистан, где вы?! Почти час пытаюсь до вас дозвониться — «вне зоны доступа»!

— Что-то случилось, Питер. Не могу сказать точнее.

Мимо проносится по резервной полосе «скорая помощь» с мигалками и ревом. Через несколько секунд ей вслед летит полиция. Обе машины заворачивают к высотке «Интеркороны».

У въезда на бульвар Игрис выбрался из машины и припустил почти бегом. В полном безветрии шел мелкий-мелкий дождик. По бульвару Равелина тянулся, как огромная жвачка, поток машин, и под каждым железным брюхом вихлялся сизый дымный хвостик. Запах выхлопа висел под тополями и липами. Игрис бежал, лавируя среди прохожих.

В их маленьком доме второй месяц жили родственники жены, семейство с двумя четырехлетними близнецами. Елене родственники надоели даже больше, чем Игрису, — она все реже бывала дома, ссылаясь на занятость, и даже ночевать иногда оставалась в своем салоне. Гости между тем не торопились уезжать в родной провинциальный городок: они то учились, то лечились, то искали работу, просиживая дни напролет перед включенным телевизором... Игрис оборвал себя: неприязнь к родственникам делала его желчным и, возможно, несправедливым. Сегодня ночью одного из близнецов рвало: наглотался кошачьего корма из мисочки, а Игрис, вместо того чтобы пожалеть ребенка, тихо страдал, что не может выспаться перед рабочим днем...

Не запыхавшись, он подбежал к воротам «Интеркороны». Махнул удостоверением перед носом человека в ливрее. Заметил «скорую», отъезжавшую от бокового входа; врачи здесь без надобности. Та женщина мертва.

Перешел на быстрый шаг. Поднялся по блестящим от дождя мраморным ступеням; еще один человек в ливрее открыл перед ним дверь. Игрис успел подумать с оттенком самодо-

вольства: ну вот я и на месте, а в машине бы до сих пор тянулся по бульвару.

В фойе толпились люди. Ноздри Игриса раздулись; огромный холл огромной гостиницы пытался жить повседневной жизнью. Приезжие у стоек беседовали с портье, катились тележки с багажом, в мягких креслах отдыхали измученные дорогой дамы. Но радостный ужас, который охватывает обывателя всякий раз, когда рядом случается настоящее преступление — этот сладкий кошмар витал над головами, прорывался в тихих разговорах, и даже маршал Равелин на парадном портрете, казалось, заинтересованно прислушивается.

Игрис направился в дальний конец холла, миновал дверь с табличкой «Только для служащих гостиницы» и оказался в кабинете, полном народу. Двое полицейских в форме подписывали какие-то бумаги, дежурный администратор играл желваками, пятеро праздных сотрудников делали вид, что оставаться в комнате им крайне необходимо. Человечек лет пятидесяти, с белым бэджем на голубой сорочке, сидел, откинувшись на спинку кожаного дивана, с бесконечно усталым и расстроенным видом.

Игрис поздоровался и предъявил удостоверение. Пятеро праздных сотрудников зароились вокруг, как пчелы; Игрис попросил дежурного администратора о помещении, где можно было бы поговорить без помех. Через минуту в кабинете остались сам администратор, полицейские, Игрис и человечек на диване.

— Мертва по прибытию, — сухо доложил старший полицейский, тучный, с кустистыми бровями. — Никаких следов насилия. Характерное окоченение в первые минуты после смерти — почти верный знак, что ее уморили словом погибели, или как там у них называется...

— Убита с помощью магии?!

— Девяносто девять и девять десятых. Мы вызвали «Коршун». Как только они явятся, мы уедем — нам здесь больше нечего де...

Распахнулась дверь. Не спрашивая разрешения, в комнату шагнул высокий мужчина с залысинами надо лбом, и за ним вошли сразу двое; тут случилась заминка, потому что служащий с белым бэджем закричал.

Вытянув трясущуюся руку, он тыкал пальцем в грудь человека с залысинами:

— Это он! Господа! Это он! Это он и есть!

— Этот господин и женщина прошли в комнату для совещаний. Два раза просили кофе. Провели там чуть меньше часа... Точнее, пятьдесят пять минут. Потом господин вышел. Сказал, что дама просила ее не беспокоить... И покинул гостиницу через центральный вход. Через полчаса закончился срок аренды комнаты для совещаний, и я вынужден был... Тогда-то я ее и нашел, господа. Она лежала на полу, ни крови, ничего. Я думал, она упала в обморок от духоты... Да, окно было закрыто, кондиционер выключен, а в камине, господа, полно было пепла, и дым пропитал всю обивку, мебель, портьеры, все... Я осмотрел ее и понял, что она мертва, больше того — она окоченела, твердая как камень... Я сразу же вызвал врачей и полицию.

— Кто и когда заказал комнату? — спросил черноволосый смуглый человек с таким жестким и властным лицом, что допрашиваемый сразу признал его главным.

— По телефону... — Портье торопливо раскрыл файл на карманном компьютере. — Сейчас скажу точно... Вот, заказ поступил в восемь часов восемнадцать минут, комнату заказали на восемь сорок пять... Обычно мы не принимаем заказы «сейчас на сейчас», но эта комната самая дорогая. С камином и антикварной мебелью. Сегодня утром на нее не было других заказов...

— Заказ оплачен?

— Да... Его оплатил в ту же минуту сам заказчик — господин Алистан Каменный Берег. Номер счета...

— Спасибо.

Портье допрашивали в гостиничном номере на шестом этаже. Окна выходили на бульвар Равелина, по стеклам потоками лилась вода: дождь наконец-то хлынул в полную силу. Высокий человек с залысинами на лбу не принимал участия в допросе — он сидел на подоконнике у приоткрытого окна, смотрел на улицу, вглядываясь в бегущие струи. Когда упомянули его имя — чуть повернул голову.

Следователь прокуратуры, светловолосый жилистый очкарик, еле добился от «Коршуна» разрешения присутствовать на допросе. Портье видел, как они схлестнулись со смуглым магом — не разобрать было ни слова, одно шипение. Следователь держал развернутое удостоверение, как щит, но обороняться не собирался — наседал и наседал на смуглого, и тот, оскалившись напоследок, пригрозил: «Мы сличим потом наши протоколы!»

Теперь следователь молча сидел в кресле — с диктофоном на одном колене и блокнотом на другом.

Содержимое камина покоилось в прозрачном стеклянном контейнере здесь же, на журнальном столике. Еще один сотрудник «Коршуна», круглолицый и бледный, водил над стеклом ладонью.

— Не поддается восстановлению, — грустно констатировал он.

— Что это было?

— Бумаги. Скорее всего старые бумаги в картонных папках. Таких сейчас не делают.

— Спасибо. — Смуглый поглядел на портье так строго, что тот втянул голову в плечи. — Спасибо за содействие, вы можете быть свободны.

— Сейчас? — Портье казался немного разочарованным.

— Сейчас... Этот номер понадобится нам еще некоторое время. Просим не беспокоить.

— Да-да... Разумеется. До свидания.

Портье вышел.

Несколько минут в комнате было очень тихо, только дождь стучал по жестяным козырькам снаружи.

— Ничего себе день начинается, — сказал человек на подоконнике.

И слабо улыбнулся.

Игрис не любил людей из «Коршуна». К счастью, ему редко приходилось иметь с магами дело. Убийства из ревности, из корыстных побуждений, на почве бытового пьянства — вот эти грязные, печальные, иногда до жути смешные дела доставались Игрису и таким, как он, в то время как маги из

«Коршуна» расследовали куда более зловещие и стильные преступления.

И вот они столкнулись в одной комнате.

Раздражительный и властный Певец начал с того, что попытался оттеснить Игриса от расследования. Многие при виде Игрисова лица почему-то решали, что из этого тихони можно веревки вить. Например, родня Елены, милая парочка с близнецами... Какого лешего! Пришлось дать отпор. В конце концов, Игрис выполняет свой долг, его прислало сюда собственное начальство, речь идет об убийстве, закон один для всех, а если подозреваемый служит «Коршуну» — то в интересах самих же магов, чтобы дело расследовалось объективно!

Двое коллег Певца ничего против Игриса не имели. Круглолицый маг с самого начала казался подавленным и выбитым из колеи, а высокий — этот самый Алистан Каменный Берег — витал в облаках и слушал дождь, как будто происходящее ничуть его не касалось.

Вместе они обследовали комнату для переговоров, но там ловить было нечего. Женщина лежала на ковре: ничем не примечательное лицо, крашеные седоватые волосы, на вид лет тридцать восемь — сорок. Она казалась восковой фигурой. Как будто Игрис попал на съемки фильма: антикварный интерьер, куча пепла в камине и чистый, с виду декоративный труп на ковре посреди комнаты. На лице убитой не было ни страдания, ни даже удивления: казалось, собственная смерть ничуть ее не волнует.

При ней не нашлось никаких документов. В маленькой сумочке отыскались зонтик, ручка, тощая косметичка, зубная щетка с крохотным тюбиком пасты и тяжелые ключи на пластиковом брелоке. Кошелек, полный мелочи, и две сотенные купюры. Ни чеков из магазина, ни записей, ничего; старый мобильный телефон был аккуратно выпотрошен, чип исчез — возможно, все в том же камине. Она была одета просто, скучно, даже бедновато — не по карману таким женщинам заказывать комнаты для встреч в «Интеркороне». Впрочем, комнату оплачивал ее собеседник.

— Господа... могу я наконец допросить подозреваемого?

Человек у окна чуть повернул голову.

— Питер, объясни коллеге Трихвоста, в чем тут дело.

Игрис вскинул подбородок. Он привык к своей смешной фамилии, но человек с залысинами произнес ее с особенным цинизмом — так, во всяком случае, показалось Игрису.

Смуглый Певец молчал целую минуту. Круглолицый все так же водил рукой над контейнером с пеплом.

— Дело вот в чем, господин следователь, — начал Певец и тут же перебил себя: — Не представляю, что вы будете со всем этим делать. Следствие такого рода вне вашей компетенции... Ладно, слушайте. Женщина убита с помощью сильнейшего заклинания «Слово погибели № 5». Одно из особенностей этого заклинания — четкий след исполнителя. Это все равно что оставить на лбу жертвы ксерокопию паспорта убийцы.

— И этот убийца...

— Не перебивайте! — рявкнул Певец. — Вы ничего не смыслите в этих делах, так имейте терпение выслушать! Да, заклинание идентифицировано как произведенное Алистаном Каменный Берег. Этот человек, к вашему сведению, мог убить жертву десятком других магических способов, и ни вы, ни даже мы никогда бы не смогли отыскать исполнителя!

Игрис молчал.

Человек у окна снова повернулся к разговору спиной. Дождь притягивал его взгляд, как ребенка — цирковое представление.

Круглолицый сотрудник «Коршуна» отряхнул наконец ладонь и отодвинул от себя стеклянный контейнер.

— Он признался в совершенном? — спросил Игрис у смуглого.

— У него стерта память. — Певец глядел на Игриса с откровенной враждебностью. — Он не помнит ничего, что происходило сегодня, с восьми часов двенадцати минут до десяти ноль девяти.

Игрис соображал быстро.

— Кто мог стереть ему память? Такая точность...

Певец покривил губы. Необходимость посвящать следователя в столь интимные вопросы была ему омерзительна, он даже не пытался это скрыть.

— Он сам стер себе память. Опять же, оставив недвусмысленный знак, будто подпись: это сделал я. Честно говоря,

трудно представить себе другого мага, способного такое проделать с...

Певец запнулся, будто глотая комок.

— Нам придется вызвать механика, — пробормотал круглолицый.

Певец резко к нему обернулся.

— Только по решению суда. С правом обжалования. В присутствии адвоката!

— Либо по добровольному согласию объекта, — негромко сказал человек у окна. — Питер, я прошу тебя... путаясь в мелочах, мы можем упустить главное.

Снаружи переменился ветер. Поток воды, как из шланга, хлестнул по стеклу.

— Через три минуты дождь уймется, — будто про себя сказал Алистан. — Тогда поедем в управление... Боксер, закажи механика прямо сейчас. В городе пробки...

— Прошу, конечно, прощения, — с подчеркнутой вежливостью проговорил Игрис. — Но, может быть, вы обратите внимание, что по закону человек, подозреваемый в тяжком преступлении, должен быть взят под стражу?

— У тебя вырастут ослиные уши, — не глядя, бросил смуглый Певец. — И хвост. И еще кое-что, твоя жена удивится...

— Певец, — круглолицый Боксер, больше похожий на хомячка, вскинулся, — вы имейте все-таки какие-то... рамки, что ли, приличия...

— Очень сложное дело, — тихо сказал Алистан у окна. — Я думаю, в интересах следствия... вы поедете с нами, господин Трихвоста, конечно же. Если хотите, можете вызвать конвой или что там по закону полагается...

Он смотрел на Игриса, а тем временем будто складывал в уме многозначные числа. Как он себя чувствует, подумал Игрис в замешательстве. Точно знать, что только что убил человека, женщину, не знать, за что... И ничего не помнить. Может ли человек нести ответственность за преступление, о котором не имеет понятия?

Дождь за окном ослабел, будто по команде.

— Репортеры, — пробормотал Алистан, глядя на бульвар.

— Где?!

К гостинице подкатывали одна за другой яркие машины с логотипами телеканалов.

— Портье не удержался, — сказал Игрис.

Певец нехорошо улыбнулся.

— Придется вам, господин Трихвоста, давать сегодня интервью. Мы-то пройдем, воспользовавшись профессиональным приемом...

— Прокуратура все равно не выпустит это дело, — неожиданно для себя сказал Игрис. — Вам лучше искать со мной общий язык... А не ссориться.

Через холл гостиницы Игрис прошел, задержав дыхание: «Не дышите, а то заклинание сорвется». В холле полно было журналистов и камер; ощетинившись микрофонами, репортеры глазели на дверь лифта. Три мага и следователь вышли из нее и зашагали по блестящему мрамору холла, но ни одна голова не повернулась им вслед: взгляды журналистов буравили дверь за их спинами.

Игрис шел за спиной Алистана, мир вокруг был будто подернут плотным полиэтиленом. Люди смотрели сквозь него, мимо него, поверх его головы. Никогда еще Игрис так остро не чувствовал себя пустым местом.

Оказавшись на улице, он с наслаждением перевел дух. Шарахнулся от припозднившейся съемочной группы, вслед за магами влез в черный автомобиль, размерами более похожий на автобус. Водитель, ни о чем не спрашивая, завел мотор.

— О, моя машина на стоянке, — нарушил молчание Алистан. — Влетит в копеечку.

— Я скажу ребятам, чтобы забрали, — сумрачно отозвался Певец.

Алистан молча протянул ему ключи.

Они друзья, подумал Игрис. Гораздо более близкие, чем может показаться на первый взгляд. Кажется, Певец горюет сильнее, чем сам убийца.

Автомобильный поток на бульваре Равелина едва тянулся. Игрис поерзал на сиденье: ему захотелось выйти и прогуляться пешком.

— Дело Болотной Карги, — тихо сказал Алистан. — Подумай, кому передать. Там, собственно, остались формальности — война с их адвокатами...

— Война с адвокатами нас не касается. Передаем дело...

Певец вдруг замолчал, уставившись в одну точку. Игрис наблюдал за ним краем глаза.

— Точно, — наконец прошептал Певец. — Никому так не выгодно тебя скомпрометировать, как адвокатам Карги. Проклятие, дело-то на поверхности! Представляю, как они взвоют... Ты никого не убивал и не стирал себе память, это подстава!

— Не вижу технической возможности, — осторожно заметил Алистан. — А ты?

— То, что мы не видим, не означает, что возможности нет. Старуха страшно богатая... Господин следователь, — он обернулся к Игрису, держась подчеркнуто уважительно, — нам надо будет подготовить программу совместных действий. Первая на данный момент версия: по заказу Элеоноры Стри, престарелой дамы, обвиняемой в серии убийств, совершена попытка скомпрометировать главного следователя по ее делу — имитация убийства...

— Но как же имитация, если я видел труп, — тихо сказал Игрис.

— Проклятие! Эта женщина убита единственно для того, чтобы возложить вину на Алистана Каменный Берег! Именно сейчас, когда дело практически завершено, у адвокатов не осталось лазеек... Нас ждет целый ряд экспертиз, мы должны доказать, что подделка подписи под заклинанием возможна, а также...

— То есть вы собираетесь подгонять факты под свою версию?

Боксер в глубине машины вздохнул, закатив глаза.

— Господин... Трихвоста. Мы действуем сообща. Наша цель — найти убийцу.

— Если он не едет в этой машине. Очевидные улики, даже без ваших волшебных подписей: заказ и оплата комнаты, камин, показания свидетелей...

— То, что очевидно, чаще всего оказывается ложным, — кротко сказал Певец. — Не знаю, как у вас, а в нашей практи-

ке это правило. Если хотите найти убийцу — обратитесь к связям Элеоноры Стри, она же Болотная Карга, тринадцать душ на совести...

— А бульвар-то еле тянется, — задумчиво сказал Алистан. И вытащил мобильный телефон; Игрис подумал, что телефон-то, согласно процедуре, хорошо бы у подозреваемого изъять...

— Илона? Привет. Я жив, здоров, очень тебя люблю. Поцелуй Бенедикта. Что? Нет, не особенно. Я перезвоню потом. Возможно, ночевать не приду... Прости. Ну, до скорого.

Он спрятал телефон и уставился в окно. Справа открылась площадь Маршала Равелина, памятник в окружении розовых кустов: маршал стоял, подняв в приветствии руки, и на монументальных пальцах его сидели живые голуби. Вокруг постамента замерли двенадцать статуй поменьше: ближайшие соратники маршала, герои Священной войны.

Машина свернула.

Здание «Коршуна» помещалось на площади Равелина, об этом знал каждый обыватель в столице и провинции, поскольку сериал «Под надежным крылом» не сходил с вершины рейтинга вот уже третий сезон. Игрис и сам смотрел несколько серий, еще в прошлом году, вместе с Еленой, и почти втянулся, но тут на работе случился очередной аврал, и Игрис окончательно отвык от телевизора.

Родственники жены смотрели «Под надежным крылом» каждый вечер. Игрис, запершись в своей комнате, иногда вздрагивал от криков: «Нет! Это смертельное заклятие! Остановитесь! Нет!»

Его не покидало ощущение, что он сам сделался героем сериала. На подземной автостоянке «Коршуна» играла негромкая музыка. Игрис подумал про себя: хороший саундтрек.

Он то и дело поглядывал на Алистана. Когда вялая рассеянность убийцы сменится отчаянием? Или яростью? Ведь не может человек принять такой удар судьбы с сонным видом: это защитный механизм, но сколь угодно крепкая психика не сможет защищаться вечно...

Или это тоже заклинание, нечто вроде искусственного спокойствия? Добраться бы до своего кабинета: Игрис тут же закажет справочник по психологии магов, самый полный, какой только отыщется.

Скоростной лифт вознес их почти к самой верхушке здания. «Приемная Алистана Каменный Берег» — блестящая табличка на блестящей двери, огромное, удобное, респектабельное помещение. Певец и Алистан сразу ушли в кабинет, за темную дубовую дверь; Игрис заволновался. Боксер подсунул ему на подпись бумагу, покрытую голограммами и водяными знаками, как туземец татуировкой.

Это было обязательство не разглашать сведения, полученные в порядке ознакомления с делом: «Если я нарушу данный обет, язык мой покроется язвами на срок от трех до десяти лет, в зависимости от количества выданной информации, а я буду нести ответственность согласно гражданскому кодексу...»

— Разве я должен буду ознакомиться с каким-либо делом «Коршуна»?

— Да! Если уж вы ведете это следствие и представляете здесь гражданские власти.

— Я не стану это подписывать, — подумав, сообщил Игрис. — Я собираюсь свободно распоряжаться всей информацией, которая понадобится для следственных действий.

Боксер, видимо, растерялся. В этот момент входная дверь открылась снова, и на пороге появился исключительно некрасивый человек с черным чемоданчиком в руке.

— Я механик, — сказал он вместо приветствия. — Документы на вмешательство вы подготовили?

Игрис смотрел на новоприбывшего с недоверчивым ужасом. С первого взгляда трудно было понять, в чем заключается уродство: очевидных изъянов не было. Разложив это лицо на детали, можно было отметить волевой подбородок, прямой нос, густые ресницы и выразительные карие глаза — однако будучи собраны на одном лице, все эти замечательные части производили отталкивающее и даже пугающее впечатление. Игрис решил, что все дело в пропорциях: глаза слишком широко расставлены и слишком низко посажены относительно переносицы. Следствие это профессии — или насмешка природы?

Из кабинета быстрым шагом вышел Певец.

— Добрый день. — Он смерил механика неприязненным взглядом. — Документ у нас один — личное согласие. Давайте не будем тянуть.

Он поманил механика пальцем, тот проследовал через приемную, больше не взглянув ни на Боксера, ни на Игриса. Несколько минут прошло в тяжелом молчании. Из кабинета не доносилось ни звука.

Потом вернулся Певец. Его смуглое лицо казалось желтоватым.

— Сволочи, — сказал, ни к кому не обращаясь. — Я это так не оставлю... Давай, Боксер, вызывай наших, родных журналюг, надо озвучить рабочую версию. И надо организовать утечку по делу Болотной Карги. С подробностями. Кто у нас работает с общественным мнением?

Он вдруг заметил Игриса и уставился на него так, будто тот соткался перед ним прямо из воздуха.

Боксер возвел глаза к деревянному потолку. «Как я еще работаю с этим человеком?» — говорил его взгляд.

Певец вдруг наклонился вперед. Целую секунду Игрис был уверен, что маг собирается взять его за воротник рубашки и хорошенько встряхнуть.

— Вы понимаете, что это за человек? — Певец говорил напористым шепотом, воздух вырывался из него с шипением, как из пробитой автомобильной камеры. — Ладно, половина его дел засекречена... Но хоть что-то вы должны были слышать об Алистане Каменный Берег?! Это лучший руководитель, которого я знал, и лучший оперативник! Это человек, которому обязаны жизнью сотни... людей! И прочих тварей! Вы не ходили с ним на оборотня, рыло на рыло, откуда вам знать... Какого лешего ему убивать неприметную тетку? Это провокация, явная и наглая, и я не собираюсь быть разборчивым в средствах. Либо вы мне поможете — либо лишитесь работы, репутации, здоровья...

— Вы мне угрожаете? — спросил потрясенный Игрис.

Он не мог поверить, что в респектабельной приемной «Коршуна» сотрудник этой уважаемой организации пытается запугать его, следователя прокуратуры, да еще в присутствии третьего лица! Через мгновение он понял, что Певец, со всеми

его жесткими и властными манерами, на грани истерики. Или уже за гранью.

Боксер незаметно вышел. Игрис решил промолчать; Певец мерил комнату шагами, десять шагов по ковру в одном направлении и десять в другом, от окна к фикусу и обратно.

Открылась дверь кабинета. Вышел уродливый механик, потирая очень красные, будто распаренные, ладони.

— Давайте бланк протокола...

Певец молча подсунул ему бумагу с типографской рамкой. Механик, краем зада пристроившись на кончике кресла, начал писать, комментируя вслух:

— Стало быть, так. Имеет место мнемокоррекция общей продолжительностью один час пятьдесят семь минут. Выполнена исключительно аккуратно, что тем более удивительно, что подконтрольный произвел ее прямо на себе и прямо в потоке времени. Крайние точки почти не смазаны... Отличная работа. Временной промежуток определяем субъективно, двадцать девятое августа, с восьми часов двенадцати минут до десяти ноль девяти. Внутри этого периода...

Механик остановился. Отложил ручку. Поднял голову, встретился взглядом с Певцом.

— Внутри этого периода снесено все до единой связи, — с некоторой грустью сообщил механик. — Выжжено. Отформатировано полностью и восстановлению не поддается. Мне вообще удивительно, как после такого вмешательства он не утратил рассудок. Впрочем, рано говорить: некоторые эффекты имеют отложенное действие...

Певец вцепился в спинку стула, на котором сидел верхом. Игрису на секунду сделалось его жалко.

В молчании механик закончил протокол, подписал и оттиснул замысловатую печать. Незаметно вернувшийся Боксер провел ладонью над бумагой, коснулся кончиками пальцев, будто оставляя невидимый знак.

— Все? — кротко спросил механик.

— Одну минуту. — Певец не смотрел на него. — Вы сказали: «тем более удивительно». Давайте подумаем: маг корректирует сам себя, сидя на скамейке, на бульваре, вмешательство филигранное — меньше двух часов! — произ-

ведено так глубоко и точно, что даже вас, с вашим опытом, это удивляет... Нет ли других версий того, что случилось?

Механик помолчал — секунду.

— Нет, — сказал наконец неожиданно мягко. — На раннем срезе памяти оставлен маячок, «приступаю к коррекции», совершенно профессиональное обозначение. Алистан занимался когда-нибудь механикой? Думаю, да, хотя бы в теории... На позднем срезе — «окончание коррекции», и опять идентификационная метка. Вы предполагаете, что кто-то сделал это за него, подделав его почерк?

Певец раскачивался на стуле.

— Предварительно этому человеку надо было отключить господина Каменный Берег, — задумчиво сказал механик и в своей задумчивости показался Игрису вовсе не таким уродливым. — Как вы себе это представляете?

Певец не ответил.

Механик коротко поклонился и вышел, держа под мышкой чемоданчик.

— Неужели вы совсем отказываетесь сотрудничать?

Почти стемнело. Задержанный Алистан Каменный Берег сидел наконец в собственном Игрисовом кабинете — после посещения «Коршуна» кабинет представлялся Игрису жалкой клетушкой.

Алистан наклонил голову с высокими залысинами.

— Да. Не обижайтесь, Игрис, но я не буду с вами сотрудничать. Объясню почему.

Рассеянность и вялость его, так поразившие Игриса с утра, сменились теперь странным умиротворением. Продолжая сравнение с телесериалом, Игрис решил для себя, что Алистан похож на усталого актера в давно известной роли — какникак, третий сезон.

— Объясню... Сегодня утром, когда я застрял на перекрестке Иволгина Моста и Машиностроительной, у меня зазвонил телефон. Я этого не помню — просто логически воссоздаю. Некая женщина попросила у меня срочного свидания... ее личность установили?

— Пока нет. — Игрис поерзал на жестком стуле. — Разослали фотографии. Она скорее всего приезжая.

— Я тоже так подумал. Итак, незнакомая женщина из провинции убедила меня переменить планы. Я заказал комнату для встреч и оплатил с личного счета — личного, а не корпоративного. Мы говорили с ней, по словам портье, меньше часа. Потом я убил ее, уничтожил бумаги, которые она мне показывала, и зачистил собственную память. Это установлено?

— Да.

— Тогда объясните мне, ради всего святого, чем еще я могу помочь вам? Дело закончено. Убийца найден.

— Ваш коллега выдвинул гипотезу...

— Певец мой друг и хочет оправдать меня. Его гипотеза не выдержит никакой проверки. Правда — элементарна. Я ее убил. Я раскаялся. Хоть завтра в суд.

Игрис пощелкал выключателем настольной лампы. Перегорела; окно выходило на набережную на высоте одиннадцатого этажа. По желтоватой воде тянулся, оставляя белый след, прогулочный катер.

— Но почему? — тихо спросил Игрис. — Мотив ведь неясен. Мотива нет. Наоборот... Есть тысяча причин, почему вы *не могли* убить ее — именно ее, именно так, именно в таких обстоятельствах.

— Какая разница? Факт установлен.

— Вам безразлично, почему это случилось?

Алистан сдвинул брови. Его спокойное лицо вдруг нахмурилось — и так же внезапно обрело прежнюю безмятежность.

— Видите ли. Я совершил, по сути, самоубийство...

Он на секунду задумался.

— Да... Самоубийство. Чтобы то, что она мне сказала, больше никто никогда не услышал. Я убил человека, который был в моей полной власти, который мне доверился. Женщину. Я это сделал. Я, может быть, навсегда скомпрометировал «Коршун». Я... изувечил жизнь моих жены и сына — ради того, чтобы мотив, как вы выражаетесь, так и не был никогда раскрыт. Если вы узнаете, почему я это совершил, все окажется напрасно: и мое преступление. И ее гибель. И...

Он застыл с широко открытыми глазами, на вдохе, с полуоткрытым ртом. У него на секунду сделалось такое напряженное, такое больное лицо, что Игрис разом вспомнил о Слове погибели № 5, убивающем на месте, и о словах механика: «Некоторые эффекты имеют отложенное действие...». Конвой скучал в соседней комнате, можно вызвать подмогу, коснувшись носком ботинка кнопки под столом... Сколько раз можно применить Слово погибели, пока конвойные доберутся до кабинета?

— Не бойтесь. — Алистан закрыл глаза. — Я очень устал. Надо полагать, сегодня я ночую в камере?

Звонок Елены поймал его на подходе к дому.

— Муж, прости, у меня аврал... Сегодня ночую на работе.

Третий раз за прошедшие две недели. Игрис почувствовал себя беспомощным и жалким.

— Слушай, жена...

— Ну, прости-прости. Давай уговоримся: в воскресенье, на день Памяти Равелина, вместе поедем гулять. И пошлем всех прочих подальше.

— Почему бы не послать всех прочих прямо завтра?

Елена молчала в трубку.

— Елка?

— Я не могу уже ее видеть, — призналась жена и прерывисто вздохнула. — Агату. Она насквозь фальшивая. Зовет меня «тетей», а сама только на два года младше!

— Ну не могу же *я* выгонять из дома *твоих* родственников!

— Они твои родственники тоже. Когда они приехали, речь шла о недельке-другой. А уже шестая неделя пошла!

— Понятно, — сказал Игрис. — Я подумаю.

Он толкнул калитку. Кот бежал навстречу, высоко задрав хвост, — только что не лаял, приветствуя хозяина. Игрис наклонился, погладил Льва по огненно-рыжей башке, почесал за ошейником и с тоской подумал, что сегодняшний неимоверно трудный, нервный день закончится одиноким вечером под вопли телевизора за стеной.

— Игрис, Игрис, тебя показывали в новостях!

Агата выскочила ему навстречу — легкая, веснушчатая, очень веселая, в коротком халатике.

— Ты там сделал вот так корреспонденту. — Агата изобразила раздраженный жест рукой. — И сел в машину «Коршуна»! Ты что, видел этого мага-убийцу?

Игрис вспомнил, как перевел дыхание, выйдя из холла «Интеркороны», и как испарилось заклинание, укрывавшее от журналистов. Как он шарахнулся в следующую секунду от припозднившейся съемочной группы — наверное, эти счастливцы и выдали материал в эфир...

— Что говорили в новостях?

— Маг убил женщину в гостинице. Да не простой, а какая-то шишка из «Коршуна»! Правда, они уже трубят по всем каналам, что его подставили. Знаем мы эти подставы... Игрис, ты расследуешь это дело?!

— Нет. С чего ты взяла?

— А что ты тогда делал в гостинице?!

— Ну, — сказал Игрис, пытаясь миновать Агату на пути в кабинет. — Там много кто побывал сегодня. Вы уже поужинали?

— Вызвонили пиццу. — Агата состроила скорбную рожицу. — Потолстеем, значит. В холодильнике мышь повесилась...

— Какая мышь?!

— Это поговорка. — Агата рассмеялась.

Пожалуй, Игрис согласился бы терпеть в их доме одну только Агату. Он привык к ней. При всей ее назойливости в ней было что-то... какое-то лекарство от будней.

— Привет! — Из гостиной выглянул Борис, Агатин муж. — Агата, уже начинается!

— Бегу! Игрис, малые немножко порисовали на обоях в гостиной, ничего?

Звонок шефа застал его за мытьем посуды. Игрис пытался отскрести томатную пасту и налипший сыр от большого фарфорового блюда, которое Елена получила в наследство от бабушки и доставала с полки только по большим праздникам. Тем более что блюдо не влезало в посудомоечную машину.

— Прости, что поздно, — сказал шеф.

Игрис оставил блюдо и присел на край стула.

— Что там за история с подпиской? Ты что, его отпустил?!

— Я взял с него две подписки: о невыезде и о неразглашении...

— Ты смерти моей хочешь? Маг-убийца гуляет на свободе! Я получил сейчас запрос, знаешь от кого?!

— Шеф, — сказал Игрис. — Держать его в обычной камере — себя не уважать. Он же может уйти в любую минуту.

— А подписка... — начал шеф и осекся.

— Арестованных и задержанных магов содержат в «Коршуне». Я мог или выдать его друзьям и подчиненным — тогда бы они сами его выпустили, и нам был бы позор. Или... послушайте, сажать его сейчас — это просто живодерство.

— Нас ждет большой скандал, — очень спокойно сказал шеф. — В связи с этим у меня к тебе предложение... Есть хорошее дело, спокойное, перспективное, для тебя.

— Поджог борделя?

Шеф отрывисто рассмеялся в трубке.

— Всего лишь маленькое разбойное нападение. Там все как на ладони, по завершении премируем тебя, давно пора, и подадим документы на следующее звание... Ты до сих пор не старший следователь?

Игрис сглотнул.

Это была одна из закономерностей окружавшего его мира: все вокруг получали повышения, только Игрис сидел на месте, будто курица на кладке глиняных яиц. Нельзя сказать, чтобы это очень уж задевало его. Но не замечать явную несправедливость с каждым годом становилось все тяжелее.

— Неохота оставлять тебя в этом дерьме, — с отеческой интонацией добавил шеф. — «Коршун» ясно обозначил свою позицию — они будут топить тебя и все равно добьются замены следователя, только, как сам понимаешь, уже с позором. А потом еще замена, и еще. Им не нужен компетентный человек — им нужен мальчик для битья на этом месте. Ну что, решился, или завтра поговорим?

Игрис, в который раз за этот длинный день, ощутил себя героем сериала. Герой, разумеется, отклонил бы сейчас предложение шефа...

— Игрис, пойми, это дело «Коршуна», они его обтяпают, как им выгодно. Либо протащат свою версию, либо объявят убийцу невменяемым. Либо еще что-то. А дураком и злодеем будет следователь прокуратуры.

— Давайте завтра вернемся к этому вопросу, — малодушно сказал Игрис.

— Тетя Елка сегодня опять горит на работе?

Агата стояла посреди кухни с заспанным ребенком на руках. Малыш (то ли Эрик, то ли Эдик, кто его разберет) глядел на Игриса с подозрением.

— Елена не придет ночевать, — подтвердил Игрис, думая о другом.

Агата вытерла салфеткой сопливый нос ребенка.

— Мальчишки спать будут, как сурки, потому что днем сегодня не заснули, хулиганили. А ты почему не ложишься?

— Уже ложусь.

Он забыл, зачем приходил на кухню. Развернулся и пошел к себе.

Что такого могла поведать высокопоставленному сотруднику «Коршуна» безвестная тетка из провинции? Зачем — дикий, нелогичный, истеричный поступок человека, прежде в истериках не замеченного?

Не лезет ни в какие рамки. Необъяснимо. Куда логичнее выглядит притянутая за уши версия Певца: Алистана подставили. Мутная волна тенденциозной, непроверенной информации поднимется выше крыш: ничего эффективнее нельзя было придумать, чтобы скомпрометировать и Алистана, и «Коршун». А тут еще дело Болотной Карги...

Игриса передернуло. Есть вещи, которых лучше не знать. Старушка устроила «пряничный домик» на болоте, в километре от междугородней трассы. За шесть лет на этой дороге без вести пропало семь легковых машин. Несчастья списывали на сложные погодные условия (туман и частые дожди), плохое покрытие (дорога быстро разрушалась, сколько ее ни ремонтировали), опасные виражи, с которых усталый или неопытный водитель запросто мог слететь прямо в трясину. Дорогу обустраивали, ограничивали скорость, ограждали опасные

места, выставляли знаки, но дело завели только после того, как бесследно испарился микроавтобус с экскурсантами.

Через несколько дней на обочине подобрали полуживого, облепленного грязью, трясущегося от ужаса парнишку: он рассказал, как заглох мотор микроавтобуса, как все пассажиры и водитель один за другим отправились в сторону от трассы, но больше ничего не мог рассказать. Штатный механик психиатрической клиники, восстанавливая его пошатнувшийся рассудок, наткнулся на документальные, подлинные воспоминания и чуть не рехнулся сам.

Старушка практиковалась в магии. С жертвами она играла в «ролевые игры», которые заканчивались горячей духовкой или кипящим котлом. До сих пор все сходило ей с рук, потому что удержать в подчинении двоих-троих несчастных не составляло для нее труда. В микроавтобусе ехали семеро: парнишка, оказавшись на периферии магического воздействия, чудом вырвался и спасся...

Игрис поймал себя на том, что сидит перед выключенным компьютером и смотрит в темный экран. Певец почти насильно посвятил его в мерзкие и темные подробности дела Карги; сегодня-завтра эти детали просочатся в прессу. Алистан Каменный Берег подключился к расследованию, когда оно зашло в тупик: он первый нащупал связь между хозяйкой «пряничного домика» и респектабельной пожилой дамой, чье поместье находилось за сотни километров от «пряничного домика», в другой части страны...

Игрису не хотелось лежать без сна одному на широкой кровати, глядеть в потолок и вспоминать дело Карги. Он натянул кроссовки, тихо выбрался из дома и припустил рысцой вдоль улицы.

Старушка была настолько богата, что ее адвокаты, кажется, сами верили в ее невиновность. Они висели, как бульдоги, на каждой процедурной неточности, выискивали бюрократические поводы для повторных экспертиз, а старушка тем временем залегла в частный госпиталь и всех вокруг пыталась уверить, что вот-вот отправится к праотцам.

Сейчас дело выплывет наружу, думал Игрис. Тайна следствия будет изнасилована с особым цинизмом, причем надругаются над ней обе стороны. И это явное, предсказуемое след-

ствие провокации с Алистаном; вот я и сам начинаю верить, что это провокация.

Но что за документы сгорели в камине? Неужели нет еще одного экземпляра, рукописного ли, электронного, ксерокопии?

Игрис вспомнил лицо мертвой женщины на полу комнаты для переговоров. Слово погибели № 5 убивает мгновенно. Среди нас ходят люди, способные прикончить любого в считаные секунды. Но мы ведь не сажаем превентивно, к примеру, охотников с ружьями, мастеров единоборств, поваров с ножами, боксеров...

Игрис с разгона наступил в лужу. Взлетели брызги в свете фонаря. Залаял пес за ветхим забором. В его строгих интонациях угадывались лень и философская созерцательность собаки, в жизни не видавшей воров на участке.

Что, если личность убитой так и не будет установлена?! Что, если она — фантом, инопланетянка, клон, посланница параллельного мира... короче говоря, что, если Алистан убил врага, каким-то образом угрожающего всему человечеству?

Фантазия — хорошее качество. Склонность к фантазированию — дурное. Игрис уже решил для себя, что завтра откажется от дела «мага-убийцы» и еще — обязательно! — переговорит с Борисом и Агатой. Гостеприимство — это хорошо, но почему семейная жизнь Игриса должна страдать?!

Ему очень захотелось увидеть Елену, прямо сейчас, обнять ее и вместе лечь. Жена стеснялась заниматься любовью, когда за стеной толкутся родственники, а уходить из дома надолго гости отказывались. Второй месяц Игрис добивался расположения жены тайком, украдкой, как вор...

Нет уж, хватит. Он развернулся и побежал в обратном направлении — к дому.

Алистан Каменный Берег. Игрису до него, как до неба: и послужной список, и звание, и награды, и все такое. Живет со второй женой, сыну пятнадцать лет. Хорошо бы встретиться с его первой женой, просто для порядка. И еще эта приметная скамейка на бульваре, напротив магазина музыкальных инструментов. Именно на этой скамейке Алистан зачистил себе память сразу после убийства. Пройтись бы по окрестным магазинчикам, наверняка кто-то из сотрудников его видел. Хотя

бы мельком. Как долго он сидел, как вел себя, звонил ли по телефону...

А смысл?

Никому не интересно, что там в действительности случилось. Всем плевать на погибшую женщину: «Коршун» хочет оправдать Алистана, шеф заботится только о том, как половчее сохранить лицо. Игрису следует поскорее избавиться от невольной симпатии к господину Каменный Берег. Даже не симпатии, а сочувствия, что ли.

Он прошел прямо в душ. Долго отмывался, высушил феном жесткие соломенные волосы. Протер очки краем полотенца. Прокрался к себе в спальню мимо комнаты гостей. И, только повалившись на кровать, понял, что рядом кто-то лежит.

— Игрис, нашли эту бабу! Алисия Желудь, поселок Верхний Крот, Юго-Западный район. Школьная учительница. Не замужем, детей нет. Вот, почитай!

Игрис механически принял распечатку. Алисия Желудь, учительница истории. Довольно большой поселок, школа на три сотни учеников... Фотография: живая, даже милая женщина с собакой на поводке, в окружении десятка подростков...

— Не понимаю, — пробормотал Игрис.

— Скажи спасибо девочкам из службы информации, они всю ночь долбили. Тетка никогда не привлекалась, не замечена, ни в одной картотеке нет, вышли на нее через какой-то социальный сайт...

— Спасибо. С меня причитается.

Прижимая к груди распечатку, он вошел в свой кабинет. Повалился на стул, на котором еще вчера сидел Алистан Каменный Берег.

Школьная учительница?!

Он потряс головой.

Вчера ночью, после пробежки, с тяжелой, как котелок, башкой он решил почему-то, что Елена вернулась домой и ждет его в постели. Он обнял ее. Это оказалась Агата, и, к ужасу Игриса, она была привлекательна, как весенняя кошка. Игрису нравилась Агата, вот в чем беда, он чуть с ума не со-

шел, высвобождаясь, что-то бормоча в ответ на ее сладкий шепот, умирая от стыда при мысли, что Борис здесь же, за стеной, и зеркало Елены стоит на туалетном столике... «Тетя Елка опять горит на работе!»

Он заснул только под утро и проспал минут сорок. То ненавидел себя за чрезмерную щепетильность, то впадал в мизантропию: тогда ему казалось, что все подстроено заранее, что Борис подглядывал в щелочку, намереваясь потом выставить счет... То смеялся, с новой силой ощущая себя героем сериала. А когда забылся наконец — зазвонил будильник, Игрис встал, оделся и вышел, не заглянув на кухню, не сварив себе кофе, крадясь по собственному дому, как по вражеской территории.

Алисия Желудь. Поселок Верхний Крот. При женщине не было багажа, но в сумке лежала зубная щетка; возможно, она приехала в тот же день и не собиралась надолго задерживаться?

Игрис сел за компьютер и вызвал расписание поездов юго-западного направления. Первый выходил из Верхнего Крота в четыре тридцать утра и прибывал в столицу ровно в восемь. Все сходится: неприметная женщина встала ночью, а может быть, вовсе не ложилась. Три с половиной часа дремала, сидя в кресле у окна, сошла с поезда в начале девятого, позвонила Алистану на мобильный телефон...

Откуда Алисии Желудь, провинциальной школьной учительнице, знать номер мобилки Алистана Каменный Берег?!

Зазвонил телефон на столе. Высветился номер шефа.

— Я слышал, вас пытались отстранить от дела, — сказал Алистан Каменный Берег.

Он явился на допрос моментально, минута в минуту, по первому же звонку. Для человека, пережившего потрясение и находящегося под следствием, маг выглядел совсем неплохо: Игрис позавидовал его самообладанию. Алистан крепко спал сегодня ночью, был тщательно выбрит, во взгляде, на самом дне, была грусть — но не тоска и не паника.

Фотография женщины с собакой и подростками лежала перед Алистаном на столе; он разглядывал фото, чуть приподн-

няв брови, отчего его огромный лоб шел рябью, будто поверхность пруда.

— Никто не вправе меня отстранить, — сказал Игрис и подумал про себя: если бы я был умнее, то уже десять раз бы устранился.

Шеф симпатизировал ему и не желал зла. Шеф снова и снова приводил неопровержимые аргументы, в сердцах обозвал Игриса болваном (на что тот вовсе не обиделся) и неудачником. Это последнее слово поддело Игриса, будто крюком под ребра. Повесив трубку, он долго не мог успокоиться, ходил из угла в угол, а потом вызвал на допрос главного подозреваемого.

— Никто не вправе меня отстранить, — повторил он с нажимом. — Дело очень сложное. Но я профессионал.

Алистан покачал головой.

— Я никогда не видел эту женщину и не слышал ее имени. Я никогда не бывал в поселке Верхний Крот. Я не верю, что ради провокации люди Карги стали бы выдергивать в столицу Алисию Желудь... Вы не правы, Игрис. Это не профессиональный вызов, на который вы должны блестяще ответить. Это тупик, из которого нет выхода. Я признаюсь в убийстве и готов подписать соответствующие бумаги.

— Мне нужен мотив.

— Даже после того, как я все вам объяснил насчет закрытой информации? Которая должна исчезнуть навсегда?

— Кто решил, что она должна исчезнуть?

— Я решил. И заплатил за это решение, очень дорого заплатил, если вы заметили.

— Алистан, подобные решения вне вашей компетенции.

— Такова специфика моей работы... Если бы, расследуя дело Карги, я все время оставался в рамках компетенции — старушка давно бы выскользнула из-под следствия и обустроила новый «пряничный домик».

Игрис не нашелся, что ответить.

— Вы когда-нибудь занимались механикой? — спросил он после короткой неловкой паузы.

— Да. Лет двадцать назад, будучи выпускником университета, я занимался механикой и даже стажировался за границей. В какой-то момент решил, что это не мое, и прекратил опыты.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему вы решили, что это — не ваше?

— Я недостаточно большой садист для этого, — серьезно отозвался Алистан. — Психомеханика — необходимая в жизни, но очень скверная вещь. У вас есть опыт общения с механиком?

— Нет. — Игрис сглотнул.

— И не надо. — Алистан чуть улыбнулся. — Понимаю, к чему вы клоните, и отвечу сразу: да, мои занятия механикой помогли мне откорректировать собственную память без побочных эффектов.

— У меня еще один вопрос. Почему, как вы думаете, вы убили Алисию Желудь, а не подчистили память и ей? Ведь это помогло бы сохранить информацию в тайне, может быть, гораздо надежнее?

Алистан нахмурился.

— Вы правы. Единственное объяснение... эта информация каким-то образом была связана со всей ее жизнью. В моем случае — минус два часа, актуальная хронологическая коррекция, очень просто. Но если речь идет о многократном вмешательстве, да еще в давние слои памяти... Она сошла бы с ума либо превратилась в растение. Наверное, я решил, что убить будет проще... и гуманнее.

Он быстро опустил глаза. Женщина на фотографии улыбалась, держа поводок.

— Ничего, что я такой циничный, а, Игрис? В конце концов, теперь-то я сяду в тюрьму до конца моих дней, и мстительный дух этой бедняги должен быть удовлетворен. Конечно, логичнее мне было бы прикончить заодно и себя. Но мне противна сама мысль о самоубийстве, извините.

— Вы применяли... Вы работали с ней, как механик?

— Откуда мне знать? Скорее всего да.

— Нет способа установить точно?

— Нет.

Алистан все еще смотрел на фотографию.

— Вы встречались с этой... с Каргой? — тихо спросил Игрис. — С глазу на глаз?

— Да.

— И вы не боялись? Если она маг — ей доступно Слово погибели номер пять, а также, возможно, и прочие номера?

Алистан взглянул с интересом.

— Не совсем так. У вас и у циркового гимнаста принципиально одинаково устроено тело. Вы можете сделать стойку на пальцах левой руки?

— Не могу, — признал Игрис.

— Так же и с магами. Старушка умеет манипулировать ничего не подозревающими обывателями. Она играла людьми в куклы — на свой особый живодерский манер. Со мной ни один ее финт не пройдет.

— Я читал материалы дела...

— Все тридцать томов?

— Нет. Только то, что мне под расписку выдал Певец. Я не понял: почему так сложно доказать магическое вмешательство?

— Потому что умная бабка использовала отраженную магию. У нее на дворе были вкопаны деревянные статуи, эдакие столбы с неприятными лицами. По всем первичным протоколам исполнителями злой воли выходили они. Столбы-манипуляторы, представляете? Надо было ехать на болото, добывать истуканов, отслеживать эфирные образы бабкиных приказов, составлять новые протоколы и доказывать, что старуха была кукловодом, а истуканы — орудием...

Алистан помолчал. Мечтательно улыбнулся.

— Это очень интересное дело. Войдет во все учебники. Из него сделают серию «Под надежным крылом». Но Игрис, какое это скверное, гадкое дело...

Он вдруг сник, будто внутри у него ослабла пружина.

— Наше с вами дело не лучше... Хотя и проще. Я спокойно вздохну, оказавшись на нарах. Честное слово.

— Ваша контора не сдастся без боя, — неожиданно для себя поделился Игрис. — Они постараются вас вытащить.

— После того, как я признался?

— Вас объявят невменяемым. Или... может ли существовать такой манипулятор, говоря условно, супер-Карга, который *заставил* бы вас убить женщину — и откорректировать себе память?

На этот раз Алистан молчал очень долго.

— Нет, — сказал наконец. — Это полная ерунда, Игрис. Поверьте профессионалу.

Он вскочил в поезд за несколько секунд до отправления — в вагон второго класса, и потом долго шел, иногда свободно, иногда протискиваясь, к своему месту. Поезд набирал ход, проплывая по мостам над медленными автомобильными потоками, мимо городских парков и отдаленных спальных районов; Игрис наконец-то добрался до мягкого кресла у окна, уселся и только тогда перезвонил Елене.

— Привет! Как дела?

Она сразу уловила напряжение в его голосе.

— Хорошо... Что у тебя?

— У меня командировка. Еду куда-то в глушь, когда вернусь, не знаю.

— Ну ничего себе, — тихо и как-то очень жалобно сказала Елена. — Отложить нельзя?

— Я уже в поезде.

— А...

Мягко покачивался вагон. Толстый мужчина в кресле напротив читал газету.

— Мне звонила Агата, — все так же тихо сказала жена. — Прямо сегодня с утра.

— Чего хотела? — Игрис сам поразился, до чего равнодушно прозвучал вопрос.

— У них продукты кончились. В смысле, у нас. Холодильник пустой.

— Так пусть купят!

— Игрис, ты с ними говорил? В смысле...

— Я не успел, — пробормотал он сквозь зубы. — Ты где сейчас? Дома?

— На работе...

— Хоть кота-то они покормят?

— Надеюсь... Слушай, что там за история с магом-убийцей? Ты-то к этому отношения не имеешь?

Поезд вырвался за городскую черту и прибавил ходу.

* * *

Ночью ему снилась избушка среди болот и покосившиеся деревянные столбы с человеческими лицами: один с лицом Алистана, другой с мордашкой Агаты, третий, самый большой, с мертвым скучным лицом Алисии Желудь. Игрис просыпался и засыпал опять, сон продолжался с незначительными вариациями, в шесть часов он поднялся и принял душ. Гостиничная вода пахла ржавчиной.

В восемь Игрис был уже в поселковой школе — до начала занятий оставалось три дня, в пустых коридорах стоял запах масляной краски.

— Вы следователь?!

Его ждали. Еще вчера здесь стало известно, что случилось, и от взбудораженной школы кругами расходились вести по всему поселку.

— За что?! Нет, ну вы подумайте! Добрее, спокойнее человека, чем госпожа Алисия, я в жизни не встречала! Это такой ответственный, такой вежливый человек, такая хорошая женщина... была! Надеюсь, мага-убийцу посадят на всю жизнь в такую тюрьму, откуда никакой магией не вырваться!

Десять женщин разных лет кивали, соглашаясь со словами директрисы — привычно громогласной пожилой дамы. На подоконниках в учительской рядами стояли кактусы, колючие и понурые, как вызванные для воспитательной беседы ученики.

— Я сочувствую вашему горю, — сказал Игрис. — Мне надо поговорить с кем-нибудь, кто хорошо знал... госпожу Алисию. Остались у нее родственники?

Нет, родственников в поселке не осталось. Алисия Желудь приехала сюда двадцать лет назад вместе с отцом, человеком нелюдимым и очень пожилым. Он умер, не прожив в поселке и полугода. Бедная Алисия осталась одна, замуж так и не вышла. Ее семья — школьники, учителя; все ее любили, она отдавала себя работе и считала учеников своими детьми...

Она была святая, грустно подумал Игрис. Певец сказал бы, что удачней кандидатуры на роль жертвы не придумаешь. И был бы прав.

— Госпожа Алисия делилась с кем-нибудь планами насчет своей поездки в столицу?

Женщины примолкли. Никто не спешил с ответом.

— У нас сейчас горячая пора, — осторожно заговорила директриса, — начало учебного года... Расписание, планы... Педсовет был двадцать восьмого. Алисия подошла ко мне и сказала между прочим, что завтра, то есть двадцать девятого, она планирует день провести в столице. И что если она вдруг не успеет на вечерний поезд — чтобы мы не беспокоились, она вернется на следующий день...

— И поэтому вы не беспокоились?

Директриса переглянулась с высокой, красивой брюнеткой лет тридцати.

— Мы беспокоились. Знаете, что такое предчувствие?

Алисия Желудь выбиралась в столицу каждую весну — с детьми, на экскурсию. Учительница рисования, сама недавняя выпускница, вспоминала эти поездки с восторгом: город цвел, как огромный сад, старшеклассники ходили по музеям, по историческим местам, ели мороженое, однажды побывали в знаменитом театре. Госпожа Алисия пасла свое стадо, не отлучаясь ни на минуту. Были ли у нее в столице какие-то знакомства? Хм... Учительница рисования затруднялась ответить. На ее памяти Алисия ни с кем таким не встречалась, ни к кому не ходила в гости, вообще не упоминала о столичных друзьях. Жила вместе с учениками в общежитии на окраине. И никогда не ездила в столицу в одиночку — до того самого рокового дня, когда маг-убийца невесть почему применил к ней Слово погибели.

Жила Алисия неподалеку от школы, в маленьком домике, точнее, в северной его половине. Южную половину занимала та самая красивая брюнетка — она оказалась учительницей химии и ближайшей подругой погибшей. Звали ее Дана.

— Алисия оставила мне ключи и попросила присмотреть за Пиратом... Бедный Пират! Как ему объяснить?..

Старый пес с белой от седины мордой посмотрел на Игриса внимательно и строго. Под этим взглядом казалось, что пес знает все, и знает больше, чем учительница химии.

— Госпожа Дана, когда Алисия сказала вам, что едет в столицу?

— Накануне... в школе. Я удивилась, потому что еще за день до этого она никуда не собиралась, совершенно точно.

— Она говорила о цели поездки?

— Э-э-э... Я, конечно, тут же спросила: зачем? Что ты там забыла? Она ответила: кое-какие личные вопросы. И больше ничего.

— Она скрытный человек?

— Нет... Не всегда. Обычно она была очень открытой, искренней. Но в некоторых вопросах... Например, она редко говорила об отце. Много вспоминала о матери, которая умерла давным-давно, а об отце — только несколько слов.

— Вы знаете, где она родилась? Где прожила первую половину жизни?

— В каком-то промышленном городишке, не то Сырьев, не то Корнев... Вы знаете, эти фабричные города на севере почти все одинаковые...

— Почему они с отцом решили переехать?

— Насколько я понимаю, все решал отец. А она не хотела о нем говорить и не говорила.

Ключ провернулся в дверном замке. Игрис вошел, невольно пригнув голову в дверях, и сразу увидел себя: напротив входа стояло большое зеркало.

— У нее обычно всегда порядок, — сказала Дана, будто извиняясь. — А здесь, видно, спешила она...

И прихожая, и обе комнаты хранили следы этой спешки. Но не только; Игрис втянул застоявшийся воздух. Если бы важное решение, давшееся нелегко, оставляло запах — Игрис ощутил бы его, без сомнения.

Кровать была застелена и смята. На спинках стульев — брошенные вещи. Посреди гостиной стоял, откинув крышку, маленький чемодан: внутри не было ничего, кроме домашних тапочек в прозрачном пакете. Чемодан старый, потрепанный; вероятно, Алисия брала его с собой в столицу всякий раз, отправляясь с экскурсией. И теперь начала было собираться — но передумала, сказала себе: еду всего на день...

В кухне выстроились у раковины пять одинаковых чашек с остатками кофе на дне.

Одна внутренняя дверь в прихожей была заперта.

— А это что за комната?

— Это кабинет... Замок на двери поставил еще ее отец.

— Она всегда запирала кабинет?

— Э-э-э... С некоторых пор стала запирать. В соседнем поселке была неприятная история, когда ученики забрались в дом учителя и выкрали экзаменационные работы...

— А ключ?

Дана некоторое время вертела в пальцах связку ключей — от дома, от калитки, от ворот; потом, подумав, склонилась над щелью у порога и, присмотревшись, выловила оттуда маленький тусклый ключик.

— Она его тут хранила, — сказала смущенно, Игрису снова послышались извиняющиеся нотки. — Наивная, да. Отпереть вам?

— Пожалуйста.

Дана не без труда провернула ключ в замке кабинета. Пахнуло пыльным библиотечным духом. Взгляд Игриса упал на окно, забранное декоративной решеткой.

— Говорите, Алисия хранила здесь экзаменационные работы?

— Решетка еще после отца осталась, — нерешительно заметила Дана. — Говорю же, это был его кабинет. Рама с тех пор подгнила, решетку и ребенок может высадить.

Игрис подошел и осмотрел крепления.

— Вряд ли. Она встроена в стену. В кирпич.

Кабинет был загроможден шкафами для книг и бумаг. Письменный стол был, наверное, много старше хозяйки, скорее всего ровесник ее отца. Полированная столешница исцарапана. Рядом настольная лампа — и почему-то большие портновские ножницы. В ящиках — ничего, кроме мелкого канцелярского хлама: скрепки, булавки, разрозненные пустые тетради, линейки, кнопки, фломастеры...

— У Алисии был компьютер?

— Нет. Она пользовалась школьным.

Единственный компьютер в учительской Игрис осмотрел накануне. Пароль Алисии знали все кому не лень, и файлы

покойной учительницы никого не удивили: методички, рефераты, набор ссылок на сайты по истории, несколько фотографий природы...

Слева от окна висел большой календарь с классическими репродукциями, открытый на странице «Август». На противоположной стене — фото в рамке: невысокая круглая девушка и статный, коротко стриженый старик замерли, строго глядя в объектив, как на парадном портрете.

— Это Алисия с отцом?

— Да. Она была поздним ребенком, ее отца принимали за деда.

Суровое лицо, подумал Игрис. Суровое, волевое, впрочем, их поколение хлебнуло лиха. Они все такие.

— Мы здесь его почти не помним, — немного смущенно добавила Дана. — Один раз звали в школу, как ветерана, встречаться с ребятами. Он не смог прийти — болел.

— Он воевал?

— Да.

Игрис остановился перед самым большим книжным шкафом. Дверца не была заперта. На верхней полке стояли в ряд учебники, на нижних, вплотную друг к другу, громоздились скоросшиватели.

— Это материалы по истории, — сказала Дана, заглядывая Игрису через плечо. — Алисия вела два кружка: по истории и по экологии. Они с ребятами собирали старинные вещи, даже вели раскопки. Все сейчас в школьном музее, а здесь — копии газетных статей, отчетов, было даже несколько публикаций в профильных журналах...

— Подковы? Глиняные черепки?

— Да. С ребятами они изучали древности в основном, но сама Алисия была энтузиастом новейшей истории. Маршал Равелин, Священная война, подвиг Двенадцати — вот что ее интересовало. У нее было несколько фирменных открытых уроков, к нам в Верхний Крот приезжали учителя и чиновники из столицы, да что там — собирались со всей страны! Гостей в классе было больше, чем учеников! В школе есть записи, я могу вам показать...

— Обязательно. Скажите, пожалуйста, Дана, Алисия никогда не интересовалась магией?

— Магией?! Да что вы. Разумеется, нет.

Игрис оглядывался, раздувая ноздри. Форточка была едва приоткрыта. В кабинете было темновато: почти вплотную к окну подступала стена гаража.

— У Алисии была машина?

— Нет. Она ходила в школу пешком. Гараж наш общий, там дрова хранятся, керосин на всякий случай, лопаты, метлы...

Игрису подумалось, что, если манипулятор в самом деле был — маг, неожиданно заставивший Алисию принять решение о поездке, — ему очень удобно было бы захватить власть над женщиной, укрывшись за гаражом. Или внутри него. Зеленая поросль вдоль забора скрывает двор и гараж от посторонних глаз...

— Чужаков не встречали поблизости? Кто-то новый приезжал в поселок в последние дни?

— К нам все время кто-то приезжает, это ведь не глухое село, чтобы каждого приезжего держать на виду. — Кажется, Дана слегка обиделась.

— Не было ли у вас ощущения, что в последние дни перед отъездом Алисия вела себя странно? Изменяла привычкам? Беспокоилась?

— Может быть. — Дана задумалась. — Хватало поводов для беспокойства. В грозу деревья повалились, сразу два, одно теплицу разнесло вдребезги. Тут был целый ураган! Молния ударила в мемориальный знак на школьном дворе, камень раскололся, да так неудачно. Придется то ли заменять, то ли чинить, а у школы на это денег нет. И тут же конфликт с пожарной инспекцией, они придрались к чему-то и не давали разрешение школу открывать, представляете?! Нервный выдался август.

Игрис еще раз огляделся. Ему не давала покоя крохотная странность, заметная глазу, но не поддающаяся пока анализу. Кабинет школьной учительницы, решетка на окне, замок на дверях... Молчаливые бумаги на полках. Весь этот невиданный пыльный шкаф можно запихать на крохотную флешку, положить в карман, унести с собой...

— Алисия оцифровывала свои архивы?

— Что?

— Она переводила документы в электронный вид? Сканировала, нет?

— Нет. Не было времени. Да она и не дружила особенно с компьютером. Сканер в школе только один...

Вылинявший коврик на полу изображал охоту на льва. Краски выгорели, фигуры стерлись, по краю тянулась цепь пластиковых колечек: когда-то все это великолепие висело на стене, в другой комнате, под лучами солнца...

Повинуясь инстинкту, Игрис присел на корточки. Начал сворачивать ковер в трубочку; Дана с изумленным возгласом попятилась в прихожую. Открылся деревянный пол, коричневый, покрытый толстым слоем лака.

Игрис взял со стола ножницы, взял за лезвия, как молоточек. На четвертом или пятом ударе отозвалась пустота. Краем ножниц Игрис поддел половицу; в своей конспирации Алисия Желудь была восхитительно предсказуема.

Открылся тайник — дыра в полу. На дне тайника обнаружилась старая канцелярская папка.

Пустая.

После обеда в поселковую школу явились сразу две съемочные группы из столицы и корреспондент местной газеты. Игрис счастливо избежал встречи с ними — несколько трудных часов он провел в районном прокурорском участке, оформляя бумаги и пытаясь сломить вялое сопротивление всем своим, даже самым невинным, начинаниям.

Больше всего на свете он боялся опоздать на последний поезд. Перспектива еще одной ночи в гостинице приводила в ужас, но ради дела он готов был остаться и на день, и на неделю, и на месяц. В местной прокуратуре почуяли эту его готовность и наконец-то сдались.

Игрису требовался тщательный обыск в доме покойной учительницы. Игрису нужны были все (все!) бумаги, изъятые из дома и школьного кабинета Алисии. «Как их транспортировать?! Может, там тонна!» — «Ничего не знаю, закажите контейнер...» Игрису нужно было, чтобы каждый коллега госпожи Желудь, каждый ученик, выпускник, знакомый или житель поселка ответил на прямо заданный вопрос: не передава-

ла ли Алисия на хранение бумаги, копии бумаг, дискеты, любые материалы? Если передавала — документы эти тоже должны были быть изъяты и отправлены Игрису в столицу.

Он успел.

Поезд уже тронулся. Бегом, как финиширующий спринтер, он пересек перрон и вскочил в дверь, слегка толкнув удивленную проводницу.

— Простите. Я нечаянно.

— Вовремя приходить надо, — сказала она ворчливо, но без злобы.

В купе первого класса было свободно, почти пусто. Игрис рухнул на свое место и сразу же включил компьютер.

— На этой фотографии мы видим памятник маршалу Равелину, — рассказывала девочка лет шестнадцати, бледная, взволнованная, с виду зубрилка. — Почти сорок лет назад, когда никого из нас, школьников, не было на свете, в ходе Священной войны решалась и наша судьба — быть нам рабами или свободными гражданами своей страны. Полчища завоевателей вторглись с запада, относительно легко преодолевая сопротивление военных застав, которые были не готовы к войне. Старый Король отрекся от престола и бежал. До поражения оставались считанные дни, когда командование принял на себя маршал Равелин. Он вместе с двенадцатью своими бойцами — всего двенадцатью! — захватил столичный штаб, изгнал оттуда предателей и коллабора... ционистов, в то время как бои уже шли на улицах города... Всего двенадцать человек и маршал Равелин стали началом нового этапа войны, победоносного! Они сражались с силами, превосходящими их в сотни раз! Двенадцать бойцов погибли, но их подвиг... совершил... перелом в войне. За несколько дней деморализованная армия была обновлена и вступила в бой с верой в победу! Встали все, женщины, дети, как один человек, это были героические дни...

Голос девочки прервался. Игрис, склонившийся к экрану, увидел на ее глазах слезы.

— Мне бы очень хотелось жить в то время, — тихо заговорила она снова. — Это не бравада. Мне не страшно было бы умереть вот так, плечом к плечу со своими, сражаясь за родину...

Камера подалась назад, открывая магнитную доску с прикрепленными к ней фотографиями, большой картой, старым военным плакатом. Игрис увидел переполненную аудиторию, школьников за столами, взрослых, теснящихся в задних рядах. Игрис узнал директрису. Прочие были незнакомы, видимо, приезжие учителя и чиновники. Камера повернулась, охватывая класс целиком, со значением остановилась на лице Алисии Желудь, сидящей за учительским столом.

Изображение замерло.

За окном медленно смеркалось. Поезд должен был прибыть в столицу за полночь. У Игриса чесались и болели глаза под очками.

Сегодня после полудня на школьном дворе начали собираться ребята, в основном старшеклассники. Многие с цветами. Были малыши и чьи-то матери. «Алисию убили», — передавали друг другу шепотом, стояли тесными кучками, еле слышно переговаривались или подавленно молчали. Потом кто-то первый положил цветы к мемориальному знаку Двенадцати и Равелина — и все последовали его примеру...

В коридоре за матовой стенкой появился человек, побродил взад-вперед, разминая ноги. Лицо его невозможно было разглядеть — мешали блики на толстом стекле и плывущие по вагону тени. Человек остановился, потом, будто решившись, толкнул дверь в купе к Игрису. В первую секунду лицо его показалось совершенно незнакомым, заурядным; человек двумя ладонями потер щеки, его лицо не изменилось, но Игрис вдруг узнал Певца.

— Добрый вечер, господин Трихвоста. Я все-таки решил с вами поздороваться. А то выходит невежливо.

— Добрый вечер, — сказал Игрис, страшно раздосадованный его эффектным появлением. — Вы не могли бы достать кролика из моей сумки, вон она, на багажной полке?

— Не обижайтесь. — Певец уселся напротив и уставился на Игриса черными, жесткими, проницательными глазами. — Будете со мной говорить — или мне уйти?

— О чем нам говорить?

— Алистан высоко о вас отзывается. Не могу понять почему.

— Польщен, — пробормотал Игрис просто затем, чтобы что-то сказать.

— Как продвигается расследование?

— А это, извините, служебная информация.

— Бросьте. Я встречался с теми же людьми, слышал те же разговоры... Алисия Желудь была под властью манипулятора в последние несколько дней перед смертью.

— У вас есть доказательства?

— Будут.

— Иначе говоря, сфабрикуете?

Певец поджал тонкие темные губы.

— А вы как думаете, господин Трихвоста, почему учительница накануне начала учебного года бросает все и едет в столицу, прихватив с собой одну только зубную щетку?

Игриса будто дернули за язык. «Как же, ведь были еще документы из тайника!» Он удержался в последний момент.

Применял ли Певец магию? Нет. Он провоцировал так ловко, что даже Игрис, сам поднаторевший на такого рода провокациях, едва избежал ловушки. На этот раз. Но поезд шел, маг и следователь сидели друг напротив друга, без свидетелей; в распоряжении Певца, кроме злосчастного Слова погибели, было множество инструментов для развязывания чужих языков.

— Применив магию против меня, вы усугубите положение Алистана, — предупредил Игрис.

Певец поднял брови.

— Я не считаю вас способным наброситься на чужого ребенка и избить его в кровь. Почему вы так уверены, что я стану применять к вам магию?

— Я не ребенок.

— Да ведь и я не ребенок. — Певец поднялся, легко поклонился, взялся за ручку двери. — У вас магофобия, легкая степень. Всего хорошего.

Агата сидела на кухне над чашкой чая. Игрис остановился в дверях.

Он так надеялся, что они уедут. Что Агата усовестится, или испугается, или не захочет смотреть ему в глаза; ничего

подобного. Она обернулась, хлопнула моментально увлажнившимися ресницами и прерывисто вздохнула.

Если бы похоть, обреченно подумал Игрис. Можно было бы понять... и даже испытать мужскую гордость. Наверное. Но ведь не похоть и тем более не любовь — милая пухленькая женщина вздыхает и плачет, а в голове у нее вертятся единички и нули. Идет расчет, не в двоичной, конечно, но в какой-то особенной женской системе счисления.

— Приве-ет, Игрис... Мы уж думали, ты не вернешься до праздника...

«Мы уж думали».

— Доброй ночи, — сказал он холодно и удалился в спальню.

В парке Славы играл духовой оркестр.

Был день прощания с летом, солнечный и теплый. В первое воскресенье сентября всегда вспоминали маршала Равелина; Игрис с Еленой познакомились в этот день восемь лет назад.

По огромному парку шли люди, в основном семьями, с детьми. Охапками несли цветы, клали на мрамор к ногам статуй. Двенадцать бронзовых фигур стояли вровень с прохожими, в человеческий рост, без постамента.

Игрис очень любил этот памятник. Двенадцать фигур, каждая — в движении, в напряжении, в борьбе. Бронзовые ладони, носы и волосы горели под солнцем — так часто их касались. Несколько лет назад Игрис видел своими глазами, как в вечерних сумерках девчонка лет семнадцати подкралась к памятнику и поцеловала самого юного из героев, Студента, в бронзовые губы...

Ему вспомнился открытый урок Алисии Желудь и школьница с дрожащим от волнения голосом. Девчонки влюбляются в мертвых, в бессмертных, овеянных славой. Детский наивный пафос, за которым стоят очень человеческие, искренние побуждения. Что заставляет всех этих людей, взрослых и молодых, приходить в парк Славы не только по праздникам, но и в будни? Или цветы у памятника Равелину на центральной площади? Неписаным законом считается, посетив столицу,

обязательно возложить к ногам маршала хоть одну-единственную фиалку...

Елена шла рядом. Он сжимал ладонь жены и думал — не мог не думать — об Алисии Желудь. В день Памяти она собирала учеников на школьном дворе, у мемориального знака с барельефом маршала, с именами Двенадцати. Теперь там увядают цветы, предназначенные учительнице, а сама она лежит в цинковом ящике и ждет отправки в Высокий Крот...

«У Алисии не осталось здесь родственников, — сказала директриса школы, — но мы напишем официальное письмо. Мы хотим похоронить ее в нашем поселке, чтобы ученики могли носить цветы на могилу».

— О чем ты думаешь? — тихо спросила Елена. — Такое впечатление, что ты ничего вокруг не видишь.

— Я? Извини.

— Это правда, что все доказательства против пожилой женщины базируются только на экспертизах этого... Алистана Каменный Берег? Мага-убийцы?

— Погоди. О чем ты?

— Так называемое дело Болотной Карги.

— Откуда ты...

— Из газет, Игрис, из Интернета, еще вчера была большая аналитическая программа. У нас в салоне только об этом все и говорят... Как так может быть, что убийца не задержан? Что он до сих пор на свободе?

— Жена, — сказал Игрис. — Я так долго тебя не видел. Неужели у нас нет других тем?

Они молча прошли мимо памятника Двенадцати. Впереди, в конце аллеи, их ждал маршал Равелин на постаменте — фигура из белого мрамора, не такая большая, как на площади. Тот маршал, юный и монументальный, высился, подняв для приветствия руки. Этот — в парке — выглядел больше похожим на человека: немолодой, длинноволосый, он стоял, чуть подавшись вперед, вскинув подбородок, будто пытаясь что-то разглядеть в дальнем конце аллеи. За его спиной трепетали флаги — не то шлейф, не то крылья.

«Алисия Желудь действительно везла с собой документы, — скажет он шефу. — Скорее всего в единственном эк-

земпляре. Скорее всего не оцифрованные. Несколько тонких папок или одну толстую: столько вместилось бы в ее сумку, а кроме сумки, у нее ничего не было... Она не знала, что везет свою смерть».

Стайкой подбежали дети, за ними, чуть прихрамывая в новых туфлях, подошла учительница, совсем не похожая на Алисию Желудь. Она была молодая, ростом почти с Игриса, энергичная и строгая, и только боль в ногах, измученных красивой неудобной обувью, омрачала ей этот день.

— Да, я записал большую часть эфирных протоколов по делу Карги, но не все. Теперь адвокаты госпожи Элеоноры Стри требуют повторных экспертиз, требуют магической комиссии и права ввести в нее своих представителей. Между тем время прошло, многие следы утрачены навсегда...

— Есть вероятность, что ее оправдают?

Алистан пожал плечами.

— Теперь не знаю. Еще несколько дней назад я готов был обещать, что вина доказана и дело за судом. Специфика преступлений, совершенных с применением магии: основные доказательства нельзя пощупать руками, мотивы невозможно вычислить логически.

— Но эта женщина действительно совершила то, в чем ее обвиняют?

— Да, я это точно знаю, — мягко сказал Алистан. — Но есть закон, есть суд присяжных, вот пусть они и решают.

— К сожалению, — помолчав, сказал Игрис, — мне придется изменить для вас меру пресечения.

— Я к этому давно готов. Мне даже странно, что вы ухитрились так долго сопротивляться их бешеному напору... В госпитале, где лежит Элеонора Стри, утроили охрану — говорят, я собираюсь убить ее, как убил Алисию Желудь.

— Меня завалили жалобами.

— Конечно. Даже Певец теперь понимает, что в нынешних обстоятельствах меня лучше упрятать за решетку. — Алистан улыбался, как будто речь шла о ком-то другом. — Можете вызвать конвой прямо сейчас — я уже попрощался с женой и сыном и ношу с собой в сумке зубную щетку.

Зубная щетка. Мысли Игриса скакнули к разговору в поезде: «...почему она бросает все и едет в столицу, прихватив с собой одну только зубную щетку?»

— Когда занимаешься магией, — сказал Алистан, наблюдая за ним, — поневоле приучаешься к тому, что любопытство опасно. Вами движет любопытство, Игрис, это... неправильный двигатель.

— Мною движет профессиональный долг.

— Бросьте. Вам просто интересно знать, что мне рассказала эта несчастная женщина. Я говорю вам: не ищите. Информация убивает. Разве у вас нет родных, близких? Разве недостаточно жертв вокруг этого дела?

Под его взглядом Игрис смутился.

Отдел информации подкинул ему очередную справку-выписку. Отец Алисии, Герман Желудь, много лет проработал мастером, а потом начальником цеха на заводе химических удобрений в фабричном городке с хорошим названием Коптильня. Там же его дочь закончила школу, а потом педагогический техникум. Желудь не помышлял о пенсии, но, когда здоровье старика резко ухудшилось, врачи категорически порекомендовали ему оставить работу и перебраться из Коптильни куда-нибудь «на природу».

Отец и дочь перебрались в Верхний Крот. Старику на тот момент было уже под семьдесят. Ветеран Священной войны и ветеран труда, он имел льготы для проживания в столице, но категорически отказался туда переезжать. Игрис мог представить, каково было разочарование дочери: в двадцать-то лет юным незамужним учительницам мечтается о больших городах...

Впрочем, может быть, Алисия была воспитана в строгости и желала только скромного труда в тихом поселке, в гудящей, как улей, школе? Иначе почему после смерти отца она осталась в глуши? Так понравился Верхний Крот после дымной, шумной и грязной Коптильни?

Не красавица. Но очень обаятельная. Добрая, как о ней рассказывают. Не стали бы дети любить стерву — а ученики искренне любили Алисию. Игрис видел их лица, когда школь-

ники один за другим узнавали о смерти учительницы... Что, леший раздери, такая женщина могла подкинуть Алистану Каменный Берег?!

Игрис поднялся и начал ходить. Необходимость сидеть на стуле угнетала его. В школе единственной его проблемой была непоседливость, он не мог оставаться на месте сорок пять минут, даже будучи подростком. Нарастало ощущение, будто он что-то упустил в Верхнем Кроте, не спросил, не заметил, — но не ехать же туда снова? Особенно учитывая, что дело вот-вот окончательно передадут «Коршуну»...

Он поднялся из архива в семь вечера.

— Ваши бумаги привезли, — сказала девушка-служащая.

— Какие?

— Не знаю. Целый контейнер. Поставили в грузовом, он там все загромождает... Подпишите сейчас доставку, а?

В грузовом отделении в самом деле стоял железный ящик со штемпелями Верхнего Крота. Игрис сломал печать: изнутри контейнер был заполнен желтыми папками, книгами, увязанными бечевкой стопками бумаги. «Методика преподавания истории, шестой класс общеобразовательной школы...»

— Вы это все будете читать? — с ужасом спросила девушка.

Игрис захотел пошутить, как-то развеселить ее — девушка была милая. В этот момент зазвонил телефон.

— Почему тебя нет на связи, я сотый раз звоню!

Голос Елены звучал непривычно взвинченно.

— Я был в архиве, а там... Что случилось?

— Ничего. Агата сообщила мне, что ждет ребенка от тебя.

— Что?!

Девушка уставилась на Игриса с огромным интересом.

— Послушай, — он заставил себя приглушить голос, — это дешевая мыльная опера. Скажи ей, что если к моему возвращению домой они с семейством еще не уедут — я вышвырну их на улицу!

— Вместе с близнецами? На ночь глядя?

— Хорошо. — Он снова покосился не девушку, которая, разинув рот, слушала разговор. — Скажи им, что завтра с утра они отправляются домой.

— Почему ты сам с ними не поговорил?! Я просила тебя... Давным-давно!

— Хорошо. Я скажу им сам... Послушай, жена. Имеет место обыкновенный шантаж, неумелый, жалобный и от этого особенно возмутительный. Успокойся.

— Приезжай домой! Пожалуйста!

— Я постараюсь побыстрее. Честное слово.

На улице накрапывал дождик. Во дворе огромного здания, где, кроме прокуратуры, размещались множество разных учреждений, в крохотном открытом кафе прятали под навес мягкие стулья. На невидимой со двора реке прогудел пароход. Игрис взял шоколадный батончик и, разом откусив половину, вспомнил, что не обедал.

Пароход прогудел еще раз. Ему ответил низкий бас — наверное, баржа.

— Господин Трихвоста?

Он обернулся, с портфелем в одной руке и батончиком в другой.

Перед ним стояла женщина, незнакомая, темноволосая, очень красивая. Игрис даже растерялся, такой отстраненной, нездешней красотой веяло от ее бледного, неподвижного лица.

— Э-э-э... Да.

— Меня зовут Илона Каменный Берег. Я все жду, когда вы меня вызовете на допрос.

Игрис опустил руку с недоеденным батончиком. Куда бы его поаккуратнее выбросить...

— Одну минуту... Вы ждете вызова на допрос?

— Да.

— До сих пор в этом не было необходимости.

— Почему? Что, дело слишком ясное, совсем нет вопросов?

Игрису не понравилось, как она с ним разговаривает.

— Прошу прощения. В моей компетенции принимать решения, кого вызывать на допрос, а кого нет.

— Да. — Она опустила глаза, будто каясь, будто напоказ признавая его правоту. — Вы уделите мне несколько минут?

— Сейчас?

— Если можно.

— Ну... — Он лихорадочно соображал. — Может быть, мне в самом деле оформить вызов...

— Дело отберут у вас, может быть, завтра с утра. Тогда вы уже не сможете официально... А неофициально — почему не сейчас?

— Неофициально?

Он повторял слова, как попугай. Эта женщина с ее манерой вести разговор мешала ему думать, как назойливый стук метронома.

«Почему нет?»

— Почему нет, — повторил он вслух.

Она тут же вытащила тонкую сигарету и закурила.

— Здесь есть скамейка под навесом. Всего несколько слов. Совершенно неофициально. Никто ни в чем вас не посмеет обвинить.

Игрис сдержался и промолчал.

Они уселись на влажную скамейку. Женщина курила, почти не выпуская сигареты изо рта, говорила отрывисто, между затяжками:

— Я восемнадцать лет живу с магом. Они видят мир не так, как мы. Нам их трудно бывает понять. Я привыкла.

Она отвернулась и выпустила длинную струю дыма.

— Алистан младше меня на четыре года. Что, трудно поверить? Это так, я поздно вышла замуж. Наш сын — не маг, к счастью. Я хотела вам сказать...

Она на секунду замерла, будто забыв, а что, собственно, хотела.

— У Алистана есть психологическая особенность. Маги очень легко верят во всякие там предначертания, предназначения... Они вообще легковерны. Это к слову. Алистан всегда верил, что стоит на страже мира. То есть мира вообще — всех людей, нашей жизни... У него были основания, можете поверить. Вы знаете его дела? Хотя бы самые громкие? Нет, наверное, вас не посвятили. Было два или три раза, когда Алистан, наверное, в самом деле спас мир. То есть не просто меня

и вас, а вообще — всех. От вырождения, от катастрофы... Но предназначение, великая цель — это его фетиш. Это та самая особенность, пунктик. Я думаю... я уверена, что, убивая эту бабу Словом погибели и оставляя под Словом свою подпись, он тоже... спасал мир. Я хочу вас попросить, господин Трихвоста, Алистан очень хорошо о вас отзывался...

Она наклонилась, дыша сигаретным дымом.

— Я прошу вас, господин следователь. Раскрутите это дело, чего бы это ни стоило. Я хочу, чтобы мир хлебнул сполна из той чаши, которую Алистан так заботливо от него спрятал.

Она замолчала и закурила новую сигарету — от предыдущей.

— Вы хотите, чтобы я отыскал и обнародовал информацию, ради которой Алистан пошел на преступление? — тихо спросил Игрис.

Она кивнула.

— Да. Именно.

— Вы хотите, чтобы его жертва...

— Алистан никогда не был жертвой и никогда никем не жертвовал.

— Но ведь он убил ни в чем не повинную женщину. Хорошую женщину...

— А хоть бы и плохую. Он втемяшил себе в голову, что таким образом спасает мир. А я хочу, чтобы мир наконец-то получил, чего заслуживает.

Она в истерике, подумал Игрис. Истерика эта длится день за днем.

— Госпожа Илона, я обещаю вам, что сделаю все, что в моих силах.

— Вы бы с удовольствием вкатили мне успокоительное, — пробормотала она с горечью. — Скажите мне — его посадят?

— Я не знаю. Скорее всего — да.

— Пожизненно?!

— Не могу сказать. — Игрис отвел глаза.

— Он всего лишь хотел всех спасти, — прошептала женщина. — Если бы не хотел... Все было бы в шоколаде. И он был бы другим человеком.

* * *

Игрис зашел к себе в кабинет на секунду, на мгновение — забрать компьютер. Контейнер, только что доставленный из грузового отделения, стоял в углу, неприятно похожий на многоместный гроб. Игрис поглядел на контейнер, на часы...

«Дело отберут у вас, может быть, завтра с утра». Святую правду говорила Илона Каменный Берег. Игрис мысленно попросил прощения у жены: еще полчаса. Хотя бы поверхностный осмотр, хотя бы понять, есть ли среди ожидаемых бумаг неожиданные.

Он снял верхнюю стопку бумаг и выложил на стол. Не стал просматривать, взял следующую, потом еще; интуиция вела его или просто судьба — но в скоросшивателе, помеченном как «Внеклассные задания», обнаружились пособия по магии.

Он поднял на лоб очки и кулаками протер глаза.

Выдранные страницы. Перепечатки, сделанные на пишущей машинке: такие шрифты выходили из употребления еще во времена Игрисова детства. Бумага пожелтела; насколько Игрис мог судить, это не были пособия для начинающих. Больше походило на статьи из профильного журнала — разрозненные, пронумерованные невпопад. Были пометки на полях — птички, мудреные значки, подчеркивания, сделанные фиолетовым карандашом.

Игрис отыскал среди методичек позапрошлогоднюю статью «Особенности преподавания истории в старших классах» с пометками Алисии. Разумеется, совсем другие обозначения, мелкие, аккуратные, красная шариковая ручка. Неужели Герман Желудь, ветеран войны и химзавода, был магом?!

Кабинет понемногу обрастал бумажным хламом, папки и стопки загромождали стол, стулья, пирамидами высились на полу. Книг и пособий по магии больше не попадалось — все они были собраны в единственной папке-скоросшивателе, правда, довольно объемистой. Маркировка «Внеклассные занятия» — случайность? Или конспирация?

У кого бы из магов проконсультироваться относительно этих бумаг, думал Игрис. Если официально — мне дадут человека из «Коршуна», и он скажет, не глядя, что это хлам. Если неофициально... да есть ли у меня такие знакомые?

«Я говорю вам: не ищите».

Герман Желудь умер почти двадцать лет назад! Или информация, как погребенная в кургане чума, не имеет срока давности?

«Разве у вас нет родных, близких?»

Он испуганно посмотрел на часы. Жена, Агата, предстоящее объяснение; да нет же у него никакой вины перед Агатой и ее семейством! Давным-давно надо было переговорить с Борисом, запереть за ними дверь и вздохнуть наконец с облегчением...

Тесемки следующей папки развязались сами собой. Вывалился полиэтиленовый пакет, крест-накрест перевязанный капроновой лентой — раньше из таких делали школьные бантики.

Фотографии. Толстая пачка чужих фотографий. Игрис разложил их в круге света от настольной лампы (для этого пришлось снять со стола несколько пыльных бумажных стопок).

Девушка, смутно знакомая. Игрис видел ее на фото в кабинете Алисии — рядом со стариком. Там она старательно позировала. Здесь, почти на всех снимках, — кокетничала.

Парень, ее ровесник, в смешном старомодном костюме. Они фотографировали друг друга — день за днем: в парке, на улице, на рыбалке, на велосипедах. На редких фото они были вместе (видимо, просили случайного прохожего «щелкнуть»). Улыбались. Держались за руки. Роман в фотографиях. Ни слова на обороте блеклых снимков, ни единой даты или подписи.

Место действия — несомненно, Верхний Крот. На одном фото Игрис узнал школьный двор с маленькими еще деревьями, на другом — здание вокзала, почти не изменившееся. Все снимки относились к одному периоду, между первым и последним прошло, вероятно, несколько месяцев. На ранних — весенних — фотографиях девушка казалась осунувшейся и грустной, в темном платье, с траурной лентой в волосах. Чем легче становилась одежда, тем светлее делалось от снимка к снимку ее лицо, и под осень — было несколько фотографий из осеннего леса — она выглядела уже совершенно счастливой...

Больше никаких фото в пачке не нашлось. Ни учеников, ни отца, ни коллег, ни друзей — только юная Алисия и незнакомый парень, фотографировавшие друг друга, и в каждом снимке отчетливо проступала влюбленность.

Вот почему она не уехала из поселка, подумал Игрис. Кто этот человек? Почему они расстались? Где он сейчас?

И какое отношение все эти вопросы имеют к главному: что за информацию безвестная провинциальная учительница выложила Алистану Каменный Берег?!

Конспекты каких-то лекций. Распечатки. Опять методички. Словари. Справочники, карты. Игрис наткнулся на старый дневник — Алисия вела его несколько лет назад, вела неаккуратно, и каждая запись была похожа на предыдущую: «Сегодня погода такая-то... в школе было то-то... говорила с... приходили родители... покрасить окно...»

Зазвонил телефон в кармане. Игрис вздрогнул.

— Я иду. Уже иду. Прямо сейчас выхожу.

— Где ты? — хриплый, напуганный голос.

— У себя в кабинете... Что случилось?

— Какого-то мага убили... Только что прошло сообщение в новостях. Там еще прохожих ранило взрывом... Игрис, возвращайся, а?

— ...Погибший, маг высокого потенциала Юлиус Хан, проходил как подозреваемый по ряду особо важных дел о применении магии во зло человечеству. При задержании сотрудники «Коршуна» применили спецсредства. Подозреваемый Хан оказал сопротивление, напал на сотрудника «Коршуна» и был убит. По делу ведется служебное расследование.

На экране сменилась картинка. Человек со свежей ссадиной на лбу взволнованно рассказывал журналистке:

— Я шел к машине от магазина, вдруг будто в глазах потемнело... Показалось, знаете, будто стрекозы летят, миллионы, все небо закрыли... Миллионы стрекоз! Почти ничего не помню — как он выбежал, как они его встретили, а когда очнулся — лежу на асфальте, и все!

Агата сидела перед телевизором, приоткрыв влажный рот. Игрис остановился рядом.

— Агата, вы уже взяли билеты на завтра или вам помочь?

— Какие билеты?

— На поезд. Или на автобус, как хотите.

— Ты что, выгоняешь нас?!

— Нет. Просто мне кажется, что вам лучше уехать.

— А ты знаешь, что нам лучше?! Ну конечно, ты все знаешь! Столичный житель, сноб надутый! Мы тебе не люди, да? Нами можно вертеть как угодно, в постель тянуть, а потом...

Он вышел, не дослушав ее. Снял телефонную трубку.

— Певец? Это Трихвоста говорит.

— Добрый день. — Певец на том конце связи, казалось, урчал, как сытый кот. — Вот и все, собственно... Грохнули потенциального манипулятора. Эфирных протоколов нет, конечно, но уже доказана его связь с адвокатами Карги...

— Сделаете покойника ответственным за убийство учительницы?

— Ему заказали скомпрометировать Алистана. Он выполнил задание на пять. Но долго после этого не прожил... Ваше дело закрывается, Игрис.

— Кто такой этот Юлиус Хан? Откуда он взялся? Его не было в «Интеркороне», он не знаком с Алисией Желудь...

— Не важно. — В голосе Певца обозначился металл. — Преступления, совершенные с помощью магии, имеют свою специфику, которой вам по некоторым причинам никогда не понять. Впрочем, спасибо — вы старались быть честным.

— А вы — нет, — вырвалось у Игриса.

— Я старался быть эффективным. У меня получилось.

— Добрый вечер, прошу прощения за поздний звонок. Это я, Игрис Трихвоста, следователь по делу... Да-да. Я был у вас. Нет. Пока все то же... У меня к вам один вопрос: двадцать лет назад у Алисии Желудь был роман. Вы не знаете, как звали молодого человека?

В трубке замолчали.

Директриса, пожилая дама, привыкла рано вставать и рано ложиться. Сейчас она, наверное, допивала свой вечерний кефир, прижав к уху телефонную трубку. Вопрос Игриса заставил ее поперхнуться.

— Я понимаю, что вопрос странный и не вполне деликатный. Тем не менее — вы работаете директором школы с тех времен, как...

— Да-да, — хрипловато произнесла женщина. — А почему вы спрашиваете? Это было двадцать лет назад...

Игрис заставил себя быть тактичным.

— Некоторые документы навели меня на мысль, что молодой человек занимал в жизни Алисии нерядовую роль. К тому же, они познакомились вскоре после смерти ее отца. Я бы хотел поговорить с ним — пусть и через двадцать лет.

— Это ничего не даст!

— Почему же? — Игрис начал терять терпение.

— Потому что... откуда вы узнали, вообще-то?

— Я нашел их фотографии. Хочу напомнить вам, что я веду дело об убийстве Алисии Желудь и сам решаю, какие свидетельства важны, а какие — нет.

— Фотографии, — задумчиво повторила директриса. — И они сняты вдвоем?

— Да.

Молчание в телефонной трубке.

— Прошу прощения?

— Это мой сын, — с неприязнью сообщила директриса. — У них в самом деле было... что-то. Не имевшее продолжения. Двадцать лет назад...

— Почему вы сразу не сказали?!

— А вы не спрашивали. Какое отношение он имеет к убийству Алисии? Да никакого!

— Единственный ключ к разгадке — личность самой Алисии. Я так понимаю, у нее не было настоящих близких друзей, кроме...

— Двадцать лет назад!

— Где сейчас ваш сын? В Верхнем Кроте?

Пауза.

— В столице. У него семья, своя сложившаяся жизнь. Какое отношение...

— Прошу прощения. Если вы назовете мне его адрес и телефон, не будет необходимости разыскивать и вызывать его на допрос через прокуратуру...

Игрис блефовал. Уже завтра скорее всего он никого не сможет вызвать на допрос по делу Алисии Желудь.

* * *

Агата плакала.

Притихшие близнецы сидели за столом в кухне, глядя то на рыдающую мать, то на Елену у плиты. Рыжий кот наблюдал за сценой с высоты холодильника.

— Непорядочно это, тетя Елка. — Агата едва могла говорить, так душили ее слезы. — У самих-то детей нет, куда вам понимать. Только о себе, о своей жизни безбедной, детей потом заведем... А когда — потом, ты и так уже пожилая первородящая...

— Игрис, — Елену разбирал нервный смех, — ну что мне с ней делать? Я ведь ей морду набью. В жизни никого не била, а тут...

— Одиннадцатый час, — отрывисто сообщил Игрис. — Дети, спать. Агата, собирать чемоданы. Через пять минут тушу свет.

— Спасибо, что согласились встретиться, несмотря на поздний час.

— Это официальный допрос? Будет какой-то протокол?

— Нет... не совсем.

— Тогда я не понимаю...

— Одну минуту. Когда вы узнали о смерти Алисии?

— Мать позвонила. Когда вы приезжали в Верхний Крот. Она звонит мне несколько раз в неделю, так что ничего удивительного.

Юноша, когда-то запечатленный на старых фотографиях в смешном мешковатом костюме, превратился в упитанного, ухоженного, лысеющего человека в хорошем плаще и дорогих ботинках. Он работал на телестудии, писал сценарии для многих сериалов, в том числе таких знаменитых, как «Замарашка», «Все ветры с запада» и «Кровь». В последние полгода был занят в группе «Под надежным крылом».

— Нет, разумеется, я не маг и не имею никакого отношения к «Коршуну». Я адаптировал некоторые их громкие дела для сериала... И это все. Бедную Алисию я не видел двадцать лет. Хотя, разумеется, мне все равно очень жаль ее.

Встреча происходила в кафе неподалеку от дома, где жил Ливан Зеленый Пруд — так звали сына директрисы. Снова начался дождь, барабанил по стеклянной крыше. Как медузы в толще вод, нависали над головой вазоны с вьющимися растениями.

— Почему вы расстались с Алисией?

— Я что, обязан отвечать?

— Не обязаны. Но ваши ответы, может быть, помогут мне понять, за что ее убили.

— За что... — Ливан потер переносицу. — Я вот тоже все время думаю. Маг? Алисию? За что?!

— Так почему вы расстались?

— А почему расстаются двадцатилетние? Обычное дело... У нее был ужасный характер. Вся в отца. Все на свете должно было происходить так, как она запланировала, и никак иначе. Поначалу я пытался смягчить ее упрямство, шутил, веселился, я был влюблен... Но она все больше становилась фельдфебелем. Не завидую ученикам... Все ее боялись.

— А не любили? Мне показалось, что о ней говорили с любовью...

— Любили — тоже, да. Не все, но многие. Но боялись — все. Она была как взбесившийся поезд, который не знает ничего, кроме своих рельсов, но уж если на рельсах преграда — снесет, не задумываясь, камень ли это, дом, человек... Ничего, что я так о покойной?

— Думаю, Алисии Желудь уже все равно, — осторожно заметил Игрис. — Вы сказали, она вся в отца... Вы были знакомы с ее отцом?

— Нет. Виделся несколько раз, вот и все. Мы сошлись с Алисией уже после его смерти. Она мне рассказывала про него — армейское воспитание, коленями на горох, дисциплина, режим... По-моему, она его ненавидела.

— Отца? За строгость?

— Но когда он умер, она впала в жуткую депрессию. Думали, сама отправится за ним в гроб.

— Можно понять.

Ливан отхлебнул из рюмки коньяку, которым угостил его Игрис.

— Вы, значит, следователь? Хороший коньяк... Зачем вам это надо — отец, Алисия, наши отношения?

— Чтобы понять...

— Ах да. Вы уже говорили. Ничего вы не поймете. Это было слишком давно... И потом, вы думаете, она рассказывала мне все? Она даже мне всего не рассказывала. Такая скрытная была.

— Было что скрывать?

— Не знаю. — Ливан задумался. — Но скрытность была ее второй натурой. Какие-то секретные кармашки, тайнички...

— Она не интересовалась магией? Никогда?

Ливан повертел в пальцах рюмку, глядя, как маленьким водоворотом закручивается янтарная жидкость.

— Одно время она увлекалась, чисто теоретически, магией в связи с экологией. После Коптильни ей взбрело в голову, что маги просто обязаны решать экологические проблемы: собственно, в этом их предназначение. Писала в журналы, возмущалась, что ее не принимают всерьез... Купила на букинистической распродаже какие-то книги... Кстати, много позже были разработки в этом направлении, я читал. А тогда поэты воспевали черные дымы над городом как символ развития, будущего, счастья...

— И что же — Алисия потом отказалась от этой идеи?

— А что она могла сделать? Сама она к магии не имела никакого отношения...

Ливан снова глотнул. Зажмурился.

— Да... Еще у нее была страсть к ритуалам. Можно было разбрасывать вещи, не мыть посуду, но ни в коем случае нельзя ставить сумку на стул. А стеклянную вазу нельзя убирать с этажерки, и когда я один раз ее переставил — Алисия впала в ярость...

— Вы жили вместе?

— Нет, — неохотно признался Ливан. — Это же поселок, какие-то правила приличия, да и времена не такие свободные... Алисия получила полдома в единоличное пользование, а я — я бывал у нее в гостях... Но чаще мы гуляли. Мать говорила о каких-то фотографиях?

— Да. Я нашел ваши фото в архиве Алисии.

— Я бы хотел... чтобы вы мне их отдали.

— Понимаю. Но только после того, как дело будет завершено.

Ливан тоскливо вздохнул.

— Все это было так давно...

— Вы упомянули страсть к ритуалам.

— Да. Но это были не болезненные ритуалы, как у сумасшедших. Это был какой-то придуманный мир, в который она играла... Скажем, в полночь после дождя собирать на бульваре червяков-выползков. Почему именно в полночь? «Я так хочу». Гроза — это вообще было нечто особенное, «чистое время», а куда молния ударит — «знак»... А Равелину и Двенадцати она поклонялась, как какому-то божеству: она с ними говорила, я сам слышал. В школе как раз устанавливали памятный знак...

Ливан вдруг замолчал, будто что-то вспомнив.

— Да-да?

— Ну вот. — Ливан мигнул. — Плиту устанавливали. Вы видели этот памятник?

Игрис вспомнил цветы, принесенные школьниками, на мраморе возле школы.

— Да.

— В день открытия памятника она зажгла свечу у себя на пороге и понесла на школьный двор. День был ветреный. Она возвращалась раз десять, все время свеча гасла. Ну, в стакан бы поставила, раз охота ритуал соблюсти... Нет. Она возвращалась. Уже под утро донесла, когда ветер немного утих, поставила к памятнику и стояла рядом, такая счастливая... Это было незадолго до нашего разрыва. Она сказала, так высокопарно, пафосно: «Он безумный лжец, но я все искупила жертвой. Я вернула его героям». Она обожала такие выражения.

— Это о ком?

— Не знаю. Меня так вымотала эта ночь, я так злился... Думаю, это она об отце.

— «Искупила жертвой»? О чем она? «Вернула его героям»? Что это значит?

— Двадцать лет назад, — снова заныл Ливан. — Не помню. Не имею понятия. Так давно... Зачем ворошить, а?

— Когда вы разговаривали с Алисией в последний раз? — спросил Игрис, все еще думая о странных словах двадцатилетней давности.

Ливан вдруг напрягся.

— Я ведь говорю, мы не виделись с тех пор, как я уехал из Крота, почти сразу после разрыва, и больше мы никогда не встречались. У меня семья, дети, хорошая работа, но очень мало свободного времени...

— А по телефону она не звонила?

Ливан хлебнул коньяка. Лицо его чуть покраснело. Сейчас соврет, подумал Игрис.

— Не... то есть... Бывало несколько раз, что она звонила. Три или четыре раза за все это время. Она привозила детей на экскурсию, однажды я им устроил билеты в театр... Но мы не виделись.

— Когда она вам звонила в последний раз?

Розовые щеки Ливана сделались пунцовыми.

— Я не помню. Мне пора идти. Уже очень поздно. Если вам понадобится вызвать меня официально — пожалуйста. Только я приду с адвокатом, как это принято у...

— Вам ничего не грозит. Вас никто ни в чем не подозревает. Я только хочу понять, что случилось с Алисией. Скажите мне.

Ливан тяжело задышал. На его лице была написана борьба: сейчас он встанет и уйдет, и тогда, весьма вероятно, ему не миновать повестки, придется платить адвокату и, возможно, отчитываться перед женой. Коготок увяз — всей птичке пропасть...

— Она позвонила мне утром... Около восьми... Несколько дней назад.

— Вас никто ни в чем не обвинит, — все так же мягко повторил Игрис. — Когда конкретно, вы не помните?

— Двадцать девятого августа, — с гримасой боли пробормотал Ливан. — Угораздило же...

Игрис почувствовал, как прилипает к спине рубашка. Захотелось встать, сгрести телевизионщика за ворот, тряхнуть; вместо этого он ласково, как ребенку, улыбнулся.

— Мы говорим без протокола, без свидетелей, без формальностей. Просто помогите мне. О чем она вас просила?

— Почему именно «просила»?

— Она приехала в столицу с утра, одна, вероятно, ей что-то было нужно от вас...

Ливан тупо разглядывал пустую рюмку.

— Заказать еще? — предложил Игрис. — Граммов сто?

— Нет. — Ливан вздохнул. — Она спросила меня, не знаю ли я лично кого-то из наших консультантов в «Коршуне». Это если идет фактический материал об их работе, чтобы не было ошибок и чтобы верно все отображалось...

От волнения Ливан сделался косноязычным.

— И вы...

— Не хотелось ей отказывать. Я дал ей три номера... Двух каких-то ассистентов и, по ошибке, телефон... Алистана Каменный Берег. Я просто посмотрел мимо, я был сонный... А когда понял свою ошибку, уже было поздно. Я лег спать. А через два дня позвонила мама... Молодой человек! — Ливан махнул рукой официанту. — Еще сто пятьдесят того же самого коньяка...

Он перевел дух. Игрис сидел перед ним, боясь шелохнуться.

— Я не обязан был все это рассказывать, — торопливо сказал Ливан. — Меня не вызывали на допрос. Ни о чем не спрашивали. Я понятия не имею, почему он убил Алисию. Я ни в чем не виноват.

— Все, как я и говорил, — скучно покивал шеф. — Дело окончательно переходит «Коршуну». Твоя работа признана неудовлетворительной.

— Кем признана?

— Межведомственной комиссией.

— Когда успели?

— А долго ли, умеючи? — Шеф грустно усмехнулся. — Хотел я тебя вытянуть из этого дерьма. А теперь долго отмываться будешь, на повышение не пойдешь...

— У меня есть свидетель. Алисия не была под манипуляцией — она вполне осознанно позвонила с вокзала старому другу и узнала у него телефон Алистана...

— Старый друг свободно располагает телефоном одного из шефов «Коршуна»? Кто это?

— Телевизионщик, его фамилия Зеленый Пруд. Послушайте, ведь тот факт, что она не могла знать номера Алистана, они приводят в доказательство своей версии...

Шеф покачал головой.

— У них есть масса других «доказательств». Маги... бывают очень неприятными. Особенно когда борются за своего.

— Это в самом деле магия, — сказал рыжий крепыш в кожаном кресле.

Он взял за консультацию сумму, приведшую Игриса в трепет. Тем более что платить пришлось из своего кармана. В богатом офисе под вывеской «Магическая консультация: юриспруденция, быт, прочие аспекты» было прохладно и сухо, еле слышно ворчал кондиционер, в глубине аквариума висели, чуть шевеля плавниками, огромные яркие рыбы.

На столе перед рыжим крепышом лежали те самые листы с пометками, обнаруженные Игрисом среди бумаг поселковой учительницы.

— Что конкретно?

— Вот это, например, фильтрация загрязненного воздуха. Гм... Это в самом деле должно работать, хотя заклинание очень трудоемкое. Публикации прошлых лет, когда об этом всерьез никто не задумывался.

— Магия и экология?

— Да. Вот именно. Это разрозненная подборка материалов, вот что-то на машинке перепечатывали. Системы особенной я не вижу, но тематически — магия на службе экологии. Вы правы.

— Спасибо, — сказал Игрис.

— Они никуда не уехали. — Елена курила, сидя на стуле посреди кухни. Она не брала сигарету уже лет шесть.

— Почему? — Игрис открыл посудомоечную машину и принялся складывать в нее грязные тарелки из высоченной стопки перед раковиной.

— Не достали билетов. Завтра достанут. Или не достанут.

— Я возьму им билеты... Елка, брось сигарету.

— Это никогда не закончится. — Жена вздохнула. — Никог-да. Слушай, я сниму квартиру возле своей работы, и...

— Это закончится завтра.

— В который раз...

Он запустил посудомойку. Вытер руки полотенцем.

— В последний раз. Обещаю.

Елена заснула, едва коснувшись подушки. Игрис долго маялся: будить ее? Не будить? Он страшно соскучился по жене. Но у Елены было такое усталое, такое несчастное лицо, что он не решился ее тревожить.

Он больше не властен над этим делом. Все, можно выбросить из головы и Алисию Желудь, и Алистана Каменный Берег. Посмотреть на досуге пару серий «Под надежным крылом»: скоро небось покажут и про Болотную Каргу...

За стеной захныкал ребенок. Тонким голосом прикрикнула Агата: ребенок замолчал. Бедные двойняшки, с такой-то мамашей...

Герман Желудь всю жизнь работал на вредных предприятиях. Он не был магом, но собирал — или получил от кого-то? — разработки по магическим экологическим проектам. Разрозненные, устаревшие. Но ведь Алисия их-то с собой не взяла. Возможно, были другие? Материалы, которые Алистан Каменный Берег счел угрозой человечеству...

В полусне Игрису привиделся высоченный обрыв — каменный берег... Каменный Берег. Человек на краю, человек с лицом Алистана, и черный смерч, наступающий из бездны, морок, за которым идет конец света. Человек с лицом Алистана вскинул руки, из пальцев его, красиво ветвясь, прыгнули в небо молнии, и в этот момент в сознании Игриса кто-то сухо и буднично сказал:

— Слово погибели номер пять.

Игрис проснулся.

Прошло всего несколько минут. Елена спала. За стеной кто-то мерил шагами комнату. Агата? Или ее молчаливый Борис? Тоже не может уснуть...

Топ-топ. Топ-топ-топ. Качнулась форточка под порывом ветра. Где-то очень далеко заворчал гром.

«Он безумный лжец. Я все искупила жертвой. Я вернула его героям». Алисия Желудь, при всей своей внешней обыкновенности, была фанатичкой. Разумеется, Ливан Зе-

леный Пруд испугался, шарахнулся от этого огня, одновременно светлого и мрачного. Она была чем-то похожа на Алистана Высокий Берег — тоже присвоила себе право решать за всех, «искупать жертвой». Они близнецы — убийца и убитая. Маг и поселковая учительница. Знать бы, о чем они говорили...

Если бы показания Ливана Зеленый Пруд появились в первые дни расследования! Если бы...

Игрис перевернулся на другой бок. Что-то осталось в разговоре с Ливаном, какая-то непроясненная деталь.

«В школе как раз устанавливали памятную плиту...»

В этот момент Игрису показалось, что Ливан что-то вспомнил, но не сказал вслух. Наоборот, заторопился, стал рассказывать о странностях Алисии и добился своего — переключил внимание собеседника. Свечка, двадцатилетняя учительница несет свечку на ветру...

Который час?

Игрис встал, в одних трусах прошел на кухню и набрал мобильный номер Ливана. Половина двенадцатого ночи. Следствие закончено. Зачем?..

— Алло! — отозвалась трубка.

— Извините за поздний звонок. Это Игрис Трихвоста, следователь.

— Вы знаете, который... А. Да. Здравствуйте. Чего вы теперь-то хотите?

— Вы мне что-то хотели сказать о памятнике.

— О чем?

— О мемориальном знаке на школьном дворе. О нем и Алисии Желудь.

— Понятия не имею, о чем вы. Алисия была случайной жертвой, она оказалась под властью мага-манипулятора, все подстроили адвокаты Болотной Карги, это свершившийся факт! Нам заказали новую серию «Под надежным крылом» с таким сюжетом...

— Ливан. Алисию убили потому, что она обладала некой информацией. Если убийца решит, что вы тоже что-то знаете — новую серию будут делать без вас.

— Вы... — Голос в трубке дрогнул. — Да что вы такое говорите? Я ничего не знаю, я не видел се...

— ...двадцать лет. Что вы не досказали мне — о памятном знаке в поселке?

— Я не знаю. Я не уверен. Она меня не посвящала. Я однажды случайно увидел.

— Что?

— Кажется... Кажется, у нее там тоже был тайник.

«Он безумный лжец. Я все искупила жертвой. Я вернула его героям».

Игрис вывел машину из гаража. Снял с крыши велосипеды. Они с Еленой так давно собирались покататься в выходные...

Три с половиной часа на поезде. Сколько времени займет путь по трассе? Ночь, пусто. Свободное шоссе. Игрис развернул на коленях распечатанную карту; там еще грунтовка, а в последнее время идут и идут дожди...

За рулем он успокоился.

Он едет для очистки совести. Поспешит и вернется к утру. И тогда уже выкинет из головы Каменный Берег, Алисию, магию, экологию, Ливана Зеленый Пруд, Певца и заодно шефа. Пусть кто угодно получает повышение, Игрис и ухом не поведет — он живет не ради карьеры, он свободный человек, а когда уедет Агата с семьей — так и вовсе освободится...

Белая дорожная разметка горела в лучах фар. Ветер выл, обтекая машину, несущуюся, как болид. Гроза обошла стороной, небо прояснилось, показались звезды. На трассе было так пусто, что Игрису опять не ко времени вспомнилась Болотная Карга: вот так же ночью, на другой дороге — не прямой, туманной, скользкой, путешественник ощущал вдруг непреодолимое желание остановиться...

А ведь старуху теперь посадят, подумал Игрис.

Верхний Крот спал. Четыре часа утра; в окнах школы не светилось ни огонька.

Игрис выбрался из машины, облитой грязью от крыши до днища. На грунтовке пришлось тяжело: лужи, ямы. Зато он ни разу не пропустил поворот и не сбился с пути.

Он вытащил фонарь из «бардачка». Калитка была прикрыта, но не заперта. Есть ли в школе сторож? Спит ли? Игрис не собирается ничего воровать...

На асфальте двора он разглядел меловую разметку: несколько дней назад здесь прошла линейка, праздник первого звонка. Памятник Равелину и Двенадцати был завален цветами.

Он сразу увидел трещину. Это о ней говорила учительница химии Дана: «Молния ударила в мемориальную плиту, камень раскололся, да так неудачно...»

Трещину пытались замазать, спрятать, и частично это удалось. Игрис ближе поднес фонарь; под барельефом Равелина были высечены на камне двенадцать портретов, трещина проходила через лицо третьего справа героя. Это был, кажется, Сталевар: его всегда изображали с усами, и смотрел он сурово. Правда, на этой глыбе все изображения условны...

Тонкая черная линия пересекла лицо Сталевара пополам. Казалось, что герой подмигивает. Игрис провел рукой по мрамору. Надо быть сумасшедшей, чтобы устроить тайник в памятнике на виду у всех...

Или, наоборот, необычайно хитрой и умной?

Черная плита с барельефом, поставленная вертикально. Серая горизонтальная плита, на которой теперь лежат цветы. Под цветами — Игрис помнил — гладкий мрамор. Где здесь прятать?

Он наклонился. Постамент казался сложенным из камня, из огромных булыжников. Или это фальшивая стенка, камнем обложено бетонное основание? Но тогда тут и подавно нельзя устроить никакого тайника...

Ливан, сволочь, отомстил надоедливому следователю. И претензий ведь не предъявишь: «Двадцать лет прошло... Я же сказал, что не помню точно...»

Промежутки между камнями были залиты раствором, заполнены пылью, мхом, и ясно было, что если здесь и был тайник — к нему никто не притрагивался по крайней мере с прошлой весны. А может быть, с позапрошлой. Где-то залаяла собака, тут же отозвалась другая. «Ну и дурак же я. Что подумает Елена, когда проснется?!

Он наугад потрогал один камень в основании памятника. Другой. Бесполезно...

Третий камень чуть заметно покачнулся под его рукой.

Игрис принялся расшатывать его. Полетела крошка. Что он делает, ломает мемориал посреди поселка, самый скверный школьник на такое не решится...

Камень отделился от кладки. Открылось темное отверстие. Игрис сунул туда руку — пусто. Пусто! Неровная полость, бетонные волглые стенки, рука тут же измазалась в какой-то плесени...

И только в самом дальнем краю, у стены, пальцы Игриса нащупали полиэтиленовый сверток.

Он гнал, как сумасшедший. Рассвет застал его на половине дороги. Несколько раз пытался дозвониться Елене, но телефоны были выключены — жена спала. Заросший щетиной, с воспаленными глазами, он загнал машину в гараж в начале девятого утра. Тихо отпер внутреннюю дверь и на цыпочках просочился в дом.

Его поразили тишина и полумрак. Все шторы были задернуты, жалюзи опущены. Все спят...

Игрис заглянул на кухню. Посуда оказалась вымытой и расставленной на полках. Дверь комнаты, в которой жили Агата и Борис с детьми, была приоткрыта. Оттуда не доносилось ни звука.

Игрис заглянул краем глаза. Потом просунул голову. Кровать пустовала, раскладушки, на которых обычно спали дети, стояли рядом у стены — сложенные и даже упрятанные в чехлы. Шкаф открыт. Чемоданы и вещи исчезли. Игрис снова посмотрел на часы: восемь часов двадцать минут...

— Ваши родственники уехали.

Игрис обернулся.

Алистан стоял в глубине прихожей. Алистан Каменный Берег. По своему обыкновению чуть рассеянный, расслабленный, отрешенный.

— Вас выпустили? — после короткой паузы спросил Игрис.

— Можно сказать и так.

— Вы вырвались из-под стражи?!

— Меня трудно остановить. Что вы нашли?

Цокали часы на стене прихожей.

— Где моя жена? — быстро спросил Игрис.

— Спит.

— Она ничего не знает.

— Разумеется. Так что вы нашли?

— Ничего.

Вряд ли удастся что-то утаить от человека, который всерьез занимался механикой. А Слово погибели, как теперь известно, убивает мгновенно. Замедлилось время; Игрис говорил неторопливо, спокойно, дружелюбно:

— Я ничего не нашел. Ее отец хранил магические заметки, связанные с экологией, но это мусор, ничего существенного. Вы зря вломились ко мне в дом, Алистан.

— Я же вас просил, — тихо сказал маг. — Вы же нормальный, разумный человек... Зачем вы?..

Игрис понял, что не может сделать ни шага. Ноги его приклеились к полу. Это не было последствием шока, это не было поэтическое преувеличение; Игрис стоял, как столб, впервые в жизни ощущая, что такое чужая воля внутри. Воля манипулятора.

Не паниковать.

Глядя Игрису в глаза, маг-убийца медленно повернулся. Поднял сумку, лежащую у входной двери:

— Вот это вы привезли из Верхнего Крота? Да? И там, внутри, ваша добыча?

— Я не знаю, что это. Я еще не смотрел.

Игрис говорил правду. Внутри свертка оказалась одна древняя кассета. Прослушать ее можно было только на антикварном магнитофоне, коротавшем век на веранде. Если пленка цела. Если не размагнитилась.

Алистан дернул застежку на сумке. Безошибочно вытащил сверток — грязный, волглый полиэтилен, обернутый свежей рекламной газетой.

— Такая простая вещь, — сказал Алистан задумчиво.

— Я видел вашу жену, — проговорил Игрис. — Ради нее и ради вашего сына — не делайте глупостей.

Алистан уронил на пол газету. Развернул полиэтилен, один слой за другим. Двумя пальцами вытащил кассету.

— Что здесь, как вы думаете, Игрис?

— Послушайте, у меня заканчивается терпение. Отпустите меня!

Алистан вздохнул.

— Я мог бы уничтожить эту вещь сейчас так, чтобы даже пепла не осталось. Но теперь, после всего, что вы сделали, я хочу, чтобы вы ее прослушали. Вы заслужили. — Он скверно усмехнулся.

Игрис молчал.

— Нам обоим повезло, если она испорчена, — продолжал маг. — Но я вижу, что она цела... скорее всего. Я долго думал, у меня оказалось много свободного времени. И, знаете ли, я тоже хочу послушать. Любопытство — неправильный двигатель. Но очень уж сложно устоять.

— Алистан, вы ведь не сумасшедший. Побег, взлом, манипуляция сотрудником прокуратуры... Будет только хуже!

— Хуже? — Алистан вопросительно поднял брови, отчего сморщился его высокий, с залысинами, лоб. — Куда хуже, Игрис? Я покойник... Так я себя ощущаю. А вы — вы столько усилий потратили, чтобы обесценить все, за что я так дорого заплатил... Где вы это нашли?

— В тайнике под мемориальной плитой. На школьном дворе в поселке Верхний Крот.

— Как долго и как сложно, — пробормотал Алистан. — Наверняка я расспросил ее о тайнике. Но решил, что никто не доберется. Вероятность была ничтожная.

Это правда, подумал Игрис. Его ноги затекли, он почти не чувствовал ступней.

— Вы больше не ведете дело. — Маг покачал кассету на ладони. — Тогда зачем? Ради выслуги? Чтобы кому-то что-то доказать?

— Ради правды.

— Не смешите, Игрис.

— Я вправе знать, что вы решили утаить от меня. Вы мне не нянька и не цензор, Алистан. — Его злость брала верх над осторожностью, и он нарочно злился, чтобы заглушить страх. Чувство подвластности чужой воле пугало до одури.

— Сейчас я отпущу вас, — сказал маг-убийца. — Только не надо резких движений. Не пытайтесь выйти из дома или

кому-то позвонить. Ваша жена не проснется, пока я ей не разрешу... Где магнитофон? Я тоже хочу узнать, что записано на этой кассете.

Кассета сохранилась отлично. Она была из прозрачного пластика, очень легкая: всего по пятнадцать минут записи на каждой стороне. Первая сторона оказалась пустой — Алистан терпеливо слушал тишину и шорохи, не пропуская ни секунды. Игрис тоже слушал. За окнами веранды прояснялось небо, пели синицы на яблонях. Тянулась лента, магнитофон молчал, Игрис испытывал попеременно облегчение и ярость, разочарование и стыд.

Магнитофон щелкнул. Пленка закончилась.

— Ясно, — кротко сказал Алистан. — Перевернем.

Игрис перевернул кассету. Снова потянулась тишина, подернутая шорохами, как старое полотно трещинками.

— Ты слушаешь это, значит, я умер, — сказал резкий старческий голос.

Игрис еле удержался, чтобы не вздрогнуть. Алистан поднял голову. Последовала пауза. Кассета вертелась.

— И очень хорошо, — сварливо сказал старик. — Я расскажу тебе. Это надо для справедливости! Можешь сказать потом, что я выжил из ума. Но это не так. Я, Герман Желудь, в здравом уме и трезвой памяти расскажу, что со мной было, и что было на самом деле...

Наверное, старик делал эту запись, очень низко склонившись к микрофону. Он говорил то очень быстро, взахлеб, то надолго умолкал, и тогда слышно было его дыхание.

— Мое прозвище было Жук, из-за усов, его — Тихоня. Все наши знали, что он за тихоня, а чужие ловились, бывало, на его невинный вид, снаружи он был тюфяк тюфяком... Ни один памятник не похож на него. Только тот, что в парке, и то немного. Я никогда не знал про него правды... Время заканчивается, а я болтаю невесть что... Слушай, дочка. Дослушай до конца и прокрути еще раз. Нас было двенадцать человек. Вечером второго сентября...

Игрис нажал на кнопку «Стоп», лента остановилась. Он не смог бы объяснить в этот момент, почему так сделал: рука

сама поднялась и нажала на черную клавишу. Маг-манипулятор был тут ни при чем.

— Это не документ. Это семейная реликвия. Болтовня старика, давно выжившего из ума.

Алистан молчал. Он сидел в плстеном кресле, закинув ногу на ногу, и смотрел в окно на галдящих синиц. У Игриса звенело в ушах — казалось, надвигается чудовищное землетрясение, идет волна, и пенная верхушка ее уже видна на горизонте.

— Это семейное дело чужих умерших людей, — повторил он с нажимом. — Мне неприятно это слушать.

— А придется, — тихо сказал Алистан.

Скрипнуло кресло.

— Вы же хотели узнать правду? Я вам не нянька и не цензор. Слушайте! Знайте правду, вы так трудились, чтобы ее добыть!

— Это не правда. Это не документ. Это...

— Тем более. Почему вы нервничаете, как девица? Вы, следователь, как я понимаю, с опытом? Почему Алисия Желудь дослушала это до конца, а вы пасуете?

— Ладно, я дослушаю, — сказал Игрис. — Но я не верю ни единому слову!

Щелкнула черная клавиша.

— ...на воссоединение с другим отрядом. Потом мы разделились. Мне было велено сидеть за баррикадой и никого не пускать. Легко сказать — никого. Когда повалила толпа с винтовками, я рванул было назад...

Голос старика отдалился, зазвучал глухо, как в бочке. Он говорил теперь отрывисто, надолго умолкая, преодолевая хрипоту:

— ...Никому не рассказывал. Вернулся к баррикаде, подпустил их поближе и открыл огонь. Один. Против целой роты! Они не ждали, их так и покосило, остальные залегли и стали палить уже по мне... Я обгадился. Но менял ленты и стрелял. Хоть и не хотел. Какой, к лешему, героизм! Он *вступил* в меня и водил, как куклу. Я же не знал, что он маг. Никто не знал. Нас было двенадцать человек, всякому доро-

га своя шкура, а на прочих плевать. Он поднял нас и повел. Все померли, Студента пополам разорвало, я видел. Потом ничего не помню... Меня тоже приняли за труп... Пришел в себя, кругом уже пируют, уже ревут: «Слава Равелину!» Я тогда только вспомнил, как его звали, а то все Тихоня да Тихоня...

Странный звук прорвался из динамика. Старик плакал.

— ...тоже герой и мертвец. На самом деле я не Герман и не Желудь, а Парм Гнилой Мост, в любом учебнике мое имя есть. Документы фальшивые после войны справил. А настоящие приберег... Они под полом. Знаешь, где искать. Там же и письма, и все, что я записал... Прости меня, дурака, но вот так вышло, и не могу помереть с этой тайной. На центральной площади, третий справа, я стою, с усами... Да и на любой памятной доске. Можешь прийти поглядеть... Даже похож, как я был в молодости... с тех пор усов не носил никогда... Живи, дочка, будь счастлива, выйди замуж, внуков мне нарожай... Если суме...

Кассета закончилась.

Алистан сидел, не шевелясь, только покачивая носком ботинка. Игрис чувствовал, как немеет лицо. Будто под анестезией.

Болотная Карга построила «пряничный домик» недалеко от шоссе, где часто пропадали машины. Она играла людьми, как в куклы. Она манипулировала...

Если верить человеку, чей голос сохранился на кассете, — маршал Равелин тоже был манипулятором. Тогда выходит, что памятник Равелину и Двенадцати — монумент в честь манипулятора и его жертв. В день Памяти к нему возлагают цветы не просветленные люди, исполненные любви и достоинства, не соотечественники героев, а жертвы колоссального обмана, марионетки.

— Да-да, — прошелестел Алистан. — Именно так. Именно... Женщина носила это в себе двадцать лет. Что случилось, что она не утерпела?

— Молния.

— Что?

— Молния разбила памятный знак. — Игрис едва шевелил губами.

Он вспомнил: трещина прошла по лицу третьего справа. Сталевара, чье настоящее имя — Парм Гнилой Мост. Алисия была очень суеверной. Тут и несуеверный призадумался бы.

— Я не верю, — сказал Игрис. — Это бред.

— Мне-то она принесла доказательства, — по своему обыкновению отрешенно проговорил Алистан. — Я-то не сомневался в правдивости ее слов. В том, что ее отец не бредил и не лгал. Зачем ей понадобился маг? Именно из «Коршуна»? Она смотрела сериал... «Под надежным крылом». Там полно сюжетов, когда человек приходит в «Коршун» со своей тайной... со свидетельством о магическом преступлении... и получает помощь.

Алистан, казалось, говорил сам с собой, забыв о присутствии другого. Игрис вдруг почувствовал себя грязным. С головой выкупанным в дерьме и нечистотах.

— Это бред! — услышал он собственный голос. — Грязная провокация, непонятно зачем... Так оболгать... Я не верю в эту чушь!

— Верите, — кротко сказал Алистан. — Более того — знаете. И никогда не будете жить, как раньше. Из вашей жизни вырвали большой, светлый, счастливый кусок.

Он открыл магнитофон и вытащил кассету. Положил на плетеный стол перед Игрисом.

— Вот то, чего вы добивались. Берите. Это правда.

— Это ложь.

— Это правда. Идите, обрадуйте жену... Знаете, найдутся люди, которые придут в восторг. Кто-то захочет заткнуть уши, не поверит с первого раза, но пройдет несколько лет — и не останется никого, кто верил бы в подвиг Двенадцати.

— Это не предмет веры! Это исторический факт! Которому есть свидетели, есть документы...

— Вам еще раз показать, что такое манипуляция? Или вы уже все поняли?

Игрис не поверил своим глазам: маг-убийца сидел, развалившись в плетеном кресле, и, кажется, ликовал.

— Дар манипулятора — относительно редкий. Определяется нелегко. Если все, кем манипулировали, гибнут, как это было в случае с госпожой Стри, — тайна хранится сколь угодно долго. Двенадцать в самом деле совершили то, что

совершили, но двигала ими не любовь, не ярость, не вера в победу, не преданность своему народу. Ими двигала чужая воля, грубо и безжалостно. Они орали от страха, пачкали штаны, корчились. Это было, наверное, жуткое и жалкое зрелище... Они не герои, которых помнят столетия после смерти. Они...

— Чему вы радуетесь?!

У Игриса перехватило дыхание. Он хотел встать — и тут же рухнул обратно в кресло. Заговорил прерывисто, как старик, чей голос записан на пленку:

— Все равно, что ими двигало! Человек может орать от ужаса, но делать свое дело! Страна распалась бы, погрязла в войне и голоде, возможно, никто из нас не родился бы! Кем бы они ни были — они герои!

— А Равелин?

— Тоже герой! Потому что он сделал невозможное. А если не было другого пути? А если... ладно, хорошо, он был манипулятор. Но он был гениальный политик, то, что он сделал потом, не объясняется одной только манипуляцией! Мы стольким ему обязаны, что можем простить...

— Все простить? Или чего-то не можем? — Алистан улыбался.

— Чему вы все-таки радуетесь?!

— А как вы думаете?

Игрис опустил плечи. Все, чего ему в этот момент хотелось — лечь на кровать, закрыть глаза и больше никогда не просыпаться. «Не ищите... Информация убивает...»

Он вспомнил, как мчался по трассе на обратном пути. Сколько раз скользили колеса на влажном покрытии. Сколько раз он рисковал слететь в кювет или вписаться в столб. Может быть, в этом и заключалась бы высшая справедливость? Это и было предначертано судьбой, но из-за сбоя в программе не сбылось.

Кусочек пластика. Несколько метров магнитной ленты. Слово погибели.

Как хорошо было бы сейчас валяться на обочине рядом с искореженным автомобилем. Кассету никто не стал бы слушать — в суете ее выбросили бы в урну, а потом сожгли на мусороперерабатывающей фабрике...

— Вы хотели, — начал он, не глядя на Алистана, — хотели узнать, оправданно ли было... стоило ли ради этого...

— Стоило ли убивать невинную женщину? — кротко спросил Алистан. — Да. Мне очень хотелось знать. Потому что убийцей быть страшно. Я все думал, думал — зачем? И теперь я знаю... Как по-вашему? Стоило ее убивать?

— Я не бухгалтер, — пробормотал Игрис. — И у меня нет линейки, чтобы измерять чужие жизни.

— Мне приятно на вас смотреть. Именно так, я надеялся, вы будете выглядеть, когда столь обожаемая вами правда наконец доберется до вас.

— Я рад, что вам приятно. Что вы теперь будете делать?

— В смысле?

— Вы ведь не выпустите эту информацию за пределы веранды. Меня вы тоже — Словом погибели?

— Вас? Нет. В вашем случае можно зачистить память на час назад, лучше — чуть больше... Но я не стану этого делать.

— Не станете?

— Вы хотели правды, — вкрадчиво сказал Алистан. — Тренируйтесь с ней жить.

Он легко поднялся из кресла.

— Ваша жена проснется, когда вы назовете ее по имени. Мне пора возвращаться под стражу, пока не хватились... Знаете, я не чувствую себя виноватым перед вами. Хотя поступаю сурово.

— Как? Как вы со мной поступаете?!

Маг обернулся через плечо. Он казался помолодевшим, вновь обретшим вкус к жизни.

— Оставляю вам этот выбор, дружище. Я за свой заплатил. Дело за вами.

И он взглядом указал на кассету, по-прежнему лежащую на столе.

Святослав Логинов

ГОСТЬ С ПЕРФОРАТОРОМ

Георгий явился в гости с перфоратором. Эдакая бандура, напоминает электродрель, но вращается медленнее, а грохочет вдесятеро громче. К слову сказать, было воскресное утро, когда нормальные люди ещё спят, а я поднялся только потому, что собирался ехать на дачу, где ожидали необработанные клубничные грядки.

Воскресное утро и перфоратор — да я сам бы убил любого, кто предложит подобное сочетание. Утешало только то, что ничего долбить я не собирался. Ремонт в трёхкомнатной квартире был только что закончен, и касаться чудовищным сверлом белой с зеленью шелкографии я бы не позволил даже родному брату. Следовательно, перфоратор не по мою душу, а Георгий забежал по какой-то иной надобности.

Как я ошибался!

— Значит, так, — приступил к делу Георгий, примостив долбило на подставку для обуви. — У тебя в соседях кто живёт?

— Банеевы живут, Ленка с мужем и пацанёнок у них. Только ты учти, Фёдор мужик простой и работает сутками. Попробуй включить свой аппарат, когда Фёдор после ночной смены пришёл, так он тебе башку оторвёт. А я скажу ему «спасибо».

— Банеевы у тебя напротив живут, в трёшке. А рядом кто, через стенку?

— Фиг его знает. Дядечка какой-то, меня вроде постарше. Старый холостяк или вдовец. Живёт один, ни с кем не общается. Его и не слыхать никогда.

— А, вот то-то и оно! — закричал Георгий. — Понял теперь?

— Ничего не понял, — ответил я.

— Беда с тобой... Ну, слушай. Вот люди, они где живут? Правильно, в городе. А город это такая сложная штука — ни-

© С. Логинов, 2011.

какому биоценозу с ним не сравниться. Это ведь только кажется, что собрались люди в кучу, и больше там ничего нет. На самом деле город не только людей из деревень и маленьких городков высасывает, не только энергию тянет и воду пьёт — он всего касается, живого и неживого. Крыс в городе больше, чем людей. А сообщества голубей, ворон, воробьёв? Это всё тоже город.

— Ты хочешь сказать, что у меня за стенкой проживает сообщество крыс и воробьёв?

— А ты не смейся. Скоро и до этого дойдёт. Совы и летучие мыши чердаки давно освоили, в штабелях лесного порта хорьки и ласки водятся, белки по паркам бегают, и никто их не бьёт. Думаешь, спроста? На помойках тумаков больше, чем бродячих собак. А бомжи? Ты хоть пробовал с ними разговаривать? Там половина и не люди вовсе, а йети, алмасы и прочие представители неопознанных гуляющих объектов. Овинники, лешие одичавшие, вернее, цивилизовавшиеся. Хуже всех — големы, о них ты небось и без меня слыхал. Но эти вроде не пришлые, а прямо здесь вывелись. Кстати, заметь, они в основном по подвалам прячутся и теплотрассам, к земле поближе. А на чердаках элементали и бормотники, это их экологическая ниша.

— Что-то ты всё в одну кучу свалил. Белочки в городских парках — это одно, а канализационные големы, которых, может, и вовсе нет, — совсем другое.

— Это я для примера.

— Так и я — для примера. Хочешь, чтобы тебя слушали, говори дело.

— Хорошо! — объявил Георгий и схватил перфоратор, словно без него дело говорить не мог. — Слушай сюда и не перебивай. Знаешь ли ты, что в каждом многоквартирном доме непременно есть одна нежилая квартира?

— Это ты о резервном фонде, что ли?

— Какой резервный фонд, опомнись! Весь резервный фонд давно приватизирован чиновниками из управления городским имуществом, и там обустроены частные гостиницы для нелегальных эмигрантов. Если бы у тебя за стенкой такое завелось, ты бы это немедленно почувствовал любым органом чувств. Ты своей головой рассуди: стена между вашими квар-

тирами чисто номинальная. Попробуй свинти розетку в своей спальне — там сквозная дыра в спальню соседей. Если у них с той стороны ничего в розетку не включено, тебе не только всё слышно будет, но и видно. Какова ситуация? В самый раз для анекдотов!

— А если с той стороны шкаф поставлен?

— Тогда будешь шкаф созерцать.

Георгий рассмеялся плотоядно и вернулся к своей теме.

— А теперь думай внимательно и упорно. Ты своего соседа видел хоть раз?

— Видел когда-то... Не помню.

— А я тебе скажу: не видел. У тебя ложная память работает. Внушено тебе, будто знакомился некогда с соседом и о чём-то беседовал. Это чтобы ты зря не дёргался. Дальше... Радио за стенкой бубнит? Телевизор долдонит? Нет. Тишина полнейшая. Гости там бывают? Да никогда! Хотя бы по телефону кто-нибудь говорит?

— Может, и говорит, просто я внимания не обращал.

— А ты обрати внимание-то, прислушайся. Нет там никого. Вернее, есть, но не человек. Никто там не живёт, там, если хочешь, душа дома заключена, его персонифицированная сущность.

— Домовой, что ли?

— Хочешь, называй домовым, а я так не привык, а больше по науке. «Персонифицированная сущность жилого строения» — звучит внушительней.

— Зачем домовому двухкомнатная квартира? Он же за печкой живёт или в подклети.

— Вот и я о том же. Квартира ему не нужна, но иметь хочется и возможности есть, потому как дом большой. Деревня — это что-то мелкое, вписанное в природу, а город сам по себе — вторая природа. Сравни избу, даже самую солидную, и самый задрипанный многоквартирный дом. Всерьёз сравнивать нечего.

— И к чему ты мне всё это рассказываешь?

— К тому, что у тебя за стенкой жилплощадь есть, а жильцов нет. Нежить там или, как говорят коммунальщики, — нежилец. А это значит, что, если по уму взяться, то соседней жилплощадью можно слегка попользоваться. Гляди, это план

лестничной площадки. Вот твоя квартира, вот соседняя двушка. Вот тут пробиваем дверь, здесь ставим перегородку, и у тебя появляется дополнительная комната, восемнадцать квадратных метров, плюс лоджия. И никто не в претензии.

— Шёл бы ты отсюда, — сказал я кротко. — У нас месяц, как ремонт закончен, и ты думаешь, я позволю тебе твоим долотом свежеоклеенную стену рушить? И вообще, зачем тебе это?

— Работа у меня такая. Думаешь, просто найти квартиру вроде твоей, чтобы в соседях была необиталка? Зато прикинь, сколько сейчас стоит восемнадцатиметровая комната, ась? А я тебе сделаю её всего за десять тысяч баксов.

— У меня таких денег нет, — твёрдо объявил я. Вообще-то деньги были, но я, дожив почти до шестидесяти лет, наконец-таки собрался покупать машину, причём не поганенький «жигулёнок», а кое-что получше. Но, разумеется, заранее кудахтать о своих планах на весь белый свет я не собирался.

— Так и быть, по дружбе, для тебя за пять тысяч. Меньше никак не могу, тут ведь не просто дырку проломить надо. С нежильцом связываться тоже удовольствие не из приятных. Расходы большие. Надо, чтобы он не только смирился с потерей комнаты, но и оформил перепланировку квартир. Он это может, просто сделает так, чтобы во всех документах, ПИБ, там, и всё остальное, как бы с самого начала значились перепланированные квартиры. Представляешь, ситуёвина? У него комнату забирают, и он же сам это дело оформляет по закону!

Жоркино предложение мне с самого начала не показалось, а теперь и вовсе разонравилось.

— Вот, что я тебе скажу... по дружбе. У нас ремонт закончен меньше месяца назад, и мне сейчас хочется спокойно пожить, без грохота, грязи и нервотрёпки. К тому же прости, но я почему-то не верю твоим россказням о нежильцах. Под коньячок потрындеть на эти темы — очень даже приятственно, но долбить дыру к соседям только за то, что они тихо живут, — уволь, будь ласков.

— Ты, главное, не нервничай, — отступился Георгий. — Моё дело предложить, твоё — отказаться. Что, я тебе силком дополнительную комнату буду всучивать? Не хочешь — не

надо. Но с Лидой на всякий случай переговори. Или давай я переговорю. Она когда с дачи приезжает?

Вновь Георгий появился ровно через неделю, как и полагается садисту, ранним воскресным утром. Хорошо, хоть без перфоратора. Но, как выяснилось, перфоратор он оставил в багажнике своего «фордика» и мог приволочь в любую минуту.

— Ну, что Лида сказала?

— Лиду оставь в покое. А я вот что скажу... Я в четверг зашёл в правление и узнал, кто живёт в соседней квартире. Никонов Анатолий Петрович, сорок шестого года рождения. Так что поздравляю с торжественным пролётом.

— С ума сошёл! — драматически выдохнул Георгий. — Ты что, хочешь, чтобы он воплотился и... как это?.. — вочеловечился? Подобными методами ты этого быстро добьёшься. Сейчас за стеной никого, а будет обитать въедливый дедок. Кашлять по ночам станет, по выходным слушать утренние передачи; громко, потому как глуховат. При этом станет тебе делать выволочки за шум по вечерам, грязь у мусоропровода и за то, что коврик у двери неровно лежит.

— С чего ты решил, что он будет именно таким? Я сам всего на пять лет моложе, но ведь ни к кому не пристаю. Так какое ему дело до моего коврика?

— Во, чувствуешь? Ты в него уже верить начинаешь. А таким старичкам до всего дело есть, потому как он одинокий. Вот ты был на субботнике по благоустройству дворовой территории?

— Нет... — неуверенно ответил я. — Вообще-то собирался, но потом забыл.

— Больше не забудешь. Он к тебе десять раз зайдёт и напомнит.

— Да откуда он возьмётся, если его нет?!

— Сегодня нет, а завтра — вот он, при полном параде. Так оно всегда бывает, сначала чего-то нет, а потом — раз! — и появилось. Или наоборот, было и вдруг — нету. Ты вникни: прописка у него имеется, льготы оформлены. За квартиру и коммунальные услуги заплачено всегда вовремя. Поэтому старичка никто не трогает, лихо не будят. Официальные лица понимают, что, когда товарищ общественной активности не

проявляет, это хорошо. Главное, его не тревожить. Если ты попытаешься установить, каким образом деньги за квартиру перечислены, то можешь крепко нарваться. Деньги переведены, а откуда — неизвестно. Фантомные платежи, знаешь их сколько? Ты с бухгалтерами-то поговори, они тебе расскажут. С другой стороны, не поленись, загляни в базу данных, поинтересуйся, сколько в Петербурге числится Никоновых Анатолиев Петровичей. Уж всяко дело, не один, а по меньшей мере десяток.

— И все нежильцы?

— Скажешь тоже!.. Что они, дурней табурета, так светиться? В лучшем случае — один, а остальные — обычные люди. У нежильцов данные среднестатистические, только возраст всегда пенсионный, чтобы с военкоматом и местом работы заморочек не было. Поэтому их так трудно искать. Я старался, информации, можно сказать, гору перелопатил, нашёл нежильца в соседях у друга детства, а ты морду воротишь. Дополнительная площадь тебе, видите ли, не нужна. Ты с Лидой-то поговорил?

— Поговорил.

— И что? Неужто и ей ещё одна комната не нужна?

Тут Георгий тюкнул в больное место. Лида, когда я рассказал о явлении Георгия с перфоратором, не возмутилась и не развеселилась, а впала в мечтательное настроение. Действительно, хорошо было бы иметь ещё одну комнату окнами во двор да на солнечную сторону. У нас так выходит только одна десятиметровая живопырка с крохотной лоджийкой, а две другие комнаты вылупились на шумный проспект, и солнце там бывает только летом в пять утра. А тут — красотища! Восемнадцать метров солнечной площади!

— На лоджии можно было бы устроить зимний сад. Видел, как у Риммы сделано? У них такая же двушка, что и соседняя с нами, так они стену пробили и вывели на лоджию дополнительную секцию парового отопления. Лоджию, конечно, остеклить надо по уму — европакеты и отепление из минеральной ваты, чтобы меньше пылило. Стены вагонкой обшить, и получится совсем как в деревне. Я бы там цветочки выращивала: сенполии, фаленопсис и цимбидиум. Сенполии — это такие фиалочки, а цимбидиум — это орхидея. Представля-

ешь, у нас дома будут цвести орхидеи? Ну, скажи, ведь красиво будет? Ты помнишь, как у Риммы сделано?

Я не помнил, но на всякий случай кивнул. А потом, кретин неумный, решил осторожненько предупредить:

— Ты не забывай, это всё-таки не наша квартира. Жора может сколько угодно разглагольствовать о големах, элементалях и нежильцах, но я в такие вещи не особо верю. Во всяком случае, не настолько, чтобы стену в соседнюю квартиру ломать.

Выражение Лидиного лица в эту минуту было прям как у Горького на дне: «Испортил песню, дурак!»

— Ты всегда не веришь в то, что может принести пользу. Другой бы давно выяснил, что там за стенкой творится, и всё устроил ещё прежде, чем ремонт затевать. А теперь, считай, всё заново делать.

— А ты нежильца Никонова Анатолия Петровича в расчёт принимаешь? Ему понравится, если мы туда с перфоратором полезем? Заведётся какой-нибудь полтергейст, что тогда?

— Попа позовём, — с небрежной лихостью ответила Лида. — Он святой водой побрызгает — и нет полтергейста.

Я так и не понял, как случилось, что Лида с Георгием нашли общий язык и вскоре уже сидели на кухне, обсуждая какие-то подробности, в которые я не хотел вникать, а я заваривал им кофе, который терпеть не могу и варю его только по Лидиной просьбе для особо уважаемых гостей. Это Жорка-то уважаемый гость? Да прежде, когда он заходил, Лида морщила нос и не считала нужным появиться на кухне и хотя бы поздороваться.

А теперь сидят и беседуют как умные.

— Нет, — говорит Георгий, — сам он не сделает. Тут должен работать специалист. Очень велика вероятность пробить отверстие в астральные миры. Думаю, мне не нужно объяснять, чем это чревато.

Лида прижимает ладони к щекам. Она не знает, чем чревата дырка в астральные миры, но заранее боится.

— А вы как же?

Ишь ты, как уважительно! Не помню, как она прежде к Георгию обращалась... кажется, вовсе никак. Просто не считала нужным.

— Я и есть специалист, — с чувством собственного достоинства произносит Георгий. — Я посвятил этому десять лет и работаю чисто.

— Понимаю... Вот он у меня чисто не умеет. Даже дырку продолбить не умеет, чтобы куда-нибудь не провалиться.

«Он» — это я. В минуты сильного волнения Лида поминает меня в третьем лице, как будто я уже умер или по меньшей мере уехал без возврата. Потом, если вздумаешь обидеться, не то чтобы прощения попросит, но скажет, что ничего дурного в виду не имела. Но сейчас лучше помалкивать, а то хуже будет.

Сглатываю пошлую реплику и произношу лишь одно слово:

— Дупло.

— Что? — Это Георгий отреагировал. Лида, конечно, тоже отметила, что я в разговор вмешался, но сейчас она слишком занята.

— Астральное дупло, — поясняю я. — Дырку сверлят или пробивают, а долбят — дупло.

Георгий коротко хохотнул и вернулся к разговору, оправдывать свои пять тысяч баксов. А я вернулся к турке, чтобы в самую последнюю секунду поймать сбегающий кофе. Как говорили некогда нехорошие люди: «Каждому своё».

Вечером я ещё пытался отговорить Лиду от жилищной авантюры, но безуспешно. Есть у неё милая привычка: принимать во внимание чьё угодно мнение, кроме моего. Бабулька в очереди, попутчица в трамвае, какая-нибудь телевизионная дура — все они достойны уважения, к их словам надо прислушиваться, а советам следовать. А что муж говорит, вовсе не важно. Каюсь, я таким положением частенько пользовался, чтобы избавиться от ненужной работы или никчемных хлопот, которыми в противном случае был бы загружен выше кадыка. Лида у меня непрерывно генерирует безумные мысли... и как я только терплю её уже тридцать лет с гаком? И главное, как она меня терпит? Ведь ни одной её гениальной идеи я в жизнь не провёл. Выслушивал, соглашался и спускал на тормозах.

Но сейчас гениальность превысила лимиты разумного, и я попытался дать бой.

— Ну, зачем нам на двоих четыре комнаты? Тебе же лишние хлопоты: полы мыть да подметать...

— Вот именно! Ты к порядку в доме пальца никогда не приложил, так что пусть тебя это не тревожит. Ты обо мне никогда не думал, а я о тебе забочусь.

— Как?!

— А вот так! Уйду от тебя в дальнюю комнату, буду цветочки поливать, а ты сиди тут и смотри свой футбол сколько влезет.

Интересное кино, это ж когда я в последний раз футбол по телевизору смотрел? Лет пятнадцать назад... чемпионат мира, забыл какого года; бездарный договорной матч между Западной Германией (была такая страна) и Австрией. С тех пор мне охоту к подобным зрелищам отбило. А Лида, оказывается, полагает, что я страдаю из-за невозможности смотреть футбол. Вот какие вещи узнаёшь о себе на четвёртом десятке лет семейной жизни.

— Но ведь эта комната, даже если она действительно бесхозная, обойдётся в пять тысяч баксов! Мы же машину собирались покупать!

— Вот ты слушай, что говоришь, может, поймёшь, что только о себе и думаешь, о своих капризах, о своей машине. А обо мне ты когда-нибудь думал?

— Я же тебя на ней буду возить на твою же дачу!

— Да я к тебе в машину и не сяду! С тобой и пешком по улице идти страшно, ты совершенно не заботишься о том, кто идёт рядом с тобой, дорогу вечно норовишь перейти на красный свет, лезешь прямо под колёса. Представляю, что будет, если тебе позволить за руль сесть!

История, как нетрудно видеть, ординарная. Я — слово, она мне — десять. Кончилось тем, что я согласился на совершенно ненужную нам комнату. Единственное, на чём я настоял, и Лида согласилась со мной, что деньги Георгий получит после того, как сделает всю работу.

Очередным воскресным утром мы с Лидой уехали на дачу, оставив дома Георгия с его перфоратором. Воскресное утро — сакральный час. Когда имеешь дело с нежитью, такие вещи надо учитывать. А соседи один раз перетерпят. Хотя насчёт Фёдора я не уверен, он может и не

стерпеть, а взбешенный Фёдор Банеев будет опаснее всякого нежильца.

На этот раз, впрочем, обошлось, Банеевы тоже были на даче. Часов в пять (семнадцать, если быть точным) Георгий позвонил мне на мобильный и сказал, что работу можно принимать.

С дачи мы неслись на курьерских скоростях. Всю дорогу я представлял зияющий пролом в стене нашей спальни, а там, в проломе... даже страшно подумать, что клубится в проломе. Какие ужасы воображала Лида — не знаю, но она была непривычно молчалива и встревожена. Хотя чего тревожиться, когда стена уже проломлена? Сама захотела лишнюю комнату, я её туда за волосы не тащил.

Действительность оказалась далеко не так страшна, как рисовалось в воображении. В спальне, там, где прежде висело большое зеркало, теперь красовался проход, как и договаривались, обрамлённый дверной коробкой. Мусор Георгий успел вынести, а вернее, запихнуть на территорию нежильца, предоставив тому возможность самому разбираться с разгромом. Георгий даже принял душ в нашей ванной и встретил нас цветущий и благоухающий, что особо подчёркивало, что непоправимых разрушений воскресная операция не нанесла.

— Ну, как? — в голосе Георгия гармонично сочетались скромность и достоинство. Сейчас он не хвастал, за него хвастала работа.

С некоторой опаской мы с Лидой отправились осматривать прибавление к нашему жилищу. Соседская восемнадцатиметровая комната теперь была привёрстана к нашей квартире. Дверь, прежде соединявшая её с владениями нежильца, была снята с петель, проём наглухо заделан гипроковыми плитами и гладко зашпаклёван, так что сразу можно было оклеивать это место обоями.

— А что здесь было, когда... это... — с суеверным ужасом попыталась выспросить Лида.

— Что было, когда я сюда проник? — безжалостно уточнил Георгий. — Ничего не было, пустая комната. Конечно, напряжение астральных полей было такое, что не приведи господь, но этого обычным зрением не заметишь. А с виду —

ничего особенного. Но вы вот на что внимание обратите... В каком году у вас квартира получена?

— В восьмидесятом, — сказал я, не дожидаясь вопрошающего Лидиного взгляда. — Как дом был построен, так мы и въехали.

— А какие обои у вас тогда были, помните?

— Нет, конечно.

— А вот такие и были! — Георгий постучал костяшками пальцев по стене. — Жёлтые обои в мелкий цветочек, безвкусица и дешёвка. Тридцать шесть копеек за рулон. Сейчас таких не производят, а тут эти доисторические обои сохранились! И столярка вся, — Георгий качнул балконную дверь, — советских времён. И ничто не рассохлось, не выцвело. Даже пыли внутри не было, потому как тут нежилец обитал. Теперь вникли?

Ничего не скажешь, именно эти рядовые мелочи убеждали всего сильней.

— Как же он без мебели? — спросила Лида.

— Зачем ему мебель? Он нежилец, ему ничего этого не нужно.

— А он сюда не влезет? — Как обычно, Лида принялась бояться задним числом.

— Не влезет, — уверенно пообещал Георгий. — Заделано на совесть. Шпаклёвка финская, сам бы ел, да деньги надо.

Намёк был прозрачен. Ничего не скажешь, такая комната стоит куда как побольше пяти тысяч баксов, хотя способ её приобретения по-прежнему вызывал у меня сильные сомнения.

Уже через месяц Лида, да и я тоже, привыкли к чудесному превращению трёхкомнатной квартиры в четырёхкомнатную. Лида энергично шастала сначала по строительным фирмам, а затем и по мебельным магазинам, стремясь превратить квартиру в блочном доме времён застоя в нечто современно-заграничное. В нежильцовой комнате исчезли жёлтенькие обои и совковая столярка. Стеклопакеты, выравнивание стен, шелкография, то-сё, пятое-десятое. Деньги, с таким трудом собранные на Нисан, стремительно улетали в прорву, пробитую Жориным перфоратором.

Как всегда, замышляя то или иное улучшение, Лида слушала кого угодно, только не меня. Подруга Римма сказала ей,

что на лоджию можно провести паровое отопление, и она носилась с этой идеей, пока некто посторонний не объяснил, что электрообогреватель проще и надёжнее. Я месяц безуспешно доказывал необходимость электрического обогрева, но бороться с авторитетом Риммы не мог. А водопроводчик Витя, которому не хотелось мудохаться, протаскивая трубу сквозь капитальную стену, доказал преимущества электроотопления за какие-то три минуты. Конечно, куда мне до водопроводчика!

Ремонт ещё громыхал и полыхал, а в квартире уже появились кованые подставки для комнатных растений, всевозможные кашпо и горшки, горшки, горшки... Хвалёный цимбидиум оказался ни больше ни меньше как знакомой со времён пионерского детства дружной семейкой. Уж я-то её хорошо помню; сколько было от нечего делать переломано её длинных листьев! Слово «цимбидиум» пришлось написать на бумажке и прикнопить над рабочим столом, потому что произнести вслух настоящее название значило нанести Лиде несмываемое оскорбление.

Но в целом жизнь начинала налаживаться, и, разумеется, долго так продолжаться не могло.

Георгий явился в гости с перфоратором.

Меня не было дома, я ходил в автомагазин приглядеть набор гаечных ключей, так что двери Георгию открыла Лида. А и был бы я дома, что с того? Не спускать же Жорку с лестницы... друг детства всё-таки, пять лет в одном классе, только я всегда сидел на четвёртой парте, а он — на первой, потому что физически не мог не быть в первых рядах. Потом встречались, иной раз с перерывами в несколько лет, но всегда по Жоркиной инициативе. Лёгкая необременительная дружба, которая вдруг превратилась в столь странные деловые отношения. А всё — перфоратор. Думается, без этой машины Георгий оставался бы прежним рубахой-парнем и душой компании. Дались ему эти городские сущности, воплощённые в таинственных нежильцах...

И вот, вернувшись из похода за гаечными ключами, которых не купил, поскольку оказались они дрянной китайской поделкой, я увидел на подставке для обуви дробильно-сверлильного монстра и услышал доносящийся из кухни излучающий оптимизм голос Георгия.

— А вот и хозяин! — встретил он меня радостным возгласом. — А мы тебя ждём...

— Что ты таскаешься всюду со своим перфоратором? — не слишком любезно спросил я. — Или он для тебя часть имиджа, как наперсный крест для попа?

— Отчасти так, — ничуть не смутившись, ответствовал Георгий. — Когда имеешь дело с потусторонним, следует быть готовым ко всему. А городская нежить перфоратора боится больше, чем креста. Но я к тебе не за этим пришёл. Вот смотри, что мы с Лидой придумали... Дверь пробиваем вот здесь, тут ставим перегородку — и видишь, как всё получается... У вас добавится ещё одна комната, небольшая, всего десять метров и без лоджии, но зато вход в обе комнаты будет через коридор, а то сейчас ваша бывшая спальня получается проходной. Прежнюю дверь, кстати, тоже можно оставить, понадобится — и хорошо, не понадобится — заставил мебельным гарнитуром — и все дела.

— А раньше ты этого придумать не мог? Мы только-только квартиру в чувство привели, а тут ты с отбойным молотком...

— Раньше — не мог. Это только хвост у собаки с одного раза рубят, а тут требуется постепенность, как в вопросе с крестьянством. Откусишь с ходу больше, чем прожевать можешь, и — всё, кранты. В таких вопросах надо со звёздами соотноситься и характер нежильца учитывать. Действующих факторов много, а ты хочешь всё и сразу.

— Я ничего не хочу. По мне, так нам и трёхкомнатной квартиры хватало, а пятикомнатная так и вовсе без надобности. — Я перехватил Лидин взгляд и понял, что дела мои плохи.

— Мне, — ровно произнесла Лида, обращаясь к стене, — комната нужна. Более того, комната нужна нам, если ты в своём эгоизме не забыл про такое понятие. В конце концов, где-то нужно спать.

— Прежняя спальня тебе не годится?

— В проходной комнате? Очень мило. Ничего умнее ты придумать не мог?

Предлагать под спальню восемнадцатиметровую комнату я не стал. Согласно принципам фэн-шуёвого мракобесия, ко-

торым Лида успела где-то заразиться, спальня не должна быть такой большой. К тому же там уже обосновалась традесканция, пустившая ветки вдоль стены, а как было кем-то сказано, спать в одном помещении с этой ядовитой лианой нельзя ни в коем случае. Но не предлагать же выкинуть на фиг традесканцию!.. Скорей Лида согласится выкинуть на фиг меня. Так что, как ни верти, прирезать ещё одну комнату нужно.

Оставалось последнее.

— А как же нежилец? — спросил я. — У него вообще ни одной комнаты не остаётся. Он-то где будет?

— Ему комнаты вовсе не нужны, — строго поправил Георгий. — Только для голимого престижа. Ему останется чулан, ванная комната, туалет, кухня и часть прихожей со входной дверью. Этого мало?

— Некоторым четырёх комнат мало, — сказал я, хотя и понимал, что, когда мы останемся наедине, эти слова мне помянут, и не раз. А пока Лида с Георгием принялись оговаривать подробности новой авантюры, я безо всякого напоминания, покорно взялся за приготовление кофе.

Вечером мне было помянуто всё: и то, что я думаю только о себе любимом, и что своими ехидными комментариями оскорбляю жену как женщину и человека, и много чего ещё. Я не выдержал и вспомнил кое-что из Лидиных комментариев относительно меня, после чего Лида заявила, что я абсолютно лишён великодушия и при этом мелочен и злопамятен, как баба.

— А тебе мелочной и злопамятной быть можно? — спросил я, после чего начались слёзы и полный раздрай семейной жизни.

Кончилось всё тем, что через пару недель Георгий завёз новую партию гипроковых плит, бетонита, досок — и всё это благолепие расположилось в сияющей, отделанной как рождественская игрушка прихожей, которой предстояло в скором времени обратиться в развалины. А в ответ на отчаянный вопль, что неужто нельзя было сделать всё это прежде, чем в квартире закончен ремонт, резонно отвечал, что прихожая у нас была отделана до того, как он первый раз появился здесь с перфоратором, и к тому же вторгаться на территорию нежильца следует как раз из отремонтированного помещения, потому как если в

вашей квартире бардак и неустройство, то и живущий за стенкой нежилец проявляет нежелательную активность, а это опасно. Потусторонние силы следует брать врасплох.

Но покуда создавалось впечатление, что Георгий на пару с Лидой берут врасплох меня. Не терплю такого положения, когда тебя обложили со всех сторон, словно выявленного нежильца, и непрерывно что-то требуют. При этом в словах каждого требующего есть резон, и любая попытка обороны тебя же выставляет дураком и лентяем, а то и ещё кем похуже. Да, я лентяй, ну так не трогайте меня! Что вам от меня нужно, в конце концов?

Иногда ночами, когда случались приступы бессонницы, я представлял нежильца, скорчившегося за стеной. Его травят так же, как меня, только мне всучивают ненужную жилплощадь, а у него отнимают. Бедный Анатолий Петрович! Тридцать лет он спокойно не жил в двухкомнатной квартире, и вдруг — такое. Причём я-то сейчас уехал на дачу; делать там, ввиду поздней осени, нечего, разве что листья сгребать, но можно пересидеть самый страшный момент разрухи, а он у себя в остатках изымаемой квартиры, и перфоратор нещадно терзает нежный нежильцовый слух.

Комната оказалась миленькой, оклеенной жёлтыми обоями и с древними скрипучими рамами. Думаю, во всём доме только здесь такие рамы и сохранились. Причём скрипучими они были не от старости, а, так сказать, изначально, по умолчанию. Но главное, расположена комнатка была удобно. Из нашего коридора, где прежде располагался шкаф-купе, пробита дверь в прихожую двушки, а оттуда — две двери в бывшие комнаты нежильца. Очень удобно получилось: из пяти комнат только одна проходная. Вот только для разобранного купе места не оказалось. Я было предложил выбросить его или поставить в новой комнате, но Лида не согласилась. В новой комнате, отвечавшей фэн-шуёвым требованиям, она принялась обустраивать спальню, и, значит, там могло быть трюмо, комодик, но не шкаф-купе с зимней одеждой и запасом обуви на десять лет. Выбросить шкаф и заодно ненужные туфли, ботинки и стоптанные зимние сапоги она не пожелала.

Шкаф переехал в маленькую комнату, которую я прежде опрометчиво считал своей. Нет, там и сейчас осталось место

для диванчика и письменного стола, за которым я занимался ещё со студенческих времён, но нормально пройти к столу теперь было нельзя, только протиснуться боком, обтирая задницей шкаф.

В пятикомнатной квартире для меня не осталось места.

Ночью мне впервые почудилось, будто из-за стены доносится какая-то возня. Будто бы там мебель двигали или попросту выносили строительный мусор, который Георгий сгрёб к соседу, не желая заморачиваться с уборкой.

Спаленку Лида обустроила на славу, но мне отчего-то совершенно не хотелось там бывать. Фэн-шуй — фэн-шуём, но не отпускало воспоминание об Анатолии Петровиче Никонове, безвредном старичке, который, скорчившись, лежит на полу в кухне возле газовой плиты, и нет ему иного места, разве что в кладовке, где и ноги вытянуть нельзя не только человеку, но и приличному нежильцу.

Лида обижалась, говорила, что она совершенно заброшена, стала вдовой при живом муже. Я отмалчивался и уходил в бывшую свою комнату, где поселился шкаф. О машине я уже не вспоминал и даже на улице перестал провожать взглядом проезжающие иномарки. Денег у меня оставалось куда как меньше пяти тысяч долларов, а заработки последнее время резко снизились, но я понимал, что Георгия это не остановит; всякую золотую жилу следует вырабатывать до конца.

Так и случилось. Перфоратор явился в гости.

— Здесь пробиваем дверь, тут ставим перегородку, — привычно вещал он, черкая карандашиком по плану лестничной площадки.

— Нам не нужна вторая кухня! — произнёс я, стараясь наполнить голос твёрдостью, которой не имел.

— Чудак-человек! — снисходительно усмехнулся Георгий. — Кто ж говорит о кухне? Плиту надо будет снести к чёртовой матери, а воду можно оставить: сделать махонький краник и крохотную изящную раковинку. Поставить трюмо, мягкий диванчик, бра в изголовье. И получится элегантнейший будуар. Ты сам рассуди: у тебя есть собственная отдельная комната. А у Лиды? Ты о жене-то подумал? Куда ей деваться, если вдруг захочется побыть одной? Кстати, по поводу кухни... В двухкомнатной квартире она семь метров, а в вашей

трёшке — пять с половиной. Там не то что готовить — повернуться негде. Можно, конечно, перенести кухню в двушку. Учитывая, что после прирезки ванной комнаты, если снести перегородку, новая кухня будет площадью десять метров, а это уже весьма солидно. Но я думаю, что так будет не по уму. Жаль спальню делать смежной с кухней, жаль тратить под кухню солнечное помещение. Моё мнение, что здесь должен быть будуар; дверку сюда сделаем поменьше, и можно её потом задрапировать занавесью. А с кухней удобней обойтись так: эту стену не сносить полностью, а сделать тут вроде арки, метра три в пролёте. Кстати, сразу исчезнет этот дурацкий аппендикс. И получится у нас кухня и одновременно столовая общей площадью шестнадцать метров, с двумя окнами на проспект. Сейчас, если вздумаете гостей приглашать, стол приходится накрывать в гостиной, а так гостиная останется гостиной, столовая — столовой. Проект дома чехи делали, так у них здесь перегородки и не предполагалось, это уже наши рукосуи усовершенствовали...

Я не сразу понял, что в столовую собираются превращать единственную «мою» комнату. В иное время я, быть может, и возмутился, но сейчас лишь спросил, не Лиду, а себя самого: «Для меня в этой квартире место предусмотрено?» — но, разумеется, услышан не был. Георгий лихо перекраивал нежильцово, а заодно и моё место обитания, а Лида с восторгом ему внимала.

— Дверь в будуар, чтобы не портить интерьера, следует пробить вот здесь. Но тут мешает вход в ванную комнату. Выход один: перегородку относим вот сюда, эти стенки сносим и будуар расширяем за счёт бывшей ванной. По-моему, получается идеально!

— Скажи, пожалуйста, — произнёс я, стараясь, чтобы голос не сорвался на взвизги, — как нежилец будет всё это оформлять? В его части квартиры не осталось ни одного окна. По закону, помещения без окон считаются нежилыми. Как ты предполагаешь прописать туда Никонова Анатолия Петровича?

— Это его проблемы, — отрезал Георгий. — Он — нежилец, вот и пусть прописывается в нежилых помещениях. У него кладовка осталась, отличнейшая кладовка, м жду прочим, полтора квадратных метра. Думаю, ты от такой не отка-

зался бы. А ещё — туалет и кусок прихожей, тоже полтора метра. Живи — не хочу!

— Ты, помнится, говорил, что нежилец из квартиры выходит через вентиляционные отверстия. А они, между прочим, расположены в кухне и ванной комнате. В туалете наши умники вентиляции не запланировали. Как нежилец наружу выходить будет?

Ответ последовал немедленно, и от Лиды, и от Георгия.

— Ты об этой твари думаешь больше, чем о семье, — это Лида.

— Он ещё через канализацию может. Что ему стоит через канализацию просочиться? — это начитанный Георгий.

Лида, повернулась к Георгию и, расширив глаза, спросила:

— Он что, там по трубам плавает? А вдруг он, когда я в туалет пойду, подплывёт и схватит?

— Попа позови, — мстительно сказал я. — Пусть он тебе унитаз святой водой вымоет.

Лида глянула на меня так, словно я только что на её глазах потоптал весь цимбидиум и убил зайчонка. Сказать она ничего не сказала, сказано будет потом, долго, с надрывом и с глазу в глаз.

Ссоры, свары — это всё само по себе, а перфораторное воскресенье пришло своим чередом, независимо от погоды в доме.

Давно стояла мокрая питерская зима, так что ехать на дачу не представлялось возможным, и мы с утра поехали в гости к Андрею. Андрей — это наш сын. Хороший парень, образованный, умница. Работает и очень неплохо зарабатывает. Внуками, правда, нас с Лидой до сих пор не порадовал, хотя тридцатник разменял ещё в прошлом году. Вот только все его жёны, которых он успел сменить штук пять, были не жёнами, а скорей временными подругами, и ни одна из них на роль матери не сгодилась. Да и сам Андрей вроде бы с этим делом не торопится. Я иногда думаю, что случись иначе, может быть, Лиде не пришлось бы свою энергию тратить чёрт знает на что. Но ведь не проверишь такое никак; нет внуков и в ближайшее время не предвидится.

У Андрея всего один недостаток: мог бы почаще звонить матери. Хотя тут я его понимаю: один раз позвонишь и полу-

чишь выволочку, словно пацан, задержавшийся вечером на улице. Плюс к выволочке — допрос с пристрастием: что у тебя, да как и почему. Подобные разговоры быстро отучают самых почтительных сыновей от слишком частых звонков. Но про мамин день рождения он ни разу не забыл. Приезжает, дарит подарки. В прошлый раз электрическую соковыжималку подарил: морковный сок делать. Вообще-то я без этого сока тысячу лет проживу, но тут уж, делать нечего, раз подарена электроштуковина — надо пользоваться.

Являться к Андрею рано утром как-то неловко, он обычно предлагает приехать к нему часиков в семь вечера, но я ещё в субботу позвонил и соврал, что у нас лестницу красят, в квартире не продохнуть, у мамы голова раскалывается... короче, выручай, сынок, престарелых родителей.

Разумеется, Андрей высказал всё, что он думает о шабашниках, нанятых красить лестницу в воскресенье, и о тех, кто их нанял, но нам приехать позволил и даже прикупил что-то к чаю.

Замечательно, что ни у меня, ни у Лиды мысли не мелькнуло рассказать Андрею о наших жилищных приключениях. Почему оно так — сказать трудно. Наверное, оттого, что Андрей считает себя слишком взрослым и немедленно начнёт нас чему-нибудь учить, вернее, читать нравоучения. А Лида у меня не тот кадр, чтобы выслушивать нравоучения от близкого человека. Римма, Георгий или кто совсем посторонний — это иное дело, но не от Андрюхи же выслушивать мнения и получать выволочки. Что выволочка последует, никто не сомневается, это у нас семейное. Что касается меня, то этого добра я и от Лиды имею больше чем достаточно. Так что в подобном вопросе можно было бы обойтись и без слов, но Лида всё равно, подходя к Андрюшкиному дому, предупредила меня, чтобы помалкивал. Эх, как будто первый год женаты!..

Женская рука в доме у Андрея чувствовалась, но встречал он нас один, значит, новую подругу предкам показывать не считает нужным. Примерно так же, как мы не спешим демонстрировать новые комнаты. Тоже мне тайны мадридского двора! И в кого это он такой?

У Андрея мы просидели до пяти вечера, даже до полшестого. Потом якобы пошли домой, а на самом деле — в кино на

дорогущий вечерний сеанс. Георгий не звонил, хотя Лида, сидя в тёмном зале, каждые пять минут проверяла мобильник — не было ли звонка, не пришло ли сообщение. Телефон молчал, как под подушку засунутый.

После окончания сеанса, хочешь — не хочешь, повлеклись к дому. Прежде чем достать ключ, я долго звонил в дверь, ожидая, что Георгий откроет нам и пусть даже отругает, что помешали работать, но в конечном счёте скажет, что всё в порядке. На звонок в дверь Георгий не откликнулся, как до этого не откликался на телефонные звонки.

Вышли во двор, поглядели на свои окна. Света не было ни в бывшей спальне, ни в двух нежильцовых комнатах, которые резко выделялись белым цветом недавно поставленных европакетов. Лида немедленно впала в тихую истерику, не зная, звонить ли Римме (та была посвящена в тайну пятикомнатной квартиры), звать ли на помощь Андрея или обращаться в милицию. Я поступил проще: поднялся наверх и, не обращая внимания на свистящий Лидин шёпот: «Не смей!» — открыл дверь.

В прихожую было трудно войти из-за мебели. Вся обстановка, что была куплена за последние месяцы для благоприобретённых нежильцовых комнат, теперь стояла перетасканная в прихожую и гостиную. В бывшей спальне было не повернуться из-за бесчисленных фаленопсисов и прочих дружных семеек. Оба прохода, пробитые в соседнюю квартиру, оказались аккуратно заделаны, так что прямоугольники бывших дверей можно было узнать лишь потому, что вместо Лидиной шелкографии они были оклеены новенькими жёлтыми обоями, теми самыми, по тридцать шесть копеек рулон, что уже двадцать лет не выпускаются отечественной промышленностью.

На вешалке висела Жоркина зимняя куртка, но самого мастера нигде не было.

— Он что, без куртки ушёл? — с наивностью, достойной блондинки, спросила Лида.

— Вот именно, — подтвердил я.

— Так ведь холодно на улице...

— Хотел бы я знать, где он сейчас. Но думаю, что не на улице. — С этими словами я показал Лиде то, что она по неопытности не сумела заметить: электрический шнур, воткнутый в розетку и бесследно уходящий прямиком в жёлтенькие

обойные цветочки. — Не вздумай выключать. Для него это сейчас единственная связь с внешним миром.

И Лида впервые, кажется, за все десятилетия совместной жизни покорно кивнула, даже не попытавшись оспорить мои слова. Больше того, мне удалось заставить Лиду остаться дома, а то ведь поначалу она собиралась ехать на ночь глядя на дачу и мёрзнуть там до самого утра, сидя у буржуйки, не способной обогреть выстуженный дом. После этого бегства наша квартира стала бы про́клятым местом, где из каждого угла грозил бы ужасный нежилец. А так мы вполне уместились на диванчике, где двоим можно лежать лишь обнявшись. И, честно говоря, это оказалось гораздо уютней, чем на сексодроме, что дыбом стоял, вынесенный из нежильцовой комнаты, которая совсем недавно была превращена нами в фирменную спальню.

На Лиду было жалко смотреть. Я кожей чувствовал, как она ждёт, что я скажу ей про старуху и разбитое корыто. И неясно, что обиднее: сравнение разбитых планов с корытом или слово «старуха», разом обретающее безжалостный смысл.

Нравоучения пришлось проглотить, не произнеся вслух. Не знаю, была ли Лида благодарна мне за это.

Неожиданно оказалось, что я не знаю, где живёт Георгий. Со старой своей квартиры на Васильевском он давным-давно съехал, да и весь дом после капремонта стал элитным, так что не только соседей, но и памяти никакой о былом не осталось.

Я купил в метро диск с ворованной базой данных по жителям Петербурга, но и это не помогло. Людей с таким именем и фамилией, как у Георгия, оказалось шесть штук, все они жили на разных улицах, однако номер дома у всех шестерых был четырнадцать, а квартира — четыреста пятьдесят один. Я не поленился обойти все предложенные адреса. Ни в одном из домов такого количества квартир не оказалось. У троих Георгиев, согласно базе данных, имелись городские телефоны, вернее, один телефон на троих, поскольку номера совпадали. Разумеется, телефон этот не отвечал в отличие от мобильника, где нежный женский голос на двух языках сообщал, что абонент временно находится вне зоны действия сети.

Трудно сказать, сам ли Георгий скрывал подобным образом своё местопребывание, или нежилец заметал следы, или, что всего вероятней, результат моих поисков соответствовал

качеству базы данных, которую делали спустя рукава, а уж воровали и продавали, не думая ни о чём, кроме денег, которые хотелось урвать побыстрей и побольше.

Георгий пропал, как не было, зато нежилец Анатолий Петрович напомнил о себе очень скоро и решительно. Не прошло и недели, как однажды утром мы были разбужены грохотом переносимых вещей. В соседнюю квартиру въезжали новые жильцы. Вполне себе настоящие живые люди: молодая пара и девчоночка лет трёх. Приехали с Севера, в Питере у них никого нет. Квартиру купили через агентство недвижимости и о прежнем владельце не знают ничего, кроме имени: Никонов Анатолий Петрович.

— Странный человек этот ваш бывший сосед, — поделился своими соображениями Коля — так звали главу семьи. — Комнаты и часть прихожей у него отделаны с иголочки, под евроремонт, а кухня и места общего пользования — в совершенно первобытном состоянии. Но самое дикое, что в большой комнате и прихожей остались кусочки стены, оклеенные дурными антикварными обоями. Зачем это ему понадобилось — ума не приложу.

Я-то понимал, в чём дело, но делиться откровениями не спешил.

— У него там шкафы поставлены были, которые эти куски прикрывают, вот он и экономил как мог.

— Один рулон обоев, какая там будет экономия?

— Что вы хотите, пожилой человек, у них свои взгляды на жизнь.

Новая соседка оказалась Леной, что меня ничуть не удивило, поскольку испокон веку всех моих соседок звали Ленами. Соседская дочка в свидетельстве о рождении была записана Анной, но в реальности звалась Нюшей, Нюсей, Нюлькой и вообще как угодно. Лена, человек, полностью лишённый комплексов, уже через несколько дней попросила Лиду приглядеть за Нюшкой полчасика, пока сама Лена слетает в магазин, а заодно и нам купит, что там нужно из продуктов?.. Оставаться одной в нежильцовой квартире Лида побоялась, так что пришлось вести Нюшу в наше жилище, с некоторых пор напоминающее мебельный склад. По счастью, дома был я и успел выручить Лиду, соврав что-то об умершем родственнике с

неприватизированной квартирой. Осталась, мол, мебель, новая, девать её некуда, выбросить жалко. В результате изрядная часть движимости за какую-то чисто номинальную цену переехала в те комнаты, для которых была куплена. Заодно туда же уехала и часть цветочков.

Жизнь начала налаживаться. Традесканция, как и положено существу длинному и ядовитому, переселилась от нас в ближайшую аптеку. «Дружная семейка» — сейчас посмотрю по бумажке: симбидиум! — приучает к прекрасному воспитанников детского сада, в который ходит Нюшка. Прочие наши подарки произрастают в сберкассе, поликлинике, на почте. А уж сенполиями осчастливлены, кажется, не только все знакомые, но и знакомые знакомых.

Когда на Восьмое марта Андрей приехал поздравить маму с праздником, ничто в квартире не напоминало о недавней авантюре. Зато наш отпрыск оказался свидетелем того, как мама его кормит кашей совершенно незнакомую ему девочку Нюшу и с готовностью отзывается на прозвище баба Лида. Не знаю, понял ли он что-нибудь, но сын наш парень умный, так что надеюсь, что понял.

История, таким образом, закончилась едва ли не хеппиэндом, если, конечно, не считать пропажу всех наших сбережений и забыть о чёрном проводе, навеки оккупировавшем единственную розетку в спальне. Иногда, непременно ранним воскресным утром, дом наполняется ужасающим грохотом. Рёв перфоратора доносится разом со всех сторон, проникает всюду, рвёт и терзает. Жители подъезда, прежде почти незнакомые друг с другом, теперь объединились в истовом желании отыскать и наказать ненавистного долбильщика. Фёдор Банеев прилюдно поклялся отсверлить мерзавцу всё, что может быть отсверлено. Но приходит новое воскресенье, и неутомимый перфоратор включается вновь. Вместе со всеми жильцами я хожу в эти минуты по нашей и соседним лестницам, возмущаюсь и строю догадки. Хотя догадываться мне не о чем, ведь я вижу, что электрический счётчик в нашей квартире в эти минуты вертится словно обезумевший шаман, и я знаю, что это Георгий на пару с верным перфоратором пробиваются в наш мир сквозь непознанные глубины.

Михаил Тырин

ТАЙНАЯ КОМНАТА

В начале одиннадцатого, прорвав вялое сопротивление двух патрульных сержантов, к Бустову подскочил невысокий полноватый человек в оранжевой рубашке с зеленым галстуком.

— Здравствуйте, я управляющий, — нервно проговорил он, вытирая платком пот со лба. — Когда наконец вы позволите нам открыть магазин?

— Когда мы закончим осмотр, — без эмоций ответил Бустов.

— Но когда? Вы поймите, покупатели у входа в недоумении, почти сотня торговых точек простаивает, это ведь какие убытки!

— Еще раз повторяю: закончим осмотр — запускайте ваших покупателей. — Бустов отвернулся, чтобы закончить пустой разговор, но упрямый администратор не отставал.

— Но ограбили всего лишь один-единственный салон, какая необходимость парализовать весь торговый центр?

Бустов повернулся к управляющему и заговорил так, чтобы тот понял — это его последнее слово:

— Объясняю. Мы ждем кинолога. Если вы запустите толпу, собака не сможет работать. Кинолог будет через полчаса. На отработку здания понадобится минут двадцать. Итого через час можете возобновлять вашу торговлю. А пока будьте рядом, вы нам позже понадобитесь.

Управляющий ушел куда-то на задний план, бормоча про безобразие и самоуправство. Бустов отправился в подсобку ограбленного магазина, где вовсю трудились два эксперта.

Дактилоскопист уже собирал свой чемоданчик. На вопросительный взгляд Бустова он развел руками.

— Чисто. Работали в перчатках хэбэ. Я изъял волокна, но... Да, и еще какая-то влага, может быть, слюна.

© М. Тырин, 2011.

— Ладно, принимается. А чем нас трасолог порадует?

Второй эксперт, сидевший на корточках возле покореженного сейфа, оторвался от своих бумаг и посмотрел на Бустова с задумчивостью, которая тому как-то сразу не понравилась.

— Тут есть о чем поговорить, — изрек он наконец.

— Так говори.

— При вскрытии использовались минимум три инструмента. Во-первых, газовая горелка. Во-вторых, пневматический циркулярный резак. И наконец, простая кувалда. Могу добавить, что действовал человек неумелый — все сделано очень грязно и нерационально. И видимо, делалось долго.

— И что же выходит? Он тут всю ночь жужжал резаком и грохал кувалдой, а охрана не слышала?

Трасолог пожал плечами. Потом добавил:

— Внешние рольставни и дверь подсобки сломаны, видимо, домкратом, но это как раз дело быстрое и не слишком шумное.

Бустов кликнул молодого опера Пичугина, который опрашивал охранников. Тот прибежал сию же минуту.

— Да, Владимир Николаевич.

— Слыхал, что у нас выясняется? Здесь грохот стоял, как в кузнечном цехе. А охрана, говоришь...

Пичугин изо всех сил замотал головой.

— Нет, Владимир Николаевич. Клянутся-божатся, что не спали, из здания не выходили, все делали по уставу.

— И совсем ничего не слышали?

— Ну, не совсем. Здание — оно гулкое, металлических конструкций много. Оно как бы дышит — температурные расширения всякие. Бывает, где-то что-то лязгнет, но они на такое внимания не обращают.

— Ну уж нет, — подал голос эксперт. — Тут такой лязг должен был стоять, что мертвый бы проснулся.

— М-да, чудеса, — Бустов задумчиво потер подбородок. — Поговорю-ка я сам с этими глухими секьюрити.

— А меня не только вопрос их глухости удивляет, — сказал эксперт.

— Очень интересно. Чем же еще удивишь?

— А сам подумай. Кувалда, домкрат, газовая горелка с баллонами да еще резак. Причем пневматический, то есть к

нему нужен компрессор или баллон со сжатым воздухом. Все это хозяйство весит килограмм сто-двести. Чтобы сюда его пронести — через охрану, через турникеты... — Эксперт беспомощно пожал плечами.

— И тем не менее он их как-то пронес, — проговорил Бустов. — А если их было трое-четверо?

— Все равно очень уж неудобная поклажа для такого дела. Да и не было их четверо, уже определили по следам. Один, совсем один.

— А с чего ты решил, что резак был пневматический? Может, электрический — воткнул в розетку, и не надо никаких компрессоров.

— Не-ет. — Эксперт заулыбался, гордясь профессиональной зоркостью. — Электрический — он мощный. А тут явные и характерные следы остановок режущего круга. Когда посильней нажмешь, он останавливается, мощи не хватает.

— На кой черт ему понадобилось брать маломощный и громоздкий инструмент? — проговорил вконец обескураженный Бустов.

— Ты начальник — ты думай, — простодушно улыбнулся эксперт.

Вскоре подошел сержант и негромко сообщил, что прибыл директор пострадавшего салона.

— Очень хорошо, зови сюда, — кивнул Бустов. — И кликни следователя, будем материальный ущерб оценивать.

Директором оказалась дамочка лет сорока пяти. Короткое черное платье, вызывающе-агрессивный макияж, скованная мимика, выдающая недавний визит под нож хирурга-косметолога. И, естественно, золотые наросты на ушах, на пальцах, на шее.

Дамочка сдержанно плакала. Ее неумело утешал молодой человек боксерского вида. Молодой, но явно не сын и не телохранитель. Явно бойфренд.

— Вика, ну, не плачь... Вика, ну, не расстраивайся... — монотонно повторял он.

Увидев разоренный магазин, хозяйка с новой силой залилась слезами.

— Вика, ну не плачь... — бубнил утешитель.

— Давайте-ка успокоимся, гражданка, — хмуро предложил Бустов, у которого от женских слез всегда портилось настроение. — Посмотрите внимательно, что пропало, на какую сумму. Потом опишете украденные вещи.

— А что описывать, они все в каталоге. — Хозяйка более или менее справилась с эмоциями и достала из-под прилавка глянцевую книжицу. — Вот они, вещи. Эксклюзив, элитные украшения, очень дорогие и достаточно редкие.

— Редкие? — сразу заинтересовался Бустов. — Прекрасно, легче будет искать.

— А вы еще надеетесь их найти. — Дамочка фыркнула и перестала всхлипывать. — Знаю я, как вы ищете. Вы — следователь?

— Я начальник отделения по раскрытию имущественных преступлений майор Бустов. А следователь сейчас к вам подойдет.

— Может, найдете? — с надеждой спросила она и опять всхлипнула. И вдруг взгляд ее устремился куда-то в угол. — Так, а это что?

Она перевернула какую-то коробку, заглянула в нее, потом подняла взгляд на Бустова. Лицо ее выражало ни больше ни меньше потрясение.

— Вы только посмотрите... — ахнула она.

Бустов подошел, оттеснив ринувшегося было вперед бойфренда. В коробке лежали наручные часы, около двух десятков штук. Некоторые в футлярах, некоторые просто так, россыпью. На Бустова они большого впечатления не произвели — часы как часы, без изысков. Он уже видел эту коробку, но не трогал, поскольку еще шел осмотр под запись.

— Они не взяли «Хроновайзер», — проговорила оторопевшая мадам. — Они забрали все брошки и колечки, но не тронули часы.

— И что это значит? — спросил Бустов.

— Да вы знаете, сколько они стоят? — едва ли не шепотом произнесла хозяйка. — Они распотрошили сейф, забрали блестящие цацки, но пренебрегли «Хроновайзером»! Либо они были слепые, либо сумасшедшие.

— Да и я бы не взял на их месте. По-моему, обычные часы, ничего особенного.

— Значит, вы в часах понимаете не больше этих ворюг! О чем вы говорите! Люди, которые носят «Хроновайзер», не нуждаются в том, чтобы бриллианты во все стороны торчали. Их достоинство в другом!

— Ну, что ж... это информация.

— Какая еще информация?

— К вам вломился, судя по всему, дилетант. Купился на вашу красивую вывеску, взял все блестящее, не разобрался в истинных ценностях...

— И что мне с того, что он дилетант? — хозяйка проговорила это горестно, но с потаенной надеждой.

— Я же говорил, легче будет искать.

— Дилетант... Мерзавец он, а не дилетант! — Дамочка хотела рассвирепеть, но вместо этого без сил упала на стул, с которого успела вскочить сидевшая не у дел продавщица. — Мерзавец и гнусный бандит! Вывеска, видите ли, понравилась. Мало ему черметовских лавочек по городу, надо ему обязательно в приличный салон... Да что он сделать сможет с моим товаром, его ж цыганам на рынке не очень-то сдашь.

«И тем не менее, — подумал Бустов, — этот дилетант здорово нас всех озадачил. Ну, очень странный дилетант...»

Наконец подъехал кинолог. Грозная на вид, но совершенно невозмутимая немецкая овчарка легко взяла след по тряпке, забытой вором в чреве сейфа. Прямо от тряпки она устремилась на лестницу, поднялась на третий этаж и сделала стойку на тяжелый платяной шкаф в мебельном отделе.

«Может, он и сейчас там сидит?» — с надеждой подумал Бустов.

Такое бывало. Последнее время охрана кое-где даже ввела практику: перед постановкой объекта на сигнализацию проверять все помещения с собакой и вылавливать спрятавшихся в закоулках воришек. За последний год троих точно поймали.

Шкаф был пуст. Если не считать нескольких кусочков грязи, отвалившихся, видимо, с обуви. И пары хлебных крошек. Вор успел отобедать, ожидая закрытия магазина.

Кусочками и крошками занялся эксперт. А Бустов отвел в сторонку следователя и опера Пичугина, чтобы подбить первые итоги.

— На первый взгляд все ясно, — сказал он. — Незадолго до закрытия вор прячется в этом шкафу, благо, место не на виду и камер наблюдения я тут не вижу. После закрытия выходит, делает свои гнусные дела и снова прячется здесь же. В восемь утра открывается кафетерий на первом этаже и еще несколько магазинчиков. Есть возможность смешаться с посетителями и спокойно уйти с хабаром. Потом пришла продавщица ювелирного, увидела сломанные рольставни и позвала нас.

— Но было уже поздно, — завершил рассказ следователь.

— И совершенно в эту схему не укладываются газовые горелки и пневматические резаки, — вздохнул Бустов. — Слушай, Пичугин, а вы там хорошо ходы-выходы проверили? Может, он после закрытия через какие-нибудь окна все втащил? Хотя, я так представляю, нужно целую стенку вынуть, чтобы столько барахла сюда пронести.

— Все проверили, — с готовностью отозвался опер, — служебные двери, окна, крышу, люки, коммуникации. Ничего не вскрыто, не сломано, сигнализация не нарушена. Негде было ему пронести, Владимир Николаевич.

— То есть вошел легально, через общий вход. И с горой железа на спине. Не понимаю. Хоть убейте. Что-то вы не досмотрели.

— Ну, сами посмотрите, — обиделся Пичугин.

— Посмотрю. В сказки я не верю, значит, должно быть простое и понятное объяснение. Может, тут свое оборудование имелось? Отдел хозтоваров, инструментов каких-нибудь...

Оба собеседника дружно покачали головами. Хозтовары тут имелись, но автоген не продавался — это точно.

Бустов потратил-таки казенное время, чтобы самолично обойти закоулки огромного магазина. Управляющий его сопровождал, попутно рассказывая, какое уважаемое заведение он представляет, какие хорошие люди им руководят и вообще как все здорово тут устроено. Так уж повелось: любой управ-

ленец перед лицом контролирующих органов становится на задние лапки и перекрашивается в нежно-розовый цвет.

Тут еще дамочка, хозяйка ограбленного салона, сообразила, что майор Бустов — ее единственная надежда вернуть свои эксклюзивные сокровища, нажитые, несомненно, непосильным трудом и «этими вот руками». Она семенила за ним и не скупилась на слова и обещания: написать благодарственное письмо генералу, сделать ремонт в райотделе и даже похлопотать через нужных людей о присвоении досрочного звания.

«Срал я на твои звания, — хмуро думал Бустов. — Когда кому-то надо украденные деньги вернуть, я для них и бог, и герой. А сейчас вот вернусь в отдел — там десять начальников, и каждый норовит раком поставить. А тут еще не знаешь, у кого денег занять до получки. И сосед-одноклассник, хозяин пивного ларька, то и дело глядит с жалостью. Вот и разберись — бог ты или неудачник».

И все-таки неудачником быть не хотелось. Чтобы поддержать себя морально, Бустов, закончив свои следственные мероприятия, зашел в дорогое кафе и выпил хорошего крепкого эспрессо. Эта мимолетная причастность к иному стилю жизни его ненадолго взбодрила.

— Какие соображения, Пичугин?

Опер поднял взгляд от бумаг и деловито потер ладошки.

— Да очень простые, Владимир Николаевич. Под охрану надо копать. Без них не обошлось, уверен.

— Прямо вот уверен?

— Сами же говорите, что все эти газорезки в потайном кармане не пронесешь. Да и шум они должны были слышать. А еще я думаю, продавщицу надо пощупать.

— Да, я бы ее тоже после работы пощупал...

— Да я не про то, — с досадой отмахнулся Пичугин. — Я вот думаю: почему часы не взяли? Все-таки это часы, вещь дорогая. Их всегда берут, даже дешевые, и даже при уличном гоп-стопе снимают.

— Тебе же объяснили — не разобрался налетчик.

— А мне кажется, специально оставили. Чтоб нас запутать. Чтобы мы подумали, что лох ушастый там был. Тем бо-

лее часы сбыть труднее. И продавщица вполне могла эту схему провернуть с кем-нибудь на пару.

— Доводы твои запутанны и не слишком убедительны, Пичугин. Ну ладно, кое-что допускаю. Даже насчет охранников. Сам ими и займешься. У меня и без этого золота дел до черта.

— Владимир Николаевич, я-то займусь, а кто сбыт отслеживать будет?

— Эх, Пичугин, за все-то ты волнуешься, как за свое... Не волнуйся. Есть у нас, кому сбытом заняться.

Указание взять на контроль городские скупки драгметаллов прозвучало на следующий день на утренней планерке. Но результат проявился даже раньше, чем его ждали.

После обеда к Бустову заглянул Лущенко, опер из БЭП, и с торжествующим видом сказал:

— Подарочек для тебя, Николаич.

— Ну так дари.

— Не за так. Раскрытие на нас запишешь.

— Все у вас, у «колбасников», не за так. Даже подарки продаете.

— Это оч-чень хороший подарочек. — Опер выглянул в коридор и сказал «заходи».

В кабинет вошел верзила в черном кожане. Лицом он был хмур и неприветлив, сложение выдавало профессиональную спортивную подготовку.

— Наш давний друг, зовут Леня, — представил его Лущенко. — А вот и подарочек.

Он осторожно развернул маленький бумажный сверток и выложил на стол тяжелую золотую брошь, украшенную крупными рубинами. Бустов немедленно достал каталог и сразу нашел в нем такую же.

Подарочек и в самом деле удался.

— Ну, рассказывай, Леня, — сказал он.

— Ну, чё, у меня палатка на рынке — металлоремонт и скупка лома. Мужик сегодня приходит, показывает, спрашивает, сколько дам. Я посмотрел, взвесил, говорю, пятак даю. Он — чего так мало. Я — скупаем по цене лома. И плюс кам-

ни. Ну и все. И я с этой цацкой сразу к Иванычу. — Он покосился на Лущенко.

— Какой ты честный, Леня, — подивился Бустов. — Отдал кровных пять штукарей, а товар государству подарил. Комсомолец, наверно.

— А чё, пять штукарей вы мне вернете, когда возьмете этого фраерка.

— Вернем, я обещал, — подтвердил Лущенко.

— Я ж знаю, — продолжал Леня, — где навар, а где геморрой. Мне таких проблем не надо, у меня легальный бизнес. Я лучше лишний раз вам помогу, а вы мне, случись что, подсобите.

— Подсобим, — ухмыльнулся Лущенко.

«Ну, надо же, бизнес у него легальный, — подумал Бустов. — Интересно, от какой статьи его Лущенко отмазал, чтобы таким ручным сделать?»

— Ладно, описать его сможешь? — спросил он.

— Ну, могу. Мелкий такой, плешивенький... Лет, может, пятьдесят или поменьше... А чё описывать, он завтра опять придет.

— Как?! — оторопел Бустов.

— Ну, так. Я ж ему говорю — еще есть? Он — есть. Я — ну, приноси сразу все, сторгуемся.

— Леня! — с восхищением воскликнул Бустов. — С этого ж надо было начинать! Вернем мы тебе твои пять штукарей, да еще значок дадим в придачу — «Юный друг милиции».

— Ну, точно — лох! — изумился Пичугин, узнав последние новости. — Таких лохов еще поискать надо. Это надо же, отбомбить ювелирку — и тут же нести все на рынок. Странно еще, что он объявление в газету не дал.

— Н-да, странно, — пробормотал Бустов. — Слишком все легко. И это самое странное.

— А может, наркоман или алкаш? По поведению — самое оно.

— У наркоманов и алкашей профиль другой, Пичугин. Они ювелирные салоны не грабят. Они больше по дачам и га-

ражам. Да медную проволоку со столбов срезают. Хотя ведь тоже цветной металл...

— Ну, даст Бог, завтра закроем дело, — воодушевился опер. — Мне больше всего узнать не терпится, как он сейф сумел втихаря порвать. Может, у него кувалда с глушителем?

Приятно готовить и проводить операцию, которая заведомо проста. Всего-то надо прихватить немолодого щупленького воришку, да еще и неопытного. Зато в активе будет раскрытие резонансного преступления, возмещение колоссального ущерба и прочее.

Бустов все же подстраховался и выпросил у начальства усиление. Ему дали двух молодых оперов, которые еще с утра заняли позиции на рынке под видом торговцев солнечными очками.

На Леню повесили радиомикрофон, и сидящий в машине Бустов мог слушать все, что творится в его палатке. Да еще и записывать. Лене также было дано указание: при появлении клиента громко сказать «У нас покупатель всегда прав». Но не сразу, а только когда тот «засветит» товар.

Операция проводилась втайне от милиции, обслуживающей территорию рынка. Бустов называл этих людей не иначе как «продажные говнюки» и не верил им ни на грош. В этом была доля риска. Рыночные менты могли заметить новые лица — тех самых молодых оперов, стоящих на подстраховке — и наехать на них по любому поводу, сорвав всю конспирацию.

Но еще больше был риск, что «продажные говнюки» растрезвонят про мероприятие по всем каналам. Ни одно крупное дело с их участием не заканчивалось успешно.

Около полудня Пичугин, поставленный на наблюдение, передал по радио:

— Приближается клиент, похож по описанию.

— Всем приготовиться, — скомандовал Бустов.

Он пытался услышать, что происходит в палатке у Лени, но слышал лишь невнятное бормотание да прочие посторонние шумы.

Наконец Леня дурным голосом продекламировал: «А у нас покупатель всегда прав!»

Бустов схватил рацию:

— Второй, на сближение. Третий, четвертый — полная готовность!

Сам он выскочил из машины и, расталкивая народ, помчался к палатке на помощь Пичугину. На месте он застал следующую картину: опер придавил к полу малорослого тщедушного гражданина в затертых джинсах и пытался завести ему руки за спину. Тут же валялся кожаный портфель самого помойного вида.

Бустов, снимая с ремня наручники, бросился на помощь оперу. Неожиданно подозреваемый каким-то непостижимым образом вывернулся из-под Пичугина, откатился, схватил портфель и бросился к выходу. Но там уже стояли ребята из усиления.

Тогда он метнулся обратно в палатку, зачем-то забежал за прилавок и забился в угол, прижав портфель к груди. Леня наблюдал за всем этим действом с невозмутимостью, достойной античных статуй.

— Ну, все, хватит! — скомандовал Бустов. — Давай баул и протягивай сюда хваталки. — Он потряс в воздухе наручниками.

Задержанный как-то сразу сник и безропотно капитулировал.

— Что за хреновина! — Бустов стоял с открытым портфелем в руках и изумленно хлопал глазами. — Леня, я не понял...

— Было! — Леня был изумлен не меньше. — Было рыжье, я ж не дурак, я ж САМ видел! Полный чемодан цацок и бирюлек! Я ж САМ видел!

Никакого золота в портфеле не оказалось. Только пара толстых потрепанных книг, футляр от очков, замызганная пластиковая бутылка, драный зонтик и еще почему-то ржавые плоскогубцы.

— Я САМ видел! — божился Леня. Он был слегка напуган. Словно на его глазах куча драгоценностей превратилась в кучу дерьма.

Бустову же виделась иная картина. Ему сразу подумалось, что Леня с этим старым проходимцем обделали свои дела, хо-

рошо спрятали товар, а уж потом была произнесена кодовая фраза.

Только когда он мог успеть? И в чем смысл?

— Всех — в райотдел, — распорядился он. — Палатку обыскать и простучать всю до последнего гвоздя.

Он поймал взгляд Пичугина. Взгляд был еще более испуганным, чем у Лени.

Пичугин, как выяснилось, тоже успел увидеть золото.

Задержанный сидел на стуле, жалкий и скукоженный, как подбитая птица. Он с унынием смотрел в окно сквозь решетку и крайне вяло реагировал на сигналы извне.

— Драницкий Сергей Сергеевич, — проговорил Бустов, разглядывая паспорт.

— Что? А, да... — прошелестел неживой голос.

— И вам действительно тридцать пять лет?

— Что? А, да, тридцать пять...

Бустов недоверчиво хмыкнул. Задержанный выглядел на все пятьдесят. Впрочем, стресс — штука непредсказуемая. Многие люди, оказавшись здесь, имеют бледный вид и даже выглядят старше.

Но не настолько же, подумал Бустов.

У него даже возникли сомнения в подлинности паспорта, но никаких следов подделки он пока не разглядел. А уж на эти вещи глаза у него были натренированы прекрасно.

— Ну, ладно, Сергей Сергеевич, хватит тут дурака валять. Рассказывай, куда успел так шустро золотишко скинуть.

— Да какое золотишко! — Драницкий на секунду ожил. — Вы тут все просто помешались на каком-то золоте. Я тут при чем?

— А вот так со мной разговаривать не надо, — спокойно, но внушительно проговорил Бустов. — Продавец видел у тебя золото, и сейчас он дает показания в соседнем кабинете. Более того, наш сотрудник успел разглядеть в портфеле ювелирные изделия, которые ты принес продавать.

— Ничего я не собирался продавать. Я вообще туда зашел зонтик починить...

— Глупо отрицать, когда двое свидетелей видели у тебя золото. Двое! И один из них — наш сотрудник, который галлюцинациями точно не страдает. Что скажешь, Сергей Сергеевич?

— Не знаю я никакого золота. Показалось вам с перепугу, вот что я скажу. Помешались просто на золоте... — И он снова с тоской уставился в окно.

Бустов протяжно вздохнул. Прошелся по кабинету, закурил. Собственно говоря, предъявить этому типу было нечего. Если не расколоть прямо сейчас — придется отпускать. Прямо мистика какая-то.

Бустов ждал звонка от Пичугина, который в спешном порядке отбыл на обыск квартиры Драницкого. Был немалый шанс, что там что-нибудь да найдется.

— Ты где работаешь-то, Сергеич?

— Я? Инженер в проектном институте.

— И что проектируем?

— Я ничего не проектирую. Так, ремонтирую всякую ерунду.

— И что же ты, инженер, не смог сам себе зонтик починить?

— А я не по зонтикам инженер, а по тепловым системам.

Бустов никак не мог понять, что чувствует задержанный. Он уже давно научился видеть людей насквозь и понимать тончайшие линии их поведения. Драницкий же был загадкой. Не поймешь: то ли он в самом деле не понимает, чего от него хотят, то ли уверен в недоказуемости и мастерски корчит из себя пришибленного дурачка.

Разговор повисал в воздухе. Бустову нечего было спросить, а задержанный и не собирался ему помогать.

Оставался еще один туз в рукаве, серьезный, как считал Бустов. Впрочем, он сейчас ни в чем не был уверен. Потому что четко видел: дело обрастает неприятными сложностями, и успешное его завершение, похоже, откладывается. И пресловутый туз неумолимо терял в весе.

Доставать, не доставать?

А, достану! — решил наконец Бустов.

Он открыл сейф, бережно извлек вчерашнюю брошь, уже упакованную в полиэтилен.

— Знакомая безделушка?

Драницкий глянул мельком. В глазах вроде что-то мелькнуло, но тут же пропало.

— Не знаю, — буркнул он. — У меня таких вещей сроду не водилось.

— А может наконец завелись?

— Оставьте меня в покое, никакого золота у меня нет и не было, кроме единственной коронки во рту.

«То, что эту вещь он вчера продал Лене, — факт доказанный и не требующий признания, — размышлял Бустов. — Но то, что именно он ее украл — на этот счет ничего пока нет. И не предвидится. Нашел, да и все. Если только повезет, и лох поведет себя как положено лоху. Подарит, например, одну из цацек какой-нибудь подружке. Если уже не подарил...»

Впрочем, Бустов уже признался себе, что единственно верный способ в создавшемся положении — малость запрессовать мужичка «специальными методами». А много и не потребуется — персонаж на вид хлипкий и долго не продержится.

С этической точки зрения «специальные методы» оправданны. Драницкий попался едва ли не с поличным и теперь с непозволительной наглостью пудрил милиции мозги. За такое принято наказывать...

— Владимир Николаевич, деньги нашли! — радостно прокричал в трубку Пичугин. — Три с половиной тысячи!

— И это все?

— Больше ничего. Квартирка, надо сказать, нищая. Телевизор черно-белый, обои драные, и вообще...

Бустов с досадой опустил трубку. Деньги сами по себе ничего не значат. Даже если Леня опознает их как свои и покажет листок с переписанными номерами купюр. Деньги они и есть деньги. Был бы чемодан с долларами, тогда другое дело, а так...

— Черт знает что! — в голос выругался Бустов.

Еще утром они почти поздравляли себя с успешным окончанием расследования, а через полчаса следователь подпишет постановление об освобождении Драницкого из-под стражи.

Ничего себе лох...

Бустов воспользовался своим авторитетом и убедил начальство, что речь идет о коварном и опытном преступнике, который надеется водить за нос всю криминальную милицию.

Начальство такого расклада потерпеть не могло и санкционировало наблюдение за освобожденным из-под стражи Драницким. Не успел он отойти на сто метров от райотдела, а в хвост ему уже пристроился неприметный сотрудник в штатском.

Вечером Бустов получил первый отчет: подозреваемый пошел домой, побыл там полчаса, вышел в магазин, купил молока и пельменей, после чего вернулся в квартиру и более не выходил.

«А что было ожидать? — сказал себе Бустов. — Что он сразу помчится выпрятывать из загашника свое золото? Нет, не будет этого. Он, может, и лох, но не настолько».

На следующий день он отправил Пичугина собирать на Драницкого досье. Хотелось понять, что он за человек и чего от него ожидать. Бустов бы не удивился, узнав, что подозреваемый — никакой не инженер, а на самом деле прожженный медвежатник с длинным хвостом криминальных приключений.

Пичугин ничего сногсшибательного не накопал.

Да, действительно, Сергей Сергеевич Драницкий, уроженец райцентра такого-то, приехал на ПМЖ в таком-то году, поступил в институт. Учился средненько, но экзамены сдал неожиданно хорошо, вернее, отлично. Поступил работать в НИИ, уволился, ушел на завод, проработал пять лет в должности мастера участка. Женился, развелся... И далее в том же духе. Обычная серая жизнь, каких миллионы.

Бустов впервые задал себе вопрос — может, Драницкий ни в чем не виноват? Может, это действительно какая-то фатальная ошибка?

Прошло три дня. Пару раз названивала дамочка из салона, интересовалась, когда вернут ее драгоценности. Разок побеспокоило начальство: долго ли еще отвлекать людей на слежку за скромным тихим горожанином, не проявляющим криминальных наклонностей.

Бустов начинал потихоньку беситься. Самое скверное, что он не мог сосредоточиться на других делах, пока над душой висела эта проклятая история.

* * *

Долгожданный звонок застал его дома после ужина.

— Владимир Николаевич, он завтра собирается уезжать, — сообщил агент наружки. — Только что заехал на автостанцию и купил билет на девять утра.

«Попался, голубчик. — Бустов радостно потер ладоши. — Поехал продавать золотишко в другой город».

Осталось только позвонить в дежурку и заказать на утро машину. Ну и конечно, Пичугина разыскать.

Утром Бустов лично проследил, как Драницкий садится в автобус. Выглядел он как типичный забитый жизнью русский интеллигент — грустный, сгорбленный, плохо одетый. И тот же самый обшарпанный портфель опять был при нем.

Никак не подумаешь, что этот задохлик — обладатель целой кучи драгоценностей и вор немалого масштаба.

— Как бы не сорвалось, Владимир Николаевич, — беспокоился Пичугин. — В прошлый раз вон как готовились — и все к черту полетело. А мы тут с вами вскочили ни с того ни с сего, без поддержки, без плана.

— Некогда планировать, Пичугин. Работать надо.

— Владимир Николаевич, может, обгоним его, договоримся с гаишниками, чтоб автобус остановили и вывели его под белы ручки вместе с портфелем, а?

— А если он опять пустой? А если у него сообщник? Нет, Пичугин, брать будем только при сбыте, чтоб наверняка. И только после того, как я сам цацки увижу.

— Так спалит он вас! Лицо-то уже знакомое.

— Будем стараться, чтоб не спалил.

Драницкого водили по городу два утомительных часа. Вели по всем правилам — меняясь по очереди, поддерживая связь по радио, даже в меру возможностей переодеваясь.

Бустов за эти два часа вымотался, словно отпахал целую смену на разгрузке угля. Молодой Пичугин пережил все легче, для него это было просто приключение.

Сомнениям уже не было места — подозреваемый точно собирался сбыть золото. Он ходил от антикварной палатки к

ломбарду, от ломбарда к скупке, что-то спрашивал, что-то записывал. Легко было догадаться, что именно.

Бустову и Пичугину с большим трудом удавалось быть с ним рядом и оставаться неузнанными. Наконец Драницкий дал себе отдых — а заодно и приморившимся операм.

Он уселся в скверике с хотдогом и бутылкой газировки, достал калькулятор и принялся что-то вычислять, сверяясь со своими записками.

— Навар считает, сволочь, — сказал на это Пичугин.

— Это хорошо, — отозвался Бустов. — Значит, этап сбора информации он закончил. Готовься к решительным действиям.

И в самом деле Драницкий бодренько встал, выбросил в урну недопитую бутылку и куда-то зашагал.

— Кажется, час близок, — пробормотал Бустов.

Как и следовало ожидать, Драницкий отправился в один из уже изученных пунктов приема драгметаллов, где, судя по всему, сулили самую высокую цену.

Это была небольшая ювелирная мастерская, которая занималась и ремонтом, и скупкой, и комиссионной продажей. Бустов отправил Пичугина вперед — обогнать подозреваемого, оказаться в мастерской раньше него и тихонько встать где-нибудь спиной ко входу, а еще лучше — затеряться среди посетителей.

Пичугину повезло — мастерская делила помещение с пунктом видеопроката, где всегда кто-то слонялся среди витрин. Замаскироваться не представило труда.

Бустов дождался, пока Драницкий войдет, и, немного выждав, тихонько скользнул за ним. Почти сразу он встретился взглядом с Пичугиным. Тот энергично и выразительно закивал головой — мол, все сходится.

Бустов и сам уже все видел. Драницкий что-то тихо говорил и крутил перед носом у ювелира раскрытой бархатной коробочкой, в которой поблескивали большие платиновые серьги. Ювелир уважительно кивал.

Бустов обратил внимание на портфель — свободной рукой Драницкий бережно прижимал его к боку. Портфель нужно изъять в первый же момент задержания, чтобы подозреваемый даже не успел подумать о том, чтобы снова сфокусничать.

— Работаем! — тихо скомандовал он Пичугину, и через несколько секунд опер привычным движением припер Драницкого к стенке, а Бустов моментально завладел портфелем.

Ювелир испуганно отпрянул за витрину — сцена перед его глазами больше всего напоминала грабеж. Тем более что вид у жертвы был соответствующий — во взгляде Драницкого смешивались дичайший испуг и непомерное удивление.

— Спокойно, граждане, — громко сказал Пичугин. — Работает уголовный розыск.

Он освободил одну руку и полез за удостоверением.

Лучше бы он оставил это Бустову. Драницкий почувствовал, что его держит только одна рука, совершил немыслимый рывок с переворотом и в мгновение ока оказался возле Бустова, вцепившись в портфель.

Неясно было, на что он надеется, вытворяя эти странные вещи в присутствии двух здоровяков-сыщиков.

Бустов не успел даже предположить, потому что в следующее мгновение оказался в полной темноте.

Первая мысль была проста и естественна — получил по голове. Даже не важно, от кого. Главное, что получил, отключился и так далее.

Но, странное дело, голова ни капельки не болела. Она лишь кружилась, как часто бывает, когда кругом тьма, и взгляду не найти ориентир для удержания равновесия.

И на слезоточивый газ не похоже, хотя он тоже в некоторой степени слепит.

Бустов чувствовал свое тело, оно нигде не болело. Он попробовал осторожно присесть, чтобы нащупать рукой пол — ему нужна была хоть какая-то опора.

Пол имелся. Холодный и шершавый, как старый цемент.

Через минуту Бустов уже точно знал: он здоров, он сам стоит на ногах, он способен нормально двигать членами и перемещаться. Версия, что он лежит в больнице с завязанным лицом, не подтверждалась.

Одна загвоздка — эта необъяснимая темнота, которая навалилась так быстро и вероломно, словно кто-то выключил весь свет в мире. В том числе солнце. В природе такой темно-

ты не бывает, потому что всегда где-то что-то отсвечивает. Эта темнота была гробовая.

— Пичугин! — позвал Бустов, поразившись, как малодушно дрогнул собственный голос.

В ответ — тишина. Впрочем, где-то за спиной послышался слабый шорох. А может, показалось...

Бустов сел на корточки, пытаясь собраться с мыслями. Он все же склонялся к мысли, что по какой-то причине ослеп. Ну, не бывает на свете такой моментальной и такой кромешной темноты.

Тут пришла запоздалая светлая мысль. Бустов лихорадочно полез в карман и выхватил зажигалку. Один щелчок — и перед глазами вспыхнул красноватый язычок пламени.

Бустов невольно издал шумный вздох облегчения. Он не ослеп — это уже какая-то определенность.

Пламя озаряло крошечное пространство вокруг себя — сантиметров шестьдесят-семьдесят. Далее свет вяз во мраке. Единственное, что Бустов смог увидеть, — это пол под собой. Действительно, серый и шершавый, похожий на бетон.

Зажигалка перегрелась и погасла. Бустов сунул было ее в карман, но промахнулся, и его единственный источник света вылетел из пальцев. Майор дернулся, чтобы поймать падающую вещь, но та стукнулась о ботинок и отлетела куда-то во тьму, сухо ударившись о каменный пол.

Бустов мысленно выругался на себя самыми грязными словами. Нельзя быть таким недотепой, даже если вокруг творится светопреставление.

Он опустился на колени и пополз в направлении звука, тщательно ощупывая шершавый камень. Он ползал довольно долго, но безуспешно. Теперь он выругался в полный голос.

И вновь ему послышался какой-то шорох. И не только шорох, но и слабый смешок.

Бустов затих. Он решил весь превратиться в слух, чтобы распознать — действительно ли кто-то поблизости шуршит и посмеивается. Или это галлюцинации.

Несколько минут он вслушивался, но тишина не нарушилась.

Успокоившись, он возобновил попытки найти зажигалку. Попутно клял себя за то, что оставил в машине мобильник —

его светящийся голубой экран был бы сейчас немалым подспорьем. Впрочем, телефон он не брал сознательно — чтобы случайный звонок не привлек внимания подозреваемого.

Не прошло и минуты усердного ползанья, как голова с мягким стуком во что-то ткнулась.

Бустов от неожиданности шарахнулся назад, но никто на него нападать не собирался. Это были картонные коробки, сложенные здесь неведомо кем.

Осторожно, стараясь ни во что не вляпаться и не пораниться, Бустов ощупал находку. Он обнаружил с десяток консервных банок и запечатанные пакеты с чем-то сыпучим, вроде крупы.

«По крайней мере с голоду не умру», — подумал он, но вдруг разозлился. Какой еще голод! Ночевать тут, что ли?

«Если есть пол, значит, найдутся и стены, — рассудил Бустов. — Стало быть, есть и дверь, которую можно открыть. Это какой-то чертов склад или ангар, и я отсюда выберусь. А затем уже кропотливо выясню, как я сюда попал и кому в этой связи быть подвешенным за яйца».

Он решил, что хватит тут ползать. Надо двинуть наугад по прямой, пока не попадется стена.

Он двигался довольно долго, но никакой стены не нашел. Вместо этого снова наткнулся на картонные ящики. Теперь уже другие, внутри лежало какое-то тряпье.

Бустов протяжно вздохнул и уселся на пол — отдохнуть и привести нервы в порядок. Он, несмотря на активность, начал немного зябнуть. И воздух тут был какой-то мертвый и колючий, словно пылью дышишь. Впрочем, пока все это можно было перетерпеть.

«Ерунда какая-то, — думал Бустов. — Должна быть стена. То ли я по кругу мотаюсь, то ли самое неудачное направление выбрал».

Он убедил себя, что исследовал не так уж много пространства. В самом деле, когда ощупываешь и проверяешь в темноте каждый шаг, малые расстояния могут казаться огромными. Надо просто продолжить поиск.

Он продолжил поиск, потом прекратил и снова начал. Прошло несколько часов, а он так и ползал в кромешной тьме, где совершенно ничего не менялось.

Наконец он, выбившийся из сил, напуганный и одновременно возмущенный, остановился отдохнуть возле очередной груды ящиков. В одном из них нашелся блок сигарет, только вот никакого источника огня не было.

Бустов неподвижно сидел на каменном полу и глядел в темноту. Она, казалось, еще больше сгущается, хотя куда уж больше. Она словно обретала вес и плотность.

И еще казалось, что в ней вязнет даже само время.

— Начальник!

Бустов прямо-таки вскочил, чувствуя бешеное сердцебиение.

— Начальник, эй, ты где?

Не показалось. Действительно, из темноты его звал голос.

— Кто здесь? — крикнул Бустов.

— Свои, не бойся. Здесь чужих нет.

— Драницкий, — выдохнул Бустов. И безжизненно добавил: — Сука.

— Нагулялся, начальник? — спросил Драницкий.

— А я, думаешь, гуляю?

— Ну, ходишь туда-сюда, ищешь чего-то...

— Что это за место? И как я здесь оказался? — Бустов чувствовал ярость и готов был порвать Драницкого пополам. Но еще сильней была радость от того, что этому кошмару, очевидно, приходит конец.

— Начальник, придется тебе меня отпускать. Потому что доказательств у тебя опять нету.

— Я тебя отпущу только на зону, урод.

— Не ругайся, а послушай. Обещай меня больше не мурыжить, отпущу тебя обратно.

— А не пообещаю, то что?

— Да ничего. Сиди тут сколько влезет.

— Ох, какой ты деловой, Драницкий. Не боишься, что меня искать будут, и твоя персона первым номером в этом поиске встанет?

— А пускай ищут. Тут не найдут. А с меня какой спрос?

У Бустова появилась мысль — не подобраться ли поближе, чтобы ухватить эту сволочь за горло и душить, пока не

взмолится. Он никак не мог определить, сколько до Драницкого шагов — голос звучал словно над самыми ушами.

— Слушай, начальник, я тебе одну вещь скажу сразу — ты без меня отсюда не вылезешь. Вообще не вылезешь, никогда. Вот честное слово.

— Я и не из таких мест вылезал, — огрызнулся Бустов.

— Да нет же! Не веришь, да? Ну, тогда посиди тут денек подумай. Поползай на коленках, поищи выход.

— А не боишься, что будет, когда найду?

— А не найдешь. Вот, хочешь, даже фонарь тебе оставлю. И ищи хоть до посинения.

«Что он несет? — промелькнуло в голове Бустова. — Как это можно не найти выход с фонарем? Вроде не лабиринт, не яма. Скорей всего какой-нибудь огромный гараж, цех или ангар».

Впрочем, сразу подумалось, что для ангара здесь слишком глухие звуки. Не хватает гулкого эха.

— Эй, чудила! — позвал Бустов. — Ты зачем магазин-то разбомбил? Вроде на уголовника не похож.

— А я никакой не уголовник, — моментально отозвался Драницкий. — И никаких магазинов не знаю. Почудилось тебе.

— Да ладно уж брехать... Я в твоих руках сам железяки видел — те самые, из каталога.

— Ничего не знаю. Не было никакого магазина.

— Ну, это мы быстро выясним. Что это за место? И как ты меня сюда приволок? Рассказывай давай.

— Может, и расскажу. Но ты пообещай, что трогать меня больше не будешь. Оставишь в покое, и больше я тебя не увижу.

— Ты вор, и ничего я тебе обещать не собираюсь.

— Ну, дело твое, начальник. Оставайся тут еще, подумай. Вот тебе фонарь, пока я добрый...

Раздался щелчок, и темноту рассек луч света. Бустов успел разглядеть, как тщедушная фигурка метнулась от света и моментально растаяла в темноте. Звук шагов быстро сошел на нет.

— Сука, — сплюнул Бустов.

Ему было горько осознавать, что он попал в зависимость от какого-то недотепы. Причем в глупейшую зависимость.

Впрочем, о полной зависимости думать рано. С фонарем поиск выхода должен значительно ускориться.

* * *

У него ничего не вышло. Фонарь был мощный — целый прожектор с девятивольтовым аккумулятором. По логике, луч должен был прямо-таки пронзить тьму и упереться в ближайшую стену.

Но он не пронзил тьму, а увяз в ней. Бустов шел, освещая дорогу перед собой, светил в стороны, вверх, но ничего не видел. Разве что попалась очередная груда ящиков, к которым он не стал даже подходить.

Он сначала шел, потом побежал — должен ведь когда-то кончиться этот ангар?

Потом у него иссякли силы. Не физические — душевные. Он впал в отчаяние. Размахнулся, швырнул фонарь об пол и упал на колени, сотрясаясь от истерического плача.

Он считал, что его никто не видит, но ошибался.

— Начальник! Да ладно тебе так убиваться. И фонарь бить незачем было, он, между прочим, шестьсот рублей стоит.

Бустов вскочил.

— Сволочь! Что ты со мной сделал, тварь! Я тебя на куски порву, скотина.

— Ну-ну, тихо, пожалуйста. Нельзя так ругаться. А то опять уйду.

Бустов моментально затих. Он не хотел, чтобы Драницкий уходил. Одиночество уже грозило сумасшествием.

— Уймись, начальник. Все будет хорошо, только пообещай меня отпустить.

Бустов лег на спину, раскинув руки. Сквозь пиджак чувствовался холодок от пола, и это его поддерживало. Хотя бы какой-то материальный предмет в этой непроглядной вечной ночи...

— Где я? — спросил он совершенно мирным тоном.

— Вот на этот счет, признаться, я и сам плохо соображаю, — со вздохом ответил Драницкий.

— Что значит «плохо соображаю»?

— То и значит... Ну, считай, что мы по ту сторону света. Тут, кроме тьмы, ничего нет. И еще мы с тобой.

— Я не понимаю.

— И я не понимаю. Хочешь, расскажу быстренько, в двух словах. Хотя тут нам с тобой торопиться некуда.

— Расскажи.

— Ну, ладно. Помнится, мне лет четырнадцать было. Шел я домой вечером, собака на меня выскочила и загавкала. Я перепугался так, что никаких слов нет. Вдруг смотрю — нет собаки, нет улицы, ничего нет. Только темень одна. И, в общем, вот так я оказался здесь. Ну, понятное дело, тут я еще больше перетрусил. Дернулся туда, сюда — ничегошеньки не понимаю. Потыркался, подергался, и как-то — раз! — обратно выскочил на улицу. И собака здесь же — заскулила да побежала прочь. Ну, я по такому делу с ума сходил недели две. Ходил, думал — не почудилось ли? Как-то раз отвлекся, задумался — опять я тут. Но теперь уже пугаться не стал. Все тут обошел, проверил — нету ничего. И скоро я уже научился сам, по своей воле, сюда нырять.

— Как?

— Не знаю как. Как глазом моргнуть — захотел и моргнул. И я так же — захотел и нырнул сюда. Сначала развлекался, потом начал думать, какую пользу найти. А польза-то простая — есть у меня эдакая тайная кладовка, где я могу прятать вещи на любой случай жизни! И в любое время их доставать.

— Я понял, — проговорил Бустов. — Вот ты как от золота избавился. И газорезку в магазин пронес. Здесь ее спрятал, а там достал, так?

— Про магазин не будем, — обиделся Драницкий.

— Слушай, а где ж мой Пичугин?

— А он все там же. Стоит, тебя дожидается.

— Как это стоит? Сколько ж ему там стоять? Я тут не один час уже ковыряюсь.

— Сколько тебе надо, столько и будет стоять. Штука вся в том, что там время не движется, пока мы здесь. Ну, как тебе сказать... В общем, откуда мы пришли, туда и вернемся. В то же место и в ту же секунду. И сиди тут хоть неделю, никто не заметит, что нас не было.

— Так ты и сейф сюда притащил! — осенило Бустова.

— Какой еще сейф?

— Сам знаешь какой. Из магазина который. Ты его здесь разделывал, поэтому никто и не слышал. И резак у тебя был

автономный — пневматический, потому что тут розеток не имеется. Признавайся, на работе инструмент позаимствовал?

— Начальник, я ж сказал: про магазины и сейфы разговора у нас не будет.

— Ладно уж, рассказывай дальше, фокусник. Я слышал, ты в институте экзамены на отлично сдал. Тоже через это дело? Небось кучу учебников в кладовке припас.

— Да я много чего через эту кладовку сделал. — Голос Драницкого вдруг стал бесцветным. — Только все как-то не в масть. Ну, сдал я эти экзамены, а дальше-то что? Хотелось же работу хорошую отыскать. А хороших мест не так много, и все заняты сыновьями да кумовьями. Я малость покумекал и придумал. Решил из себя вундеркиндера состроить. Набрался духу, пришел к начальству и говорю: давайте любую теоретическую задачу — решу в три минуты. Там посмеялись и говорят: ну, сделай-ка нам расчет такого вот узла, а то у нас целый отдел бьется. У меня в институте от этих расчетов мозги отнимались, а что поделать-то? Я — сюда. Не вылезал четверо суток, веришь? Книг тонну перекопал, все чуть ли не заново проходить пришлось. Ну, сделал кое-что. Не совсем то, конечно, но себя показал, блеснул, можно сказать.

— И что? Дали работу?

— Ну, дали... Неплохая должность была, в «почтовом ящике», с надбавками, с перспективой. Только мне ж пришлось репутацию как-то подтверждать. Там уже привыкли, чуть какой вопрос — ко мне. А я чуть что — сюда, к справочникам, к учебникам. Уже тошнило от этих учебников, а никуда не денешься.

— А поумней ничего не смог придумать, чем ходячей энциклопедией работать?

— Пробовал. — Драницкий тяжело вздохнул. — Много всякого пробовал. Только по должности меня так и не повысили. Людьми управлять — дело такое, что никакая тайная комната не поможет. А ведь как я старался... Я им показал, что могу сутками работать, без сна и перекуров. Мне ж не трудно, захотел отдохнуть, поспать, поесть — сразу сюда. Вернулся свеженький, никто и не заметил, что отлучался.

«Удобная штука — эта тайная комната, — подумал Бустов. — Легко жить, когда к любой закавыке есть время под-

готовиться. И опять же всегда есть куда баб водить. Только вот как-то знобит меня от этих перспектив. Недоброе здесь что-то...»

— Привык я к этому месту, — сетовал Драницкий. — Барахла сюда разного натащил, наверно, десять грузовиков. Чуть что — сразу сюда. Девушке хочешь понравиться — скорей сюда, стихотворение выучить, зубы почистить... Разговор про футбол с начальством надо поддержать — опять сюда, спортивную газету прочитать. Да и просто, надоест все — есть куда спрятаться.

— Ты тут небось полжизни провел?

— Ну, не полжизни, но немало. — Драницкий тяжело вздохнул.

— Потому и выглядишь на пятьдесят, хотя самому тридцать пять.

— Это и обидно. Все зря. Никакого толку. А жизнь проходит. Я, начальник, даже часов дома не держу. Потому что только посмотрю на циферблат — выть хочется. Ненавижу часы.

— Насколько я понял, — вкрадчиво проговорил Бустов, — ты решил жизнь одним махом улучшить. И подломил магазинчик с золотом. Думал, сразу миллионером станешь. А между тем, воровать тоже надо уметь. Это ремесло еще похитрей, чем твоя инженерия.

— Начальник...

— Да ладно, Драницкий, молчи уж. Я не протокол пишу, я просто с тобой разговариваю. Странный ты вор, Драницкий. Другой бы на твоем месте масштабно работал. Ты ж с такими способностями можешь героин тоннами через границы возить. Или оружие эшелонами поставлять без всякого риска. А попался на сраной ювелирной лавочке.

— Да какой героин... — горестно проговорил Драницкий. — Где я возьму твой героин?

— Ну, здесь я тебе не советчик. Нет героина — и слава богу.

Драницкий еще долго исповедовался, рассказывал, как он пробовал применять свою тайную кладовку в разных целях и все больше неудачно. Чувствовалось, что давно хотел

кому-то все это рассказать. Бустову в конце концов даже жаль его стало.

— Ты мне вот что объясни, — сказал он. — Неужели ни разу не задумался, что это за место такое, как оно существует, как ты сюда просачиваешься. Это же научная сенсация. Тебя, если по-хорошему, надо в стеклянный ящик посадить и каждый день опыты ставить.

— Не имеете права! — вскинулся Драницкий. И с горечью добавил: — Почем мне знать, как оно все устроено. Тут ведь ничего не происходит, тут всегда только темнота и тишина.

— Ну, ты все-таки инженер, должен склад мысли иметь определенный. Что, даже никакой версии нет?

— Что стоят эти версии? А вообще я так думаю. У всего есть своя обратная сторона. У любой варежки своя изнанка. Вот и мы с тобой сейчас на такой обратной стороне. Вот, скажем, йоги — они умеют всякие чудеса делать. Без еды жить, без воздуха, исчезать на время, предметы из воздуха доставать. Может, они как раз обратную сторону используют?

— Йоги... — усмехнулся Бустов. — Ты еще скажи, фокусники своих кроликов из обратной стороны достают.

— А почем нам знать? Может, и фокусники.

— Вот лучше бы ты фокусником устроился. Больше бы заработал.

— Ну да, фокусником... — обиженно пробормотал Драницкий. — Прямо вот приду и скажу: вот он я, возьмите меня фокусником. Кому я там нужен?

— В этом и вся твоя беда, Драницкий, что везде чувствуешь себя ненужным и неподходящим. И никакой волшебный дар тут не поможет.

— Начальник, — жалобно проговорил Драницкий. — Отпусти меня, а? Ну, неужели тебе так хочется меня в тюрьму засунуть?

— Ничего мне уже не хочется. Был бы ты матерый ворюга — тогда да, дело ясное. А теперь я уж и не знаю, что с тобой, дураком, делать.

— Отпусти. Все равно не докажешь. Я ж брошки тут спрячу, и все. Как и в тот раз.

Бустов некоторое время размышлял. И любые размышления подводили к одному и тому же решению.

— В общем, так, Драницкий. Цацки ты мне возвращаешь — это раз. Больше мне не попадаешься — два. И иди на все четыре стороны, чтоб больше я тебя не видел.

— Давай! — обрадовался Драницкий. — Все верну, без вопросов. Все равно не знаю, что с ними делать. А не обманешь? Дай честное слово.

— А на Библии тебе не присягнуть? Давай уж скорей, вытаскивай нас отсюда, надоел ты мне...

— Как же так, Владимир Николаевич? — чуть не плача проговорил Пичугин.

— Молчи, — процедил Бустов, — так надо.

Они стояли у дверей ювелирной мастерской и смотрели вслед удаляющемуся Драницкому.

Тот шел мелкими торопливыми шажками, вдавив голову в плечи и не глядя по сторонам. Портфель, в котором, естественно, не оказалось никаких драгоценностей, он прижимал к боку по-куриному скрюченной рукой.

«Вот тебе, пожалуйста, идет почти бог, — думал Бустов. — Владеет даром, за который многие полжизни отдадут. Мог бы власть над людьми иметь, в золоте купаться. Да страшно подумать, кем он мог стать, если б имел мозгов хоть на сто грамм больше. А мог бы, наоборот, людей спасать, проблемы решать. Но не стал никем. Бог-неудачник...»

— Владимир Николаевич, — не отставал Пичугин. — Что, прямо так и отпустим?

«Пусть себе идет, — думал Бустов. — Не будет от него никакого вреда, нутром чую. Как, впрочем, и пользы. Надо бы только для начальства какую-то отмазку придумать... Ну да ладно, придумаю. Не в первый раз».

Годом спустя Драницкий все же попался на глаза Бустову, правда, при совершенно неожиданных и невеселых обстоятельствах.

По отделу прошла ориентировка: такого-то числа в таком-то месте автомашиной «ГАЗ» был сбит неизвестный, приметы и фотография прилагаются. Просим оказать содействие в установлении личности трупа... и так далее.

Бустов взглянул на фотографию и остолбенел. Он сразу узнал Драницкого, хотя узнать было непросто. На посмертном снимке был изображен невероятно исхудавший и обросший человек трудноопределимого возраста. Истрепанная одежда и нездоровая темная кожа наводили на мысль, что Драницкий последние месяцы бомжевал по свалкам и подвалам.

Но чем больше Бустов смотрел на фото, тем яснее понимал, что это не так. И тем страшнее была открывающаяся ему истина.

Драницкий не бродяжничал. В тот момент, когда перед ним завизжали тормоза машины, он успел спрятаться в свою тайную комнату. И никому не дано узнать, сколько времени он там провел, зная, что на выходе его ждет немедленная смерть.

Никакие знания, никакие подсобные предметы не смогли бы спасти его от удара тяжелого грузовика. Страшно было представить, как он там жил — доедая запасы, дожигая последние свечи, не надеясь ни на что.

Он все-таки вышел. То ли решил положить конец своему заточению. То ли хотел напоследок увидеть дневной свет и вдохнуть живой воздух.

Бустов еще несколько дней ходил сам не свой.

Потом выветрилось. Другие дела заняли ум и сердце.

С обычными людьми было и трудней, и интересней, чем с почти богом. Богом-неудачником.

Леонид Каганов

ГАСТАРБАЙТЕР

Я зажмурилась. Бывают дни, когда жить не хочется. Зуб болел нестерпимо. Боль пронизывала всю нижнюю челюсть, раскаленным гвоздем протыкала язык и волнами растекалась внутри головы, словно мозг окатывали кипятком из чайника. Раствор соды был одинаково безвкусен и бесполезен. Почему сода? Кто сказал, будто она помогает? Мама сказала. Каждый раз, когда я прокатывала мерзкую водицу во рту, в зуб словно втыкали раскаленную иголку. И кто придумал называть его зубом мудрости? В чем там мудрость? Сплюнув, я опустила стакан на край раковины и вытерла губы полотенцем. Сама виновата. Надо было следить за зубами, надо было ходить к стоматологу, чтобы он шатал их по очереди своим чудовищным загнутым гвоздем и решал, где пора сверлить... Надо было, надо было, надо было... А если я с детства боюсь стоматологов больше, чем зубной боли?

Завтра мне это предстоит с самого утра — короткая скорбная очередь, металлический грохот инструментов в лотке, от которого обрывается сердце, зловещее маленькое солнце, пробивающее сквозь глазное дно прямо на дно души... Затем вот это деловитое без пауз: «Алла, подготовь два кубика чего-то-там-каина, РОТ НЕ ЗАКРЫВАЕМ!» А затем появится длиннющая игла, которая вопьется с протяжным хрустом в такое сокровенное и чувствительное место десны, куда ты стеснялась касаться даже ложкой... Я с остервенением помотала головой, отгоняя страшное видение, а зуб в ответ ожил и заныл, словно нерв уже наматывали на сверло бормашины... Проклятие, ну почему я? Почему мне? Почему нельзя попросить кого-то другого сходить за меня к зубному?

И в этот момент я впервые услышала голос. Он был тихим, даже каким-то смирным. У него был странноватый ак-

© Л. Каганов, 2011.

цент. Каким он был, этот голос? Наверно, мужской. Наверно — потому что я так и не смогла узнать о нем ничего конкретного. Какой-то очень обычный это был голос, как у случайного прохожего. Только почему-то раздавался прямо в моей голове.

— Вы слышите меня? — повторял голос. — Вы слышите меня?

— Слышу, — удивленно откликнулась я.

— Спасибо! — обрадовался голос, словно не надеялся на ответ. — Вы можете отвечать тоже мысленно, — добавил он.

— Кто вы? — Я постаралась произнести фразу мысленно и отчетливо.

— Я... — Голос слегка смутился, словно подыскивая слова. — Я ваш друг.

— Я вас знаю?

— Нет, что вы! — заверил голос. — Мне... ну, можно сказать, вас порекомендовали. У меня к вам предложение: вы не будете против, если вместо вас схожу к зубному я?

— Что? — опешила я.

— Я сейчас все объясню! — Голос торопился, словно боясь, что я каким-то способом прерву наш разговор. Хотя, понятное дело, ни хлопнуть дверью, ни бросить трубку я не могла. — У вас болит зуб, он будет болеть всю ночь, а утром вам ехать к стоматологу, и потом весь день ходить с ноющей десной и парализованной щекой. Зачем вам это? Давайте я проживу это время за вас. В вашем теле.

— А я где буду?

— А вы будете как бы спать, — поспешно заверил голос. — Вы не волнуйтесь, я обладаю многофункциональностью. Я все буду делать за вас в точности, как вы это делаете обычно.

— Что, и визжать у стоматолога?

— В известной мере.

— И всхлипывать, чтоб слезы катились?

— Немного — для вида. Я знаю, как бы вы себя повели, потому что буду пользоваться вашей же памятью. А когда вы проснетесь, тоже все будете помнить. Если вам моя работа понравится — возможно, вы пригласите меня снова.

— Кажется, так сходят с ума, — пробормотала я вслух.

— Тогда точно соглашайтесь! — нелогично, но убедительно поддержал голос. — Вы же ничего не теряете!

— Хорошо, — сказала я.

И на всякий случай ущипнула себя за руку, чтобы что-то проверить. Я знала, что есть такой способ, но что именно так определяют, не помнила: то ли сумасшествие, то ли сон, то ли просто приводят себя в чувство. Ногти впились в руку, и стало больно. Но удалось ли мне что-то проверить, я не поняла.

— Спасибо! — обрадовался голос. — Ну, я тогда приступлю...

Последнее, что я услышала, — стук в дверь ванной и ворчливый мамин голос:

— Анюта, ты там полощешь или по телефону разговариваешь?

Когда я проснулась, стояло утро. Я лежала в кровати, солнце било сквозь тюлевые занавески, а на тумбочке пиликал будильник, живущий в мобильнике. Или мобильник жил в будильнике? Уже не поймешь. «Многофункциональность» — вспомнилось мне слово, и следом в памяти всплыл вчерашний — уже позавчерашний! — разговор, а за ним — все события вчерашнего дня.

Это оказалось удивительным чувством — копаться в собственных воспоминаниях, которые не твои. Почти как смотреть кино с собой в главной роли. Минувший день лежал перед моим внутренним взором, я могла его мотать туда и обратно, как кинофильм, нажимая паузу и рассматривая остановившиеся кадры. День был прожит правильно, хотя прожила его не я.

Память сохранила не все: как я ждала автобуса и как ехала домой, помнилось смутно. Зато хорошо запомнилось, как перед домом зашла в наш новенький бутик и долго со вкусом меряла дивные перчатки. Но не купила, решив сделать это в другой день, когда буду в себе. А зря — перчатки были хороши, могут раскупить. Но мой незнакомый друг решил не брать на себя такую ответственность.

Плохо запомнилось время в кресле у стоматолога — то ли неизвестный друг постарался его стереть из памяти, то ли мне

не слишком хотелось вспоминать. Зато живо помнился симпатичный парень из очереди в кабинет, с которым мы, оказывается, легко познакомились, живо побеседовали и даже обменялись телефонами. Я рассказывала, как страшно боюсь зубных врачей, и он со смехом признался, что тоже их боится с самого детства, но что делать? Его звали Андрей, по образованию искусствовед, а работал механиком в кинотеатре.

Остаток дня тоже запомнился хорошо — я светски беседовала с мамой, спокойно реагируя на ее обычные поддевки, смотрела телевизор, немного попереписывалась с Эдиком. Переписку нашу я тут же нашла в мобильнике — нормальные ироничные сообщения, очень в моем стиле. Вот только тот, кто был в моем теле, никаких волнений по поводу Эдика не испытывал, и от того переписка вышла особенно удачной. «Ты сегодня в ударе!» — написал мне Эдик. Затем ровно в восемь я звонила начальнику, сообщив, что зуб вылечен и завтра я выйду в бухгалтерию как обычно. Черт возьми, я даже аккуратно завела будильник на семь тридцать, а одежду разложила стопочкой! Вспомнив о будильнике, я вскочила на постели — на просмотр воспоминаний ушло больше часа. Ругая себя за несобранность, я заметалась по комнате и вскоре окунулась в обычную жизненную суету.

Осталось неясным, услышу ли я когда-нибудь тот голос, и смогу ли его как-то отблагодарить? Что для этого надо сделать? Запустить второй зуб мудрости? Ответ на эти вопросы я узнала только через два месяца.

Андрей предложил меня проводить, но я отказалась. И очень зря. Этого типа я увидела, когда свернула на бульвар. Мне он сразу не понравился. Плюгавенький мужичок сидел на скамейке под фонарем, а на коленях у него лежала кепка. Но исходила от него какая-то эманация мерзости. Вскоре я заметила, что он идет за мной, и ускорила шаг. И сразу услышала за спиной топот и хриплое дыхание. Бросилась бежать, но куда убежишь на каблуках в два часа ночи по безлюдному бульвару? Почти безлюдному: какой-то парень с рюкзаком прошел мимо нас, так старательно отворачиваясь, словно сдал себя кому-то пожить, а жилец не смел рисковать физи-

ческим лицом. Да какая-то бабка, шатавшаяся в кустах, пьяно проорала из конца аллеи: «Бегают, бегают, сами не поймут, чего бегают...»

Плюгавый был яростен и неразговорчив: когда каблук подвернулся и я грохнулась на асфальт, он больно схватил меня за плечи и поволок в кусты. А когда я закричала, зажал мне рот, а другой рукой начал душить — не сильно, но мне в тот момент показалось, что насмерть. Я продолжала биться и сопротивляться, и пальцы на моем горле сжимались все сильнее...

— Разрешите мне? — вдруг ясно прозвучал в голове голос.

Проснулась я утром в своей кровати, поняла, что жива, и сразу полезла в память посмотреть, чем все кончилось. Кончилось все на удивление легко: сопротивляться я прекратила, обмякла — и маньяк тут же отпустил горло. Некоторое время он мешкал и копошился — то в своей одежде, то в моей, и непонятно было, чего он хочет, то ли грабить, то ли все-таки насиловать, то ли просто растерялся. Прошло несколько томительных минут, и вдруг на аллее появилась милицейская машина, лениво катящаяся по брусчатке со скоростью пешехода. Плюгавый тут же исчез. И больше не появился, хотя машина проехала мимо кустов и удалилась, ничего не заметив. Дальше в памяти с удивительной резкостью сохранилось, как я дошла до дома, изучила себя в зеркало и даже подержала на шее тряпочку, смоченную холодной водой, чтобы не осталось синяка. А затем тихо прошла в мамину комнату, стараясь ее не разбудить, накапала в стаканчик то ли валокордина, то ли валерьянки и легла спать. Удивительное спокойствие!

Все это пронеслось в памяти мгновенно, а в следующий миг я услышала голос — он все еще был со мной.

— Простите, — начал он вежливо. — Я решил попрощаться и извиниться за вчерашнюю поспешность. Мне показалось, что вам было очень неприятно вчера жить, и я вмешался.

— Спасибо! — мысленно поблагодарила я как можно отчетливей. — Вы меня вчера просто спасли! Скажите, как мне вас отблагодарить?!

— Ну что вы, какая благодарность? — удивился голос. — Спасибо вам, что дали мне прожить за вас еще один прекрасный вечер.

— Я бы не назвала его прекрасным, — мрачно возразила я.

— Любой момент жизни прекрасен, — ответил голос слегка печально. — По крайней мере для нас. Видите ли, там, где я живу, жизни фактически нет.

— А где вы живете? — жадно спросила я.

— Боюсь, не смогу точно объяснить, — вздохнул голос. — Вам будет проще считать меня существом с другой планеты, из другого мира или другого времени. Это верно лишь отчасти, но других слов у вас в языке пока нет.

— А могу я вас считать своим ангелом-хранителем? — спросила я.

— Конечно! — охотно подтвердил он. — Но это тоже не совсем верно — ведь я не могу вас ни от чего сохранить, я только готов прожить неприятные моменты вместо вас. На вашем языке правильнее будет называть меня гастарбайтером.

— Какой же вы гастарбайтер? Вы же не получаете денег за работу.

— Я получаю возможность прожить за вас маленький кусочек настоящей жизни. Поверьте, для меня это очень много значит — там, где живу я, ничего похожего нет. У нас очень и очень плохо с жизнью. И то, что для вас — неприятный день, для нас — просто счастье. В самом деле, ну что это такое — зубная боль или городской насильник?

— Это отвратительно!

— Для нас, — вежливо повторил голос, — даже такие дни — щедрый подарок. Мы готовы жить за хозяина все те утомительные, неприятные, больные и грязные дни, которые вы сами прожить не хотите.

Я задумалась.

— А вас много?

— Да, — вздохнул он, — увы. Нас очень и очень много, и на всех жизни не хватает. Вы бы ужаснулись, если бы знали, в каких условиях живем мы. На вашем языке это жизнью назвать нельзя вообще. Но мне наконец выпало опекать вас. Было очень сложно добиться этого права, пришлось много чем пожертвовать, а после я стоял в очереди почти вечность и уже

не надеялся, что мне выпадет такой шанс. — В голосе появились нотки гордости, но он смутился и поспешно добавил: — Если я вам не нравлюсь, если вам кажется, что я неискренен с вами или недобросовестно прожил за вас день — вы в любой момент можете меня выгнать! И на смену тут же придет новый. Поэтому я очень хочу, чтобы вы остались довольны.

— А у других людей тоже есть... гастарбайтеры? — догадалась я.

— Да, — ответил он, — у большинства окружающих вас людей тоже есть свои гастарбайтеры. Некоторые даже просят пожить за них не только в неприятные дни, но и просто в дни скучные. Есть гастарбайтеры, которые живут неделями, месяцами, даже годами. Бывает, знаете, сидит человек в тюрьме, сидеть ему долго...

— Странно, что я об этом ничего не слышала... — пробормотала я вслух.

— Ну кто же станет это рассказывать? — удивился голос. — А если расскажет — сами понимаете, ему прямая дорога в психушку. А там так скучно и неприятно... Для вас, конечно, — поправился голос. — Нам от постояльцев очень много просьб поступает.

— Что-то я слышала про людей, которые жалуются на голос внутри головы! — вспомнила я, и тут у меня возникла другая мысль: — Скажите, а можно как-то понять, человек сам перед тобой или это гастарбайтер?

Голос не отвечал долго — видно, задумался.

— Точно определить я сам не смогу, — ответил он наконец. — Гастарбайтер во всем старается поступать так, как делает хозяин обычно. Поэтому, когда живет гастарбайтер, человек выглядит очень обыкновенно, очень буднично, даже чересчур. Но есть один верный признак: гастарбайтер не сделает никаких резких поступков, ничего не поменяет и не примет никаких судьбоносных шагов. И если надо принять важное решение, всегда попросит время на размышление — до прихода хозяина. Ведь если он ошибется — сами понимаете, Анна, хозяин рассердится и выгонит его навсегда...

— Скажите! — оживилась я. — А как можно вас позвать?

— Ой, — поспешно откликнулся он, — я так старался не показаться навязчивым, что забыл с вами обсудить этот важ-

нейший вопрос! Вы можете позвать меня в любую минуту — придумайте какой-нибудь знак или кодовое слово, которое произнесете мысленно. Или пальцы скрестите.

— Я позову вас вот так... — Подняв левую ладонь, я сжала ее в кулачок, обхватив большой палец, — как в детстве, когда волновалась.

— Спасибо вам большое! — откликнулся голос. — Конечно, зовите меня, всегда буду рад! До свидания.

И он умолк. Я еще немного посидела в задумчивости — на душе было очень легко и спокойно. Забытое детское счастье, которого в детстве не ценишь: знать, что в любой момент достаточно позвать, и придет помощь.

Я подняла левую ладошку и сжала большой палец в кулачке.

— Здравствуйте снова! — послышался голос.

— Я просто хотела вас еще раз поблагодарить, — ответила я. — Но я даже не знаю вашего имени...

— У нас нет имен, — объяснил голос. — Называйте меня просто Анна, как и вас.

— Спасибо, Анна, — ответила я, — очень тебе благодарна. В качестве благодарности — хочешь прожить за меня пару дней?

Так дальше продолжаться не могло — это понимали и я, и Эдик. Наверно, о чем-то догадывался и Андрей. Даже мама неожиданно проявила такт и перестала меня допрашивать, хотя смотрела грустно. Это был тупик, отношения следовало безжалостно рвать. Причем, как я теперь понимаю, еще четыре года назад, когда я была наивной студенткой. Но я понимала, насколько этот разговор окажется болезненным — и мне, и особенно Эдику. Странно ведь, как поменялись мы ролями за эти четыре года. Смешно вспомнить: ведь когда-то я плакала, сидела сутками у телефона, ждала его звонков. А Эдуард Степанович не звонил — у него же работа, семья, лекции... Теперь Эдик совсем сошел с ума, забрасывал меня сообщениями, требовал встреч, даже вдруг заказал доставку цветов на дом. Надо же — ни один мужчина не заказывал мне на дом цветы. Последней каплей стал звонок в час ночи, когда Эдик сооб-

щил, что ушел из дома, бросив жену, и подает на развод. И все ради меня. Ирония судьбы. О чем он думал все эти четыре года? А о чем думала я?

Надо было все решить. Но как это сделать — я не представляла. Кошмарная сцена даже начала мне сниться: мы назначаем встречу в ресторане, Эдик приходит с огромным букетом, заказывает лучшее вино — он же у нас эстет, — вынимает красную бархатную коробочку, перевязанную ленточкой, и многозначительно кладет на стол передо мной. И смотрит на меня, смотрит с нежностью, потому что понимает, что это наша самая важная встреча. Но еще не знает. А я вижу, как он постарел, как измотаны его глаза, как много седины появилось в заносчивой профессорской бородке. Опускаю взгляд и тихо сообщаю: «Эдик, прости, но между нами все кончено...» Или нет, не так: «Эдик, я пришла сказать, что люблю другого...» Или просто: «Давай останемся друзьями?» И тут у него открывается рот, а веко начинает подергиваться. И он говорит шепотом: «Аня, это ведь шутка?» Или, наоборот, вскакивает, роняя стул: «Как?! Почему?! Что случилось?! Все же так было у нас хорошо? Ну скажи, ведь у нас все всегда было хорошо?!» Или просто: «Я в это не верю!» Или швыряет букет мне в лицо... хотя нет, букет уже у меня в руках. Тогда вырывает букет из моих рук, бросает на пол и кричит, багровея: «Шлюха!!! Проститутка!!! Как ты могла?!! Я ненавижу тебя!» А потом лицо его заливает бледность, он приходит в себя и шепчет: «Анюта, прости меня... Что мне для тебя сделать?! Скажи, что я должен сделать?! Я сделаю все, что хочешь! Что я должен сделать?»

А я? Я что должна сделать? Сказал бы мне кто... Я нервно покусала губу и сама не заметила, как левая рука сложилась в кулачок. Решение оказалось удивительно простым.

— Здравствуй, Анна! — тут же откликнулся голос.

— Здравствуй, Анна, — ответила я. — Сегодня вечером позвони Эдику и назначь встречу. Завтра встреться с ним, скажи, что между нами все кончено. Постарайся быть с ним мягче, но решения не меняй и надежд не давай. И еще... — Я вздохнула. — И еще даю тебе три дня... нет, целую неделю! На все те истерики, которые он будет устраивать. Советую отключить мобильник. Справишься?

* * *

Дни тянулись друг за другом нескончаемой вереницей, как кадры кинолент в рубке Андрея. Мы сняли квартиру и стали жить вместе, но будни оказались скучны. По-прежнему каждое утро я уходила в офис, садилась за свой стол и составляла бесконечные ведомости, шутливо бранясь с прочими девочками нашей бухгалтерии. Андрей шел на смену или торчал в интернете. Вечером, если у Андрея не было дежурства, мы ужинали вместе, садились на диван перед монитором и смотрели модные сериалы с субтитрами — из тех, что интересно смотреть, но после нечего вспомнить. Андрей не любил их за то, что приходится качать из интернета и смотреть на маленьком экране. Но все равно качал и смотрел. Фильмы, которые крутил его кинотеатр, он тоже не любил — говорил, скучно, однообразно.

Выходные проходили интересней: мы шли в кафе, на концерт или в клуб, а потом обычно у нас бывал секс, хотя в последнее время тоже довольно однообразный.

Если мне становилось грустно, особенно по утрам, когда просыпаешься по будильнику и смертельно не хочется вставать, я складывала руку в кулачок и звала Анну пожить за меня денек-другой. Запрещала я лишь секс с Андреем. Сама не знаю почему, наверно, ревновала. Но мне эта мысль казалась недопустимой. Как реагирует Андрей на отказы Анны — я старалась не выяснять. Потом как-то само получилось, что в будни меня всегда заменял гастарбайтер, а я появлялась лишь на выходные.

Шел обычный воскресный вечер. Позади у нас осталась милая итальянская пиццерия, бутылка шампанского, романтическая прогулка по тому бульвару, который я все еще не очень любила, затем торопливый душ и плавный, без лишних слов, прыжок в постель. И когда все кончилось, когда мы уже отдыхали, когда я лежала у него на плече, задумавшись, то вдруг неожиданно для самой себя спросила:

— Послушай, тебе не кажется, что мы стали жить как-то порознь?

— Почему? — удивился он и приподнялся на локте.

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Вроде вместе, но каждый по отдельности.

— По-моему, все нормально, — ответил он.

— Я так не думаю, — грустно сказала я. — Тебе не кажется, что наша жизнь превратилась в какое-то болото?

— Нет, — отвечал он. — Почему?

— Тебе не кажется, что ты иногда живешь будто не со мной?

Я замерла, боясь услышать ответ.

— Нет, не кажется, — ответил он. — Что ты имеешь в виду?

Я помолчала.

— Хочешь, серию посмотрим? — предложил Андрей.

— Нет. — Я качнула головой. — Давай лучше поговорим. Скажи, как ты видишь наше будущее?

— В каком смысле? — удивился он.

— Ну... — Я замялась. — Понимаешь, каждой женщине хочется стабильности.

— Вас не поймешь, — зевнул Андрей. — То тебе жизнь болото, то наоборот — стабильности.

Я посмотрела ему в глаза и решилась:

— Андрей, ты меня любишь?

— Конечно, — кивнул он удивленно.

— Андрей, мы живем вместе почти год, почему ты мне никогда не делал предложения?

Он замялся и отвел взгляд.

— Послушай! — настаивала я. — Давай наконец поговорим. Мы живем вместе, но так давно не разговаривали! Мне уже двадцать шесть, я хочу семью, хочу ребенка... Я тебя люблю!

— Я тебя люблю, — повторил он послушно.

— Если я тебе сама предложу завтра пойти в ЗАГС и подать заявление, что ты мне ответишь?

Андрей мялся.

— Ты меня не любишь? — ахнула я.

— Люблю, — вздохнул Андрей.

— Но не хочешь на мне жениться и не хочешь детей?

— Хочу, — ответил он.

— Так пойдем прямо завтра и подадим заявление!

— Завтра не могу, — пробормотал Андрей. — Завтра дежурство.

— Хорошо, послезавтра, во вторник?

— Давай все обдумаем? — предложил он.

И тут я взорвалась:

— Давай! Обдумай сейчас и ответь мне! Мужчина ты или нет?

Андрей снова отвел глаза.

— Мне надо подумать, — пробормотал он. — Дай мне подумать?

— Сколько?

— Хотя бы пару недель.

— Сколько?! — ужаснулась я. — А почему сейчас ты не можешь дать ответ?

— Сейчас, — сказал Андрей с удивительно знакомой мягкой интонацией, — я не могу. Мне надо обдумать. Смогу точно сказать только в следующем месяце, восьмого числа, как раз будет твой день рождения...

И тут я вдруг все поняла.

— Что, хозяин в отпуске? — желчно спросила я, глядя прямо ему в глаза.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду! — фальшиво ответил Андрей, стараясь не встречаться со мной глазами, а затем протянул руки: — Я люблю тебя и...

— Не трожь! — заверещала я, вскакивая. — Не трожь меня больше своими подлыми руками! Клещами, щупальцами или что там у тебя внутри!!!

— Анечка...

— Будь ты проклят, киномеханик! — Я чувствовала, что по лицу катятся слезы. — Я думала, ты... А ты не только себя, ты и меня сдавал в аренду чудовищу!

Я думала, что мама устроит сцену, но она встретила меня спокойно — с пониманием и теплом. Взяла из рук баулы с моими вещами, принялась хлопотать на кухне. Со мной творилось что-то странное: слезы то катились, то высыхали, бросало то в жар, то в холод. Я сбивчиво объяснила, что у нас с

Андреем все кончено, но подробности расскажу завтра. Мама не стала ни о чем спрашивать, расстелила диван в моей комнате, напоила чаем, заставила зачем-то выпить аспирин...

Она ушла в свою комнату, а я в свою. Выключила свет, легла, но сон не шел, а на душе было невыразимо мерзко. Тогда я встала, прошлась по комнате — своей комнате, с детскими рисунками на стенах, со шкафчиком, набитым любимыми когда-то дисками... Все это казалось теперь не моим — далеким и чужим. Бесцельно пошатавшись по комнате, я вышла на балкон, спотыкаясь о наваленные там корзины. Облокотилась о перила и стала смотреть вниз. Район спал. Отсюда, с девятого этажа, он был виден весь — от бульвара и до трамвайного кольца. Тут была моя школа, там — детская поликлиника, где мне вырвали первый молочный зуб. Слева за корпусами торчал бетонный торец проклятого кинотеатра «Луч»... Мягко светили фонари, шелестела майская листва.

Завтра меня ждала проклятая бухгалтерия, разговор с мамой, а потом опять — будни, будни, однообразные как десять арабских цифр на листках календаря. Я снова посмотрела вниз, а потом вдруг запрыгнула на корзины, перебросила коленку и села на холодные перила, свесив ноги вниз. Далекий двор, наполненный асфальтом, автомашинами и сиренью, плыл подо мной в полумраке и ночных шорохах. Глубина двора старалась ухватить взгляд и дернуть вниз.

«Раз, и все, — сказала я себе. — И хватит».

И я уже почти перевесилась вперед корпусом, но в этот момент раздался голос.

— Анна, — мягко, но торопливо произнес он. — Если вам не принципиально, позвольте мне?

— Что? — опешила я. — Прыгнуть?

— Позвольте мне дожить за вас остальные годы? — Голос снова заторопился: — Вы знаете, все-таки там, внизу, у вас будут очень болезненные минуты. А может, даже часы. И это будет так некрасиво выглядеть со стороны! Соседи станут глазеть из окон, Тамара Гавриловна выскочит злословить, приедет милиция... Потом, вы же стольких людей огорчите! Ведь у вас мама, одноклассники, коллеги, подруги... Эдик будет убит горем, извините, что о нем напоминаю. Ну и Андрей, конечно, огорчится очень, особенно когда вернется и узнает... А я обе-

щаю вам прожить вашу жизнь хорошо! Спокойно, достойно! Вы согласны? Да?

Я задумалась. Терять мне было нечего — для себя я все решила.

— Только будь помягче с мамой, — попросила я. — Скажи, что я ее всегда любила. Хоть мы и ссорились.

Голос молчал.

— Чего же ты молчишь? — спросила я требовательно. — Обещаешь?

— Извини, — печально ответил голос. — Я не могу это обещать. Мамы нет.

— Как это? — не поняла я.

— Она отбыла... насовсем. — Голос тщательно подбирал слова. — Там теперь живет гастарбайтер.

— Давно? — спросила я ошарашенно, еще до конца не понимая смысла этих слов.

— Уже четыре года. После той ссоры. Ну, помнишь, когда мама пригрозила, что, если ты продолжишь встречаться с Эдуардом, она жить не будет...

Я открыла рот, а затем до крови прикусила губу.

Голос долго молчал, а потом все-таки продолжил:

— Так если ты не против...

— Послушай! — перебила я. — Да сколько же вас здесь понаехало?! Что вам всем здесь надо?!

— Мы же не виноваты, — вздохнул голос. — Разве мы виноваты? Мы просто готовы взять на себя то, от чего вы отказываетесь.

— Но вы же нас почти всех выжили! Почти всех! — завизжала я вслух. — Никого не осталось! Хорошо устроились — сначала зуб, потом неприятный разговор, а потом и все вам отдай?!

— Так мы никого не принуждаем! — взмолился голос. — Разве мы виноваты, что согласны жить там, где вы не хотите?

Я решительно перебросила ноги обратно на балкон.

— Знаешь что, моя дорогая Анна? — сказала я мысленно, но очень отчетливо. — Проваливай прочь и никогда больше не приходи!

— Простите! — залепетал голос. — Я никак не...

— Я сказала: вон отсюда!!!

— Конечно, как скажете... Но если вдруг заболит зуб мудрости или...

— Мой зуб — мне и разбираться! У меня нет лишних зубов, с вами делиться! И лишней боли для вас нет! Это все мое — ясно? Даже боль! Я, может, сама ждала вечность, чтобы пожить собственной жизнью! Уходи навсегда!

На соседнем балконе послышался шум, и высунулась заспанная Тамара Гавриловна.

— Что за вопли в час ночи?! — проскрипела она. — Я в суд подам!

— Да хоть прямо завтра, — огрызнулась я.

— Мне надо подумать, — мрачно пообещала Тамара Гавриловна и зачем-то уточнила: — Месяца через два подам.

Олег Овчинников

ОПЕРАТОРЫ ВСЕХ СТРАН

— Карл для Лары украл кальмаров, — с порога объявил я. Не бог весть какой каламбур, однако на его сочинение ушло сорок минут: дорога быстрым шагом от метро до дома. — А Лара для Карла?

— Ты не Карл!

— Я в курсе. Оттого и не украл, а обменял на честно заработанные мятые бумажки.

Я выставил на стол тщедушную баночку. Строго говоря, это была смесь кальмаров с осьминожками, но осьминожки не ложились в размер. Лара задумчиво покрутила ее в пальцах.

— Разве я просила кальмаров?

— Угу. Причем была очень убедительна.

— Странно. Мне кажется, речь шла об эклерах. Сейчас бы я точно съела эклер.

— Так кальмары уже не нужны? Давай я их выброшу.

— Не дам!

Она вцепилась в баночку, вся сжалась в своем кресле и теперь смотрела исподлобья взглядом осьминогозависимого кальмаромана.

Я вздохнул с облегчением. В это время суток в нашем районе можно найти все что угодно, кроме порядочных людей и эклеров.

— Я свинья, да? — вдруг спросила она.

— Ты с ума сошла! — Я присел на подлокотник кресла и погладил мышиные хвостики, заменяющие Ларе челку. Сегодня их было восемь. И склеенные ресницы — следы недавних слез.

Она взяла мою руку, обвила своими и покачала головой.

— Свинья... Сижу тут, ничего не делаю, извожу тебя капризами, а ты вкалываешь за двоих.

— За троих, — уточнил я. — Но эти трое того стоят! Ты ходила в консультацию?

© О. Овчинников, 2011.

— Ходила, только... — Лара опустила глаза. — Я не досидела. Не смогла. У меня снова был приступ, и я убежала. Там столько женщин в очереди. Некоторые светятся, как солнышко, а некоторые... некоторые...

— Ну все, все, все. — Я прижал ее голову к своей груди.

— Я помню его наизусть, — пожаловалась она.

Я кивнул. Я тоже помнил слово в слово содержание многих сеансов. В особенности тех, о которых больше всего хотел бы забыть.

— Не знаю точно, кого я услышала, но там была одна брюнетка — совсем молоденькая. Она так нервничала. Постоянно выбегала курить, хотя это же нельзя, правда?

— Конечно. Расскажи, что там было. Станет легче, — соврал я.

Лара отпустила мою руку, откинулась в кресле и оцепенела. Как будто и вправду по второму разу переживала сегодняшний сеанс. Только во время сеанса голос меняется, а Лара заговорила своим собственным, и глаза ее все время оставались карими. Она сказала:

— Я никогда больше не изменю Жене. Господи, я никогда больше не изменю Жене. Только бы, только бы, только бы он не узнал, что это не его ребенок!

— Это все?

— Да. — Лара вздохнула. Кажется, ей действительно стало легче. — Я проорала это на весь коридор. Все, кто был в очереди, перестали болтать и уставились на меня, как на сумасшедшую. Наверное, они подумали, что это я... Ну, что я изменила какому-то Жене, и у меня сдали нервы. А у молоденькой брюнетки было такое лицо, как будто ее ударили. Я все-таки думаю, что подслушала именно ее.

— Тебе повезло.

— Глупости!

— Тебе сказочно повезло. Хотел бы я хоть раз увидеть того, кто кричит о своей боли моим ртом.

— Только не в этом случае. Я все равно ничем не могла ей помочь. Только взглянула на нее и... убежала. Не знаю, как я смогу туда вернуться.

— Тебе не обязательно возвращаться.

— Да? И в роддом ложиться не обязательно? А ведь там будет в сто раз хуже. Там ВСЕМ больно и страшно!

— И в роддом не обязательно.

— Как же я буду рожать?

— Дома будешь рожать, в ванне.

— У нас нет ванны.

— Прости, все время забываю. Тогда в душевой кабинке. Или я найду еще одну работу, и мы устроим тебя в частный роддом.

— У тебя и так миллион работ.

— Значит, еще одна ничего принципиально не изменит. Зато, когда мне выплатят миллион зарплат, мы сразу станем миллионерами.

Вопреки моим надеждам Лара не отреагировала на вымученную шутку.

— Проклятый кризис, — вздохнула она. Потом скосила глаза на свой живот, и я отметил, что с каждой неделей у нее это получается все естественнее. — Как ты думаешь, каким он будет?

— Почему он? А вдруг она?

На этот раз Лара улыбнулась.

— Все равно он. Потому что ребенок. Скажи, раз мы оба с тобой... такие, то и он может стать... таким?

Что за жизнь? — стиснув зубы, подумал я. Пять лет вместе, а так и не договорились, что и как называть. Приступы или сеансы? Вызывают нас или абонируют? У нас даже нет слов, чтобы назвать самих себя. Кто мы? Операторы односторонней связи? Ассенизаторы человеческих душ?

Проклятый кризис? Нет, проклятые мы! Знать бы еще, кем и за что.

— Не знаю, — сказал я. — Я бы хотел, чтобы он был нормальным.

— Ладно. Давай ужинать, — предложила Лара.

Приготовления к ночному пиршеству заняли пару минут. Мы застелили стол выпуском прошлогодних новостей. Лара выбралась из кресла, чтобы нарезать хлеб. Я отыскал консервный нож и выпустил на волю кальмаров с осьминожками. Мы уже занесли над ними вилки, когда нас обоих накрыло.

— Снова Она, — простонала Лара.

— Похоже, — согласился я, наблюдая, как из нашего тесного мирка, из этих четырнадцати метров полезной площади, куда-то утекают все краски.

Еще мы успели взяться за руки. Мы делали так всегда, когда у одного из нас случался сеанс. С того самого раза, когда нам, сидящим за столиком в летнем кафе, удалось свести вместе две потерявшиеся судьбы. Тот успех больше не повторялся, но мы не теряли надежды, что когда-нибудь из миллиона случайностей сложится еще одно маленькое чудо.

Сейчас я не надеялся на чудо. Я знал, что нас ждет. За последние полтора месяца мы с Ларой пережили это раз двадцать.

Что ж, будем надеяться, переживем и двадцать первый.

Мы одновременно запрокинули головы к свисающей на обрезке шнура шестидесятиваттной лампочке, которая все тускнела и тускнела, пока не превратилась в черную несъедобную грушу, и закричали в один голос — полный отчаяния голос девочки-подростка:

— А-А-А-АПЯТЬ!

— Поддалбливай тут вокруг кабеля, — сказали мне, и я, натянув рукавицы, стал поддалбливать.

Сверху то ли сыпалось, то ли моросило, и это было хорошо: подмокшая земля казалась не такой твердой. В однообразных подъемах и падениях тяжелого лома тоже было свое очарование. Под эти монотонные «Бух! Бух! Бух!» можно было не думать ни о чем, кроме самого насущного. Например, о том, что ты не замерзнешь, пока хотя бы одной твоей руке или ноге сухо и тепло, и какая это была гениальная идея утеплить прохудившиеся ботинки зимними меховыми стельками.

Но реальность — такая штука, от которой не спрячешься на дне самой глубокой траншеи, и когда очередное «Бух!» раздалось не снаружи, а внутри, я подумал только: «Что ж так часто-то? Ведь только вчера же...» Сомнений не было, это снова начиналось оно. Вернее, Она. Если обычный абонент выходил на связь постепенно, как будто нащупывая свой путь к тебе, а потом и сквозь тебя, в любом случае у тебя оставалось время, чтоб хоть как-то подготовиться, то Она всегда по-

являлась резко и целиком. И никакого тебе холодка с мурашками, никакой иголочки в темя — просто «Бух!» — и словно бы еще один лом вбили тебе в то место, где раньше был позвоночник.

— ГОСПОДИ, ДА ЗА ЧТО МНЕ ВСЕ ЭТО?

И то верно, за что?

Пять минут спустя я стоял, гладил через воротник толстовки сорванное горло и наблюдал, как мир вокруг меня снова обретает цвета. И самыми яркими пятнами в нем были лица коллег по бригаде. Наш старший (он же — единственный русский, помимо меня) возвышался над краем траншеи, молчаливый и яростный, точно бог возмездия. Я догадался, что сейчас меня будут бить, возможно, даже похоронят в этой импровизированной могиле шириной в полтора и длиной в шестьдесят метров, и, проследив за взглядом бригадира, понял, за что. Оказывается, во время сеанса я не прекратил долбежку, и сейчас острие лома торчало из сердцевины развороченного кабеля.

— Слушай, малахольный, иди-ка ты отсюда, а? — предложил бригадир.

Я положил лом на влажную землю, бросил сверху рукавицы и не спеша выбрался из траншеи. Помогать мне не стали. Бить, правда, тоже. Представители восточных национальностей вообще с пониманием относятся к бесноватым.

— И больше не приходи! — бросил мне вслед бригадир.

Жалко. Из миллиона моих работ эта, пожалуй, была лучшей. Платили здесь немного, зато после каждой смены.

— Что ж ты творишь с нами, глупая? — вслух подумал я.

Она ворвалась в нашу жизнь в начале сентября. То ли переехала откуда-то вместе с родителями, то ли вернулась с каникул, осознав себя в новом качестве, но Первый Звонок в этом году обернулся для нас с Ларой пожарным набатом.

Она была оператором. То есть могла улавливать чужую боль, ненависть, ярость и страх и так же, как все мы, не знала, что с ними делать. Вот только Ей, судя по голосу, было двенадцать, и после каждого сеанса у Нее случалась истерика. Все принятые эмоции при этом снова неслись в эфир, усиленные и дополненные Ее собственными комплексами и страхами. Двенадцать лет — возраст, когда мир и без того

повернут к тебе своими острыми углами. Когда каждая неудача оборачивается уверенностью в собственной ущербности. Когда тебе кажется, что на целом свете ты такой один. Об этом хочется кричать. И Она кричала, не разжимая губ. А мы с Ларой срывали голос.

Понятно, что жить с такой сиреной в голове нельзя. Ждать, пока девочка успокоится, можно долго, вплоть до совершеннолетия. Успокоить Ее самим? Но как? Ведь Она раз десять на моей памяти спрашивала «ПОЧЕМУ Я НЕ ТАКАЯ, КАК ВСЕ?», но ни разу — «ПОЧЕМУ Я, ТАНЯ ИВАНОВА ИЗ ШЕСТОГО «Б», НЕ ТАКАЯ КАК ВСЕ?». И пусть тань ивановых в окрестностях едва ли не больше, чем шестых «Б», у нас была бы хоть какая-то зацепка. Мы же знали лишь Ее пол, примерный возраст и то, что она живет где-то неподалеку. Об этом говорила чистота и сила сигнала.

Когда жить в постоянном ожидании разрыва мозга стало невыносимо, мы попытались найти ее на основании наших скудных данных, призвав на помощь научный подход. Мы разбили район на квадраты. Надеялись по изменению интенсивности сигнала установить его источник. Я был против участия Лары, но как иначе мы смогли бы сравнивать показания? Днем я работал, каждую вторую ночь — тоже, поэтому для поисков у нас оставалось только ранее утро и вечер. Истерики у девочки чаще всего приходились на вечер, поэтому мы выходили на охоту в темное время суток. В первый раз я занял пост у метро, Лара — в парке. Нам «повезло», очередная истерика случилась, едва мы заняли наши позиции. Когда все закончилось, мы обменялись впечатлениями. «Ну, как у тебя было?» — «Плохо». — «Насколько плохо?» — «Ужас как плохо». — «М-да... И у меня ужас». В общем, так себе получился обмен. Назавтра я переместился к рынку у МКАД, Лара — к двум новым высоткам... где мы и провели три вечера кряду, ожидая, когда закончится внезапное затишье. И на четвертый вечер дождались. Контузило обоих, причем опять невозможно было понять, кого сильней. Так бы мы и продолжали нашу чехарду, если бы следующий сеанс не настиг меня на противоположном конце Москвы, в метро, под гранитной толщей, надежно экранирующей любой сигнал. Кроме этого. Передача была чистая и мощная, как из соседней

комнаты. И глупо было предполагать, что загадочная девочка следует за мной по пятам. Просто расстояния не играли для нее роли.

В тот день я вернулся домой поздней обычного. Поймите меня правильно, я уважаю нашу милицию. Но почему-то совершенно без взаимности. Кстати, имейте в виду, если в переходе метро вы начнете кричать детским голосом «ПОЧЕМУ ВЫ ВСЕ МЕНЯ НЕНАВИДИТЕ!», вам не поможет ни Бог, ни черт, ни московская регистрация.

Единственным полезным следствием из нашей охоты на лис стал вывод о том, что мы имеем дело с оператором потрясающей силы.

Из-за которого я сегодня остался без работы.

Отпирая входную дверь, я все еще думал, как бы помягче сообщить об этом Ларе. Но оказалось, что ей тоже не терпится поделиться со мной новостями.

— Знаешь, я все-таки сходила на УЗИ, — объявила она. — К частному врачу. Потратила ку-учу денег.

— Мятых бумажек, — поправил я.

— Да, мятых бумажек. Зато я была там совсем одна.

— И что показало УЗИ?

— Сесть не хочешь?

— Хочу. Но боюсь заснуть.

— Лучше все-таки сядь.

Я опустился на стул. Сна ни в одном глазу, напротив, нервное сердцебиение в висках.

— Ну, что? Говори же! Клянусь, я обрадуюсь всему, включая неведому зверушку.

— Там... — Лара обхватила руками живот и вздохнула. — Картина Репина. Опять двойня.

— Что? О ч-черт! — против воли сорвалось с языка. — То есть... Я хотел сказать: ура!

— Первое слово дороже второго, — сказала Лара и отвернулась к стене.

— Чепуха! Первое слово в огне горит, второе правду говорит, — горячо возразил я, думая про себя: «Черт! Черт! Черт!»

— Как же мы будем жить? — спросила Лара у выцветших, в жидкий цветочек, обоев.

— Долго и счастливо. — Я обнял ее, быстро поцеловал в висок, в каждый мышиный хвостик, в другой висок и повторил: — Долго и счастливо.

— Ну да. Если только...

— Никаких если!

Но Лара все же закончила:

— Если только Она позволит.

Две перевязанные бечевкой стопки книжек я нашел еще весной. Классика, словари и немного детективов. Кто-то сложил их возле мусоропровода, а я принес домой. Думал, буду почитывать на досуге. Однако досуг за полгода не выдался ни разу.

Я взял верхнюю книжку из стопки, как оказалось, томик Чернышевского. Для моих целей он подходил как нельзя лучше.

«Что же делать-то, а? — думал я, легонько постукивая книжкой по затылку. — Что делать?»

Тюк, тюк, тюк... Непрямой массаж мозга не помогал.

Тогда я попробовал другой способ.

— Ларусь! Скажи, пожалуйста, страницу и абзац.

— Тридцать шесть и пять, — ответила Лара, задумчиво изучая градусник.

— Спасибо.

Я раскрыл книгу на тридцать шестой странице, отсчитал пятый сверху абзац и прочел:

«Я сердит на тебя за то, что ты так зла к людям, а ведь люди — это ты: что же ты так зла к самой себе. Потому я и браню тебя. Но ты зла от умственной немощности, и потому, браня тебя, я обязан помогать тебе. С чего начать оказывание помощи? да хоть с того, о чем ты теперь думаешь: что это за писатель, так нагло говорящий со мною? — я скажу тебе, какой я писатель».

— Бр-р-р-р! — Я помотал головой и продолжил нарезать треугольники по комнате.

Тюк, тюк, тюк — окно. Тюк, тюк, тюк — стол. Тюк, тюк, тюк — кровать.

Даже не так.

Тюк, тюк, тюк — на что жить? Тюк, тюк, тюк — как рожать? Тюк, тюк, тюк — что делать с Нею?

— Ла-ар. Как ты думаешь, зачем писатели пишут книжки?

— Чтобы заработать кучу денег.

— Думаешь? Да нет, тогда бы они писали деньги.

— Значит, чтобы сделать людей лучше.

Я обдумал этот ответ и покачал головой.

— Наверное, все-таки нет. Никакая книга не сделает человека лучше. Строго говоря, те, кто особенно нуждается в улучшении, навряд ли читают книги.

Лара встряхнула градусник и снова сунула под мышку.

— Зато книга может помочь людям, которые УЖЕ хорошие, понять, что они не одиноки.

Я остановился, где был, на полпути между кроватью и окном.

— Ларусь. Я говорил тебе, что ты гений?

— Ни разу. Зато говорил, что никогда не врешь.

— Вот! — Я поднял глаза к потолку. — Где же ты, глупая? Я уже скучаю по твоему ЧТО ЖЕ СО МНОЙ ПРОИСХОДИТ!

Должно быть, я слишком правдоподобно изобразил интонации двенадцатилетней девочки. Лара покосилась на меня настороженно. Я же, напротив, воспрял духом — впервые за эту трудную осень.

Когда Она пришла в следующий раз, я изо всех сил старался контролировать сознание. Надеялся остаться собой хоть на чуть-чуть, хоть на мгновение, чтобы, когда откроется эмоциональный портал, послать навстречу чужому страданию несколько ободряющих слов. Крикнуть или хотя бы прошептать: «Да, ты не такая, как все, но ты не одинока. Нас немного, но мы есть. И ты делаешь нам больно».

Только ничего у меня не вышло. Трудно изображать безучастность, когда по тебе едет асфальтовый каток. Девочка, как всегда, смяла меня, разжевала и выплюнула, даже не заметив.

Односторонняя связь так и осталась односторонней.

Бывает так: повесишь голову, опустишь руки и ничего уже не ждешь, как вдруг судьба, вдоволь наигравшись с тобой в кошки-мышки, сама постучится в двери и приведет с собой

надежду. Что-то подобное случилось и с нами. Только наша судьба выбрала для визита странное время — около шести утра — и, судя по громкости ударов, стучалась в дверь ногой.

— Я открою, — сказал я Ларе, когда она заворочалась под двумя одеялами.

— Только осторожней, — попросила она сонным голосом. — Кто бы это мог быть?

— А я знаю? Сейчас! — крикнул я в сторону прихожей, застегивая ремень на брюках. Потом натянул футболку и босиком прошлепал к двери. — Кто там?

— Свои, — ответил немолодой женский голос. К тому же еще и неласковый.

Я распахнул дверь.

— Баб Глаш?!

— Кто ж еще! — ответила она таким тоном, будто заглядывала к нам по три раза на дню. Будто к нам вообще хоть кто-то заглядывал! — Эй! Пусти в дом, чего на пороге держишь?

Я посторонился, пропуская гостью в прихожую.

Баба Глаша была из наших. Иногда она принимала передачи, а все остальное время расплачивалась за это своей неустроенной жизнью и статусом районной сумасшедшей. С марта по октябрь она торговала возле универсама цветами сомнительного происхождения, все остальное время перебивалась сбором стеклотары. Этим утром баба Глаша пребывала в демисезонном состоянии: в левой руке она держала ведерко подмороженных гвоздик, а в правой — гремящую авоську, из которой во все стороны торчали бутылочные горлышки. По крайней мере мне стало ясно, почему баба Глаша стучалась в дверь ногой. Но вот зачем она пришла? И откуда вообще узнала наш адрес? М-да, загадка!

— Давайте вашу сумку. И ведерко сюда вот поставьте. Нет-нет, разуваться не надо. Проходите. Хотите стул или — сейчас я освобожу — кресло?

— Баб Глаш, хотите чаю? — Лара все-таки выбралась из своей шерстяной берлоги и даже успела натянуть халат поверх ночной рубашки.

— Не мельтеши, — буркнула баба Глаша и осталась стоять. Из-под нарочитой грубости выглядывала нерешитель-

ность. Нашей гостье тоже было не по себе. Она и сама плохо понимала, зачем пришла сюда. — Эта... сони... — начала баба Глаша словами популярного слогана. Продолжила сбивчиво, глядя в пол: — Так дальше нельзя. Мне б дожить свой век спокойно. Скоро семьдесят уже. Я так не могу. Надо что-то делать с этой малолеткой.

— С какой? — хором спросили мы с Ларой.

Бывает, совершенно невозможно удержаться от бессмысленного вопроса, даже если тысячу раз уверен в ответе.

Баба Глаша посмотрела на нас, усталая и старая, как сама Вселенная, и прописклявила:

— ДА КОГДА ЖЕ ЭТО ЗАКОНЧИТСЯ!

Вообще-то звукоподражатели из нас так себе. Только во время сеанса наши голосовые связки способны творить чудеса, но в данном случае узнаваемость была стопроцентной.

Я прокашлялся и предложил:

— Давайте все-таки выпьем чаю.

Я не заметил, откуда возникло порезанное на дольки яблоко, баночка джема, пачка печенья «Юбилейное». Баба Глаша с сомнением изучала надпись «Большевик. Москва 1855» на упаковке.

— Да свежее, свежее, — успокоила ее Лара. — Только вчера купила.

Чай мы с Ларой отхлебывали по очереди, сидя на шатких подлокотниках кресла и проклиная собственное негостеприимство. Оказалось, дома нет ни третьей чашки, ни дополнительного стула. Да и к чему они, ведь мы никогда не принимали гостей. Даже в ЗАГСе обошлись без свидетелей.

Разговаривали в основном барышни, я больше прислушивался к их ахам и охам, думая о своем.

— Как-то надо что-то делать, — по пятому разу повторяла баба Глаша.

— Да что тут поделаешь, — вздыхала Лара.

— Что-то надо. Как-то решить и сделать. Сообща.

— Сообща... — Я сорвался с подлокотника и принялся мерить шагами комнату.

— Снова он мельтешит, — пожаловалась гостья, но я только махнул рукой. На ходу мне лучше думалось.

— Баб Глаш, а много вы наших знаете?

— Это оглашенных-то? — Старушка уставилась в потолок, припоминая, и начала загибать пальцы. — Я, вы двое, Никитка, который сантехник. А надо только с нашего района?

— Нет, вообще.

— Так, значит, Лизавета, монашка. Еще парень один, не знаю, как зовут. В автобусе его часто встречаю, который до платформы ходит. Потом... кто еще?

— А я вас как-то видела возле универсама, — сказала Лара. — С вами был мужчина — седой, с собакой. Он ведь тоже наш?

— Да, наш. Коля его зовут, Николай. — Баба Глаша нахмурилась, а я подумал про себя: чтоб я в семьдесят так краснел!

— Вы сможете с ним связаться? — спросил я.

— Смогу. Чего тут мочь-то. А зачем?

Я не ответил. Только зашагал быстрее.

— Еще старичок молодой, который рядом с контейнерами ночует, — вспомнила Лара. — То есть по виду он совсем старик, но когда «скорую» вызывали, оказалось, что ему то ли двадцать пять, то ли еще меньше.

— Этого помню, — сказал я. — И еще троих.

— Эй, Марк Шагал! — окликнула баба Глаша.

— Я не Марк, — машинально отозвался я.

— Так прекрати шагать. Зачем тебе эти люди?

— Сейчас, сейчас... — Я потер ладони. Мурашки побежали вдоль позвоночника — не от предчувствия сеанса, просто от восторга. Не «Список Шиндлера», конечно, но хоть на половинку Оскара мы навспоминали.

Я остановился и начал выворачивать карманы. Мятые бумажки падали на стол. Маловато, черт, маловато!

— Еще у меня в кошельке сто пятьдесят рублей. Надо? — спросила Лара.

Я кивнул.

— Да что ж ты творишь-то? — волновалась баба Глаша.

— Собираю на маршрутку, — признался я. — В машину мы не влезем, в метро нас не пустят. Ну или пустят, но не всех.

— Какое метро! Какую машину! — Она закатила глаза. — Куда ты собрался, малахольный?

— Пока не знаю, баб Глаш. То есть примерно представляю, но не до конца. Нужно, чтобы место было подальше от центра, но при этом чтобы все о нем знали. Например, смотровая площадка возле МГУ или...

— Парк «Сокольники», — подсказала Лара.

— Да. Только желательно, чтобы оно было в шаговой доступности от метро и еще чтобы там никого не удивила группа маргиналов.

— Кого? — переспросила старушка.

— Странных людей.

— А-а... — Она задумалась ненадолго и сказала: — Парк Победы. Поклонная гора.

Я чуть на месте не подпрыгнул от возбуждения.

— Баб Глаш! Можно я вас расцелую?

— Еще чего! — отмахнулась она и добавила строго: — Лариса, ты бы последила за мужем. Похоже, он у тебя совсем... того.

Я только рассмеялся, собирая мятые бумажки в одну кучку.

— Значит, нам нужна маршрутка, нам нужен водитель, нам нужно...

— Прямо сейчас? — спросила Лара.

— Нет, завтра. В субботу. В девять утра, — сходу определился я. — А прямо сейчас, милые дамы, мне нужна ваша помощь.

— Нужно будет много ходить? — догадалась жена и, дождавшись моего «Угу», сказала: — Хорошо. Тогда помоги мне зашнуровать кроссовки.

— Лара!

— Что? — Она лежала, забросив ноги на спинку кровати. Набегалась за день, бедняжка.

— Страницу и абзац, — взмолился я.

— Тридцать шесть и шесть.

Кажется, она снова сверялась с градусником.

Я раскрыл потрепанный томик и прочел:

«У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрейшая публика! прочтешь не без пользы. Истина — хорошая

вещь: она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей. Поэтому я скажу тебе: если б я не предупредил тебя, тебе, пожалуй, показалось бы, что повесть написана художественно, что у автора много поэтического таланта. Но я предупредил тебя, что таланта у меня нет, — ты и будешь знать теперь, что все достоинства повести даны ей только ее истинностью».

На сей раз в точку, подумал я. Ни капли художественного таланта, одна истинность. Да и истинность, положа руку на сердце, сомнительная.

Писателю хорошо. Когда у него что-то не ладится, он комкает один бумажный лист за другим и бросает их под стол. Я и этого не мог себе позволить. В условиях дефицита писчей бумаги я комкал несчастный листок, а через пару минут снова его разглаживал и перечитывал собственные каракули в надежде обнаружить в них новый смысл, новую истинность. Только откуда бы ей там взяться?

Бегать по городу было легче. Даже мотаться шесть раз в полном автобусе от железнодорожной платформы до метро и обратно в поисках парня, о котором говорила баба Глаша, было легче. Я разговаривал с людьми. Я был обаятелен и убедителен. И только сейчас, оставшись наедине с листком бумаги и авторучкой, признался себе, насколько я ни в чем не уверен. С чего я взял, что одиннадцать человек смогут то, чего не смог один? М-да, загадка!

— Я идиот, — пожаловался я вслух. — Я все-таки идиот. Причем пафосный. Почему мне так хочется начать со слова «Земляне»? Зачем мы вообще все это затеяли? Ни черта же не получится.

Лара молча погладила меня по спине. Жалко. Мне было бы легче, если бы она возразила.

— Не злись, — сказала она. — Ты же сам говорил: делай, что должен...

— Я уже тысячу раз сделал, что должен. Когда уже наконец настанет мое «будь что будет»?

Лара не ответила. Только еще раз попросила:

— Не злись.

— Я даже не знаю, как начать. Если не «Земляне», то как? «Операторы всех стран»?!

— Начни со слова «Здравствуйте», — сказала Лара таким голосом, что стало ясно: она вот-вот заснет. — Дальше будет легче.

— Хм...

Я перевернул многострадальный листок на мятую, но чистую сторону и написал сверху:

«Здравствуйте!»

Мне действительно стало легче.

Здравствуйте, подумал я. Или даже привет.

Привет, я один из тех, кто разговаривает в автобусе.

Впрочем, если вы меня сейчас слышите, значит, мы с вами одной крови.

В условленный час пришли не все. Не хватало молодого старичка. Его обычное лежбище — пара картонных коробок в крытом загончике для мусорных контейнеров — тоже пустовало. Видимо, бутылка водки, выданная авансом, была стратегической ошибкой, хочется верить, не роковой. Так даже лучше, рассудил я. Во-первых, с ним нас вполне могли не пустить даже в арендованную на четыре часа «Газель», во-вторых, число десять внушало дополнительную надежду.

Могло быть и хуже. В какой-то момент этой ночи, когда я отчаялся заснуть и начал просто считать минуты до рассвета, меня посетила необъяснимая уверенность, что никто не придет.

— Ну что, по машинам? — спросил я.

Эта была очень странная поездка очень странной группы людей, девять человек из которой плохо представляли, зачем их собрали вместе, а десятый только делал вид, будто представляет хорошо. В дороге почти не разговаривали, только баба Глаша и Николай изредка о чем-то перешептывались, да у парня по имени Игорь случился короткий сеанс. Обычный сеанс, не широковещательный, «Не видать вам моих денег, сволочи! Ни копейки не видать! Вот сейчас сожгу сберкнижку! И облигации. И ваучер. Где же спички? Почему перестали продавать спички?» и еще пара фраз неразборчиво. Даже водитель маршрутки ничего не заподозрил. Слава Богу, наша двенадцатилетняя мучительница пока молчала, а то бы он сильно удивился.

На место прибыли даже раньше, чем я рассчитывал, без десяти девять. В субботнее утро народу в парке было немного. По пути к стеле мы повстречали только десяток роллеров, десяток байкеров и небольшую стайку готов. От сердца отлегло: на фоне разномастных неформалов наша группа выглядела островком адекватности.

У стелы все остановились, а я испытал еще один острейший приступ неуверенности ни в чем. Необходимо было что-то сказать, но слова путались в голове, и начало вышло заупокойным.

— Спасибо, что пришли... — Я прочистил горло. — Не знаю, что из этого выйдет. Даже если ничего не получится...

— Ближе к делу, — поторопил Николай.

Я почувствовал Ларину ладошку в своей и немного успокоился.

— Да. Давайте возьмемся за руки.

Мы образовали неровный круг, по правую руку от меня встала Лара, по левую — женщина средних лет в косынке, баба Глаша представила ее как Лизавету.

— Сейчас я буду говорить текст, а вы, пожалуйста, повторяйте его за мной, хотите — вслух, хотите — про себя. Лучше, наверное, вслух. Сейчас...

Я на секунду отпустил Ларину руку, чтобы заглянуть в шпаргалку. Слова, повторенные сотню раз за ночь, куда-то улетучились из памяти.

— Здравствуйте, — шепнула на ухо Лара, и я с благодарностью пожал ее руку.

— Здравствуйте. Ну, повторяйте же.

— Здра-а-авствуйте...

Ответ вышел нестройным, как у младшеклассников после летних каникул.

— Если вы меня сейчас слышите, значит, вы один из нас, — продолжил я. — Я называю нас операторами односторонней связи. Кто-то, возможно, по-другому.

— Божьи уши, — сказала Лизавета.

— Что?

— Мы слышим слова, адресованные Ему, значит, мы — Божьи уши.

— Хорошо. Давайте не отвлекаться. На чем я остановился?

— Начни с начала, — подсказала баба Глаша.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте!!! — ответило девять голосов, на этот раз более слаженно.

Кажется, они начали понимать, зачем их подняли в такую рань и увезли в такую даль.

— Если вы меня сейчас слышите, значит, вы один из нас.

Эту фразу повторили дважды: сначала мои спутники, а следом за ними — эхо, отразившееся от стен музея.

К моменту окончания речи я испытывал одновременно полный упадок сил и мощный эмоциональный подъем. Что бы ни вышло из нашей затеи, мы хотя бы попытались. Оставалось только ждать.

Правда, ждать было труднее всего.

Мы стояли, глазели по сторонам, пытались о чем-то разговаривать, но минут через десять снова без чьей-либо команды собрались в круг.

— Давайте-ка еще разок, — сказала баба Глаша, и мы взялись за руки.

— Я сотни раз пропускал через себя чужую боль и страх...

— Мы сотни раз пропускали через себя чужую боль и страх...

— Позвольте мне хоть раз поделиться моими собственными...

— Позвольте нам...

Во второй раз у нас получилось лучше. Я чувствовал: мои спутники не просто повторяют мои слова, но прогоняют их через сердце, через собственный жизненный опыт, через годы вынужденного одиночества. Все-таки между нами очень много общего. Куда больше, чем между обычными людьми.

— И если ты устал от этой жизни так же, как я, — приходи. Я жду тебя прямо сейчас. В парке Победы. На Поклонной горе. Возле стелы.

— Мы ждем тебя...

Есть такой способ избавления от икоты: нужно сделать полный выдох. Потом еще один. И еще. Вдыхать между выдохами нельзя. Вот таким я себя и чувствовал — полностью выдохшимся — после нашего группового сеанса обратной связи. Я выпустил наружу все, что очень долго копилось внутри, и

теперь мог только сидеть на каменной ступеньке и смотреть на выход из метро.

Иногда оттуда появлялись люди, но, к сожалению, по большей части с роликами или скейтами. Потом одна пара, пожилой мужчина и девушка лет двадцати, по всей видимости, внучка, направились прямо к нам — только для того, чтобы возложить букет к ногам богини победы.

Лара стояла рядом, она обнимала меня за плечи и говорила:

— Дай им время. Им же нужно сюда добраться.

А я думал, что все бессмысленно. Что я только зря взбаламутил столько народу. И как мне теперь смотреть им в глаза?

Божьи уши? К этим бы ушам — хоть капельку Его могущества.

Часовая стрелка перевалила за десять.

— Может, попробуем еще раз? — предложила Лара, и я, опершись на ее руку, попытался подняться с каменной ступеньки.

В этот момент меня окликнули сзади.

— Простите, это вы? Это вы меня звали?

Я обернулся и увидел женщину неопределенного возраста с лицом вечной учительницы и очень выразительными глазами. Ее глаза говорили больше, чем слова.

— Я не сразу решилась, но потом подумала: раз вы зовете, надо ехать. Я приехала бы быстрее, но автобуса долго не было.

Вот так. Я ждал ее из метро, а она приехала на автобусе.

— Здравствуйте, — только и смог сказать я.

Она улыбнулась.

— Мы уже здоровались.

— Эй! — позвал я и замахал руками, как ветряная мельница. — Эй! Смотрите, кто пришел!

Вторым явился депутат. Он был в черном костюме-тройке, с трехцветным значком на лацкане. Только когда он подошел вплотную и протянул руку для пожатия, я заметил, что рукав пиджака в одном месте протерт насквозь, а на значке вместо «Депутат чего-то там» написано «Коми-Пермяцкий округ».

— Степан Геннадьевич, — представился «депутат». — А это... — он скосил глаза на значок, — я для милиции ношу. Если близко не подходить, то они и не трогают.

— Очень, — растерянно пробормотал я. — Очень приятно.

Когда нас набралось пятнадцать, мы снова взялись за руки и повторили наш призыв. Теперь — с воодушевлением. Точно зная, что все не зря.

Она пришла где-то в третьем десятке, ближе к концу. Я уже не считал, только улыбался, как идиот. Не думал, что придет так много.

— Смотри, Она, — сказала Лара, и я кивнул, чувствуя, как с души падает тяжкий груз.

Баба Глаша за спиной ахнула:

— Малолетка!

Белый пуховик, косички и очки. За очками — слезы. Да каждый второй, приходя к нам, плакал.

Вместо «Здравствуйте» сказала:

— Простите меня. Я не знала, что делаю вам больно. — И неожиданно уткнулась лицом в мое плечо.

— Ничего. — Я осторожно погладил ее косички. — Теперь все будет хорошо.

— Я думала, я одна такая.

— Ну что ты. Нас много. Видишь, как нас много? Теперь мы тебя не потеряем.

— Правда?

— Правда, правда. Мы нашли бы тебя раньше, если бы знали о тебе хоть что-нибудь. Кто ты — Таня, Лена?

— Аня. Меня зовут Аня. — Она посмотрела на меня поверх очков. — А вас как зовут?

Я открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент Лара дернула меня за рукав и очень тихо сказала:

— Извините, что прерываю. Кажется, у меня начинаются схватки.

— О ч-черт! — простонал я. — То есть... Хорошо, что мы не отпустили маршрутку. Постой, постой! Я хотел сказать... — Я поднял глаза к прозрачному октябрьскому небу. — Эта осень никогда не кончится!

Николай Горнов

ЗАРОДЫШ

Туманная осень, когда появился на свет будущий гений финансового рынка Ромка Берёзкин, выдалась еще и на редкость холодной, а в сентябре отмечались первые заморозки даже в относительно южном Волгограде, куда на седьмом месяце трудной беременности приехала из своего северного Усть-Кута мать Ромки — Светлана Берёзкина. Знала бы Светлана, что на поддержку волгоградской родни ей рассчитывать не имеет смысла, может, и не трогалась бы с места. Впрочем, Светлана тогда многого не знала. И что рожать ей придется в холодной палате ничем не примечательного роддома номер два на улице Совнархозной, и что имя ее навсегда останется в новейшей истории, поскольку не многим женщинам выпадает честь стоять у колыбели одного из самых крупных капиталов новой России. Она и сына-то своего, Ромку, толком узнать не успела. Судя по официальной биографии магната, Светлана Берёзкина умерла спустя всего полгода после возвращения с новорожденным сыном в Усть-Кут, где папа его, Аркадий, трудился в то время по линии снабжения в местном отделении железной дороги.

Ненадолго, кстати, пережил жену и Аркадий. После похорон любимой супруги известный на весь Усть-Кут острослов, бабник, балагур и просто красавец превратился в бледную тень себя самого, стал сильно пить, шарахался от людей и редко появлялся на работе, вследствие чего Ромку из опасения за его судьбу взяла на воспитание бабушка. А еще через полтора года на одном из многочисленных субботников с Аркадием произошел несчастный случай. Плохо закрепленная стрела башенного крана сорвалась и перебила ему обе ноги. Три дня спустя Аркадий умер. Врачи только развели руками. Сказали: крайне редкий случай. Мол, частицы костного мозга забили кровеносные артерии. Ромке про смерть отца долгое

© Н. Горнов, 2010.

время не сообщали. Сначала придумывали папину занятость, затем врали про какие-то длительные командировки, а потом сироту и вовсе отправили подальше из Усть-Кута — к старшему брату отца, Леониду Берёзкину, который жил в то время в Сыктывкаре, а трудился главным бухгалтером в какой-то лесной конторе Республики Коми.

Вот так и вышло, что один из самых богатых и влиятельных людей планеты, чье состояние оценивается сегодня цифрой с сумасшедшим количеством нулей, провел детство и значительную часть своей босоногой юности в старой панельной пятиэтажке на окраине забытого всеми богами города Сыктывкар. Там он без блеска окончил среднюю школу, поступил в индустриальный институт, а в положенное время был призван оттуда же на службу в военно-строительный полк куда-то под Архангельск. После службы Ромка возвращаться в Сыктывкар не пожелал, только завернул на пару дней к дяде Леониду, после чего рванул в Москву, где воспользовался возможностью пристроиться на проживание к другому дяде — Андрею Берёзкину. Время тогда было странное, мутное, неопределенное. Но Ромка в нем не потерялся. Для начала организовал кооператив по производству игрушек из второсортной пластмассы, а потом стал заниматься, как принято говорить, торгово-посреднической деятельностью. И был в этой деятельности даже успешен. Правда, тогда еще никто не решался предрекать молодому кооператору столь блестящее будущее.

Перелом для Ромки Берёзкина случился в начале девяностых, когда на просторах страны могло бесследно раствориться все, что угодно. В случае с Ромкой растворился железнодорожный состав из пятидесяти пяти цистерн, доверху наполненных государственным дизельным топливом. Состав вполне благополучно выехал из ворот Ухтинского нефтеперерабатывающего завода, сколько-то километров прогромыхал по рельсам родины, но к адресату не прибыл. И хотя достоверно об этом деле ничего не известно до сих пор, но в ходе следствия многие свидетели высказывали подозрение, что придумал успешную операцию Ромка. Во всяком случае, именно он был замечен с подложными документами на станции «Подмосковная», где государственные цистерны видели в последний раз. Впрочем, следственное управление ГУВД города Москвы

глубоко в это дело погружаться не стало. Материалы были направлены на доследование в Ухту, где их след затерялся окончательно. А спустя три года уже и спрашивать было не с кого. К тому времени Ромка стал большим человеком — совладельцем нефтяной компании «ХантыНефть».

Примерно на то же время пришелся и расцвет финансовой империи «Бета-Банка», за которой, как известно, стоит Михаил Мартович Фурманов, один из бывших друзей Ромки Берёзкина. Миша был старше Ромки ровно на два года, на два десятка килограммов тяжелее, курс молодого бойца проходил не в Советской армии, а в орденоносном Ленинском комсомоле, но тем не менее нечто общее у этих юношей имелось. Например, странности в их биографиях. Как и в случае с Ромкой, история появления Миши на свет буквально пестрит лакунами. Известно только место рождения — в городе Львове Фурмановы не редкость, — ну а все остальные факты вызывают множество вопросов. Известно, что маме Миши, Марии Львовне, было в момент его рождения уже далеко за сорок. Она долго не могла зачать. И как же она справилась с этой задачей? Как незаметно для окружающих смогла перенести столь позднюю беременность? Как, в конце концов, ухитрилась без особых последствий разрешиться от бремени, да еще таким розовощеким крепышом? Официальные биографы Михаила Мартовича на такие вопросы ответов не дают.

А почему вдруг юный Миша воспитывался в такой пуританской строгости? Обычно в поздних и долгожданных малышей родители вкладывают все силы, без устали балуют их и взращивают в итоге нежных, неприспособленных и самовлюбленных отроков. В случае Миши Фурманова этого не произошло. Мария Львовна, не отличавшаяся до родов крутым нравом, после появления на свет Миши спуску не давала ни старшему Фурманову, ни младшему. Гостей она перестала принимать вообще, да и Мише никого из друзей приводить в дом не разрешалось. И большую часть своего детства отличник Миша проводил в одиночестве, развлекая себя мечтами, чтением приключенческих книг и долгими беседами с двумя любимыми волнистыми попугайчиками — Осей и Мотей, судьба которых сложилась потом, как говорят, печально.

Впрочем, еще неизвестно, как сложилась бы судьба самого миллиардера, останься он чуть подольше под влиянием матери. Но юному Фурманову удалось сбежать из дому буквально сразу после окончания школы. Предлог он нашел весомый — поступление в Московский физико-технический институт. Правда, в этот вуз Миша не попал и забросил свой аттестат в Московский институт стали и сплавов, первым оказавшийся у него на пути. Будущему финансовому гению не исполнилось тогда и семнадцати, в своей студенческой группе он был самым молодым и толстым, что могло бы, по идее, доставить ему множество неприятных минут, но робкий юноша не зажался, не замкнулся в себе, как следовало ожидать, а совсем наоборот — расцвел. Успевал играть на простеньком синтезаторе в факультетской рок-группе «Земляничная поляна», нещадно колотить грушу и даже пробегать ежедневно по пять километров, чтобы сбросить весовые излишества.

Успешно шло продвижение Миши Фурманова и по комсомольско-карьерным ступенькам. Да так стремительно, что к третьему курсу он преобразился до неузнаваемости. Стал тонким, звонким, задиристым, властным. К тому времени он научился стильно одеваться и мог на спор познакомиться на улице с любой красивой девушкой. Многие были уверены, что деньги у Миши возникали сами собой. Но это было не так, конечно. Деньги Миша зарабатывал торгово-финансовыми операциями, которые обязательно завершались успехом. Но из этого вовсе не следует, что каждый ничем не выдающийся паренек из города Львова всего за каких-то десять лет может прибрать к рукам огромные активы во многих ключевых секторах экономики — нефтяном, банковском, страховом, телекоммуникационном. И даже если допустить, что был Миша фантастически упрям, рачителен, педантичен, расчетлив, рассудителен, подозрителен и до крайности умен, то все равно таких людей найдется не одна тысяча. Какая же алхимия помогла именно Мише Фурманову? Нет ответа на этот вопрос.

Не помогут в поисках ответа и старшие Фурмановы. Пожилая чета в конце восьмидесятых покинула Львов и перебралась на постоянное место жительства в Кёльн, а потом, как говорят, еще дальше — на Фиджи. Видимо, они там счастливы. Правда, один любознательный русский паренек, имеющий

австралийское подданство, не поленился объехать все триста тридцать два острова этой замечательной во всех смыслах республики и ни в одном из интернациональных поселений Фиджи, где разрешалось проживать иностранцам, следов пожилых родителей русского финансового магната не обнаружил. О чем и поведал на своей страничке в социальной сети «Фэйс-ту-Фэйс». А спустя несколько дней голландские серверы, на которых размещался портал, подверглись массированной DDOS-атаке, после которой владельцы популярной некогда сети почти год собирали обрывки пользовательских файлов по всему DATA-центру.

Ничем не завершились неоднократные попытки поиска родителей Виктора Вайсберга — гражданина Мира с паспортом государства Лихтенштейн. Стоило его старикам, никогда не покидавшим родного Дрогобыча, перебраться на постоянное место жительства в славный город Кобылинск, весь город буквально на корню выкупает транснациональная корпорация, контролируемая Вайсбергом. И после этого поиски стало вести небезопасно. Во всяком случае, именно в Кобылинске затерялся след двух не в меру любознательных журналистов ростовского кабельного телеканала «Юг-ТВ».

Давно недоступны для внешнего мира и многочисленные родственники депутата-миллиардера Руслана Кемирова, главного специалиста России по слияниям и поглощениям. Отец Руслана много лет отработал следователем в уголовном розыске города Дербента, мать занимала должность бухгалтера в городской сберкассе, что на углу проспекта Ленина и бульвара Победы, тем не менее родители Кемирова зачем-то решительно снялись с насиженного места и перебрались в ближнее Подмосковье. Куда именно — неизвестно. Там же, в неизвестности, проживают сейчас две незамужние сестры Кемирова, его двоюродный брат и дядя по отцовской линии.

Непонятно зачем и куда разбежался медперсонал родильного дома в Волгограде, где, как уверяют, появился на свет Роман Берёзкин. Здание было признано аварийным еще двадцать лет назад и тогда же снесено постановлением Волгоградского горисполкома. Странно, правда? Впрочем, никого эти странности не волнуют. И только я иногда о них вспоминаю, когда нужно чем-то голову занять. Как сегодня, напри-

мер. Пустую комнату я уже давно изучил. Разглядывать белый потолок в желтых потеках и четыре стены с обоями в полоску — бессмысленно. Можно, правда, смотреть в окно. Но сектор обзора уж слишком ограничен. Виден только угол соседнего дома, мрачной серой пятиэтажки, где постоянно ругаются местные жители. Голоса у всех местных гортанные, по-восточному экспрессивные. Из чего нетрудно сделать вывод, что это турки-гастарбайтеры. Значит, с большой долей вероятности я могу предположить, что нахожусь сейчас на окраине восточной части Берлина, в каком-нибудь старом спальном районе типа Карлсхорста.

Этот район мне не по душе. Аура у него плохая. Как и у многих районов Восточного Берлина, впрочем. Но уйти я никуда не могу. Мою левую руку сжимает полицейский наручник, объединенный с чугунным радиатором центрального отопления стальным тросиком в зеленой пластиковой оплетке. Они хоть и продаются в любом магазине спорттоваров, но конструкцию имеют вполне надежную, поэтому вырваться не стоит даже пытаться. Можно лишь отползти на полметра от стены. Но ползать мне не хочется из-за головной боли. Моя бедная голова раскалывается так, словно вчера на нее наступил слон. Нет, даже не слон. Животное, наступившее на меня вчера, было намного крупнее слона. Оно было размером с карьерный самосвал БелАЗ. И только полный идиот не смог бы разглядеть такую опасность вовремя...

— Алик! — кричу я в глубину квартиры, все еще надеясь, что он прячется за стенкой. Но ответа нет. И это меня раздражает. Я со стоном перекатываюсь на бок и думаю о том, что мой бывший друг Алик хоть и паскуда и тварь, но непредсказуемые поступки — это не в его стиле. Боль понемногу перетекает из затылка в правый висок. Я сдвигаю наручник пониже, на запястье, как можно компактнее сворачиваюсь на куче провонявших сырой рыбой тряпок и опять закрываю глаза. Мне нужно успокоиться. И что-то придумать к приходу этого психопата...

— Уже проснулся, Жека? Головушка как? Все еще бо-бо?

В глаза мне бьет яркий свет. Я морщусь и пытаюсь закрыть лицо руками.

— Алик, да отстегни ты эти наручники. Ты что, похитить меня решил? За меня выкуп точно никто не даст, ты же знаешь...

— Ха-ха, Жека, не делай мне смешно!

— Тогда хоть воды принеси, — прошу я, стараясь не раздражаться.

— Воды? — Алик нагло ухмыляется, небрежно вытаскивает из кармана банку колы и бросает ее мне. — Я забыл оставить тебе воды? Ах, извини, дружище!

Кола в банке теплая, пенистая и мучительно сладкая. Но я все равно уничтожаю жидкость в три глотка...

— Альбертыч, будь человеком, принеси минералки, — прошу я. — Или хотя бы простой воды из-под крана...

— А ты был человеком, когда я тебя по всему свету искал, а? — ворчит он.

— Откуда я мог знать, что ты меня ищешь? — парирую я.

— Скажешь, не знал, что это я звоню? И сообщения мои в блоге не видел, да?

— Клянусь, не знал. Мало ли кто мне в блог пишет. На все сообщения не отреагируешь. Насчет звонков — это да. Виноват. На незнакомые номера не отвечаю...

— Значит, не скрывался?

— Говорю же, нет!

Алик грустно качает головой.

— Поздно, Жека. Ты уже спалился... Водой я тебя, конечно, обеспечу. Кормить тоже буду. Еды у нас в достатке. Даже никуда бегать не придется. Я на этот случай ящик консервов припас. Надеюсь, ты не огорчишься, что они кошачьи?

— Огорчусь.

— Мне будет трудно, конечно, но я переживу твое огорчение, — усмехается Алик.

— А наручники снимешь? — вяло интересуюсь я.

— Когда увижу твою готовность к добровольному сотрудничеству. Ферштейн?

— Гитлер капут...

— Вот это совсем другое дело, дружище. Поднимайся. Приглашаю тебя к столу. Посидим, потрещим. Как в старые добрые времена. Но сначала подставляй ноги. Буду делать тебе временные путы. И руками не размахивай. Держи их за

спиной до тех пор, пока я не пристегну тебя к кухонному столу. Дергаться не пытайся. Сбежать тоже. Учти, в случае сопротивления — стреляю!

Алик с ухмылкой хлопает по оттопыренному карману своей камуфляжной куртки и гордо демонстрирует его содержимое.

— Видел такую штуку?

— Видел, — киваю я. — Если ты не у косовских албанцев ее брал, то поздравляю. Достойный выбор. «Беретта М-98». Калибр — 7,65. Масса — около килограмма. Магазин на 15 патронов. Был принят на вооружение армией США в 1985 году. Пистолет весьма неприхотливый, надежный, с приличной кучностью боя...

— Молодец, — улыбается Алик. — Все знаешь.

Я пожимаю плечами. В том смысле, что если у человека в руках «Беретта», то спорить с ним мне не резон. Я лучше соглашусь быть прикованным к кухонной батарее. Тем более что там я буду не одинок. На кухне хозяйничает женщина Алика. Она крошит что-то на разделочной доске, всхлипывает и коротким движением смахивает слезу. Но я не отношу эти эмоции на свой счет. Видимо, она крошит лук.

— А фрау будет с нами ужинать? — намеренно громко интересуюсь я.

— Сам ты фрау! — фыркает она, стряхивая лук с разделочной доски на огромную черную сковородку. — Я фройляйн. И не возникай, если не спрашивают. Усек?

— Да, — послушно киваю я. — Усек.

Сегодня мне легко со всеми соглашаться. Я почти невесомый. У меня нет эмоций. У меня все хорошо. Я всем доволен.

— Только еще один вопрос. Можно?

— Валяй, — соглашается Алик. — Мы же друзья или почему?

— А у фройляйн есть такой пистолет?

— А не твое собачье дело! — вспыхивает она. — Все у меня есть. Но я тебя и без всяких пистолетов порву на британский флаг!

Алик громко ржет и двигает в мою сторону пепельницу с пачкой «Мальборо».

— Кури, май френд. Наслаждайся, пока я добрый.

— Спасибо, я три года как бросил. И тебе советую. Лично я практически перестал кашлять. И вообще стал меньше болеть острыми респираторными заболеваниями.

— Хочешь долго жить? — интересуется женщина Алика. Она отходит от плиты, вынимает из пачки сигарету и демонстративно прикуривает.

— А вы разве не хотите? — удивляюсь я.

Она фыркает, подходит почти вплотную и выдыхает дым мне в лицо. Похоже, желает получить удовольствие от моего унижения. Странная женщина. Нет, скорее, девушка. Ей около двадцати пяти. И она вполне могла бы считаться симпатичной, но, на мой взгляд, хищные ноздри и слишком узкий подбородок ее портят.

— Чего пыжишься, урод? Все еще нравлюсь? Или не узнаешь?

Она смеется, возвращается к плите и бросает в пластиковую тарелку пригоршню разогретого на растительном масле картофеля фри. Я послушно принимаю тарелку и едва сдерживаюсь от острого желания стукнуть себя кулаком по лбу. Черт! А ведь она права: я урод. Ведь это та самая Маша, с которой я «зажигал» вчера в «Сталинграде». Теперь картина становится понятнее. Коктейли пили? Пили. Кто за ними ходил? Она и ходила. Могла фройляйн Маша подсыпать в мой коктейль какой-нибудь гадости? Однозначно могла. Значит, сам и виноват. Нечего было торчать в дешевом дансинге. Хотел посмотреть, как живет русский Берлин? Вот и посмотрел. Хорошо живет...

— Алик, — не выдерживаю я. — Тебе от меня что нужно?

Алик долго молчит, поглощая разогретый картофель с таким аппетитом, словно только что вернулся из голодающей африканской страны, потом вытаскивает из кармана мое портмоне и крутит его в руках.

— Можешь взять все содержимое, — сразу соглашаюсь я. — Но портмоне не трогай. Оно дорого мне как память.

— Сколько здесь? — хмыкает Алик.

— Вчера были две купюры по двадцать евро. И карточка «Виза». На ней примерно пятьсот. Можешь взять всё. Я скажу код. Но больше ничем не могу помочь.

— Странно. — Алик удивленно поигрывает бровями. — У тебя. В портмоне. Живут. Бабки. Ты же страшно не любишь бабки, Жека. Даже в руки их стараешься не брать. Или я что-то пропустил? Что-то изменилось за то время, пока мы не виделись? Тебя же от бабок всегда трясло, как бешеного паралитика...

— От «деревянных» меня и сейчас трясет, — как бы неохотно признаюсь я.

— Ха! А от евро, значит, не трясет? — удивляется Алик.

— Тоже потряхивает. Но слабо. Вообще чем тверже валюта, тем слабее через нее проходит сигнал. Не знаю почему. Но это так. И рубль — еще не самый сильный проводник...

— А это мы сейчас проверим. — Алик по-хозяйски роется в моем портмоне, вытаскивает из него мятую двадцатку и припечатывает ее к столу. — Бери, Жека, не стесняйся. Здесь все свои.

Я со вздохом поднимаю со стола синюю купюру весом в восемьдесят одну сотую грамма. В кончиках пальцев чувствую только легкое покалывание. Алик, кажется, разочарован.

— Так-с, — говорит он. — Первый эксперимент следует признать неудачным. Попробуем теперь с нашими. Мария, давай тысячную. Нет, для начала — сотку.

Девушка снимает с подоконника свою сумочку, долго ищет в кошельке мелкую купюру и со смешком кладет ее на стол. Я напрягаюсь. Мне очень не нравятся рубли. Я не видел их уже два года. А была бы возможность, не видел бы и до конца жизни...

— Давай, Жека, не тяни.

Алик нетерпеливо подвигает сотенную ближе ко мне. Я осторожно притрагиваюсь пальцем к полузабытым очертаниям Большого театра, но поскольку площадь контакта небольшая, то боли почувствовать не успеваю. Так, легкий угол, словно острой иглой.

— Нет, ты деньги в руки возьми, в руки, — настаивает Алик.

Зажмурившись, я буквально на полсекунды накрываю купюру ладонью и сразу же с шипением отдергиваю руку подальше, но кисть все равно успевает занеметь.

— Как ощущения? — живо интересуется Алик.

— А ты не видел? — ворчу я.

— Вот, Маша, как людей от родных осин-то колбасит! — довольно хрюкает Алик над собственной шуткой. — А расскажи мне как другу, какие купюры в руки лучше вообще не брать?

Я коротко пожимаю плечами. Я и сам не все успел попробовать. Мне вполне хватило рупий. Когда я случайно за них схватился, почти месяц руку лечил. Такой сильный ожог был, что никакие припарки не помогали. Кожа почти до локтя слезла...

Девушка Маша демонстративно отворачивается к окну и вяло интересуется:

— И долго мы еще будем здесь развлекаться? Только время теряем...

Задумчивое выражение на лице Алика мгновенно исчезает, словно кто-то стирает его мокрой тряпкой. Теперь у него на лице одна лишь деловая озабоченность.

— Да, Жека, она права. Времени у нас мало. Искал я тебя долго, поиздержался, сам понимаешь, в дороге. Да и Али-Бабе задолжал за два месяца аренды...

— Понятно, — киваю я. — Сколько с меня за беспокойство?

— Не перебивай. Дело не в сумме, а в принципе. — Алик косится на подружку. — Нет, ну и сумма, конечно, имеет значение. В общем, с тебя сто тысяч евро. Это мои прямые затраты, как ты сам понимаешь. И еще моральный ущерб.

— Не многовато? — удивляюсь я. — Сто тысяч евро? Ты в своих поисках на Марс случайно не летал?

Маша хмыкает. Лицо Алика сразу идет красными пятнами. У него это с детства. Когда психует, то всегда краснеет.

— Вопросы здесь задаю я! — взвизгивает Алик. — Ты думаешь, мне в Колумбию мотаться хотелось? Или в Камбоджу?

— Да понял, понял, — примирительно говорю я. — Ты только ничего плохого не подумай, но ни в Колумбии, ни в Камбодже я никогда не был. И деньги, которые ты просишь, я в жизни не зарабатывал. Ты ничего не попутал, Алик? Это же я, твой старинный друг Евгений Титов, простой русский программер. Мне на последней работе платили двадцать пять тысяч евро в год. А четыре месяца назад вообще уволили...

Но Алик меня уже не слушает. Ему кружат голову близость сладкого и теплого тела его подружки Маши и ощущение близкой победы разума над здравым смыслом. Он важен и самоуверен. Он набирает воздуха и небрежно произносит:

— Вот только не надо мне этих твоих ля-ля, Евгений. Я понимаю, что таких бабок в данный момент у тебя нет. Но зато ты знаешь места, где они есть. Ты же у нас гений по части финансовых потоков. Вот и покажи нам место, где эти потоки самые жирные. Там мы и встанем...

— И что потом? — интересуюсь я.

— А потом мы наберем много-много бабосов и быстро-быстро с ними побежим. Грубо говоря, дадим деру!

Алик доволен. Он сегодня буквально фонтанирует тупым юмором.

— Но и это еще не все, Жека. Когда мы возьмем все, что ты мне задолжал, то пойдем искать то волшебное место, где должен вылупиться этот твой Зародыш.

— А-а, ну теперь мне все понятно, — киваю я.

И сразу замолкаю, чтобы потянуть время. Потому что на самом деле мне ничего не понятно. То есть желания Алика — они понятны, поскольку естественны и просты, как у любого одноклеточного организма, которому необходимо питаться и размножаться. Но я не верю, что мысль найти меня и взять в заложники родилась в одноклеточном мозгу Алика сама собой. Не верится и в то, что катализатором такого желания могла стать его одноклеточная подруга Маша...

— Почему молчим? — ехидно интересуется Алик.

— Потому что говорить нам не о чем, — со вздохом произношу я. — С тех пор как мы все слегка разругались — не хочу напоминать причину ссоры, поскольку она тебе может быть неприятна, — темой Зародыша я не занимался. Я вообще думаю, что мы тогда сильно ошиблись. И даже если Зародыш действительно существует, то найти его программными средствами не представляется возможным. Здесь, видимо, нужен какой-то другой метод. Я думаю...

— А ты не думай, — развязно перебивает меня Алик. — Ты нисколько не изменился, Жека. Все время нудишь и нудишь по каждому пустяку. Что, опять собрался меня лечить

своим абстрактным гуманизмом? Мы потому и разбежались, что ты все время пытался всех лечить. Но теперь-то я тебя слушать не стану. Я буду действовать. Тем методом, который сам считаю правильным. Ферштейн?

Стайка потомков гордых сельджуков, расположившаяся прямо под козырьком подъезда, дружно поворачивается к нам десятком голов и пристально наблюдает, как мы рассаживаемся в рассыпающийся от старости «мерседес».

— Вот же черти! — возмущается Алик, нервно вжимаясь в водительское кресло. — Весь город заполонили. Куда ни зайди — одни турки!

— Не весь, — рассеянно поправляю я. — По официальной статистике, их чуть больше двухсот тысяч...

— Куда двинем? — Алик уже опять улыбается. Видимо, в мечтах он уже давно обходит вместе с Машей шикарные магазины, сосредоточенные вокруг бульвара Кудамм, и готовится осваивать самые продвинутые бутики на Потсдамерплац и Фридрихштрассе.

— Езжай прямо, а потом вперед. Интересно, где ты таким корытом разжился? Попал на распродажу имущества Тевтонского ордена?

— В Магдебурге купил у какого-то старого фрица, — ворчит Алик. — Прикинь, сначала он за эту телегу три штуки евро просил... Ладно, чего это мы опять о грустном. Пора нам, друзья, наслаждаться жизнью. Сегодня же свезу этого «мерина» на свалку. Или нет, лучше задвину его Али-Бабе в счет аренды. — Алик хихикает. — Слышь, Жека, набрось за разъездной характер работ еще пятьдесят штук. А что? Вполне справедливо будет. А я и тебя на новой машинке покатаю. Как думаешь?

— Думаю, мы справимся, — киваю я. — Только ты на дорогу смотри, а то задавишь торговца кебабами...

Маша взвизгивает. Алик в последнюю секунду успевает выкрутить руль влево, растерянный торговец отпрыгивает, бросает свою громоздкую тележку и еще долго с испугом смотрит нам вслед.

— Твою мать! — возмущается Алик. — Понаехали тут!

Следующие полчаса мы молчим. И мне это нравится. Когда Алик приближается к очередному перекрестку, я на некоторое время задумчиво закрываю глаза, как бы вглядываясь во что-то, видимое только мне, а потом с важным видом показываю рукой следующее направление. На самом деле мы движемся абсолютно произвольно. Просто я жду, когда они намотаются по городу и устанут, а за это время я надеюсь придумать что-то стоящее. Но для этого мне нужно как минимум расслабиться и стать таким легким, чтобы я смог взлететь над крышами Берлина и хорошенько осмотреться...

Проскочив далеко на северо-запад, к Тегельскому озеру, мы делаем крюк по западным районам, заправляемся, перекусываем разогретыми бутербродами в «Бургер-Кинг» и опять поворачиваем на восток. Вообще-то Берлин я знаю отвратительно. Только редкие его куски. Там, где жил и работал. Когда я изредка перемещался по Берлину, то пользовался исключительно метрополитеном. Но сейчас я вижу, что по берлинским улицам передвигаться совсем несложно. И даже приятно...

— Стой! — командую я.

Алик послушно тормозит. Мы оба выходим из машины. Я разминаю рукой шею и оглядываюсь. Я пока еще и сам не понимаю, что именно меня привлекло. Но я доверяю своей интуиции. Что-то здесь должно быть. Это точно. Я почувствовал толчок. И довольно сильный. Поэтому не тороплюсь. Обхожу машину, оглядываюсь еще раз, потом еще раз, уже внимательнее. И победно смотрю на Алика.

— Видишь?

— Что я должен видеть? Куда смотреть? — Алик топчется у отваливающейся дверцы своего «мерседеса» и периодически оглаживает взглядом дремлющую на заднем сиденье подружку.

— Указатель перед съездом видишь? Там написано: «Rennbahn».

— И что? — ворчит Алик. — Я только «гутен морген» успел усвоить.

— Вот и напрасно, — укоризненно качаю головой я. — Здесь, например, написано, что в пятистах метрах от нас имеется поворот к ипподрому. Ты бывал на ипподроме?

— На ипподроме? Зачем?

Алик напрягает мозг. Он пытается думать. Судя по выражению его лица, думать — это очень тяжелый труд.

— Алик, все просто. На ипподроме устраивают бега. Еще там есть тотализатор. Тебе, если не ошибаюсь, нужны были деньги?

— Ты меня за идиота-то не держи, — начинает сердиться Алик. — Если хочешь сказать, что там сходятся финансовые потоки, так и скажи...

— Именно, — киваю я. — Жирные такие потоки и очень безопасные. Сами просятся, чтобы мы подставили тазик. Двести штук евро тебе хватит?

Алик хмурится.

— Нужно ведь билеты покупать... А вдруг мы это... проиграем?

— Ну, риск есть, тут ты прав, — соглашаюсь я. — Но большие деньги можно подманить только деньгами. Это — как рыбалка. Ты же не станешь забрасывать удочку с голым крючком, правда? Даже если тебе подсказали самое рыбное место, на крючке все равно должна болтаться наживка... Или ты представлял себе этот процесс как-то иначе? Ты думал, что мы приедем, типа, в лес, а там на кустах кто-то оставил нам тугие пачки евро?.. А-а, понял, ты ожидал, что евро начнут сыпаться прямо с неба?.. Алик, ты же взрослый мужик. Финансовые потоки — это метафизическое понятие. Материального наполнения этот термин не имеет. Деньги — это не нефть. Они не перемещаются по длинному трубопроводу, в котором можно проковырять дырку.

— Не тарахти! — обрывает меня Алик.

Он явно смущен. Похоже, я угадал про трубопровод.

— На ипподроме будет тьма народа. Кто-нибудь обязательно заметит твои браслеты и стукнет полицаям. Не знаю, как бабла, но полицаев там точно будет...

— А ты сними с меня наручники, — пожимаю плечами я.

Алик косится в мою сторону с подозрением.

— Нет, без браслетов опасно...

— Понятное дело, опасно, — соглашаюсь я. — Но ты хотел без риска взять две сотни штук. А на ипподроме грабить тебе никого не придется. Я определюсь с правильными ло-

шадками, ты сделаешь ставки, заберешь свой выигрыш в кассе. И все. Мы становимся полноценными партнерами...

Алик все еще колеблется.

— Может, покрутимся по городу? Вдруг другие места найдем?

Я шумно выдыхаю.

— Алик, ты считаешь, что я должен отвезти тебя в головной офис «Дойче Банка»? Вот там действительно концентрация зашкаливает. Но забрать из банка необходимую тебе сумму, согласись, будет не просто...

— Тогда почему ты сам на тотализаторе не играешь? — интересуется Алик. — Не понимаю, какой смысл работать, если у тебя такие возможности...

Ай да Алик, ай да молодец. Хороший вопрос! В первую секунду я даже теряюсь. Но потом как-то собираюсь с мыслями и начинаю лепетать про вероятностный минимум, про неконвертируемость желаний и про мои специфические взаимоотношения с деньгами. К концу пятой минуты тяжеловесных пояснений лицо Алика светлеет. Он начинает слушать уже заинтересованно. Еще через пару минут начинает кивать и с кряхтением садится за руль.

— Учти, рискуем только твоими пятью сотнями!

Алик благоразумно тормозит в самом дальнем от трибун секторе паркинга, поправляет мне наручники и тщательно маскирует их старым плащом.

— Пойдешь чуть впереди. Но от меня не отрывайся. И смотри, без глупостей!

Я стараюсь не улыбаться. Какие еще могут быть глупости? Я давно в стартовой готовности. Движения расслаблены, дыхание размеренно, дутые подошвы легких кроссовок почти не касаются асфальта. У касс я делаю вид, что изучаю табло. Одновременно внимательно фиксирую все, что происходит вокруг. Первый забег через полчаса. Но так долго ждать я не буду. Мне остался, в сущности, пустяк — всего один хороший рывок. Вот только отрываться нужно чисто. Чтобы Алик не успел даже подумать о всяких там громких криках, размахивании руками и выхватывании из кармана огнестрельного оружия. Меня он этим все равно не остановит, но может привлечь ненужное внимание к своей персоне.

В кассовом зале довольно многолюдно. С правой стороны — большая группа юных немцев, с виду похожих на футбольных фанатов. В руках у всех бутылки с пивом. Слева — Алик. Он тоже внимательно рассматривает табло и даже шевелит губами, изучая список лошадей, участвующих в трех первых забегах. Маша — сзади. Она оглядывается по сторонам и откровенно скучает. Я наклоняю голову, с разворота правым плечом влетаю в Машу и мгновенно ввинчиваюсь в толпу. Толпа ведет себя предсказуемо. Сначала распадается на отдельные элементы, а за моей спиной смыкается еще более плотно. Сзади я слышу ругань по-немецки, русский мат и шумное дыхание. Кто-то, видимо, пытается помочь Маше.

Пока Алик соображает, что произошло, я уже протискиваюсь в дальний конец кассового зала, где должен быть узкий коридорчик, который заканчивается дверью в служебные помещения ипподрома. Коридорчик вроде бы на месте. Нахожу я и дверь. Она не закрыта. Для немцев вполне достаточно предупреждающей надписи: «Не входить». Но меня такие надписи не смущают. Я вхожу и иду на запах. Под трибуной обязательно должен быть выход к конюшням...

В первом же боксе натыкаюсь на конюха. Он поднимает голову и интересуется:

— Новенький?

Я киваю.

— Давно из Польши?

Я опять киваю. Конюх недовольно хмыкает, тычет пальцем в ведро и щетку, показывает место, где я должен навести глянец, после чего с важным видом удаляется. Я подмигиваю грустному каурому жеребцу и тоже удаляюсь. С ипподрома выбираюсь через дыру в заборе, которой пользуются местные. От дыры начинается широкая тропинка, она петляет через пустырь, пересекает трамвайные пути, долго тянется вдоль старого железобетонного забора с некогда красными звездами — это наследство Группы советских войск в Германии, — а заканчивается в неухоженном парке, где несколько пожилых пар неспешно прогуливаются вдоль центральной аллеи с неработающим фонтаном. На меня никто не обращает внимания. Здесь я и пережду, пока разъяренный Алик кружит коршуном вокруг ипподрома...

Минутная стрелка делает полный круг. Я поднимаюсь и не спеша двигаюсь к выходу из парка. Пересекаю широкую улицу по пешеходному мостику. Мой мобильник остался у Алика. Деньги тоже. Правда, можно взять такси. Их в Берлине много. И какой-нибудь таксист обязательно согласится позвонить со своего мобильного моему другу Герману Отту, чтобы тот расплатился за поездку. И я нахожу такого таксиста почти сразу, на стоянке возле продуктового магазинчика. По-немецки он говорит с чудовищным акцентом. Как и я, впрочем. Так что мы понимаем друг друга почти сразу...

— Нехорошо выглядишь, — с тревогой говорит мой друг Герман, оглядывая меня с головы до ног. — Я за тебя волновался. И уже собирался в полицию.

Он замечает наручники. Глаза у него округляются.

— Ты сбежал от полиции?

— Нет, я сбежал от своего прошлого, где два русских клоуна решили поиграть в Бонни и Клайда, — успокаиваю я Германа.

Потом мы долго сидим на кухне его малогабаритной квартиры с видом на бывший пустырь, где уже полгода разворачивается строительство какого-то завода, и упорно пытаемся найти способ избавить меня от наручников. В окно заглядывает закатное солнце. Несмотря на весьма неприятные ощущения от растертых запястий, мне сейчас хорошо. Я узнал, что хотя бы один человек на этом свете волнуется за меня...

Герман Отт — образец сугубо положительный. И я даже горжусь слегка, что он мой земляк. В Германии Гера оказался вместе с родителями в возрасте весьма юном. В ту пору исход немцев из Сибири был настолько массовым, что даже не воспринимался как нечто сверхъестественное. Натурализовался Гера без особых проблем. Честно отслужил в бундесвере и уволился в звании ефрейтора. В Ганновере, прибившись к местной богемной тусовке, обнаружил в себе талант художника. Правда, его картины никто не покупал, и Гера отправился в Берлин, где примкнул к группе молодых художников, считающих себя битниками и куртуазными маньеристами.

Сейчас Гера подряжается на оформительских работах. Заказы, как правило, небольшие, но на жизнь вполне хватает.

Живопись он тоже не бросил. Только поменял тематику. Если раньше рисовал природу, то теперь преимущественно арбузы. Почему именно арбузы, он и сам, похоже, не знает. Но говорит, что именно такой, как арбуз, ему и видится его жизнь. Герины картины по-прежнему никто не покупает, поэтому он раздаривает свои работы друзьям и мелким галереям. Иногда участвует в коллективных выставках. На одной из таких выставок мы и познакомились. Это было почти два года назад. С тех пор наша дружба, к моему искреннему удивлению, только крепла...

— Я знаю, кто нам поможет, — радостно сообщает Гера. — У Шпета есть приятель-художник, который работает по металлу. Думаю, у него найдутся нужные инструменты. Клещи там разные, пилы. Сейчас я позвоню...

— Только не рассказывай заранее про наручники, — предупреждаю я и опять начинаю улыбаться. Видимо, у меня запоздалая реакция на стресс.

Гера берет со стола мобильник и быстро говорит в него по-немецки. Слишком быстро. Я не успеваю ничего понять...

— Через час приятель Шпета будет в своей мастерской, — сообщает он итоги коротких переговоров. — Здесь недалеко. Пара кварталов. Ты очень голодный?

— Как собака, — признаюсь я. — Угости, если не трудно, своим фирменным быстрорастворимым супом. Но сначала — чай. Если я сейчас не выпью чего-нибудь горячего, то просто умру...

Гера заваривает крепкий, почти черный напиток, а в кастрюльку вываливает большой пакет супа «Гаспаччо». И все это время пытается меня убеждать, что мне необходимо обратиться в полицию. Похищение людей — это преступление. И похитители обязательно должны быть наказаны.

Я согласно киваю.

— Конечно, обращусь. Но позже. А сейчас мне нужна твоя помощь, Гера. Срочно забери из моей квартиры нетбук и коммуникатор. И еще прихвати мне немного вещей. Я напишу тебе список. А на обратном пути забронируй на мое имя билеты на самолет до Омска. Правда, у меня есть небольшая проблема. Я потерял свой паспорт, поэтому мне срочно нужен новый. Пусть это будет фальшивка, но если качественная, то

вполне сгодится. Ты знаешь людей, которые могли бы мне помочь?

Гера испуганно мотает головой.

— Подделка документов — это же криминал!

Я с ним не соглашаюсь:

— Криминал — это когда подделывают паспорт гражданина Германии. А мне нужен российский. С ним я и улечу. А в Омске напишу заявление о потере и получу настоящий. Что такого-то?

Гера тихо бормочет все известные ему немецкие ругательства и ненадолго задумывается.

— Хорошо, я позвоню Шпету, — соглашается он. — У него есть приятель-художник, который, как говорят, может все. Думаю, российский паспорт не станет проблемой. Но это в исключительном порядке...

— Герман, ты — человечище! — вздыхаю я. — Если бы ты был девушкой, у тебя бы отбоя не было от женихов!

В салоне любого самолета перед взлетом много нервных лиц. Но я оглядываюсь не для того, чтобы их увидеть. Я ищу лица, где есть некая особая отметка, которую в обычной жизни не разглядеть. Но непосредственно перед взлетом она становится хорошо заметной. Люди с такой отметкой не могут попасть в авиакатастрофу. Следовательно, и мне, летящему с ними, тоже ничего не грозит. В этот раз я нахожу таких людей почти сразу. Их как минимум трое: молодящаяся женщина в семнадцатом ряду у окна, сразу после посадки потребовавшая себе одеяло, пожилой еврей, с виду раввин, и мой сосед — по виду типичный преподаватель колледжа, который приехал в Германию подзаработать немного евро. Теперь можно и расслабиться...

Я сажусь обратно в кресло и туго пристегиваюсь ремнем. Пузатый аэробус замирает на краю взлетной полосы, словно раскормленная гончая, присевшая на задние лапы перед долгим забегом. Сосед с любопытством разглядывает в толстое стекло иллюминатора дорожку взлетных огней аэропорта Тигель. Самолет резко задирает нос и через пару минут закладывает душераздирающий вираж с креном на правое крыло.

В иллюминатор врывается море света, рожденное пятимиллионным городом. За последние два года он стал мне почти родным. Прощай, Берлин...

— Вы преподаватель? — интересуется сосед.

Я отрицательно качаю головой. Мне не хочется завязывать беседу.

— Жаль, — искренне огорчается сосед. — Понимаете, увидел книгу, которую вы читаете, и подумал, что мы коллеги. А кем трудитесь?

— Психоаналитиком, — говорю я, прикрывая пледом «Концепции современного естествознания». Видимо, не судьба мне почитать эту книгу. Надо было приобрести в аэропорту очередной американский бестселлер в жанре политического детектива...

В салоне меркнет свет. За бортом мерно гудят двигатели. Я закрываю глаза, натягиваю наушники и пытаюсь вздремнуть. Впереди посадка в Калининграде с четырехчасовым ожиданием, а потом перелет до Омска. Но уснуть мне никак не удается. В голове суетливо подпрыгивают непоседливые мысли, а над головой переплетаются искрящиеся линии финансовых потоков. Я их действительно вижу. Не всегда, конечно. Но иногда настолько явно, что меня это начинает раздражать. А тут еще Алик выпрыгнул, как черт из мешка, и напомнил о прошлом. И последние пару дней я только и делаю, что разглядываю финансовые потоки...

Внизу, почти над самой землей, густая сеть из сверкающих бронзой линий. Это разная мелочевка. Выше — средоточие более насыщенного цвета. Эти финансовые потоки стекаются к Берлину из всех городов Германии, Австрии и Польши, границу с которой мы уже пересекли, образуя в небе над Берлином пульсирующую воронку. Самые высокие — транзитные. Они и самые мощные, и самые яркие. Выглядят как реки из сплошного света. Появляются из-за горизонта и за горизонтом же исчезают. Ярко-желтая река, которая течет с востока на запад — это на Нью-Йорк. Я в любом месте легко опознаю этот финансовый поток. Правее чуть более светлая полоса — это на Лондон. Теоретически я мог бы увидеть и остальные главные финансовые реки, но не хочется напрягаться. Азиатский транзит — на Токио, Шанхай и Гонконг — виден из Ев-

ропы чуть хуже, чем из Сибири. И в каждом из них триллионы и триллионы импульсов, которые испускаются деньгами.

Странно, что от науки, от которой ждут объяснений во многих областях человеческой деятельности, никто не требует объяснений природы денег. А ведь если разобраться, то деньги — это такая сфера, где вообще внятных понятий нет, хотя всем и так все ясно. Деньги — это самая глобальная и одновременно самая загадочная абстракция. Это неиссякаемый энергетический источник, гигантская волна радости, необузданная стихия, которая обеспечивает потребность в безопасности и является одновременно генератором проблем. Деньги — это причина всех конфликтов и войн. Деньги — это мощнейший мотиватор, который будоражит воображение, зовет к очередным свершениям и сводит с ума. Деньги — это власть, престиж, привилегии, способность действовать, оказывать влияние на других, сопротивляться влиянию со стороны. Деньги — это символ всеобщего и всеобъемлющего счастья. Полного и абсолютного. Это то, чего нам никогда не хватает...

Кстати, всерьез наука заинтересовалась деньгами только в начале прошлого века. Да и то все исследователи ограничились социологическими аспектами. А специалисты в области мозга тему денег игнорировали еще лет пятьдесят. Они считали, что у мозга не может быть особых областей для обработки информации, связанной с деньгами. Мол, это явление новое, деньги появились всего несколько тысячелетий назад, поэтому структуры мозга еще не успели эволюционировать. Реальные попытки прорваться через «зону отчуждения» начались только в восьмидесятых годах прошлого века, когда общественное мнение взбудоражили исследования ряда экономистов, которые от теоретических рассуждений по поводу денежной массы, эмиссий экзогенных и эндогенных денег вдруг перешли к практическим вопросам. В то время на периферии экономики стали бурно расти такие дисциплины, как экономическая психология и поведенческая экономика. Вскоре на диспозицию «человек—деньги—человек» обратила свой взор и экспериментальная психология. Уже первые исследования показали, что деньги, если их использовать в качестве элемента психологического эксперимента, оказывают весьма существенное влияние на поведение и цели испытуемых.

Параллельно с психологами тему взаимоотношений человека и денег разрабатывали и нейробиологи. В научном сообществе заговорили даже о некоей пограничной области между нейробиологией и экономикой — нейроэкономике. Многое, конечно, так и осталось на уровне разговоров, но Чарлзу Буковски из Принстона все же удалось экспериментально доказать патогенность влияния денег на мозг. Там же, в Принстонской лаборатории, было сделано и множество других интересных наблюдений. У некоторых испытуемых отмечалось, например, образование временных связей в ассоциативных областях теменной доли, хотя раньше считалось, что эти области занимаются только обработкой информации, которая приходит от соматосенсорной коры и объединяет ее со зрительной и слуховой информацией, поступающей из зрительной и слуховой коры затылочной и височной долей мозга. Но исследования были приостановлены, и вывод просто повис в воздухе. Да, мол, странно. Но задуматься над этими странностями никто не пожелал.

Мне бы тоже не пришло в голову ничего подобного, если бы не Егор, который с детства пытался найти ответ на глобальный вопрос: каким образом человек может противостоять деньгам. И дело не в том, что ему их не хватало. Егора интересовали деньги как таковые. Как элемент бытия. И он искал причины их губительного влияния с упорством средневекового алхимика, который пытается найти свой философский камень. А меня в то время интересовали причины, по которым я испытывал физическую боль, когда прикасался к деньгам. Так мы нашли друг друга. Вернее сказать, Егор нашел меня. А потом мы вместе нашли Алика, Пашу Дудкина и Виталика Райского. Егор почти сразу стал нашим гуру. Только он был способен переворачивать горы специализированных изданий, вникая во все научные и ненаучные труды, только он умел старательно и терпеливо отсекать банальности и терминологический мусор, а потом доступно объяснять достижения современной науки нам. Не могу сказать, что я ему за это благодарен. Моя жизнь лучше не стала. Скорей наоборот — пошла кувырком. Тем не менее я стал больше понимать. И даже могу делать выводы...

— Извините, вы меня о чем-то спрашивали?

Я открываю глаза, ловлю на себе заинтересованный взгляд соседа и отрицательно качаю головой.

— Простите, бога ради. Видимо, вы во сне что-то пробормотали, а я подумал, что вы ко мне обращаетесь...

Я вздыхаю и демонстративно пожимаю плечами.

— Скоро на посадку, — сообщает мне сосед.

— Спасибо, я в курсе... — Меня такими фокусами не пронять. Я не отвечаю на его реплики, он быстро замолкает и молчит уже до пограничного контроля...

В Калининграде, как и в Берлине, на мой фальшивый русский паспорт никто внимания не обращает. Хмурая сотрудница погранслужбы изучает фото, потом переводит мутный взгляд на измятое лицо реального Евгения Титова, неторопливо сканирует документ, чтобы «пробить» фото по базе должников. Видимо, моя фамилия в ее архивах не значится, и мы расстаемся мирно. Не интересуется мной и таможня. Деньги, наркотики, оружие и прочие недозволенные вложения в ручной клади есть? Нет. Тогда добро пожаловать на Родину, господин Титов. Вернее, в транзитный отстойник, откуда мне предстоит улетать внутренним рейсом.

В аэропорту самого западного города моей страны темно, пусто и холодно. Но на улице еще темнее и холоднее, если судить по показаниям табло в транзитном зале. Единственное доступное развлечение — магазин беспошлинной торговли. Там выражают готовность принять мою карточку «Виза», с которой мне всегда было проще найти общий язык, чем с наличностью, и я приобретаю какой-то журнал и небольшую емкость с виски, а впридачу беру две шоколадки и упаковку с ванильными кексами, чем и закусываю веселящую жидкость. Настроение быстро улучшается. И сохраняется таким до посадки на омский рейс, в номере которого я нахожу целых три семерки. Меня это успокаивает, и в самолете я забываюсь беспокойным сном почти сразу, как только усаживаюсь в кресло...

От границы до Омска — четыре с половиной часа полета. К ним нужно прибавить еще четыре с половиной часа, образовавшихся как бы ниоткуда. Удивительно. Вылетал глубокой ночью, а попал сразу в день. Я машинально оглядываюсь, хотя и понимаю, что моей жены Вероники в аэропорту быть не может. Она меня вообще не ждет. Перед расставанием мы успели наго-

ворить друг другу много неприятных слов, а после этого лишь изредка обменивались короткими сообщениями по электронной почте. Остается надеяться, что два года — это долгий срок. И впечатления от нашего расставания у нее немного сгладились...

В нашем дворике никаких изменений нет. Вроде бы целая жизнь прошла, а у подъезда дежурит все та же тетка с таксой, вдоль кривого заборчика растут все те же цветы на клумбах, сооруженных местными энтузиастами из старых автомобильных покрышек, и даже детишки, расковыривающие песочницу, мне кажутся прежними, двухгодичной давности. Внутренне сжимаясь, я прикасаюсь пальцем к кнопке домофона и слышу голос Вероники. Она дома. Это уже хорошо...

Медленно поднимаюсь на третий этаж.

— Можно войти?

Вероника отступает в прихожую.

Я с любопытством оглядываю старый шкаф с зеркалом и подставкой для обуви. На вешалке два зонта. Ничего не изменилось...

— Зачем пришел? — Вероника хмурится. — Хотя ладно. Если уж пришел, то проходи. Это ведь и твоя квартира тоже...

— Вик, мы можем поговорить? Без всяких обязательств, — сразу уточняю я.

— Можем, — кивает она. — Все мои обязательства давно закончились. Где был, кстати?

— За счастьем ходил. — Я спохватываюсь и протягиваю Веронике свою сумку. — Извини, как-то сразу растерялся. Здесь подарки для тебя и Ксюши.

Она удивленно приподнимает брови.

— Надо же, наш папа-герой вспомнил о дочери...

— Это не я вспомнил, не напрягайся. Один хороший человек мне помог — Гера Отт. Ты его не знаешь. Он художник. Мы с ним в Берлине познакомились.

— Значит, ты и там денег не заработал?

— Не заработал, — соглашаюсь я. — Мне деньги в руки не идут, ты же знаешь.

— А жил на что?

— Так, на подаяния. В метрополитене с шапкой сидел. У них в метрополитене полиция добрая. Даже слишком, пожалуй...

— Титов, вот только не надо этого твоего юморка дешевого, — фыркает Вероника. — Я его наелась по самую крышу. Он у меня до сих пор из ушей лезет. Давай договоримся сразу: если ты действительно хочешь со мной поговорить, то попытайся сдерживаться.

Я примирительно киваю.

— Согласен. Но ты не заводись. В Берлине я честно рубил капусту системным администратором. Торчал целыми днями в офисе одной мелкой компании, где хозяином был индус. Он оптом торговал поддельной парфюмерией, которую из Индии привозил. Как он свою контрабанду умудрялся через границу протаскивать, я не знаю. Но выходило, судя по всему, очень дешево. В работники он набирал только нелегальных иммигрантов и постоянно всем напоминал, что благодетель. Платил, понятно, копейки. На всем экономил. Я для него глючную «Винду» воровал, учил тунеядцев в песочнице ковыряться и разные тупые проги для складского учета инсталлировал. Тоска, в общем. Когда меня все это окончательно достало, я высказал индусу все, что думаю по поводу его бизнеса, после чего был уволен без выходного пособия. Больше четырех месяцев проболтался без работы...

— Вообще без работы? — с нажимом уточняет Вероника.

— По мелочи приработки какие-то были, конечно.

— Знаю я твои приработки. По мелочи кредитные карточки «ломал».

— Вик, напрасно ты так... — Я делаю вид, что обижаюсь. — Не надо путать программеров с банальными ломщиками и тырщиками.

Она пожимает плечами.

— А по мне, так разницы между вами нет. Не ты ли говорил: если от многого отнять немножко...

— Не я говорил. Горький, — не соглашаюсь я. — А я повторял. По глупости. А в Берлине прирабатывал чисто. Сочинял в ежедневном режиме всякий хлам для русскоязычных порталов в Интернете. Типа, под Липецком был арестован летающий холодильник «Индезит», который охотился на бомжей со свалки.

— Не стыдно, Титов? — Вероника усмехается. — Тебе уже тридцать семь, а живешь до сих пор в каких-то облаках. Только не заявляй, что за сочинение бреда платят.

— Не буду. Но иногда за него действительно дают деньги. Если, конечно, сайт раскрученный и отягощенный рекламным бюджетом. Мой личный рекорд за одну публикацию — сто евро. Именно на такую сумму мне удалось расколоть портал «Скандалы Рунета», когда Россия с Украиной в очередной раз бодались, кто кому за газ должен. Я вовремя подкинул занятную историю, как в одном из подземных газохранилищ Украины ученые из Донецка обнаружили метановую форму жизни. Нечто вроде газовых медуз. Причем разумных. Они общались друг с другом и с этими учеными из Донецка посредством телепатии, а когда газохранилища опустели, то все медузы умерли. Представляешь? Сам плакал, когда сочинял. И откликов было много на форуме от читателей. Все возмущались украинским правительством, из-за которого мы потеряли редкую и доселе неизвестную форму жизни... Я тебя не отвлекаю, кстати? Если что, ты скажи. У тебя ведь сейчас своя жизнь есть, а мы с тобой опять углубились в детали...

Вероника молча уходит на кухню и уже оттуда интересуется:

— Ты, конечно, так хочешь есть, что и переночевать негде?

Я глупо улыбаюсь. Сказать мне на это нечего...

«Что такое деньги? Деньги — это то, что деньги делает. Все, что выполняет функции денег, — это и есть деньги». «Общее согласие о применении денег, а не сами отдельные общепризнанные средства обмена, — вот источник огромной ценности денег для общества». Цитаты вроде совсем давние. Распечатка была сделана еще на матричном принтере. Откуда я их вырвал — уже и не помню. Было время, когда я тщательно собирал всякую глупость. Даже такую: «Деньги — это так же естественно, как и воздух. Воздух обеспечивает нашу жизнь. Без него мы умрем. И деньги обеспечивают нашу жизнь. Без них мы тоже умрем. Воздух — это жизнь. Деньги — это жизнь».

Впрочем, такая глупость уже далеко не столь безобидна, поскольку написана под воздействием очень сильного импульса. Так что я откладываю листочек в сторону — на выброс...

Странно, что Вероника хранит мой архив. От удивления я так растерян, что не могу заниматься ничем другим, кроме как перебирать эти обрывки из отрывков, отпечатанные на пожелтевшей бумаге. Вот еще один пассаж про деньги. Именно они, по мнению автора, определяют для людей количественные границы возможного. Деньгами, мол, устанавливаются пропорции обмена, в основе которых лежит принцип эквивалентности отчуждаемых благ, поэтому деньги — это порядок из хаоса. Однако деньги благодаря своей всеобщей ценности выступают стимулом и для антигуманной деятельности. То есть делают привлекательной любую работу — и даже направленную против человека, поэтому они могут превратить любой порядок в хаос...

Выдергиваю еще один пожелтевший листок из середины стопки. И читаю, как деньги с одинаковой добросовестностью обслуживают и разрушительные, и созидательные действия людей. Они разрушают человека как личность, влияют на формирование его системы ценностей, на расстановку его личных приоритетов, но одновременно способствуют развитию «общественного интеллекта». И если деньги — это продукт, который порожден обществом, то и общество должно нести за него ответственность, а не сваливать все проблемы на свободную игру рыночных сил.

С последней мыслью автора не могу не согласиться. Кажется, это выдержки из работ Святослава Каменского, молодого философа в Екатеринбурге. Он отирался одно время при Уральском госуниверситете. Куда делся потом — не имею представления. Но лет десять или двенадцать тому назад Святослав выдавал вполне внятные тексты на тему денег в социуме. Именно Каменский, насколько мне помнится, первым предположил, что общественная воля, создавшая деньги, напитала определенной волей и свое творение. Ему же принадлежит гипотеза о том, что деньги как продукт этой совокупной воли посылают особые сигналы каждому конкретному человеку, формируя тем самым его первичные поведенческие реакции. Конечно, Каменский имел в виду не физические, а метафизические сигналы, тем не менее мы тогда все поняли правильно. И долго потом хохотали над собой. Вроде бы суть лежала на поверхности, и я эти сигналы даже ощущал каждый

раз, когда брал в руки очередную купюру, но ведь мы не смогли додуматься сами...

Запаковав архив, я потерянно брожу по квартире. И в который уже раз перечитываю короткую записку от Вероники. Она ушла на работу. Ее бизнес не прогорел, но расширяться никак не хочет. И все еще требует длительного личного присутствия. Мне в пользование предоставлен старый комплект ключей. Вместо фотографий, где мы с Вероникой вместе, по всей квартире расставлены фото сильно вытянувшейся вверх Ксюши. От одного взгляда на них у меня на сердце становится неспокойно. Сейчас Ксюша гостит у бабушки. С одной стороны, мне жаль. С другой — и к лучшему. Мало ли как все повернется. Вдруг мои планы пойдут коту под хвост, и мне не хочется лишний раз травмировать неокрепшую психику подростка. Не нужен ей внезапно объявившийся папочка, который скоро опять исчезнет в неизвестном направлении...

Заварив себе крепкий кофе, я безжалостно удаляю все неотвеченные вызовы на коммуникаторе. Таковых накопилось семь штук. Восьмой — от Геры. Ему я перезвоню чуть позже, а пока отправляю СМС с докладом, что у меня все в полном порядке. Мне уже давно пора вырваться на оперативные просторы родного города, но я никак не могу решить, с чего начать. Впрочем, в любом случае начинать придется с прогулки к банкомату, где есть возможность разжиться наличными. А потом, прежде чем перейти к основным пунктам моей туристической программы, приобрести местную сим-карту...

Банкомат для чиповых карточек стоял когда-то в торговом комплексе «Берег». Туда я и направляюсь, сильно мучимый совестью. В памяти не вовремя всплывает вчерашний разговор с Вероникой. Ну а что делать? Без наличности в моем любимом городе не выжить. А наличность обитает в банкоматах. Надеюсь, русские банкоматы не будут возмущены перепрошитыми лично мной «чурочками». Так и есть, программа подбора пин-кодов запускается без напряжения. Теперь нужно дважды нажать клавишу ввода, потом ввести программный код, и у меня появится доступ к пятнадцати толстым кошелькам. Главное — не переборщить. Поэтому я буду снимать с каждого счета всего по пять сотен. Пока банкомат отсчитывает в своих гулких недрах наличность, я привычным

движением натягиваю на руку нитяную перчатку (рубли мне голыми руками лучше не брать), небрежно выдергиваю купюры, сую их в задний карман брюк и таким же быстрым движением освобождаюсь от перчатки.

Теперь мне — в центр. Там я пересяду на очень старый красный трамвай, где полчаса буду вдыхать запах застарелого пота, слушать скрип ржавых дверных механизмов и перестук колес на рельсовых стыках. Городские трамваи давно опустились, обнищали и скатились на самую нижнюю строчку в рейтинге городского транспорта. Но без них на улицу Ремесленную, к моему бывшему другу Паше Дудкину, никак не попасть. Про Дудкина я давно ничего не слышал. Знаю лишь, что после развала нашей компании у него в мозгах что-то сильно заискрило, и ударился Паша в откровенную мистику. Понемногу пророчил, слегка шаманил, а в свободное время разоблачал мировые финансовые заговоры. Из той оперы, где доллар — валюта мистическая. Мол, кто посмотрит на него внимательно, тот сразу увидит, что доллар намертво прикручен к нехорошему числу тринадцать: у пирамиды ровно тринадцать ступенек, в словах над пирамидой тринадцать букв, орел в одной лапе держит тринадцать стрел, в другой лапе — ветку с тринадцатью листочками...

Вываливаясь из трамвая, вдыхаю полной грудью запах гари и навоза и отсчитываю пятый домик с краю. Он ничем не отличается от остальных. У него такие же саманные стены, обшитые крашеными досками, такая же дырявая крыша, крытая кусками рубероида. Я намеренно громко топаю под низкими окнами, несколько раз открываю и закрываю скрипучую дверь в заборе. Во дворе — трава, на траве — дрова. Паша признаков жизни не подает. Тогда я громко стучу в окошко и шумно топчусь на крыльце. Дверь приоткрывается. За ней Паша в синей майке и трусах в горошек. Вид у него заспанный.

— Ты чего? — испуганно хрипит Паша.

— Ничего, — говорю я. — Выползай, Большой Змей. Разговор к тебе есть.

— Погоди, оденусь только. — Дверь закрывается.

Меня он в дом не приглашает. В этом смысле мой бывший друг почти не изменился. Все такой же негостеприим-

ный. Разве что лицо еще сильнее округлилось, да лысина стала занимать более обширную территорию черепа...

— Вот уж кого не ожидал увидеть, елки зеленые, так это тебя, Евгений, — первым делом сообщает Паша. — Ты же вроде в заграницы подавался? Не понравилось?

— Я по тебе и там скучал, Паша, не поверишь...

Мы рассаживаемся на разных концах рассохшегося и серого от времени деревянного крыльца, долго молчим и смотрим в разные стороны заросшего сорняком огорода. Паша вытаскивает из кармана пачку дешевых сигарет без фильтра, натужно добывает огонь из отсыревших спичек и со смаком раскуривает помятую сигаретку. Легкий ветерок сносит в мою сторону аромат прелого навоза.

— Тебе от Алика привет, — с намеком говорю я.

Паша на мой намек не реагирует.

— От Алика? — вяло переспрашивает он. — Спасибо. И как он?

— Средненько. Все еще себя ищет.

— Да, Алик — он странный, — кивает Паша. — Когда же я его последний раз видел, елки зеленые? Кажется, в тот год, когда у нас ураган был, и дом мой чуть не под крышу снегом занесло. Почти неделю пришлось тогда лопатой махать...

Паша замолкает, и я опять забрасываю свой невод.

— А как у Егора дела, не слышал? Говорят, он к тебе иногда заходит.

У Паши от удивления чуть не вываливается изо рта сигарета.

— Женя, ты прикалываешься? Или ты ничего про Егора не знаешь?

— И не думаю прикалываться, — улыбаюсь я. — Я на полном серьезе спрашиваю. А что я такого про Егора еще не знаю? Расскажи же мне поскорее.

— Так умер Егор... — Паша округляет глаза. — От водки угорел...

Вдоль низкого заборчика бредет худая коза, позвякивая колокольчиком. Она останавливается, меланхолично смотрит на нас и начинает важно щипать траву. Я непроизвольно хмыкаю.

— Да слышал я эту байку, Паша, слышал. Много раз. Ты сам-то на похоронах был? Или тебе про них кто-то рассказывал?

— Нет, сам я не был, — после некоторого раздумья признается Паша. — Я в запой уходил. А когда вернулся, то поздно было...

— Ну а на кладбище? — не унимаюсь я.

— Чего я там забыл — на кладбище? — искренне удивляется Паша. — Цветочки на могилку складывать, елки зеленые? Так это не по мне. За меня Райский везде побывал: и на похоронах, и на поминках, и на кладбище...

— Значит, это Райский тебе про Егора напел. Тогда конечно. Тогда никаких сомнений у меня больше нет...

— Не понял. — Пашин взгляд на пару секунд становится осмысленным. — Чем это тебя Райский не устраивает?

— Меня Райский всем устраивает, — отмахиваюсь я. — Но только в том случае, если он не является источником важной для меня информации. Поэтому задаю свой вопрос еще раз: видел ты Егора после его смерти или нет? Дудкин, не тяни кота за шары, думай шустрей. Это важно. И не только для меня. Лично я не удивлюсь, если скоро на том кладбище, где похоронили Егора, окажется еще кто-то из нашей команды. Может, ты будешь первым, Дудкин. О тебе ведь будет кому горевать на поминках?

— Опять не понял. — Паша лезет в карман за второй сигаретой.

— А понимания от тебя не требуется, — дожимаю я. — Ты просто вспоминай. Видел Егора или нет? Сгодятся даже призраки. Может, ты был в сильном подпитии, а навстречу тебе шел человек, очень похожий на Егора. Снял он шапку вместе с головой, поклонился тебе до самой земли и растворился в морозном воздухе.

— Было такое дело, — признается наконец Паша. — Я еще никому не рассказывал...

Я удовлетворенно киваю. Интуиция меня опять не подвела. Не мог Алик с бухты-барахты броситься на поиски Зародыша. И вспомнить обо мне просто так не мог. Без Егора в этом деле точно не обошлось...

— То ли прошлой зимой дело было, то ли уже позапрошлой, точно не помню. — Паша продолжает бормотать, уже не

в силах, видимо, остановиться. — Показалось мне, что кто-то в окно постучал. Вечер, темно... Я пока валенки нашел, пока тулуп набросил — никого уже нет. Только вдалеке, вижу, мужик по нашей улице идет. Я ему: эй, мужик, стой. Ты никого, говорю, под моими окнами не видел? Он остановился, обернулся, посмотрел на меня стеклянным взглядом, рукой махнул и дальше пошел... И так он на Егора был похож, веришь, что мне даже нехорошо как-то стало. Жуть взяла офигенная. Понимаешь? До мурашек на затылке пробрало. Как в детстве. Даже не помню, когда домой вернулся... А потом лег на диван и все время про Егора думал. Вот не хочу, а все равно думаю. Зациклило, елки зеленые! До утра еле дотянул и сразу в церковь побежал. Свечек поставил за упокой, с отцом Арсением поговорил, святой водой углы в доме окропил...

— Отпустило? — нетерпеливо перебиваю я.

— Отпустило, да. И тебе советую, Евгений: сходи к отцу Арсению...

— Мне только и осталось, что к попам...

— Напрасно ты так, — осуждающе качает головой Паша. — Отец Арсений — он святой, точно говорю. С ним побеседуешь, и к тебе Егор тоже приходить перестанет...

— Да нет, Паша, мне святая вода без надобности, — морщусь я. — А когда Егор к тебе опять придет...

— Не каркай, елки зелёные! — пугается Паша.

— А ты не паникуй, — успокаиваю я. — Если будешь меня слушать, он никого не тронет. Только не забудь ему про меня рассказать. Что приходил, мол, Титов. Говорил, что уезжает в Бодайбо. Не забудешь? Как увидишь человека, похожего на Егора, сразу говори. И Райского проинструктируй. Если и ему Егор почудится, пусть тоже расскажет про Бодайбо.

— Да-да, — с отчаянной готовностью кивает Паша.

— Дудкин, не трясись, — сурово говорю я. — Сделаешь, как я сказал, и будешь дальше посещать свою общину, лясы точить с отцом Арсением и спокойно размещать в Интернете статьи, разоблачающие финансовые махинации жидомасонов. Последний вопрос — и я ухожу: ты о Зародыше с кем-то посторонним говорил? Может, случайно, в блоге своем, например, с кем-то поспорил, а эта тема просто к слову пришлась.

— Зародыш? — Дудкин впадает в ступор. — Это что?

— Паша, не тупи!

— Говорю же: я про этого Зародыша забыл совсем...

Поднимаясь с крыльца, автоматически отряхиваю джинсы.

— Забывчивость — это здоровое свойство организма. Так и живи, Паша. Не переживай. В голову лишнего не бери. Для всех лучше будет...

Уже на остановке вспоминаю, что забыл уточнить у Дудкина название кладбища, где похоронен Егор. Но возвращаться не хочется. Плохая примета. Буду думать, что вспомнил правильно — Старо-Северное. С этой мыслью и запрыгиваю в вагон. Через пять остановок пересаживаюсь на маршрутку, которая за полчаса доставляет меня прямо к центральной аллее, где вдоль разворотной площадки странные люди торгуют венками и бумажными букетами. У рассохшегося от времени существа неопределенного возраста и пола приобретаю букет из шести бумажных георгин.

— Не подскажете, где здесь располагается администрация?

Бесполое существо машет рукой в сторону крепкого на вид кирпичного домика.

Дверь в домике не заперта. Я решительно ныряю в душный сумрак и нахожу в большой комнате крепкого мужчину в жарком вельветовом пиджаке. Крепыш отдувается и жадно глотает фанту.

— Вы директор?

— Директор скоро будет, — равнодушно роняет он. — Ждите.

Я двигаю к себе крайний стул и разворачиваюсь так, чтобы видеть в окно площадку, куда прибывают новые маршрутки. Пока хозяин кабинета внимательно изучает глянцевый журнал, я копаюсь в памяти своего коммуникатора. Минут через двадцать на стоянке тормозит новенький «форд-фокус», из которого с трудом выбирается еще один крепыш в вельветовом пиджаке. Судя по тому, как уверенно он движется к конторе, это и есть директор.

— Петрович, меня никто не спрашивал?

Мой молчаливый визави отрывается от журнала и кивает в мою сторону. Я отворачиваюсь от окна, приподнимаюсь и слегка развязно говорю:

— Здрас-с-сьте...

Директор переводит удивленный взгляд с меня на Петровича. Тот пожимает плечами, как бы говоря: «А кто его знает, кто таков, сам пришел, сам сел, ничего не объяснял, ни о чем не спрашивал».

— Чем обязан, молодой человек?

Эта фраза произносится мягко. На всякий случай. А вдруг потом окажется, что я из органов. Но я, конечно, не из органов. О чем и сообщаю директору приветливой улыбкой. И сразу перехожу к делу. Говорю, что мне необходима его помощь. Не бесплатная, разумеется. Мой друг умер несколько лет назад и похоронен где-то здесь. Но где именно — неизвестно...

— Отчего же не помочь? — Директор еще больше смягчает тон и смотрит на меня уже с намеком. — Оплата у нас по тарифу. Пишите заявление прямо сейчас, и через неделю будет справка. Такие справки неделю готовятся...

Я понимаю намек правильно и в заполненный бланк заворачиваю две тысячерублевые купюры.

— Петрович, надо помочь, — удовлетворенно кивает директор. — У человека большое горе.

— В каком году осуществлялось захоронение? — уточняет Петрович и тянется к шкафу.

— Не знаю, — развожу руками я. — Но несколько лет уже точно прошло. В смысле, после осуществления...

— Значит, по базе будем искать?

Петрович косится на директора. Тот кивает. Я уже начинаю готовиться к самому худшему. Если этот Петрович сейчас нацепит очки, залезет в кипу гроссбухов и начнет их все перелистывать, водя пальцем по каждой строчке, то это затянется часов на пять. К счастью, я ошибаюсь. Из шкафа Петрович достает вполне современный ноутбук, и спустя всего три минуты я получаю на руки бланк, где говорится о том, что разыскиваемое мною захоронение находится в семнадцатом ряду сорок девятой аллеи. А еще через пятнадцать минут я уже стою на этой аллее. Вот и она, могила Егора. Даже не сразу и заметишь. Нет ни ограды, ни памятника, ни фотографии. Есть только покосившийся крест, к которому прибита металлическая табличка с фамилией. Табличка ржавая, но буквы еще читаются: Кузьмин Игорь Васильевич. И годы жизни.

— А ты, типа, хитрец, — улыбаюсь я, раскладывая бумажные цветы на просевшем от многочисленных дождей холмике. — Ну, как говорится, пусть земля тебе будет пухом!

У остановочного павильона с надписью «Сад Комиссарова» ветрено. В принципе от непогоды можно спрятаться в будку, где есть остатки лавки, но от покосившейся железобетонной конструкции тянет пряным духом нечистот, поэтому прятаться там мне не хочется. И я неспешно прогуливаюсь вдоль обочины. Жду, когда примчится Г.В. и заберет меня отсюда. Я знал, что он построил себе жилище где-то неподалеку от города, но не ожидал, что добраться туда будет очень нелегко. В сторону Ачаирского монастыря пролетают машины. Меня они не замечают и регулярно обдают колючей серой пылью. Я отворачиваюсь, отплевываюсь, поднимаю воротник рубашки, но все бесполезно — пыль повсюду. И самыми сильными источниками пыли оказываются изрядно подержанные иномарки, за рулем которых очень сосредоточенные и чем-то озабоченные мужчины. Все они примерно моего возраста. И настроение у них, сразу видно, отвратительное.

Да и у меня, впрочем, настроение никакое. Я сейчас словно размазан по глухой стенке бытия. После посещения родового гнезда со мной такое бывает часто. Уже много лет общение с родителями происходит по одному и тому же, однажды утвержденному в каких-то высших инстанциях сценарию, который называется «Возвращение блудного сына». Несколько первых минут родители всегда радуются, что я нашел время и заглянул к ним «на огонек», задают пару дежурных вопросов, потом мама начинает хлопотать, что-то разогревать, пытается меня покормить супом, рассказать необязательные новости, а папа важно кивает, как бы подтверждая правоту ее слов. Вот зачем, спрашивается, я приходил сегодня? Узнать подробности о ремонте квартиры тети Любы из Воронежа, о скандалах соседей и об изменениях в жизни моего младшего брата Аркадия, который работает аудитором в консалтинговой фирме? Да, теперь я в курсе, что у Аркадия появилась девушка, с которой они живут в гражданском браке, а ребенок у них пока

не намечается. Ну и что? Мог просто позвонить родителям и получил бы аналогичный набор новостей. Мне даже кажется иногда, что я и сам Зародыш, а моя мама — вовсе не моя. Ведь могла же она тридцать семь лет назад, возвращаясь вечером с работы, услышать сдавленный детский писк из мусорного бака? Могла. Могла, увидев выброшенного младенца, подобрать его и унести домой? Конечно. Хотя бы из банальной жалости. И не сдала малыша в приют, а усыновила его и воспитала вместе со своим настоящим сыном, который появился позже. Но она никогда не забывает, что ее старший — подброшенный. Не забывает, что он — чужак...

— Здоров, Евгений!

— И вам не хворать, Георгий Валентинович!

Передо мной гостеприимно распахивается передняя дверь глубоко-черного «рэнджровера», где на водительском месте я вижу своего давнего приятеля Георгия Чёрного.

— Сколько же мы не виделись, мил человек? — Г.В. растягивает губы в приветливой улыбке. — Лет сто, не иначе!

Я забираюсь в просторный салон и откидываюсь в кресле из пепельно-светлой кожи.

— Не оторвал от дел, Георгий Валентинович?

Г.В. лихо разворачивается на узкой дороге и резко набирает скорость.

— Какие дела, слушай? Ко мне же лучший друг выбрался. Раз за сто лет. Так что лично у меня сегодня праздник.

Конечно, Г.В. несколько преувеличивает и свою радость, и масштаб нашей дружбы. Он старше на одиннадцать лет, и мы живем с ним в разных временных координатах. Но поправлять Г.В. я не стану, разумеется. Многолетнее общение многие искренне принимают за дружбу. Главное, что мы никогда не доставляли друг другу хлопот. И даже когда работали вместе. Компания, где Г.В. был единственным учредителем, замутила лет десять назад большую тему по информационной безопасности, и я подрядился поучаствовать в разработке уникальной системы кодировки для сверхбольших баз данных, которой Г.В. дал название «Черный Квадрат». И результатами своих трудов я остался в принципе доволен. Примечательная получилась у нас штуковина, хотя склепали мы ее за неимением времени почти наспех. Однако до сих пор никто не может

переплюнуть «Черный Квадрат». Другие разработчики лишь тупо копируют этот «движок»...

Г.В. с нескрываемой гордостью распахивает створки ворот.

— Ты же здесь у меня впервые. Вот и не торопись. Мы сейчас откушаем, потом экскурсию устроим по латифундии, а затем всенепременно в баньку заглянем. Банька у меня отменная. С прямой поставкой пара из Финляндии. Ты как относишься к легкому пару, Евгений?

— Отрицательно, — морщусь я. — Разлюбил мокрые развлечения...

Мне удается сократить в нашей программе и торжественный ужин. В итоге мы ограничиваемся тарелкой бутербродов и бутылкой «Джека Дэниелса» на открытой веранде.

— Вижу, время ты даром не терял, Георгий Валентинович.

Г.В. довольно смеется и щедро разливает виски.

— Я так тебе скажу: финансовый кризис — это фуфло! Не нужно было жульничать и жрать в три горла. Когда все честно работают, тогда и кризиса нет. Вот мы, например, немного в прайсах поджались и опять вышли на прежние объемы. Если бы не эфэсбэшники, так и совсем было бы хорошо...

— А что эфэсбэшники? — как можно небрежнее интересуюсь я. От спецслужб я стараюсь держаться в сторонке.

— Наехали они на нас, Евгений. — Г.В. огорченно вздыхает. — Видать, конкуренцию почувствовали. А я на принцип пошел. Надоело, понимаешь, постоянно прогибаться. Короче, они нас промурыжили несколько месяцев с лицензией, а мы их судебными исками забросали по поводу упущенной выгоды и все такое. Теперь вот судимся. Уже, считай, второй год пошел...

Воспользовавшись паузой, сворачиваю на главную тему, ради которой и приехал.

— А как мой багаж? Не затерялся при переезде?

— Обижаешь! — Г.В. фыркает. — «Объект номер один» после переезда сразу же был спрятан в надежном месте. Хочешь взглянуть? Заметь, я даже не интересуюсь содержимым твоего чемодана...

Мы заходим в дом, спускаемся на цокольный этаж и довольно долго плутаем в темноте. Г.В. несколько раз останавливается, шарит рукой по стенкам, чертыхается, и мы опять

движемся дальше. Наконец в одном из углов Г.В. находит фальшивую стенку. За ней — небольшой стеллаж. Сверху — ряды винных бутылок, внизу — разный хлам. Свой упакованный в мягкую ткань и обмотанный скотчем чемодан я узнаю мгновенно и вздыхаю с облегчением.

— Отлично. Прямо сейчас и заберу!

— Нет проблем, — подмигивает Г.В. и обводит широким жестом помещение подвала. — Хоть все здесь выноси. Даже святых. Тебе можно. Но ты признайся: ведь было там что-то незаконное, да?

Я продолжаю улыбаться.

— Абсолютно ничего незаконного, Георгий Валентинович. Всего-то пара килограммов пластита, ампулы со спорами сибирской язвы, флакончик боевого отравляющего вещества — аналога зарина, а еще небольшой арсенал огнестрельного оружия...

Добродушное выражение с лица Г.В. исчезает.

— Не шути так, Евгений...

И хотя я потом долго заверяю Г.В. в своей лояльности официальным властям, обещаю, что больше таких глупых шуток не допущу, и мы даже выпиваем еще по сто граммов «Джека Дэниелса», но механизм уютной встречи старых друзей уже дает сбои. Г.В. становится задумчив, неразговорчив, часто погружается в себя и на мои расспросы реагирует вяло. Мне даже кажется, что он чувствует облегчение, когда вызванное к его дому такси увозит меня в сторону заката. Да я и сам не особо огорчаюсь от того, что уютные мужские посиделки вышли скомканными. Надеюсь, Г.В. меня простит. Всю эту коллекцию редкостной дряни, что хранится в чемодане на «болванках» домашней нарезки, я собираюсь завтра уничтожить. Там много чего есть. И даже существенно худшего, чем тротил, гексаген и боевые отравляющие вещества, которых так опасается старый мир. У нового мира — новые опасности.

Из всего содержимого чемодана я оставлю себе только один гаджет — «Глок 17». Магазин у него на семнадцать патронов калибра девять миллиметров, и такого боезапаса вполне достаточно, чтобы выпутаться из любых неприятностей. Еще я люблю свой «глок» за неприхотливость. Он действительно не боится ни воды, ни мороза. Причем мне удалось в

свое время найти изделие из ограниченной серии, которое на девяносто процентов состоит из сверхпрочного карбонового монокока. Полимер снижает вес изделия в разы и при всей своей несерьезности выдерживает температуру нагрева до двухсот градусов. Карбоновый «глок» легко разбирается на тридцать две составные части и прячется в багаже, после чего не привлекает внимания даже служб авиационной безопасности...

Таксист по моей просьбе тормозит у супермаркета, где я нагружаю корзинку апельсинами, яблоками, киви и бананами. Сверху набрасываю сыра и ветчины. С полок снимаю наудачу две бутылки незнакомого белого вина. На тот случай, если у Вероники будет вечером нормальное настроение. Но у кассы почему-то теряюсь, начинаю перекладывать пакеты из рук в руки, путаюсь в руках и бутылках, а в довершение хватаю рукой без перчатки стопку тысячных купюр. И тут же получаю хороший урок. Через меня проходит сигнал такой силы, что от боли я на некоторое время теряю сознание.

Человек с небольшим порогом чувствительности даже такого сигнала скорее всего не заметит. Максимум почешет в затылке и только на следующий день истратит некоторое количество своих накоплений на очередную ненужную ему вещицу. Человек с нормальным порогом чувствительности потратит все доступные ему наличные в тот же вечер. А у меня разворачивается перед глазами масштабная космическая панорама с миллиардом звезд. Я лечу к этим звездам, раздвигая пространство и время. Я не чувствую себя среди этих звезд совершенно лишним. Я почти такой же, как они. Я тоже наполнен изнутри ярким светом. Я тоже излучаю вокруг себя свет, который виден на миллионы километров вокруг...

На самом деле я все это время тупо лежу в проходе у кассы и доставляю множество неприятных минут двум охранникам и трем кассиршам в форменных красных жилетах. Когда я открываю глаза, все они склоняются надо мной и выглядят крайне испуганными.

— Живой, — облегченно выдыхает кассирша постарше. — Слава те, Господи!

Я уже начинаю понимать, где нахожусь, и стараюсь подать своим спасителям хоть какой-то знак. Улыбнуться, например.

— Все равно нужно «скорую» вызвать, — нерешительно произносит кто-то, кого я пока не вижу.

Мне очень не хочется в больницу, и я с усилием приподнимаюсь с пола.

— Не надо «скорой», — говорю я. — Огромное спасибо за помощь. Мне уже легче. Я вполне смогу доехать домой, честное слово. Меня на улице такси дожидается...

Мне не верят и снаряжают одного из охранников, чтобы он проверил все лично, а при необходимости проводил меня до такси. Охранник прихватывает и пакет с покупками. Таксист так удивляется сопровождению, что оставшуюся часть дороги мы проезжаем вдвое быстрее, денег он берет с меня по минимуму, а у подъезда выходит из машины, чтобы лично подать мне в руки чемодан и покупки. Все складывается удачно, и до прихода Вероники я успеваю не только спрятать подальше чемодан, но и накрыть стол — вино и легкие закуски...

— По какому поводу торжество? — подозрительно интересуется Вероника с порога. — Учти, я с чужими мужчинами без повода не пью.

— А давай тогда знакомиться, — предлагаю я. — Меня зовут Евгений. Вынужден сразу предупредить: я женат, не богат, не знаменит и абсолютно бесперспективен. У меня есть почти взрослая дочь, которая проводит каникулы у бабушки, а еще у меня имеется хорошее вино, которое называется... э-э-э... Не успел, к сожалению, запомнить. Но я надеюсь, что оно самое белое из всех мне известных!

Вероника смеется, присаживается за стол и тянется к сыру и нарезанной ветчине.

— Проголодалась, если честно...

Для закрепления успеха я зажигаю свечи и быстро разливаю вино в высокие бокалы.

— За что пьем? — игриво интересуется Вероника. — Требую тост!

— За продолжение нашего знакомства!

Интуиция мне подсказывает, что если я не буду угрюмо молчать, то рано или поздно мы настроимся на одну волну, а вечер пройдет тихо и спокойно. Но нужная волна все как-то не находится, и через двадцать минут я и сам не выдерживаю тяжести своих натужных острот.

— Шут ты, Титов, — говорит со вздохом Вероника и делает большой глоток из бокала. — Ну как ты мог так уехать, даже не предупредив? Я целый год после этого ревела ночи напролет. Спать не могла. Все ждала, ждала... Думала, опомнится. Вернется домой. Извинится, в конце концов. И что? Вот он ты. Появился, как здрасьте. Со своими шуточками и прибауточками. По пути из ниоткуда в никуда. Я даже не знаю, где ты на самом деле был, Женя. А с кем ты там был — это уже другой вопрос... Может, ты мне вообще наврал про Берлин? Может, ты жил себе спокойно все это время у какой-то девки на соседней улице, а когда она тебя выгнала, ты загрустил и вернулся ко мне. А теперь сочиняешь мне разные небылицы... Я даже не понимаю, о чем нам с тобой теперь говорить. Ну что ты опять молчишь? Скажи хоть что-то!

— Разве я молчу? Я постоянно пытаюсь что-то сказать. Но проблема в том, что сказать мне нечего... — Я коротко пожимаю плечами и допиваю вино. — Ты совершенно права. Во всем права. И я это без всякой иронии сейчас говорю. Мне бессмысленно тебе что-то доказывать. И убеждать тебя, что я говорю правду, тоже бессмысленно. Вся правда в том, что я неудачник, ничтожество, недоразумение, бездельник, лодырь, лох. Нужное подчеркнуть. И живу я только потому, что кто-то недосмотрел за тем, чтобы я не появился на этом свете...

— Женя, перестань! — Вероника шмыгает носом и вытирает его бумажной салфеткой. — Не говори так. Я просто хочу понять. Для себя хотя бы. Хочу понять, что теперь со всем этим делать. Вместе мы жить не можем. Порознь — тоже. Мы ведь даже не попытались найти решение. Мы его только отложили.

— Ну а если нам ничего не искать и дать мне еще один шанс?

Вероника нервно вздрагивает.

— Титов, ты вообще меня слушаешь? Вот ты приехал, упал мне как снег на голову, живешь целую неделю, а я каждый день жду, когда ты опять от меня сбежишь. Завтра, например, ты мне скажешь, что у тебя есть одно срочное дело, от которого зависит очень многое, а потом пропадешь еще на два года. Что, я не права?

— Нет, ты в очередной раз права, — вздыхаю я. — У меня осталось одно очень важное дело. И мне нужно срочно уехать в Бодайбо. Но это всего на неделю.

— Куда уехать? — искренне удивляется Вероника.

— В Бодайбо, — покорно повторяю я. — Это город в Иркутской области. Там золото добывают.

— Зачем? Ты уже незаконной торговлей золотом промышлять стал?

— Не злись, очень тебя прошу. Золото тут совершенно ни при чем. Дело очень старое, гнусное, но мне его обязательно нужно завершить. И как можно быстрее. Это как заноза. Если ее не вытащить вовремя, она будет долго гнить и болеть. Ты потерпи одну неделю. Хорошо? Я когда вернусь, то все у нас будет нормально. И все тебе расскажу...

— Нет, Титов, я ждать не стану, я тебе прямо сейчас все расскажу, — обрывает меня Вероника. — Катись ты хоть в Бодайбо, хоть в Монако, а захочешь, так мотай хоть в Гондурас. Я совершенно не возражаю. И решай любые дела: важные, неважные, новые, старые — мне все равно. Только назад не возвращайся...

Заместитель главы администрации Бодайбинского района на рабочем месте отсутствует. Имеется только его секретарша — Елена Алексеевна. Молодая и рыжая, как львица. У нее примерно пятидесятый размер и почти два метра в холке. Надо полагать, чья-то родственница, поскольку работа в администрации — это синекура по местным меркам. В приемной пусто. Единственный посетитель за весь день — я. И львица откровенно скучает. Одним глазом и одним пальцем она контролирует клавиатуру, а вторым глазом косит в мою сторону. Львице любопытно. Новые лица в Бодайбинской администрации — редкость. Начальство из Иркутска не прилетает, а старатели, регулярно пополняющие вакансии в артелях, в здание администрации не попадают. Им по рангу не положено. Но я не желаю удовлетворять любопытство секретарши, поэтому с важным видом поправляю полосатый пиджак и продолжаю изучать выпуски местной газеты, разложенные на столике для посетителей. Пусть львица поволнуется.

За окном ничего интересного. Там застыла неприглядная картинка города Бодайбо, в котором с самого раннего утра моросит совсем не летний дождь. Город одноэтажен, изрядно потерт, а дороги его изъедены рытвинами, словно их ежегодно подвергают массированной бомбардировке. Не лучше выглядят и окрестности. Ревущие и завывающие драги давно превратили территории многочисленных приисков в неземные пейзажи. Отвалы переработанного щебня тянутся от Бодайбо до самого горизонта, а между ними петляют дороги, густо испещренные метеоритными кратерами. Когда-то старатели разъезжались по берегам окрестных рек, оседали, мыли золото, потом золотодобыча ушла дальше — по руслам, а оставленные поселения так и стоят. Стоит и город-призрак Вачинск, брошенный строителями еще двадцать лет назад...

— Я думаю, Иван Сергеевич сегодня уже не появится, — говорит львица со значением. Видимо, я лишаю ее законной возможности покинуть рабочее место пораньше.

— Неужели? — удивляюсь я.

— Обычно Иван Сергеевич меня предупреждает, если собирается вернуться, а сегодня не предупредил...

— Это плохо, — равнодушно говорю я и неторопливо разворачиваю следующую газету, где опять первым делом натыкаюсь на слово «золото». На днях, оказывается, местным управлением по борьбе с экономическими преступлениями был арестован криминальный дуэт из рабочего и охранника. Они выносили с территории артели промышленное золото в сигаретных пачках и прятали его под мусорным баком в общежитии. Своим преступным промыслом дуэт занимался несколько месяцев и успел реализовать более килограмма золота. Еще почти килограмм был изъят у них в ходе оперативных мероприятий. Не теряли времени даром и сотрудники местного ФСБ, арестовавшие безработного, у которого обнаружилось более трех килограммов золота. Уже установлено, что молодой мужчина входит в преступную группировку, которая организовала незаконный канал вывоза драгметаллов из Бодайбинского района.

Единственную заметку, где золота нет впрямую, я нахожу в разделе «Культура». Она про поэтический вечер в киноконцертном зале «Витим», приуроченный к изданию сборни-

ка стихов местных авторов — «Бодайбинской земли голоса». Я представляю себе эти голоса и не могу сдержать улыбки. Бодайбо — это город, который строился на костях. И это вовсе не фигура речи. Минимум треть местных жителей — очумевшие и отощавшие от изнурительной работы старатели. Кроме как золотодобычей, заниматься в Бодайбо просто нечем. Даже думать о чем-то, кроме золота, здесь не получается. И если бы свободный оборот золота был неожиданно разрешен, то старожилы Бодайбо вытащили бы из своих закромов далеко не одну сотню килограммов драгоценного металла...

— Простите, вас к телефону. — Львица робко протягивает мне телефонную трубку.

— Алло, — говорю я сдержанно. — Титов слушает.

— Евгений, дорогой ты мой человек, — доносится в ответ знакомый басок заместителя главы. — Ну не маячь ты на ветру. Где остановился?

— Как обычно, — говорю, — в «Угрюм-реке». На улице Первомайская.

— Да знаю я, где эта гостиница, — ворчит мой собеседник. — Давай сделаем так. Ты сейчас пообедай и возвращайся в номер. А ровно в пять я за тобой заеду.

Я небрежно кладу трубку на стол и смотрю на львицу строго. Она заискивающе улыбается. Видимо, подслушивала наш разговор. Впрочем, мне их местные дела — до фиолетовой звезды. Я хотел разворошить этот муравейник, чтобы все фигуранты стали совершать хаотичные движения с нужными мне результатами, и своего, похоже, добился. У Ивана Сергеевича сдают нервы. Значит, мне уже можно с холодной улыбкой покинуть здание администрации, взять такси и спокойно возвращаться в гостиницу.

Вчерашнюю встречу с директором Бодайбинского детского дома номер один я тоже оцениваю высоко. К гадалке не ходи, Семён Валерьевич Самосудов испугался. И своему покровителю бросился звонить сразу после моего ухода. На редкость трусливый и мерзкий тип этот Самосудов. Но выбирать не приходится. Я работаю с тем материалом, который есть. И все равно приятно вспомнить, как позеленел вчера этот Самосудов, как заерзал он по стулу своей мясистой задницей, как заелозил по столу потными ладошками. У него директива

из района, ему спустили циркуляр, он ничего не мог поделать. Врал, тварь продажная. Как Самосудов любит деньги — это отдельная тема. Впрочем, в Бодайбо деньги любят все. Иван Сергеевич их тоже любит. В Бодайбо, пожалуй, вообще нет такого человека, который бы не любил деньги. Альтруисты сюда не попадают. Так что лучшего места для появления Зародыша даже и придумать трудно...

Иван Сергеевич, как и ожидалось, в номер подниматься не спешит. Но я вовсе не гордый. Я сам спускаюсь на улицу и падаю на заднее сиденье большого черного джипа с госномером. Руки не протягиваю. Впрочем, Иван Сергеевич делает вид, что моего хамства не замечает. Сегодня он живое воплощение гостеприимного хозяина бодайбинской тайги. Заботливо интересуется, как я устроился, как долетел. Беспокоится о моем самочувствии. Мол, может, помощь требуется?

— Это вы меня спрашиваете про самочувствие? — нервно вопрошаю я. — У меня сейчас самочувствие как у человека, который притащился за семь тысяч километров с несколькими пересадками в самую глубокую задницу своей страны, а теперь узнает, что его здесь даже не ждали. Или я что-то не понял?

Иван Сергеевич морщится.

— Не надо все так драматизировать, Евгений. Ничего непоправимого не случилось...

— Да? — удивляюсь я. — А что тут у вас вообще могло случиться? Поясните, будьте так любезны. Или мне вам напомнить о наших договоренностях? Так это мне нетрудно. Три года назад я предлагал вам чистое и совершенно безопасное дело. Здесь, на вашей территории, под вашим контролем работает некий детский дом. В этом учреждении есть мальчик — Александр Немченко. Он хоть и круглый сирота, но мой дальний родственник, поэтому мне небезразлична его судьба. А от вас я хотел только гарантий. Я просил, чтобы с этим мальчиком ничего не случилось. И за это я три года добавлял к вашей немалой зарплате приличную сумму. А теперь директор этого детского дома меня уверяет, что я не смогу увидеть Сашу. Я интересуюсь: почему? А потому, говорит он мне, что мальчик Саша два месяца назад был переведен в один из детских домов города Иркутска, где сейчас готовятся докумен-

ты на его усыновление семьей Шишкиных, проживающих в Иркутске.

— Не волнуйся, Евгений. Думаю, что в ближайшее время мы во всем разберемся, — пытается успокоить меня Иван Сергеевич. — Мальчику потребовалось, насколько я знаю, комплексное медицинское обследование. У нас такого оборудования нет, поэтому его и перевели временно в Иркутск. Временно — я подчеркиваю. Так что это недоразумение...

— Недоразумение?! — Я взрываюсь. — Вы тут оглохли все? Ау! Меня кто-то слышит? Мне наплевать на ваши местные недоразумения. Но я очень сильно расстраиваюсь, когда меня принимают за баклана. Какие обследования понадобились мальчику Саше, которые нельзя сделать в Бодайбо? В поликлинике артели «Голец Высочайший» вполне себе современное оборудование. Но у них, насколько я знаю, нет хорошего томографа. Так?

— Ну, я не врач, — смущенно бормочет Иван Сергеевич.

— А кто решил, что Саша болен? Где его медицинская карта? Кому понадобилась его томограмма?

— Да на кой вам всем сдался этот пацан? — не выдерживает моего натиска Иван Сергеевич. — Его что, из золота слепили?

— А вот это уже другой разговор. Более деловой. — Я придвигаюсь ближе. — Смотрите мне в глаза и рассказывайте, кто еще проявлял интерес к мальчику? Говорите, не стесняйтесь...

Иван Сергеевич начинает понимать, что сболтнул лишнего, и сразу сникает. Смотрит в пол, достает из кармана пиджака платок и нервно вытирает рот.

— Мы разберемся... А ты, Евгений, послушай моего совета, ты уезжай сейчас, да. А через три месяца опять приезжай. Если не исправим ситуацию, половину денег сразу отдам, а вторую половину тоже верну, но чуть позже...

Я демонстративно кривлю губы.

— Напрасно вы упрямитесь, Иван Сергеевич. Вы мне просто расскажите, что знаете. Вам даже ничего делать не придется. Только фамилии назовите. Неужели мы наступили на хвост самому авторитетному золотодобытчику Савельеву, в определенных кругах более известному как Сильвестр?

Иван Сергеевич испуганно машет головой.

— Хорошо, — говорю я. — Согласен. Приеду через три месяца. Но не позже. И в следующий приезд мне бы очень хотелось получить от вас приятные известия.

Иван Сергеевич сразу оживляется.

— С тобой всегда приятно иметь дело, Евгений. Три месяца — клянусь! Ровно три. День в день. А о билетах не беспокойся. Мы тебе их завтра с утра в гостиницу доставим с курьером. На вечерний рейс. Из брони администрации...

Мы прощаемся, усиленно делая вид, что остались довольны друг другом. Но он прекрасно понимает, что я недоволен. А я понимаю, что чиновник просто пытается оттянуть время. Он обо мне ничего не знает, поэтому на всякий случай побаивается. Но Сильвестра он боится гораздо больше. Он, как никто другой, понимает справедливость местной поговорки: «Что хорошо для Сильвестра, то хорошо для Бодайбо». Зато я знаю, кто и зачем заручился поддержкой Сильвестра, чтобы вытащить из детского дома мальчика Сашу. Прости меня, Саша. Надеюсь, когда все успокоится, а про тебя все позабудут, ты хотя бы не вернешься обратно в приют...

Улыбаясь пожилой администраторше, я возвращаюсь к себе в номер. Запираю дверь на засов, снаряжаю запасной магазин для «глока». Сегодня я еще в относительной безопасности, но к неожиданностям лучше быть готовым. В восемь мне предстоит еще одна встреча. Потом я хочу немножко помотаться по городу и поздним вечером поужинать в ресторане «Самородок». Возвращаться в гостиницу буду поздно. А вдруг какие-то хулиганы на выходе из ресторана или на входе в гостиницу захотят проверить карманы приезжего лоха? С местных-то что взять — они в большинстве своем бедны, как церковные крысы.

Перед уходом я притормаживаю у стойки администраторши, небрежно перебрасываюсь с ней свежими новостями, почерпнутыми из передач единственного местного телеканала, как бы невзначай предупреждаю, что собираюсь посетить «Самородок», и уже со спокойной душой направляюсь к магазину в трех кварталах от гостиницы и набиваю сумку подарками: апельсинами, конфетами, пряниками, печеньем и ваф-

лями. В ближайшей к магазину подворотне нахожу фамильный УАЗ братьев Максимовых. За рулем самый младший, Кеша. А старший, Пётр, уже ждет меня в приюте, где он за копейку трудится истопником, а по совместительству подрабатывает разнорабочим и ночным сторожем. Пётр — соль бодайбинской земли. Его я очень уважаю. За три года у нас ни разу не возникало разногласий...

— Сторов, Еня! — искренне радуется мне Пётр, сильно шепелявя и улыбаясь беззубым ртом. — Как ывес?

— Да твоими, понимаешь, молитвами! — Я охлопываю по плечам низкорослого якута. — А как там мой паренек? Не скучает?

— Номально, номально, — кивает головой якут. — Сасись, сисяс посову!

Пётр ненадолго исчезает, а когда возвращается в кочегарку, то ведет за руку слегка прихрамывающего шестилетнего мальчишку по имени Боря. В этот момент мое сердце начинает подавать сигналы уже откуда-то из области желудка.

— Сасись, Боя! — Пётр подставляет табурет.

Но мальчик не торопится. Он останавливается на пороге и смотрит на нас исподлобья. Судя по грязным штанам со следами чужих ботинок, рваной женской кофте, свисающей почти до колен, синим кругам под глазами, зеленой скуле и треснутым стеклам очков, жизнь его воспитывает исключительно в строгости.

— Привет, Боря, — говорю я намеренно бодрым голосом, а сам в это время выкладываю на кривоногий столик сладости. — Кто это тебя так разукрасил?

— Пасаны, — коротко комментирует Пётр и гладит хмурого Борю по голове. — Ты не бойся! Ты сасись, кусяй!

— Дело, как говорится, молодое, — киваю я. — Ты, Боря, не теряйся. Все, что видишь на столе, — твое. Что не съешь, то с собой унесешь, с пацанами разделишь. А меня ты совсем не помнишь?

— Ты мой папа? — с надеждой поднимает взгляд Боря.

— Ну, можно и так сказать. Не в буквальном смысле папа, конечно, но все равно...

Боря моих слов не понимает. Да они ему и не требуются, собственно. Он уже услышал в моем ответе желаемое слово

«папа», и его уже все устраивает. Он охотно забирается на табурет и жадно набрасывается на конфеты «Полет».

— Ты это, парень, так плотно не налегай, — запоздало спохватываюсь я. — Иначе на неделю в туалете поселишься...

Боря замирает и непонимающе смотрит на старого якута. Но тот лишь гладит Борю по голове и шепчет:

— Пасаны, да...

— Петя, оставь меня с парнем на полчасика, ладно?

Якут бросает взгляд на Борю и исчезает. Мы остаемся одни. В кочегарке зябко. На черных от копоти стенах проступает влага. С потолка сурово взирает голая лампочка в сорок свечей. Пока мальчишка занимается пряниками, я рассматриваю небольшое хозяйство Петра — стол, стул, два табурета, старый шкаф с железной посудой и топчан, накрытый жестким шерстяным одеялом, — а в голову лезут какие-то обрывки мыслей. Но мне все равно хорошо. Я никому ничего не хочу доказывать. Я просто знаю, что Зародыш — это не теория, не бред, не продукт моего больного воображения. И один из Зародышей сидит в данное время передо мной. Мальчик по имени Боря. Он живой, теплый и несчастный. Поедает пряники и печенье, закусывая их конфетами. К апельсинам даже не притрагивается. Видимо, не может понять, что с ними вообще нужно делать. А я не могу понять, что мне делать с ним: обнять несчастного сироту или свернуть шею будущему монстру.

Сегодня биография Бори состоит всего из одной строки: в возрасте двух недель найден участковым уполномоченным в двух кварталах от роддома, по заявлению правоохранительных органов и органов опеки был принят в Дом малютки, а в возрасте трех лет переведен в Бодайбинский детский дом номер один. Выглядит он пока как обыкновенный шестилетний сирота, то есть имеет вид нелепого человеческого детеныша с огромными оттопыренными ушами и непомерно тонкой шеей. Вечно голодное, затравленное, забитое и напуганное до икоты существо. Даже трудно поверить, глядя на сегодняшнего Борю, что очень скоро этот запуганный мальчик вырастет, окрепнет, покинет детский дом или приютившую его семью и превратится в бойкого юношу, которому будет сопутствовать успех во всех его деловых начинаниях.

Со временем Боря станет не просто успешным, а феноменально успешным. Он играючи раздавит все живое, до чего дотянется, пройдется бульдозером по жизням миллионов нормальных людей, аккумулирует в своих закромах огромный капитал, размер которого даже представить будет сложно. Возможно, Боря не забудет про свой детдом и даже как-то его облагодетельствует. Построит, например, для новых воспитанников особняк из желтого кирпича, а на месте старого здания возведет хоккейный стадион с трибунами, куда одновременно смогут поместиться все жители города Бодайбо. И когда люди всего мира будут завистливо повторять, что деньги к Боре так и липнут, это будет абсолютной, стопроцентной правдой.

А все потому что Боря не человек. Он — Зародыш. Его родители не люди, а деньги. И если кто-то скажет, что это метафизика, я не стану спорить. Физиология Зародышей для меня загадка. Обмен веществ — загадка. Сейчас Боря еще вроде бы человек, но уже и не совсем. По сути, я о Боре практически ничего не знаю. Знаю только, что его родители, какими бы странными они ни казались, о своем потомстве обязательно позаботятся. Они найдут способ. И вот это уже никакая, к чертям собачьим, не метафизика...

Дорога ныряет в глубокую ложбину, где еще с ночи залег в засаде густой туман. УАЗ младшего Максимова продвигается вперед почти шагом. Боря спит на заднем сиденье, подложив под голову кроличью ушанку. На нем теплые брюки, зимние ботинки и прожженное в нескольких местах пальто на ватине из толстого драпа в коричнево-серую клетку. Что-то похожее я видел на детских фотографиях своего отца. Да и сам еще успел такое же пальто поносить. Я пытался, конечно, убедить Борю в необходимости оставить все свое имущество в наследство детдому, поскольку передвигаться летом в зимней экипировке не очень просто. Но время поджимало, а Боря отвергал все мои предложения так категорично, что я вынужден был отступить. Видимо, зимние вещи были для него символом будущей стабильности. Что бы, мол, ни случилось, но лето неминуемо закончится. А когда наступят морозы, то хотя бы за-

мерзать не придется. И наличие крепкого философского фундамента в таком логическом построении я не мог не отметить...

— Притормози! — прошу я Максимова и внимательно вглядываюсь в лобовое стекло. Нет, не показалось. Впереди — небрежно припаркованный вездеход. Это тоже УАЗ. Только из новой модификации.

— Сиди на месте! — останавливаю я Максимова и оглядываюсь на спящего Борю. — Никаких резких движений. Просто присмотри за парнем. Я узнаю, что там произошло.

Чужая машина торчит в тумане мертвой глыбой. Стоит с заглушенным двигателем и потушенными фарами. На подножке кто-то сидит. На всякий случай я достаю из сумки свой «глок» и прячу его за брючный ремень. Размахивать оружием вовсе не обязательно, но лучше пусть оно будет в доступности. В окрестностях Бодайбо далеко не все случайные встречи заканчиваются благополучно...

При моем приближении человек встает, сплевывает на дорогу и идет навстречу. Его походка кажется мне знакомой. Да и лицо тоже. Я останавливаюсь. Чего-то подобного я ожидал, если честно. Но не сейчас. Несколько позже...

— Привет, Егор, — говорю я, стараясь выглядеть растерянным.

— Не делай вид, что сильно удивлен, — веселится Егор. — Давай обнимемся, Женя. Мы же так давно не виделись!

Я непроизвольно отступаю на шаг.

— Нет? Не желаешь? — демонстративно удивляется Егор. — Или ты не рад старому другу?

— С такими друзьями и врагов не надо...

Из машины выглядывает Кеша. Я машу ему рукой, чтобы он оставался на своем посту.

— Не желаешь прогуляться? — ехидно интересуется Егор.

— Можно и прогуляться, — соглашаюсь я.

— Да, места здесь знатные. Жаль, туман не успел рассеяться, а так бы мы полюбовались настоящей тайгой. Если подняться из низины, то вид будет просто изумительный. А воздух! Чувствуешь, какой он свежий?! Это потому что река рядом. Не бойся, я не кусаюсь.

— Да я и не боюсь. Просто немного растерялся. Впервые вижу ожившего покойника.

Пока Егор смеется, я быстро осматриваюсь. Похоже, кроме нас, здесь никого нет. Видимо, он рассчитывал на внезапность, поэтому приехал один.

— Наш мальчик с тобой? — как бы невзначай интересуется Егор.

— А я думал, что он с тобой.

— Не надо меня парить, Женя. Я не про Сашу говорю, которого ты мне подсунул, а про совершенно другого мальчика.

Я пожимаю плечами.

— Не понимаю, о чем ты...

— Ну и ладно, — примирительно говорит Егор. — Не понимаешь и не надо. Чего нам с тобой теперь делить, да? Зародыш у нас, и это главное. Мы же интеллигентные люди, Женя. Пора нам забыть о наших творческих разногласиях. Если ты не ошибся — а я надеюсь, что ты не ошибся, — то денег хватит всем. Не об этом ли мы с тобой когда-то мечтали? О временах, когда о проклятых деньгах можно будет наконец не думать...

— О деньгах с моей стороны речь не шла вообще, — перебиваю я. — Моей единственной целью, если помнишь, было уничтожение Зародышей.

— Я все помню, — морщится Егор. — Но что-то я не заметил, чтобы ты сильно торопился с уничтожением. Сколько лет уже прошло, а?

— Извини, раньше все недосуг было.

Мы поднимаемся из низины. Туман становится прозрачнее. Скоро должен показаться и берег Витима. Я здесь еще не бывал, но точно знаю, что Пыхти-гора со стороны реки заканчивается почти вертикальным обрывом...

— Нет, Женя, уничтожать ценный для науки объект — это варварство! — заходится Егор в порыве благородного гнева. — Это какое-то средневековье, в конце концов. Мы сделали открытие, которое тянет на три Нобеля, а ты ведешь себя как полный идиот и собираешься уничтожить единственное на сегодняшний день доказательство нашей с тобой теории.

— Нашей? — удивлюсь я.

— Нашей, не нашей — какая уже разница. Ни Дудкин, ни Райский на нас не обидятся, я тебя уверяю. Просто я пытаюсь

уберечь тебя от ошибки. Поэтому не дам совершить множество необдуманных глупостей. Я тебя спасу от них. Хотя, конечно, дураком ты как был, так и остался. Но талантливым дураком. Не таким, как Алик...

— Ну и что мы будем делать с Зародышем? — интересуюсь я. — Приложим к заявке в Нобелевский комитет?

— Не сразу, дружище, не сразу. — Егор захихикал. — Сначала мы проведем с этим объектом серию глубоко научных экспериментов.

— А потом? Ты хоть представляешь, что с нами будет? Или ты собрался вот так запросто объявить на весь свет, что самые богатые люди планеты — это мутанты и всех их нужно сунуть головой в пекло или по крайней мере в ядерно-резонансный томограф?

— А вот умничать не надо, — отрезает Егор. — Мы же в лоб действовать не станем. Если бы ты был таким умным, как пытаешься казаться, я бы тебя вообще не вычислил. Не хочешь, кстати, узнать, как я это сделал?

— Не хочу. Не люблю пафосных детективов с двумя героями, которые стоят в финале друг напротив друга и долго рассуждают о том, кто кого переиграл.

Егор усмехается и небрежно цепляет носком остроносого ботинка небольшой камушек. Тот взлетает высоко в воздух и беззвучно исчезает в близком уже обрыве.

— А ведь это было нелегко, Женя. Но я спинным мозгом чувствовал, что ты не отступишь от Зародыша, поэтому до упора искал твой сервер. Почти два года на это убил. Еще год ушел на то, чтобы незаметно к нему подобраться. Он ведь физически у тебя в Сайгоне, да? Ладно, хотя бы сейчас расслабься. Ты везучий, Женя. И я этого не отрицаю. Но твое везение кончилось. Твои поисковые роботы выдают себя слишком большой аккуратностью. Они так дотошно и тщательно шарят по всей Сети и так аккуратно заметают за собой хвосты, что я сразу их заподозрил. Понимаешь, надеюсь, к чему я клоню? Не нужно быть педантом! — Егор хохочет и панибратски хлопает меня по плечу. — Остальное элементарно. Мне оставалось просеять все мало-мальски подозрительные транзакции, которые проходили в последнюю пару лет через РКЦ нашего милого Центрального банка, и выйти

на Бодайбо. А потом уже следить за этим городком внимательно. Ты никак не мог платить здешним чиновникам наличными. Да и не любишь ты наличные, об этом я тоже помню...

Егора завораживают обертоны собственного голоса, и он не успевает среагировать на мой шаг в сторону. Слишком поздно он замечает движение моей руки. И пока его рука тянется за пазуху — к «стечкину» (почему-то я уверен, что у Егора именно «стечкин»), я успеваю восемь раз нажать на курок «глока». Восемь пуль диаметром девять миллиметров с интервалом в четверть секунды разрывают мягкие ткани груди, шеи и живота. У Егора нет ни единого шанса. После восьмого выстрела он валится спиной на камни с грацией подпиленной сосны. Егор все еще пытается мне что-то сказать, но я слышу уже только хрипы. Когда на лице моего бывшего друга застывает маска безмерного удивления, методично проверяю все карманы. Под курткой действительно нахожу «стечкина» в элегантной наплечной кобуре из тонкой кожи. С ним и возвращаюсь на дорогу.

Кеша Максимов распахивает дверцу и бросается мне навстречу.

— Я слышал выстрелы, — шепчет он.

— Показалось, — отмахиваюсь я, маскируя «стечкина» полой пиджака. — Но ты молодец. Хорошие нервы — залог долголетия. Подожди меня еще несколько минут. Мальчишка не проснулся?

— Спит, как бурундук, — смеется Кеша.

Я возвращаюсь через туман к берегу. От обрыва до того места, где лежит Егор, меньше десяти метров. Я подтаскиваю грузное тело волоком и без особого труда спихиваю с обрыва вниз. Егор исчезает в туманной дымке над рекой почти беззвучно. Следом за ним отправляются и камни, на которых я нахожу следы крови. Теперь пусть поработает старина Витим. В Бодайбинском районе люди исчезают часто. А если потом и находят труп, то поспешных выводов не делают. Часто обнаруживают здесь и останки старателей, которые получили расчет в конце сезона, но до Большой Земли так и не добрались. На Крайнем Севере на многое привыкли смотреть спокойнее, чем на Большой Земле.

И даже если кто-то установит каким-то чудом личность очередного погибшего в перестрелке бандита и все узнают, что убитого звали Игорь Васильевич Кузьмин, который постоянно проживал в городе Омске, то все еще больше запутается. Хотелось бы мне увидеть лицо того следователя, которому в ответ на его запрос поступит из Омска официальная бумага, где черным по белому будет написано, что Игорь Васильевич Кузьмин никак не мог быть убит в Бодайбо, поскольку давно скончался от инфаркта.

Жаль ли мне Егора? Конечно, жаль. Как было бы жаль любого человека. Но лучше я буду оплакивать Егора, чем он меня. Я хотя бы изредка стану приносить цветы на его могилку. Мог ли я рассчитывать на такую же любезность с его стороны? Едва ли...

— Так, Кеша, наши планы меняются, — говорю я, возвращаясь к машине. — Прииск «Кучерявый» по боку. Нам с Борей нужно срочно выбраться из города. Самолет не годится. Самый реальный вариант — паровозом из Таксимо. На нем мы легко доберемся до Тайшета. Но проблема в том, что у парома нас могут ждать люди, с которыми мне бы не хотелось встречаться... Отсюда следует вопрос: как еще можно добраться в Таксимо, если не на машине? По реке можно?

Кеша пожимает плечами.

— Можно и по реке. Если на катере, то меньше чем за полдня...

— Отлично, — говорю я. — Тогда мне требуется водный транспорт. Плачу двойной тариф за срочность. Ты поможешь найти катер?

Несколько секунд Кеша думает, после чего утвердительно кивает.

— У Пахомова есть катер. Хороший. Быстрый. Но все Пахомовы очень жадные...

— Кеша, времени в обрез. Давай к твоему Пахомову, — решаю я.

А жадности неизвестного мне Пахомова я даже рад. С жадными людьми всегда проще договориться. Их почти не приходится упрашивать. За деньги они готовы рисковать, быстро думать, корректировать свои планы и подстраиваться под заказчика. И Пахомов меня не подводит. Подумав всего мину-

ту, сморщенный якут называет сумму. Я сразу соглашаюсь. И обещаю ему еще столько же, если он доставит нас в Таксимо не позже шести вечера. Спустя полчаса Пахомов уже находит бочку бензина и спускает катер на воду, а я успеваю только попрощаться с довольным Кешей, которому, кроме денег, достается и трофейный «стечкин».

Еще через час речной ветер уже начинает выдувать из меня остатки тепла и хорошего настроения. Укрываясь мокрым брезентом, я начинаю понимать Борю, который не захотел расставаться с зимним пальто. Спустя еще несколько часов, когда за плоской стрелкой Витима показываются первые дома бурятского поселка, где советская власть успела проложить в свое время Байкало-Амурскую магистраль, холод уже скручивает меня так, что я не могу даже обрадоваться по-настоящему.

— Прибыли, — кричит довольный Пахомов. Ему хорошо. У него есть ватник. И черная вязаная шапочка.

— Т-т-лич-ч-чна! — выжимаю я из себя, натягиваю на негнущиеся пальцы нитяные перчатки и пытаюсь отсчитать Пахомову нужное количество купюр. Боря поправляет ушанку, постоянно спускающуюся ему на глаза, и косится на меня. Наконец не выдерживает и задает прямой вопрос:

— Папа, это деньги?

— Д-д-да, — киваю я. — Д-д-дрянь!

Боря удовлетворен. Я тоже. Это первые его слова с момента отъезда из детдома. И меня радует хотя бы то, что мальчик готов к контакту. Я не хочу постоянно влипать в разные неприятные истории. Одинокий мужчина с маленьким мальчиком и так-то вызывает ненужные вопросы, а с Борей, у которого ко всему прочему нет никаких документов, трудно даже надеяться на поездку без приключений...

К счастью, на вокзале в Таксимо мы долго не ждем. Нас подбирает до Усть-Кута почтовый вагон, где мне удается пристроить Борю подремать на мягких мешках с письмами. От Усть-Кута до Тайшета цепляемся к вагону-ресторану. У директора передвижного пищеблока Севана Арутюновича имеется малолетний внук Севанчик, поэтому с добродушным Севаном мы находим общий язык довольно быстро. Мы с ним даже по рюмке коньяка успеваем опрокинуть за знакомство.

Продолжается наше везение и в Тайшете. Мне удается заболтать пожилую кассиршу, и до Красноярска мы отправляемся почти с комфортом — в общем вагоне. Долго пьем чай, разговариваем, смотрим в окно. Боре все в диковинку. И от окна его не оторвать. Он даже соглашается на радостях снять пальто. Но шапку пока не отдает.

— Да, не сладко вам пришлось, — сетует проводница, внимательно разглядывая то Борю, то меня.

Я не возражаю. Нам действительно никто дорогу не сахарил...

В Красноярске мы довольно легко отбиваемся от дежурного лейтенанта на вокзале, которого сильно смущают синяки на Бориной физиономии. Сначала лейтенант пытается вытребовать у меня доверенность на перевозку несовершеннолетнего сына, но в нужный момент Боря так яростно виснет на моей руке и так отчаянно вопит: «Дяденька, не трогайте моего папу», что доблестному сотруднику транспортной милиции не остается ничего другого, как отпустить нас на все четыре стороны. И там я покупаю дешевую пудру и решаю вопрос с синяками кардинально. Боря морщится, но процедуру запудривания синяков терпит.

— А ты молодчага, парень, — говорю я, когда мы устраиваемся на нижней полке плацкартного вагона пассажирского поезда «Иркутск—Казань». Боря смотрит по-прежнему хмуро, но прижимается ко мне уже теснее.

Так мы и едем с ним весь день. Вместе истребляем копченую курицу и консервы «Сайра в масле». В промежутках опять пьем чай и смотрим в окно. Ближе к Новосибирску Боря разрешает снять с себя не только шапку, но и зимние ботинки, после чего мгновенно засыпает. Накрывая его слегка влажной простыней, я ловлю себя на странных ощущениях. Мне уже не впервые кажется, что какими-то отдельными штрихами, едва уловимыми элементами, случайными и неловкими движениями этот затюканный детдомовский мальчик напоминает меня самого в далеком детстве. Но эти мысли я быстро прогоняю. Они высверливают мозг не хуже советской бормашины...

В Омск мы прибываем утром и долго прощаемся со всем вагоном. Сердечно машем рукой двум проводницам. Потом долго машем всему вагону с перрона, а весь вагон — нам в

ответ. В Омске установилась какая-то совсем тропическая погода с влажной жарой и плавящимся асфальтом. Я вызываю по телефону такси, и мы, отдуваясь, бредем в сторону привокзальной площади. Боря тащит свое пальто сам. Он плавится от жары вместе с асфальтом, но мужественно терпит.

Таксист оглядывает нас с ног до головы и требует оплату вперед. Я без возражений отдаю последние две сотни, и через двадцать минут мы с Борей уже стоим перед подъездом Вероники. Оба задираем головы и смотрим на два крайних окна.

— Там живет моя мама? — осторожно интересуется Боря.

— Надеюсь, что да, — вздыхаю я. — Давай мы с тобой присядем на пару минут. Смотри, какая здесь лавочка удобная!

Теперь вздыхает Боря, но послушно пристраивается рядом.

Пауза мне нужна как воздух. Я еще не уверен в том, что все сделал правильно. Но при этом я прекрасно понимаю, что иначе поступить не мог...

В кармане оживает телефон.

— Привет, — говорю я в трубку. — Извини, Гера, совсем забыл тебе перезвонить.

— И ты еще называешься друг? — смеется он в ответ. — Ты получил свой новый паспорт?

— Упс, — говорю я. — Паспорт... Совершенно вылетело из головы...

— А что ты сейчас делаешь?

— Культурно отдыхаю. У нас в Омске тоже имеются места, где можно отдохнуть. Есть даже целый Парк культуры и отдыха... Гера, извини, я сейчас немного занят. Я тебе позже перезвоню...

— Погоди, не отключайся. Я тебя вчера во сне видел. Вроде мы были вместе на каких-то похоронах. А кладбище под горой. Все спускаются по дороге, а внизу река. Очень странная река. Вода в ней ледяная, почти черная. Я веду за руку какого-то мальчика. А ты в одиночку гроб несешь... Евгений, ты меня слышишь? Ты когда в Берлин возвращаешься?

Но на этот вопрос у меня пока нет ответа. Я делаю вид, что связь прервалась, и отключаю мобильник...

— Папа, смотри — это деньги? — задумчиво интересуется Боря, демонстрируя мне грязную сотенную купюру.

— Ты где это взял? — удивляюсь я.

— Под лавочкой, — признается Боря.

— Вот и положи обратно, — требую я. — И не хватай всякую гадость. А лучше кинь эту бумажку в урну. Понял?

— Понял, — говорит Боря и послушно избавляется от денег.

— Ну что, потопали домой? А то наша мама уже заждалась, наверное...

Удивленная Вероника застывает в двери. У нее за плечом я вижу свою не менее удивленную дочь Ксюшу. Немая сцена длится не меньше минуты. Все это время Боря переминается с ноги на ногу рядом со мной, но потом не выдерживает и прячется у меня за спиной.

— Титов, ты безнадежен, — вздыхает Вероника. — У меня даже слов никаких нет, одни звуки. Это, конечно, не твой сын?

Я отрицательно мотаю головой.

— Ну надо же! — фыркает Вероника. — И тебя вовсе не смущает, что вы очень похожи?

Я опять мотаю головой и вытаскиваю Борю из-за спины.

— Вика, посмотри внимательнее. Разве мы похожи?.. А можно мы зайдем для начала? Мы очень устали. Как-то все сумбурно вышло... Ксюша, отомри. Поздоровайся с папой и, если тебе не трудно, помоги этому бойцу раздеться.

Недоумение на лице дочери сменяется любопытством. Первую часть моей просьбы она игнорирует, но на вторую откликается: забирает у поникшего Бори пальто и быстро уводит его в комнату.

— Вот и славно, — оживляюсь я. — Вика, это действительно не мой сын. Могу поклясться на чем угодно! Это просто мальчик. Мальчик из детского дома. Мне пришлось его оттуда выкрасть.

— Зачем? — ошарашенно спрашивает Вероника. Глаза у нее становятся большими, как две мишени игры для игры в дартс.

— Ты не поверишь: я хочу, чтобы мы его усыновили.

— А кто его родители? Они алкоголики?

— Нет, они точно не алкоголики, — успокаиваю я жену. — С родителями у него запутанная история вышла, но об этом я тебе чуть позже расскажу. В двух словах не опишешь эту историю.

— Титов, я тебе честно скажу: от твоих выходок я в полном шоке. Я даже не знаю, что в таких случаях следует делать...

— В таких случаях следует жить, — уверенно говорю я. — Шить сарафаны и светлые платья из ситца...

— Вы полагаете, все это будет носиться? — слегка подыгрывает мне Вероника.

— Я полагаю, что все это следует шить. Проблемы, конечно, могут возникнуть, поскольку у мальчика нет документов. То есть вообще никаких. Но я обязательно что-нибудь придумаю. Если ты, конечно, дашь мне еще один шанс...

Я улыбаюсь. Мне все же удается ухватить за хобот мысль, которая изводит меня уже вторые сутки. И теперь я отчетливо понимаю, что смогу многое. И справиться с Борей я тоже смогу. Справились же как-то с Зародышем мои родители. Значит, смогу и я...

Дмитрий Казаков

ПРОВОДНИК

«Срезать» Юрка любил всегда, сколько себя помнил.

Едва первоклашку начали самостоятельно отпускать в школу, как он нашел короткий маршрут — не по асфальтовой дорожке, в обход, вместе со всеми, а через гаражи, где грязно, валяются пустые бутылки и всякие интересные штуки вроде старых покрышек или аккумуляторов, потом сквозь дырку в заборе и по тропке старого, неухоженного сада...

Когда он за компанию с одноклассниками записался в секцию настольного тенниса, то не стал ездить с остальными на троллейбусе, а топал пешком, через тенистый, заросший овраг, по мостику через крохотный ручей и дальше по микрорайону из пятиэтажек-хрущевок.

И потом это повторялось раз за разом — он ходил там, где никто более не любил и не хотел ходить, причем не для того, чтобы сэкономить время, а находил в этом странное удовольствие. Друзья и родственники посмеивались, но относились спокойно — вполне себе милое чудачество вроде собирания марок или интереса к астрономии, пусть уж лучше бродит где-то, чем курит тайком или бьет стекла у автомобилей...

Юркино увлечение не разделял никто, но он по этому поводу не сильно расстраивался.

Оно не исчезло, когда стал студентом, не приказало долго жить, когда окончил институт, женился и вступил в то, что непонятно почему называют «взрослой жизнью». Проблем и забот стало больше, а времени на то, чтобы гулять по потаенным уголкам родного города, раскинувшегося на берегах Волги мегаполиса, — намного меньше.

Но Юрка не упускал возможности «срезать», пройти там, где нет человеческих следов, а только собачьи, и заглянуть туда, где ранее не бывал: на территорию завода «Орбита», ранее секретного, а теперь потихоньку распродаваемого по час-

© Д. Казаков, 2011.

тям, на стройплощадку по соседству, где начали возводить современный многоэтажный дом, в заброшенный, опустевший детский садик...

Его мало занимало, что там происходит, его интересовали новые дороги и ничего более.

Когда родился сын, Юрка на короткое время забыл о своей страсти, поскольку свободного времени, сил и эмоций не осталось вовсе. Но затем все потихоньку устаканилось, и он, не обращая внимания на ворчание жены, вернулся к необычным прогулкам...

Ворчание меж тем стало хроническим, чередой пошли конфликты, и одним не самым веселым зимним вечером Юрка обнаружил, что вернулся в холостое состояние. Супруга, забрав ребенка и вещи, удалилась к родителям, причем сделала это так, что стало ясно — обратно не вернется.

Обычный мужик в этой ситуации напился бы в одиночку или в компании друзей...

Юрка же оделся и вышел на улицу — под желтый свет фонарей, в нежный, тихий снегопад: огромные хлопья падали с черного неба, и громады домов казались нечеткими, их очертания слегка колыхались в мягкой мгле.

Он побрел прочь от дома — через двор, под фонарем, к той самой школе, в которой учился, и мимо крохотного магазинчика с громким именем «Эммануэль» в третий микрорайон, где не был пару лет. Недавно тут начали активно строить, и привычный пейзаж изменился до неузнаваемости, возникли новые дома и проходы между ними, похожие на заполненные снежной тьмой ущелья.

Ни о чем не думая, Юрка просто шел, а когда мир вокруг почернел, отстраненно, без испуга, подумал, что все, вот он, инсульт или инфаркт на четвертом десятке, и здравствуй, больница...

Но мрак рассеялся, и Юрка понял, что вроде бы жив и ничего у него не болит...

Кружился снег, устилая землю, вот только прикрытые его пеленой дома выглядели странно: черные монолитные стены и похожие на бойницы узкие окна, источающие голубоватое сияние.

И вот тут-то Юрка испугался, завертел головой.

За спиной была вовсе не школа, а сооружение, окруженное высоким забором, украшенное множеством остроконечных башенок, с вершин которых уходили вверх столбы белого света. Справа находилась не старая хрущевка, а нечто размером с океанский лайнер, высотой в неведомо сколько этажей, и такая же громадина располагалась слева, на месте нового, еще не сданного дома.

«Глюки... Я сошел с ума», — подумал Юрка, зажмурился и изо всех сил затряс головой.

Открыв глаза, он испытал облегчение такой силы, что даже вспотел — все на месте, и школа под номером сорок четыре, и здания, пусть не шедевры архитектуры, зато привычные, и асфальтовые дорожки, по одной из которых старушка выгуливает толстую собачку в попоне...

«Точно перенервничал, надо успокоительного купить», — решил Юрка и зашагал в сторону ближайшей аптеки.

Восстановить семью не вышло, хоть он и пытался, но жизнь кое-как вошла в рутинную колею: дом — работа — дом, субботние свидания с сыном, прогулки по городу, звонки матери. О том, что произошло с ним снежной декабрьской ночью, Юрка благополучно забыл — мало ли что может привидеться в момент стресса?

Во второй раз нечто подобное случилось в марте, в то мокрое, слякотное время, когда сугробы начинают умирать, заливая все вокруг бесцветной «кровью», и на свет божий являются собачьи какашки и мусор «чистоплотных» горожан.

В пятницу вечером, измотанный пятью днями работы, он забрался в Кремль, в ту его часть, куда редко заходят гуляющие, между старым трамвайным парком и крепостной стеной. Шел, не думая ни о чем, остановился на мгновение, сам не понимая зачем, и тут тьма упала подобно глухому колпаку, окутала от ног до макушки.

— Что за... — начал Юрка, но внезапно опять стало светло.

Под ногами теперь был не асфальт, а шестиугольные плитки трех цветов — белого, серого и бледно-синего. Стена Кремля оставалась на месте, но выглядела гораздо выше и сменила цвет с красного на черно-зеленый.

Здание трамвайного парка вообще исчезло, и там, где оно находилось, возникло нечто похожее на античный храм — колонны, треугольный фриз, прямоугольник входа, за которым лежала тьма.

Вот только был этот «храм» темно-багровым, как закат в ветреный день, и перед ним пылал огонь — из чаши белого камня вырывались фиолетовые языки, чадный дым уходил к небесам. Над горизонтом в окружении тяжелых, неспешно плывущих туч висело зеленое, раздутое, похожее на мешок со слизью солнце.

«Опять глюки?» — подумал Юрка и вспомнил тот вечер, когда тоже увидел нечто странное.

Вновь стало жарко, но вместе со страхом пришло и любопытство: если это галлюцинация, то почему она начинается с того, что он проваливается во тьму? Что ее вызывает? Почему некоторые детали пейзажа меняются, а некоторые вовсе исчезают?

Сегодня он хоть и нервничал, но не так, как тогда, не выпивал, наркотиков не употреблял...

Выходит, либо дело в том, что у него конкретно поехала крыша, либо все это — и зеленое светило, и храм — в какой-то степени реально.

— Вот хренота... — пробормотал Юрка, оглядываясь.

В Кремле, насколько он помнил, был народ — парочка, несколько подростков. Сейчас же лишь свистел ветер и ревело пламя в каменной чаше.

Он зажмурился и встряхнул головой, как тогда, в третьем микрорайоне, но это не помогло. Привычный мир не вернулся, все осталось на местах — и багровый храм, и зеленое солнце, и плитка под ногами.

Юрка поежился, потоптался на месте и сделал первый опасливый шаг: если уж угодил в такую стойкую, подробную и интересную «галлюцинацию», то стоит изучить ее поподробнее. Он успел пройти с десяток метров, краем глаза заметил движение, а когда повернул голову, вновь оказался в полной темноте.

А вывалившись из нее, едва не налетел на ту самую парочку.

— Э, дядя, аккуратнее! — воскликнул юноша, широкоплечий и круглолицый, а девушка испуганно прижалась к нему.

— Из-звините, — выдавил Юрка, понимая, что вокруг все обычное: стена Кремля красная, старый трамвайный парк на месте, вон и остатки рельсов блестят, и небо самое обыкновенное.

Он заторопился прочь, но услышал, как девушка сказала: «Откуда он взялся? Пусто же только что было...»

Услышал и едва не споткнулся на ровном месте.

Третьего раза пришлось ждать около месяца.

Юрка задержался на работе, и вышел из офиса поздно, когда над городом парил душный апрельский вечер. По привычке решил «срезать», пойти к остановке не по Покровке, а дворами, по старым кварталам, где теснились дома еще купеческой, дореволюционной постройки.

Миновал арку, стены которой были исчерканы свастиками и надписями «Цой — жив!», прошел мусорные баки, на одном из которых сидел огромный и важный, точно депутат, рыжий кот...

Мрак окутал его легко и беззвучно, даже ласково, и на этот раз Юрка почти не испугался. Только вздрогнул от неожиданности и остановился, чтобы сослепу не налететь на кого-нибудь.

А когда тьма рассеялась, с любопытством огляделся.

Дома здесь были небольшими и вовсе не выглядели старыми — гладкие стены, круглые зарешеченные окошки, из крытых чем-то блестящим крыш торчат многочисленные выросты, одинаково мало похожие и на трубы, и на телевизионные антенны. Мрак рассеивали огромные фонари на столбах, напоминавшие цветки из металла. Мягко серебрилась под ногами мостовая, явно не асфальтовая.

На кубе черного камня, похожем на надгробие, сидел тот же самый рыжий кот.

— Кис-кис, — сказал Юрка машинально.

Кошак посмотрел на него с нескрываемым презрением, зевнул, величественно спрыгнул и исчез.

Юрку посетили те же сомнения, что и в прошлый раз, — реально ли то, что он видит, или это глюк? Но он не стал тратить время, а отправился исследовать странный, незнакомый город.

Пройдя по короткому и очень узкому переулку, выбрался к маленькой круглой площади, центр которой занимал колодец. Юрка заглянул через бортик, увидел далеко внизу мерцание колышущейся воды, потрогал ворот и повернул его, чтобы услышать лязг цепи и скрип.

За углом наткнулся на статую из темного металла, покрытую чем-то вроде зеленого фосфоресцирующего мха. Вглядевшись, невольно вздрогнул — на низком постаменте стоял не человек, а нечто обезьяноподобное, с вытянутой мордой, оскаленной пастью и золоченой короной на голове.

Выпученные глаза злобно поблескивали, создавая впечатление, что их хозяин следит за тем, что творится вокруг.

— Ну и жуть, — пробормотал Юрка и замер: показалось, что услышал за спиной шаги.

Неужели в этом городе есть кто-то еще?

Он обернулся.

В круг света, слегка прихрамывая, вступил высокий старик в похожей на феску шапке с кисточкой сверху и оранжево-желтом халате. Увидев Юрку, старик нахмурился, потянулся к поясу, где висели ножны длиной почти в метр. Из них торчал крестообразный эфес.

Юрка открыл рот, собираясь сказать, что не надо его рубить, но тут осознал, что глаза у старика — серебристые, без зрачка и радужки, похожие на два шарика из светлого металла...

Пришел страх, а затем тьма.

Юрка суматошно заозирался — он стоял на Алексеевской, неподалеку от кинотеатра «Рекорд», и до арки с надписью «Цой — жив!» отсюда было топать минут десять. Либо он пришел сюда «на автомате», пребывая во власти иллюзии и просто шагая знакомым маршрутом, либо на самом деле выпал из реальности там и через какое-то время вернулся в нее здесь.

Ведь если верить той девушке в Кремле, он и вправду исчезал!

Юрку, пока он добирался домой, трясло от волнения — если город, немного похожий на обычный и в то же время совершенно другой, мрачный и таинственный, существует на

самом деле и туда можно попасть, то он должен найти способ делать это по собственному желанию.

Ведь не просто же так он «проваливался» туда целых три раза?

Нужное ощущение Юрка нащупал только через три недели попыток.

За эти дни он истоптал самые потаенные уголки родного города, забирался в дебри Автозавода, где чужаку появляться было небезопасно, ночью гулял по Сормовскому парку, ходил на то самое место в Кремле, но ничего не помогало — он видел то же самое, что и остальные горожане.

Душу грызла тоска по темным переулкам, на которых прячутся неведомые тайны, одолевало желание вновь оказаться на загадочных улицах, где не бывал никто из знакомых...

Все получилось, когда он вышел из дома туманным майским утром.

Хотелось спать, мысли ползли вяло, неторопливо, а в какой-то момент и вовсе исчезли. В голове на миг стало пусто, возникло неприятное щекочущее ощущение, и опустилась знакомая тьма. И тут же сгинула, оставив Юрку хоть и в собственном дворе, но изменившемся до неузнаваемости.

Дома остались на своих местах, но сделались больше, обзавелись крышами из темной черепицы и горгульями на углах. Деревья и кусты исчезли, как и детская площадка, а место старого гаража, где инвалид дядя Толя уже лет тридцать держал свой «запорожец», занял алтарь из синего камня с черными потеками: плоский и широкий, со статуэтками большеголовых карликов.

Туман здесь тоже был, сиреневый, густой, он перекатывался клубами, и все вокруг казалось нечетким, расплывчатым.

— Ой! — только и сказал Юрка, испытывая вовсе не страх, а смешанный с любопытством восторг.

У него получилось! Он смог и, кажется, понял, что нужно, дабы попасть сюда...

Осталось закрепить навык, а также научиться возвращаться по собственному желанию, но это подождет, сейчас

нужно пройтись по тропам похожего на родной, но незнакомого города, посмотреть, чего тут есть интересного.

Для начала Юрка отправился к алтарю и еще издалека уловил запах крови.

Карлики с близкого расстояния показались еще уродливее — огромные уды, раззявленные рты, похожие на лягушачьи, и странные воронки в искореженных телах, небольшие и многочисленные, расположенные у каждого по-особому.

Дотронуться до синего камня Юрка не решился и двинулся к дому, что стоял на месте его собственного.

Окна своей квартиры он видел хорошо, но их, как и остальные, покрывало что-то вроде тонировки. Горгулья находилась слишком высоко, чтобы ее разглядеть, и ясно было только, что она велика и безобразна.

Подергав за дверь подъезда, Юрка обнаружил, что она заперта, а ничего похожего на магнитный замок не видно.

— Интересно, кто там живет?.. — сказал он, отступая на шаг и задирая голову, росле чего повернулся и пошел в сторону третьего микрорайона, туда, куда понесли его ноги вьюжной декабрьской ночью.

Ничуть не удивился, обнаружив на месте «Эммануэля» черный купол без единой щели, и застыл, когда глазам его открылось некое подобие замка, спрятанное за высоким забором, а также громады зданий по сторонам от пешеходной дорожки.

Сомнений не оставалось — он тут уже бывал.

Услышав мягкий, клацающий шорох, Юрка оглянулся и заметил в тумане стремительную раскоряченную тень. Кто-то скользнул вбок, укрывшись за ближайшим домом, но Юрка успел разглядеть, что тень принадлежит вовсе не человеку, и ощутил страшную тревогу.

Кто может жить в таком городе? Что за существа его населяют?

Юрка подумал, что зря сунулся сюда без оружия, и попытался вспомнить, что ощущал, возвращаясь домой, — ступор, удивление, пустота и щекотка в голове, мгновение тьмы. Вспомнил четко и... оказался неподалеку от сорок четвертой школы, с пацанами из которой дрался в детстве.

* * *

На то, чтобы освоить умение перемещаться туда и обратно, ушел весь май.

Юрка никогда не задерживался в чужом городе надолго, старался вернуться побыстрее: он хорошо помнил ту жуткую тень в тумане и свой страх. Для переноса выбирал безлюдные места, где вероятность того, что его заметят, была минимальной, а также подходящее время — раннее утро, поздний вечер или непогоду, когда людей на улице меньше всего...

Он перестал высыпаться и похудел, но не замечал этого, как и появившегося в глазах лихорадочного блеска.

На другой стороне видел не так много — здания, небо со звездами, чужими и странными, огромную луну. На живых существ больше не натыкался, да и было их там, похоже, гораздо меньше, чем в привычном мире. Кто населял исполинские строения и для чего предназначались алтари, храмы и прочие диковины, оставалось загадкой.

На разговор с начальником, упиравшим на то, что Юрка стал работать куда хуже, он внимания не обратил, звонок бывшей жены, удивленной тем, что он целый месяц не приходил к сыну, проигнорировал.

А затем решил проверить, сможет ли взять с собой еще кого-нибудь.

— По пиву? — удивился Сашка, с которым они просидели в одном офисе пять лет и иногда по пятницам выпивали. — Не ожидал от тебя, Юрец, честно скажу... Ну ладно, пошли...

И после работы они отправились на Алексеевскую, в прокуренную, людную, но уютную пивную.

Юрка пил не особенно много, боялся, что алкоголь помешает сосредоточиться в нужный момент. Больше следил, чтобы Сашка не надрался до полной невменяемости, и ждал, когда наступят сумерки.

На грани между днем и ночью перемещаться легче — это Юрка уже понял.

На улицу приятели выбрались около девяти, причем Сашка держался на ногах твердо шагал уверенно, и разговаривал связно. На предложение прогуляться ответил «Ага», и они свернули на одну из улочек, ведущих в сторону Варварки.

А когда оказались на совершенно безлюдном ее участке, между забором стройки и покосившимся домом «под снос», Юрка, словно споткнувшись, оперся на плечо коллеги... и перенесся.

— Твою мать! — воскликнул Сашка, ошалело хлопая глазами.

Место стройки заняла груда развалин, покосившийся дом остался на месте, разве что обзавелся парой лишних этажей и колоннами по фасаду, а в лиловом небе повисла половинка большой луны.

Произошло главное — они оба были тут, и Сашка видел то же самое. Значит, город под зеленым солнцем на самом деле существует, а не является изощренной галлюцинацией, плодом больного рассудка!

— Вот здорово, — сказал Юрка и тут обратил внимание, что коллега побледнел и зашатался.

Юрка подхватил его вовремя, ровно в тот момент, когда глаза Сашки закатились, а ноги подогнулись. И торопливо вернулся обратно, на пустынную улочку между забором стройплощадки и готовым рухнуть домом.

Сашка глотнул напоенного автомобильными выхлопами и строительной пылью воздуха, после чего немедленно пришел в себя.

— Чего это было? — прохрипел он, тараща глаза в кровавых прожилках.

— В смысле? — изобразил удивление Юрка.

Он никогда не умел врать, но сейчас его собеседник был слишком пьян и ошарашен для того, чтобы разглядеть даже очевидную ложь.

— Ну... это, тьма... луна большая... еще это... — забормотал он, сопя от умственного напряжения.

— Тебе плохо стало, вот и все. Привиделось что-то, должно быть.

— Точно, привиделось. — Лицо Сашки просветлело. — Недаром мне то пиво, Юрец, подозрительным показалось. Намешали в него химии, ироды проклятые, чтоб им... Сейчас до остановки дойдем, возьмем минералки.

И они затопали дальше.

* * *

Больше никого Юрка водить с собой не пытался, ни с кем о своем открытии не говорил, прекрасно понимая, что в реальность его прогулок по чужому городу не поверит никто. А кое-кто мог решить, что он на самом деле свихнулся и пора вызывать скорую психиатрическую помощь.

К первому серьезному путешествию Юрка подготовился основательно — купил фотоаппарат, достал баллончик со слезоточивым газом, сунул в рюкзак найденный на антресолях туристский топорик.

Юрка вылез из такси в самом центре города, на площади Минина, в два часа ночи. Дождался, пока машина уедет прочь, огляделся, дабы убедиться, что вокруг никого нет, и нырнул во тьму. Выскочив из нее, невольно отшатнулся — место привычного памятника главе ополчения шестьсот двенадцатого года занял колоссальный столп из черного камня, весь покрытый резьбой.

Юрка задрал голову, пытаясь оценить его высоту, и не смог — столп уходил в низкие облака.

— Можно начать и с этого. — Юрка убедился, что вокруг никого нет, достал фотоаппарат и сфотографировал столп. К стенам того, что было здесь вместо Кремля, он подойти не решился — темные бастионы, словно покрытые чешуей, испускали призрачное голубоватое сияние, один взгляд на которое вызывал боль в глазах, а мостовая рядом с ними была изрыта множеством ям.

Сделав один снимок, не глядя в объектив, Юрка пошел туда, где между двумя похожими на громадные черные айсберги зданиями начиналась широкая, прямая как стрела улица.

Этот город походил на тот, в котором Юрка родился, но был совершенно другим — гораздо более мрачным, помпезным и если и приспособленным для жизни, то никак не людей.

В изобилии украшенные колоннами, башенками, портиками и прочими излишествами здания выглядели архитектурными памятниками, окна были либо узкими, как бойницы, либо странной формы. Попадались и вовсе неожиданные сооружения, вроде того багрового храма. На перекрестках стояли алтари, возвышались стелы, в переулках прятались статуи,

и большей частью их вид вызывал ужас или тошноту, а не восхищение.

Горели огромные «цветки» фонарей, пылали некоторые окна, с башенок били в небо столбы белого света.

А еще в воздухе висело нечто вроде дымки, мешавшей заглянуть дальше, чем на сотню метров, — обернувшись, Юрка обнаружил, что не видит колоссального черного столпа, будто тот вовсе пропал, да и чешуйчатые стены Кремля бесследно растворились в сумраке.

Юрка шел и снимал, и фотоаппарат вроде бы работал нормально.

На сегодня Юрка планировал прогулку от центра города к своему дому, променад по тем местам, где он ни за что не пошел бы в обычном городе. Он опасался столкновений с жителями этого странного места и поэтому баллончик держал под рукой, но пока не видел никого.

На первого аборигена Юрка наткнулся лишь в районе площади Свободы. Тот выступил из прохода между домами, узкого и темного, как щель, так внезапно, что Юрка едва не заорал. Поспешно вскинул оружие, но высокий и худой мужчина в цветастом халате не обратил на чужака внимания.

Прошел мимо, равнодушно посверкивая золотистыми глазами и держась за рукоять висевшего на поясе меча.

«Он что, меня не заметил?» — подумал Юрка, глядя аборигену вслед и оценивая не совсем человеческие пропорции фигуры: слишком короткие ноги, узкие плечи, руки с двумя локтями.

Неподалеку от Оперного театра, на месте которого в чужом городе стояла мрачная, без единого огонька крепость, Юрка встретил запряженную двумя ящерами повозку. Фургон из стальных прутьев, слегка покачиваясь и подпрыгивая, прокатил мимо, и возница на облучке, с ног до головы закутанный в тряпки и поэтому похожий на мумию, чужака тоже не увидел.

За спиной возницы, в фургоне, возились существа, описать которых Юрка не смог бы при всем желании — торчащие в разные стороны конечности, многочисленные светящиеся глаза, когти и жвала в самых неожиданных местах.

Глядя на них, Юрка не выдержал и вздрогнул.

Фургон скрылся в распахнувшихся воротах крепости, а Юрка пошел дальше, держась обочины и стараясь не шуметь — то, что его не заметили до сих пор, не означает, что он останется невидимым навсегда...

Кроме того, тот старик в феске уж точно не был слепым.

Юрка миновал еще один храм, низенький, словно утопленный в землю, крыша которого светилась алым огнем, прошел алтарь, на поверхности которого дымилась лужа похожей на кровь жидкости. А когда открылся вид на Ванеевский мост, невольно замедлил шаг, а затем и вовсе остановился.

Мост был почти обычным, а вот овраг, через который его перекинули, здесь порос густым ельником. Темно-зеленые ветви сплетались, образуя сплошную завесу, и под ней что-то шевелилось и похрустывало.

Юрка ощутил, что из зарослей за ним наблюдают, мелькнула мысль вернуться в родной мир, чтобы перейти мост там. Но он тут же отругал себя за трусость, проверил, на месте ли топорик, и зашагал вперед, мимо первой пары фонарей ко второй, чей свет казался таким слабым...

От шороха за спиной он вздрогнул и, обернувшись, увидел, как качаются еловые лапы прямо за перилами моста.

— Ч-черт... — прошептал Юрка, дрожащей рукой вытаскивая из кармана газовый баллончик.

Но никто на него не напал, лишь раскоряченная тень, непонятно кем отброшенная, упала на серебристое дорожное покрытие. Полежала и исчезла, словно растворилась, а вслед за ней неожиданно пропал и испуг, словно его и не было вообще.

Юрка вытер со лба пот и ускорил шаг — задерживаться на мосту не хотелось.

Там, где в обычном городе располагалось трамвайное кольцо, а здесь — площадь с алтарем в центре, показалось, что за ним кто-то идет. Он уловил мягкие, крадущиеся шаги и завертел головой, пытаясь понять, откуда они доносятся, но сделать этого не сумел.

Звук шел одновременно со всех сторон, а затем неожиданно затих.

Тут Юрка решил больше не рисковать и сосредоточился, чтобы вернуться в родной город. В этот раз получилось не

сразу, пришлось напрягаться, словно тащил на себе невидимую тяжесть, но он все же проскочил через тьму и обнаружил себя там, где и ожидал, — на Ванеева, рядом с забором частного дома.

Тут занималось утро, по розовеющему небу плыли облака.

«Что-то устал я», — подумал Юрка и потащился в сторону дома.

Десять минут, и он у себя в квартире... примет душ и упадет спать... сегодня суббота, и вставать на работу не надо... поэтому можно дрыхнуть хоть до полудня и выспаться, наконец!

Но проснулся он намного раньше, чем думал, — от прозвучавшего за окном крика.

Сев на кровати, Юрка сообразил, что крик был женским и что кричат в два, а то и в три голоса... Бросил взгляд на часы — семь тридцать, рановато для истошных воплей, и метнулся к окну...

Около мусорных баков, приложив руки к груди, замерла баба Люба, соседка из первого подъезда: рот открыт, глаза выпучены, к ногам прижался визжащий комок шерсти, ненавидимая всеми, кроме хозяйки, болонка по имени Боня. Взгляды обеих обращены туда, где на дорожке, что уводит за угол дома, в луже крови лежит молодая женщина — руки разбросаны, в одной зажата сумочка, лицо изуродовано, светлые волосы разметались по асфальту.

Увидев подобное, Юрка не поверил собственным глазам.

Неужели убийство? Как такое возможно? В их тихом и спокойном дворе, где даже мальчишки дерутся редко, а алкоголики поколачивают жен так, чтобы об этом не знали соседи?

«Ничего себе...» — подумал он, размышляя, не стоит ли выйти на улицу.

Баба Люба на миг замолкла, но лишь для того, чтобы набрать воздуха — теперь она вопила одна, но справлялась с задачей отлично. Щелкнул шпингалет одного окна, второго, хлопнула дверь подъезда, где жил Юрка, затем соседнего, и на улице начали появляться соседи.

«Нет, не пойду, — решил он. — Милицию и без меня вызовут, а чего там еще делать?»

Спать тем не менее не лег, остался у окна, укрывшись за занавеской, чтобы его не было видно с улицы. Почему — сам не смог бы объяснить, скорее всего из болезненного, извращенного любопытства, воспитанного в людях двадцать первого века смакующим кровавые новости телевизором.

Ему было прекрасно видно и слышно все, что происходило на улице.

— Да как же это! Да что же это! Господи! — причитала прекратившая орать баба Люба, купаясь в лучах всеобщего внимания. — Я вышла Бонечку выгуливать, и тут она идет! На работу, наверное! Потом кусты как зашуршали, согнулись, точно из них кто выскочил! И она закричала, а ее наземь повалило и чуть пополам не разорвало! О Господи, мне почудилось, что я зверя увидела! Он ее внутренности грыз, а затем морду поднял!

Судя по всему, у бабки с перепуга поехала крыша — откуда хищник в мегаполисе?

Милиция и «скорая» прикатили с удивительной быстротой — через пятнадцать минут рядом с домом объявились люди в серой форме и белых халатах. Тело осмотрели, погрузили в машину с красным крестом, а бабе Любе вкатили успокоительного и увели допрашивать к ней же в квартиру.

«Скорая» уехала, соседи разошлись, и только в этот момент Юрка покинул свой наблюдательный пост. Он заметил, что кусты между дорожкой и домом, на которые указывала соседка, и вправду помяты, словно через них кто-то проламывался, а на мягкой земле остались отпечатки.

Мелькнула мысль выйти и осмотреть их, и отогнать ее не удалось.

Юрка позавтракал, дождался, пока двор оживет — потащатся на рынок бабки с кошелками, заскрипят качели на детской площадке, зарычат моторы припаркованных у дома автомобилей. И только когда день полностью вступил в свои права, он выбрался из квартиры и спустился по лестнице.

Отпечатки и вправду были, неровные и довольно глубокие — оставивший их весил немало. А еще он не являлся человеком — люди не ходят босиком и не обладают когтями длиной с ладонь.

«Так что, и вправду зверь? — подумал Юрка. — Не маньяк?»

Но тут же в голову пришло, что это вовсе не его дело, что заниматься им должна милиция, и нечего лезть, куда не просят... Он поспешно сделал вид, что ничего не разглядывал, просто проходил мимо, и затопал прочь, в сторону хлебного киоска, куда ему было вовсе не надо...

Второе убийство произошло через ночь.

На этот раз криков не было, просто утром на тропке посреди двора нашли труп алкоголика Коляна из третьего подъезда — обгрызенный, пожеванный, с оторванной головой и ужасом в выпученных глазах.

Юрка увидел из окна толпу, милицейские машины, «скорую», и сердце болезненно дернулось — неужели опять? Может быть, стоит все же рассказать стражам порядка о тех следах?

«Нет, они решат, что я свихнулся, — подумал он, торопливо собираясь на работу. — Крупному хищнику нечего делать в городе, он никогда не пойдет туда, где много людей и машин».

Выскочив из подъезда, Юрка столкнулся с бабой Любой — болонка визгливо загавкала, соседка схватилась за сердце. Придя в себя, она и рассказала, кого именно убили и как, причем сделала это с такими подробностями, каких постеснялся бы иной режиссер фильма ужасов.

Когда Юрка удалялся от дома, его слегка подташнивало.

День прошел в рабочей суете, вечером пришлось задержаться, собирая информацию с районных филиалов. На улицу он вышел только в девять и понуро побрел к остановке — на этот раз обычным путем, каким ходили все.

На то, чтобы «срезать», не было сил, в первую очередь эмоциональных — все выпила работа.

Юрка миновал магазин «Подписные издания», а в переулке за ним краем глаза заметил движение. Повернул голову и замер на месте — в полутьме вдоль стены кралось нечто, слишком крупное для кошки или собаки, но в то же время покрытое шерстью и перемещавшееся на четырех конечностях.

Сверкнули алые глаза с вертикальными щелями зрачков, существо остановилось, поднялось на задние лапы и... исчезло, словно растворилось в серой, покрытой слоем грязи краске.

Юрку обдало морозцем — или у него и вправду начались галлюцинации, или...

О втором варианте даже думать не хотелось.

Втянув голову в плечи и ссутулившись, он заспешил дальше, а оказавшись на остановке, среди множества людей, испытал облегчение. Та шерстистая красноглазая тварь не решится сунуться сюда... хотя нет, ее на самом деле не существует, она только примерещилась!

Троллейбус привез его в родной микрорайон, и Юрка, почти пробежав до дома, вихрем влетел по лестнице. Захлопнув за собой дверь и заперев ее на все замки, он прислонился к стене и перевел дыхание — теперь он в безопасности, ворваться в квартиру не сможет ни один зверь.

Сняв ботинки, он потащился в комнату.

И едва не заорал, увидев темный неподвижный силуэт — в кресле напротив телевизора кто-то сидел.

— Ты кто? А? Кто? — спросил Юрка, судорожно пытаясь вспомнить, куда дел баллончик со слезоточивым газом.

— Не ори, — раздался из сумрака сильный и властный голос. Щелкнул выключатель, желтый свет торшера упал на незваного гостя, и Юрка выпучил глаза, хотя секунду назад считал, что они и так выпучены.

В кресле сидел тот самый старик, которого он видел в чужом городе: морщинистое смуглое лицо, серебристые, будто слепые глаза, красная шапка вроде фески, из-под которой выбиваются седые волосы, и халат, роскошный, блестящий, зеленовато-синий, как морские волны.

— Ы-ы-ы... — выдавил Юрка.

— Успокойся и сядь, — велел старик.

Он произносил русские слова вроде бы правильно, но замедленно и с заметным усилием, словно говорил на этом языке впервые. На коленях у незваного гостя лежал не особенно длинный меч в кожаных ножнах, украшенных серебряными пластинками, блестел шарик на рукояти.

— К-кто вы? — спросил Юрка, борясь с желанием броситься в прихожую, выскочить на лестничную клетку и начать

звать на помощь, а еще лучше — позвонить в милицию... или сразу в психушку?

Он был почему-то уверен, что старик исчезнет, не станет дожидаться стражей порядка.

— Можно сказать, твой коллега. — Старик усмехнулся, но не весело, а скорее сурово. — Сядь, я сказал!

Юрка сделал пару неуверенных шагов и опустился на краешек дивана.

— Теперь слушай очень внимательно. — Взгляд незваного гостя пугал не меньше, чем его появление — серебристые глаза казались неживыми и в то же время очень внимательными. — Ты — проводник, редкое исключение среди обитателей вашего слоя, со всеми особыми правами и обязанностями. Ты наделен способностью ходить между слоями и оставаться при этом в живых.

— Кто я? — пролепетал Юрка.

— Город — это громадная масса, — сказал старик, не обратив на вопрос внимания. — Чудовищная тяжесть, тяжесть скопившейся в одном месте материи, людей, информации, всего, что хочешь, и она невольно проминает реальность, продавливает ее. Чем масса больше, тем давление сильнее. В мегаполисах она настолько велика, что те обладают мощной притягивающей силой и притягиваются друг к другу, а поскольку расстояние между слоями меньше, чем между городами в одном слое, то это притяжение определенным образом склеивает слои. Тут, вокруг нас, — он помахал рукой, — одновременно существует с десяток реальностей, в том числе и та, которую ты считаешь домом, и та, в которой родился я. Понятно?

— Э, да... — вякнул Юрка, хотя не был уверен, что уловил все до конца: масса... реальности... слои...

Страх потихоньку отступал, на смену ему приходило любопытство — ясно, что старик явился не мечом махать, если начал с длинных разговоров. Так какого же хрена ему надо?

— В разных слоях изредка рождаются люди, — продолжал говорить гость, и серебряные глаза его ярко блестели, — способные видеть чужое, пересекать границы реальностей. У нас они появляются много чаще, чем у вас. С чем это связано, не знаю. Обычно обладателей подобных талантов называют проводниками, и ты — один из них.

— Я? — Юрка сглотнул.

— Именно ты, — кивнул старик. — Пусть только осознавший свой дар, ничего не понимающий, глупый и необразованный, но все же проводник. Ты в первый раз попал в наш слой скорее всего случайно, а затем начал ходить туда и потихоньку приспособился. А затем притащил сюда, к себе, то, что брать с собой ни в коем случае не следовало.

Юрка вздрогнул.

— Я вижу, ты понимаешь, о чем идет речь. — Незваный гость улыбнулся, обнажив острые белые зубы. — Он убивает, и хотя делает это ради пропитания, наслаждается убийствами, страхом и кровью жертв. И он все время находится неподалеку от тебя, ты — его якорь в этом мире.

Мысли в голове Юрки закружились в разноцветном водовороте: нет, я не виноват... это не я... тот зверь реален, не галлюцинация... Я приволок его сюда из города под зеленым солнцем...

— Но... как? Я же не хотел! — выдавил он. — И что это за существо?

— Наш слой сильно отличается от вашего, — сказал старик. — Это ты, я думаю, заметил. И в ночное время он, мягко говоря, небезопасен, ибо по улицам бродят те, для кого в вашем языке нет даже названия... Можешь именовать его... — он на миг задумался, — демоном.

— Демон? — Юрка поежился — показалось, что сквозь закрытые двери квартиры и подъезда он уловил мягкий звук шагов, тот самый, что слышал в ту ночь, — легкий шорох, приглушенное клацанье когтей.

— Ты проводник, и ты можешь не только ходить между слоями, но и водить с собой других. Обитатель ночи, шедший по твоим следам в нашем слое, подошел очень близко в момент переноса и перенесся вместе с тобой. Чужая реальность оглушила его, но не уничтожила, и, придя в себя, он начал убивать.

— Но я же не знал... — пролепетал Юрка, сам понимая, насколько жалко это звучит.

Он притащил демона в этот мир, и ему отвечать за то, что сотворила эта тварь, — за две оборванные человеческие жизни.

— Не знал? — Старик опять усмехнулся. — Скажи это тем, кто погиб.

Юрка отвел взгляд, накатило желание, чтобы все это оказалось дурным сном, чтобы он проснулся у себя в кровати, ничего не зная ни о чужом городе, ни о том, как туда попасть...

— И только ты в состоянии отправить это существо обратно, — сказал незваный гость. — И ты должен это сделать, иначе он убьет в третий раз и, взяв третью жизнь, станет от тебя независим. И тогда ни ты, ни я, никто иной не заставит его покинуть вашу реальность, где он невидим и почти неуязвим.

Юрка вспомнил, как сам ходил по чужому городу и как его обитатели не замечали пришлого, скользили мимо равнодушными взглядами — похоже, гостей из иных слоев видели далеко не все...

Но сребroглазый старик, сидевший в кресле, видел.

— А вы? Что вам до этого за дело? — подозрительно спросил Юрка. — Зачем вы вмешались?

Очередная усмешка расколола смуглое лицо.

— Считай, что я отдаю долг. Я такой же, как ты, проводник, и некогда мой... наставник помог мне выпутаться из крупных неприятностей. Я увидел тебя тогда рядом со статуей Харриг-Рона, потом ощутил отзвуки твоих перемещений и в ту ночь немного не успел, чтобы предупредить тебя.

Это выглядело логично — если взрослый видит играющего с огнем ребенка, то он непременно вмешается. Ощущать себя в роли глупого ребенка было неприятно, но Юрка понимал, что нашкодил, точно сопливый школьник, забравшийся в зоопарк и вскрывший клетку с тигром...

— Отправить обратно? — спросил он, пытаясь улыбнуться. — Когда и как?

— Прямо сейчас. — Старик поднялся одним стремительным движением, и меч оказался у него в руке. — Как — я тебе покажу. Да, кстати, можешь называть меня Атмиолем.

Во дворе было темно и тихо, как в заброшенном подземелье.

Горели немногочисленные окна, словно напуганные горожане предпочитали сидеть во мраке. Луна пряталась за го-

ризонтом, и даже звезды светили слабо, точно лишившиеся сил светлячки.

А фонарь около Юркиного подъезда, судя по всему, кто-то разбил.

— Хорошо, — сказал Атмиоль.

Тьма клубами перекатывалась от дома к дому, словно густой туман, смазывала очертания деревьев, кустов и детской площадки. Матово поблескивали выстроившиеся в ряд автомобили, ветер шелестел в ветвях, и где-то далеко, то ли в третьем, то ли во втором микрорайоне, выла собака.

На мгновение Юрке показалось, что он не дома, а там, где вместо старого гаража — алтарь со статуэтками, где плывет сиреневый туман, а по улицам ездят не машины, а повозки.

— Чего же хорошего? — спросил он, отгоняя наваждение.

— Мрак привлечет его, даст сил, заставит обрести форму. Пойдем.

И они зашагали в обход гаража, мимо дерева, с которого Юрка свалился пятилетним пацаном, в самый центр двора, к кустам, где они с друзьями устраивали «пещеру» во время игр. Кусты с тех пор поредели, от густых зарослей осталось несколько жалких островков.

— Тут, — сказал Атмиоль, останавливаясь. — Ты должен позвать демона, вытянуть на себя, а когда он придет, перенестись в мой слой. Я сделаю это вместе с тобой и разрушу вашу связь, после чего ты сможешь вернуться, не опасаясь, что обитатель ночи последует за тобой.

— Но как позвать? И не слишком ли сложно все это? Может, его убить?

— Убить? — Серебряные глаза вспыхнули молочно-белым огнем. — Это сделать возможно, хоть и трудно, но знаешь ли ты, к каким последствиям это приведет? Что рухнет там, где он — не просто хищная тварь, охочая до людской крови, а один из тех, кто стоит в основе?

Юрка смущенно заморгал — вопрос был риторическим.

— Но как звать-то? — спросил он.

— Это ты поймешь сам. Вспомни, как он выглядит... хотя выглядит — не то слово, как звучит, двигается, пахнет, какие чувства он вызывает, и потяни все это на себя. Пробуй, у нас мало времени.

Наставление казалось, мягко говоря, неточным, но Юрка закрыл глаза и сосредоточился. Попытался вызвать из памяти шорох шагов, так напугавший его в чужом городе... вид следов на земле... собственный страх... алые глаза, пылающие во тьме переулка... гибкое, покрытое шерстью тело...

В один момент почувствовал, что теряет равновесие, что его тянет вперед.

— Стой! — горячий шепот Атмиоля обжег ухо. — Он должен идти к тебе, а не ты к нему.

Ощущения слились в единый поток — под опущенными веками мелькали обрывки картинок, уши тревожили непонятные звуки, ноздри трепетали от непонятно откуда взявшегося резкого звериного запаха, и все это составляло одно целое, слишком сложное, чтобы передать в словах.

Юрка вздрогнул от накатившего холода, открыл глаза и понял, что демон находится перед ним: очертания его плыли, тьма мешала увидеть тварь из другого слоя в подробностях, внимание привлекали отдельные детали — когти на лапе, острое черное ухо, извивающийся хвост...

— Теперь переносись! — велел Атмиоль. — Быстрее! Иначе он нападет!

Юрка и сам чувствовал, что обитатель ночи вот-вот бросится на него.

Полет сквозь тьму, и он очутился в том дворе, где место гаража занял синий алтарь, к сумрачному небу вознеслись громады домов, и ухмыльнулись уродливыми пастями горгульи на крышах.

Тут демон был виден еще хуже — колышущаяся, угрожающая тень.

— Теперь моя очередь, — сказал старик в феске, выходя вперед. — Ты можешь возвращаться.

Сверкнул извлеченный из ножен меч, похожий на солнечный луч, а больше Юрка не увидел ничего.

Он вернулся в заполненный мглой родной двор, вроде бы такой же, как пару минут назад, и в то же время другой. Исчезло исходившее из мрака ощущение угрозы, воздух даже стал немного теплее, а взгляд тусклых звезд — капельку добрее.

— Ф-фух... — сказал Юрка, поднимая дрожащую руку, чтобы вытереть со лба пот. Вздрогнул, когда рядом появилась темная фигура, но это оказался всего лишь Атмиоль.

— Дело сделано, — сказал он, и блеснули серебряные глаза. — Демон не вернется сюда.

— И что дальше? — спросил Юрка.

— Пока просто живи. — Старик в феске вложил меч, на котором появились темные разводы, в ножны. — Не вздумай никуда ходить — тебе нужно отдохнуть и прийти в себя. Вспомни, что ты не только проводник, а еще и человек — это не менее интересное занятие. А потом, через какое-то время... — он помолчал, — я вернусь, и ты начнешь учиться.

И Атмиоль пропал, сгинул мгновенно, точно изображение на экране компа.

Юрка на всякий случай огляделся, еще раз провел ладонью по лбу и заковылял в сторону дома.

Ему сильно, до зевоты и ломоты в челюстях, хотелось спать.

Карина Шаинян

ОВСЯНКА

К половине второго поток машин за окном иссяк, фоновый гул стих, и время потянулось мучительно медленно. Выцветший от бессонницы мир стал зыбким и вязким, как болото. В квартире было душно и накурено, и открытое окно не помогало — табачный дым так и колыхался под потолком. Кровать казалась Антону слишком мягкой и неудобной. Спину свело от напряжения; уши превратились в чуткие локаторы, настроенные на один-единственный звук. Хлопнула дверь — вышел в подъезд покурить парень из квартиры напротив. Слева заскрипела кровать. Слушая негромкие женские постанывания, Антон вяло думал, что недавно тоже часто мешал соседям спать короткими жаркими ночами. Без пятнадцати два зашелестел, застучал по стеклу дождь, без десяти — пронесся по улице сумасшедший мотоциклист. В два дождь кончился, и пять минут спустя под окнами прошла компания гогочущих подростков. Потом наступила тишина. Антон до рези в глазах всматривался в потолок и ловил звуки, но звуков больше не было. Будто и не Москва была вокруг — а окраина крошечного городка, затерянного в сопках, где по ночам шумит только ветер. Было время, Антон мечтал, что когда-нибудь покажет этот город девушке, уверенной, что по внешнему периметру МКАД ходят дикие звери, а сопка — это разновидность печи... но думать о сопках было нельзя и о маленьком, засыпанном песком городке — тоже.

Звук появился в половине третьего — мерный, ровный стук подков по асфальту, всплески мелких лужиц под копытами. Они приближались не торопясь; Антон попытался посчитать, сколько их сегодня, и не смог. Копыта застучали совсем рядом, и стихло. Антон знал, что сейчас они стоят полукругом, ослабив поводья, и смотрят на его окно. Послышалась пара тихих неразборчивых фраз, щелчок зажигалки, хихика-

© К. Шаинян, 2011.

нье — и они снова замолкли, только ударяла иногда об асфальт подкова переступившей с ноги на ногу лошади.

Они тоже ждали. Антон знал, что на рассвете снова услышит дружный стук копыт — они уйдут, чтоб вернуться следующей ночью, а он наконец заснет, тяжело и беспокойно, и вскоре проснется от собственного безмолвного вопля.

А совсем недавно был первый в году по-настоящему теплый вечер, вечер пятницы. Антон чувствовал себя если не счастливым, то по крайней мере совершенно довольным, когда выбрался наконец из метро за одну станцию до дома, собираясь пройтись и, может быть, выпить бутылку пива. Антон неторопливо двинулся к ларьку — и поймал на себе пристальный взгляд высокого, чуть полноватого мужчины в очках и с залысинами. Антон вопросительно приподнял брови, и тут мужчина всплеснул руками и расплылся в улыбке.

— Сильвер?! — воскликнул он. Антон моргнул.

— Черт, Конан! Варвар! — вырвалось у него.

Антон испугался. С Конаном он познакомился в университетской общаге, когда геологов и математиков из-за ремонта поселили в один корпус. Конан был на год старше, легендарная личность, развеселый хулиган и умница. Антон не очень-то хотел выяснять, во что тот превратился за последние пятнадцать лет: такие встречи обычно — сплошное разочарование. Однако бывший приятель явно думал по-другому.

— Теплынь. Вечер. Пятница, — прежним, ничуть не постаревшим басом прогудел Конан. — Жена не ждет?

— Да я не женился, — улыбнулся Антон.

— По-моему, мы обречены, — веско заключил Конан.

— А помнишь, как ты голову Ленина пытался Индире Ганди на пояс повесить? На памятник? — со смехом спросил Антон.

— Еще бы, — помрачнел Конан. — Эта голова, по-моему, тонну весила, я на следующий день разогнуться не мог.

— Ты еще тогда требовал, чтоб менты поклонились воплощению Кали, и орал, что тебе с ними нельзя, потому что завтра зачет по дифурам...

— Да, лихие мы были, не то что сейчас... помнишь, как по банкам палили, когда ты ствол подобрал? — умиленно спросил Конан, вытирая вспотевшую на солнышке лысину и отхлебывая пива. — Ну, когда на практике партизанский схрон раскопали? «ТТ», да?

— Да уж, — передернулся Антон. — Идиот я был редкостный.

— Он у тебя до сих пор?

— Сдурел? Сдал я его давно.

— Жаль, — сказал Конан. — Я б не сдал. У нас в Белохолмске с таким стволом...

Антон поставил неизвестно какую по счету пустую бутылку под лавочку.

— ...овраги... сазаны вот такие... — умиленно бормотал Конан, протирая очки. — Иногда думаю: бросить все и вернуться, найти какую-нибудь удаленку...

— Всех нас засосет, а кого не засосет, те провалятся, — печально сообщил Антон. Конан сбился и замолчал. — Грунт плохой, — задушевно объяснил Антон. — Просто кошмар, а не грунт.

Конан заморгал; потом в его глазах появилась тень понимания.

— Договорились же работой не грузить, — укорил он. — Вот найду удаленку... А ты никогда не скучаешь? — оживился вдруг он. — По своим нефтяным северам?

— Нет, — резко ответил Антон. — Поганый городишко, — добавил он помягче. — Нечего вспомнить.

— Так не бывает, — ответил Конан.

— А все-таки нечего. И вообще, о чем мне скучать? В Москве все есть.

— Так уж и все?

— Ага, — ухмыльнулся Антон и принялся сбивчиво рассказывать о том, как, слегка заплутав в районе Яузских ворот, наткнулся на развалины древней буддийской ступы. Конан недоверчиво хмыкал.

— Да правду говорю! — пьяно бил себя в грудь Антон. — Даже морем запахло, соленым, холодным...

— Это как? Буддийская же...

— Ну ладно, — сдался Антон. — Церковь это была, на реконструкции. Но в темноте издали — похоже... Пиво кончилось.

— Какое же море холодное, — продолжал недоумевать Конан, чуть покачиваясь. — А я все-таки уеду. Прикуплю домик, деревянный такой, прямо в центре, и уеду, вот увидишь.

Антон постепенно раздражался. Путь за добавкой оказался слишком длинным, и он мало-помалу трезвел. Пить больше не хотелось. Хотелось загрузить Конана в метро и пойти домой. Все эти приветы из прошлого... Радости — на минуту, а мороки потом... Да еще нытье это ностальгическое.

Конан вдруг перестал умиленно бормотать и устремился к зданию торгового центра. «Зайдем в супермаркет, купим чего-нибудь поприличнее», — бросил он на ходу. Антон тоскливо огляделся по сторонам, раздумывая, как бы улизнуть, и увидел лошадь Человека с черным лицом.

В городе О. была только одна лошадь. В неряшливых клочьях бурой шерсти, костлявая от старости, одна-единственная лошадь — на весь городок, погребенный под холодным морским туманом вместе с тридцатью тысячами нефтяников, отчаянно тоскующих по материку. Эту клячу, запряженную в телегу, Антон видел раз в два-три месяца: чаще у рынка, иногда — у овощного магазина или почты. Однажды — у здания НИИ, мирно дремлющую между двумя «Уралами». Каждый раз, заметив скособоченную фигуру, Антон торопился уйти. Он бы даже убегал, если б не стеснялся, — лишь бы не наткнуться на владельца этой лошади, Человека с черным лицом.

Антон никогда не задавался вопросом — болен ли был этот не старый еще, судя по движениям, мужчина, было ли это чем-то вроде родимого пятна или просто странной несчастливой особенностью. Антон лишь знал — с самого раннего детства, с тех пор, как впервые увидел скособочившуюся в оглоблях лошадь и ее владельца, — что смотреть в это лицо страшно, страшно до одури, спазмов и холодного пота. Став немного старше, Антон начал стыдиться своего страха; еще старше — того, что этот страх вызывало; но преодолеть себя так и не смог.

* * *

Антон моргнул. Лошадь паслась не одна — на газоне под рекламным щитом с надписью «Сохраним Москву чистой» щипали скудную траву еще две, такие же убогие и костлявые. Никого чернолицего с ними не было. Рядом курили три девочки с надменно-брезгливыми гримасками — три лолиточки с обтянутыми бриджами идеальными задками, в ярких, но грязноватых коротеньких куртках. Заметив уставившихся на лошадей приятелей, одна из девочек отбросила сигарету и двинулась навстречу. Антон потянул Конана за рукав, но тот уперся.

— Помогите лошадкам на корм, — сказала девочка. Глаза у нее были как у куклы, большие, яркие и бессмысленные, густо обведенные тенями.

— Покатаете? — спросил Конан, ухмыляясь. — Поскачем, Сильвер? Варвары мы или нет?

— Сдурел, шею свернешь... — пробормотал Антон.

— Не свернете, они спокойные... мы вас за триста рублей покатаем... за двести... Садитесь!

— Спасибо, не надо, — буркнул Антон и сделал несколько шагов прочь. Оглянулся — Конан стоял на месте. Антон со вздохом закатил глаза.

Конан повис животом на седле, попытался подтянуться, но перегруженное пивом тело не слушалось. Лошадь уныло переступала с ноги на ногу и длинно вздыхала. Глаза у нее были какие-то мертвые, затянутые белесой пеленой. «Да стой ты, пылесос чертов! — прикрикнула девочка и уперлась ладонью в увесистый мужской зад: — Давайте лезьте...» Ее подруги захихикали. Конан задрыгал ногами и кое-как взгромоздился в седло. «Йохо-о-о-о!» — завопил он и хлестнул поводьями, воображая себя то ли ковбоем, то ли отважным киммерийцем. Девочка поморщилась, аккуратно вынула повод из рук. «За седло держитесь», — буркнула она и повела лошадь по кругу. «Это вообще лошадь или конь?» — донесся до Антона игривый голос Конана. «Жеребец, — сухо ответила девочка, — не вертитесь, спину собьете».

— Ну чё, поехали? — хрипло спросили под ухом.

Антон вздрогнул, обнаружив у самого локтя конскую морду.

— Поехали? — снова спросила девочка, выглядывая из-за лошадиного плеча. Она не мигая смотрела на Антона. Ее челюсти мерно двигались, гоняя жвачку.

— Нет-нет, — пробормотал он и попятился. Посмотрел вслед Конану и, сначала не спеша, будто прогуливаясь, а потом все быстрее зашагал прочь. Он как раз сворачивал за угол, когда в кармане заорал мобильник. Облысевший варвар слез с коня и требовал продолжения банкета. Антон втянул голову в плечи, сунул вопящий телефон поглубже в карман и впрыгнул в троллейбус.

Вспомнить о Конане пришлось неделю спустя. Вернувшись с работы, Антон едва успел войти в квартиру и снять насквозь промокшие ботинки, когда зазвонил телефон. Антон зарычал от бешенства. Опять будут настойчиво выспрашивать, нельзя ли все-таки как-то воткнуть многоэтажную махину в болото, которое и сарая не выдержит. Мало он там сегодня ползал! Участок был недалеко от дома — но потом пришлось возвращаться в контору, а еще потом — пилить обратно в час пик, и все это — в мокрых, преющих носках, с пятнами жирной болотной грязи на брюках. Телефон не замолкал, и в конце концов Антон не выдержал.

Звонила женщина. Голос Антону не понравился — неуверенный, напряженный... неживой.

— Здравствуйте... Вы — Сильвер?

— Был, — осторожно ответил Антон. Кто бы это ни был, речь явно пойдет не о работе.

— Я девушка Сергея Конакова... Конана... была, — проговорила женщина. Антон мысленно застонал, припомнив ритуальный обмен номерами. — Извините... я просто пытаюсь понять, что случилось, и никак не могу, мы собирались пожениться, и все было хорошо, я посмотрела его мобильник и увидела, что он вам звонил последнему, может, вы знаете...

Женщина говорила ровно, как робот, нанизывая бессмысленные слова.

— А что, собственно, случилось? — раздраженно спросил Антон и, услышав ответ, похолодел.

Как же так, думал он. Ведь Конан не мог скрыть врожденную жизнерадостность, даже когда депрессия от общего несовершенства мира была в их студенческой компании таким же хорошим тоном, как любовь к панк-року и умение играть в преферанс. Конан вырос, студенческий выпендреж остался в прошлом. У него хорошая работа и здоровые хобби. Он собирается жениться на девушке с мертвым голосом... хотя, сообразил Антон, раньше с ее голосом наверняка все было в порядке. Однажды весенним вечером Конан встречает университетского приятеля, умеренно ностальгирует, умеренно хвастается, умеренно напивается, катается на лошади... А потом приходит домой и, не сказав никому ни слова, сует голову в петлю.

Антону стало страшно. Мало ли у человека скелетов в шкафу, уговаривал он себя, может, вся жизнерадостность Конана была напускной. Но еще была эсэмэска, и она пугала Антона до одури. Единственная эсэмэска, отправленная перед самоубийством: «Белохолмск был клоакой». Она ничего не объясняла, не могло такое стать поводом... Конан наверняка знал: города, в который он хотел вернуться, никогда не существовало. Да, овраги, сазаны, добрые соседи, старинные наличники на окнах домов с палисадниками. (Сопки. Белый песок вокруг озера в кедраче, — подсказал кто-то.) Но и вечные сплетни, любопытные взгляды, от которых не скрыться, отсутствие выбора, полууголовный взгляд на жизнь, от которого не были избавлены даже учителя и инженеры... (И геологи, — опять встрял голос.) Не могло это стать открытием, почувствоваться ни с того ни с сего так остро, что невозможно стало жить. Чепуха, глупость. Даже для кисейной барышни это не повод. Можно скучать по дому, можно даже развлекаться мыслью, что однажды вернешься туда и осядешь. Но не знать, что на самом деле представляет собой родной город, а потом вдруг прозреть и покончить с собой...

— Чушь какая-то, — сказал Антон в опустевшую трубку.

«Нет, не чушь, — голосил очень маленький и очень напуганный мальчик глубоко внутри Антона, — вот так это и бывает, вот так, ты скучаешь по дому, скучаешь и ноешь — и он приезжает за тобой».

Антон вдруг понял, что ладонь, сжимающая телефон, стала скользкой от пота, а волоски на руках стоят дыбом.

* * *

Антон чувствовал себя совсем взрослым, когда спускался по лестнице с туго набитой сумкой на плече. Шаги гулко отдавались в подъезде. На площадке третьего этажа привычно пахло вареной капустой. За дверью на втором заходился лаем Пудик, болонка-мизантроп. «Всем пока, всем пока, — напевал Антон на дикарский мотив, — улетаю, тра-ля-ля, навсегда, навсегда». Отец вот-вот должен был подъехать; мама задержалась перед зеркалом, поправляя прическу. Все еще напевая, Антон выскочил на улицу и застыл.

Перед подъездом стояла телега. Из ноздрей скособоченной лошади вырывались клубы пара — август в городе О. выдался холодный, и не верилось, что всего через несколько часов самолет вернет Антона обратно в лето. От лошади пахло навозом и почему-то лекарствами; ее хозяин, сидя на бортике телеги, тщательно разминал «беломорину».

Антон аккуратно поставил чемодан на землю. Он уже не чувствовал себя взрослым и самостоятельным. Захотелось вернуться и дождаться родителей в квартире. Вблизи лицо человека оказалось не черным, а темно-серым, как мокрый асфальт. Уезжать он не собирался, и его лошадь дремала, прикрыв глаза. Не было слышно ни отцовской машины, ни маминых шагов. Антон с болезненным вниманием уставился в глину под ногами и вздрогнул, когда человек заговорил:

— В Москву едешь? Учиться?

Антон через силу кивнул, не отрывая глаз от мутной лужицы на тротуаре. Черт знает что в этом городе. Ничего не скрыть, каждая собака все о тебе знает...

— Заскучаешь, — хрипло сказал Человек с черным лицом.

Порыв ветра швырнул в лицо холодную колючую морось. Антон обвел взглядом раскисший двор и ободранные пятиэтажки, три чахлых, уже облетевших деревца, улицу, на которой остатки занесенного песком асфальта чередовались с глубокими рытвинами. Вдохнул холодный сырой воздух.

— Вряд ли, — процедил он.

— А заскучаешь, скажи, так я сразу за тобой приеду.

Антон почувствовал, как качнулась под ногами земля. Из-за угла вывернула отцовская «Нива», и тут же застучали по

лестнице мамины каблуки. Человек с черным лицом отвернулся, хлестнул вожжами, и лошадь, припадая на одну ногу, повлекла телегу прочь.

— Нахохлился, — сказала мама, когда машина свернула на трассу, ведущую к аэропорту. — Уже заскучал?

— Нет! — крикнул Антон с такой злостью, что она отшатнулась, а отец дернулся за рулем, заставив машину подпрыгнуть.

Конан навзничь парил в пустом сизом пространстве, и Антону были хорошо видны его босые, посиневшие, будто от холода, ноги. Верхом на Конане сидела девочка, которая катала его на лошади. Она была полностью одета; к подошве ботинка прилипла сухая травинка. У девочки были неподвижные, будто каменные затылок и плечи, но узкие бедра бешено дергались, заставляя Конана содрогаться, будто большую, набитую тряпьем куклу. Пахло потом и навозом. Перед глазами Антона мелькала лишь белая полоска тела между красной курточкой и низко посаженными джинсами. Каждое движение девочки сопровождалось стуком и громыханием, и невидимая плоскость, на которой лежал Конан, раскачивалась все сильнее. Конан тоскливо взвыл, Антон вздрогнул и резко выпрямился, приходя в себя.

Поезд метро, подвывая и раскачиваясь, тормозил у станции. В вагоне было невыносимо душно. Антона затерли в угол, и прямо над ним нависала мохнатая влажная подмышка какого-то здоровяка. Рыжеватые волосы слиплись в сосульки. Антона затошнило; толкаясь и наступая на ноги входящим, он выскочил из вагона и бросился на улицу.

Отдышавшись и оглядевшись, Антон понял, что не доехал до дома всего одну станцию. Подземный переход вывел его к пестрому, как попугай, торговому центру. По выложенной плиткой площади у входа с вкусным рокотом рассекали на досках мальчишки; на лавочках у фонтана стайки девиц, обвешанных пакетами, ели мороженое и пили пиво, демонстративно не глядя на скейтбордистов. А из-за фонтана виднелись клены, растущие на длинном, вытянутым вдоль здания газоне.

Едва увидев их нежно-зеленые верхушки, Антон понял, что вовсе не был последним человеком, с которым говорил Конан. У него появилась иррациональная уверенность, что юные лошадницы прекрасно знают, что случилось с его другом. Охваченный смутной тоской Антон замедлил шаги и скрестил пальцы, обходя фонтан.

Детская примета не помогла. Лошади были на месте, и рядом с ними курили три девочки — будто так и простояли всю неделю, не двигаясь с места, лишь изредка описывая круг, ведя в поводу коня с очередным желающим покататься пьяным. Антон понятия не имел, как к ним подступиться. Самым простым было бы заплатить, взгромоздиться в седло и, пока девочка ведет коня по кругу, затеять разговор. Однако Антону категорически не хотелось лезть на одного из одров; при одной мысли о таком катании подкатывало к горлу. Так ничего и не придумав, Антон нога за ногу поплелся мимо, искоса поглядывая на троицу.

Его заметили. Девочки зашептались, подталкивая друг друга локтями; одна потянула за повод, оттаскивая коня от травы, и повела его навстречу Антону. Кажется, та самая, что катала неделю назад Конана, — на взгляд Антона, девочки ничем, кроме цвета курток, друг от друга не отличались. Эта была в красной.

— Помогите лошадкам на корм, — сказала она. — Мы вас покатаем.

Антон остановился и с вымученной улыбкой покачал головой. Девочка подошла ближе, и Антон понял, что она старше, чем казалось: лет семнадцать, может, даже чуть больше. Под безмятежной и глуповатой маской девичьего личика чудились глухая обида на весь мир, груз какого-то гадкого и в то же время обыденного опыта, готовность обороняться. Антон тут же отказался от идеи напрямую спросить о Конане. Стоит задать вопрос — и девочка откажется признавать даже то, что Конан катался здесь неделю назад. Скажет — не помню, не знаю, не было ничего. На всякий случай скажет. Чтоб не связываться.

— Как тебя зовут? — спросил Антон.

— Даша, — ответила девочка и поправила челку.

— А я Антон, — сказал Антон и замолчал, не представляя, как и о чем говорить с ней дальше. Даша тоже молчала,

двигая челюстями и оценивающе разглядывая Антона. Он неловко ткнул коня пальцем; шерсть под рукой была теплая и влажная. «Как подмышка», — мельком подумал Антон, и его передернуло. Девочка хихикнула.

— Чем ты кормишь своих лошадок, Даша? — промямлил Антон первое, что пришло в голову.

Глаза у девочки снова сделались как у куклы, и Антону сразу стало легче. Даша захлопала ресницами так, что с них посыпались комочки туши.

— Овсом... Кашей из отрубей... Сеном. Морковку даем, — старательно перечисляла Даша. Антон слушал и вдумчиво кивал, чувствуя себя идиотом.

Еще большим идиотом он почувствовал себя, когда вдруг, неожиданно для самого себя, пригласил Дашу выпить кофе.

— А ты прикольный, — сказала она и передвинула жвачку за другую щеку. — Лучше пива.

— Да ва-а-а-али отсюда! — взвизгнула на кухне Дашка, и Антон проснулся окончательно.

На кухне неразборчиво бубнили голоса. Бас, густой, как из бочки, просил о чем-то. Дашка злилась: агрессивно растягивала гласные, напирала на «а», и ее тонкий голосок звучал почти карикатурно. Дашка была возмущена и в то же время чем-то довольна — Антон, проигравший ей множество словесных битв, понял, что она опять выходит победительницей. Вот только над кем? Сказано же было — никаких гостей, даже подружек, никогда, ни под каким видом... Не говоря уже о басовитых мужчинах — в три часа ночи, когда Антон спит, измотанный очередной вечерней сценой и последовавшим за ней бурным примирением...

Антон свернулся в клубок и зарычал от бешенства и стыда. Докатился. Малолетняя дрянь устраивает пэтэушные разборки на его кухне... Антон сел на кровати и протер глаза. Вроде какой-то прыщавый подросток болтался последнюю неделю у подъезда. Кажется, Антон один раз даже видел, как Дашка с ним разговаривала — презрительно, через губу, но она всегда так разговаривает... Мужчина продолжал гудеть. Антон уловил слово «отдай».

— Да чего тебе на-а-ада? — опять выкрикнула Дашка. — Нет у меня, в яму ушло! — Мужчина повысил голос, в его словах слышалась мольба и угроза, и тут Дашка завопила: — Да отстань, достал уже! Понаехали тут!

Антон всхрюкнул, давя позыв загоготать, и снова прислушался. Голос казался смутно знакомым. Антон снова потер лицо. Тут он сообразил, что у давешнего поклонника был хриплый тенорок, и говорил он отрывисто — от недостатка слов, видимо. На кухне торчал кто-то другой; пожалуй, и не подросток, не Дашкин ровесник, кто-то постарше и посерьезней... Наверное, тот, к кому Дашка была благосклонней — раз уж пригласила без спросу к Антону в дом.

Срам какой, думал Антон, влезая в штаны. Тут ему пришло в голову, что, возможно, придется драться. Драться не хотелось. Хотелось взять Дашку за ухо и выставить за дверь. Антон тихо встал, открыл шкаф, где под грудой футболок прятался увесистый сверток, обернутый заявлением о добровольной сдаче — с подписью, но без даты. На секунду представил себя — в растянутых домашних штанах и со стволом наперевес — крадущимся на кухню и скривился от отвращения. Схватив футболку, Антон кое-как натянул ее на себя и беззвучно вышел из комнаты.

Холодильник был открыт, и электрический свет полоскался на крепких и белых Дашкиных грудях, мерцал в нежном пушке вдоль позвоночника, разливался по беззащитному животу. Антон задохнулся от гнева и изо всех сил ударил по выключателю — раскрытой ладонью, как пощечину влепил. Дашка, в одних трусиках с сердечками на попе, стояла, потирая босой ступней одной ноги о голень другой. Дашка поедала молочный шоколад — ополовиненная плитка приторной гадости таяла в руке. В уголке рта скопилась коричневая слюнка.

Больше на кухне никого не было.

— С кем ты разговаривала? — сипло спросил Антон. Пригнул голову, готовый принять шквал отговорок, обид и упреков — и пробиться сквозь этот ураган к правде.

— Не твое дело, — ответила Дашка и слизнула шоколадную крошку с губы.

Антон опешил. Не собиралась Дашка отговариваться и оправдываться. Ничего, кроме равнодушного спокойствия, не бы-

ло в ее прозрачных и наглых глазах. Антону стало не по себе. Что-то ненормальное происходило только что в доме, творились какие-то темные и странные дела. Наверное, это стоило хорошенько обдумать, но Антон не хотел вспоминать о бесплотном, смутно знакомом голосе. Вместо этого он смотрел на Дашку и пытался понять, как она оказалась рядом с ним.

Она так много обещала, вот в чем дело. С их первого свидания — когда Антон еще не знал, что это свидание, а просто хотел расспросить о Конане (которого, конечно, ни Даша, ни ее подруги не запомнили), — а она вдруг исчезла, бросив своего коня на попечение подружек, и через полчаса и пять сигарет вернулась, нарядная, как елка. Какие-то блестящие сапожки на ней были и юбка, стремящаяся к нулю, и что-то ладно обтягивающее сверху, — все это было совершенно не важным и даже лишним, девочка зря старалась. Поразило Антона совсем другое: Дашкины глаза, движения, хрипловатый смех — все вдруг стало сплошным обещанием. С самого первого свидания Антону казалось: вот-вот он завоюет Дашку окончательно, и эти посулы исполнятся, — но она вновь ускользала, обещания оказывались ложными, а те мелкие радости, которые он все-таки мог добыть, выпросить, выдрать когтями, оказывались самыми обыкновенными. Полная раскованность каким-то противоестественным образом сочеталась в Дашке с полным же отсутствием страсти и в жизни, и в постели. Но после всех разочарований оставалась сладостная горечь каких-то восхитительных, хоть и безнадежно упущенных возможностей — за это Антон терпел все, не способный остановиться, как гончая, взявшая след.

Он понятия не имел, что ищет. Он не знал, чем Дашка живет и о чем думает: инстинкт самосохранения подсказывал ему, что в это лучше не вникать. Он не представлял даже, чем Дашка отличается от своих конюшенных подружек — и отличается ли хоть чем-то. (Их имена Антон так и не выучил и даже не научился отличать девочек друг от друга — тем более что по летнему времени они вылезли из курток, а разномастные футболки часто менялись и были слишком ненадежным признаком.) Иногда Антону начинало казаться, что Дашка и ее

подруги взаимозаменяемы; у него даже не было уверенности, что он узнает ее среди других, если она сама не захочет. Ничего он о Дашке не понимал, кроме самых поверхностных вещей, бесился и раздражался от ее манер и привычек до глухой боли в сердце, но расстаться уже не мог.

Дашка была сладкоежка и страшная тряпичница — обожала бродить по магазинам и поначалу норовила затащить с собой Антона, но тут он банально откупился, предоставив выбирать ей джинсики, топики и прочую блескучую муть в одиночестве либо с подружками. Антон совершенно не представлял, зачем Дашке вся эта груда шмоток — разве что запасалась к невнятному колледжу, в который должна была пойти осенью. Или готовилась к встрече с другим, более прикольным, чем Антон, принцем... Большую часть времени Дашка проводила с лошадьми — либо на конюшне, либо выбираясь на покатушки вроде тех, во время которых они познакомились.

Казалось, весь смысл Дашкиного существования заключался в том, чтобы обихаживать этих жутких одров, которых она почему-то называла «пылесосами». Она пыталась втянуть в это и Антона, постоянно зазывала покататься, соблазняла прогулками по лесопарку, но он наотрез отказывался. Может, и зря: было бы хоть что-то общее, может, и отношения с Дашкой наладились бы... Но Антон, который в принципе любил животных, так и не смог вызвать в себе симпатии к дряхлым подопечным Дашки и ее подруг. Он даже ни разу не заглянул к Дашке на конюшню, хотя бы из любопытства. Не мог заставить себя: не старостью и слабостью несло от этих коней, а какой-то кошмарной, вневременной мертвечиной...

Она была страшно ревнива — при том, что вокруг нее самой постоянно терлись какие-то мутные кавалеры. Она перетрясла всех бывших подруг Антона, выспрашивая, клещами вытягивая подробности, а потом вывернула наизнанку, превратив милых в общем-то девушек в отвратительных гарпий, да так ловко, что Антон сам уже не мог понять, как мог испытывать к этим мерзким существам хоть каплю симпатии. В своей ненависти к его прошлому Дашка не знала границ. Однажды, придя домой, он обнаружил, что ящик стола вывер-

нут, а на полу валяются истерзанные клочки маленькой, еще черно-белой фотографии. На ней девятиклассник Антон небрежно прислонялся к брусьям на школьном дворе, чуть приобняв пухлую девочку в шортах — одноклассницу Аришу, его лучшую подругу, по которой он страшно скучал, когда та уехала в математическую школу при новосибирском Академгородке. Перед ними навсегда застыла пробегавшая мимо знакомая собака. Справа виднелся кусочек дома, в котором Антон прожил первые свои пять лет.

«Ты понимаешь, что это моя единственная школьная фотография?» — спросил он немеющими от гнева губами, а Дашка, как всегда, безразлично смотрела на него в упор. «Сука... ревнивая сука...» — пробормотал Антон, и вдруг Дашка ухмыльнулась. Антон хотел ее ударить, но она заговорила, и скоро уже казалось, что Ариша была жирная тупая жаба. Антон хотел взглянуть на фотографию, чтоб убедиться, что это не так, но фотографии уже не было. (А где-то под гневом и болью теплилась трусливая благодарность: на левом краю снимка было размытое решетчатое пятнышко, которое можно было принять за кусочек кузова старого грузовика, но Антон-то знал, что это — напоминание, что фотография опасна, засматриваться на нее нельзя, иначе телега, исчезающая за краем кадра, может приехать за тобой...) Дашка надувала губы, и ни капли понимания и сожаления не было на ее лице — не способна она была ни на понимание, ни на сожаление, ни на хотя бы видимость раскаяния. И глаза у нее были точно такие, как сейчас: надменные и чуть обиженные.

Дашка так и стояла у открытого холодильника, уже начинавшего взревывать от натуги. Она даже не моргала, преисполненная чувства собственной правоты. В ее наготе было что-то от животного. Антон вдруг ощутил страшную усталость.

— Пойдем спать, — сказал он и легонько подтолкнул Дашку к двери.

Наверное, она и была животным, красивой гладкой самкой, и все поиски были напрасными, а обещания — лишь иллюзией, плодом воспаленного воображения. Странно. Выгля-

дит как человек, и за убийство ее осудят, как за убийство любого другого человека, рядового геолога, например, — хотя ничего истинно человеческого в ней нет, только тело и примитивные инстинкты. Дашка заворочалась, и, глядя на ее молочно мерцающие изгибы, Антон снова, в который раз уже, обругал себя пошляком и циником. Изнывая от нежности, ревности, желания, он попытался подгрести Дашку под себя — она лягнула мускулистой ногой и замоталась в одеяло, как в кокон.

Антон откинулся на подушку и закрыл глаза. Думать о том, что только что произошло, по-прежнему не хотелось. Еще меньше хотелось думать о том, почему изо всех гнусненьких эпизодов их с Дашкой недолгой совместной жизни вспомнилась именно история с фотографией. Он уже задремывал, но разум его, как оказалось, не спал. Кухонная ссора с неизвестным невидимкой была, видно, делом серьезным, и разум отказывался отложить эту историю на полочку с ярлычком «почудилось». Пока Антон предавался эмоциям, его старательный мозг тщательно обрабатывал информацию и теперь наконец выдал невозможный, но единственно верный результат. Антона ударило по затылку холодной мохнатой лапой, мигом сгоняя сон. Мужской голос на кухне принадлежал Конану.

Он так и не заснул толком этой ночью. Лежал рядом с укутанной Дашкой и пытался убедить себя, что ему все-таки почудилось, и на кухне кто-то был. Кто-то живой и понятный, хотя и омерзительный в своей наглости. К утру Антон почти поверил в это. Он прихлопнул вякнувший было будильник, решил полежать еще пару минут — и задремал. Вскочил почти в десять, успел испугаться, что безнадежно опоздал, — и вспомнил, что опаздывать некуда, планы на сегодня другие. Дашка, конечно, дрыхла. Антон с минуту прислушивался к ее сопению, а потом тихо поднялся и на цыпочках вышел из комнаты. Завтракать он не стал — не хотелось случайным шумом разбудить ее и ввязаться в какой-нибудь разговор... или просто увидеть ее, утреннюю, растрепанно-теплую, и растерять всю решительность.

Едва выйдя из подъезда, он позвонил на работу. Трубку взяла секретарша.

— Свет, передай шефу, что я не приду, — быстро сказал Антон. — Гриппую.

— Да он тебя живьем съест! — воскликнула секретарша. — Сам знаешь, что у нас...

— Извини, правда не могу, — перебил Антон и добавил: — Съест — это ничего, это не самое страшное...

— Голос у тебя действительно нездоровый, — встревожилась Света.

— Температура высокая, тошнит, — объяснил Антон и нажал отбой. Его и в самом деле мутило — от бессонницы, от голода, но больше всего от того, что он собирался сделать.

Антон резвой рысью добежал до троллейбусной остановки, схватил в ларьке газету и вернулся во двор. Со скамейки на детской площадке открывался отличный вид на подъезд. Антон надел солнечные очки и развернул газету, загородив лицо. Теперь он был похож на третьесортного сыщика, не хватало только котелка и плаща.

Антон и не думал, что по утрам на улицы выходит столько людей. Замки в подъездах пищали каждую минуту, и каждую минуту он с замиранием сердца выглядывал из-за газеты. Но на крыльце появлялся кто угодно, кроме Дашки, и только когда он уже подумал, что она решила сегодня никуда не ходить, — она вдруг выскочила во двор, легкая и быстрая, и танцующей походкой пошла прочь.

Антон выждал полминуты, отшвырнул газету и, стараясь держаться поближе к придорожным кустам, зашагал следом.

Он очень быстро потерял всякое представление о том, где находится и в какую сторону идет. Дашка то и дело сворачивала под невероятными углами, ныряла в какие-то дворы, бессмысленно переходила дороги и возвращалась. Антон начал подозревать, что Дашка либо предполагала, что он захочет ее выследить, и на всякий случай путала следы, либо давно заметила его и теперь издевалась. Впрочем, если б преследование обнаружилось, Дашка повела бы себя совсем по-другому: подошла и на месте закатила скандал, — поэтому Антон не терял надежды.

Он взмок и уже начал отставать, когда Дашка нырнула в очередной переулок и замедлила шаги. Асфальтовая дорожка превратилась в грунтовую и углубилась в лесопарк. Антон обрадовался: скрываться здесь было проще, — но тут тропа вывела его на огромную поляну, украшенную обгорелыми столбами и с четырех сторон окруженную воротами, бессмысленно торчащими в траве. Он успел заметить, как Дашка проходит через дальние ворота, двинулся параллельно — и тут же потерял ее из виду.

Антон заметался по поляне, не зная, что делать. Сдаваться не хотелось. Спотыкаясь от спешки на кротовых норах, он еще раз пересек поляну. Повертелся у обгорелых бревен, которые вблизи оказались скульптурами витязей с жуткими трещинами на лицах. Проскочил под воротами — перекладиной, уложенной на два столба. Далеко впереди мелькнула ярко-розовая Дашкина футболка. Антон бросился догонять. Дашка снова скрылась из виду, но сворачивать здесь было некуда, узкая тропка вилась между зарослями кустарника, изредка ныряя в овраги, и на ней четко видны были отпечатки копыт. Успокоившись, Антон замедлил шаги.

Всего хозяйства было — сарайчик и рядом две небольшие загородки, прикрытые полиэтиленом. У стены стояла шаткая лавка, на которой примостились девочки. Дашки с ними не было. Антон привалился к дереву и, скрытый зарослями боярышника, замер, ожидая неизвестно чего.

Из сарая донесся дикий конский визг и глухие удары. Антон рванулся было вперед — спасать? Вытащить дуру, пока — и если — ей не раскроили череп? Девчонки на лавочке загоготали; одна закатила глаза и свесила набок язык, и все снова расхохотались. Антон отступил под дерево. Что бы ни происходило на конюшне — Дашкины подруги явно считают это нормальным, и вряд ли ей грозит опасность...

Дверь тихо скрипнула, и на улицу выплыла Дашка. Ее щеки горели, а дымчатые глаза бессмысленно блуждали. «Ну что? — спросила одна из девочек. — Женьку ждем?» — «Так она сегодня не придет», — ответила вторая. «Седлаемся, да?» — откликнулась Дашка, и все три вернулись на конюшню.

Когда всадницы скрылись из виду, Антон тихо скользнул в сарай. Из полумрака донеслось громкое фырканье, и Антон подпрыгнул от неожиданности. Остановился на пороге, привыкая к темноте. Постепенно он смог разглядеть оставшегося коня — и тут же пожалел об этом. Клочковатая шерсть, будто побитая молью, седые губы, торчащие мослы, глубокие провалы над пустыми мутными глазами. Конь, опустив голову, переступал с ноги на ногу, раскачиваясь, как маятник, и походил на оживленное злыми чарами чучело. Его мерные движения почти гипнотизировали.

Конь оступился, ударил копытом, и Антон попятился. Потряс головой, приходя в себя. «С хозяйкой своей разбирайся», — пробормотал он и огляделся. Сарай был разделен на четыре стойла; в дальнем углу кое-как поставленные листы фанеры огораживали чуланчик, закрытый на кривую щеколду. Антон мало понимал в лошадях и конюшнях, однако что-то показалось ему странным. Он пару раз обошел сарайчик, заглядывая в денники, сунулся в комнатку, набитую амуницией, и наконец сообразил: здесь не было никакого корма. Ни горсточки овса, ни клочка сена... Он припомнил давний Дашкин ответ на свой глупый — а глупый ли? — вопрос. Никакой каши и морковки. Может, у них вышли все припасы? Антон снова зашел в пустой денник, разбросал ногой опилки и присел, всматриваясь. Ни зернышка, ни травинки.

— Неудивительно, что ты такой тощий, — сказал Антон коню. Тот моргнул и повел боками.

Антон вышел на улицу. Оставались еще загородки. В первой оказались опилки, золотистые, кудрявые, вкусно пахнущие деревом. Он подошел ко второй, отдернул тщательно подоткнутый полиэтилен — и отшатнулся от дикого, невыносимого смрада. Антон согнулся пополам, и его вырвало прямо на навозную кучу.

Пошатываясь, он побрел прочь. Голова гудела, как колокол, и в ней вертелись только две мысли. Первая — конский навоз не может так разить. Вторая — пока Антона выворачивало над омерзительным месивом, он, оказывается, многое успел разглядеть. Большую стеклянную пуговицу. Собачий ошейник. Клочок старой фотографии. Руку резинового пупса.

При воспоминании о крошечной перепачканной ладошке к горлу опять подкатило. Изрыгнув поток желчи, Антон с отвращением вытер рот и обессиленно привалился к дереву.

На обратном пути он изрядно поплутал по лесопарку, уткнулся в конце концов в МКАД и долго выбирался с каких-то окраин, где метро и не предвиделось, а автобусы ходили редко и по странным, извилистым маршрутам. До своей станции пришлось добираться с двумя пересадками, и Антон выбрался из метро только в сумерках — совершенно озверев от давки, но успев принять решение.

Дашка была уже дома — валялась в ванне с журнальчиком. Чуть вздернутый нос был любовно обмазан какой-то белой дрянью из выпотрошенного пробника.

— Принес что-нибудь вкусненькое? — спросила она, заметив краем глаза заглянувшего в ванную Антона.

— Вылезай. Надо поговорить, — сухо сказал Антон и ушел на кухню. Включил чайник и присел у стола, обхватив руками затылок. В голове было пусто. О чем спрашивать? Как заставить ее сказать правду? Что вообще с ним творится, не бредит ли он? Он не знал.

Дашка пришла через десять минут. Вода с мокрых прядей стекала на ключицы, халатик то и дело распахивался. Антон привычно залюбовался ею; потом вдруг заметил — покрасневший нос, прыщик на лбу, выступающий живот... Он отвел глаза и побарабанил пальцами по столу.

— Ну? — подстегнула она.

Антон закурил. Мыслей по-прежнему не было. Антон глубоко затянулся, выпустил дым и, как в омут головой, выпалил:

— Чем ты кормишь своих лошадок, Даша?

— Овсом... — затянула Дашка, хлопая ресницами, — сеном, кашей из...

— Ладно, — оборвал ее Антон и злобно растоптал в пепельнице окурок. — Ладно, — повторил он. — Эту сказку мы уже слышали. Почему Конан покончил с собой?

Дашка округлила глаза.

— Какой Конан?

— Не притворяйся! Он повесился после того, как ты его, мать твою, покатала!

— Да откуда я знаю твоего Конана! Слабак какой-то...

— Вы вылавливаете провинциалов...

— Да нам по фиг, — неожиданно усмехнулась Дашка, и лицо ее стало взрослым и грубым. — Вчера вон один попался... Москвич, блин... Гоа то, Гоа се... Ну и валил бы на свое Гоа! Ур-р-род! — с ненавистью выплюнула она.

Антона передернуло.

— Я не знаю, как это у вас выходит, что вы с этими клячами сделали... — начал он, но Дашка не дала ему договорить.

— А я могу сказать! — выкрикнула она, накручивая себя. — Сказать? Сказать, да?

Антон вспомнил затуманенные глаза Дашки, выходящей из конюшни, и его затошнило.

— Не надо, — ответил он. — Не надо ничего говорить. Собирай вещи...

Антон встал и отвернулся к окну. Прижался к холодному стеклу лбом. Подумал: хоть бы она не захотела уходить. Объяснила бы, что происходит. Тогда они смогут вместе придумать, что делать дальше. Ладно, не надо хотеть слишком многого. Но если бы она оправдалась, соврала, хотя бы заплакала...

— Ты еще пожалеешь... — прошипела Дашка и принялась бросать в сумку свои пожитки.

Они полукругом стояли под его окном — Дашка и ее подруги, верхом на своих полумертвых конях с белесыми глазами. Антон, лежа в кровати, смотрел в потолок и потел от ужаса; сбитая в жгут простыня врезалась в спину, но он не смел пошевелиться. Это был морок, тяжелый ночной морок, и все было часть его: и неудобная постель, и звуки за стеной. Все для того, чтобы он поверил: надо попробовать поговорить с Дашкой, вернуть ее. Надо выйти к ним. Подойти. Перестать сопротивляться. Помочь лошадкам на корм; помочь вечно голодным, алчущим, мертвечиной воняющим древним тварям насытить гнилые утробы...

Под окном ударило об асфальт копыто.

— Да стой ты, пылесос! — прикрикнула одна из девочек.

Антона будто ошпарило. То, чего походя лишили Конана, без чего он не смог жить, — пыль? То, что Антон хранит глубоко в душе, пряча от себя самого, рискуя столкнуться с детским кошмаром, — прах?

Антон встал. Его понесло к дверям, вон из квартиры; он застонал от напряжения, вцепился побелевшими пальцами в косяк. Медленно, шаркая, как старик, вернулся в комнату, упал на колени перед шкафом.

Сверток был на месте. Слава Богу, он был на месте, Дашка не добралась до него или не догадалась перепрятать. Антон злобно отшвырнул в сторону заявление, развернул промаслившуюся старую рубашку, разодрал, срывая ногти, коробку с патронами. «ТТ» лег в руку увесисто и надежно.

Он распахнул окно — девочки снова захихикали. «Прыгай!» — крикнула одна — Дашка? Антон попытался прицелиться, но руки ходили ходуном, и тогда он просто начал стрелять — наудачу, как повезет, пока одна из них не упала с лошади — Дашка? Она свалилась как подрубленная, не издав ни звука, — или Антон просто оглох от выстрелов. Остальные резко развернулись, размахивая стеками, кони тяжеловесным галопом понесли их прочь, а та осталась лежать — Дашка? Антон хотел, чтобы это была Дашка. Антон готов был разрыдаться от одной только мысли, что это могла быть она...

Он понимал, что они вернутся. И понимал, что даже если на этот раз его не поймают, еще раз выстрелить не сможет. Антон поднес пистолет к виску и тут же отдернул, сообразив: не поможет. Наоборот... Он вдруг почувствовал острую благодарность Конану: если б тот не явился на кухню поговорить с Дашкой, Антон бы уже вышиб себе мозги — и оказался полностью в ее власти.

За окном взвыла сирена. Антон аккуратно положил «ТТ» на стол и попытался представить себе тюремную камеру. В голову лезло что-то в духе графа Монте-Кристо: темнота, грубый камень, крошечное окошко под самым потолком... не остров, конечно, но двор, обнесенный высоченной стеной. Огромные, крепкие ворота, за которые никого просто так не пускают. Где дежурят вооруженные люди, которые ни

за что не пропустят сомнительных девиц верхом на дряхлых лошадях. Осененный Антон вскочил и бросился к телефону.

— Я человека убил, — сказал он в трубку. — Или ранил. Но скорее всего убил.

Он продиктовал адрес, присел на краешек кровати и стал ждать.

У дознавателя были толстые седые усы и постоянно суженные, будто от яркого света, зрачки, окруженные почти бесцветной радужкой. Но сейчас его глаза потемнели, а усы обвисли, будто мокрые. Антон все глубже втягивал голову в плечи, уже предчувствуя новый, непредсказуемый кошмар. Дознаватель нависал над ним, как бетонная плита, и рассматривал с брезгливым любопытством.

— Куда твои дружки дели тело? — проговорил наконец он.

— Ка... какие дружки? — шепотом переспросил Антон.

— Это вам лучше знать, что у вас за дружки-извращенцы.

— Нет у меня никаких извращенцев... Какое тело? Что вы несете? — закричал Антон, сообразив наконец, о чем его спрашивают. — Хватит с меня Дашкиного тела! — взвизгнул он.

— Что ж она, по-твоему, сама из морга ушла? — прошипел дознаватель. Рот Антона наполнился медной слюной.

— Из морга? Ушла?! — взвизгнул он и тут же понял, что не чувствует ни капли удивления. — Сама... Она-то? Конечно, сама, — хихикнул он.

— Урод... — просипел дознаватель и влепил ему пощечину. Антон свалился со стула, все еще хихикая, чувствуя, как шевелятся на голове волосы. Ощущение было совершенно новое. Оно показалось Антону таким забавным, что он зашелся от смеха и тут же осекся от страшной боли в груди.

— Не сметь... — прошептал дознаватель и заорал куда-то в коридор: — Врача сюда, живо!

— Я хочу домой, — сказал Антон и свернулся в клубок.

Где-то далеко выла сирена «скорой»; но звук уже затихал и вскоре совсем исчез, проглоченный плотным серым туманом. Человек, правивший телегой, был загорелым и обветрен-

ным — обычный дядька, который много времени проводит на улице, — но Антон сразу узнал его.

— Что ж ты так неосторожно? — укоризненно спросил Человек с черным лицом через плечо. Антон с виноватой улыбкой развел руками. На дне телеги валялись мешки, набитые чем-то мягким; от них пахло соломой, и землей, и открытыми по весне силосными ямами, и лежать на них было удивительно удобно. Старая лошадь, прихрамывая, тащила телегу сквозь мглу.

Послышался скрип, и из серой пелены проступил конский силуэт. Антон напрягся было, но верхом на лошади никто не сидел. Она постепенно выдвигалась из-за тумана, и вскоре уже видна была телега, неторопливо двигавшаяся наперерез. Возница Антона натянул вожжи, пропуская ее. Телега прошла совсем близко. Ею правил высокий, чуть полный человек в очках, с темно-серым, как мокрый асфальт, неподвижным лицом. Он глядел прямо перед собой и, казалось, не замечал их. Антон сглотнул и открыл рот, собираясь окликнуть его.

— Не надо, — тихо сказал возница.

— Куда он? — шепотом спросил Антон.

— В Белохолмск, куда же еще. В настоящий, — с нажимом добавил тот, и Антон, недоумевая, пожал плечами.

— Помогите лошадкам на корм!

Прохожий сунул сотенную бумажку, но девочка обиженно покачала головой.

— Не, я не могу просто так деньги взять, так нечестно.

Глаза у девочки были большие и яркие, как у куклы. Она поправила челку, и прохожий заметил на ее гладком лбу круглый шрам, похожий на сигаретный ожог.

— Кто ж это тебя так приложил? — сочувственно спросил он.

— Да был один козел... — помрачнела девочка. — Вы посидите на лошадке хотя бы, а? У вас фотик в телефоне есть? Мы вас сфотографируем!

Прохожий улыбнулся и, крякнув, полез в седло.

* * *

Глядя вслед Конану, Антон думал, что, конечно, совершенно невозможно жить без добрых воспоминаний — как не может жить разрезанный пополам человек; и что вечное веселье Конана все-таки было маской, раз уж бедняга не нажил в Москве ничего, что помогло бы ему держаться. И о Дашке он думал. О том, как в нее влюблялись или просто стремились будто к желанному трофею, и она раз за разом капризничала, изводила, но в конце концов впускала этих людей в себя — а они оставались ей чужими. Как ревность и обида разъедали Дашкину душу, пока такой же обиженный город не поглотил ее, не сделал своим орудием. И о себе думал, о том, что был таким же черствым чужаком, и о том, что все-таки спасся, сбежал, хоть и высокой ценой, но остался собой, целым, а не обглоданным...

Конана скрыла мгла. Лежа на мешках, Антон задремал, а потом проснулся и стал смотреть вперед, туда, где мелькали уже какие-то цветные отблески. Впереди горбился возница, загораживая обзор, и Антон, взволнованный приятным предчувствием, привстал, чтобы лучше видеть.

Прошло совсем немного времени, и из тумана, в окружении сопок и белопесчаных озер, встал город О. И тогда Антон все понял и закричал, молотя кулаками в спину Человека с черным лицом, но тот даже не обернулся, было уже поздно, и теперь Антону навеки предстояло существовать в воображаемом городе, сотканном только из добрых воспоминаний, — единственному живому среди призрачных мертвецов.

Александр Щёголев

ПЕСОЧНИЦА

В «зыбучку» они вляпались на заброшенной детской площадке.

Ну бред же, бред натуральный! Город, закатанный в асфальт и бетон, утрамбованный миллионами ног и колёс, — конечно, странное место, опасностей тут хватает, но в этот список никак не входят зыбучие пески. Не иначе, материализовались выдумки какого-нибудь кататонического шизофреника.

Или сама Вселенная сошла с ума.

Ночь светла...

Белая ночь. Май подходит к экватору. В четыре утра уже светло, а народу — никого, ни в спящих переулках, ни в этом укромном уголке.

Молодые люди завернули сюда, чтобы срезать угол и напрямую выскочить на проспект. В лабиринте грязных дворов и двориков, переходящих один в другой, кто-то бы потерялся, но только не они... Завернули — и встали. Вернее, сначала встал Барсуков. Лисицын пробежал пяток шагов и вернулся.

— Что замер, о путник, печалью сражённый?

— Да вон. — Барсуков показал. — Кепка.

Головной убор был насажен на палку, торчащую из песка. Типа флаг. В свои лучшие времена этот огрызок служил штангой футбольных ворот, а теперь кто-то использовал его как флагшток.

— Ты хочешь сказать, мой глазастый друг, что сия вещица осталась от того урода? — осведомился Лисицын.

Барсуков молча пожал плечами. Что тут говорить? Она и есть. Выцветшая заношенная бейсболка, бывшая когда-то понтовой. С зеркальным козырьком, покрытым сетью мелких

© А. Щёголев, 2010.

трещин, с полустёртой надписью «БУДЬ ДРУГОМ». Парень, похоже, рванул тем же маршрутом. Далеко ли ушёл — непонятно. Очень бы не хотелось снова с ним столкнуться.

— Переждём, — решил Лисицын. — Хватит с нас сюрпризов, семейных драм и человеческих трагедий.

Хватит — значит хватит. Лисицын пришёл в архитектурный после армии, был на два года старше, так что командовал по праву старшинства.

Сели на качающуюся скамейку, подвешенную на ржавых цепях. Когда-то в этом дворе была нехилая детская площадка: «горка» в форме слонёнка (ныне поваленная набок), каруселька (просевшая на грунт), качели обоих видов. Футбольное мини-поле — простенькое, песком присыпанное, плавно переходящее в песочницу. У песочницы целым остался один-единственный борт — доска с торчащими гвоздями.

Кому, спрашивается, взбрело в голову устроить в помоечном углу этакое счастье? Да просто раньше на месте гаражей стояли двухэтажные жилые времянки-развалюхи, построенные ещё немцами. С тех времён осталось лишь мёртвое пространство, ограниченное железом и двумя сумрачными брандмауэрами, расположенными под прямым углом. Окурки, бумажки, смятые жестяные банки. Изнанка мира.

«Брандмауэр» в переводе с языка архитекторов означает противопожарную стену — без окон, без дверей. Так вот, одна из здешних стен не была совсем уж глухой: на уровне второго этажа темнело окошко, единственное на весь двор, пробитое, вероятно, жильцами самовольно.

...Не сговариваясь, вытащили сигареты, закурили.

— А поведай, друг мой правдивый, что ты думаешь по поводу всего того говна? — Лисицын потыкал большим пальцем себе за спину. — Мы капитально влипли. Ага?

— Зря сбежали, — откликнулся Барсуков с тоской. — Дурь в салате осталась. Не отбрешешься.

— Вернуться?

— Ну... если сопрём салатницу, Лосева обо всём догадается.

— Лосева... — сморщился Лисицын. — Боюсь, она и так в принципе обо всём догадалась, только не на салат грешит, а на кофе или тоник... Блин, а ведь застряли! Мост разведён...

Было зябко. Одетые не по погоде (без курток, в простых рубашках) молодые люди чувствовали себя неуютно. Барсуков вышел через мобильник в сеть и посмотрел график разводки мостов.

— Нормально. Скоро откроют.

— Хорошо бы эту Лосеву тоже... того, — обронил Лисицын как бы невзначай.

Барсуков окаменел. Сигарету до рта не донёс, так и застыл.

— Чего — того?

— Какой ты всё-таки инфантильный, Барсуков. «Того» — это того.

— Одного трупа мало?

— Ну, я не знаю, — обиделся Лисицын, суматошно всплеснув руками. — Я стараюсь измыслить, как нам спастись, так и сяк прикидываю, а он мне — язвит! Молод ишшо — язвить!.. Короче. Быстро соображаем, где мы провели ночь. Во-вторых, ежели заткнуть Лосевой рот, никто не скажет, что мы были в квартире.

— А тот урод?

— А тот урод первый на подозрении. Его слово против нашего. Тем паче когда на месте происшествия найдут какую-нить его вещицу... — Лисицын, прищурившись, посмотрел на кепку, висящую на футбольной штанге. — Ну, что приуныл, дружочек?

Барсуков заплакал.

Был ли труп? Не факт.

Воспоминания роились, как рассерженные пчёлы, забирались под череп и жалили мозг... Лосева ещё верещала наверху, выкликая имя упавшей с балкона подруги, а парни уже сыпались вниз по лестнице, застёгивая на ходу ширинки. Окно между первым и вторым этажами было раскрыто, и Барсуков притормозил, выглянул, перегнувшись через подоконник. На асфальтовой дорожке лежала большая кукла — так ему поначалу показалось. Спустя мгновение он рассмотрел детали... зачем, спрашивается, выглядывал? И так ведь мутило. Собрался было стошнить, как вдруг тело шевельнулось... вроде бы...

Или нет?

Картинка стояла перед глазами — бьющая, контрастная, — но имела ли она отношение к реальности? Не подбрасывало ли подсознание липовых дровишек в костёр надежды?

И всё-таки тело, ухнувшее с пятого этажа, слабо шевелилось...

Судя по вмятине на жестяном листе, Белкина сначала ударилась о покатый козырёк над входом в подвал, — это смягчило падение. Голая. Одеться не захотела. Вожделенная плоть, бывшая час назад едва ли не смыслом жизни Барсукова, теперь вызывала отвращение и жалость. Умница, красавица Белкина... зачем же — так? Отличница, образцовая студентка. Хрупкая — словно из хрусталя...

Если она осталась жива и если расскажет всё по правде, подумал Барсуков, тогда, возможно, они с Лисицыным легко отделаются, потому что за свободный секс у нас пока не сажают. А если разбилась насмерть? Вскрытие не просто покажет, что жертва была под кайфом, но и даст представление о способе, которым кайф был доставлен в организм. И тогда...

Барсуков вытер слёзы рукавом.

— Белкину жалко, — сказал он.

— Разделяю. Симпатишная была девушка, стройная, как тополь, высокая, как кипарис. Или наоборот.

— Может, выживет?

— Надежды юношей питают, отраду старым подают, — произнёс Лисицын с выражением.

— Кончай прикалываться, — разозлился Барсуков. — Не «надежды», а «науки». Науки питают. Грамотей... Как ты думаешь, если Белкина жива, будут ей делать тест на наркоту или нет?

— Я не прикалываюсь, дружочек. Ход твоих мыслей понятен, и чаяния твои я приветствую, но предлагаю не отдавать себя на волю обстоятельств. Удача ветрена, а нам нужны гарантии... Сбегай, принеси-ка сюда кепочку.

«Дружочек»...

Похоже, Лисицын всё для себя решил. Вернуться к Лосевой в квартиру, подбросить улику на балкон — и шито-

крыто. Урод с плебейским именем Вася не отвертится. Была ли у Белкиной ссора с её котиком Васей? Разумеется, была — непосредственно перед падением. Да, товарищ следователь, эти ненормальные выясняли отношения как раз на балконе. Нет-нет, самого момента не видели... А Лосева? Спала Лосева, хоть из пушки бей. Перепутала, наверное, свои сны с явью...

— Сам сбегай, — сказал Барсуков, как гавкнул.

— Что за капризы, детёныш?

— Нашёл детёныша!

— Ладно, я не гордый, — соврал Лисицын и встал со скамейки.

Он переступил через бортик бывшей песочницы...

Успел дойти до футбольного поля (четыре размашистых шага), прежде чем повалился на бок и страшно закричал.

Асфальт и песок

А как всё начиналось...

Ещё днём их четвёрка была сплочённой командой, прозываемой в универе то Лесным братством, то Зверофермой — в зависимости от контекста. Иногда — Зелёным уголком, но это для своих. Никто уже не помнил, что их в своё время соединило; возможно, как раз шуточки насчёт «звериных» фамилий. Это ведь прикольно — дружить по такому принципу...

Студенты — как дети, даже выпускники.

Ещё утром они были счастливцами-дипломниками, вышедшими на финишную прямую. Именно сегодня они, вся четверка, защитили эскизы. А что такое подача эскиза? Это когда проекты, выполненные группой, выставляются в коридоре (куча подрамников!). Идёт комиссия, составленная из преподавателей курса. Только после такого смотра готовности выпускники получают «добро» на итоговые чертежи и расходятся по мастерским, чтобы снова встретиться с преподавателями уже на финише.

Подача эскиза — это последняя ступенька перед дипломом. Большой праздник. Дальше — только уточнять и вычерчивать.

Но если праздник, то как его не отметить? Непременно отметить!

— Предлагаю поделиться друг с другом радостью, — сказал Лисицын там же, в институтском коридоре. — Свою отдам бесплатно, просто так. Без задних, а также без передних мыслей.

— Передние мысли оставьте на июнь, мальчики, — ответила практичная Лосева.

— И всё-таки, — настаивал Лисицын. — Где вы летаете сегодня вечером, о пушинки нашего счастья? Мы с маркизом (он обнял Барсукова за плечи) откроем форточку и будем ждать западного ветра.

— Нет уж, лучше вы к нам.

Вот и договорились. Легко и естественно. Лосева — из обеспеченной семьи, в её здоровенной квартире обычно и устраивали посиделки; там был и творческий штаб, и студия для работы, и просто кино посмотреть. Вдобавок родители Лосевой весьма кстати отбыли на недельку в Эмираты.

Некто Василий, бессменный парень Белкиной, работал нынче в ночь, смена с восьми, то есть путаться под ногами (как оно обычно происходило) не смог бы при всём желании. Это обстоятельство было особо ценным.

«Если не сейчас, то никогда», — шепнул Лисицын Барсукову.

— Помоги! — воззвал Лисицын. Тоненько, истерично. Не своим голосом, как пишут в романах.

Сработал рефлекс: Барсуков рванулся к другу-приятелю. Почему бы, спрашивается, не остаться ему на месте, не выждать секунду-другую? Может, сумел бы понять, что происходит. Нет, побежал... И словно земля ушла из-под ног. Чрезвычайно пугающее ощущение, даже сравнить не с чем. Барсуков застыл, с ужасом глядя вниз. Кроссовки провалились в песок — и продолжали проваливаться. Он выпрыгнул из обуви. Толку мало: ноги моментально увязли по лодыжку. И тогда Барсуков сделал то же, что Лисицын, — упал, но не боком, а назад, на спину, попытался ползти обратно, к краю песочницы... что-то помешало.

Лисицын держал его за штанину.

И ведь были, были у Барсукова шансы вылезти! От спасительной тверди его отделяло всего-ничего в отличие от приятеля, который имел глупость забраться дальше. Несколько змеиных движений — и конец бы кошмару...

Лисицын цеплял его мёртвой хваткой.

— Вытащи меня!

— Пусти! — заорал Барсуков, неистово дергая задницей. Паникующий сокурсник не сдавался, и тогда Барсуков дотянулся, разжал его пальцы, оттолкнул чужую руку.

— Дрянь... — простонал Лисицын.

— Идиот!

Вся эта дурацкая борьба, всё эти дёрганья привели к тому, что Барсуков глубже ушёл в песок — по колени... по бедра... Упустил тот единственный миг, когда можно было вот так просто вырваться. Гигантская пасть методично и беззвучно заглатывала обе жертвы, и нечего было противопоставить этой нечеловеческой силе.

Лисицына засосало уже по пояс. Старший товарищ опережал младшего — сволочь, дурак, паникёр. Если б не он, если б не его рука...

Барсуков сорвал с себя рубашку, бросил её, как верёвку, стараясь зацепиться за остатки бортика, окружавшего когда-то песочницу. Вернее, за торчащие из древесины гвозди. Попал! Принялся подтягивать себя к берегу. Рубашка держалась. Ещё одно осторожное движение... Доска оторвалась. С-сука!.. Гниль, старьё...

Он разом провалился глубже, растеряв все отвоёванные сантиметры.

Телу было холодно и тесно. Ноги в синтетических носках быстро мерзли.

Спокойно, без паники. Подтянуть доску к себе. Длинная, метра полтора-два. Берег сходится под прямым углом. Длины доски вроде бы хватает... едва-едва, но хватает. Упереть концы в землю... Игра в миллиметрики, сдвинь чуть-чуть, и — всё.

Теперь — не шевелиться...

Барсуков застыл, навалившись на спасительную жёрдочку. Падение прекратилось, положение стабилизировалось.

Лисицын сзади отчаянно воскликнул, дав «петуха»:

— Да что за хрень?!

Барсуков обмер и медленно повернул голову. Нет, ничего особенного, просто «дружочек» терзал мобильный телефон, желая дозвониться до экстренной службы.

— Не включается, гад. Промок.

— Я попробую, — загорелся Барсуков. Достал свой моноблок... Тщетно. Испорчен.

— Вода, вода, кругом вода, — сипло пропел Лисицын и закашлял. — А ведь это жопа, господа.

Вульгарность его была понятна: он ушёл в песок по грудь и, похоже, тормозить не собирался.

— Это зыбучка, а не жопа, — сказал Барсуков.

— Откуда — здесь?

— А я знаю? Почву размыло. Может, канализацию прорвало, может, водопровод.

— Я слышал, в зыбучках не тонут, а застревают, как в цементе.

— Значит, у нас что-то другое.

— У нас кошмар токсикозный. Крыша поехала в доме Облонских...

— Слушай, Облонский, — сказал Барсуков с ненавистью. — Если б ты меня за штаны не хватал, я б тебя уже вытаскивал.

— Ты бы сбежал.

— Я — не ты.

— Я — не я, ты — не ты... Это сон! — убеждённо заявил Лисицын и засмеялся. — Я сейчас проснусь!

Блюдо готовили у Барсукова. Неимущий Лисицын жил в общаге, так что ничего, кроме художественного руководства, предложить не мог. А у Барсукова — квартирка. Маленькая, но своя,

Сковорода злилась, трещала и плевала растительным маслом. Высыпали стакан травы и как следует это дело прожарили. Действующее вещество благополучно перешло из конопли в масло... Трава была канадской, с «мохнаткой», — продукт оф-ф-фигеный! Содержание ТГК до двадцати процентов! Ре-

бята из Академии художеств где-то надыбали и поделились... Затем — лук. Две здоровенные головки, мелко нарезанные, попали туда же, в кипящее и шкворчащее. Лук — обязательно, чтоб отбить специфический запах.

Готовым маслом со сковороды залили морковь по-корейски, купленную в супермаркете. Морковь по-корейски — удобная штука, ибо в мешанине специй любой посторонний вкус растворяется без остатка.

Настала очередь тоника с хиной, безалкогольного, естественно. В полуторалитровой пластиковой бутыли растворили «экстази», растолченную в порошок. (Снадобье было горьким, потому и взяли тоник.) Дилер, продавший отраву, обещал «весёлые картинки», иначе говоря, таблетки содержали, кроме стимулятора, ещё и галлюциноген.

Именно то, что надо.

С этаким набором лакомств и пошли в гости.

Звук, неуместный в этой тишине, заставил жертву встрепенуться. Как будто оконные рамы стукнули. Барсуков поискал глазами и нашёл источник звука: точно, рамы. Окно в брандмауэре — то единственное на всю стену... открылось!

Он завопил во всю мощь лёгких:

— Помогите!!!

Досочка, на которую он опирался, опасно дрогнула, чуть не сорвавшись. В окне, однако, никакого отклика. Даже свет не зажёгся.

— Вызовите милицию!

Из тьмы выплыл человеческий силуэт, застыл у подоконника... женщина... да, женщина или девушка. С каким-то предметом, поднесённым к лицу... Несколько секунд Барсуков напряжённо всматривался, прежде чем понял, что же это такое у неё в руках.

Видеокамера.

Жительница двора снимала происходящее на видео.

— Вы там сдурели?!! Позовите кого-нибудь!!!

— Спокойно, это глюки, — мёртвым голосом произнёс Лисицын. — Штырево не рассчитали. Утром проснёмся — оборжёмся... если проснёмся...

— Девушка, ну пожалуйста! — Барсуков помахал рукой и опять чуть не сорвался.

Вот теперь реакция была. Хозяйка окна отступила, не прекращая съёмку, и скрылась из виду. Стеснительная, наверное. А рамы распахнула, чтобы качество картинки было лучше... Может, и вправду глюки?

Барсуков оглянулся на Лисицына. Тот погрузился в песок по плечи. Приятеля засасывало неудержимо и жутко, жить ему оставалось всего-ничего.

— А я, представь, обделался, — доверительно сообщил Лисицын. — Натуральным образом. И по большому, и по маленькому... Чего не ржёшь? — Он хихикнул.

— А надо?

— Не знаю. Даже в армии не было так страшно. Загнали взвод в болото и заставили просидеть там полные девять суток. Проверяли, кто из нас выживет и с катушек не съедет. Чуть дуба не дали, и вот — снова. Продолжение, как говорится, преследует... — Он всхлипнул. — Как ты думаешь, за что нас так?

— В каком смысле?

— Ну не случайно же вся эта чертовщина.

— Кто-то умный сказал: посади мужика в тюрьму на пятнадцать лет без объяснения причин, он в глубине души будет знать, за что.

— Ты ведь жалеешь, как мы с девчонками поступили?

— Иди к чёрту.

— Иду. Куда тут ещё идти-то. Внизу — ад. Он всегда внизу, под ногами. Чем ниже сползаешь, тем ближе к аду. Вся наша жизнь — спуск вниз, даже если тебе кажется, что ты ползёшь наверх... — Утопающий выстукивал зубами чечётку. Он бормотал и бормотал и, похоже, остановиться больше не мог. Процесс непроизвольного опорожнения кишечника привёл к закономерному итогу: Лисицыну приспичило опорожнить душу.

Жалел ли Барсуков о сделанном? Сердце щемило, стоило только вспомнить про Белкину, а также про бело-розовую куклу, шевелящуюся на асфальте. И даже нынешний ирреальный кошмар не мог вытеснить эту боль, этот стыд...

Но если восстановить в памяти всю ночь целиком, во всей совокупности кайфа и грязи, разве не захотелось бы герою

пройти этот путь заново — вплоть до песчаной трясины? Кто знает...

— Так что не жалей ни о чём, иначе подыхать тошно, — донесся до него лихорадочный шёпот.

Праздник разверзшихся врат

Ах, Белкина, Белкина... Простая и непостижимая. Близкая и недоступная. Девочка-виденье...

Барсуков был влюблён.

Полгода — да что там, уже год! — они с Лисицыным тщетно пытались подпоить несговорчивых согруппниц. Лисицын давно облизывался на Лосеву; не то чтобы запал на неё, однако был не прочь. Барсуков же медленно сходил с ума. Белкина его откровенно использовала, и все это прекрасно понимали. Взглядами, улыбками, прикосновениями она как бы обещала нечто взамен — и умело играла в непонятки, стоило проявить хоть какую-то инициативу. Динамщица — так это называется... Барсуков готовил подачи, делал ей обводки и отмывки, дарил идеи проектов. Даже клаузу́ру дипломного проекта (городок молодых животноводов) она нарисовала, пользуясь его почеркушками!.. И что? Ничего, кроме спасибо.

Барсуков, мало того, договорился со своей матерью, начальницей архитектурной мастерской, насчёт подробного макета! Белкина как раз сегодня ходила туда с эскизом...

И пусть у неё был парень, с которым она жила фактически гражданским браком, — пусть. Полное убожество. Девять классов образования, пьющий ревнивец. Вдобавок провинциал — откуда-то из-под Вологды. На прямой вопрос, что в нём особенного, Белкина отвечала уклончиво: дескать, просто люблю его... Ну не отговорка ли? Чистейшая отговорка!

Так вот, к вопросу о спиртном. Девчонки не пили. Соки, лимонады, чай, кофе — это пожалуйста, а чуть покрепче — гранитное «нет». Строгих, видите ли, правил. И строгость эта распространялась на всё прочее! Увы, шалости, до которых парни столь охочи, они поддерживали только на словах — в

двусмысленном шутейном трёпе. А чуть всерьёз — дистанция блюлась жестко: дескать, мы ведь друзья, разве этого мало? Лесное братство, называется... Какая такая «дружба» может быть между парнем и девчонкой в 23–24?!! Да и вообще, дружба — это что, препятствие для нормальной человеческой близости?

Бред, короче.

В конце концов, при таком перманентном обломе, завалить Лосеву стало для азартного Лисицына чуть ли не спортом. Что касается Барсукова, то он, страдалец, дозрел до того странного состояния, когда страсть дополняется ненавистью. В таком состоянии мужики готовы на всё.

А к чему ещё эта издевательская ситуация могла привести?

Рано или поздно гнойник прорывается.

Напоить — верное средство добиться от женщины ответного чувства хотя бы на несколько минут. Но что делать с прелестницей, которая категорически отказывается от алкоголя? Которая дразнит, а дальше — ни в какую... Ответ: напоить тайком.

И не обязательно спиртным. Напоить — это в широком смысле.

Зря, что ли, продвинутые люди придумали химию, безвредную и весёлую...

...Сигарету с «травкой» девчонки прочухали бы с первого прикура, так что этот способ не годился. Единственный путь к их мозгам лежал через запасной вход, то есть через пищеварительный тракт. Фокус с салатом, заправленным специальным маслом, предложил бывалый Лисицын. Говорит, однажды проделывал такое. Марихуана — как стартёр, запускает процесс, смещает сознание. Только одной «травки», к сожалению, мало, на либидо она не действует. Нужно добавить стимулятор, сказал Лисицын. Например, амфетамин, оборот которого практически легален. Ещё лучше «экстази» — амфетамин с глюками. В сочетании с «травой» это средство просто взорвёт реальность; главное, самим принять поменьше, потому как на потенцию всё это влияет не в ту сторону...

А когда Барсуков засомневался, озабоченный моральной стороной дела, старший товарищ доказал на пальцах, что тот не сечёт фишку. Сколько женщину ни пои, объяснил Лисицын, она не возляжет с тобой на ложе, на ковёр или на кухонный стол, если в глубине подсознания этого не хочет. Алкоголь только растормаживает спящие в ней желания. Ровно то же с наркотой. Если Белкина ДЕЙСТВИТЕЛЬНО такая однолюбка, какой себя выставляет, никакая химия не пробьёт её на трах с посторонним. А если пробило — значит сама хотела. Ещё и благодарна будет...

Барсуков согласился.

Оставалось найти повод. Дождаться дня, когда группа торжественно спихнёт эскиз, и — приятного аппетита, подруги...

Лисицын тонул.

Утончённый интеллектуал, пижон и циник. Местами — остряк. Прирождённый гуляка, генератор всех затей, которыми славилась эта парочка. Тонул — без помощи, без надежды...

Во дворе по-прежнему никого. Барсуков всецело занят своими проблемами. Стерва с видеокамерой то проявляется в оконном проёме, то растворяется во тьме комнаты.

— Не хочу... пожалуйста, не хочу...

Сегодня циник был жалок.

Из песка торчали только голова и руки. Всё — серого цвета. Руками он пытался найти хоть какую-то опору, думая замедлить падение в бездну.

— Это конец, Барсуков...

Да уж, ничего в нём от пижона не осталось: один концентрированный ужас. Стремительно бежали секунды. Человека неудержимо тащило в глубину, к центру Земли.

В ад.

Лисицын завыл. Трусливый зверёк, живущий в каждом из нас, больше не верил в слова. Ещё несколько секунд — и над поверхностью осталось плоское лицо, на котором бешено метались глаза. Рот, живший как будто отдельно от этого лица, сражался с песком. Барсуков отвернулся.

— Помо... — выдохнул утопающий.

Барсуков зажмурился.

— ...ги...

Всё.

Тишина стала абсолютной.

Крутануть рукоятки

— Привет.

Девочка стояла возле песочницы. Как появилась, когда подошла? Барсуков не заметил: наверное, слишком был увлечён трагическим зрелищем. Гибнущий на твоих глазах товарищ — это сильная сцена.

— Привет, — механически отозвался он, не сразу врубаясь что к чему.

— Тонешь? — спросила девочка.

Он вдруг осознал.

— О Господи! Стой, ты мне сейчас поможешь...

— Я? — удивилась она.

— Принеси какую-нибудь доску подлиннее. Поищи сбоку от гаражей. Или трубу какую-нибудь, знаешь, такие тонкие, от водопровода...

— Почему?

— Если ржавая, бери, не бойся. Только поскорее! — жарко закончил он.

— Почему я тебе помогу?

На секунду он оторопел.

— Как — почему?

— Ты уверен, что я тебе помогу. Почему? — Она смотрела на него с любопытством.

Малявке на вид — девять или десять... а может, все двенадцать, поди разбери. Тощая, мелкая. Одета очень характерно: в несвежую большую куртку с подвёрнутыми рукавами, в джинсы, обрезанные внизу. Кроссовки размера на два больше и с верёвками вместо шнурков. Куртка расстёгнута, под ней — футболка непонятного цвета. Бомжует ребёнок. Несчастное существо, дитя нашего времени.

— Милая, хорошая, не знаю, как тебя зовут... Если ты ничего не сделаешь, я умру. Понимаешь? Сдохну.

— Мотылькова.

— Чего?

— Мотылькова моя фамилия. Но тётки прозвали Птахой.

Девочка подобрала камень, кинула его на детскую площадку и понаблюдала, как песок поглощает это новое угощение.

Руку её возле кисти украшал бубенчик на тесёмках. Фишка такая. Подростки не могут не подчёркнуть лишний раз свою индивидуальность, особенно девчонки — какой-нибудь заколкой, пуговицей... Тесёмки были завязаны бантом, а бубенчик был тусклый, обшарпанный — других на помойке не найдёшь, — он не звякал, а шуршал.

Барсуков взмолился:

— Ну не стой ты столбом! Кабель найди или провод. Один конец привяжи к скамейке, другой — мне брось... а лучше всего — беги на проспект и кого-нибудь приведи...

Она молча двинулась с места. Только направила стопы вовсе не на свалку или в глубь проходных дворов, а по краю детской площадки; сначала — вдоль песочницы, потом осторожно вступила на футбольное поле, проверяя носком кроссовки каждый шаг. Хочет определить границы «линзы», догадался Барсуков, или как там эта зыбучая хрень правильно называется? Конечно, самое время.

— Откуда ты такая взялась, — прошептал он себе в нос.

Малявка услышала.

— Живу в том подвале. — Она показала на один из брандмауэров. — Видишь щели внизу? Это окошки в подвал. Проснулась от криков, пошла посмотреть. Подъезд с другой стороны дома.

Странно она всё-таки изъяснялась — как взрослый человек, а не как ребёнок. Что добавляло происходящему бредовости. И так-то Барсуков с большим трудом удерживал себя в реальности, каждую секунду рискуя соскочить с этой тонкой грани, но появление аномальной бродяжки с её издевательскими «почему?» лишало его воли к жизни... Он не выдержал:

— Ну что за двор такой? Полтора человека, и те чокнутые!!!

— Много таких дворов. Я видала и хуже.

— И везде смерть на видео снимают?

— А, ты про эту, из девятой квартиры.

— Про неё тоже, про тварь поганую. Что, во двор трудно выйти?

— На улицу она не выходит, только в сеть.

— А позвонить в службу спасения?

— Телефонным соединением давно не пользуется, только выделенкой...

Девочка добрела уже до бывших футбольных ворот и сняла висящую на штанге кепку. Половина пути была ею освоена, пределы зыбучки вырисовывались теперь довольно ясно. Но чем это могло помочь попавшему в ловушку беглецу?

Сил почти не осталось, ни физических, ни душевных. Вдобавок Барсуков совершенно промёрз. Ноги заледенели, тело теряло чувствительность. Руки ещё держали, но это, похоже, ненадолго. Если ничего не предпринять, то организм скоро скажет «отстань, противный» и, прощально пукнув, отправится вдогонку за Лисицыным...

Вечер и ночь вышли на славу. Особенно ночь.

Сидели в квартире у Лосевой. Два мальчика плюс две девочки — без пап и мам. На полу, на диване и креслах валялись черновики будущих пояснительных записок и всевозможные наброски-почеркушки, на столике было выставлено незамысловатое угощение (бутерброды, крекеры).

— Что это? — хором воскликнула женская половина компании, когда из сумки появилось блюдо-сюрприз.

Морковь по-корейски, освобождённая от целлофана, отлично пошла под тоник с хиной. Проголодавшиеся красавицы уминали остренькое в четыре руки, запивая всё это сладкогорькой газировкой. Кавалеры, как истинные джентльмены, уступили им право дегустаторов.

— А теперь серьезно, — вещал Лисицын. — Все встали и сделали лица. Мы выдержали эту часть испытаний, я говорю про творческую мысль величиной метр на метр, заключённую в наших эскизах. Проекты из журналов не передирали, законные требования комиссии удовлетворили... Удовлетворили.

Фу, какая двусмысленность... Но! Любое хорошее дело обязательно оставляет в душе мутный осадок. Всё ближе день, когда нас разбросает по городам и весям. Так повернём же все рукоятки вправо, до упора, как призывали когда-то хиппи, последние носители любви!

— Не дождетесь, гражданин Гадюкин, — откликнулась Лосева. — Гадюкин — это не ты, это цитата.

— Белкина, а ты что думаешь о рукоятках любви? Молви чего-нибудь. Можно всего три слова, три магических слова, которые женщина обычно говорит мужчине.

— Вот они: «Пошел вон, дурак».

Каннабинолы всасывались в кровь, концентрация «дури» в масле была высокая, так что девочки быстро поплыли без вина, теряя над собой контроль. Всё как обещал Лисицын. Не пьют, а пьянеют. Мужик сказал — мужик сделал. Хорошо, что тошнить никого не начало, а то могло. А потом... потом в беззащитные мозги ударил амфетамин из тоника. С «весёлыми картинками» в качестве бонуса...

Пульсировала «клубная» музыка, способная сама по себе ввести человека в транс. Не зря этой дрянью пропитывают танцполы — чтоб клиентов штырило с гарантией. Лисицын врубил музон, когда пришло время, вдобавок сладострастно вывел громкость на полную. «Все рукоятки вправо...»

А скрытые желания, как выяснилось, студенток и вправду переполняли. Лосевой сорвало тормоза сразу, будто и не было их, тормозов. Вот уж кто сдерживал свою истинную природу! Ясно, почему она избегала спиртного. Принялась остервенело кидаться диванными подушками, потом, исполнив заднюю подножку, повалила на них Барсукова. На поцелуи отвечала пять за один. Целовалась, как кобра — бросками. Лисицын пристроился без спросу, медленно снимая с барышни свитер. Она извивалась, выписывая задницей «восьмёрки». Белкина застряла, стоя на четвереньках — сосредоточенно подсчитывала паркетины красного цвета в мозаичном паркете, — о ней вспомнили и вернули в компанию, влили остатки тоника... С Белкиной пришлось повозиться: пасть перед ней на колени, провозгласить её королевой, поцеловать коленку. Целовали сквозь джинсы. Потом ей сказали: повелевай! Помогли залезть на стул — оттуда удобнее повелевать. И принялись в два го-

лоса вымаливать разрешение развязать декоративный поясок на её кофточке (кофточка была на кулисках с бамбошками). Королева милостиво позволила. И пока Барсуков зубами развязывал кулиски, Лисицын объяснил Белкиной, что к чему. Здесь, в этом дворце, она — всё. Нет, не так: здесь она ВСЁ. А там — никто, пустой штамп на ватмане. Где — там? Да у Васи, где! Там её чморят ревностью и бытом. Чморят ведь? Чморят. (Повторяем все вместе!) Чмо-рят! Лодка любви давно разбилась о быт...

Убалтывать баб — это «конёк» Лисицына. Слова, им произносимые и повторяемые Барсуковым, словно приподымали бывшую недотрогу. Безо всяких «словно». Вот она уже парит под потолком, раскинув эфирные крылья расстёгнутой кофточки. Где-то внизу ползает Лосева, заражая всех безумием и хохотом... Подданные хватают взлетевшую королеву за джинсы и тянут на себя. Она брыкается, играет длинными ногами. Джинсы не даются, их надежно держит пуговка и застёжка-«молния». Лосева, защищая подругу, душит Лисицына лифчиком. Полный отвяз и расколбас!.. И вдруг, отпустив добычу, в красивом прыжке Лосева ловит Белкину, прижимает её к полу. «Пуговку — зубами!» — командует Лисицын, и Барсуков — тут как тут...

Когда терять, кроме трусиков, было уже нечего, сдалась и королева.

И всё завертелось...

Надеяться не на кого, подстёгивал себя Барсуков. Что, если рискнуть, передвинуть доску поближе к углу площадки? Маленький осторожный рывочек. Если удастся — повторить. Сантиметр за сантиметром — к берегу. Ну-ка...

Оба края доски соскочили.

Блин!

Пока он в панике и суете восстанавливал статус кво — просел едва не по плечи. Держаться стало гораздо труднее, вдобавок в доске наметилась трещина. Гнилое дерево опасно потрескивало. Руки получили хорошую порцию заноз и ссадин. Ноги без опоры остро ощущали разверзшуюся внизу бездну...

Ад, о котором говорил Лисицын.

— Не получилось? — сочувственно сказала девочка. Она, оказывается, уже вернулась: смотрела сверху вниз.

— Нашла бесплатное шоу? — взъярился он. — Взрослый мужик вот-вот пустит пузыри у тебя под ногами!

— Я много раз видела, как пускают пузыри. Так себе шоу.

И опять Барсуков попал в лёгкий ступор. Вот тебе и «птаха»... Что сказать ребёнку, который видел, как умирают, какими словами пробить коросту его безразличия?

— У тебя есть родственники? — бросил он наугад.

— Был брат, но я его не помню. В детдоме когда-то сказали, что он сидит в тюрьме, но я не верю. Это они со зла.

— А родители?

Она не ответила. Тряхнула рукой, словно проверяя, на месте ли её фирменное украшение. Бубенчик отозвался натужным шуршанием. Почистить бы его: в металлический шарик набились пыль и грязь...

— Ладно, извини. Если бы сейчас твой брат тонул, ты бы протянула ему руку?

— Ты — не мой брат.

Это был тупик. Хотелось выть. Перепуганный зверёк, запертый в груди, требовал выпустить его на волю... Барсуков спросил, страшась ответа:

— Ты что, совсем не хочешь мне помочь?

— Какая разница, чего я хочу. Не это важно.

— А что, что важно?!! — проорал он.

— Важно, что мы делаем, а не то, что мы хотим. Вот, например, ты.

— Что — я?

— Ты потом съездишь на Автовокзал?

— Когда — потом?

— Ну, потом. Когда вымоешься, выспишься, позавтракаешь...

— Зачем?

— Вот видишь, даже не знаешь — зачем.

Барсуков вдруг ощутил себя полным идиотом. Бред множился, пускал побеги, поворачивался новыми гранями, бред засасывал почище зыбучки, и было большой ошибкой поддаться ему.

— После того, как я вымоюсь и позавтракаю, — всё, что пожелаете, — желчно сказал он. — Удочерю вас, милая барышня. Завещаю квартиру и свой любимый аэрограф...

— Отдай кошелёк.

— Опа! Если отдам, ты мне поможешь?

— Нет.

«НЕТ, НЕТ, НЕТ...»

Что это — эхо во дворике или навязчивые повторы в мозгу жертвы? Психоз вскрыл череп и помешивал мысли ложечкой. «Она не поможет... Это конец... Не поможет... Конец...»

Уцепившись понадёжнее за шаткую жёрдочку, Барсуков подтянул свою рубашку, застрявшую в тёмной массе. Кожаный бумажник лежал в нагрудном кармане.

— Забирай, — сказал он, бросая бумажник на грунт. — Деньги протри, накупи себе сладостей и съешь их за упокой моей души.

Бродяжка, однако, ничуть не заинтересовалась добычей. Она присела перед Барсуковым на корточки и задумчиво произнесла:

— А может, помогу.

Жизнь удалась

Со стороны проспекта донеслись звуки сирены: пронзили ночной воздух и смолкли. Через минуту сирена проявилась где-то неподалёку: вякнула и опять заткнулась. Милиция или «скорая»? Видимо, второе. Реанимобиль пробирается к Белкиной, петляя в узких исторических переулках... Сколько прошло времени — пять минут, полчаса, час?

— Это ты вызвал «скорую»? — спросила девочка.

— Нет.

— А почему?

Вопрос ввёл Барсукова в ступор. Очередное «почему». Действительно, что мешало им с Лисицыным позвонить по «ноль-три»? Хотя бы отсюда, из дворика.

Только глупость и трусость.

— Потому что я подлец... — прошептал он.

— А по-моему, ты просто ещё маленький. Как я, — вынесла пигалица приговор.

— То есть не могу отвечать за поступки?

— Отвечать — это не ко мне. Главное, жив до сих пор. Бог щадит своих детей... по возможности. Пока ты не сделал того, для чего родился, будешь жив.

— Вот и Лисицын говорил, что я инфантильный... Слушай, ты такая странная, что в дрожь бросает. Или это от холода? Как тебя... Мотылькова. Ты бы решала поскорей, поможешь мне или нет. Руки немеют... блин... долго я тут не провишу...

— Думай о чём-нибудь хорошем, легче терпеть, — посоветовала девочка на полном серьёзе.

О чём-нибудь хорошем? Запросто.

Когда я вырасту, пообещал себе Барсуков, клацая зубами, я буду спать только со своими женщинами. С чужими — Боже упаси. Ни-ни.

Трахать женщину, в которую влюблён, — это счастье, и так ли важно, какой ценой получено её согласие?

Подробности минувшей ночи, увы, помнились фрагментами, всё-таки Барсуков с Лисицыным тоже вкусили весёлых картинок. Ужин подействовал убойно — даже на них, даже в малой дозе...

Музон взбалтывал квартиру, как миксер, электронный пульс гонял по венам тепло и свет. Всё было позитивно. Всё было лучше, чем есть на самом деле. Переползали из комнаты в комнату (кто-то плыл, кто-то летел, кто-то просачивался сквозь стены); дверей в квартире почти не было — свободная планировка. Лосева рисовала портрет Барсукова на ягодицах у Лисицына (кисточкой и гуашью). Лисицын в качестве ответной любезности рисовал голубку Пикассо на груди у Лосевой — на левой, над сердцем. Что ещё? Сидя в джакузи, орали песню «Я пью до дна за тех, кто в море». Лисицын лил на девушек изумрудный «тархун» и творил очередную речь, перекрикивая поющих: «Принцессы Космоса, большеглазые и длинноязыкие! Мы, ваша пища, переварены и готовы к употреблению! Поднимем за это бокалы с праздничной зеленой

слизью!..» В родительской спальне нашлась наконец кровать — размером с авианосец, — там и легли в дрейф...

Воспоминания фантастичны.

«Поплывшие» девчонки выделывали такое, чего, наверное, никогда бы не сделали по трезвости. Причём, как заверял Лисицын, наутро мало что смогли бы рассказать.

Воспоминания — это сон...

Дожить до утра не дал парень по имени Вася, сожитель Белкиной. Явился среди ночи, открыв дверь своим ключом. Откуда и зачем у него ключ от чужой квартиры? Не иначе, собирался при случае обнести богатеньких ротозеев. А чего ещё ожидать от ничтожества, от лузера, озабоченного в жизни только одним: как срубить деньжат на прокорм безмозглого тела.

Он прогулялся по квартире, тупо собирая раскиданное бельё, пока не оказался в спальне. Тут-то Белкина и очнулась — словно почуяла. Вскочила, трогательно прикрывшись простынёй, сдёрнутой с Барсукова.

Молчание тянулось добрую минуту. Компания мучительно трезвела.

— Мобильники не отвечали, — объяснил пришелец, глядя в пол. — Ни твой, ни у твоих друзей. И городской телефон не снимали.

— Васенька... — сказала Белкина.

— Нормально. — Он попытался улыбнуться. — Жизнь удалась.

— Васенька, подожди!

Он ушёл, громко шаркая. Поднимать ноги — не оказалось сил.

Белкина бросилась было следом, но встала на пороге комнаты, растерянно озирая себя. Потом она странно посмотрела на всех оставшихся и ушла почему-то совсем не в ту сторону — в холл.

— Разведка обосра... в общем, случился досадный сбой, — изрёк Лисицын, потянувшись.

Лосева тычком свалила его с кровати.

— Кретин!

— А чего? Это была грустная, а также печальная шутка.

Лосева сорвала с вешалки мамин халатик, влезла в него, с трудом попадая руками, подпоясалась... в общем, опоздала.

Бежать надо было сразу. Когда из холла выплеснулось её отчаянное: «Куда?!! Что ты делаешь?!!», когда призыв не дурить превратился в визг, Лисицын выразился кратко:

— Делаем ноги.

А ведь она и вправду решает, спасать меня или нет, внезапно понял Барсуков, обмирая от ужаса. Решает, достоин ли. Тянет время, испытывает меня, а сама думает, изучает червяка под своими ногами... взвешивает «за» и «против»... Он еле удержался, чтобы не завопить.

Кто ты для маленькой, хлебнувшей горя девочки? Чужак. Возможно — враг, о чём сам не подозреваешь. И как добиться, чтобы она отнеслась к тебе, как к родному? Как к брату? Вот вопрос...

Да очень просто, подумал Барсуков — и поразился возникшей в голове ясности. Для начала нужно полюбить её как сестру...

Боже, что за бред?

— Мозги зависают, — признался он растерянно. — Замкнуло что-то. Если честно, я боюсь тебя больше, чем этого пакостного песка.

— А что со мной не так?

— Да всё! Как с инопланетянкой говорю.

Она состроила рожу.

— «Инопланетянка»! Ты смешной... Отец мой спился, и мама его бросила. Он замёрз на улице, пьяный был. Мама умерла, когда меня рожала. Моему брату было тогда лет десять. Меня отдали в Дом малютки, брата в детдом. Он придумал себе, что в смерти мамы виновата я: не родилась бы — ничего бы не случилось. Так что больше я его не видела... Это мне всё классная рассказала — в воспитательных целях.

— Педагог херов... Ты давно сбежала?

— Последний раз в марте. Тошно там, сил нет терпеть.

— И сколько тебе лет?

— Было написано — одиннадцать. На самом деле, наверное, больше. Ну и как тебе история?

— Ужас.

— Обычная, по-моему...

Да уж, обычная. Пустяки, дело житейское, как вещал один сказочный ёптимист.

Барсуков попытался поставить себя на место девочки — и не смог.

Мысли путались. Было плохо. Острая грань доски резала грудь, руки едва ощущались...

Зверски хотелось жить.

И тогда он начал рассказывать сам, без начала и предисловий, первое, что приходило на ум, — лишь бы не опоздать, лишь бы убедить эту малолетнюю мучительницу... или мученицу?.. в чём? В чём убедить?! Да в том, что он — не конченый человек, в чём же ещё... Ведь почему Белкина так поступила, почему бросилась с балкона? Вовсе не из-за крушения какой-то там суки-любви, а просто кайф оказался сломанным. И пришёл *стрём*... Пусть не по своей воле она обдолбалась, пусть её пришлось долго и с выдумкой убалтывать, но ведь она *позволила* себя уболтать! Она хотела стать королевой — на час. Её самолюбие, задетое ловким Лисицыным, оказалось сильнее её же принципов, и дело не в том, что два подлеца на этом сыграли, а в том, что принципы-то, значит, чахленькие. А уж дальше она оттягивалась наравне со всеми — добровольно... Вот и получила жестокую «измену», когда припёрся её Вася, то бишь страх жгучий и тоску смертную. Если под кайфом происходит что-то неправильное, противу твоей природы, «измена» гарантирована. Предательское состояние. На его пике — чего только люди не отшелушивают! От слабости это, а не от силы. Никаких вам шекспировских драм. Тривиально, господа.

Несчастный случай...

— Не всё ли равно, что ты там натворил? — перебили его. — Кому какое дело.

— Ну как же... Человек погиб. Или искалечен...

— У твоей Белкиной был выбор, и она выбрала. Ей отвечать, а не тебе. Как и за нерождённое дитё, которое она от тебя бы понесла.

Кто это сказал? Чьи были слова, неужели всё той же малявки? Или — почудилось, прислышалось? Невозможно понять... В голове бешено крутилась спираль галактики, космос сотрясали удары колокола. Звон разрывал реальность на кус-

ки. Чёрная воронка спускалась с неба, смазывая дома, улицы, воспоминания, прекрасные картины будущего...

— Я больше не могу, — прошептал Барсуков. — Уплываю... блин...

Тела не существовало. Сердце стучало где-то отдельно. В глазах темнело. Девочка превратилась в размытое пятно.

— Лови, это теперь твоё, — сказало пятно. — Храни на память.

Речь шла о кепке. Присев на четвереньки и вытянувшись, бродяжка попробовала водрузить злосчастный трофей Барсукову на голову. Не дотянулась. Тогда — аккуратно набросила. Кепка, оседлав на миг макушку, съехала набок, на ухо. Так и застряла — козырьком в зенит.

В этот момент силы окончательно отказали студенту: скрюченные пальцы разжались.

— Пусть тебе повезёт... сестричка... — озвучил он свою последнюю волю.

Отдалившийся берег медленно пополз вверх.

— А я бы тебя нарисовал... такую потустороннюю...

Кого бы он нарисовал? Девочки уже не было в поле видимости: только что маячила перед глазами, и вдруг — пусто.

Господа, вы звери! — сказал кто-то им всем... Ну да, мы звери. Лесная чаща, уголок живой природы. Не зря ж предки проштамповали в наших паспортах этакие фамилии. А кто не зверь, пусть первый обнажит клыки...

Это конец, вспомнил Барсуков предсмертное бормотание Лисицына. Ну и ладно, и пусть конец. Лучшая услуга, оказанная подлецу, — дать ему сдохнуть тихо и незаметно, без зрителей.

Прежде чем воронка пожрала его рассудок, он сказал:

— Жаль, не успел...

До конца и дальше

Качаясь, как пьяный, он вошёл под арку.

Дворик, похожий на дно высохшего колодца... Тишина, покой, оторванность от мира. Никаких окон. Никаких людей, провалитесь вы все. Куда идти, зачем?

На ватных ногах он проследовал мимо скамейки-качели, мимо поваленной горки, мимо карусели. Оказался в центре детской площадки, где и сел на корточки, обхватив голову руками.

Что же ты наделала, подумал он. Эта страшная кровать, эти потные тела, спящие вповалку... Смогу ли я называть тебя «любимой»? Смогу ли я смотреть на тебя?

Смерть, катастрофа.

Твои дружки-студенты презирают таких, как я, — вспомнил он. Вспомнил их взгляды и подколы. Они откровенно смеялись — над ним самим, над его именем и даже над его кепчонкой. Они все — умники и творцы, соль земли русской, суперэлита твёрдых сортов — живут на мамочкины и папочкины деньги, а учатся за счёт налогов, которые отдают им работяги вроде него. Иждивенцы... Он содрал с себя бейсболку. «БУДЬ ДРУГОМ». Кто придумывает такие лживые девизы? Хорошо, что не купился в своё время на надпись «ЛЮБОВЬ НАВЕКИ». Друг — это паразит, жрущий тебя незаметно и мелкими кусочками. Любимая женщина — это нечисть, делающая тебя посмешищем...

Он вскочил, подбежал к торчащей из песка палке и насадил кепку на острый скол. В головном уборе что-то хрустнуло, порвалось... ну и хрен ли... Он бесцельно побрёл, нарезая круги по площадке, поддевая собачье дерьмо и загребая песок носками туфель.

Что с ним случилось в квартире? Нормальный вологодский паренек устроил бы там нехилый мордобой с использованием подручных предметов. Бить голых и напуганных — легко, приятно и весело. Знаем, били. Порвать пасть кобелю, вскочившему на твою бабу, — святое дело. И если б не она... если б не ОНА... с любой другой — так бы всё и было.

Слизняк. Ненавижу себя...

Он вынул из нагрудного кармана чёрно-белое фото. Родители. Молодые ещё, красивые. Одним движением разорвал карточку надвое. Получилось поразительно ровно: мать осталась на левой половине, отец — на правой. Смял обрывки, швырнул под ноги. Ненавижу...

Двадцать восемь лет корова языком слизнула. Матери на него всегда было плевать, у неё свои алмазы в небесах. Дет-

ские приятели дальше стакана не видят. Папаша где-то бродит по миру, говорили — снова женился, говорили — помер... Жизни нет и не было. А думал-то — вот оно, наладилось... Впервые он увидел ЕЁ в Вологде, на площади у Областной картинной галереи. Есть в городе такая достопримечательность; мать как раз служила там искусствоведом. ОНА приехала на Вологодщину, увлекшись каким-то там «тóтемским барокко», а в галерею зашла посмотреть фото, посидеть в архиве... Познакомились, обменялись телефонами. И вроде бы забылось это мимолётное знакомство. Он решился наконец: свалил с малой родины нахрен, перебрался в северную столицу, рассчитывая познакомиться с хорошей одинокой женщиной, желательно старше себя, можно с ребёнком, лишь бы зрелой была, ценящей трудолюбивых мужиков; так вот, первое, что он сделал, приехав сюда, — позвонил ЕЙ. И жизнь вернулась... Утащил любимую от родителей, снял квартиру для совместного проживания — вместо того, чтобы поселиться на готовенькое, как планировал. Пошёл на стройку, закрепился в одной из шабашкиных бригад... Всё рухнуло.

Любимая женщина предупредила его: сегодня дружеские посиделки. Без выпивки, само собой. Как не поверишь насчёт «дружеских»? Она ж принципиально не пьёт, панически этого боится. Был тяжёлый опыт. Однажды рассказала, как школьницей-малолеткой затащили её на пьянку, ну и, в общем... лучше бы не рассказывала. Был бы пистолет — пошёл бы искать подонков. Столько лет она уживалась с отвратительными воспоминаниями, и вот — нате. Второй круг. Получается, не такие уж они отвратительные — те воспоминания...

Он застонал.

Остановился, раскачиваясь.

Знал ведь, чувствовал! Суперэлита спаривается легко и естественно, как кролики. Убить их надо было, столичных ботаников...

Молодой мужчина выдрал из рабочих штанов ключ от чужой квартиры, с размаху воткнул его в землю и ввинтил по самую головку: «Открывайте, твари!»

Заколотил ногой в землю — словно в люк стучал. Похоже, чуточку сошёл с ума. Или не чуточку...

Откуда у него ключ? Ну, было дело: его Любимая на пару с подружкой занималась курсовым проектом в этой их шикарной квартире — что-то чертили. Отвлекаться не могли, поэтому за сигаретами послали в универсам его. Ключ дали, чтоб самим к дверям не бегать. А он возьми и сделай копию, благо в универсаме слесарная будка стояла... Мать часто говорила — любопытство тебя погубит. Но разве желание контролировать свою Любимую — это плохо? Это можно и даже нужно. Отслеживать содержимое мобильника, читать электронную переписку — просто чтоб быть в курсе и держать руку на пульсе жизни. Иметь ключ от квартиры, где она застревает по ночам, — на всякий случай. На такой случай, как сегодня. Не любопытство это, а долг. Прийти внезапно и посмотреть, чем они там занимаются... вот и посмотрел... докаркалась ты, мама...

«А-а-а! — упал он на колени и уткнулся лбом в загаженный песок. — А-а-а, не могу!.. Что же это...»

Ведь хотели ребёнка. Откладывали... срок себе установили — сразу после диплома...

Всё было не так. Криво, глупо, бездарно. Из холодильника фреон вытек. Ни с того ни с сего. Надо было нормальный покупать, а не Минского завода. Стиральная машина два дня как накрылась, заодно затопив соседей внизу... Что ж так — разом-то?!!

Чтоб не сомневался — жизнь кончена.

Он стонал и выл: «Это всё! Всё! Больше не могу!» Он *бил ладонями* песок...

На работе — такая фигня, что хоть беги из города. С крана рухнул бетонный блок и проломил лестничный пролёт. Стальное «ухо» в плите сгнило, но ему сказали: ты плохо закрепил, парень. Хотят ущерб на него повесить. Когда он сегодня ночью со смены рванул, прораб выразился откровенно: лучше не возвращайся... Ещё футбол этот... и тоже вчера. Просрали кубок, как дизентерийные. Нас сделали, как детей. Такой облом...

Он упал на живот, скорчился, распрямился, снова скорчился.

«Как детей... Суки... Элита чёртова... Это — конец... Чтоб я так жил, суки...»

Через миг — катался по земле.

«Это — всё... Я мертвый... Не могу больше, больше не могу... Конец...»

В двухстах метрах отсюда другая страдалица, шагнув с балкона, отдала себя асфальту. Жертва была принесена. И была принята...

«Всё, всё... Не хочу, не могу!.. Это — всё!..»

Вопли несчастного были услышаны: песок под ним ожил, заструился, задвигался. Твердь подалась, как лоно любимой женщины, — расступилась, стала мягкой и влажной. Тёмный овал возник вокруг корчащегося тела, превращаясь в воронку. Человек получил, что просил: полминуты хватило, чтоб тело целиком ушло в глубину. Земля приняла своего несчастного сына и похоронила его — вместе с его болью. Рыдания и стоны оборвались. Детская площадка вновь была пуста.

Песок содрогался ещё секунду и успокоился.

Затаился — живой, голодный, ждущий.

А потом во дворик вбежали двое...

Так вот откуда взялась здесь «зыбучка», неспешно размышлял Барсуков, стряхивая с себя обрывки чужих страстей. Вот чьими мольбами возникло это жуткое чудо. Ясно теперь, что сталось с женихом Белкиной, оказавшимся, кстати, истеричным мудаком. Хорошенькое кино показали ему при помощи кепки, надетой на вскрытый череп...

Чудо не бывает жутким, шепнул Барсукову кто-то — детским голоском. Невелика заслуга — провалиться под землю. Ты останься наверху, на поверхности, когда мир под тобой рухнул, это и будет настоящим чудом.

Ты правда так думаешь, спросил он.

А то. Стала бы я тебе иначе помогать...

И шёпот улетел, как фантик, подхваченный порывом ветра.

«Подними руки! Подними быстро! Вверх руки!» — носились над землей чьи-то крики, назойливые, как голодные птицы, клевали в темя, лишая заслуженного покоя. Это что, требование капитуляции? Отмахнуться... Пошли прочь, твари...

Сознание вернулось рывком.

Мотор взрыкивал над самым ухом. Барсукова тащили куда-то, медленно и неудержимо. А потом, когда всё остано-

вилось и стихло, его перевернули на спину и тревожно спросили:

— Ау, ты живой?

Он открыл глаза. Небо слепило. Холодный ветер прицельно бил сквозь мокрую футболку. Он попытался сесть, ему с готовностью помогли. Он огляделся, мучительно щурясь. Пожилой мужчина суетился вокруг: освобождал Барсукова от троса, продетого под мышками... Ага, и «жигуль» рядом, латаная «восьмёрка»... Положение определилось. Водитель, подоспевший так вовремя, выволок утопающего из трясины. Подцепил буксирным тросом, пока тот был в отключке...

Я живой, хотел ответить пострадавший.

Живой!!!

— Зову — молчишь, — озабоченно говорил мужчина. — Тебя увидел — глазам не поверил. Чтоб у нас такая пакость... да никогда! Не думал, что такое вообще бывает. Подниму соседей, огородим яму. С утра — к коммунальщикам... Честно хочешь? Когда эта девчушка мне в лобовое стекло заколотила и начала визжать, что в соседнем дворе человек умирает, я сначала подумал — ножичком кого по пьяни... или там кирпичом... Ну, ты как?

— Спа... сибо, — вытолкнул из груди Барсуков. Его била крупная дрожь — А где...

— Чего где?

— Птаха.

— Эй, спокойно. Чудится тебе что-то. Спиртику сейчас дам, согреешься.

— Не... Я говорю, девочка где?

— Девочка? Ах, это... Не знаю. Я из машины выскочил — нету никого, как не было. Убежать не могла, не успела б. Вот, думаю, спросонья примерещилась, что ли...

Может, и примерещилась. Кепка с надписью «Будь другом» по-прежнему висела на торчащей из песка палке, как будто никто не забирал её оттуда и не пытался водрузить Барсукову на темя. С другой стороны, кошелёк валялся на траве, закинутый собственной рукою его, — но это ведь слабое доказательство.

— А я, значит, кемарил в машине, — зачем-то пояснил спаситель. — В том дворе, через проход. С дачи вернулся,

ключи забыл, старуха звонок не слышит. С утреца хотел дочке позвонить. А тут вдруг — девчонка, с виду — бомж бомжом. Разбудила. Меня аж подбросило от её голоса... Я тебе честно скажу, не обижайся. Если эта пацанка мне приснилась, то ты — обалденный везунчик. Встречал я людей вроде тебя, из любой задницы выберутся и краше станут... — Пожилой автовладелец, добродушно хмыкая, складывал буксир в багажник.

Есть и другие люди, подумал Барсуков. Которые сами себе находят бедствия и товарищей за собой тащат. Лисицын — классический пример.

— Повезло тебе, — добавил мужчина. — Повезло.

Что бы ему ответил покойный Лисицын?

— Поднимем за это бокалы с праздничной зелёной слизью, господа пришельцы!

Дедок забыл багажник захлопнуть. Повернулся, оторопевший.

— Чего-чего?

Барсуков зашёлся нервным смехом — и тут же заперхал, закашлял.

— Тебе плохо?

— Со мной нормально, а вы не правы, — сказал он, угомонившись. — Выбраться из задницы — да, это везение. Но выбраться из ада — это чудо.

— Ах умничаешь...

Барсуков поумничал бы ещё, однако философской частью в их компании всегда заведовал Лисицын. Он заплакал бы, если б было чем. И тогда он, как умел, объяснил хорошему человеку всю суть произошедшего:

— Это конец. Идём дальше...

Ночь светла, тёмен день

«Скорую» вызывать не стали: пострадавший был категорически против. Поднялся без посторонней помощи, худобедно почистил одежду и удрал в сторону метро. Босиком. Кроссовки, увы, затонули.

Владелец «жигулей», как и обещал, разбудил соседей. Сонные люди выползли во дворик, и вдруг выяснилось, что

беспокоить коммунальные службы не понадобится. С детской площадкой всё было в порядке. Грунт под песком оказался твёрдым — никакого вам дьявольского феномена. Растревоженные и возмущённые жильцы разошлись по квартирам, проклиная шебутного идиота с его фантазиями; сам же он спрятался в машине, пришибленный и пристыженный, сомневающийся в своём рассудке...

Когда город только просыпался, когда появились первые собачники, влекомые на поводках их истинными хозяевами, Барсуков был уже у себя.

Прежде всего — отключить телефон. Невозможно было представить, чтобы с кем-то говорить, кому-то что-то рассказывать. Он занялся израненными руками, вытащил наконец занозы. Потом — в ванну, отмокать. Хлобыстнул водки, купленной по пути... Водка, зараза, плохо брала: напряжение покидало организм неохотно, особенно головную часть. Он добавил и упал на диван. Проспал до середины дня. Встал, наспех поел. Подумал: ну вот я выспался, вымылся, позавтракал... что теперь? Мчаться на Автовокзал — как завещала сиротка?

Нелепая мысль...

Идти в травмпункт, пусть обработают повреждённые кисти рук? Руки болели зверски... Нет, позже.

Звонить Лосевой, узнавать, как там с Белкиной, и вообще?

Страшно. Тоже не сейчас. Когда пройдёт эта гнусная, невидимая снаружи трясучка, когда остановится рука исполинского бармена, взбалтывающая шейкер с его мозгами...

Что-то манило Барсукова на место ночного позора. Нет, не на квартиру к сокурснице, где состоялся первый акт драмы, а в проходной дворик по соседству... Девочка-бродяжка лишила его покоя. Остро хотелось познакомиться с нею поближе. Посмотреть на неё, как и полагается смотреть на ребёнка, — сверху вниз.

В знакомом дворике тусовалась компания подростков. Сидели кто на качелях, кто на горке. А кто — прямо на песке. Курили, перебрасываясь вялыми фразами, лишёнными смысла. Покосились на вклинившегося к ним взрослого перца... Барсуков содрогнулся, увидев это.

Детишки проводили время там, где их запросто могло засосать. В любую минуту, в любую секунду. Безопасности не существовало. Твердь под ногами — это иллюзия...

Он хотел было разогнать их всех, но плюнул.

Постоял, осматриваясь. Ничего не осталось от ночного бреда. За стенами домов шумел город, возле гаражей мужики выкатили тачку и копалась в двигателе, прохожие просачивались под аркой и шли в сторону проспекта, ни на кого не глядя. Прочная, устойчивая, привычная реальность.

Где-то под ногами был замурован весельчак Лисицын — наверное, не так уж и глубоко... Откопать? Заявиться ночью, сделать дело — и смыться, бросив труп... Барсуков покрылся потом, вообразив всё это. Нет уж! Во-первых, что потом отвечать людям, которые неизбежно появятся и начнут задавать вопросы? Но главное, главное — ничто отныне не заставит его шагнуть на детскую площадку в ночное время...

Обогнув по большой дуге песочницу, подошёл к штанге футбольных ворот. Кепки уже не было: кто-то утащил, не побрезговал. Внизу валялась смятая бумажка. Барсуков заинтересовался. Это был кусок фотографии... опля! Фото из видения — то, разорванное придурочным Васей. Элегантный молодой мужчина с зачёсанными назад волосами, в строгом костюме и при галстуке, смотрел иронично, с искрой во взгляде. Папаша Василия, надо полагать... Что же, видение не врало? Так, что ли?

Глухие стены не могли дать ответ.

Фото он взял с собой. Затем поочерёдно обошёл оба дома: первый стоял лицом в переулок, другой смотрел в параллельный дворик. Обшарпанные, рассыпающиеся четырёхэтажки, конец девятнадцатого века. Девочка утверждала, что живёт в одном из подвалов. Отдельного входа в подвальные помещения не нашлось, а подъезды были закрыты и оборудованы домофонами. Он всё-таки проник в подъезд, назвавшись сотрудником ЖЭУ. Вниз вела лестница, однако дверь в подвал оказалась закрыта на ржавый пыльный замок. По словам бабули, впустившей Барсукова, никто под домом не только не жил, но и не смог бы жить при всей нужде, потому что воды там было по щиколотку. Он спросил, не обретается ли где-нибудь здесь девочка характерного вида (описал пёструю куртку с подвёр-

нутыми рукавами и бубенчик на руке), а также — не числится ли в жильцах кто-нибудь с фамилией Мотыльковы? Увы, не обретается, не числится... Разговор не получился. Пенсионерка возбудилась, заговорила про комаров и про какую-то плесень, от которой спасу нет, про сырость и отслоившуюся штукатурку; в общем, пришлось бежать.

Во втором доме Барсукова встретила ровно та же картина: закрытый наглухо подвал, залитый водой. Девчонку, подходящую под описание, жильцы и здесь не видели. Получается, она соврала. Но в таком случае — какими ветрами принесло её в затерянный дворик? Ночью!

А ведь если б не это странное создание, подумал Барсуков... если б она не позвала на помощь дядьку с машиной...

Он поднялся на второй этаж к квартире номер девять — с тем самым окном, из которого сумасшедшая баба снимала на видео их с Лисицыным агонию. Упёрся в стальную дверь — ничем не обделанную, не покрашенную, без «глазка». И даже без звонка. На сталь была посажена (жидкими гвоздями) табличка: «DO NOT DISTURB», почти как в гостинице. Чёрные буквы на жёлтом фоне. Вызов всей лестнице и всему миру, прозрачный намёк: «Идите в задницу». Барсуков долго бил в дверь кулаком, потом локтем и ногой — никто не открыл.

Вот сука...

Убираться из этих мест почему-то не хотелось. Зайти к Лосевой? Два шага... Нет-нет-нет, ноги сопротивляются, душа кровоточит; и тогда он сделал то, о чём мечтал, когда подыхал в зыбучей трясине. Легко вычислил, куда выходят остальные окна поганой квартиры. Набрал во дворах камней поувесистее, наплевав на боль в руках, вернулся и — приступил к планомерному обстрелу...

Никто не рискнул его остановить.

Раздолбанные стёкла принесли какое-никакое удовлетворение и попутно навели на довольно очевидную мысль. Вернувшись домой, Барсуков тут же полез в интернет. Поискал по разным ключевым словам («зыбучка», «зыбучка в городе» и т.п.), перебирая без толку сетевой мусор, пока не догадался ввести точный адрес дворика. Тут-то челюсть у него и отвис-

ла. Во-первых, обнаружил, что искал: видеоролик, где они с Лисицыным исполняли главные роли (выложила, гадюка!), во-вторых, выяснил, что их случай вовсе не уникальный.

Вообще на ресурсе «Городская жуть» некие подвижники организовали список опасных мест в городе, где с людьми приключались разные странности. Взять, например, три обычных с виду моста, составивших на карте равносторонний треугольник. С этих мостов, согласно приведённой статистике, городские самоубийцы бросаются в воду чаще, чем со всех остальных, вместе взятых. Ещё пример: один из узких проулков исторического центра, где однажды сошла с крыш снежная лавина. Завалило и тротуары, и проезжую часть — до уровня второго этажа. Нескольких прохожих пришлось откапывать. Откуда там взялось столько снега, непонятно. Или пруд в Центральном парке культуры и отдыха, возле которого регулярно пропадают люди. Вроде бы видели, если не врут, как из пруда вытягиваются нитевидные щупальца и утаскивают жертв... И тому подобные страсти.

А ещё в городе каждый месяц бесследно исчезало до сотни людей. Вряд ли только криминал виноват, криминалу столько не сожрать и не переварить. Ещё одна загадка. На таком фоне пропажа Лисицына, не имевшего здесь нормальной родни, останется незамеченной, констатировал Барсуков... как ни бесстыдно этому радоваться, но — факт. Никаких последствий.

Возвращаясь к зыбучим пескам: некоторые случаи были проиллюстрированы роликами, снятыми очевидцами событий. Люди проваливались в ночных дворах. Кого-то вытаскивали сразу, кому-то давали помучиться, прежде чем вытянуть. Таких роликов насчитывалось не один и не два — целая тема. Смертей в кадре не было... до сего дня. Не потому ли новинка вызвала такой интерес — уже более тысячи просмотров!.. Благородная ярость вскипела, как волна. Барсуков понял, что жить не сможет, пока не выжжет ту квартиру нахрен. Быстро нашёл в сети, как изготовить «коктейль Молотова», забегал возле компа, прикидывая, где взять ингредиенты... в общем, еле сдержался, чтобы не рвануть к месту съёмок. Это никуда не денется, остановил он себя. Тема не закрыта...

«Городская жуть» любезно предоставляла ссылки на дружественные ресурсы такой же направленности, включая за-

граничные. Неаппетитного видео хватало и там: Лондон, Париж, Мехико, Токио, Нью-Йорк. Чертовщина носила глобальный характер.

Барсуков закачал фильм с собственным участием. Посмотрел, как тонет Лисицын (ужасно хотелось отвернуться)... Разинутый рот, заполняемый тёмной дрянью. Глаза панически мечутся над поверхностью, пока песок не вползает и в них. На долю секунды рождается ямка-воронка — и пропадает... Белая ночь — хорошее время для съёмок... Потом Барсуков смотрел на себя, беспомощного, совершенно потерянного. Смотрел — и не видел девочки.

Никто не подходил к песочнице. Никто не стоял возле. Барсуков был в кадре один — торчал из песчаной массы этаким обрубком. Правда, в отдельные моменты его как будто что-то загораживало — что-то нематериальное, какие-то флюиды в воздухе, напоминающие по форме человеческий силуэт. А если всмотреться, можно было понять, что эта эфирная субстанция двигается вдоль края детской площадки, то открывая Барсукова камере, то искажая картинку.

Он был внутренне готов, потому не удивился. Вернее, не испугался...

Испугался, конечно. Однако ломать голову над этим воплощением ночного кошмара уже не было... куража, что ли. Воздух из шарика вышел. А чудовищная видеозапись перевела дело во вполне понятную, житейскую плоскость.

Рассказать кому-нибудь о случившемся? Той же Лосевой, например? Вопрос неуютный, если честно. Ролик, висящий в сети, — это документ, существование которого не проигнорируешь. Ну вот как о таком — промолчать... С другой стороны, что изменится, если друзья и подруги это увидят? Будут знать, что Лисицын погиб? Так ведь Лосева первая не поверит, завопит, мол, опять дурью маялись, приколисты. А ещё менты заведут уголовное дело по факту падения Белкиной — и что тогда? Компетентные товарищи изучают *home video* в жанре *horror*, снимают показания со свидетеля, пострадавшего от зыбучки в центре города, лица их серьёзны и внимательны... анекдот!

Тем более зыбучки больше нет.

И всё-таки! Как ни крути, эта запись — последнее, что осталось от Лисицына... Пора звонить Лосевой, напомнил себе

Барсуков, хватит тянуть совесть за хвост. За окном уже — поздний вечер...

Он включил городской телефон. Поговорил сначала с матерью, исполнил сыновний долг. После чего долго сидел с трубкой в руке, набираясь смелости позвонить ТУДА...

Его тошнило.

Лосева позвонила сама.

— Где пропадаете, скоты?!

Она была в такой ярости, что говорила с трудом.

— Да вот сам не понимаю.

— Мобильники выключены, в универе не появлялись, в общаге тоже! По обычному не достучаться! Уже собралась к тебе ехать... Лисицын с тобой?

— Мобильник сломался. Я, кстати, только что вошёл в квартиру. Насчёт Лисицына ничего не знаю, разбежались в разные стороны... ну, с тех пор...

— «Стехпор-р-р»... — то ли прошипела, то ли прорычала Лосева. — Детский сад. Тебе что, совсем не интересно, как там Белкина? Лисицын — понятно, хряк трусливый. Но ты, ТЫ?!! Тоже насрать?.. Прости.

Насрать ли Барсукову? Да меня выворачивает наизнанку! — хотел было крикнуть он.

Слова, всего лишь слова... а может, проблемы с поджелудочной...

Он прислушался к себе, всмотрелся в себя. Ясно увидел, как Белкина, в чём была (то есть ни в чём), выходит из спальни, исчезает в коридоре... такой почему-то и запомнил он эту женщину. Потом были крики и беготня... Разумеется, в памяти отпечаталось и то, что происходило часом раньше, но эту безразличную ко всему наготу забыть не удастся никогда.

— Я просто не... — вымучил Барсуков и откашлялся. — Не успел спросить. Она... хоть жива?

— Хоть, — сухо ответила Лосева.

Через минуту Барсуков знал главное. С Белкиной в принципе порядок. Последние новости были таковы: ни позвоночник, ни голова опасно не пострадали, ничего необратимого.

Это значит — обошлось, лежачей больной ей не быть. Из всех серьёзных травм — ушибы внутренних органов и перелом тазовой кости. Очередное чудо... Радость вспыхнула, как столамповая люстра в театре.

— Ну а я что говорил?!! — заорал Барсуков. — Она ШЕВЕЛИЛАСЬ!!! Я говорил! Лосева, ты тоже чудо!

— Почему «тоже»?

— Потому что со мной сегодня такое было! Не поверишь... Не хочу по телефону...

— Да, про кое-что лучше не по телефону. Про салат, — сказала Лосева со значением. Он хрюкнул от неожиданности.

— А что... салат?

— Спустила остатки в унитаз. Отмыла салатницу, как могла, в нескольких водах. А бутылку из-под тоника выбросила в канал. Специально ходила на набережную.

Испугалась, подумал Барсуков. Подстраховалась с испугу. Догадливая. Решила, что подумают на неё, если мы начнём отпираться, а если не начнём, всё равно дело легко выставить так, будто она соучастница... Повезло. Вот теперь — повезло. Как удобно иметь в друзьях умных людей...

— И чего вы нам намешали? — обронила она.

— Ничего тяжелого. Правда. Потом расскажу.

— Чья была идея?

— Лисицына.

— Кто бы сомневался...

Радость не уходила. Такой груз сняли с плеч Барсукова, что, казалось, толкайся от кровати и взлетай. Можно было порхать по комнате, можно было нести вздор или открывать людям вечные истины... Хватит о грустном, восторженно предложил он Лосевой. Как же гармонично мир устроен! И как, оказывается, важно, что Белкина была пьяная! Нет, я не сошёл с ума. Нет, речь не о том, что Бог хранит пьяных (может, и вправду хранит), а о том, что все мышцы, всё тело её было совершенно расслаблено, потому-то удар о жестяную крышу подвала и не привёл к необратимым разрушениям в организме... Лосева ответила, не дослушав:

— Дурак ты.

Он захохотал, соглашаясь. Дурак и есть.

...Под утро он решился и послал ей письмо с безымянного почтового ящика. В письме были ссылки на «Городскую жуть», на видеоролик, и не было никаких комментариев. Как и подписи.

Поиск предназначения

К утру Барсуков разболелся. Лежание в холодной яме, хождение по городу в рубашке, мокрой к тому же, дало закономерный результат: воспаление лёгких. А если к переохлаждению прибавить интенсивный стресс, то непонятно, как он вообще столько протянул. На морально-волевых, как говорят спортсмены.

Впрочем, антибиотики и молодость — убойное сочетание. Болел он всего дня три, потом только отлёживался. За это время мать подобрала «помоганцев» — людей, которые помогут ему доделать диплом к защите. Учитывая травмированные руки, это было очень кстати.

Белкиной светила инвалидность и «академка», так что «помоганцы» могли понадобиться ей не раньше, чем через год. Барсуков бы не отказался попасть в их число, но примут ли от него помощь? Он сильно сомневался.

Лосева безуспешно искала Лисицына. Чуть что — плакала. Похоже, она была таки неравнодушна к этому человеку, весьма неравнодушна... Отсмотрев ролик, тем же утром примчалась за объяснениями. Барсуков лежал в лёжку — это его и спасло. Она приходила снова и снова, терзала его вопросами; будь такая возможность — пытала бы. Он держался: морда кирпичом, ничего не знаю, что за бред. Видеозапись — явный фэйк. А то, что лица похожи, ну так... фэйк же! Наверное, прощальная лисицынская шутка и письмо со ссылочкой — от него же, от кого ещё. Почему сбежал за месяц до диплома? А хиппи потому что, раздолбай отвязанный. Крутанул до упора — и сорвал свои рукоятки...

Неугомонная Лосева не оставляла попыток найти возлюбленного. По ракурсу на видеоролике легко вычислила квартиру, откуда снимали. Даже поговорила с той сукой, которую «*do not disturb*». Результатами разговора Барсуков не

интересовался, и так было ясно. Лосева словно состарилась на несколько лет. Наняла готовых на всё работяг, которые перекопали ей детскую площадку, — и...

Ничего и никого не нашла.

Что касается «коктейля Молотова» и всяких резких поступков, то хватило суток, чтобы эта хрень улетучилась из головы. Откипело и отболело. Попросту говоря, Барсуков простил незнакомую ему идиотку, он ведь нормальный был в отличие от некоторых.

Вот так жизнь и двигалась...

Пока Барсуков болел — вынужденно думал, размышлял о случившемся. О том, например, откуда в заурядном дворике взялась зыбучка и как вообще могло столь необычное явление образоваться в городской черте. Способен ли был истерик Васенька наколдовать яму своими воплями? В которой, кстати, сам же и канул... Сомнительно. Чтобы насторожить *такую* ловушку, силы нужны нечеловеческие. А вернее — сверхчеловеческие. Это у Васеньки-то? Ха-ха. Но тогда... зачем оно всё, чьей волей? Нету версий.

Второй вопрос — девочка-призрак. Если честно, эта загадка вытесняла все прочие. Понять, кто такая Птаха (или что оно такое), откуда явилась и, главное, с какой целью, — значило увидеть хоть краешек смысла, которого Барсукову так не хватало.

В начале болезни, на одном из температурных пиков, его сразила ошеломительная мысль. Он отлично помнил тот мучительно долгий и странный диалог, который ему навязали, пока он висел на гнилой доске, расталкивая окурки и собачьи какашки. Он-то полагал — девочка решала, сохранить ли некоему Барсукову жизнь. А сейчас вдруг подумал: что, если решала вовсе не девочка? Что, если это был Кто-то и Где-то... на небесах, под землёй? Из тех, кого пишут с заглавной буквы... (Дыхание в этот миг у больного перехватило, голова сильно закружилась...) Спрашивается — кто? Нет-нет, не отвечайте. Решение было принято в пользу утопающего — и слава Ему, который с заглавной... Но тогда, значит, сущность, с которой Барсуков общался, — это всего лишь посланник, исполнитель высшей воли. Вероятно, он мог принять любой облик. Выбрал почему-то роль беспризорницы...

Жесть!

Потом горячка отступила, и мысли больного остыли вместе с головой.

Осталось ощущение чего-то огромного, сверхважного, к чему Барсуков был причастен... рождение и распад Вселенных... примерно так. Смешно. Вовлекать высшие силы в свои ничтожные заморочки — это, господа, знаете ли, не по чину.

Ясно было одно: девочка пригрезилась. Даже водитель, конкретный и простой мужик, не был уверен, с кем он там говорил и чего видел. С другой стороны — видеосъёмка, с ней как быть? Флюиды в воздухе, зафиксированные камерой, эфирная субстанция, раз за разом попадавшая в кадр...

Врагу не пожелаешь — соприкоснулся с чем-то сверхъестественным. Мучайся потом догадками, погибай от неизвестности... Может, правда — повезло, и всё тут? Никакого... кхекхе... чуда?

Но есть нюансы.

Вспомним: когда девочка возникла на детской площадке? Точно в тот момент, когда Лисицын полностью ушёл в песок. Совпадение ли это? Один человек утонул, второй ещё держится. Первому поздно помогать, второго можно спасти. И если предположить, что время было выбрано неслучайно, то, получается, Лисицын не представлял никакого интереса. Тогда как Барсуков был зачем-то нужен. Девчонка прямо так и сказала: мол, пока не сделал того, для чего родился, — живи себе на здоровье.

А для чего я родился? — терзал он себя.

Хрен знает. Занятие по курсу «Поиск предназначения» — зачёт не сдан.

А ещё намёк на то, что Белкина «залетела» от Барсукова — как сие понимать? Ребёнка, который мог бы быть, не будет. Но ведь этот должок вовсе не за Барсуковым, о чём было сказано совершенно ясно! Похоже, Белкина получила свой шанс на искупление...

И опять же не это ведь главное! Кто НА САМОМ ДЕЛЕ спас неудавшегося казанову — вот вопрос, к которому возвращаешься и возвращаешься. От которого поджилки начинают трястись. Этот вопрос, такой простой с виду, мешал перевести лихорадочные умствования в практиче-

скую плоскость. А без практики, как известно, древо жизни вянет...

В общем, болеть было как-то неловко. На третий день Барсуков уже расхаживал по квартире, маясь от нетерпения и зависая возле окна. На пятый — самостоятельно сходил в продуктовый магазин, на седьмой — собрался и отправился в путь.

Оказывается, он давным-давно понял, что ж ему делать дальше.

Он ехал на Автовокзал.

Катарсис

Вдоль канала несётся поток машин, вечный, как само время. Метрах в трёхстах через воду перекинулась железная дорога, стянув берега тремя мостами с диковинным названием «Американские». Слева, по ту сторону Днепропетровской улицы, начинается огромная промышленная территория. Справа — жилые дома, которые правильнее величать жилым фондом. Ближайшее метро в получасе ходьбы, городской транспорт — только досюда, обратно — нет. Неприветливое местечко, попадаются такие в городе: вроде и рядом с центром, но «мёртвая зона»...

Здесь, на набережной, Автовокзал и располагался.

Впрочем, Барсуков помнил, какой поистине глубокой дырой, оторванной от цивилизации, был Автовокзал до постройки нового здания.

Сейчас всё выглядело культурно, современно и на удивление благополучно. Он обошёл оба этажа, не понимая, что ищёт. Кассы, магазинчики, валютный обменник, туалет (на первом), зал ожидания и кафешка (на втором)... На весь многомиллионный город этот Автовокзал был один-единственный. Существовало, правда, несколько филиалов и пунктов отправки, разбросанных по разным районам, однако вряд ли его посылали туда.

Барсуков чувствовал себя натуральным дураком.

Он прошёл здание насквозь и оказался на заасфальтированном поле. Солнце жарило не по-майски, город дышал в лицо

пылью. Далеко сзади, с той стороны вокзала, неумолчно ревели моторы. А здесь был маленький оазис тишины. По левую руку обнаружился отстойник для автобусов, чуть дальше — гостиница «Киевская», пятиэтажный кубик с претензией. По правую руку — автобусные остановки с навесами, ларьки с выпечкой и напитками, несколько забегаловок сомнительного вида; отсюда же убегал узкий проулок, ведущий в трущобы старого города с бесчисленными проходными дворами. Барсуков постоял, осматривая все эти достопримечательности.

— Что я здесь делаю? — произнёс он вслух.

Думал, никто не слышит. Ошибался.

— Тяжёлый случай, мужик, — посочувствовали ему. — С перепою, что ль?

Возле стеклянных дверей сидел нищий в инвалидной коляске, грелся на солнышке. Безногий. А у Барсукова видок и вправду был нездоровый: болезнь, переживания, усталость, всё вместе. Пешком, вот, пёрся от метро.

— Не с перепою, а с перепугу, батя, — ответил он.

И вдруг заметил...

В картонной коробке для мусора, поставленной возле ларька с шавермой, рылась девочка.

Он двинулся к ней, ускоряясь и ускоряясь, пока не сорвался на бег. Знакомая куртка, знакомые джинсы с обрезанными штанинами... Кроссовки с веревками вместо шнурков... Она? Неужели — она?!!

— Привет, — тронул её Барсуков за плечо.

Беспризорница вскинулась и спрятала за спину пустую бутылку из-под пива, как будто кто-то собирался отнять у неё добычу. Постреляла глазами по сторонам, выбирая, куда бежать.

Живая, из плоти и крови. Он-то думал — призрак. Это в лучшем случае. В худшем, — глюки и пора в психушку. Оказалось, она существует...

Это был шок.

— Вот и встретились, Мотылькова, — сказал Барсуков через силу.

Она смотрела насторожённо, выжидающе. Привычно тряхнула кистью свободной руки, проверяя, на месте ли бубенчик... такой знакомый, такой *жутко* знакомый жест...

— Ты чего?

Она отпрыгнула на два шага и замерла на полусогнутых. Кошка, готовая сигануть при первом признаке опасности.

Барсуков растерялся.

— Придуриваешься? Это ж я!

Не узнавала. Очевидным образом — не узнавала его. Без обмана, без притворства; ребёнку так не сыграть.

Он подался в её сторону, но даже одного этого намерения хватило, чтобы она сорвалась с места и скрылась за ближайшим павильоном. Выждав, не погонятся ли, высунула мордочку уже из-за другого угла.

Подкатил нищий в коляске.

— Ты чего хочешь, мужик?

А правда, чего Барсуков хотел? Объяснил бы ему кто-нибудь...

— Родственницу ищу, — сказал он, поддавшись внезапному импульсу. — Сбежала из приюта.

— Нашёл?

— Вроде как да. Вон. — Барсуков показал.

— «Вроде как»... — Убогий оскалился беззубым ртом. — Понимаем. И кто она тебе?

— Племянница.

— Ах племянница! Купи Птахе шоколадку, страсть как их любит. Тогда и убегать не станет.

— Нет, вы не подумайте чего плохого...

— Здесь, мил-человек, думают желудком, иначе долго не протянуть. Всё остальное хорошо. Если ты нащёл своё счастье — не забудь его сначала покормить... и про друзей не забудь.

— Конечно, — Барсуков торопливо сунулся в поясную сумку, достал сотенную и положил калеке в приготовленную для этого шапку. — Здоровья тебе, батя.

— Спаси тебя Господи, мил-человек, — покивал тот и перекрестил его быстрым заученным жестом. Огляделся и прошептал: — Если пристанет кто — больше «пятихатки» не давай. Ну, «штука» — красная цена.

— Спасибо, учту, — удивился Барсуков, хоть и мало что понял. — Ты ведь тут свой, да? Скажи, а эта девочка, Птаха... Она всегда такая странная?

— Так дурочка она.

— Дурочка?!!

Сказать, что Барсуков был потрясён, — ничего не сказать.

— Ну да, дефективная. Почти не разговаривает. А что?

— Я помнил её совсем другой... Ночует на вокзале?

— Вокзал на ночь закрывается. На Тамбовской есть дом на расселение, пустой. Там — большинство наших. Вообще-то Птаха прибилась к нам не так уж давно...

— В марте, я знаю.

— Так ты, это, без балды? Родственничек?

— Да, — твёрдо произнёс Барсуков. И сам на секунду поверил в это. — Долго не был в городе. Приехал, а мне заявляют — ребёнок в бегах. Жалко девчонку, и без того несладко живётся...

— А чего несладко-то?! — неожиданно вскипел калека. — Другим сладко, что ль? В воровство её не вовлекают, ну просят иногда отвлечь клиента, чепуха! У ларьков всегда жрачка остаётся. Опять же в гостинице ресторан есть, к нам как раз ихний зад выходит. В мусорке иногда такие стоки бывают, хоть банкет устраивай!.. Вот ты называешь меня батей, а знаешь, сколько мне лет? Двадцать шесть! И кому из нас несладко?

— Извини, — сказал Барсуков. — Тебя тоже жалко.

— Пошёл ты в жопу, интеллигент.

— Просто я очень волнуюсь, — сознался Барсуков.

Девочка грызла шоколадку торопливо и жадно, как хомяк, искоса посматривая на доброго дядю. Боялась, что отнимут. Обёртку она сразу выбросила, а плитка в грязных ручонках таяла, пачкалась.

Временами взгляд её казался осмысленным и совсем не детским... точно таким, как *тогда*. В эти секунды Барсуков вздрагивал и всматривался в неё — снова и снова.

Нет. Показалось. В глазах её были только тоска и недоверие. Не мудрость, а всего лишь страшный жизненный опыт...

Когда с лакомством было покончено, он спросил:

— А ты знаешь, кто я такой?

Фраза была тошнотворно фальшивой и смутно знакомой: то ли из кино, то ли ещё откуда. Девочка молчала. Она была занята: облизывала грязные пальцы.

— Я брат твой.

И мир на секунду застыл. Застыли пальцы ребёнка, затвердел воздух. Произнесённое слово повисло между людьми, как мост над пропастью.

Брат...

Девочкин взгляд метнулся по лицу Барсукова и юркнул в сторону, как испуганный зверёк.

— Пойдёшь со мной? — Он протянул ей руку.

Она осталась неподвижна. Смотрела в землю, напряжённо сведя брови: о чём-то думала. Внезапно решившись, вытащила из глубин куртки сложенную бумажку — из тайника за подкладкой. Развернула. Это оказалась фотография, старая, почти стёршаяся.

Губы, измазанные шоколадом, шевельнулись:

— Мама... — Она потыкала пальчиком. — Папа...

Барсуков посмотрел. Женщина и мужчина. Женщина незнакома, но мужчина... Барсукова прошиб пот. Не может быть, не бывает такого...

Медленно, как в трансе, он достал блокнот, вынул оттуда мятую карточку, подобранную на детской площадке, — ту, что порвал и выкинул Василий. Сравнил. Человек, которого девочка назвала папой, был постарше, в свитере и без галстука. Заметно подержаннее молодого красавчика с порванной фотографии... но это был один и тот же человек! Несомненно.

Девочка тоже посмотрела, тоже сравнила...

Что же получается? У Птахи и Василия — общий отец?

Барсукову стало плохо. Он поискал, куда присесть, и не нашёл.

Что матери разные — это понятно, мужик бросил жену с сыном, сбежал из провинции, нашёл новую женщину, заделал ей дочь. По всей видимости, умер, то ли до, то ли после рождения ребёнка. Замёрз по пьяни на улице, сказала Мотылькова — *та* Мотылькова, вышедшая из ночных кошмаров. А эта проблемная и бесприютная девочка, глядящая сейчас на Барсукова с немым восторгом, значит, сводная сестра белкинского сожителя? Василий — брат её? Но ведь ревнивый урод похоронил себя заживо, нет его больше... Барсуков, покусившись на чужую женщину, лишил сироту единственного родного ей человека...

Вот она, разгадка.

Мозаика сложилась. Разрушив что-то, мы берём на себя последствия того, что разрушили.

Непонятно лишь, чьей волей всё-таки явлена была спасительница, она же посланница... или не было никакой посланницы? Ни к чему трогать высшие силы, достаточно человеческих. Кто знает, на какие чудеса способен отчаявшийся ребёнок, сам того не подозревая...

Барсуков сел на корточки и притянул к себе девочку. Она с готовностью прижалась, обхватив его слабыми руками. Он изучающе взглянул ей в глаза. Она пугливо спрятала лицо... Да ну, что за ерунда, одёрнул он себя, стряхивая наваждение. Тоже, нашёл ребёнка-индиго! Воспламеняющую взглядом, гы-гы. Нормальная беспризорница с кучей страхов, ошалевшая от радостных новостей, грязная, вонючая и кругом беззащитная. Так ли важно доискиваться до причин сегодняшней встречи?

Совершенно не важно.

Барсуков встал. Птаха схватила его за руку, вцепилась в его руку, повисла на его руке — и больше не выпускала. До самого дома...

Впрочем, так просто уйти им не дали.

— Документики, — попросил мент, жуя гамбургер.

Откуда он взялся? Подошёл не с вокзала, а со стороны завода «Госметр». Ремень под брюхом, фуражка на затылке. Капитан такой-то, транспортная милиция, линейный отдел.

— Нету с собой, — сказал Барсуков по-наглому.

Мент улыбнулся:

— Ай-ай-ай. Пассажир без документов — непорядок.

— Я не совсем пассажир...

— А фамилия у вас есть, не совсем пассажир?

— Бар... Лисицын.

— Бывает. Кстати, у моего бати под Кишинёвом такая охота — м-м-м! Кабаны, зайчишки. Фазаны непуганые — сами в силок лезут, в очереди выстраиваются... Так вот, гражданин хищник, объясните, если сможете, на каком основании, куда и зачем вы тащите эту девочку? — Он погладил Птаху по голове.

Она отдёрнулась. Ненависть в её глазах кого другого с ног бы сшибла.

К разговору спешил давешний инвалид, терзая коляску. Кричал ещё издали:

— Казимирыч! Не обижай хорошего парня! Это из своих, я его знаю!

— Ручаешься?

— Зуб даю, — ощерился калека, подъехав.

— Что ты можешь мне дать, кормушка щербатая? Вот он шныряет тут без паспорта, без проездных документов, успел подружиться с ребёнком, и всё это — не спросив разрешения. Нельзя у нас без разрешения. Без моего разрешения. Я его конкретно понимаю, мужчина любит *девочек*. Кто их не любит — маленьких, доверчивых... Это нормально.

Мент обращался к попрошайке, словно никого другого и не было рядом. Барсуков между тем тоже всё понимал «конкретно». Нарвался на местного феодала, взявшегося править и суд вершить. По-русски — пахан, хоть и в форме. Так ведь в форме оно даже сподручней.

— ...Но мы тут живём дружно, у нас тут эта, как её... гармония, — продолжал «феодал», слизывая с бумажки кетчуп. — У нас всё на учёте и контроле. Ты говоришь — он свой, а таких вещей не знает... Я вынужден, просто вынужден доставить его в дежурку на предмет установления личности. Подержим сутки-двое в «обезьяннике»...

Милиционер, кряхтя, выудил из ботинка носовой платок и тщательно протёр руки.

От разговора повanивало, если не смердело.

— Погоди, старшой... — начал было нищий, но Барсуков вмешался:

— Вспомнил, товарищ капитан! У меня есть студенческий.

Он полез в сумку, замешкался, что-то там химича, а затем подал начальнику блокнот, зажав пальцем страницу. Тот задумчиво глядел секунду-другую.

В блокнот были вложены студенческий билет и пятисотрублёвая купюра.

— Это чуть меняет дело, — просветлел капитан, раскрывая корочки. Скользнул равнодушным взглядом по фамилии. — Ага, Барсуков... Лисицын, значит, творческий псевдоним. Здесь это почему-то не отражено... Короче, не хватает ещё пары таких же, — кивнул он на купюру. — Исправь.

— Не, ну, командир! — взбунтовался Барсуков. — Многовато!

— С дуба рухнул, студент? Она ж малолетка. На Московском такие до десяти «штук» стоят.

— За полторы «штуки» можно двоих купить прямо возле метро. Или даже за горячий обед, а за коробку зефира они вообще что хочешь тебе сделают!

— Можешь купить — покупай. В другом месте...

И пошёл торг. Барсуков отдал бы и две, и три тысячи — всё бы отдал, что с собой было, — однако словами управляла гнусная ситуация. Если б этот опогоненный хозяйчик заподозрил, что девочку уводят насовсем, — всё бы погибло.

Наглядный пример разложения государственной власти в эпоху господства денег, хоть курсовик по экономике пиши.

Калека, слава Богу, помалкивал: должно быть, сочувствовал Птахе. Видел, КАК она держится за Барсукова. Мент этого не замечал, не та жизненная школа. Хотя, возможно, инвалид просто отрабатывал сотню, которую получил за короткий разговор по душам...

Сошлись на тысяче — как и было предсказано.

— Девчонку вернуть не забудь, — напутствовал товарищ капитан. — Двух часов хватит? Проверю.

Было ясно, что он выбросит юродивую малолетку из памяти, едва шальная тыща осядет в милицейском общаке.

Город на песке

Прилично одетый молодой человек и юная оборванка чинно, рука об руку, идут к Лиговке: там они сядут на трамвай и доедут до метро. На эту парочку откровенно посматривают — слишком велик контраст.

Что ж я делаю, думает молодой человек. Она ж тут неплохо устроилась. Вокруг старый город, всегда есть где заночевать. Рядом гостиница с роскошными стоками. Спит на полу, завернутая в газеты, днём побирается. Живёт в симбиозе со взрослыми бомжами. «Гармония» у них... Может, и пользовали её уже — за «пятихатку», максимум за «штуку», осевшую в карманах какого-нибудь дяди в милицейской форме... а то даже «за так»...

Романтика!

Но до чего же зыбка земля под нашими ногами... Вот вам ребёнок, недоверчивый до крайности. Девочка, ждущая от взрослых только гадостей. И оказалось — достаточно сказать, что ты её брат, чтоб она пошла с тобой куда угодно. Отчаяние и надежда двигают людьми, приводя кого-то к гибели, а кого-то к спасению... Так куда герой этого рассказа ведёт маленькую жертву?

Всего лишь к себе домой.

Дальнейшее — в тумане.

Предстоит каким-то образом легализовать барышню, изводит он себя тоскливыми думами. Временно прописать, в школу определить. Логопеда найти... И всё — на обмане, иначе никак. С детдомом не свяжешься, опеку не оформишь. Проблемы, проблемы... Мать убедить — ох, проблема! А также скрывать собственную мать от Птахи — сколько удастся... Дурдом!

И ещё — как быть с дипломом?

Похоже, кругом задница. Новая зыбучка. Единственное, что он реально может сделать, это почистить её любимый бубенчик, вернув талисману голос...

А Мотылькова, впорхнувшая в жизнь молодого человека, наоборот, ни о чём особенном не думает; она просто счастлива. Знала, что брат придёт, — и он пришёл. Брат был заперт, но она выпустила его. Это случилось ночью, совсем недавно. Он бился в закрытые ворота, пачкая руки грязью, пытался открыть их маленьким смешным ключом, плакал и ругался... она нашла в воротах дверцу и открыла. Всё — для него. И пусть её утром побили за то, что она кричала во сне. Она-то знала — никакой это был не сон!

Сейчас Мотылькова жалеет об одном: что её не видят детдомовские.

Во рту — вкус шоколада. До сих пор.

...Проходя мимо открытого дворика, отделённого от улицы лишь газоном и железной изгородью, он замечает большую благоустроенную песочницу с домиком в форме ракеты. Малыши копошатся в песке, ссорятся из-за игрушек. Кто-то, наоборот, объединяется в строительные бригады — строят замки и города.

На песке...

Молодой человек застывает, загипнотизированный этой картиной.

Родители — идиоты! Ничего не понимают. Слепо доверяют — чему? Ведь в любую минуту, в любую секунду...

Земля под ногами вздрагивает, как спина гигантского животного, как панцирь черепахи, на которой стоит мир. Страшная трещина бежит по асфальту. Упасть на четвереньки, закрывая собой сестру... он справляется с паникой. Это разум дал трещину, а вовсе не старый асфальт, изуродованный давними морщинами. Просто трамвай прошёл. Просто метро в глубине напомнило о себе; а может, где-то обрушили дом, назначенный на снос.

Барсуков опускается на корточки и разворачивает девочку к себе. Руки его дрожат.

— Прости меня, — произносит он сквозь спазмы в горле.

Прости и помилуй, зачем-то добавляет он мысленно. Прости и помилуй меня, грешного...

Она вдруг целует брата в ухо. Неловко и быстро, как птичка клюнула. Он отшатывается.

— Ты чего?

— Ты хороший.

— Не делай так больше.

Она смотрит долгим взглядом на детскую площадку и бормочет:

— Жизнь удалась... Элита чёртова...

Он цепенеет. Не знает, как реагировать... что спросить... Спрашивает она — забрасывает его милыми детскими вопросами:

— А где твоя, ну, эта... на голове... — показывает, как надевают кепку. — А чего ты тогда плакал? «Это — всё. Не могу больше...» А что такое элита? Не плачь, пожалуйста! Я это... тут... смотри... вот...

И пока изумление в его глазах сменяется пониманием, а понимание — ужасом, она, хихикая, достаёт из куртки ту тысячу, которую незаметно увела из кармана зловредного мента.

2009

Олег Дивов

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Подобно Черному Альпинисту или Белому Спелеологу, городские привидения тоже предвестники беды. Так и должно быть, ведь их история всегда трагедия, все они — призраки невинных жертв. Вот по тоннелям метро шатается Черный Обходчик, и ничего хорошего встреча с ним не обещает, он только зовется обходчиком, на самом деле это тень одного из проектировщиков метрополитена, знаменитого инженера, которому агенты НКВД устроили под землей «несчастный случай» по личному указанию Ежова: то ли инженер отверг любовные домогательства наркома, то ли был троцкист по жизни, да кто теперь разберет и кому теперь надо.

Куда менее известен Черный Диггер, и неспроста — не приведи бог столкнуться с ним в теплотрассе. Черный Диггер — пугало бомжей, ни один, повидавший его, потом не протянул и месяца. Уверяют, что это призрак диггера, которого завалило при попытке вскрыть стародавний подземный ход под Кремль; копали вдвоем, напарник был на него чем-то обижен и бросил умирать под землей. Исследователи городских коммуникаций сначала посмеиваются над этой историей, а потом слово в слово за бомжами говорят: Черного Диггера легко узнать по тому, как он задушенно пыхтит и скребется, но только упаси вас бог...

Обходчик, Диггер и им подобные не имеют четкой локализации на городской карте, они могут появиться где угодно. В последние годы преобладает мнение, что их таких по несколько, и у каждого свой ареал. Возникла эта идея логично: в городе хватает загадочных сгустков инфернальной материи, явно родственных вышеназванным и явно же привязанных к определенному месту.

Например, в одном из секторов Главного здания МГУ есть заброшенные этажи (их тридцать лет как собрались ре-

© О. Дивов, 2011.

монтировать да позабыли), по которым ходит, сдавленно вскрикивая, Черный Первокурсник. Его заманил туда и забил насмерть кирпичом ревнивый одногруппник — хотя есть разные версии. Некоторые говорят, что покойный был членом оперативного отряда университета и заигрался в сыщика: он отслеживал пути, по которым в МГУ поступают наркотики. Такой студент действительно был, только убили его в середине 1980-х совсем иначе и в другом месте. Впрочем, на то и университет, чтобы там убили много разных студентов.

Особый случай — Черный Ассистент, обитающий на цокольном этаже АСК-1, больше известного как «телецентр в Останкино». Призрак вроде бы молчаливый и не страшный — мелькнет вдали чья-то спина да исчезнет. Странность в том, что привидения вообще-то терроризируют другое здание телецентра, АСК-3, их там целых трое: Рыжая Собака, Белый Пар и Горбатая Старушка. Внутренняя конфигурация АСК-3 сама по себе легенда, в нем теряют ориентировку и блуждают по полчаса даже бывалые сотрудники телевидения. Вдобавок под зданием скрывается знаменитый Замурованный Бульдозер: чего от него ждать, никто не знает, но ждут — с содроганием... Напротив, АСК-1 считается местом, вполне пригодным для жизни. Но иногда в его бесконечных коридорах со внезапно (и нелогично) возникающими боковыми отростками, тупиками, странными изгибами появляется тот самый Черный Ассистент. Легенда гласит, что это был молодой и неопытный ассистент режиссера, которого послали, не подумавши, на другой конец здания, а он так и не вернулся. Ушел, как говорится, с концами. Но скорее всего это именно легенда. И после встречи с Черным Ассистентом никто вроде даже не заболел. Хотя обитающая через дорогу Горбатая Старушка — как минимум к покойнику, а бывало и похуже.

И совсем отдельная история — Черный Бригадир. Во-первых, он белый. Во-вторых, настоящий бригадир. В-третьих, смерть его была поистине страшна и загадочна. Случайная жертва «холодной войны», бригадир проходчиков свалился в шахту лифта при строительстве защищенного командного пункта «ОГ-42» под Таганкой. Тело из шахты пропало, его нашли только через три дня, в дальнем конце тоннеля, целехонькое, но без кровинки. С тех пор уже полвека бледного,

как смерть Черного Бригадира видят в подземельях системы гражданской обороны. При удачном расположении звезд последствия встречи ограничиваются приступом бытового пьянства.

Конечно же, к рассказам о городских привидениях надо относиться критично. Таинственный Черный Таксист при ближайшем рассмотрении оказался вполне реальным серийным убийцей, а Большая Черная Московская Крыса — первоапрельской выдумкой журналистов.

Определенные сомнения вызывает и Черный Лукич.

Хотя в последнее время его видят все чаще и в таких местах, что призадумаешься: не решил ли старый черт замолить свои грехи.

Политтехнолог Ключевский подъехал в студию к концу вечернего прямого эфира.

— Рейтинги — во! — сказал он продюсеру Ане. — Для партизанского телевидения просто зашибись.

— Вашими заботами. — Аня слегка поклонилась в ответ. Она уже привыкла, что хозяин обзывает их интернет-канал всякими уничижительными словами. — Такой шикарный круглый стол я бы сама смотрела не отрываясь...

Гости на передачу сошлись и правда зажигательные. Трейдер Герасименко рассказал про российскую «нефтянку» столько, что хоть сейчас закрывай канал и беги из страны, пока не посадили. Депутат Шугаев тоже был хорош — вовремя его одернули, а то бы доболтался до призывов к свержению строя. Ну и адвокат Страхов нагнал ужаса на публику.

Эти трое давно не виделись (вообще-то они приехали не столько на эфир, сколько в гости к Ключевскому) и на радостях от встречи так раздухарились, что четвертый гость программы, «прогрессивный мыслитель», а по-простому говоря, профессиональный русский Беленький против обыкновения вел себя смирно, только реплики вставлял. Ему просто не дали времени себя показать. Но Беленький сидел довольный: он предвкушал, как они сейчас закатятся в кабак и наговорятся всласть за все годы, что встречались на бегу. Отлично Ключевский придумал, нашел повод собрать ребят наконец-то.

Ключевский в это время стоял за прозрачной стеной аппаратной, глядел на заматеревших «ребят» — каждому хорошо за сорок — и тоже радовался, как он это здорово придумал. Звал бы посидеть-поболтать, не собрались бы, а тут сбежались как миленькие: нет в столице второго такого канала, где можно оторваться по полной, говорить правду без оглядки. Прямо сейчас, пока не прикрыли.

Ключевский не рассчитывал, что его «партизанское телевидение» протянет так долго. Пару лет назад он поднял на ноги загибающийся интернет-канал, привел в учредители правильных людей, которым интересна была независимая дискуссионная площадка. Новые учредители тоже не надеялись, что затея долго проживет, но решили попробовать. Уж больно заманчивая идея — свое телевидение, совсем как настоящее, маленькое только, а глядишь, вот немного удачи, и в большое вырастет... И все же как взялся Ключевский за это дело, готовый закрыть его и забыть, так и вел по сей день. Не мог отделаться от мысли, что участвует в детской забаве, милой игре, из которой его рано или поздно взрослые дяди попросят выйти.

Он мог очень многое в этой стране, однако у него тоже были свои пределы дозволенного, как у любого тут, будь ты хоть премьер-президент.

Но пока что ему было хорошо. Вот здесь — хорошо.

У Ключевского были особые причины любить свой телеканал. Он неспроста старался почаще сюда заезжать. Временами накрывало ощущение, будто ему тут улыбаются стены. Насколько он знал, никому и в голову не приходило, какие воспоминания связывают генерального продюсера с этим местом.

Эфир закончился, гости привычными движениями отстегивали микрофоны, ведущий Дима отдувался и мотал головой, словно запаленная лошадь. Ему сегодня туго пришлось. Трейдер Герасименко что-то сказал депутату Шугаеву, все засмеялись. Адвокат Страхов достал из-под стола портфель, который всегда носил с собой будто ядерный чемоданчик, и расстегнул замок. Прогрессивный мыслитель Беленький облизнулся.

— Ну... Распорядись, чтоб накрывали на стол! — сказал Ключевский Ане и вышел к друзьям.

Помещение, где работал телеканал, с непривычки могло ошарашить: уж больно тут все отличалось от Останкина с его «коридорной системой». Входя, ты оказывался в огромном зале с редкими колоннами. Вдоль стен за хлипкими стеклянными перегородками — «офисы», в правом торце прозрачная стена аппаратной, а перед ней совершенно открыто расположилась «студия» — просто большой стол, окруженный камерами и условно отделенный от зала стенкой-монитором. Во время эфира на заднем плане кто-то постоянно ходил по своим делам, а то и бегал, и это шевеление придавало картинке дополнительную живость, эффект того, что все взаправду. По-настоящему закрытых мест тут было всего два: гримерка, она же гардеробная, да туалет.

Под потолком змеились коммуникации.

Посреди зала красовались два облезлых железных чана, превращенных в цветочные горшки — если так можно назвать нечто размером со скромную клумбу.

В уголке у входа притулился на невысокой тумбочке персональный любимец Ключевского: бюст Ленина, выкрашенный черным. Краска осыпалась местами, обнажая белую гипсовую натуру вождя мирового пролетариата. Левый висок статуи, обращенный к стене, был проломлен. Не иначе, кто-то дал вождю по черепу в припадке пролетарского гнева. А может, просто уронили.

Короче говоря, обстановка на канале была творческая.

Завидев Ключевского, гости побежали к нему обниматься. Только адвокат остался на месте. Запустил руку в свой портфель, извлек бутылку коньяка и сказал через плечо:

— Ну-ка, мечи стаканы на стол.

— Погоди, сейчас будет скатерть, а то так уделаем...

— А мы разве не?..

— Ребята, — сказал Ключевский. — В городе пробки на девять баллов. Центр просто стоит. Места, куда можно легко добраться... Там шумно. А в правильное место, где не шумно, мы приедем часа через два. В общем, предлагаю начать прямо здесь, а дальше по обстоятельствам. Я подготовился. Что скажете? У нас тут все есть, уверяю.

— Главное, у нас есть мы, — сказал адвокат Страхов. — Пока еще. Надо ловить момент.

— И девчонки симпатичные, — сказал депутат Шугаев. — Надеюсь, ты не отправишь их по домам? Тем более пробки.

— Лично мне обстановка нравится, — сказал прогрессивный мыслитель Беленький. — Тут здорово. И от добра добра не ищут.

— Обстановка — внушает, — сказал трейдер Герасименко. — Я прямо родной завод вспомнил, чтоб ему ни дна ни покрышки.

— Вам разве не говорили?.. Это и есть завод. Кондитерская фабрика.

— Да знаем, знаем, девчонки твои все уши прожужжали, — Шугаев усмехнулся. — Они так гордятся... По-моему, даже обиделись, когда я не проявил особого восторга.

— Просто они в отличие от нас никогда не работали на заводе, — предположил Беленький. — Не знают, с чем это едят.

— Я не работал на заводе, — сообщил Страхов и со звонким чпоканьем выдернул пробку.

Подумал и добавил:

— Я работал с заводами. Это считается? И где стаканы, черт возьми?..

— Просто это кондитерская фабрика, — повторил Ключевский. — Девочки как представят, сколько тут делали вкусного... А вы скучные дядьки, начисто лишенные воображения. Да тут запах только в прошлом году окончательно выветрился! Вон те горшки — знаете, что такое? Это чаны. Мы сейчас в шоколадном цеху. В чанах шоколад варили! Вы представьте!

— Производство-то вредное, — скучным голосом сказал Шугаев.

— Не вредное.

— А я тебе говорю, вредное.

— Это смотря в каком цеху.

— Производство вообще дело вредное, — сказал Страхов, отодвигаясь от стола, на котором продюсер Аня и помреж Леночка расправляли скатерть. — Что гражданское, что уголовное...

— Чарли и шоколадная фабрика, — произнес Беленький нараспев и толкнул Ключевского в плечо. — Детские мечты, а?

— Да ну тебя, — сказал Ключевский.

— А вы обратили внимание, какой тут роскошный Лукич? — спросил Герасименко. — Черный! Мечта всей жизни. Интересно, кто его так...

— Покрасил?

— Долбанул по черепу.

— Уронили, наверное.

— Нет и еще раз нет, — заявил Беленький уверенно. — Я прямо вижу, как это было. Конец восьмидесятых. Перестройка и ускорение, журнал «Огонек», академик Сахаров выступает на съезде КПСС... И потомок врагов народа, пьяный в дупель пролетарий, врывается с кувалдой в партком шоколадной фабрики! И на глазах перепуганного секретаря, решившего, что вот и смерть его пришла, — хрясь!..

— Всегда говорил, что у тебя больное воображение, — сказал Шугаев и поежился.

— А вот и стаканы наконец-то! — обрадовался Страхов.

— И колбаска! — обрадовался Герасименко.

— К столу, друзья, — сказал Ключевский.

Через час все были в дугу. Они пытались обсуждать какие-то серьезные вопросы, но это оказалось скучно. Гораздо важнее было вместе вспоминать. Наверное, повлияла обстановка. Стены шоколадного цеха будто подсказали: ловите момент, ребята. С кем еще поговорить про свою отчаянную молодость, сумасшедшие девяностые годы, как не с такими же. А ты помнишь? Нет, а ты помнишь?

Вскоре к столу подтянулись режиссер Митя и ведущий Дима.

— А девочки?.. — забеспокоился Шугаев.

Позвали и девочек.

К исходу второго часа разговоры приобрели смысл глубоко философский, а если хорошо прислушаться, отчасти даже метафизический.

— Впаривать бабушкам пылесосы по сто тыщ рублей — за это морду надо бить! — кричал Герасименко. — Я вообще не терплю в делах никакого обмана. Поэтому работаю с нефтью. Чистый бизнес: кроме документов — ничего. Ни у меня, ни у кого. Никто этой нефти в глаза не видывал. Только бумажки. Такая ролевая игра.

— Одинаковые. Пусть не внешне, но внутренне — как шнурки, — говорил Страхов Ключевскому. — Все одинаковые. И я одинаковый. Почему и склоки постоянно. Глядишь в человека, как в зеркало, — сразу плюнуть хочется в эту мерзкую рожу.

— Прекрасно сказано. — Ключевский кивал, приобняв Страхова за плечо и глядя, как тот разливает коньяк. — Полностью согласен. В нашем деле та же фигня. Я давно заметил, кого ни возьми — пыжатся все, пыжатся... Бесплодные попытки возгонки нарратива до состояния дискурса.

— Надо это записать, — восхищался Страхов и шарил под столом в поисках портфеля. — Ты мне это продиктуй. А то у меня на днях процесс...

Шугаев тем временем затесался между Леночкой и Аней и давил на жалость, описывая, как трудно быть народным депутатом.

— Решил — из принципа не пойду на заседание. И не хожу. Просто не хожу туда. День не хожу, два, неделю, другую — никакой реакции. Месяц не хожу: по фигу! Сижу теперь и думаю, в чем дело — это я такой неприметный или они такие раздолбаи...

— Вы очень даже приметный! — уверяли его женщины хором.

— Бабушка говорила, что вроде бы прадедушка... Или черт его знает кто, — рассказывал Беленький ведущему Диме. — Ну, при царе когда. Короче, ремесленник был. Держал мастерскую по заточке напильников.

Дима незаметно отодвинулся от прогрессивного мыслителя подальше и бросил затравленный взгляд на шефа. Но Ключевскому было не до него. Он жаловался Страхову на личную жизнь.

— Вот ты говоришь, я гуманитарный технолог, обязан в женщинах понимать. А я не понимаю! Не въезжаю, чего им надо. Чего им надо вообще. Редкая ясность в частных вопросах: дай денег, хочу ребенка, купи шмотку, пора на курорт. А вот глобально — тьма и ад кромешный. Может, они не люди?! Ты, адвокатище, объясни мне!

— Одинаковые. Пусть не внешне, но внутренне — как шнурки, — объяснял ему Страхов. — Все одинаковые.

Режиссер Митя встал из-за стола и преувеличено четким шагом удалился в туалет.

— И этот одинаковый, — сказал Страхов, провожая его сочувствующим взглядом.

— Друзья мои! — воскликнул Шугаев. — Я должен сказать. Это важно. Потому что я люблю вас. Вы должны знать правду!

Он поднялся на ноги и ленинским жестом выбросил над столом руку со стаканом. Из стакана плеснуло коньяком, правильно Ключевский сообразил насчет скатерти, этому столу завтра снова работать на телевидении.

— Друзья! — провозгласил Шугаев. — Каждый из нас задавался вопросом: почему, собственно, они — ну, вы поняли, — они... Почему они воруют? Рассказываю. Они воруют чисто от неуверенности. Они просто не отдают себе отчета, до какой степени нам все по фигу. Я бы на их месте не воровал, а расстреливал! Каждого десятого. Просто так, для развлечения. Потому что можно. Потому что тут, в России, можно всё. Вам же по фигу. Будьте здоровы!

Шугаев выпил и рухнул на стул между Аней и Леночкой. Все за столом тоже выпили, не чокаясь, словно по покойнику. В бывшем шоколадном цехе воцарилась хмурая тишина.

— Как правильно вы сказали, — подала голос Аня. — Как верно. В России всем по фигу. Что отдельный человек, что целая область, в которой работали люди... Это можно разворовать, уничтожить... И людей погубить. И всем по фигу. Я просто сама видела.

— Что видела, дорогая моя? — подбодрил ее Шугаев.

— Когда эти негодяи развалили Советский Союз, — начала Анечка, — это был такой ужас...

Друзья скривились, один Шугаев — мастерство не пропьешь — сохранил на лице маску понимания и сочувствия. Они все родились во второй половине шестидесятых и застали СССР в таком непотребном состоянии, что сами бы его развалили, только он и без их помощи рухнул... Продюсер Аня была из следующего поколения и, по их понятиям, лучше бы на эту тему молчала. Чего она видела в том Союзе — детский сад да начальную школу.

— Да что ты помнишь про тот ужас! — отмахнулся Герасименко. — Сколько тебе было лет! Ничего, что я на «ты»?..

Настоящий ужас — это когда ты кладовщик, пахал весь день, к ночи проголодался как собака... А съедобного на складе только ящик амаретто и пять бочек маринованного папоротника! Ребята утром реально пересрали, когда меня там нашли...

И потянулся к бутылке.

— Не перебивай даму! — сказал Шугаев строго.

— Извини, я как-то не подумал, что это твой избиратель.

— Да имей же совесть!.. И что тогда случилось, Анечка? Я так понимаю, это личная история? Развал страны больно ударил по вашей семье?

— Да, по семье, — согласилась Аня, неприязненно косясь на Герасименко. — Мой папа работал в «почтовом ящике». Талантливый ученый, работал на оборонку всю жизнь. В девяносто первом им практически перестали давать зарплату...

— Тяжелый год, непростой, — ввернул Шугаев.

— Было очень трудно, — согласилась Аня.

— Ах, какой вкусный был в том году вермут за двадцать четыре рубля пять копеек... — Герасименко мечтательно закатил глаза. — Брали обычно сразу по четыре, на сто рублей... Ой, извините!

— ...А в девяносто третьем мама познакомилась с одной теткой, у которой был жених Салим. Потом выяснилось что вовсе не мама, а они с ней специально познакомились. И этот Салим предложил папе ехать работать в Ливию. Но папа отказался. Мама рыдала и заламывала руки, вопила, что он не имеет права лишать семью обеспеченного будущего. Деньги ему обещали и вправду сумасшедшие, даже по нынешним временам. Но папа стоял на своем, он не хотел предавать Родину.

— Токо-в-псутствии-адвоката! — нечленораздельно выпалил Страхов.

Все за столом вздрогнули. Адвокат снова уронил голову на грудь. Он, оказывается, успел задремать.

— Мне один раз предложили Родину продать, — громким шепотом сообщил Беленький ведущему Диме. — Я думал, они с ума сошли, а это оказалась лабораторная работа школы внешней разведки...

Дима отодвинулся от прогрессивного мыслителя еще дальше.

— Чего надо было ливийцам в девяносто третьем? — пробормотал Ключевский. — Что хорошего им мог сделать русский ученый? Тем более у них руки из задницы растут... Центрифуги им были нужны, так это не к нам, это к доктору Хану...

Все посмотрели на него, кто с недоумением, кто с легким испугом.

— Откуда же я знаю... — сказала Аня обиженно.

— Нет-нет. Это я так, думаю вслух. Рассказывай.

— Институт загибался, безденежье доканывало отца, и он уходил в себя. В Ливию ему не позволило уехать чувство долга, но и Родине он уже не был нужен. Еще через пару лет папа ушел в себя окончательно и уже не вернулся, он просто сидел целый день и стеклянным взглядом смотрел в одну точку. Некоторые его коллеги к тому времени прекрасно работали в Ливии...

— Бедный ваш папа... — сказал Шугаев прочувствованно. — Несчастная наша страна.

— А почему он отказался-то? — тупо спросил Дима. — Если другие поехали, значит, можно было?

Шугаев строго поглядел на него и украдкой покрутил пальцем у виска.

— Ты дурак?! — почти взвизгнула Аня. — Работать на ядерную программу Ливии, не разгласив государственные секреты, было невозможно! Папа ни за какие деньги не соглашался стать предателем!

— Только в присутствии адвоката! — очень четко произнес Страхов, не просыпаясь.

— Ах, ядерная программа... Ладно, ладно, дурак я, — согласился Дима.

— Тебе просто не предлагали Родину продать, вот ты и не понимаешь!

— Мне один раз предложили... — начал было Беленький.

— Спасибо, я уже слышал, — сказал ему Дима и еще чуточку отодвинулся.

Герасименко погонял за щекой коньяк, проглотил, взял ломтик салями, с видимым наслаждением его обнюхал, отправил в рот и невнятно произнес, жуя:

— Начало девяностых — прикольное время. Помню, жрать нечего было вообще, мать на балконе разводила кур.

Поглядел я на этот курятник посреди Новых Черемушек и подумал: дай-ка для разнообразия поработаю. Через год машину купил, не новую, конечно... Когда обмывали, папане два зуба выбил. В общем-то я его люблю. Так, врезал для профилактики.

— Ты удивительно черствый тип, — сказал Шугаев. — У людей бывают разные обстоятельства. Анечка, давайте я вам налью...

— У людей бывают разные отмазки, чтобы уставиться стеклянными глазами в одну точку, — буркнул Герасименко себе под нос.

— Погоди, Аня, так твой отец был ядерщиком? Оружейником? — спросил Ключевский. — Извини, я не сразу понял.

— Ну да.

— Херня какая-то, — ляпнул Ключевский.

— В смысле?.. — Аня озадаченно помотала головой.

Ключевский глядел на нее через стол и боролся с желанием объяснить, что он имеет в виду. Это было бы просто глупо. Но очень хотелось разложить все по полочкам. Чтобы делать ядерное оружие, нужна целая промышленная отрасль. А сами по себе ученые, да хоть десять ученых, пусть и очень компетентных, ничего не могут. Российские «беглые ядерщики» появились в Ливии уже в девяносто втором — что толку? В том же году почти двадцать наших из Арзамаса-16 оказались вдруг в Ираке — помогло это Хуссейну?.. Как ливийцы ни корячились, сами они не смогли построить ни одной центрифуги для обогащения топлива. А импортное оборудование намертво застряло в Дубае: эмбарго. Вот такая унылая картина сложилась в Ливии к девяносто третьему году, когда «папа отказался продавать Родину»...

А что ему, собственно, предлагали?

А был ли он вообще оружейником?

Откуда взялась уверенность, что его, «носителя оборонных секретов», выпустят из страны? Кому-то такой фокус удался, но это было раньше. К девяносто третьему контроль заметно усилился.

Так что же случилось с папой?

Не рассказал ли он жене сказку, которую теперь с таким чувством повторяет дочь?

Матерь божья... А не рассказывал ли он сказки с самого начала — чтобы выглядеть значительней? Мало ли чем люди занимаются в «почтовых ящиках». А он нафантазировал черт-те чего — и в конце концов сам поверил.

И когда от папы вдруг потребовалось подтвердить свой крутой статус, что ему было делать, несчастному психу, запутавшемуся в своих фантазиях? Естественно, папа ушел в глухой отказ. Закатил сцену. Встал в позу. Эта игра окончательно подточила его нервную систему, вот он и впал в депрессию.

Или еще вариант: они встретились с Салимом, тот увидел, что папа как специалист его не устраивает, и взял назад свое предложение. Это вообще жесть для бедного папочки. Дома-то ждут. Дома-то надеются...

Ну и рыдающая мама тоже хороша. «Не имеешь права лишать семью обеспеченного будущего...» А сама работать не пробовала? Веселая, блин, семейка!..

Ключевский смотрел на Аню и понимал, что будет, если он все это выпалит. Больно ей будет. А ему... Ему-то отчего сейчас так худо?

— Пойду взгляну, как там Митя, — сказал он. — Не заснул ли.

Он встал из-за стола, и его слегка повело. Он был пьян и чертовски зол.

Ключевскому хотелось сказать Ане — бедная ты, бедная, как можно в тридцать лет быть такой дурой, тебя же просто обманывали, отец твой сумасшедший обманывал, выкинь всю эту чушь из головы... К счастью, он вовремя догадался: пьяная откровенность ему не будет стоить ничего, а для молодой женщины это удар в больное место. И ведь она ничего не поймет, только обозлится на шефа. Подумает, он ее ни за что обидел.

А было за что.

И так же, как у Ани, это было для Ключевского очень личное.

Пока Аня ходила пешком под стол, отец Ключевского запускал первый ливийский реактор в Тажуре. Едва началось массовое бегство русских ядерщиков за рубеж, возникли панические слухи о том, что наши сейчас понаделают атом-

ных бомб для всех желающих, включая Каддафи. Отец только смеялся. Спорил на коньяк, что не сделают ничего и никому. А что Ливии не сделают — на ящик. «У ливийцев руки из задницы растут», — говорил он. И был прав: когда в девяносто четвертом Ливии понадобилась всего-навсего АЭС, ее строили из французских и английских комплектующих индийцы, болгары, сирийцы. А ливийцы только молились. И неспроста потом Каддафи публично отказался от своей оружейной программы. Уже в девяностые ее нереально было создать втихую. Как только где-то наклевывается что-то «оружейное», приходят большие дяди и отнимают твои игрушки. У хитреца Каддафи была игрушка, с которой он не мог управиться, — и он ее красивым жестом выбросил.

А в том году, когда к Аниному папе начал подкатывать загадочный Салим, Ключевский-старший пахал как проклятый и еще преподавал. На хлеб с маслом хватало. Он не предал ни профессию, ни себя.

А ведь ему не надо было думать о будущем дочери. У него сын уже неплохо зарабатывал. Отец просто вкалывал. Он так привык.

Поэтому сейчас Ключевский был чертовски зол на совершенно незнакомого ему человека. По контрасту. И еще на Аню. Потому что такая большая, а в мамочкины сказки верит.

Его поколение тоже пичкали слезогонными легендами. Самым востребованным мифическим персонажем был папа-летчик, списанный по здоровью и ушедший с горя в запой (уходить в себя тогда считалось не по-мужски). Папами-летчиками утешали своих детей матери-одиночки: жить с твоим отцом нельзя, но ты гордись, он человек героической профессии и пострадал за это... У самых продвинутых отца выгоняли аж из отряда космонавтов. Тут и Гагарин запил бы.

А у поколения «восемьдесят плюс» во всем виноваты оказались гады, развалившие СССР, в котором их отцы были важными людьми на производстве (как правило, страшно засекреченном). Ключевский много работал с тридцатилетними и выслушал десятки историй о папах, «ушедших в себя», «ушедших в религию» и тому подобное (теперь считалось не по-мужски уходить в запой). Никогда они не шли в автомеха-

ники и водители, грузчики и продавцы, никогда. Скорее уж стали бы кур на балконе разводить. Некоторые истории были, очевидно, правдивы, но сочувствовать душевнобольным Ключевский просто не умел. Он же видел, как эти душевнобольные успевали загадить мозги своим детям. Попадись ему сейчас Анин папа, Ключевский разбил бы его интеллигентную морду.

Надо было что-то делать со всем этим.

Будь Ключевский трезв, он бы спокойно просчитал ситуацию, пожалел бы Аню, запомнил, что она непростительно наивна для продюсера, и оставил бы все как есть. Но сейчас у него в голове занозой сидела мысль: вот раз за разом он будет приезжать сюда, на свою любимую «шоколадную фабрику», — и видеть здесь эту дуреху? Это живое напоминание о том, какие на свете бывают сволочи и как они лгут детям? И не сможет ничего сказать. Ничего объяснить. Но... Не выгонять же Аню за это. За то, что тебе больно на нее смотреть, потому что ее покойный отец — дурак и псих?!

Он заглянул в гримерку и с облегчением вздохнул. В углу на диванчике уютно спал притомившийся за день режиссер Митя. Ключевский боялся найти режиссера в туалете, заснувшим с головой в унитазе. У него вообще что-то разыгралось воображение.

В гардеробной висели дамские сумочки. Ключевский раскрыл одну, нашел расческу, пригляделся — не то. Открыл другую. Снял с расчески пару светлых волос. Намотал их на палец. Вышел за дверь.

Стоило бы еще подумать, сосредоточиться, но решение проблемы уже всплыло в памяти и теперь диктовало, что делать. Ключевский сам не заметил, как оказался у входной двери. Черный Ленин с проломленным черепом таращился черными глазами ему в пупок.

— Ну что, старина... — пробормотал Ключевский. — Давненько, а? Давненько...

Он положил руки на гипсовую лысину и стряхнул волос с пальца внутрь черной головы. Присел перед ней на корточки, уставился в глаза — так напряженно, будто надумал повалить статую взглядом или загипнотизировать ее, — и принялся негромко бормотать не то молитву, не то заклинание.

Камень на камень,
Кирпич на кирпич,
Умер наш Ленин
Владимир Ильич.
Жалко рабочему,
Жалко и мне:
Доброе сердце
Зарыто в земле.
Дедушка умер,
А дело живет.
Лучше бы было
Наоборот!

Произнеся эту тарабарщину, Ключевский выпрямился, похлопал Ленина по лысине и сказал:

— Надо тебя покрасить заново. Будет сделано. Обещаю.

И пошел, слегка пошатываясь, обратно к столу. Там еще остался коньяк, и пора было будить Страхова. А то чего все веселятся, а этот как неродной. Надо радоваться жизни, ты все-таки в шоколадном цеху.

Больше четверти века назад — страшно подумать, сколько воды утекло, — Ключевский работал здесь. Не в цеху, правда, а литсотрудником в многотиражке. Зато пропах сладким насквозь не хуже работяг и всю фабрику исследовал снизу доверху. Здание было дореволюционное, со своей историей, фабрика тоже с историей, поэтому каждый кирпич тут и каждый механизм несли в себе лишние значения, дополнительные смыслы, описать которые Ключевский не мог, но хватало того, что он их чувствовал. Фабрика завораживала, он ее любил. Когда нормальные студенты журфака убегали с занятий пить пиво, Ключевского приходилось уговаривать: пива он, конечно, хотел, но ничуть не меньше ему хотелось забежать на работу, поглядеть, как там дела.

В стране шла перестройка и борьба с алкоголизмом. Накладываясь друг на друга, эти два новшества давали удивительные плоды. В один прекрасный день Ключевской обнаружил, что в редакционном кабинете, где едва помещались два стола с пишущими машинками и электрический чайник, случилось уплотнение: тут теперь стояла тумбочка, а на ней гипсовый бюст Ленина.

«Это из красного уголка. Спасла от верной гибели, — объяснила редакторша. — Правда, в голове дыра. Сказала, отдайте Лукича, пьяные сволочи, я все-таки его читала, он умелый был журналист. Он этим на жизнь зарабатывал, вот прямо как я... И ты представь, услыхали, что журналист, — пожалели...»

«А что было-то?» — спросил Ключевский ошарашенно.

«Получка, что. Нажрались одеколону... Пролетарский суд над пролетарским вождем. За все хорошее. Они же не знали, что он журналистикой зарабатывал, совсем как человек...»

Ленин был хмур и зловещ. Наверное, из-за дырки в голове. А Ключевский молод и весел. И пришел с зачета по «партийно-советской журналистике». Не то чтобы у него на Ленина был зуб, вовсе нет. Он его уважал как публициста. Просто хотелось покуражиться.

«Надо его к делу приспособить. Покрашу в черный цвет, и будет у нас языческий идол, — решил он. — Черный Лукич! Порчу будем наводить на всех, кто нам не понравится. Ага?»

Так и сделали. Было очень весело. А через месяц слесаря-ремонтника, приложившего бюст головой об пол, увезли в психушку. В сумерках тому мерещилось, что за ним неотступно ходит Ленин, подкрадываясь ближе и ближе, вот-вот набросится...

Сказать, что Ключевский тогда испугался, значит ничего не сказать. У него волосы на всем теле шевелились. Все-таки он был сыном физика-ядерщика и отъявленным материалистом. Что и подтолкнуло его поставить серию экспериментов и дотошно зафиксировать результаты. Стало окончательно жутко.

Много позже Ключевский заподозрит: именно фокусы Черного Лукича сделали его политтехнологом в конечном счете. Для начала подвели к мысли о том, как интересно будет изучить науку об управлении человеческим сознанием, если только есть такая. Ленин повелевал массами, а я чем хуже? У нас и профессия одна, оба журналюги...

Потом Ключевского забрали в армию, и самые яркие события перестройки он провел за бетонным забором части. А когда вернулся, первым делом пошел не в университет — на фабрику.

Лукича на месте не было.

«Чуть-чуть тебя не дождался. Директор его увидел и приказал выкинуть», — объяснила редакторша.

Директор оставил работу по состоянию здоровья. Ключевский облазил все помойки, но Лукича не нашел.

Шли годы, многое забылось, а что оставалось не вполне понятным, нашло рациональное объяснение, тем более что работа политтехнолога не располагала к мистике, напротив, там нужна была логика и еще раз логика. Ключевский и думать забыл о самодельном идоле. Он не вспомнил о нем даже когда с некоторым душевным трепетом снова явился на «шоколадную фабрику» — посмотреть, не удастся ли реанимировать один телеканал...

У входа на студию его встретил Черный Лукич.

«В подвале нашли, — сказали остолбеневшему Ключевскому. — Красавец, ага?»

Он пожал плечами. Улыбнулся. И больше на бюст не обращал внимания — не до того было. Кому они интересны, дела минувших дней...

— Врут они, говорю тебе! — доносился от стола голос Беленького. — Ничего не было. Ни Эраста Фандорина, ни графа Монте-Кристо, даже Шерлока Холмса не было. А за собаку Баскервилей я этого гада вообще убил бы. Я из-за нее в детстве обкакался, когда читал. А ее, оказывается, тоже не было!

Ключевский помотал головой, отгоняя воспоминания. Бедный Дима, подумал он, не привык к такому, замучает его Беленький. Мы-то давно знаем все эти приколы.

— ...И это чудовище трахало мою мать! — орал Герасименко. — Нет, девочки, вы не поняли. Я сам не сразу понял, что трахать мою мать может только полное, окончательное чудовище!

— Да вы же такой симпатичный! — кричала Аня в ответ. — Да как вы можете так говорить! У вас были замечательные родители!

Пора закругляться, решил Ключевский. Как все хорошо было задумано, как замечательно начиналось и вдруг наперекосяк пошло. А все эта Аня со своим несусветным папашей!

— Одинаковые. Все одинаковые, — бубнил Страхов. — И я одинаковый...

* * *

Потом Ключевский замотался и не был на канале неделю, решал вопросы по телефону. И тут позвонил режиссер Митя.

— У нас с Аней проблемы. Мы вроде подыскали замену...

— Что такое?

— Нечто, хм... Психиатрическое, я боюсь. По-простому говоря, у нее глюки. Прыгнула в окно, ногу сломала.

Ключевский ойкнул.

— Вы в порядке? — напрягся Митя.

— Палец прищемил, — соврал Ключевский.

На самом деле он, чтобы не взвыть от стыда, чувствительно прикусил губу.

И трубку едва не раздавил в кулаке. Вот же дурак пьяный. Не совладал с эмоциями, а женщине теперь черт знает сколько лечиться. А Лукич-то хорош, хорош...

— Это не суицид, — утешил Митя. — Это вроде как в белой горячке, померещилось, что ходит за ней кто-то, ну она и рванула от него со второго этажа.

Ай да Лукич, подумал Ключевский.

Аню пару дней продержали в «травме», где ей было очень худо, а потом отправили в психосоматическое отделение. Угодила она, как нарочно, в шестьдесят седьмую городскую больницу. Только в таких больницах, корпуса которых соединены длинными подземными ходами, водятся локальные призраки с медицинским уклоном. Как правило, у всех этих Белых Сестричек и Черных Хирургов сильно развито территориальное поведение, и они не станут, подобно какой-нибудь Горбатой Старушке, уживаться с Рыжей Собакой. А если призрак ведет свою родословную из психосоматики...

В шестьдесят седьмой был именно такой Черный Санитар. Откуда он взялся, никто не знал наверняка. Старики, правда, говаривали, что при жизни он работал в морге. А потом по пьяной лавочке уснул как-то в холодильнике... Ну и бродит до сих пор по больнице.

Едва учуяв Черного Лукича, нависшего над одурманенной нейролептиками Аней, Черный Санитар примчался в палату и задал непрошеному гостю такую трепку, что завыли все

окрестные собаки, а из больницы удрали все кошки и добрая половина крыс. Лукич сопротивлялся отчаянно, но куда ему до санитара из психушки. Такому санитару нипочем даже сумасшедший мент при исполнении служебных обязанностей, а вождей мирового пролетариата он вообще пачками вязал и по кроваткам раскладывал.

Аня излечилась так поразительно быстро, что психиатр даже засомневался, а не симулянтка ли она. На работу Аня не вернулась — ей поступило неплохое предложение от одного эфирного канала, скромного, зато как бы совсем настоящего. Она так и не узнала, что это устроил Ключевский.

Сам Ключевский приехал на «шоколадную фабрику», некоторое время стоял, разглядывая Черного Лукича, потом схватил его в охапку и увез в неизвестном направлении. Дима и Митя жаловались потом, что без Лукича скучно и нет прежней творческой обстановки, но Ключевский отрезал: «Он мой!» Подумал и спросил: «Ладно, будем справедливы, что вам сюда поставить взамен?»

Ребята попросили что-нибудь прикольное. Им было тоскливо — канал собирались штрафовать за невосторженный образ мыслей и уже намекнули, что, если не поумнеют, лицензию отберут. Вот вам и независимая дискуссионная площадка. Доигрались.

Замешательству Мити с Димой не было предела, когда через несколько дней под вечер в шоколадный цех ввалились четверо: Ключевский, Шугаев и Герасименко с тяжелым свертком, а за ними Страхов с неизменным портфелем.

Страхов прошел к столу, по-хозяйски уселся, достал из портфеля коньяк и скомандовал:

— Ну-ка, мечи стаканы на стол!

В свертке оказался бюст Сталина, совсем не траченный временем и ослепительно-белый.

— Со склада, — объяснил Шугаев оторопевшим телевизионщикам. — У нас их там много разных, на все случаи жизни. Только Гитлера нету. Интересно, почему...

Бюст водрузили на тумбочку. Сталин едва заметно ухмылялся в усы. Он казался добродушным и совсем не опасным.

— В розовый цвет его надо, — предложил Митя. — С зелеными пятнами. Будет зашибись.

— Смотри не разозли его раньше времени, — непонятно посоветовал Ключевский и ушел к столу. Там уже разливали.

— За Черного Лукича! — и четверо заговорщически переглянулись.

Митя с Димой глядели на них озадаченно.

Вскоре решение о штрафе было пересмотрено. Намеки на отзыв лицензии прекратились. Каналу больше никто не мешал работать и давать людям говорить, что они думают.

А поговорить было о чем. В стране начались какие-то подвижки, вроде бы легонькие, но явно в сторону здравого смысла. Люди будто просыпались от долгого тяжелого сна. Но если бы раньше их быстро по новой приморили, теперь им никто особенно не противодействовал.

И рейтинг премьер-президента уверенно пошел вниз.

По ночным коридорам Московского городского отделения Союза писателей России бродит, смущая охрану, Черный Литератор. В советские годы считалось, что это призрак критика-самоубийцы Н., которого всесильный «писательский министр» Фадеев зачислил во враги народа. Критик сто раз мог погибнуть на лесоповале, но дожил до реабилитации, вернулся в Москву, явился за своим писательским билетом — и прямо в этом коридоре встретил Фадеева. Плюнул ему в лицо, ушел домой и повесился. Фадеев после того случая окончательно запил и вскоре застрелился.

Однако в новейшие времена, когда проверка мифов стала делом несложным, выяснилось, что Н. повесился через пару лет после смерти Фадеева, предварительно успев растратить две тысячи казенных денег. Появилась версия, что Черный Литератор — сам неупокоенный писатель Фадеев, ведь неспроста он шатается на ходу, бурчит невнятное, а кто-то даже слышал, как его рвало в туалете второго этажа. Замечали еще, что привидение странно держит ладони перед собой, будто они у него испачканы, — сразу вспомнилась реплика главного писателя Страны Советов, мол, «у него руки в крови по локоть». Но и тут неувязка: Фадеев несколько месяцев перед гибелью пробыл, как говорится, ни в одном глазу, чем сильно беспокоил Отдел пропаганды ЦК КПСС и натурально пугал

коллег. И персональный аутентичный призрак Фадеева, вовсе белый, а не черный, много раз видали ночами в поселке литераторов Переделкино. Особенно он любил являться писателям, отмечающим присуждение Государственной премии СССР.

Наверное, чтобы не забывали, в какой непростой стране живут.

СОДЕРЖАНИЕ

Синицын Андрей. Сборник системы солера 5
Колодан Дмитрий. Под мостом 9
Громов Александр. Фора 40
Китаева Анна. По ту сторону джера 72
Васильев Владимир. Небо-ТФ 155
Навара Александр и Надежда. Волосов овраг 196
Лукьяненко Сергей. Пророк и Сумрак 206
Березин Владимир. Ночь при полной луне 303
Прокопчик Светлана. Овчарки тоже люди 320
Дяченко Марина и Сергей. Слово погибели № 5 362
Святослав Логинов. Гость с перфоратором 433
Тырин Михаил. Тайная комната 456
Каганов Леонид. Гастарбайтер 485
Овчинников Олег. Операторы всех стран 500
Горнов Николай. Зародыш 519
Казаков Дмитрий. Проводник 580
Шаинян Карина. Овсянка 603
Щёголев Александр. Песочница 628
Дивов Олег. Черные тени Страны Советов 679

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 2б, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Щукинская», ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново,ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ»,3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Новые мифы мегаполиса

Сборник

Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 01.07.11.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 36,96.
С.: ЗЛ-2. Тираж 7000 экз. Заказ № 4124165
С.: (У)Теле-1. Тираж 25 000 экз. Заказ № 4124166

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Нижполиграф»
603006,Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

www.ast.ru
www.elkniga.ru

НОВЫЕ МИФЫ МЕГАПОЛИСА

Перед вами новая книга «Мифов мегаполиса» – самог
успешного тематического сборника в истории совреме
ной отечественной фантастики!

Специально для этой книги отечественный фанта
номер один Сергей Лукьяненко написал новую повесть
мире Дозоров – «Пророк и Сумрак».

Но это – далеко не единственное, что делает «Новы
мифы мегаполиса» уникальными.

Каждое произведение этого сборника основан
на какой-то из современных мифологем больших гор
дов – мистических или социальных, технотронных и
даже экономических.

Многообразие сюжетов и жанров, стилей и направл
ний...

«Темная фэнтези» – и классический «ужастик».

ЛАБИРИН

ЗВЕЗДНЫЙ